АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГОВОРАМ ЭВЕНКОВ ЯКУТСКОЙ АССР

Выпуск четвертый

А. В. РОМАНОВА и А. Н. МЫРЕЕВА

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

Под редакцией *Г. М. Василевич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1971

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГОВОРАМ ЭВЕНКОВ ЯКУТСКОЙ АССР

Выпуск четвертый

А. В. РОМАНОВА и А. Н. МЫРЕЕВА

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

Под редакцией *Г. М. Василевич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1971

7-1-3, 7-4-3

81—1971 (I пол.)

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемые в книге фольклорные материалы составляют четвертый выпуск большой работы по изучению говоров и фольклора эвенков Якутии. Выполняют ее эвенкийки — первые научные работники. С их биографиями мы познакомили читателя в первом выпуске.[1]

Настоящий сборник охватывает разные жанры: песни (для эвенкийского танца и индивидуальные), загадки, сказания, сказки, легенды (о начале платы шаману за камланье, рассказ о ссоре двух семей разных родов), приметы, поговорки и теперь, вероятно, исчезнувшие жанры — обереги-запре́ты и космогонические сказки. Последние интересны в историческом отношении, так как они записаны в одной из древнейших форм (в виде вопросов и ответов) передачи молодому поколению «знаний» предков о природе и ее происхождении.

Если представленные ниже песни характерны только для той группы эвенков, от которой они записаны, то загадки и сказки имеют широкое распространение не только среди эвенков, но и в большинстве своем среди других народов Сибири. В одних случаях их происхождение уходит в глубокую древность, из которой они попали к разным народностям, в других — они могут быть заимствованы эвенками-охотниками от скотоводов — якутов и бурятов, а также от русских земледельцев. Заимствуя то или иное произведение, эвенки несколько изменяли его, в соответствии со своими поэтическими традициями.

Эпические сказания — нимнгаканы — в той или иной мере отразили ранние этапы истории тунгусов. Нимнгаканы Иркисмондя, Хуругочон, Хуркокчон, Тамнани, Деломо-Денуйкон характерны

[1] Выпуск первый: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томмотского говоров. Под редакцией Г. М. Василевич. М.—Л., 1962; Выпуск второй: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. Под редакцией Г. М. Василевич. М.—Л., 1964; Выпуск третий: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь говоров эвенков Якутии. Под редакцией Г. М. Василевич. Л., 1968.

для алдано-учурских эвенков. От верхнеучурских, амурских и сахалинских сказаний они отличаются манерой изложения и большим влиянием как самого якутского языка, так и якутских олонхо. В нимнгаканах мы встречаем, кроме якутских слов, выражений, поговорок и метафор, и такие мотивы, как помощь шаманок, коней, стариков или брата (старшего), эпизоды с превращениями и оживлениями. Частично перенесены и образы верхнего и нижнего миров и названия их обитателей (*аи, авахи*). Как и в олонхо, в этих нимнгаканах основной целью похода героя является добыча невесты. В некоторых нимнгаканах есть даже концовка из олонхо («стал предком»; «таким образом средняя земля существует благополучно»). При беглом просмотре все эти заимствования могут создать впечатление, что нимнгаканы являются якутскими олонхо, переделанными эвенками. Поэтому на них следует задержаться подробнее.

Мы уже отмечали, что в эвенкийских нимнгаканах можно найти ряд общих черт с эпическими произведениями тюркских и монгольских народов.[2] Исключив это общее и выделив заимствования из олонхо (духи-хозяева, шаманы, превращения; металлическая игровая площадка, броня, лук и стрелы и др.), мы можем обнаружить много самостоятельного в развитии нимнгаканов.

По нимнгакану об Иркисмонде можно проследить генеалогические линии нескольких родов, находящихся во взаимобрачных отношениях (см. схему). Для врагов богатырей такие генеалогические линии не встречены. Враги в этом сказании хотя и похожи на врагов из якутских олонхо, но вместе с тем сохраняют эвенкийское описание внешности и местожительства: враги Сэлэргуны, одетые в броню, живут в нижнем мире, на западе, в трех «годах» пути от земель героев.

Превращение в птиц во время путешествий (в журавлей — Торонтая, Монгундора, Хуркокчона, Дылконукона; в белого журавля — Солкокчон; в «белую птицу» — Коколдокона, Аякчан, Денукчан; в лебедя — Иркисмонди, Дергокчона, Тамнаринди) и запрет убивать этих птиц свидетельствуют о том, что в период создания этого нимнгакана еще продолжал существовать культ птиц-тотемов. Исторический интерес представляют и имена, оканчивающиеся на *-дар* ~ *-дор* ~ *дыр* (множ. ч.) — суффикс монгольского происхождения: Чолбондор, Солкондор, Мэнгундэр, Онердон, Немедар и свидетельствующие о тесных тунгусо-монгольских связях в период создания этих нимнгаканов.

---

[2] Форма исполнения (пение и речитатив), стиль (длинные абзацы, преобладание подчинения в виде падежных форм причастий), цикличность, однородная композиция каждого цикла (описание детства и юношества героя, его походов и столкновений с противниками, часто — врагами отца невесты, женитьба, непродолжительная жизнь в доме отца жены и возвращение), положительная характеристика героев и отрицательная — врагов, особая роль имени, картины подхода врагов и поединка (см.: Исторический фольклор эвенков. М.—Л., 1966).

Для ведущих героев, с которых начинается родословная нимнгаканов амурских и охотских эвенков, характерна неизвестность происхождения и отсутствие у действующих лиц всякого имущества, а тем более скота (нет «даже собаки»). Богатыри, с которыми встречается главный герой, происходят из других племен (кидан, сивир), могут иметь верховых коней, оленей для мяса, а в отдельных случаях и для езды, носят имя, имеющее значение «солнце» (*Дылача, Сигун, Юлтэн, Геван* — синонимы). Другие герои с такими именами не отмечены. В нимнгакане Иркисмондя предки ряда богатырей, старше которых никто не упоминается, имеют имена, данные по небесным светилам: Геван (солнце в момент восхода) — отец трех дочерей; Дылача (солнце днем) — отец Дергэлдина, Дюгирмона; Дылача — отец Монгундора; Хэглэндор (*хэглэн* «Большая Медведица») — отец Тамнаринди и шаманки Аякчан; Чолбондор (*Чолбон* «Венера») — отец Уняптук, Ироглинди и Отани. И только у Иркисмонди не указан отец и не названо его имя. Принято считать,[3] что основной художественный прием в фольклоре — гиперболизация в изображении героев, приписывание им особого божественного происхождения. Объясняется часто это тем, что герою как бы приписывается сила и героизм целого коллектива. Возможно, это и верно в отношении нимнгакана Иркисмондя. Но в нимнгаканах амурских и охотских эвенков, менее затронутых чужим влиянием, родители ведущих героев (или героинь) не упомянуты. Этот факт скорее всего говорит о том, что божественное происхождение героев было не характерно для эвенкийских сказаний, хотя гиперболизация действий и поступков героев уже существовала.

В языке сказителя нимнгакана Иркисмондя можно отметить интересное явление, характерное для лиц, живущих на границе двух диалектов или двух языков. В данном случае сказитель кочует со стадом на территории, где раньше кочевали эвенки и эвены. В его речи часто употребляются характерные для двух языков синонимы, разные согласные, например *г~в: лагир~лавир; н~л: гондыр~голдыр, олдыр~ондыр; м~л: сэлулэнд'э~сэмулэнд'э* и др.

Исключив все общее для эпических произведений народов алтайской языковой семьи и якутские заимствования и сравнив олонхо с нимнгаканами, можно легко проследить эвенкийскую основу нимнгаканов.

1. В нимнгаканах во вступлении дается картина начала становления окружающей природы и указывается, чем жил герой-охотник, не имевший даже собаки, питавшийся мясом диких животных и одевавшийся в их шкуры. Обычно он не знает своего происхождения и по некоторым признакам определяет, что он родился в горной тайге. Герои имеют самоназвание (эвенки, уранкай, мата) и собственные имена.

[3] К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства. М.—Л., 1966, стр. 84.

В олонхо[4] во вступлении дается подробное описание страны героя, его внешности, вооружения, богатства и занятий. Герой должен происходить из людей группы *аи* (жителей среднего и верхнего миров). Герои имеют имена, а самоназвание некоторых из них двойное: уранкай-кижи или уранкай-саха. Основное занятие у них — скотоводство, охотой они занимаются больше для развития отваги и смелости. У них есть табуны рогатого скота и лошадей. Питаются герои мясом, жиром, сливками и кумысом, одеты в меха и имеют работников.

В олонхо обязательны три мира: первые два населены людьми добра, нижний — людьми зла, живущими в жилищах с выходом через дымовое отверстие. В нимнгаканах также три мира, но все в них конкретнее: верхний — это зона гольцев с тундрами и снегами; средний — это зона лесистых склонов гор; нижний — это зона степных долин и степей. Жители последних — металлурги-коневоды — извечные враги охотников первых двух зон. Территориально враги осваивают степи к западу от охотников, в отдельных случаях их местности имеют названия. Иногда в нимнгаканах враги Сэлэргуны названы по-якутски — авахи, им приписано людоедство. В олонхо враги — «темные силы нижнего мира», под которым иногда подразумеваются южные соседи с татарской речью.

2. Цель походов героев нимнгаканов заключается в желании посмотреть мир и испробовать силы со встречными противниками, а поиски «друга» (мужа, жены) — мотив второстепенный. Случаи мести отсутствуют. В олонхо главная цель героя — всегда жажда подвигов для получения невесты, месть за обиду, борьба с другими родо-племенными группами для захвата скота и имущества или защиты родичей. Поэтому так подробно описано вооружение, чего нет в нимнгаканах.

3. Для нимнгаканов не характерно участие шаманов, кузнецов, коней-помощников, что есть в олонхо. Помощь стариков или брата в указании направления, в котором должен следовать герой, обычно была в тех нимнгаканах, которые пел сказитель, знающий олонхо.

4. Для нимнгаканов характерно отсутствие осложнения основной линии развития детальными описаниями частностей и эпизодов, а также отсутствие сказочной фантастики в приключениях героев, что есть в олонхо. Превращение в птиц мы относим к пережиткам тотемизма. Редкие случаи превращения в насекомых, по-видимому, заимствованы из олонхо.

5. В нимнгаканах нет применения волшебных средств в борьбе с врагами и отсутствует оживление мертвых и вещей, что характерно для олонхо. Если и встречаются такие эпизоды, то они заимствованы.

---

[4] Материалы для сравнения взяты из кн.: С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929; Якутский фольклор. Л., 1936; Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1947.

6. В нимнгаканах основной герой чаще живет одиноко, реже с семьей, состоящей из небольшого числа членов. Случаи, когда главными действующими лицами являются братья, из которых один калека, а другой колдун, заимствованы. В олонхо часто противопоставление рода герою.

7. В нимнгаканах праздники, на которые собираются все живущие высоко в горах и на их склонах — в лесах, связаны со свадьбами или с игрищами молодежи. В олонхо — с праздником скотоводов *ысыах* и со свадьбами.

8. В нимнгаканах, кроме названия рода, племени и собственного имени, имеют значение и названия мест, по которым проходит путь героя. При этом указывается соотношение земель. Герои путешествуют всегда в одном — восточном направлении (к востоку от земель Онон, Анюй). Отклоняются они в пути лишь в погоне за противником (южное) или за врагом (западное). После того как герой достиг цели своего преследования, он возвращается на главное направление. В олонхо район походов героя иной: к востоку от Аральского моря, к западу от Байкала, к югу от Орхона и Селенги. Название Сибир (Сивир), встречающееся в олонхо, воспринимается якутами как нарицательное слово — синоним слова «земля», в нимнгаканах Сивир — это не только название земли, но и название племени. Этот момент позволяет считать слово Сибир в олонхо заимствованным во времена, когда предки саха и эвенков жили рядом с манчжуроязычными сивирами (шивеями VII в.).

В нимнгакане Иркисмондя исключительно интересным в историческом отношении является указание на ношение ножа на правом бедре (стр. 224). Такой способ ношения ножа известен в ангарском энеолите. Эта традиция, как и ряд других, сохраняется до сих пор у эвенков, живущих между Леной и Енисеем, значительная часть которых является потомками ангарских тунгусов XVII в. От эвенков этот способ попал и к энцам. Встречается он и у кетов. Но его никогда не было у тюркоязычных народов. Нимнгаканы отразили расселение тунгусов на восток от Байкала. Следовательно, в период создания нимнгаканов эта традиция уже существовала и в Забайкалье, хотя эвенкам-скотоводам она неизвестна. Общность между ангарскими и нижнетунгусскими, с одной стороны, и забайкальскими эвенками — с другой, сохранялась еще в XVIII в. и выражалась в общих особенностях шипящего диалекта, характерного для тунгусов Приангарья. Ряд фактов свидетельствует, что выход древних тюрок в Приангарье — Прибайкалье разделил древних тунгусов на две части. По-видимому, какая-то часть осталась в Забайкалье (между Ононом и Чикоем), где и было положено начало нимнгаканам — героическим сказаниям. Расселяясь на восток и по отрогам Станового хребта на северо-восток, древние тунгусы разнесли и свои нимнгаканы. Большие расстояния кочеваний носителей одних и тех же родовых названий, многие века существования этих нимнгаканов и, наконец,

их распространение в среде соседей привели к тому, что собственные имена сохранились частично, мотивы строк запевов и прямой речи, характерные для героев, в некоторых случаях перепутались, хотя слова для этих мотивов и остались прежними. Особенно это заметно в нимнгакане Иркисмондя (запевы и слова запевов Коколдокона и Аякчан даны в двух вариантах, и, наоборот, у двух Хуркокчонов из разных родов слова запева одни и те же).

Как мы видим, все изложенное не позволяет считать нимнгаканы заимствованными. Наоборот, мы знаем примеры заимствования якутами эвенкийских нимнгаканов (например, нимнгаканы об Уроне, Нурговуле и др. в районе истоков Вилюя, Оленека и Анабара). Подобные факты объясняются тем, что якуты, распространяясь, могли смешиваться с эвенками и включать в свой культурный комплекс не только элементы тунгусской материальной культуры, но и отдельные героические сказания. Изучение фольклора севера Якутии еще ждет своего исследователя.

Текст этого сказания представляет исключительный интерес для лингвистики как образец говора, распространенного на стыке трех языков: эвенкийского, эвенского и якутского. Влияние последних двух на говор сказителя несомненно. Этим и объясняется употребление им разных фонетических вариантов одного слова и разных морфологических форм и лексики одного значения. Богат язык сказания и изречениями тунгусской мудрости. Исследование его даст много нового и ценного.

Тексты даны без изменений и отражают местные говоры сказителей; они записаны на говорах следующих диалектов: токкинский олекминского диалекта; учурский зейско-учурского диалекта; майский аянского и урмийский говор буреинско-урмийского диалекта. Перевод близок к подлиннику, но дан в нормах русского языка. Это потребовало введения слов для связи главных и придаточных предложений, а также местоимений-подлежащих, что не характерно для эвенкийского языка. Дополнительные слова даны в квадратных скобках, в отдельных случаях в круглых скобках дан буквальный перевод.

Тексты записаны в общепринятой советскими тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначением заднеязычных *ӈ* и *ђ*, палатальных *н′*, *д′*, *л′* и среднеязычного *й*. Добавлены гласные звуки среднего ряда *є*, *і* и обозначены долготы гласных чертой над буквой.

Прямая речь сказаний, которая поется, приводится не в стихотворной, а в прозаической форме. Перед переводами указаны: место и время записи, имя и фамилия рассказчика, название рода, год рождения, грамотность и разговорный язык. В квадратных скобках даны пояснения переводчика, в круглых — буквальный перевод некоторых слов.

Г. М. Василевич

Тексты и переводы фольклора токкинских и аяно-майских эвенков

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Собиранием фольклорных материалов у эвенков Якутской АССР занимались Г. М. Василевич (1929—1947 гг.), А. П. Козловский (1931—1934 гг.). Их тексты с переводом опубликованы в 1936 и в 1966 гг.[5] С. И. Николаев записал на якутском языке предания, рассказы о недавнем прошлом и запреты, но опубликовал их содержание только на русском языке.[6]

Тридцать пять лет назад А. П. Козловский писал: «Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—1932 гг. я встретил очень мало эвенков, знающих свои сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников».[7]

Ко времени нашей диалектологической экспедиции (1958 г.) в Олекминском районе остались уже единицы, знающие свой фольклор, преимущественно старики и старухи. Они помнили сказки и предания, сочиняли песни-импровизации на современные темы. Однако и они перестали рассказывать эти сказки и сказания эвенкам, как это бывало в прошлом. Умерли сказители, певшие сказания в течение 3—4 ночей. Молодежь сейчас интересуется литературой, кино, художественной самодеятельностью в клубах и в домах культуры, которые сейчас имеются в каждом селе.

Эвенкийское население Олекминского района говорит на якутском языке, поэтому здесь вошли в быт якутские песни, исполняется и якутский танец «осуохай». Почти вся художественная самодеятельность в клубах и в оленеводческих бригадах проводится как на якутском, так и на русском языках.

Иначе обстоит дело с устным народным творчеством у аяно-майских эвенков Хабаровского края. Ко времени нашего пребы-

---

[5] Г. М. Василевич. Материалы по фольклору Сибири в кн.: Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Состав. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 1—146; А. П. Козловский. Сказки тунгироолекминских эвенков. Там же, стр. 228—233; Исторический фольклор эвенков. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.—Л., 1966.

[6] С. И. Николаев. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964, стр. 177—200.

[7] Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 225.

вания в этом районе (1960) сказки, предания в какой-то мере сохранялись не только у старшего поколения, но и среди молодежи. Молодые люди на родном языке передают части преданий и сказаний, а также эпизоды из современной жизни.[8] Художественная самодеятельность у них проводится больше на русском языке. До нас собиранием и изучением устного народного творчества у аяно-майских эвенков никто не занимался, только В. И. Левин опубликовал на эвенкийском языке две сказки.[9]

Предлагаемые ниже фольклорные тексты записаны во время диалектологических экспедиций 1958 г. в Токкинском наслеге Олекминского района, где проживают потомки родов Букочар, Метаткар, Кангагил, Чакагир, Лалигир, Дойдуган (Сологон), Ингилас, Сахалиткар; и в 1960 г. в населенных пунктах Нелькан, Аим и Курунг-Урях Хабаровского края, где проживают потомки родов Бутал, Эдяр, Бетунгил, Кангагил, Конингал, Курбуглыл и Мэкэгир.

Тексты №№ 1, 2 (сказания), №№ 3, 4 (сказки), №№ 5, 6 (рассказы), №№ 7—12 (песни), № 13 (загадки) записаны от эвенков, говорящих на токкинском говоре[10] Олекминского диалекта; тексты №№ 14, 15 (сказания), № 16 (запевы и припевы на эвенкийском языке) записаны от сказителей, говорящих на майском и тоттинском говорах[11] Аянского диалекта; тексты № 17 (рассказ), №№ 18, 19, 20 (песни) записаны в 1962 г. от эвенков, говорящих на урмийском диалекте (пос. Талакан б. Кур-Урмийского района). Говор их имеет много общих особенностей с говором майских эвенков Аяно-Майского района.

Записи произведены от следующих лиц:

1. Льдинова (Букочар) Наталья Семеновна, родилась в 1865 г. в селе Киндигир Олекминского района. Еще крепкая и бодрая старая женщина. С 12 лет она начала охотиться за белкой, позже охотилась и на копытных зверей, а также на боровую и водоплавающую дичь. Перестала заниматься охотой только в 1953 г. До сих пор Н. С. ведет домашнее хозяйство. Она несловоохотлива, но когда начинает рассказывать — говорит очень долго. От нее мы записали героическое сказание «Торганэй, Алтанэй и их сестра Нэлэнчик».

2. Кульбертинова (Чакагир) Анна Афанасьевна, родилась в 1888 г. в селе Пост Олекминского района, живет на иждивении детей. Из четырнадцати ее детей остались в живых семь. Все они имеют семьи. Анна Афанасьевна мастерица шить кумаланы (ме-

---

[8] А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров, стр. 147—150.

[9] Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 215.

[10] Романова А. В. и А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томмоттского говоров.

[11] Романова А. В. и А. Н. Мыреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров.

ховые коврики). Она очень общительная, любит рассказывать и петь песни. От нее мы записали героическое сказание «Путоной-Эден и Мэнгултэ-Эдекун» и песни «Чара-матушка», «Гэсугэр» и «Токко-матушка».

3. Трынкина (Йокоткар) Матрена Петровна, родилась в 1893 г. в селе Средняя Чара Каларского района. До 1939 г. она жила в средней части р. Чары, поэтому в ее языке сохраняются особенности каларского говора. С 1939 г. жила в поселке Тяня Олекминского района на иждивении дочерей. Жила она в чуме, который стоял во дворе. Занималась выделкой камусов. В 1958 г. от нее мы записали три сказки: «Девочка и медведь»,[12] «Птичка с мышкой» и «Птичка и лиса», а также загадки (№№ 1—4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 16—23, 25, 26). Умерла в 1962 г.

4. Трынкина (Чакагир) Анастасия Спиридоновна, родилась в 1934 г. в пос. Тяня Олекминского района. Работала счетоводом в колхозе «Путь коммунизма». Одинока, замкнута. От нее мы записали песню «О деревьях».

5. Трынкин (Чакагир) Иван Егорович, родился в 1893 г. на реке Торго Олекминского района. С 1931 г. работал пастухом. Как один из лучших пастухов он в 1958 г. побывал в Москве на сельскохозяйственной выставке. Очень любознателен, от него записаны загадки (№№ 5, 7, 9, 12, 15, 24, 27).

6. Кульбертинова (Метаткар) Анна Спиридоновна, родилась в 1920 г. на реке Токко Олекминского района. Работала на колхозной звероферме в пос. Тяня. От нее записана песня «һэђэн».

7. Трофимов (Бута) Егор Гермогенович, родился в 1908 г. в селе Чулба (бывшего Учурского) ныне Алданского района, член КПСС, колхозник, передовой охотник. С 1936 г. он проживал в селе Аим Аяно-Майского района. Может рассказывать долго. От него записано героическое сказание «Сиротка Нюнгурмок».

8. Титов (Эдян) Семен Васильевич, родился в 1890 г. в пос. Нелькан Аяно-Майского района Хабаровского края. Работал конюхом в колхозе «Первое Мая» в селе Курунг-Урях этого же района. В молодости занимался охотой, поэтому хорошо знает территорию Аяно-Майского района — названия рек и местностей. Он побывал в населенных пунктах своего района. Несмотря на свой преклонный возраст, выглядел бодрым, любил рассказывать. От него мы записали героическое сказание «Тамнани и Деломо Денуйкан».

9. Логинов (Монго) Михаил Васильевич, родился в 1887 г. в селе Тырма Верхне-Буреинского района Амурской области. С 1924 г. живет в селе Талакан Кур-Урмийского района Хабаровского края. Колхозник, живет у дочери-учительницы. Любознательный и разговорчивый. От него записаны рассказы: «Бутал и

[12] Романова А. В. и Мыреева А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров, стр. 158—159.

Лалигир», а также песни «Коршун», «Хэд'э» и шаманский припев «Даривка».

Свои устные произведения олекминские и аяно-майские эвенки разбивают на следующие группы: 1) *нимнгакар* — сказания и все виды сказок; 2) *улгурил* — бытовые рассказы (о недавних событиях); 3) *нэнэвкэл* или *тагивкал* — загадки; 4) *һэгэр ~ икэр* — песни-импровизации.

Героическая сказка, как и сказание, рассказывается в течение 2—3 вечеров, а иногда и больше. Речь героя сказания передается пением, каждый герой сказания имеет свою мелодию.

Героическая сказка «Торганэй, Алтанэй и их сестра Нэлэнчик» записана, кроме нижне-олекминско-чаринских эвенков, еще от чульманских и гилюйских.[13]

В сказании «Путонай-Эден и Мэнгултэ-Эдекун» рассказывается о столкновении двух братьев с девятиглавым людоедом. В их борьбе активным помощником является конь.

Сказание «Богатырь Тамнани и Деломо Денуйкан» бытует среди аяно-майских эвенков, живущих в населенных пунктах Джигда и Тотта. В основе сюжета двух последних сказаний лежит обычай экзогамии, запрещающий бракосочетание внутри одного рода, поэтому герои этих сказаний вынуждены странствовать в поисках невесты, преодолевая трудности в пути и вступая в борьбу со встречными врагами.

Сказание «Сиротка Нюнгурмок» отличается яркими художественными описаниями, которые характеризуют отдельные черты героев сказания. Описание гнева здесь традиционное для якутских олонхо, например «от великой злости у него толстые части (организма) едва не лопнули, тонкие части чуть не порвались».[14] Или еще: «Богатырь средней земли Хуругочон до того рассердился, что его густая кровь хлынула в живот, горячая кровь дошла до колен, бурлящая кровь поднялась до глаз, злая кровь подошла к горлу, жидкая кровь в десяти пальцах запульсировала».[15]

Описание поединка: «Уперлись лбами, опершись руками в плечи, они сделали передышку. Сильно задрожали у них колени. Изо рта стала падать пена величиной с зайца, из носа стала падать мокрота величиной с куропатку».

Преувеличенное описание силы богатыря Хуругочона сходно с описанием в якутском олонхо, например: «Богатырь средней земли бросил авахи на землю так, что вогнал его в землю на три сажени».[16]

---

[13] Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков, стр. 226—275.

[14] Подобное описание встречается в урмийском тексте «Соду Сордончо Солдани». В кн.: Сб. материалов по эвенкийск. фолькл., стр. 102.

[15] «Темной кровью крашенный, свежей кровью мазанный, сгустками крови обведенный» (С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов, стр. 100).

[16] «Соготох удалый бросил демоновского сына: тот упал и пробил землю на семь саженей». Там же, стр. 33.

То же при описании безвыходного положения героя: «Наступила беда. Укоротилось (мое) длинное сознание и сузилась широкая грудь». Такое описание встречается и в якутском олонхо.[17]

Сказка № 4 записана в варианте от непских эвенков Иркутской области [18] и от читинских эвенков.

Язык загадок современный, на нем разговаривают в настоящее время токкинские эвенки.[19]

Загадки по ответам распределяются так: человек и части человеческого тела (№ 1—4, 20—22, 26); предметы домашнего обихода и орудия труда (№ 7—9, 12, 17, 19, 23 27); природа (№ 5, 6, 13, 16, 18, 24) и животные (№ 10, 11, 25).

Большинство загадок построено в виде простого распространенного предложения, например: «Я никого не боюсь, кроме одного человека» (ответ: огонь и вода).

Эвенкийская старая песня в настоящее время не бытует. Нет ни одной песни с твердо устоявшимся текстом, которую могли бы исполнять многие. Как молодежь, так и старшее поколение танцуют под пение якутской хороводной «*Охуокай*». Только изредка (летом) эвенки танцуют под эвенкийскую песню-пляску «*Гэсугэр*».

Песни-импровизации сочиняются обычно старухами и стариками за праздничным столом. В них они воспевают родную природу, жизнь и труд людей. А. С. Кульбертинова, автор песни № 8, воспевает реку Токко за то, что в ней много рыбы, а в ее лесах множество пушных, копытных зверей, на ее берегах живут смелые и храбрые охотники. Почти такое же содержание и песни о реке Чаре.

В импровизации А. С. Кульбертиновой «*һэгэн*» говорится о людях, рожденных, чтобы быть счастливыми и радостными, о молодежи, которой завещал великий Ленин учиться и трудиться. Примерно такое же содержание песни-пляски «*Гэсугэр*».

Как в песне-импровизации «*һэгэн*», так и в плясовой песне «*Гэсугэр*» есть сходные моменты, указывающие на общие традиции сложения песен, например:

«һэгэн»

Умнӧкӧн балдіӊнарап,	Ведь рождаемся раз!
Гӗвнал балдіксӑл,	Вторично родившись,
Эӊнэрэп хэӈэрэ!	Не можем мы петь!
Тар д'уӈудӯн хэӈэд'эрэп!	Ради жизни мы поем:
Тэткэ бирэкин тэтнэл!	Если есть одежда, одевайтесь!
Д'эвгэ бирэкин д'эпнэл!	Если есть еда, ешьте!

---

[17] «Громадная беда обступила, злая гибель притиснула». Там же, стр. 94.

[18] Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, стр. 20, № 18.

[19] Там же, стр. 209, № 64.

«Гэсугэр»

Д'ӯрā, иларā балдīксāл
этэ̄рэп гэсуӈэ̄рд'эрэ!

Дулгӯ дуннэ дулиндӯн
эвидэ̄вэр балдīчāт!

Д'эвгэ̄ бирэкин, д'эвг'иӈэ̄т!
Тэткэ бирэкин, тэтчиӈэ̄т!

Ведь двух, трех жизней не бывает и гэсугур поют только в течение одной жизни!

Посреди средней земли родились мы, чтобы петь и плясать!

Если есть еда, будем есть!
Если есть одежда, будем одеваться!

Из-за постепенной утраты родного языка как средства общения песни-импровизации не получили широкого распространения среди токкинских эвенков, и их исполняют лишь сами певцы-импровизаторы.

У токкинских эвенков также постепенно исчезает исполнение круговой пляски *«икэн»*. При исполнении этой круговой пляски употребляются традиционные слова-припевы, например, *«Гэсу, гесу, гэсугэр»* без смыслового значения.

Для аяно-майских и кур-урмийских эвенков в такой круговой пляске характерны запевы-припевы:

аяно-майские

Эд'о, эд'о!
Андē, андē!
Эмэ̄кō, эмэ̄кō!
Идō, идō!

кур-урмийские

Э! хэд'о! хэд'о, хэд'о!
Э! хородӯ! хородӯ, хородӯ!
Э! хуӈой! хуӈой! хуӈой!

Слова запевов-припевов постоянны.

Песня, сопровождающая круговые пляски, начинается в медленном темпе, а затем постепенно ускоряется. При этом движения участников круговой пляски делаются наиболее энергичными (у аяно-майских и кур-урмийских эвенков), а олекминские исполняют круговую пляску *«икэн»* так же, как якутский *«охуокай»*.

В текстах есть две детские песни «Деревья» и «Коршун».

Песня № 19 «Запев и припев» записана от М. В. Логинова. Она была сочинена шаманом Поротовым (Лалигир) Иваном, по прозвищу Кэлтэрэк «хромой». Он жил в селе Явурин Верхне-Буреинского района Амурской области.

В преданиях рассказывается о прошлом эвенкийского народа.

Наши наблюдения над бытованием устного народного творчества у эвенков Олекминского района ЯАССР и Аяно-Майского района Хабаровского края показали, что многие виды фольклора (сказка, сказание, предание, загадка, песня) на эвенкийском языке у эвенков Якутии исчезают благодаря изменившимся условиям духовной жизни и все большему переходу на якутский язык в домашнем быту.

ТЕКСТЫ

1. ТŌРГĀНЭЙ, АЛТАНЭЙ-ДА, НЭКУНТІН НЭЛЭНЧИК

Умӯн тэӡэлтэнэнӣду хунат хэӡэлчē:

— Тōргāнэй акӣйал, эр инэӈӣлду энэйкӯчē, дэмэрикӯлчē, оронов д'авакса̄л, минду эмувкэллу.

Тōргāнэй бэйурэн, андагӣва д'авакса̄ эмуврэн. Тар эмэксē, Тōргāнэй хэӡэлчē:

— Нэлэнчиккэй, нэкэйэл, эр андаӡит эвӣд'экэл!

Нэлэнчик эвӣд'эллэн, эвӣд'эллэн. Акнӣлин бултахина:

Нэлэнчик эвӣд'экэл-дē, эвӣд'ēкēл! Эвӣд'эчē эвӣд'эӈнэрэн. Тар эвӣд'эксē, умӯн тэӡэлтэнэнӣ Нэлэнчик хэӡэллэн:

Тōргāнэй, акӣйал, эр андаӡихӯн эрӯкӯн, иктэлд'иви кикча̄вкӣ, охӣктатпи охӣвкӣ, хуӈтукōнō д'аванакал.

Тōргāнэйкун, туксāхукӣчикса̄, туксакива д'авача̄. Эмувуксē, нэкӯндӯви бӯӈнэрэн. Нэкӯнин эхӣлэ туксāкит эвӣлчē. Эхӣлэ эвӣл'эӈнэрэн. Акнӣлин тікин бултāначāл. Бултāнāксāл кэхэ āхилтāнэ эмэчēл. Эмэксēл āхиниӈнāрэ. Тāдук тэӡэлтēнэ тэӡэӈнэрэ. Нэкӯнтін н'āн хэӡэлчē:

— Акӣйал, акӣйал, мӯ-дэӈēн эхӣд'ин йрэ, ёкун-да̄ эхӣд'ин йрэ орокōндӯв д'ахиккāнан ōкал.

Тōргāнэй эхӣлэ орокōндӯн д'ахиккāнан ōллāн, мӯ-дē эхӣд'ин йрэ, ёкун-да̄ эхид'ин йрэ. Ōкса̄ этэӈнэрэн, тāдук нэкӯндӯви бӯӈнэрэн.

Д'ур акнӣлин бэйуд'эхинэ. Тікӣн бэйуд'эхинэ. Нэлэнчик орокōнми д'ахиккāндӯви дімэчӣнин, тāдук Нэлэнчик дукувӯнма дукӯлча̄: «Курёнай эмэӡин, минэвэ ахӣйави ганāӡин». Дукӯвӯнма орокōнн'унми умӯкōндӯ д'ахиккāндӯ дірэн, тāдук д'ахиккāнтікӣви гӯнэн: «Сӣ Курёнай ойбондулӣн йӯдēви», — тар гунӣксē, д'ахиккāнми мēн ойбондӯви дірэн.

Умӯн тэӡэлтēнэнӣдӯ Курёнай бōкāнин ойбонми хултэличиӈнэрэн, хултэличиӈнэрэн, тар арай д'ахиккāн ойбондулӣн лупор тарӣала̄ хэтэкēнчэйӯттэн. Курёнай бōкāнин лаӈгалиӈнаран д'ахиккāнма, тар лаӈгалікса̄, хурӯвуӈнōрōн діскēкӣ Курёнайдулō. Кэ, ахӣлэ Курёнайдулō ихивуӈнаран.

Эр ёкун эмэрэн, ойбондулӣт йӯрэн, ичэкэл, — гунӣнэ, Курёнайду бӯрон. Курёнайкун нӣрон, тāдук йчэрэн, ичэнэн дукӯвун, таӈиллан. Таӈикса̄, эхилэ хурухилдэн. Муринми д'аваран,

кулуйиллən. Мурунми кулуйиксə̄, ампардукпи аракӣкōкӯнма гаран, сибайбави ōмнак, тāдук элəн'икӯн д'əвгəвə тəйнə, тəйнə хəргадӯви тəвурōн.

Эхӣлə, тəйиксə̄, тəйиксə̄ ӈəнəхиллəн. Тəӈəрəн-дə̄ хēргадӯви бирайалӣ хуктувухинан. Курēнай хуктувд'əнə артıктӯла истан. Кə, эхӣлə артıктӯли муринми туктıвкəнəн. Туктıрəн-дə̄ муринми кулуйилгəрəн, тāдук хəргадӯви уйӣəн.

Курēнай уркəлӣ ӣрəн. Нəлəнчик əмӯккōкōн бичāн. Курēнай дороволостон, гӯнəн:

— Акнӣлли илə̄ хурӯчōтıн?

Нəлəнчик гӯнəн:

— Акӣйал бəйуксə̄л, əчир əмəрə.

Курēнай гунəн:

— Тāдук эхӣлə остолби бəлəннə̄кəл, бӣ акнӣлдус кəхиви аракӣлба ōмувум. Эр-дə̄т акнӣлли əмəд'əллə. Кəхийəви омӯвӯм.

Нəлəнчик араснай сокускалба ирикӯчилиӈнə̄рəн. (Уллокōкӯн сō кəтə биӈнəрəн). Ирид'əми əтəӈнəрəн. Бəйучə̄л акнӣлин əр-дə̄т əмəрə. Ӣрə Курēнайва дороворо. Нəлəнчик сō кəтə д'əвгə̄лвə остолдӯви нə̄тıрəн. Нəлəнчик хəӈəллəн:

— Тōргāнəйкӯн, Алтанчəк, акӣйал, остолдӯвар дагадӯн тəӈəкəллу, аӈнакӣ-бəйə кəхӣвə̄н д'əвулкōллу тар нуӈан сундӯ кəхӣчə̄ бичə̄.

Курēнай Нəлəнчик акнӣлдӯн аракӣва ӯӈкӯнō, ӯӈкӯнō бӯд'əрон, Тōргāнəй умд'аксōран, Алтанчəк бимӣ эхин умна. Алтанчəк акӣнми нувчāллан:

— Тōргāнəйкӯн, акӣ, ēдā-ӈāн соктод'онии! Ēкӯнави тəд'ə̄д'əнни? Тар хуӈтуво бəйəвə, əнə хəрə̄нд'əрə мə̄нəкə̄н умуӈнанни! Би-дə̄ əӈнəм умна, би-дə̄ əӈнəм тəд'ə̄рə.

Тōргāнəй сōт соктолкӯттан, моста дулиндулāн тıктəн. Тıкиксə̄, эхилə тāдӯ хун'иллə̄лчə̄, əлчə̄ тəӈəттə.

Тар бид'əрəкктıн, арай Курēнай д'ӯ дıӈин муннуктӯн дıӈин гулувӯнмо иламалчāчā. Тıкин д'ӯ д'əгдəлкӯттəн. Тōргāнəй мōста дӯлӣндун хуклə̄д'əрəн. Алтанəй хəӈəллəн:

— Тōргāнəй акӣйал, лородокōн ōксā, дəӈилмəчин бичə̄с. Бӣ дıлкəчə̄н ōмӣ-дā дəӈилим.

Алтəнəй дıлкəчə̄н ōксā дəӈиллəн. Тōргāнəй лородōкōн ōксā дəгилиллəн. Арай Курēнāй туннукту адıлчā. Тōргāнəй дəӈилд'əнə адıлдӯ лумпōс таӈаран. Курēнай туксана əмəчə̄. Эмəксə̄, Тōргāнəйва сēптуви дıӈнəрəн. Курēнай гунд'əрəн:

— Эдук бӣ нуӈанмāн кəхəӈид'əӈə̄в! Токӯнмō-Алтанəйва, боконикса̄, д'авад'аӈāв, тāдук кəхəӈӣд'əӈə̄в нуӈанмāн!

Курēнай муринми кулуйӣəн, хēргадӯви ахӣви тəӈəвкə̄нəн, тāдук н'ōрāхинмувкāнан. Мə̄нин муриндӯви н'āн тəӈəрəн, авдулба тахихинан. Нəлəнчик н'ōрāхинан. Биралā əвкӯчə̄л, əвуксə̄л ахӣӈин гӯнчə̄:

Кə, сӣ мə̄нни-дə̄ н'ōрāкал, бӣ хокторōнмо эхим сāра, бӣ тахикта. Курēнай н'ōрāхинан. Гē турāн амардукин авдулба та-

килд'аллан. Ӈэнэд'эӈнэру-у. Арай уӻийэлй Алтанэй һэӻэкэрин иллэ:

Тōргāнэй, акййал, «инмэкэн-дэ ōксā, буруд'ōӈōв-дō», гӯнэкис-кэ, инмэкэн ōксā, бурукул!

Тōргāнэй, инмэкэн ōксā, бурурōн. Нэлэнчик амарлā эмэд'энэ гунчэ:

Бэйэл, эр ёкӯннун бурурōн?

Курēнай дōлдіксā, н'āн уӻириксō, инмэвэ сēптӯви дıран. Н'āн ӈэнэхинэ эхйлэ.

Тар ӈэнэд'эректін, Алтанэй хэӻэрин иллэ:

Тōргāнэй, акййав, «чийāкан ōксā буруд'уӈōв-дō», гӯниӈкис. Кэ-нэ, бурукул!

Тōргāнэй чийā ōкса бурурōн. Нэлэнчик, ичэксэ, гӯнэн:

— Бэйэл, эр ёкӯннун бурурōн?

Курēнай эмэрэн-дэ гӯнэн:

— Ёда буруӈнокӯтчурун!

Гаксā, сēптӯви дімэлчэрэн. Н'āн ӈэнэд'эӈнэрэ, ӈэнэд'эӈнэрэ. Эр ӈэнэд'эректін, н'āн Алтāнэй эӻэнин дōлдівулчā:

— Тōргāнэй акййāл, синӈи д'ӯлōс хуӈту ōӻин, минӈй д'улōв хуӈту ōӻин. Эдук элбэттэ-дэ этэм, дуӻуттō-тō этэм! Умнэт тарит хуйōттōв!

Тōргāнэй Курēнай сēптӯн ӈэнэд'эрэн, бурунōчитмй давдаран. Курēнай д'ӯлāн иста. Курēнай бōкāртікйви гӯнэн:

— Оӈкучāккӯна суӈтāкӯнд'и улōколлу!

Курēнай бōкāрин кэтэкӯн. Нуӈартін оӈкучāккӯна улōлло. Тар улōксōл, Тōргāнэйкӯнма оӈкучāктулā нōдāӈнара.

Курēнай умӯн ахйчй, умӯн ахй иримнӯчй бичэ. Арай тариӈилбй умӯтол ёхалбатін улōтічō, калтакалбатін халӻарбатін коксоӻочō, калтакалбатін ӈāлабатін н'āн коксоӻочō. Тар коксōӻотіксā ахāлба д'ӯдӯви нōдӯчā. Мэнин ахйн'унми нулгихйнэн. Тар нулгйд'эхинэн. Иртікэкй-кэ нулгйнэвэн ӈй-дэ эвкй сāрā. Тікин хуруӈнуру.

Ахāкур эхйлэ тāдӯ битчэхинэ. Умӯн тэӻэлтэнэниду, арай тар ахāл Тōргāнэйва гэлэктэчиллэ. Гэлэктэчиллэ элгэмэтчэнэл. Ахāл гӯмэтчэрэ:

Йдӯ-ӈэн ймаркал? Тар оӈкучакка бакаӻāт!

Тар оӈкучакка гэлэктэллэ. Тар гэлэктэд'энэл оӈкучаккӯнма бакара.

Э, э! Оӈкучаккӯн эдӯ аппалачакӯттон. Эдӯ-ӈэн имачāл! гӯмэчиллэ.

Арай оӈкучāк дōйāдукин Тōргāнэй хэӻэкэрин йллэ:

Тōргāнэй, Тōргāнэй бид'эӈэ бимй Курēнай ёхалбāн улōд'ōӈōв. Бй йудэв, ёкӯна-вал ухйкэнэ тікивкэллу! Курēнай курēлдукин тавуксāл томкоколлу. Томкоксōл тікивкэллу. Бй, лородōкāн ōксā, лумбурчэнэ туктід'эӈōв.

Кэнэ, ахāл томкочол, томкочол. Томкоксōл ухйкэӈилбэр тікинкэллэ эхилэ. Тōргāнэй хэӻэллэн:

— Атıркāкӯр, атıркāкӯр, умӯн айайа ōд'аӈāв хитэкэ̄нд'и абуллан, томкоксōл сиракāллу!

Ахāл, кэ эхйлэ сиралла. Чуптуликсāл сирачāл. Сираксал, тıкивкэ̄ллэ, «лородōкāн ōксā, лумбэрчэнэ туктıд'эӈэ̄н», — гуннэл тıкиврэ эхилэ. Ахāкӯр нуӈанмāн тāлла. Тāниӈнара, арай тāннактıн, лородōкāн ōксā лумбэрчэнэ туктıӈнэрэн. Тōргāнайкӯн туктıрэн-дэ мэ̄нин мэ̄нд'иви ōран. Тōргāнэй ахāлтıкӣ гӯнон:

— Э̄дӯ битэкэ̄н ōкалду, тōкийа вāкса, эмэвд'эӈэ̄в, — тар гӯниксэ̄, нунан ӈэнэрэн. Эр-дэ̄т тōкйва эмуврон. Тоӄокӯнма иларан, улōкӯттон, силаӈнаран. Кэ, д'āлби улйрэн. Эр ахāл д'эпкӯчиӈнэрэ. Улирэн, тадук Тōргāнэй хэӄэ̄лкучйллэн:

— Тōргāнэй, Тōргāнэй, бй-дэкэ ēва бид'эм. Минду сō нāда ōран ōлйкӯр. Олйкӯр, ōлйкӯр, эмэкэллу, эмэкэллу!

Ан дойдӯ ōлйкӯрин дэгнэл эмэрэ-вэ̄т. Олйкӯр Тōргāнэй уллōӈилбōн чōӈкинал д'эпиллэ. Тōргāнэй-турāн н'āн хэӄэд'экиллэн:

— Олйкӯр, ōлйкӯр, минӈи гӯнэвэ̄в д'алувкāллу! Экйтйэ бурэ муйэ гад'укāллу! Суксэйэ сāд'ōӈахун, сō нāдаду иллан тари!

Д'эптэ, этэрэ ōлйкӯр. Умӯн ōлйкӯн һэӄэлд'эхинэн:

— Тōргāнэйкӯн, Тōргāнэйкӯн, — сй гӯннэвэ̄с д'алупкид'эӈāв! Д'ӯллэлй эмэд'эӈэ̄в. Сō горокӯн, д'ӯр долбонй ōд'āллакин эмэд'эӈэ̄в. Олй «Куу!» гунд'эмнэк дэӄилкӯттэн.

Д'ӯр долбонй ōкидӯ илтэнд'эӈэн! Тōргāнэй тōкйлба вāна, вāна ирӯд'авкй, мэкчикэ̄ӄэчин тōкйлба йруна эмувувкй. Кэ, эхйлэ бид'эӈнэрэ, бид'эӈнэрэ: тэӄэлтэнэ тэӄэксэл, алāчивкйл. Инэӈдулйн эд'элйкэ̄нин ōра «Ку!» — гунно, Тōргāнэй д'ӯлōдӯн дōкучиӈнаран ōлйкун хэӄэллэн:

— Тōргāнэй, Тōргāнэй, гунновōс д'āлувуксā эмувум. Тıӈэнми инӈактадӯн хоривуксā эмувум. Тıӄэв āчин бичан, тāра сирбиксā, нāдави д'алувкāл.

Тōргāнэй тıӄэкэ̄кӯнмэ гаксā, сирбиллан тıӈэндукин д'аваксā. Тıӄэвэ д'алумкāкй сирбиран. Тар мӯӈитпи ахāлба булкуран. Арай ӈāлатıн ӈāлатпи ōран, халгантıн халганд'иви ōран, ēхатıн ēхатпи ōран. Ахāл ахалгачир ōра. Бэӄэдэ̄тıрэн ахāӈйлби, тадук Тōргāнэй хэӄэллэн:

— Тōргāнэйкӯн эхйлэ айакāнма ōран, атıркāкӯр, экэллу аксāд'ара, Алтāнэй гӯнэрй нэкӯчй бичāв. Тариӈӈи гэлэ̄ктэлд'эм. Курēнай ēхалбāн улōтıд'оӈōв!

Тıкин хороптıкāн ōксā дэӄйллэн, Алтāнэй ӯд'авāн муйд'эхинэн. Муйд'энэ ӯд'авāн бакаран, ӯд'алйн ӈэнэд'эӈнэрэн, ӈэнэ̄д'эӈнэрэн. Арай тар ӈэнэд'энэ, н'аӈн'алā истı кадаралā истан. Алтāнэй тоӄокōнмо илачā, тāдӯ хиӄитчāна āд'аран.

Тōргāнэй н'урмана ӈэнэксэ̄, лаӈгāлиран Алтāнэй аркандукин, д'аваӈнаран нуӈанмāн. Д'авачāлā эхйлэ горичилиӈнаран. Горид'ана д'олокӯрба ултурутıвкй, бургивкй. Тадук эхйлэ хэӄэлд'эхинэн:

— Д'эпд'эӈэ-дэ̄ бимй д'эпкэл! Элэ̄в-дэ̄ ōран! Д'олокӯрба-дā бургим. Сэтэкэ бихинни, д'эвд'эӈэ бимй эхйлэ д'эпкэл!

Тōргāнэй эхйлэ хэӈэрэн:

— Тōргāнэй-гӯ бихим. Ёкӯнми-ӈāнг орид'анни?! Курēнай ёхалбāн улоноӈот.

Гē дiлкэчэн очā, гē н'āн хоропткāн очā. Даран дэӈиллэ Курēнайва гэлэктэнэхинэ. Тар ӈэнэд'эрэктiн āмуткӯн бичā.

— Кэ, эду чайтiӈāт, дэрумкйӈэт, — гунэн акйнин.

Тар дэрумкйд'эрэктiн, арай эр āмут мӯкиӈин тiкин āчин ōӈнаран, тiкин олготтон. Тāдук н'āн тутумчō бид'эӈнэрэ, арай эр āмут мӯт н'āн билэ билэдӯви ōран.

— Ёдā тiкэн олгохинчаран, ёдā н'āн д'алупихинчакӯттан? — уйдэд'эхинэн Тōргāнэй.

— Энэ сāра бид'эчэл бихип, урэкӯн, д'āӈ-ӈу гӯнчэнэт, арай букатiр-бэйэкӯн ōӈнаран эр āмут д'апкадӯн.

Кэ-нэ, тара даӈамāчилкӯттан Тōргāнэй, даӈамаксā Тōргāнэй хэӈэлд'эхинэн:

— Āмуткāкӯн мӯн ёда олгохинчавкй, ёдā д'алупихинчавкй, тара улгучōкол. Бй Тōргāнэй бихим, улгурōви улгучōкол!

Сōниӈ хэӈэллэн:

— Бй-дэӈэн, бй-дэӈэн Багдапкйкӯн бихим. Тōргāнэй, ёкӯнма нāдiйкитпи тэдэвкэл минду. Бй Багдапкй бихим.

Тōргāнэй хэӈэллэн:

— Багдапкйкӯн, амиқāн, бй гӯнновōв д'алупкйдāви! Куренай ёхалбāн улōдōвун бэлэкэл, мунэ бодокол. Куренай д'ӯвав тоӈот которонон. Мӯӈӈй эксэдэви.

Багдапкй гӯнōн:

— Тōргāнэй, Тōргāнэй нэкэкэн, гӯнновōс д'алупкйд'аӈāв. Сй-дэӈэн н'ōрāкал! Курēнай йдӯ бид'эрэн? Бй нуӈанмāн кэхэӈид'эӈэв.

Кэ, эхйлэ бутун āмут мӯвōн багдаран. Тōргāнэй н'ōрāхинан. Багдāпкй амардуктiн паксукāнд'апкй. Тар эхйлэ паксукāнд'анал ӈэнэд'эчэл, ӈэнэд'эчэл. Тōргāнэй н'ōрад'ачā. Тарнукāн ӈэнэд'эчэл, ӈэнэд'эчэл. Тар ӈэнэд'эрэктiн арай Курēнай унэкэнин ичэвуллэн. Тōрганэй гӯнэн нэкӯнтiкйви:

— Ичэнэкэл Курēнай-ӈу, хуӈту-ӈу?

Кэ-нэ, ур омолгй, ичэнэксэ, эмэӈнэрэн. Эмэксэ, гӯнōн:

— Курēнай бид'эрэн.

Кэ-нэ, эхилэ ӈэнэхиниӈнэрэ. Ӈэнэчэл, ӈэнэчэл, горочйраклā, даргидāдӯвар Багдапкйва д'айара, мэртiн хурухинэ. Тōргāнэйкун Алтāнэй д'укрй йрэ Курēнайдулэ. Арай тэӈэтчэрэ д'укрй. Нэлэнчик лэчэлйрэн-дэ чайӯмуллан,

— Э! акнилби эмэрэ!

Чайн'икитiн хуйуллэн, кэ, остолдӯ д'эвгэлвэ, аракйлба нэрэ. Эхйлэ аракйдалла. Тōргāнэй н'āн соктокучиллан. Алтāнэй эвкй умна. Курēнай Тōргāнэй сокталнобōн мэдэчэ, н'āн дiӈин муннуктуни диӈин гулувӯнма илачā.

Тōрганэй гӯнōн:

— Кэ! Алтāнэй гэннэкэл Багдāпкйва!

Алтāнэй туксакāкӯттан, туксāкӯттан Багдāпкила.

— Кэ, Багдāпкӣ, амӣкāн, ңэнэђэт! Багдāпки таналā эмэксэ, муңңи тікӯттон, Алтāнэй туксана ңэнэрэн, Нэлэнчик халгандукин тāнан. Урэткэкӣ мэртін туксахина. Курēнай мэтэй курча сохулун эйэхинэ. Тікин курча āчин ōра. Урэлэ хуруксōл, Тōргāнэй эхилэ хэђэллэн:

— Багдāпки-амӣкāн, эхӣлэ д'ӯлāви ңэнэктэ. Айакāнма ōналис, бӣ-дэ сӣнду байāндукки бӯд'элим. Сӣ-дэ д'ӯлāв ңэнэктэкэл!

Кэ, эхилэ ңэнэд'экӯтчōл. Тōргāнэй н'ōрāхинчā Багдапкӣ амардуктін ңэнэхинчэ. Ңэнэд'эңнэрэ, ңэнэд'эңнэрэ. Нэлэнчиккэ кавкадукин ухӣвкӯтчōл, ирӯд'анāл ңэнэвчэл. Арай Тōргāнэй д'ӯлāн искучиңнара. Курча Багдāпкитай иста. Тōргāнэй сохӯлби тасчā, тасчā, ēдукта кэтэкӯн сохӯн бичā. Тар тахиксā, тахикса, Тōргāнэй хэђэллэн:

— Багдāпкӯн-амӣкāн, эр бид'эрӣ байанмāв калтакāвāн ңэнэвкэл. Кихакāкӯр ōрактін синдулэ улōнōд'ођōв.

Арай Багдāпки амңакӯнми аңачā-дā, гӯнчэ:

— Амңайāлӣв тахилкӯткал!

Кэ, тар амңалāн Тōргāнэй байāнми калтакāвāн тахилкӯчиңнаран. Тōргāнэй гӯнон:

— Кэ-нэ, калтāкāн ōран.

Тахилкӯтчāми этэрэн. Багдапкӣ паксукāнд'ахинан.

Тікин Тōргāнэй Алтāнэйнун, Курēнайва кēйнксал, нэкӯнмэр ирӯд'анал апкиксāл, умӯкэнду бид'эллэ.

2. ПУТОНОЙ-ЭД' ЭКӮН, МЭҢУЛТЭ-ЭД' ЭН

Арай Путонōй бэйуктэнэ мэнңиви амңави иргид'эрэн. Тар н'экэд'э-нэ отучӣ. Умӯн коңнокӯва вāча. Тариңңи бутуннувōн силачā. Тариңин калтāкан ирчэ. Согдоннови хиђитчана хуклэд'эрэн. Кэ, тар бид'энэ хэђэнмэ дōлдіран. Бэйэтку йду-дэ бихин эвки сāвра.

— Алтāнчакӯн бихим, Путонōйкӯн ōтудӯви ēкӯнма сāна хуклэд'энни? Алтанд'и д'āривчā, мэңунд'и-кэ моривчā нэкӯчӣкэ бирксэс? Тариңңас йэђин діличӣ Д'эвултэ, вāксā, хурурун.

Путоной гунд'эрэн:

— Куңāкāчāн бинэ, дуннэвэ ēдā чэчэрид'эрэн? Икэндічэн эмэђэчӣ, кадариңна моролкōн атігам, дулгу дуннэ дэђин дэгкӣтлӣн дэђилд'эп.

Тар ңэнэд'эрэктін, арай һэђэн, һэђэн ōчā:

— Путонōйкӯн — Эд'экӯн тікиндэлэн ēкӯтчанни! Мэңунди мōрэвчā, алтанд'и д'āривчā нэкӯнмэс йэђин діличӣ Д'эвултэ, вāкса, д'эвуксэ, хурурун.

Тара дōлдіксā, Путонōй гунд'эрэн:

— Энэдэ-вэл мэдэрэ, авакквӯн; энэ мэдэрэ бид'эчэв. Куңāкāн бинэ, ēда ңэнэктэхичэн? Икэндічэн эмэђэчӣ, кадарма морокōн атіђам, химāмийāт ңэнэђэт!

Тар ӈэнэд'энэ кухикиттулэ истан, нэкӯнми ичэрэн. Нэкӯнин гирамнагдан эмэнмучэ. Тāдӯ соӈод'оллон. Мурин һэӈэлчэ:

Торгийā, торгийā! Путонōйкун—Эд'экун, ēдā соӈод'онни, ōкин-ка айд'эӈāт! Аӈулив сēндулив иӈэхикэл, тāдӯ д'апкун дарикта кимни бид'эӈэн. Тара гакал. Дıлачā йӯксэнтıкин минэ д'авакса, д'āпкун дарикта кимн'итпи кохилйкал! Илаллали-н'ун эмэд'эӈэв. Тар эмэрэкив, багдарин чōвикса н'эхэӈичӣ бид'эӈэн. Тарā тıӈэду сирбина гадави. Нэкӯнми гирамнавāн билэ билэдӯн нэксэ, тар н'эхэӈид'ив умӯд'эӈэс.

Путоной муринми сēндулāн йрэн. Тāдӯ д'āпкун дарикта кимн'и бихин, тара гачā. Дıлачā йӯксэнтıкйн муринми иливуксā, д'апкун дарикта кимн'итпи иларāкāн кохилиран. Путоной эмэнмурōн. Муринин илаллаксā эмэрэн. Тар эмэрэкин, багдарин чōвиксā н'эхэӈичӣ. Тариӈӈи тıгадӯ сирбиран. Нэкӯнми гирамнавāн билэ билэдӯн д'аваксā тариӈитпи ивиррэн. Арай бэйэ-бэйэтпи ōран, лэчэс иллан:

Путонōйкӯн-Эд'экӯн, акйкāкӯнми, āд'аксā-гӯ, ēд'аксā-гӯ, тэӈэм.

Путонōйкӯн-Эд'экӯн гунд'эрэн:

— Мэӈунд'и-кэ морэвчā, алтанд'и-ка д'āривчā, ēдā дуннэ чэчэвэн чэчэрид'эчэс? Буӈалāви хуруд'укӯл! Бӣ бунэдӯви буд'эӈэв, иннэдӯви инд'эӈэв.

Муринтıн хэӈэллэн:

— Торгийā, торгийā! — Мэӈунд'и-ка мōрэвчā, алтанд'и-ка д'аривчā, гирамнави маӈāллакин гиркудāви. Путонōйн'ун бӯ иннэдӯвэр инд'иӈэвун, бунэдӯвэр буд'иӈэвун. Мэдэчӣ бидэви, тōлкиндулāс йд'эӈэн.

Мурин Путонойтıки гӯнэн:

— Д'эӈиннулэв сēндулāв игэхинэкис, тāду мэӈумэ кироват бид'эӈэн, тāдӯ āхикал!

Путоной иӈэхинэн муринми д'эӈинӈу сēндулāн. Кадарма морокōн атıӈа кэлэ хурухинэн. Ӈэнэд'эчэ, ӈэнэд'эчэ. Тар ӈэнэд'энэ, йэӈин дıличӣ Д'эвултэвэ тар-дāт бокончō. Тар боконикса, мурин хэӈэлчэ:

Торгийā, торгийā! Йэӈин дıличӣ Д'эвултэ, сӣ-ӈӯ ōд'āнни, бу-ӈӯ ōд'арав. «Куӈāкāнма-бэйэвэ бāчам», гуннэ, экэл хэгдıллэ.

— Путонойкун-Эд'экӯн, бунни-ӈӯ, инэнни-гӯ? Йӯмэлчэкэл.

Путонойкун-Эд'экӯн, арай лупōр йӯрэн. Тар йуксэ, нуӈан н'āн хэӈэллэн:

Йэӈин дıличӣ Д'эвултэ, эхилэ йлкэлдıд'эллэп'. Мэӈунд'и морэвчā, алтанд'и д'āривчā Мэӈултэкэн-Эд'энмэ, куӈакāнма-бэйэвэ ēда бāксā, хурунни?

Д'эвултэ этэкэкӯттэн, ин'эхикӯттан: — Аха-хик! — гуннэ, тадук хэӈэллэн:

Герол, герол! Авгу-ӈāн нонод'оп?

Путоной гунэн:

Сӣ нонокол!

Иәӈин дiличӣ Д'әвултә мәчикитпи гарандача̄. Путоной Д'әвултә мәчиккә̄н тәвәчә̄, тадук кампаритча̄. Д'әвултә ичәткӯтчә̄, та̄дук уккә̄нд'иви н'а̄н д'улӯӈундо̄чо̄. Путоной тариӈӈа̄н лаӈгалӣча̄, та̄дук капугача̄. Д'әвултә ичәткӯтчә̄, та̄дук гидака̄нд'иви н'а̄н д'улӯӈундо̄чо̄. Путоной тариӈӈа̄н лаӈгалӣча̄, та̄дук ириӈача̄.

Д'әвултә хәӈәлчә̄:

— Герол, герол, герол! Сәбилбәв чукчачинни. Ӈа̄лал со̄лд'ивар кухӣлд'әлләп!

Кәнә, лаӈгаӈалдiлча̄л. Путоно̄й колтовкӣ Д'әвултә дулиндулӣви йәхиргәрӣд'ин. Тариӈкӯнин билә̄ билә̄дӯви н'а̄н намаралдiвкӣл. Умӯн анӈанӣва кухӣчә̄л. Арай йәӈин дiличӣ Д'әвултә Путонойво бутокто̄лчо̄. Мурин хәӈәлчә̄:

— Торгийа, торгийа! Бе̄ӈа калтакан бе̄ӈачӣ-ка, дiлача калтакан дiлачачӣ-ка әмәксә̄кил, ке̄йивд'а̄кивун о̄ран. Уӈискӣ гӯнми, мәӈунд'и морәвча̄, алтанд'и д'аривча хутәчӣл-дә̄ бичә̄вун. Толкиндула̄н йӈин.

Мәӈунд'и морәвча̄, алтанд'и д'аривча̄ Мәӈултә Әд'ә̄н толкиттан, хәӈәллән:

— Хәрикә, хәрикә! — Хәргуйәдӯ дуннәдӯ Путонойво-бәйәвә йәӈин дiличӣ Д'әвултә, ва̄кса̄, д'әвд'әрән, гунд'әрә. Икә̄ндiчә̄н әмәӈәчи, кадарма морокон атiӈа, турә̄йәлвә̄в до̄лдiкал, хима̄т миндулә̄ әмәкәл!

Тарнукан мурин әмәрән. Мәӈултә-Әд'ә̄н муриндула̄ви уӈуран. Хима̄т әмәрән. Арай ичәрән — йәӈин дiличӣ Д'әвултә Путоно̄йво мудуд'әнә д'әвд'әрән. Мәӈултә хәӈәллән:

— Хәрикә, хәрикә! — Йәӈин дiличӣ Д'әвултә: «Куӈакача̄н биӈәхӣв ба̄ча̄м», — гӯннә̄кӯн, әкәл хәгдiллә! «Путонойво-бәйәвә, хагдача̄ва бәйәвә ба̄мӣ-вал» — гуннә, әкәл, әкәл хәгдiллә! Йәӈин, йәӈин дiлча̄нмас, йәӈин, йәӈин боӈотоӈочинма хәрәкупчәд'әлим.

Д'әвултә ичәхикӯттән, н'а̄н «аха-хик!», — гӯннә, ин'әд'әрән, тадук гӯнән:

— Авгӯ нонод'ороп?

Мәӈултә гӯнән:

— Кә, нонокол, сагдi бәйә̄ комойд'оӈо̄с, кейӣвмӣ.

Д'әвултә сәбсә а̄чин о̄ча̄, арай умӯко̄н мәчикин бича̄. Мәчикитпи Д'әвултә гаранда̄ча̄ Мәӈултәткӣ. Мәӈултә тариӈӈа̄н лаӈгалӣча̄, компаритча̄. Та̄дук боӈототпи умно̄ко̄чо̄н йәӈин дiлба̄н тонӈоробор иктәчә̄. Акӣнми гирамнава̄н тавукса̄, буӈала̄вӣ хурухинчә̄. Кухикӣттулә̄ исча̄, та̄дук, нуӈан хәӈәлчә̄:

— Хәрикәй, хәрикәй! Икә̄ндiчә̄н әмәӈәчӣ, кадарма морокон атiӈам, минәвә о̄н авгараӈча̄с, тiкә авгараӈд'алинни акӣнмав!

Мурин турә̄чиллән:

— Торгийа, торгийа! Мәӈунд'и морәвча̄, алтанд'и д'аривча̄ Мәӈултәкә̄н-Әд'ә̄н, анӈӯлӣв се̄ндулӣв иӈәхикәл, та̄дӯ д'апкӯн дарикта кимн'и бид'әӈә̄н, тара̄ гакал. Дiлача̄ йуксә̄нтiкин минәвә д'авакса̄, д'апкӯн дарикта кимн'итпи илара̄ка̄н кохилӣкал! Иллалалӣ әмәд'әӈә̄в. Н'ә̄хәӈкӯнми багдарин човиксан бид'әӈә̄н. Тара

тıгэдӯ сирбидāви Тадук акӣнми гирамнавāн билѳ билѳдӯн нѳксѳ, тар н'ѳхэӈид'ив имудѳви.

Кэ, Мэӈултэ муринми сēндулāн иӈэхинчѳ, тāдук д'апкӯн дарикта кимн'ива йӯвчѳ. Дıлачā йуксѳнтıкӣн муринми д'аваксā, иларāкāн кохиличā.

Муринин, илаллаксā, эмэчѳ. Муринми н'ѳхэӈӈѳн сирбичā, акӣнми гирамнавāн билѳ билѳдӯн нѳксѳ, тарит иввирчѳ. Тарит Путоной-Эд'ѳкӯн бэйэ-бэйэтви бчā. Мурин хэӈэлчѳ;

— Торгийа, торгийа! — Мэӈунд'и морэвчā, алтанд'и д'аривчā Мэӈултэкѳн-Эд'ѳкӯн, куӈакāчāн бинэ ӈэнэктэд'эксѳ сōт-тā эрэйдэнни! Буӈалави ӈэнэд'экэл, айат бид'экэл!

Кэ-нэ, хуйэттıрэ. Путоной-Эд'ѳкӯн хурурун. Мэӈултэкѳн-Эд'ѳн н'āн буӈалāви ӈэнэд'эрэн.

3. ЧИПАН'УН ТЭПЭРѲКѲН

Чипа д'олодӯ д'ӯтāвкӣ бичѳ. Умнѳкѳн чипа бакалдıчā тэпэрѳкѳнмэ. Тар бакалдıксāл, тэпэрѳкѳн гӯчѳ чипаткӣ:

— Чипа, н'ōрсаӈāт! Сӣ минэвэ тıрѳрэкис, бэйэ эвкӣ будѳ ōд'аӈāн. Бӣ синэвэ тıрѳрэкив, бэйэ бувкӣ ōд'аӈāн. Тāдӯ чипа гучѳ:

— Кэ, н'ōрсаӈāт! Сӣ-ӈӯ, бӣ-ӈӯ кēйд'ап бōлла! Тэпэрѳкѳн гучѳ:

— Кэнэ, кэнэ, н'ōрсаӈāт!

Нуӈартıн н'ōрсалчāл, чипа тэпэрѳкѳнмэ мукчэс ōкин нōдāчā. Тар нōдāксā, чипа гӯчѳ:

— Ѳдук д'улѳскӣ бэйэ эвкӣ будэ ōд'аӈāн.

Тэпэрѳкѳн гучѳ:

— Тар тıкѳ эчѳ бихӣ, нонолӣ бӣ буӈадӯв н'ōрсаӈāт, тāдӯ кēйми, тѳли гудѳви. Кэнэ, суруӈѳт буӈалāв, — гӯчѳ нуӈан. Чипа гучѳ:

Сӣ-кэ, ēдā нонолӣ тıкѳ эчэс гунэ, сӣ гучэс: «Нōрсагāт, ӈӣ кēйиакин тıкѳ ōд'аӈāн», гӯчэс. Тар-дā бихикин, кэ суруӈѳт буӈалāс.

Тарнукāн нуӈартıн сӯрурэ тэпэрэкѳн буӈалāн. Тар тэпэрэкѳн буӈан арай маркӯн бичѳ. Тар мардулā эмэксѳл, нуӈартıн н'ōрсалчāл. Тэпэрэкѳн ирговн лалбукāдӯ дōйалā тıпкѳнчѳ. Тар тıпкѳниксѳ, ирговн лалбукāду, нуӈан ōн-дā эвкӣ тıктэ. Тарит нуӈан кēйчā чипава. Тāдук эхилѳ бэйэ бувкӣ бчā.

4. ЧИВКĀЧĀНН'УН СУЛАКӢ

Арай чивкāчāн мōдӯ хутэӈчѳ, умучā. Сулакӣ чивкāчāндулā, мōӈин тэкѳндулѳн эмэчѳ. Чивкāчāн чипичā: «Чип! чип!» гуннэ. Сулакӣ бимӣ уӈискӣ ичэхинчѳ, тар ичэхинӣксѳ, чивкāчāнма ичэчѳ. Тар ичэкѳѳ, нуӈан чивкāчāндук ханӈуктачā:

— Адı хутэчӣ бихинни?
— Тунӈа хутэчӣ бихим, — гучө чивкāчāн.
— Тунӈӣкāнми умуктави эмөвкэл, тıкивкэл, — гучө сулакӣ.
— Этīм, этīм бӯра, — гучө чивкāчāн.

Сулакӣ гучā:
— Тэли бӣ туктıд'элим, чиӈӣд'эӈāм, хоӈнӣд'эӈāм мōӈӈас!

Тар ӈөлэликсө, чивкāчāкāн умӯн умуктави бӯчө, тıкивчө. Тара сулакӣ д'эвуксө, хуручө. Тар амардӯн чивкāчāкāн соӈод'очō. Тар соӈод'орокин арай бэчуӈурэс эмөчө, тāдук ханӈӯктачā:
— Чивкāчāн сӣ ēдā соӈод'онни?
— Сулакӣ хутэвэв д'эптэн! — гӯчө чивкāчāкāн.
— Сӣ ēдā-ка мōнни бӯд'энни? — гучө бэчуӈурэс.
— Чиӈид'эӈāв, тıкивд'эӈөв, тāдук хутэлбөс курча гад'аӈāв, гӯчөн сулакӣ.

Бэчуӈурэс тāрā дōлдıксā, гучө:
— Сӣ ēдā акаритāнни, ēдā тıкивкөниӈнэнни. Эдук эмөрэкин, «Ēкӯнд'иви чиӈид'аӈāс, ēкӯнд'и туктıд'эӈөс», гундөви!
— Эк, — гӯчө чивкāчāкāн.

Тıкө гунӣксэ, мōӈдӯви дōчад'аран. Бэчуӈурэс гучө:
— Кэ-нэ, бӣ тар бохоӈкōндӯлāви угдухиӈнāм, — гучө-дэ дэӈилчө.

Тар бэчуӈурэс дэӈилчөлөн, н'āн сулакӣ эмэчө. Тар эмэксэ, ханӈуктачā чивкāчāкāдук:
— Адı хутэкөнни бихин?

Чивкāчāкāн гучө:
— Дıккөн, д'эвчөс эчө бихи! Эдук этөм, этөм бӯрэ бӣ сӣнду, — гучө нуӈан.
— Тэли бӣ туктıд'эм, чиӈӣд'ам мōӈӈас, — гучэ сулакӣ.

Тāдӯ чивкāчāткāн гӯчө:
— Кэ, туктıкэл, чиӈикал, сō бимӣ! Ēкӯнд'иви туктıд'эӈэс, ēкӯнд'иви чиӈид'эӈāс!

Сулакӣ ханӈӯктаран чивкāчāкāндук:
— Чивкāчāкāн, синэвэ ӈӣ алаӈӯран?

Чивкāчāкāн гучө:
— Ботокāн минэвэ алаӈӯран.
— Тар ботокāнни иртıкөкӣ дэӈиллэн?

Тāдӯ чивкāчāткāн гӯчө:
— Тар «бохоӈнови увгахинам» гучөн, тадук дэӈилчөн, тāрā ӈӣ-кө сāд'ан!

Сулакӣ, тарā долдıксā, гучө:
— Ботокōнмо бӣ д'эпнэд'эӈөв, ēдā нуӈан алаӈӯттан, — гучө сулакӣ, тāдук гэлөктэнөхӣнчө ботокōнмо. Сулакӣ ӈэнэд'эчө, н'урмад'ана. Нуӈан тар н'урмад'ана, ичэчө ботокōнмо, бохōӈдӯкви йувөнд'эрӣвэ. Тар йувөнд'эрэкин, сулакӣ лаӈгалӣчā нуӈанмāн. Тар лаӈгалӣксā, сулакӣ лавадад'аракин, арай ботокōн гучө:

Сулакй, сй ноноли лəпурəвəв д'эпилкəл, тəли бй этəм дəӈилйксəрə, лəпурэйə ачин бми. Тăдӯ сулакй «əлəкин» гудəви амӈăви аӈăд'аракин, ботокбн дəӈйлкȳттəн. Тарит сулакй улокичйврəн ботокбнду.

5. ЭКЙНТІН-ДЭ̄, НЭКНЙЛИН-ДЭ̄

Сō горо анӈанйптıду д'ȳр нəкȳнəл-бəйə бичəл, умȳн əкйчйл. Тар əкйнд'ивəр нулгиктəд'əнəл гиркуд'ачăл. Акйндıӈу д'ȳрд'ăр илан анӈаниӈичй, нəкȳнин д'əӈин анӈанйӈичй бичə.

Умнəкəн боло уринчəд'əчəл биракăн дəрəндȳн. Тар бид'əнəл улгучəмəчивкйл ēкакăрва бичəл. Экйнтıн гучə: «Мəдəтнəл, чаӈитıл эмəд'əӈəтıн! Мутвə вăтıмȳвкйл», — гунйвкй бичă.

Арай умнəкəн ăхилд'арактıн луӈир əкйнтıн йȳд'əнə чаӈитıлва ичəчə, идəӈəлдȳн каптарȳчад'арйлва. Ичəксəк, нуӈан тəпкəхйчə: «Чаӈитıл эмəчəл!» гуннə, д'ȳлăви туксачă. Тар əкйнмəр турəхиннəлəн, сагдıӈȳ нəкȳнин, ӈəлəлйксəк, бəркəнмəн лангалйчă. Тар чаӈитıӈилтıн д'ȳватıн тəпəмнəк гарпучăл. Эр сагдıӈȳ нəкȳнин гарпумăчйлдăви гуннə: «бəркəнми тăникта», гȳчə-дə хокōс бкин, тăчă. Нəкȳнйн бəркəнин кəвирəк бимй капургачă. Акйнин бəркəнə ăчин бксăк, вăвȳглаликсăк аӈйткăкй туксахинд'аракин, Нəкȳнин тəпкəхичə: «Акйӈăй! Экəл суптıра мунəвə!» Тар гуннəвəн дблдıксăк, акйнин иллан. Иллакин чаӈитıл акйнмăн гарпунал вăчăл. Тадук нəкȳнмəн вăчăл, əкйнмəтıн эммен вăрə.

Тəлйптıдӯ анӈанйлдӯ ахййа əвкйл вăрə бичəл. Чаӈитıл бəйəткəрвə вăвкйл бичəл «хəгдıлмй мутвə вăтıд'əӈăн», гуннəл. Эрəӈəр бəйəткəнə вăвкйл бичəл.

6. СЁКТĂНЭЙ

Аӈиду д'ур бəйə бичə. Тар бəйəл гəрбилтıн гē Д'олоной, гē Кадăнəй. Тăдук умȳн бəйə гəрбин Сёктăнəй. Нуӈан ахйчй бичə.

Умнəкəн Сёктăнəй бəйучə, ахин д'удȳви эмəнмучə. Тар бəйуксə, умун бəйунмə вăчă. Тар бəйуӈми хигилчə. Тар хигд'əнə, бəйəл турəрвəтıн дблдıчă. Арай ичəхинəн Кадăнəййа Д'олоной-н'ун ахйвăн сурувд'уру. Сёктăнəйвə ичəксə, ахин соӈолчб: «Сикəкун бид'əкəл д'удȳви! Эмȳккəкəн бид'əкəл, бəйуӈми д'əвд'əнə бид'əкəл! Минӈи турəнмəв əркəс долдıра! Ур бй синəвə „əкəл суруру" гȳниркəв, „əрут толкичим" гȳниркəв, тıкə гунд'əрəкив бəйуркəс, минӈи турəнмəв əнə долдıра», — гуннə ӈəнəчə.

Сёктăнəй ичəхинчə, арай ахивăн сурувд'əрə. Сёктăнəй Кадăнəйва гарпачă, тăдӯ кадариӈилин бутаричăл. Тăдук Д'олонойво гарпачă, тăдӯ д'олоӈилин хəтəкəрȳчəл. Сёктăнəй Кадăнəйва Д'олонойн'унма ахалчă, бəйуӈми эмəмнəк ахалчă. Сёктăнəй эмəрəкин, Д'олоной гучə: «Кə, ēд'арап? Кухйд'əрəп!»

Сēктāнəй Д'олонойн'ун кухйчөл. Тар кухйксөл. Сēктāнəй кēйчā Д'олонойво. Тар кēйиксā, Сēктāнəй Кадāнəйтıки гучə:

— Тулискй йӯксəл кухиɧəт! Кə, авгу нонод'ороп? гучə Сēктāнəй.

Таду Кадāнəй гӯчө: «Бй нонокто!» гӯчө.

Сēктāнəй тāдӯ гучө: «Кə, ноноқол!».

Кадāнəй мəчикитпи гарандāчā Сēктāнəйва, əчө нāвкāна.

Сēктāнəй-кāна мəчикитпи гарандāчā, нāвкāнчā Кадāнəйва. Тар давдıчā, кēйча. Тар кēйиксāк, ахйви д'ӯлāви сурувухйнчө.

7. ЧАРА-ЭН'ЙКӨН

Чара-əн'йкөн д'укəйөлйн ŋəнəд'əнə,
чакурдаква ичəтми,
Ексакāнин, сиɧилин ичəвуŋкйтıн.
Тар ēкса ойōткйн ичəтмй,
йдӯ-тāдӯ д'акдакāр ичəвуŋкитıн
Лəɧəктəмəл сəктəчйл.
Чара-əн'йкөн урəлйн сиɧйкāрдӯтıн
Бəйŋөл, дəɧйл кəтə бивкйл.
Эхиткөн ōн бихин гунмй,
Чара-əн'йкөн сиɧйлйн бид'əктӯтıн? —
Тıкин кəтə д'ӯл илчāл.
Чакӯрдāк-тā əргəчин ōд'аŋāн гуннə,
əдəрдӯви ōкйн-дā əчөв гунчəрə.
Д'алдāмй-дā д'алдӯ āчин бичөн,
Толкитмй-дā толкйндӯ-дā āчин бичөн.
Тıкин таŋӯйа āчир хоктокōр
Тартıкй, иртıкй кəтəллə.
Таткичйл, интернāтıл нйврə,
Тāдук айиткйчил нйврə.
Ленин н'уŋн'инəн хоктолйн
Комунисттı партийа, Совēттı биласт
Упкаттӯ айава бинйвə иливд'ара.
Эр айава бинйвə
Чукчатчарйл əмəрəктıн,
Комунисттı партийат кāдаритпи илд'аŋāн.
Комсомол хутəлтı курел ōд'аŋāтıн.
Пенер хутəлтı əтəйөчимŋӯл ōд'аŋāтıн.

8. ТОКО-ЭН'ЙКӨН

Токко əн'йкөн кутуктура бира
мӯвөн ичəтмй,
ахари ŋөри мӯчй.

Сокохинмӯвкӣ оллочӣ.
Эр л'укдус-мөл урәлдӯ
Коӈнорин инӈактачӣ
Амӣкāн кәтә бивкӣ.
Буӡарилā ӈәнәмӣ,
Сēктарилā ӈәнәмӣ,
Токӣ-бәйун кәтә бивкӣ.
Уксамалā ӈәнәми,
Мәӈәту кәтә бивкӣ.
Сивәӡӣлә ӈәнәмӣ,
Кумака-бәйун кәтә бивкӣ.
Āмуд'илā кәриймӣ,
Андатір кәтә бивкӣ.
Токко эн'йкән
Д'апканӈāдуккӣ улукичӣ.
Бирал дәрәхәлдӯтін
андаӡи кәтә бивкӣ.
Бәркә бәйә-бәйәчӣ,
Бултаӈахā бултавкӣ омолгӣхачӣ.
Токко-эн'икән д'әвгәчӣ, идәӡәчӣ,
тāрит Токо-эн'икән д'алум кутучӣ.

9. ҺӘӠӘН

Нәӡәмкәд'әм эн'йн, ам'йн
Бӯнәд'ин комәйкәнд'иви.
Кәмус голохйтпи
Нәӡәмӣ хәӡәд'әм.
Умнōкōн балдіӈнарап.
Гēвнал балдіксāл,
Әӈнәрәп хәӡәрә.
Тар д'уӡудӯн хәӡәд'әрәп.
Тәткә бирәкин тәтнәл,
Д'әвгә бирәкин, д'әпнәл!
Эдәрил куӈакāр,
Әд'әлйвәр сагдāна,
Упкатту татнал,
Д'орсо ихәвкәллу!
Акнйлбар, әкнйлбәр
Экәллу омӈоро!
Айат татнал,
Ленин гуннәвән турәнмә
Энәл омӈоро,
Айат бид'әкәллу!

10. ГЭСУЂУР

Гэсуђӯр, гэсуђӯр
Гэсуђӯрдөксōн ōд'аӈāт!
Гэсуђӯрлō эмэкэллу!
Гэсуђӯр, гэсуђӯр
Балдінавар д'уђудӯн
Гэсуђӯрдөд'өђөт!
Д'ӯрө, иларā балдіксāл,
Этөрэп гэсуђӯрд'эрэ.
Дулгу дуннэ дулйндӯн
Эвидөвэр балдічāт!
Гэсуђӯр, гэсуђӯр!
Д'эвгө бирэкин, д'эвд'иђөт,
Тэткө бирэкин, тэтчиђөт!
Митту ӈи-дө эвкй бэђилкэрэ
Советскай билас ōнадӯн,
Н'элипнэвэр д'уђудӯн
Эвйд'энэл гэсуђӯрдөђөт!

11. МŌЛ

Э! Ирөктэкӯр икөллэ,
Э! Д'агдакāкӯр д'арилла.
Э! Ахиктāкӯр ахалла,
Э! Чалбакāкӯр чаварилла.
Э! Тактікāкӯр тагділла,
Э! Болгиктакāкӯр болгилла.
Э! Ӈаӈтакāкӯр ӈāлилла
Э, Сēктакāкӯр сēлла.
Э! Ӈаӈнукāкӯр н'имӈуллэ,
Э! Урэкөкӯр уринйллө.

12. ДЭВЭЙДЭ

Дэвэксэйө хулакан'ун,
Н'эчуксэйө найаксан'ун,
Бэйуксэйө ороксон'ун,
Кумакаксайā авдуксан'ун,
Мурикcайā коӈнокуксан'ун,
Сулакйксайā ӈинаксан'ун,
Улукйксэйө андађиксан'ун, —
Авгутін-ка айатāран?
Авгутін-ка мод'утāран?

13. НЭНЭВКЭ̄Л

1. *Д'ур* бэйэл гумэтчэрэ: — Си-кэнэ, би-кэнэ (*халгар*).
2. Кэвэркӯн дулйндӯн тіӈэкэн тэвчэд'эрэн (*чуӈурӯ*).
3. Кираӈйкан дуӈэдӯн сулакй коронин ичэвд'эрэн (*сӣлун*).
4. Чалбуккӯн дōӈидāдӯн сиӈарин мурин кēӈад'аран (*инӈи*).
5. Умун бэйэ гунэн: «Буйэттэксун д'эпд'эӈэв, ōкидӯ-дā эӈнэм айувра» (*тоӈо*).
6. Би умӯн-н'ун бэйэдук ӈэлэд'эм, тāдук-тā ēкӯндук-тā эхим ӈэлэрэ (*тоӈо*).
7. *Д'ӯр* д'элйкӯн гукчанд'ачāл (*киӈнэл*).
8. *Д*іӈин бэйэл умӯкэн авучйл бичэ̄л (*остол халгарин*).
9. Умӯн бэйэ дōӈидāн инӈактачӣ, тулгидэн инӈактайа āчин (*сивэскэ*).
10. Ахиктал тэкэртін уӈискэкй ōчāл (*авдучāр иргилтін*).
11. Умӯкōнмо гокодӯ ухōвкйл локочйтмӣ, ōки-дā эвкӣ локовро (*чипичā умуктан*).
12. Сиӈарйн авдучāн олдоксово чивд'аран (*ирэ̄пчунэ, кухамна*).
13. Умӯн бэйэ анӈанӣ калтакāвāн хэӈэвки, тāдук этэвкӣ (*бира эйэ̄нин иӈин*).
14. Умӯн бэйэ мэ̄нӈиви мēчикпӣ эвкӣ кеййа бичэ̄ (*мӯ, д'оло*).
15. Кэтэкӯн бэйэл туксакйксал авучйл (*иманначӣл чэкчэкэ̄р*).
16. Умӯкōн бэйэ иӈсэкӯн бичэ, ēкӯндӯ-дā эхи айувра (*тоӈо*).
17. Умӯкōн бэйэ мēванин, хакинин хуйуд'ōро (*самовар*).
18. Унэкэнми саӈāрикта бичэ̄ (*осиктачӣ н'аӈн'а*).
19. Умӯн бэйэ гучā: «Минду ēдā-лāн эрӯвэ тэхивкэниӈнэрэс?» (*игдівӯн*).
20. Аладук-н'ун ала бичэ̄, сō ала (*āмā*).
21. *Д'ур* коӈноку баргилта тоӈотчōро (*сēр*).
22. *Д'ӯр* бэйэ мэмэривэр иктумэтчэ̄рэ (*киримкин*).
23. Умӯн бэйэ хэӈэмэ-н'ун, хэӈэмэ бичэ (*чōран*).
24. Сиӈикӯн дōӈидāдун самāн нимӈāнд'аран (*аӈйдӯ авданнал иӈилтін*).
25. Оӈкучāк дōӈидāдӯн эрӯ мичйвун хуӈлэд'эрэн (*амйкāн корондӯви бид'эрин*).
26. Коӈнорин ōлй коӈнорин урэвэ йавӯс ōкин тікчэ (*діл, авун*).
27. Ӯд'алй ēлаха-дā эвкӣ ӈэнэрэ (*тйэвӯн*).

ПЕРЕВОДЫ

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от Н. С. Льдиновой (Букачар). 1865 г. р., неграмотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

1. ТОРГАНЭЙ, АЛТАНЭЙ И ИХ СЕСТРА НЭЛЭНЧИК

Однажды утром девушка начала петь:

— Торганэй братец, в эти дни я очень скучала, мне стало тоскливо. Поймайте и приведите для меня игрушку.

Пошел на охоту Торганэй. Поймал он соболя и принес. Пришел Торганэй и запел:

— Нэлэнчик, сестрица, играй с этим соболем!

Начала играть Нэлэнчик, играла долго. Отправились ее братья на охоту:

— Играй, Нэлэнчик, играй!

[Нэлэнчик] все играет да играет. Вот так, играя, однажды утром Нэлэнчик запела:

— Торганэй братец, этот ваш соболь очень плохой: зубами кусается, когтями царапается. Поди поймай мне другого!

Торганэй побежал и поймал зайца. Принес его и дает сестре. Стала играть Нэлэнчик с зайцем. Вот и играет. Опять отправились ее братья на охоту. Поохотившись, вечером вернулись. Придя домой, легли спать. Утром встали. Снова запела сестра:

— Братцы мои, братцы, сделайте для моей игрушки ящичек, сделайте его таким, чтобы туда не попадала вода и ничто другое не могло бы туда проникнуть.

Тогда Торганэй начал делать ящичек для игрушки, такой, чтобы ни вода, ни что-либо другое в него не проникло. Сделав, отдал сестре.

Снова оба брата ушли на охоту. Долго они охотились. Положила Нэлэнчик свою игрушку в ящичек, потом начала писать письмо: «Пусть придет Куренай, пусть придет и возьмет меня в жены». Она положила в ящичек письмо вместе с игрушкой и

сказала ящичку: «Ты выскочи из проруби Куреная». Сказав, она опустила ящичек в прорубь.

Однажды утром работник Куреная расчищал прорубь от льда, расчищал, расчищал — и вдруг выскочил из проруби ящичек. Схватил работник Куреная этот ящичек, взял и пошел к своему хозяину. Принес Куренаю:

Что это выскочило из проруби, посмотри! — сказал и дал Куренаю. Куренай открыл, посмотрел, видит письмо, начал [его] читать. Прочтя, стал собираться в путь. Поймал своего коня и начал запрягать. Запряг он коня в сани, вынес из амбара много вина, чтобы устроить свадьбу, принес разной еды для угощения и все нагрузил на сани.

Вот нагрузил и отправился. Сел в сани и поехал по реке. Доехал Куренай до того места, где дорога с реки в гору поднимается. Вот погнал он коня в гору. Поднялся на гору, распряг коня и привязал его к саням.

Вошел Куренай в дом. Нэлэнчик сидела одна-одинешенька. Поздоровался с ней Куренай и говорит:

— Куда же ушли твои братья?

Ответила [ему] Нэлэнчик:

— Мои братья ушли на охоту, не вернулись еще.

Говорит ей Куренай:

— Ну, а теперь приготовь стол, я привез для твоих братьев гостинец — вино. Скоро придут братья, я привез угощенье.

Нэлэнчик начала приготовлять разные закуски (мяса очень много). Кончила она готовить. Скоро пришли братья-охотники. Вошли и поздоровались с Куренаем. Нэлэнчик расставила на столе много блюд. Запела Нэлэнчик:

— Торганэйкун, Алтанчэк, братья вы мои, садитесь ближе к столу, угощайтесь гостинцами чужеродца, это он вас угощает.

Куренай все подливал вина братьям Нэлэнчик. Пил Торганэй, а Алтанэй не пил. Стал Алтанэй укорять Торганэя:

— Братец Торганэй, зачем же ты пьянеешь? Кому ты веришь? Ты сам пьешь, а чужого человека не остерегаешься! Я вот не пью и не верю ему.

Сильно опьянел Торганэй, упал на пол. Упал да так и остался лежать, не мог подняться.

Между тем Куренай четырьмя кострами поджег дом с четырех углов. Загорелся дом. Торганэй лежит на полу посреди комнаты. Запел тут Алтанэй:

— Братец Торганэй, стань бабочкой и лети. Я же превращусь в муху и полечу.

Алтанэй превратился в муху и полетел. Торганэй, став бабочкой, тоже полетел. Но Куренай затянул окна сетями. Торганэй на лету попал в сетку. Подбежал Куренай к нему. Подбежав, схватил и сунул в свой карман. Говорит Куренай:

— Теперь я его замучаю; [и] Алтанэя-разбойника догоню, поймаю и проучу!

Затем Куренай запряг коня, посадил на телегу свою жену [Нэлэнчик] и заставил ехать вперед. Сам же верхом на коне гнал стадо. Нэлэнчик ехала впереди. Спустились к реке; когда спустились, жена говорит:

— Поезжай-ка ты сам впереди, я не знаю дороги, я буду погонять [стадо].

Куренай поехал вперед. Она гонит за ним стадо. Вот они и едут. Вдруг сверху послышалась песнь Алтанэя:

— Братец Торганэй, ты говорил: «Превратясь в иглу, [я] упаду». Ну-ка, упади, превратившись в иголку.

Превратившись в иголку, Торганэй упал. Нэлэнчик идет и говорит:

— Люди, что это упало?

Услышал это Куренай, поднял [и] положил иглу в карман. Вот поехали они [дальше].

Когда ехали, послышалась песня Алтанэя:

— Братец Торганэй, ты говорил: «Превратившись в хвоинку, упаду». Ну-ка выпади!

Превратившись в хвоинку, упал Торганэй. Увидела Нэлэнчик и говорит:

— Люди, что это выпало?

Подъехал Куренай и говорит:

— Почему все время падает?

Поднял он хвоинку и сунул в карман. Так ехали, ехали, и опять послышалась песнь Алтанэя:

— Братец Торганэй, теперь мы расходимся: твой путь будет одним, мой путь будет другим. Я не стану больше предупреждать тебя, не стану защищать тебя! Мы расстаемся с тобой окончательно.

Едет Торганэй в кармане Куреная, и не может он выпасть. Приехали к дому Куреная. Куренай сказал работникам:

— Выкопайте глубокую яму!

У Куреная много работников. Стали они копать яму. Кончили они ее копать. Выкопав, бросили туда Торганэя.

Была у Куреная жена [не Нэлэнчик] и одна женщина-стряпуха. Куренай вырвал у них по одному глазу, отрубил по одной ноге, по одной руке. Проделав это с женщинами, оставил их дома. Сам откочевал с [новой] женой. Итак, он откочевал. Никто не знал, куда они откочевали. Вот так и едут.

А женщины там остались жить. Однажды утром стали те женщины искать Торганэя. Ищут, держась за руки. Женщины говорят между собой:

— Где же зарыли его, поищем-ка ту яму!

Начали искать тот овраг. Наконец нашли его.

— Э, э! Вот где полураскрытая большая яма. Здесь и закопали его, — говорят.

Вдруг из глубины ямы послышалась песня Торганэя:

— Не будь я Торганэем, если не вырву глаза Куренаю. Чтобы мне выйти наружу, спустите веревку! Выдернув ее из ограды Куреная, свейте ее. Свив, опустите. Я превращусь в бабочку и, прилипнув [к веревке], поднимусь наверх.

Вот женщины вили, вили [веревку]. А свив, стали опускать [ее в яму]. Запел тут Торганэй:

— Старушки, старушки, я [вам] добро сделаю, чуть-чуть [веревки] не хватает. Свейте и добавьте еще!

Вот начали женщины добавлять. Вырвав [тальник из ограды], свили. Свив, опустили со словами: «Пусть, став бабочкой, прилипнет [к ней Торганэй] и поднимется». Женщины начали его вытаскивать. Тащат, а он, превратясь в бабочку, подымается. Поднялся Торганэй и стал человек-человеком. Говорит Торганэй женщинам:

— Побудьте немножко здесь, а я добуду лося и принесу, — сказал и ушел. Скоро вернулся Торганэй с лосем. Разжег он кострище, [поставил котел] варить мясо и стал жарить [его] на вертеле. Накормил своих избавительниц. Наелись женщины. Накормил [их] и запел Торганэй:

— Эх, Торганэй, Торганэй, — с чего это я расселся?! Мне-то ведь очень нужны вóроны. Вóроны, вóроны, прилетите ко мне!

Прилетели вóроны из разных стран. Стали они есть мясо, добытое Торганэем. Опять запел Торганэй:

— Вóроны, вóроны, вы исполните мою просьбу! Принесите живой воды. Вы ведь должны знать, где есть такая вода (сок), он мне очень нужен!

Кончили вóроны есть (мясо). Запел тут один из них:

— Торганэйкун, Торганэйкун, — твою просьбу [я] выполню! Прилечу через двое суток, [лететь] очень далеко, [я] вернусь через две ночи. Крикнул ворон: «Куу!» и полетел.

Долго ли пройти двум ночам! Бьет Торганэй лосей, бьет и приволакивает, как кабаргу, волоком. Вот живут они; утром проснулись и ждут. Еще не настал полдень, как с криком «Ку!» — сел ворон перед Торганэем и запел:

— Торганэй, Торганэй, я выполнил твою просьбу и принес то, что тебе надо. Я принес [воду], спрятав [ее] в пухе на груди. У меня не было посуды. Выжми из пуха воду и выполняй свое дело.

Взял Торганэй посудинку и начал выжимать пух. Набрал он полную посудину воды. Помазал этой водой женщин. Вдруг глаза [их] стали глазами, ноги — ногами и руки — руками, и стали женщины — женщинами. Так вылечил [он] своих женщин, [и] тогда запел Торганэй:

Теперь вам Торганэйкун сделал добро. Не обижайтесь,

старушки! Был у меня брат по имени Алтанэй. Я пойду его искать. Вырву Куренаю глаза!

Так, превратившись в осу, полетел [Торганэй] по следам Алтанэя. Все искал его следы; шел он долго. Идя по следам, он дошел до скалы, доходящей до неба. У подножья этой скалы Алтанэй развел костер и, грея свою спину, лег спать.

Торганэй, тихонько подкрадываясь, быстро хватает Алтанэя за плечи и держит. Когда [он] схватил его, [Алтанэй] начал вырываться; вырываясь, раздробил и превратил в пыль большие камни. Тут он [Алтанэй] запел:

— Если ты убийца, то убей! Моей силе пришел конец! Камни я крушил. Если ты невидимка-людоед, то съешь [меня]!

Теперь запел Торганэй:

— Это же я — Торганэй. Что же ты вырываешься? Пойдем вырвем глаза Куренаю!

Один [Алтанэй] превратился в муху, а другой стал осой. Полетели они рядом, отправились искать Куреная. Когда они летели, показалось большое озеро.

— Давай здесь пить чай и отдыхать, — сказал старший.

Когда [они] отдыхали, вдруг в озере исчезла вода, все оно высохло. Побыло озеро немного без воды, и опять вода оказалась на своем месте.

— Почему же озеро высохло и снова наполнилось водой? — удивляется Торганэй.

— Не зная ничего, жили [мы], принимали гору за голец. А оказывается, голец на берегу этого озера превратился в богатыря-человека.

Торганэй пошел к богатырю и, подойдя, запел:

— Ты расскажи [нам], почему вода в озере быстро высыхает и [озеро] снова наполняется водой? Я — Торганэй. Расскажи мне об этой тайне.

Богатырь запел:

— Я-то, я-то Багдапки. Торганэй, что тебе нужно, скажи мне. Я — Багдапки.

Запел Торганэй:

— Багдапкикун, дедушка, ты исполни мою просьбу! Помоги нам вырвать глаза Куренаю, пойдем с нами! Куренай сжег мое жилище. Возьми с собой воду.

Отвечает ему Багдапки:

— Я выполню твою просьбу, Торганэй, братец. Ты иди вперед. Где живет Куренай? Я проучу его.

Вот (Багдапки) сделал воду в озере белой. Торганэй пошел вперед. За братьями зашлепал Багдапки. Так они, шлепая, шли, шли. Торганэй шел впереди. Долго шли. Потом показался чум Куреная. Говорит брату Торганэй:

— Иди взгляни, Куренай это или кто другой.

Пошел наш парень, посмотрел. Вернувшись, сказал:

— Да, это Куренай.

Теперь отправились остальные. Шли, шли, потом спрятали они Багдапки в сторонке. Сами пошли. Торганэй и Алтанэй вдвоем вошли (в дом) Куреная. Вот сидят они вдвоем. Их сестра Нэлэнчик быстро выскочила и стала готовить чай (для своих братьев).

— Вот-то [хорошо] — братья пришли!

Вскипел чай, и расставили [хозяева] на столе всякую еду и вино. Начали пить. Опять Торганэй напился. Алтанэй не пьет. Заметив, что Торганэй опьянел, Куренай опять развел на четырех углах четыре костра.

Говорит тут Торганэй:

— Ну, Алтанэй, сходи и приведи Багдапки.

Побежал Алтанэй бегом к Багдапки:

— Ну, пойдем, Багдапки-дедушка!

Лишь только он пришел, как сразу же выпустил воду. Алтанэй прибежал и поволок за ноги Нэлэнчик. Они же сами [Алтанэй и Багдапки] побежали к горе. Куреная вместе со всем его добром унесло водой. Так не осталось никого. Уйдя в горы, запел Торганэй:

— Багдапки-дедушка, теперь отправляюсь-ка [я] домой. За все хорошее, что ты сделал, я отдам тебе кое-что из своего богатства. Пойдем ко мне домой.

Вот отправились [они]. Идет Торганэй впереди, а Багдапки за ними. Долго идут. Привязав веревку к шее, Нэлэнчик волокут по земле. Подходят к дому Торганэя. Все дошли вместе с Багдапки. Торганэй пригнал домой все стадо. Скота у него было очень много. Пригнал он стадо и запел:

— Ну, Багдапки-дедушка, уведи к себе половину моего скота. Если будет нужда, приду к тебе опять.

Вот открыл рот Багдапки и говорит:

— Загони скот в мой рот.

Загнал Торганэй в рот Багдапки половину скота и сказал:

— Ну, половину загнал.

Загнал, а Багдапки закрыл рот и ушел, шлепая ногами.

Итак, Торганэй с Алтанэем, победив Куреная и задушив младшую сестру, стали жить вместе.

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от А. А. Кульбертиновой (Чакагир). 1888 г. р., неграмотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

2. ПУТОНОЙ-ЭДЕКУН И МЭНГУЛТЭ-ЭДЕН

Путоной уходил на охоту и добывал себе пропитание (букв.: свой рот кормил). Жил он у костра. Убил одного лося, обжарил его целиком на вертеле. Половина [мяса] поспела. Лежит [Пу-

тоной у костра], грея свою спину. Лежит он и слышит песню. Человечище где-то [поет], а где — неизвестно.

— Я Алтанчакун, Путоной, что ты знаешь, лежа у костра?! [Ты], вероятно, имел младшего брата, золотом обшитого, серебром распестренного? Девятиглавый Девультэ, убив его, скрылся.

Путоной говорит:

— Зачем он, будучи ребенком, странствовал по земле? Мой конь с седлом величиной с котел и с головой, подобной скале, полетим же там, где обычно пролетает птица средней земли!

В то время как они летели, вдруг послышалась песня:

— Путонойкун-Эдекун, что ты делаешь до сих пор! Ведь девятиглавый Девультэ, убив и съев младшего брата твоего, обшитого золотом, распестренного серебром, скрылся.

Услышав это, отвечает Путоной:

— Не мог же я раньше [это] знать, ах какая досада, жил же я, не зная [ничего] об этом. Зачем только он совсем ребенком стал бродить [по свету]! Мой конь с седлом с котелок, с головой, подобной скале, поедем быстрее!

[Путоной], отправившись, доехал до места схватки, посмотрел на брата. От брата его остались одни кости. Заплакал [Путоной]. Тут запел его конь:

— Торгия, торгия! — Путонойкун-Эдекун, почему [ты] плачешь? Когда же спасем его? Влезь в мое правое ухо, там должен быть кнут в восемь маховых саженей. Возьми ты его. Затем, поставив меня [мордой] к восходу солнца, хлестни кнутом в восемь маховых саженей. (Я ускачу и) вернусь через трое суток. Когда вернусь, на мне будет белая пена [от] пота. [Ты] возьми ее, собери в посудину. Сложив кости своего брата так, как [они] должны лежать, помажешь этой пеной.

Влез Путоной в [правое] ухо [своего коня], смотрит — кнут в восемь маховых саженей, взял его. Поставив своего коня [мордой] к восходу солнца, хлестнул его кнутом в восемь маховых саженей. Остался Путоной [один]. Прискакал конь его на третий день. Прискакал весь в белой пене. [Путоной] собрал эту пену в посудину. Положил кости своего брата на место и смазал их. Стал его брат человек-человеком, встал и говорит:

— Братец ты мой, Путонойкун-Эдекун, то ли поспав, то ли сделав что-то, [я] проснулся.

Отвечает Путонойкун-Эдекун:

— Золотом обшитый, серебром распестренный, зачем же ты бродил по извилинам земли? Ступай к себе на родину! Я же буду жить своей жизнью или умру своей смертью.

Запел и конь:

— Торгия, торгия! — Золотом обшитый, серебром распестренный, когда окрепнут кости твои, тогда отправляйся странствовать. Мы же с Путоноем проживем своей жизнью и умрем своей смертью. [Ты] почувствуешь [нашу смерть], когда увидишь сон.

Стал говорить конь Путоною:

— Когда влезешь в мое левое ухо, там будет серебряная кровать, усни на ней!

Путоной влез в левое ухо коня. Конь же его с головой, подобной скале, тотчас пошел. Так шел и шел. Наконец-то он догнал девятиглавого Девультэ. Тогда конь запел:

— Торгия, торгия! — Девятиглавый Девультэ! Кто-либо из нас останется в живых. Не хвались ты, думая: «Я убил человека».

— Эй, Путонойкун-Эдекун, жив ты или нет, выходи поскорей!

Вот и выскочил Путонойкун-Эдекун [из уха своего коня]. Выскочив, запел:

— Ну, девятиглавый Девультэ, сейчас вступим мы в бой! Почему ты, убив человека, обшитого золотом, распестренного серебром, ушел дальше?

Вскочил тут Девультэ, засмеялся: «Аха-хик, аха-хик!» и запел:

— Герол, герол! — Который же из нас начнет!

Путоной сказал:

— Ну, начинай ты!

Девятиглавый Девультэ бросил [в Путоной-Эдекуна] мячом.

Путоной, поймав мяч Девультэ, раздавил его. Девультэ, увидев это, бросил в Путоноя своей пальмой. Схватив ее, Путоной разломал [пальму] на части. Увидел это Девультэ и бросил копье. Путоной и его схватил, разломал на куски.

Тогда запел Девультэ:

— Герол, герол! Герол! — Мое боевое оружие ты разломал. Теперь же давай будем биться врукопашную!

Вот схватились они. Ударил Путоной кулаком наотмашь так, что Девультэ раскололся пополам. Но снова склеились обе половинки. Целый год бились [они]. Девятиглавый Девультэ начал наступать на Путоноя. Снова запел конь:

— Торгия, торгия. — Не прошло и полгода лунных ночей и полгода солнечных дней, как наступило наше поражение. Если подумать о прошлом (обратиться вверх), то мы можем сказать, что был же у нас сын, золотом обшитый, серебром распестренный. Пусть ему приснится сон.

Вот обшитый золотом, распестренный серебром Мэнгултэ-Эден увидел сон, запел:

Хэрикэ, хэрикэ! — На нижней земле Девультэ, убив Путоноя, ест [его], говорят. Мой конь, с седлом с котелок, с головой, подобной скале, слушай мои слова. Быстрее, быстрее ко мне приходи!

Конь тут же пришел к нему. Вскочил на него Мэнгултэкун-Эден. Быстро приехал он. Смотрит девятиглавый Девультэ грызет тело Путоноя. Мэнгултэ запел:

— Хэрикэ, хэрикэ! — Девятиглавый Девультэ, не хвались, говоря, (что меня) убил ребенком когда еще был, не хвались, го-

воря: «Осилив старого человека, Путоноя я убил». Как девять шишек, отсек (я) все твои девять головок!

Посмотрел на пришельца Девультэ и, сказав «Аха-хик!», стал снова смеяться. Потом сказал:

— Ну, который из нас первым начнет?

Сказал [ему] Мэнгултэ:

— Ладно, начинай, ведь ты старый человек, обидишься, если окажешься побежденным.

У Девультэ нет уже больше боевого оружия, остался лишь один мяч. Мячиком и бросил Девультэ в Мэнгултэ. Тотчас схватил его Мэнгултэ и раздавил. Потом ударил шишкой так, что сшиб его девять голов. После этого он собрал кости своего брата и отправился на родину. К месту боя доехал и запел:

— Хэрикэ, хэрикэ! — Мой конь, с седлом с котел величиной, с головой, подобной скале, как ты сумел оживить меня, так оживи и моего брата.

В ответ ему конь:

—Torгия, торгия! — Обшитый золотом, серебром распестренный Мэнгултэ-Эден, влезай в мое правое ухо, там должен быть кнут длиной в восемь маховых саженей, возьми [ты] его. Поставь меня [мордой] к восходу солнца, хлестни три раза меня кнутом в восемь маховых саженей. [Я] возвращусь через трое суток. Когда я вернусь, ты увидешь на мне пот — белую пену. [Ты] собери ее в сосуд. Потом положи кости брата на прежнее место и смажь [их] этой пеной.

Влез в правое ухо коня Мэнгултэ и вытащил оттуда кнут в восемь маховых саженей. Поставил коня [мордой] к востоку и три раза хлестнул его.

Через три дня конь вернулся. [Мэнгултэ] собрал пот коня и разложил кости на прежнее место и обрызгал их [пóтом]. Стал Путоной-Эдекун человек-человеком. Снова стал петь конь:

— Торгия, торгия! — Обшитый золотом, серебром распестренный Мэнгултэку-Эден, будучи юношей и странствуя по земле, ты [нас] очень измучил! Отправляйся к себе на родину и живи хорошо.

Так они расстались. Путоной-Эдекун поехал. Мэнгултэкэн-Эден тоже отправился на родину.

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от М. П. Трынкиной (Йокоткар). 1893 г. р., неграмотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

3. ПТИЧКА С МЫШКОЙ

Птичка жила среди камней. Однажды птичка встретилась с мышкой. Мышка, встретившись с птичкой, сказала:

— Давай поборемся, птичка! Если ты меня свалишь, человек

не будет смертным. Если же я свалю тебя, человек будет смертен. Птичка ответила на это:

— Ну, давай бороться! Ты или я, кто-нибудь победит!

Мышка сказала:

— Ну-ну, давай бороться!

Вот они стали бороться, и птичка так бросила [мышку], что [свалила] ее. Свалив мышку, птичка сказала:

— Ну, теперь человек не будет смертен.

Мышка отвечала:

— Нет, это не так, сначала давай бороться там, где я живу; если там свалишь меня, тогда считай, [что твоя взяла]. Ну, давай, пойдем ко мне! — сказала она. Птичка сказала:

— А почему [ты] сначала не говорила об этом, ты же сказала: «Давай бороться, если кто победит, то по его и будет», ну если так, пойдем на твою родину.

Тут же они отправились на родину к мышке. Родина мышки оказалась большой марью. Придя на марник, они начали бороться. Мышка воткнула свой хвост глубоко в мох. Воткнув [же] свой хвост в мох, она не могла упасть. Поэтому она [и] победила птичку. С тех пор человек стал смертным.

Записано от нее же.

4. ПТАШКА И ЛИСА

Однажды пташка на дереве снесла яйцо и начала выводить птенцов. Пришла лиса к дереву, к пташке. Пташка зачирикала: «Чип! Чип!». Лиса взглянула вверх, [а] взглянув, увидела пташку. Увидев [ее], она спросила птичку:

— Сколько детей у тебя?

— Детей у меня пять, — ответила пташка.

— Отдай мне пятое яйцо, брось, — сказала лиса.

— Нет, не отдам, — ответила пташка.

Лиса сказала:

— Тогда я влезу [на дерево] или подрублю его.

Испугавшись, пташка отдала одно яйцо, сбросила. Съев его, лиса ушла. После этого пташка стала плакать. В это время вдруг подлетел рябчик и спросил:

— Пташка, почему это ты плачешь?

— Лиса съела моего детеныша! — сказала пташка.

— Зачем же ты сама отдала? — спросил рябчик.

— Лиса сказала: «Срублю и свалю это дерево и заберу всех твоих детенышей».

Выслушав это, рябчик сказал:

— Какая ты глупая, зачем же нужно было сбрасывать [яйцо]. Если [лиса] еще придет, тогда скажи: «Чем ты срубишь это дерево, как влезешь?».

— Ладно, — ответила пташка.

Ответив так, продолжала [она] сидеть на дереве. Рябчик сказал:

— Ну, я влезу в свое гнездо, — сказал и полетел.

Как только рябчик улетел, опять пришла лиса. Придя, спросила пташку:

— Сколько детей у тебя?

Пташка ответила:

— Только четыре, съела же [ты] одного! Теперь я уже не отдам тебе [яйца], нет! — сказала она.

— Тогда я влезу на дерево или срублю его, — сказала лиса.

Пташка ответила на это:

— Если ты такая храбрая, влезь, сруби! Как же ты сможешь влезть, чем же ты срубишь?

Лиса спросила пташку:

— Кто же научил тебя, пташка?

Пташка ответила:

— Меня научил рябчик.

— Куда же улетел твой рябчик?

На это пташка ответила:

— Он сказал: «Влезу в свое гнездо» и улетел, кто его знает куда.

Выслушав это, лиса сказала:

— Я съем рябчика, зачем он учит [тебя], — и пошла искать рябчика. Шла лиса, подкрадывалась. Покрадываясь, она увидела рябчика, снующего в гнездо и обратно. Когда он вышел, лиса схватила его. Схватив, понесла в пасти. В это время вдруг рябчик сказал:

— Лиса, вначале съешь мое крыло, тогда без крыла не смогу улететь.

Лиса только открыла рот, чтобы сказать «ладно», как рябчик вылетел. Так лиса оказалась обманутой рябчиком.

Записано в 1947 г. от Р. Малдякитова. с. Токко. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 873.

5. СТАРШАЯ СЕСТРА И БРАТЬЯ

Давным-давно жили два брата, у них была старшая сестра. Вместе с сестрой они бродили, кочуя. Старшему парню было двадцать пять лет, а младшему — девять лет.

Однажды осенью они жили в верховьях речушки. Так жили они, разговаривали о том, о сем. Старшая сестра сказала: «Будьте осторожны, придут чангиты! Они хотят нас перебить», говорит.

Однажды вечером, когда стали ложиться спать, сестра, выходя из чума, увидела чангитов, прижавшихся к земле за вьюками. Уви-

дев, она закричала: «Пришли чангиты!». Вскрикнув так, бросилась в чум. Услышав крик сестры, старший брат испугался, схватил лук. А в это время чангиты уже начали обстреливать их чум. Старший брат стал натягивать лук со словами: «Натяну-ка лук», и натянул его так, что тот сломался. У младшего брата тоже сломался лук — он был непрочным. Старший брат, оставшись без лука, из боязни быть убитым убежал в лес. Младший брат крикнул: «Братец, не оставляй нас!». Услышав этот крик, брат остановился. Когда он остановился, чангиты выстрелили и убили его. Потом убили его маленького брата. В живых оставили сестру.

В те времена не убивали женщин. Чангиты убивали мальчиков. Они говорили так: «Большим станет, нас будет убивать». Всегда убивали мальчиков.

Записано в 1947 г. от Трынкина из Олекмы. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 873.

6. СЕКТАНЭЙ

Жили в тайге два человека. Имена этих двух людей: одного — Дёлоной, второго — Каданай. Еще жил в тайге один человек — по имени Сектанэй. Он был женат.

Однажды он ушел на охоту, а жена осталась дома. Охотясь, убил он одного лося. Начал свежевать зверя. В это время вдруг услышал человеческий разговор. Посмотрел — Каданай с Дёлоноем ведут его жену. Увидев Сектанэя, жена заплакала: «Теперь живи в чуме! Живи один, живи питаясь зверем! Не слушался меня! Говорила же я тебе утром, чтобы не уходил, я видела плохой сон, а ты не послушался моих слов и ушел охотиться». Сказав, прошла мимо.

Сектанэй смотрит — уводят его жену. Выстрелил Сектанэй в Каданая — только полетели каменные осколки. Тогда Сектанэй выстрелил в Дёлоноя — и разлетелись только одни каменные осколки. Сектанэй погнался за Каданаем и Дёлоноем, оставив убитого зверя. Когда Сектанэй подошел, Дёлоной сказал: «Ну, что станем делать? Побьемся!».

Дёлоной с Сектанэем начали биться. В поединке Сектанэй победил Дёлоноя. Победив, Сектанэй сказал Каданаю:

— Выходи! Побьемся! Кто начнет? — сказал Сектанэй. Каданай сказал: «Я начну!». Сектанэй ответил ему: «Ну, начинай!». Каданай бросил шаром в Сектанэя, но не попал. Тогда Сектанэй бросил шаром в Каданая, попал. Так он победил их. Победив, увел жену.

Записано в 1958 г. от А. А. Кульбертиновой (Чакагир) (см. № 2).

7. ЧАРА-МАТУШКА

Когда [раньше] проезжали по льду Чары-матушки,
И если смотрели на Чакурдак,
То были видны его скалы и чаща.

Если смотрели на вершину тех скал,
Были видны кое-где елочки
С разлапистыми ветвями.

В гористых лесах Чары-матушки
Водилось много зверей и птиц.

А если спросить: как же теперь
На месте тайги Чары-матушки? —
Теперь стоит много домов.

Что Чакурдак станет таким —
В молодости никогда не думала,
И в мыслях у меня не было,
И во сне не снилось.

Теперь бесчисленные дороги
Идут в разные стороны.
Открылись школы и интернаты,
Открылись больницы.

[Идя] по пути Ленина,
Коммунистическая партия и Советская власть
Строят всем счастливую жизнь.
Если придут те, кто захочет разрушить
Эту счастливую жизнь,
Коммунистическая партия станет скалой.

Наши дети-комсомольцы станут изгородью.
А наши дети-пионеры станут дозорными!

Записано от нее же.

8. ТОККО-МАТУШКА

Токко-матушка, счастливая река,
Если смотреть на воду —
С очень светлой водой она.
Хочешь зачерпнуть — с рыбой зачерпнешь!

На горах с лохматым лесом
Много черношерстных
Медведей бывает.

По горям пойдешь,
По тальникам пойдешь —
лосей много.

По склонам пойдешь —
Много диких оленей.
По зарослям хвоща пойдешь —
Изюбрей много.
Станешь ездить по озерам —
Много ондатры.
На берегах Токко-матушки
Белок много,
На истоках ее —
Много соболей.

И много, много смельчаков,
Смелых охотников-парней.
Токко-матушка изобилует пищей, одеждой,
Поэтому Токко-матушка полна счастья.

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от А. С. Кульбертиновой (Метаткар). 1920 г. р., малограмотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским владеет плохо.

9. ПЕСНЯ

Спою-ка отцом и матерью
Данной мне глоткой.
Звонким голосом
Пою я, распеваю.

Ведь рождаемся раз!
Вторично родившись,
Не можем же мы не петь.
Ради жизни мы поем.

Если есть одежда, одевайтесь,
Если есть еда, ешьте.

Молодые ребята,
Пока не состарились,
Обучаясь всему,
Все время растите!

Старших братьев и сестер
Не забывайте!
Старательно обучаясь,
Сказанные Лениным
Слова не забывая,
Живите счастливо!

Записано от А. А. Кульбертиновой (Чакагир) (см. № 2).

10. ГЭСУГУР

(Приглашение встать в круг, петь и плясать)

Гэсугур, гэсугур,
Давайте устраивать гэсугур!
Приходите на гэсугур!
Гэсугур, гэсугур!
Ради того, кто родился,
Давайте устраивать гэсугур!
Ведь двух, трех жизней не бывает,
И гэсугур поют только раз!
Посреди Средней земли
Родились мы, чтобы петь и плясать.
Гэсугур, гэсугур!
Если есть еда, будем есть,
Если есть одежда, будем одеваться!
Нами никто не повелевает
При Советской власти.
Ради нашей радости
Давайте играть и петь гэсугур!

Записано в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от А. С. Трынкиной (Чакагир). 1924 г. р., грамотная, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским владеет хорошо.

11. ДЕРЕВЬЯ

Э! Лиственницы запели,
Э! Сосны стали подпевать.
Э! Ели погнались [за ними]
Э! Березы стали задевать [бегущих],
Э! Кедры начали хватать,
Э! Стланики стали расстилаться.
Э! Пихты распростерли ветви,
Э! Тальники начали [жвачку] пережевывать.
Э! Сухостои застонали,
Э! Горы остановились на стоянку.

Записано от нее же.

12. ДЭВЭЙДЭ

Сурик и красный цвет,
Замша оленя и замша лосиная,
Шкура дикого оленя и домашнего,

Шкура изюбря и коровья шкура,
Шкура лошади и лосиная шкура,
Шкура лисы и шкура собаки,
Шкурка белки и соболя,
Которая же из них лучше,
Которая же из них прочнее?

Все загадки записаны в 1958 г. в пос. Тяня Олекминского р-на Якутской АССР от М. П. Трынкиной (Йокоткар), за №№ 1—4, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 16—23, 25, 26 и от И. Е. Трынкина (Чакагир), за №№ 5, 7, 9, 12, 15, 24, 27.

13. ЗАГАДКИ

1. Два человека договариваются: «Теперь ты, а потом я» (*ноги*).
2. Посреди луга чашка стоит (*пуп*).
3. На конце холмика видна лисья нора (*ноздря*).
4. В березняке ржет рыжий конь (*язык*).
5. Один человек говорит: «Если только дадите — съем. Сколько бы ни ел я, никогда не наемся» (*огонь*).
6. Никого не боюсь, кроме одного человека [воды] (*огонь*).
7. Два тайменя соревнуются (*лыжи*).
8. Четыре человека под одной шапкой (*ножки стола*).
9. Внутри одного человека шерсть, а снаружи нет (*свечка*).
10. Корни елки, поднявшиеся вверх (*телячьи хвосты*).
11. На крюк повесишь — никогда не повиснет (*птичье яйцо*).
12. Желтая корова облизывает доску (*рубанок, стружка*).
13. Один человек полгода поет, потом перестает (*шум переката*).
14. Один человек не может удержать своего мяча (*вода и камень*).
15. Множество людей в заячьих шапках (*снежные кочки*).
16. Один человек — обжора, никак не наестся (*огонь*).
17 Один человек с кипящим сердцем и печенью (*самовар*).
18. Дырявый нюк (*небо со звездами*).
19. Один человек говорит: «Зачем постоянно заставлять меня заниматься чисткой?!» (*гребень*).
20. Слаще сладкого, уж очень сладок (*сон*).
21. Два лося лежат напротив друг друга (*уши*).
22. Два человека бьют друг друга (*ресницы*).
23. Один человек поет да поет (*колокольчик*).
24. В чаще шаманит шаман (*шелест листьев в тайге*).
25. В яме лежит плохой веник (*медведь в берлоге*).
26. Черный ворон упал на черную гору (*голова и шапка*).
27. Никогда не идет по следу (*посох*).

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УҤУРМЭКӢ АҤАД' АКĀН-ХУНĀТКĀН

Дундэ мōикāнин сēнҥачинин сēрилдıвд'аракин, мō бимй өлэкэс мōкивд'аракин, урэ бихикин улукй иргйҕэчинин уҕдургод'орокин, йанā бимй элэкэс киринāс нандаҕачйнин гилбаргад'аракин, дулин буҕав ойодӯн Н'уҥурмэк аҥад'акāн-ахāткāн эмӯккөчөн оскēд'эчө. Тар н'экэксөкөн йргит—тө тэкэлкөнми, сөксэлкөнми энэ сāра оскēд'эчө. Сōма сōрво, мӯҥма ичэнэ оскēд'эчө бичө. Тар н'экэксө ахӯнма-дā горово бинөви эчэ сāра.

Тар н'экэксэ, нуҥан урин дōдӯн ēкӯн-ка, хуруҕучōндıн ōна, оскēд'эчө. Олоҥко биксөкөн, удад'иҕāн баро-до! Тар-да дōдӯн куҥāкāн оскēд'эчө бичө-вит. Ахӯнма-да эчө бирэ. Тар-дāт эн'йнми эриксэвөн иксāттан, ҥōнумунд'а д'алван урумуливкөнэн. Беремен эмэрэн, эриксэн урумулдэн, ҥōнум д'алин урумулдэн. Ӯйдуккй йӯрэн.

Умнөкөн уйдөрэкин, д'улдөрэкин, арай амаргйдāткин сēндӯн сэхэн, турөн долдıвуттан:

— Эн'эй, эн'эй! Иҥин'е, иҥин'е! Силгимō, силгимō! Бирҕэнд'э билдэн. Ҥōнум д'алив урумулдэн, эмҥэ кэҥтıрэө тıйэлдэн! Эн'эй, эн'эй! Иҥйн'е, иҥйн'е! Биргэв ōран! Сōд'й тургэнд'и карайкал! Бй синдук балдıм! Бэйэ ōми, синэвэ эриксэнд'өэс эрухуйд'эҥāв. Карайкал, карайкал сōд'й тургэнд'и, эн'эй, эн'эй! Минэвэ д'акйлдı ēкӯн тэтıлкөн бихиндı? Минэвэ д'акилкал, карайкал! Хуркөн-хутэс бй балдıм, эн'эй, эн'эй!

Урӯннудӯви сōдӯн энӯрйвэ-дө энэ сāра, сэктэвӯнми дōндӯн чакилдан хутэви, карайран. Тар н'экэксө ахунма-да бинэвэр эчөл сāра. Хӯркөн-куҥāкāн умнө āнҥамй умӯчй куҥāкāдıн ōран, д'улдэвэ āнҥаксā д'ӯр āнҥанйптıҕачйн ōран. Илалдава биксэ, лукйнэви эн'йнми ōвкатчā. Эн'инин, тāрā ōксā, бучө. Тāдук эр куҥāкāн ахучй-дā ōнавāн эн'йнин эчө сāра. Эр хутэн бими бэйҥэвэ дуруккāн вāлчā.

Эр омолгй, тıмāтна эрдэкөн иликсā, тӯксачā, тāдук кирэктэвэ вāксā эн'йнндулөви тӯксāвна эмувчө. Нуҥартıн тāрā д'эпнэл āнҥатчāл. Омолгй, н'āн эрдөкөн иликсā, аҕиткй ҥэнэчө. Тар ҥэнэксө, умӯн хорокйва вāксā эмӯвчэ. Тара д'эпнэл āнҥатчāл. Тıмйнин н'ан бэйучө. Тар бэйуксө илан мэҥэтувэ вāксā, илан имөннэдӯви уйиксө, эмувчө.

Таргачйн букатıр ōча тар илан долбонйду.

Тара д'эвуксэл эн'йнин гӯнчэттэн: «Тэд'эмэ, дулин буӈа ойодун бэйэ тэкэнин ōдāви оскēчэ хутэв бōлдаӈа,» — гундэ д'алдаттан. Сōмат урӯнйттэн. «Дулин буӈа йтчин ōдāви оскēчэ куӈāкāн», гундэ. Сōмат урӯнйттэн, мактанйттан. Ōн н'экэксэ, хутэви бэйэ овкāнд'эӈāв болда? — гунчэнэ д'алдāттан.

Тар бид'эректін, эргит, таргит эдін—дэлдун эмэд'эрэн-ивит арай, ахӯнма-да эчэ удара. Арай иргит, таргит турэн, турэн сэхэн, сэхэн сēйāлйтін силдівд'аран, дойāлйтін дōлдівд'аран.

— Кимэ, кимэ, кимэн'ин! — Д'э, нэкэнил айамат ичэнэл гиркукаллу. Н'уӈурмэк гунэрй аӈад'акāн-куӈакāн оскēчэ дулин буӈадӯ. Тар хуркэн-хутэчй, тāрā ичэнэӈэт! Тāрā айамат ичэкэллу! Тāрā ēмй-кāт ичэксэл илтэнд'эӈэт!

Тікэн гунчэлэн, нуӈартін утэн уркэлэн эмэксэл, тіктэ. Тар н'экэксэкэр н'āн-дāт тікэн гӯлчэ:

— Дулин буӈа ойодӯн оскēчэ ахāткāн, аӈад'акāн-куӈāкан, Н'ӯӈӯрмэк гӯнэри, доӈдоломо доровойо д'авад'акал! Утэнд'эви уркэвэн н'ид'экэл! Бу синдӯлэ соруйан сāнад'ал эмэчэвун. Гēван-этіркэн хунйлин биӈнэрэв. Сй хуркэн-хутэс хуругучōндін ōна оскēчэ Хуругучон гунэри дулин буӈа букатірин оскēчā, балдічā. Тара ичэнэд'эл эмэчэвун, Гēван этіркэн хунйлин. Бй экймэтін биӈнэм сōма солко тэтілкэн Солкокчōн гӯнэри гэрбйлкэн. Дулгу нэкӯнми Дарпек гунэрй гэрбйлкэн. Д'окēргу нэкӯнми Сēкак-киливлй гӯнэри гэрбйлкэн. Тāдук сōма горо дуннэдӯк айаннāксāл, эмэчэл биӈнэрэв, сōд'и тургэнд'и авататкал, экэй, дулйн буӈа йтчин, сōмат утāчанал гиркуд'арав. Бу буӈавун сōма содōм. Эргит, таргит авахйл-атамāртін, уӈӯ буӈа сōн'иӈилтін сōмāт гиркӯрил беремэлтін билдэн. Тарит сōмāт утāчанал гиркӯд'арав.

Н'уӈӯрмэк гӯнэрй атіркāн утэнми уркэвэн нйксэкэн, эхилэ йэтірэн нуӈарбатін. Били хутэви вāнавāн ирун бэйӈэӈйлби улдэлбэтін ириксэкэн, эвэттэрэн нуӈарбатін.

Тар ахāткāр-куӈакāр буӈалāвар сōмат утатра. Тар-дāт бугалāвар д'э ӈэнэхинэ.

Тар ӈэнэхинд'энэл, экймэтін тікэн гуннэ турэлкэн ōчā:

— Дулин буӈа йтчин Н'уӈурмэк атіркāн, д'э сōмāт айат бикэл, хутэви айа бэйэ ōвкāкал!

Тавар хунйл, д'э буӈалāвар ӈэнэхинэ, Н'уӈурмэк гунэрй атіркāнма поростілахиксāл.

Тавар атіркāн хутэн, хуруӈучōндін ōна оскēд'эрй, Хуруӈучōн гунэрй дулин буӈа букатірин тавар ахāткāр-куӈакāрба ахарй д'алин йрэн. Ōн-кāт буӈадӯви эчэ тулуййа. Эр ахāткāр-куӈāкāрба ахарй д'алин йрэн. Нуӈан-да иӈилāран, гунйрэн. Тар н'экэксэкэн, нуӈан иларāкāн уӈурус, таралйс н'экэрэн. Тар н'экэксэкэн мэрймэ качикāн ōран, ахāткāр-куӈāкāрба ахалдан, мэрймэ качикāн ōксā. Дэгрй лэгйлбэ качикāн ōксāкāн ахалдан.

Д'э эркэн-дэ, таркāн-да ахамй-нун ахаран. Илан-дā бēӈава ӈэнэнэви эчэ сāра, илан-да аиӈанйва ӈэнэнэви эчэ сāра. Эркэн-дā, таркāн-дā ахамй нун ахаран.

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УҢУРМЭКЭ АҢАД' АКĀН-ХУНĀТКĀН

Дундэ мōикāнин сēнӈачинин сēрилдīвд'аракин, мō бимӣ элэкэс мōкивд'аракин, урэ бихикин улукӣ иргӣӷэчинин уӷдургод'орокин, йанā бимӣ элэкэс киринāс нандаӷачӣнин гилбаргад'аракин, дулин буӷав ойодӯн Н'уӈурмэк аӈад'акāн-ахāткāн эмӯккēчēн оскēд'эчē. Тар н'экэксēкēн ӣргит—тē тэкэлкēнми, сēксэлкēнми энэ сāра оскēд'эчē. Сōма сōрво, мӯӈма ичэнэ оскēд'эчē бичē. Тар н'экэксē ахӯнма-дā горово бинēви эчэ сāра.

Тар н'экэксэ, нуӈан урин дōдӯн ēкӯн-ка, хуруӷучōндıн ōна, оскēд'эчē. Олоӈко биксēкēн, удад'иӷāн баро-до! Тар-да дōдӯн куӈāкāн оскēд'эчē бичē-вит. Ахӯнма-да эчē бирэ. Тар-дāт эн'ӣнми эриксэвēн иксāттан, ӈōнумунд'а д'алван урумуливкēнэн. Беремен эмэрэн, эриксэн урумулдэн, ӈōнум д'алин урумулдэн. Уӣдуккӣ йӯрэн.

Умнēкēн уӣдēрэкин, д'улдēрэкин, арай амаргӣдāткин сēндӯн сэхэн, турēн долдīвуттан:

— Эн'эй, эн'эй! Иӈин'е, иӈин'е! Силгимō, силгимō! Бирӷэнд'э билдэн. Ӈōнум д'алив урумулдэн, эмӈэ кэӈтірēв тīӣэлдэн! Эн'эй, эн'эй! Иӈӣн'е, иӈӣн'е! Биргэв ōран! Сōд'ӣ тургэнд'и карайкал! Бӣ синдук балдıм! Бэӣē ōми, синэвэ эриксэнд'ēвэс эрухуӣд'эӈēв. Карайкал, карайкал сōд'ӣ тургэнд'и, эн'эй, эн'эй! Минэвэ д'акилдı ēкӯн тэтıлкēн бихиндı? Минэвэ д'акилкал, карайкал! Хуркēн-хутэс бӣ балдıм, эн'эй, эн'эй!

Урӯннудӯви сōдӯн энӯрӣвэ-дē энэ сāра, сэктэвӯнми дōндӯн чакилдан хутэви, карайран. Тар н'экэксē ахунма-да бинэвэр эчēл сāра. Хӯркēн-куӈāкāн умнē āнӈамӣ умӯчӣ куӈāкāдıн ōран, д'улдэвэ āнӈаксā д'ӯр āнӈанӣптıӷачӣн ōран. Илалдава биксэ, лукӣӣэви эн'ӣнми ōвкатча. Эн'инин, тāрā ōксā, бучē. Тāдук эр куӈāкāн ахучӣ-дā ōнавāн эн'ӣнин эчē сāра. Эр хутэн бими бэӣӈēвэ дуруккāн вāлчā.

Эр омолгӣ, тıмāтна эрдэкēн иликсā, тӯксача, тāдук кирэктэвэ вāксā эн'ӣнндулēви тӯксāвна эмувчē. Нуӈартıн тāрā д'эпнэл āнӈатчāл. Омолгӣ, н'āн эрдэкēн иликсā, аӷиткӣ ӈэнэчē. Тар ӈэнэксē, умӯн хорокӣва вāксā эмӯвчэ. Тара д'эпнэл āнӈатчāл. Тıмӣнин н'ан бэӣучē. Тар бэӣуксē илан мэӈэтувэ вāксā, илан имэннэдӯви уӣиксē, эмувчē.

Таргачӣн букатıр ōча тар илан долбонӣду.

Тара д'эвуксэл эн'йнин гӯнчэттэн: «Тэд'эмэ, дулин буӈа ойодун бэйэ тэкэнин ӧдӓви оскёчэ хутэв бӧлдаӈа,» — гундэ д'алдаттан. Сӧмат урӯнйттэн. «Дулин буӈа йтчин ӧдӓви оскёчэ куӈӓкӓн», гундэ. Сӧмат урӯнйттэн, мактанйттан. Ӧн н'экэксэ, хутэви бэйэ оикӓнд'эӈӓв болда? — гунчэнэ д'алдӓттан.

Тар бид'эрэктін, эргит, таргит эдін—дэлдун эмэд'эрэн-ивит арай, ахӯнма-да эчэ удара. Арай иргит, таргит турэн, турэн сэхэн, сэхэн сёйӓлйтін силдівд'аран, дойӓлйтін дӧлдівд'аран.

Кимэ, кимэ, кимэн'ин! — Д'э, нэкэнил айамат ичэнэл гиркукаллу. Н'уӈурмэк гунэрй аӈад'акӓн-куӈакӓн оскёчэ дулин буӈаду. Тар хуркэн-хутэчй, тӓрӓ ичэнэӈэт! Тӓрӓ айамат ичэкэллу! Тӓрӓ ёмй-кӓт ичэксэл илтэнд'эӈэт!

Тікэн гунчэлэн, нуӈартін утэн уркэлэн эмэксэл, тіктэ. Тар н'экэксэкэр н'ӓн-дӓт тікэн гӯлчэ:

Дулин буӈа ойодӯн оскёчэ ахӓткӓн, аӈад'акӓн-куӈӓкан, Н'уӈӯрмэк гӯнэри, доӈдоломо доровойо д'авад'акал! Утэнд'эви уркэвэн н'ид'экэл! Бу синдӯлэ соруйан сӓнад'ал эмэчэвун. Гёванэтіркэн хунйлин биӈнэрэв. Сй хуркэн-хутэс хуругучӧндін ӧна оскёчэ Хуругучон гунэри дулин буӈа букатірин оскёчӓ, балдічӓ. Тара ичэнэд'эл эмэчэвун, Гёван этіркэн хунйлин. Бй экймэтін биӈнэм сӧма солко тэтілкэн Солкокчӧн гӯнэри гэрбйлкэн. Дулгу нэкӯнми Дарпек гунэрй гэрбйлкэн. Д'окёргу нэкӯнми Сёкак-киливлй гӯнэри гэрбйлкэн. Тӓдук сӧма горо дуннэдӯк айаннӓксӓл, эмэчэл биӈнэрэв, сӧд'и турганд'и ававтаткал, экэй, дулйн буӈа йтчин, сӧмат утӓчанал гиркуд'арав. Бу буӈавун сӧма содӧм. Эргит, таргит авахйл-атамӓртін, уӈӯ буӈа сӧн'иӈилтін сӧмӓт гиркӯрил беремэлтін билдэн. Тарит сӧмӓт утӓчанал гиркӯд'арав.

Н'уӈӯрмэк гӯнэрй атіркӓн утэнми уркэвэн нйксэкэн, эхилэ йвтірэн нуӈарбатін. Били хутэви вӓнавӓн ирун бэйӈэӈйлби улдэлбэтін ириксэкэн, эвэттэрэн нуӈарбатін.

Тар ахӓткӓр-куӈакӓр буӈалӓвар сӧмат утатра. Тар-дӓт бугалӓвар д'э ӈэнэхинэ.

Тар ӈэнэхинд'энэл, экймэтін тікэн гуннэ турэлкэн ӧчӓ:

— Дулин буӈа йтчин Н'уӈурмэк атіркӓн, д'э сӧмӓт айат бикэл, хутэви айа бэйэ ӧвкӓкал!

Тавар хунйл, д'э буӈалӓвар ӈэнэхинэ, Н'уӈурмэк гунэрй атіркӓнма поростілахиксӓл.

Тавар атіркӓн хутэн, хуруӈучӧндін ӧна оскёд'эрй, Хуруӈучӧн гунэрй дулин буӈа букатірин тавар ахӓткӓр-куӈакӓрба ахарй д'алин йрэн. Ӧн-кӓт буӈадӯви эчэ тулуййа. Эр ахӓткӓр-куӈӓкӓрба ахарй д'алин йрэн. Нуӈан-да иӈилӓран, гунйрэн. Тар н'экэксэкэн, нуӈан иларӓкӓн уӈурус, таралйс н'экэрэн. Тар н'экэксэкэн мэрймэ качикӓн ӧран, ахӓткӓр-куӈӓкӓрба ахалдан, мэрймэ качикӓн ӧксӓ. Дэгрй дэгйлбэ качикӓн ӧксӓкӓн ахалдан.

Д'э эркэн-дэ, таркӓн-да ахамй-нун ахаран. Илан-дӓ бёӈава ӈэнэнэви эчэ сӓра, илан-да аиӈанйва ӈэнэнэви эчэ сӓра. Эркэн-дӓ, таркӓн-дӓ ахамй нун ахаран.

Тексты и переводы фольклора майских и урмийских эвенков

ТЕКСТЫ

14. Н'УҢУРМЭКЭ АҢАД' АКА̄Н-ХУНА̄ТКА̄Н

Дундэ мōика̄нин сēнӈачинин сēрилдiвд'аракин, мō бимӣ элэкэс мōкивд'аракин, урэ бихикин улукӣ иргӣӷэчинин уӷдургод'ōрокин, йана̄ бимӣ элэкэс кирина̄с нандаӷачӣнин гилбаргад'аракин. дулин буӷав ойодӯн Н'уӈурмэк аӈад'ака̄н-аха̄тка̄н эмӯккēчēн оскēд'эчē. Тар н'экэксēкēн йргит—тē тэкэлкēнми, сэксэлкēнми энэ са̄ра оскēд'эчē. Сōма сōрво, мӯӈма ичэнэ оскēд'эчē бичē. Тар н'экэксē ахӯнма-да̄ горово бинēви эчэ са̄ра.

Тар н'экэксэ, нуӈан урин дōдӯн ēкӯн-ка, хуруӷучōндiн ōна, оскēд'эчē. Олоӈко биксēкēн, удад'иӷа̄н баро-до! Тар-да дōдӯн куӈа̄ка̄н оскēд'эчē бичē-вит. Ахӯнма-да эчē бирэ. Тар-да̄т эн'йнми эриксэвēн икса̄ттан, ӈōнумунд'а д'алван урумуливкēнэн. Беремен эмэрэн, эриксэн урумулдэн, ӈōнум д'алин урумулдэн. Ӯйдуккӣ йӯрэн.

Умнēкēн уйдēрэкин, д'улдēрэкин, арай амаргӣда̄ткин сēндӯн сэхэн, турēн долдiвуттан:

— Эн'эй, эн'эй! Иӈин'е, иӈин'е! Силгимō, силгимō! Бирӷэнд'э билдэн. Ӈōнум д'алив урумулдэн, эмӈэ кэӈтiрēэ тiйэлдэн! Эн'эй, эн'эй! Иӈӣн'е, иӈӣн'е! Биргэв ōран! Сōд'ӣ тургэнд'и карайкал! Бӣ синдук балдiм! Бэйэ ōми, синэвэ эриксэнд'ēвэс эрухуйд'эӈēв. Карайкал, карайкал сōд'ӣ тургэнд'и, эн'эй, эн'эй! Минэвэ д'акӣлдi ēкӯн тэтiлкēн бихиндi? Минэвэ д'акилкал, карайкал! Хуркēн-хутэс бӣ балдiм, эн'эй, эн'эй!

Урӯннудӯви сōдӯн энӯрйвэ-дē энэ са̄ра, сэктэвӯнми дōндӯн чакилдан хутэви, карайран. Тар н'экэксē ахунма-да бинэвэр эчэл са̄ра. Хӯркēн-куӈа̄ка̄н умнē а̄нӈамӣ умӯчӣ куӈа̄ка̄дiн ōран, д'улдэвэ а̄нӈакса̄ д'ӯр а̄нӈанйптiӷачӣн ōран. Илалдава биксэ, лукӣйэви эн'йнми ōвкатча̄. Эн'инин, та̄ра̄ ōкса̄, бучē. Та̄дук эр куӈа̄ка̄н ахучӣ-да̄ ōнава̄н эн'йнин эчē са̄ра. Эр хутэн бими бэйӈэвэ дурукка̄н ва̄лча̄.

Эр омолгӣ, тiма̄тна эрдэкēн иликса̄, тӯксача̄, та̄дук кирэктэвэ ва̄кса̄ эн'йнндулēви тӯкса̄вна эмувчē. Нуӈартiн та̄ра̄ д'эпнэл а̄нӈатча̄л. Омолгӣ, н'а̄н эрдэкēн иликса̄, аӷиткӣ ӈэнэчē. Тар ӈэнэксē, умӯн хорокӣва ва̄кса̄ эмӯвчэ. Тара д'эпнэл а̄нӈатча̄л. Тiмӣнин н'ан бэйучē. Тар бэйуксē илан мэӈэтувэ ва̄кса̄, илан имэннэдӯви уйиксē, эмувчē.

Таргачӣн букатiр ōча тар илан долбонйдӯ.

Тара д'эвуксөл эн'йнин гўнчэттэн: «Тэд'өмэ, дулин буђа ойодўн бэйэ тэкөнин ōдāви оскēчө хутэв бōлдаҕа,» — гундэ д'алдаттан. Сōмат урўнйттэн. «Дулин буђа йтчин ōдāви оскēчө куӈāкāн», — гундэ. Сōмат урўнйттэн, мактанйттан. Ōн н'экэксө, хутэви бэйэ онкāнд'эӈāв болда? — гунчөнэ д'алдāттан.

Тар бид'эрэктін, эргит, таргит эдін—дэлдун эмэд'эрэн-ивит арай, ахўнма-да эчө удара. Арай иргит, таргит турөн, турөн сэхэн, сэхэн сēйāлйтін силдївд'аран, дойāлйтін дōлдївд'аран.

— Кимө, кимө, кимөн'ин! — Д'э, нэкөнил айамат ичэнэл гиркукаллу. Н'уӈурмэк гунэрй аӈад'акāн-куӈакāн оскēчө дулин буҕаду. Тар хуркөн-хутөчй, тāрā ичэнөҕэт! Тāрā айамат ичэкэллу! Тāрā ёмй-кāт ичэксөл илтэнд'эҕэт!

Тікөн гунчөлөн, нуӈартін утэн уркэлөн эмэксөл, тіктэ. Тар н'экэксөкөр н'āн-дāт тікэн гўлчэ:

Дулин буҕа ойодўн оскēчө ахāткāн, аӈад'акāн-куӈāкан, Н'уӈўрмэк гўнэри, доӈдоломо доровойо д'авад'акал! Утөнд'эви уркэвэн н'ид'экэл! Бу синдўлэ соруйан сāнад'ал эмэчөвун. Гēванэтіркөн хунйлин биӈнэрэв. Сй хуркөн-хутэс хуругучōндін ōна оскēчө Хуругучон гунэри дулин буҕа букатірин оскēчā, балдічā. Тара ичэнөд'өл эмэчөвун, Гēван этіркөн хунйлин. Бй экймэтін биӈнэм сōма солко тэтілкөн Солкокчōн гўнэри гэрбйлкөн. Дулгу нэкўнми Дарпек гунэрй гэрбйлкөн. Д'окēргу нэкўнми Сēкак-киливлй гўнэри гэрбйлкөн. Тāдук сōма горо дуннэдўк айаннāксāл, эмэчөл биӈнэрэв, сōд'и тургэнд'и ававтаткал, экөй, дулйн буҕа йтчин, сōмат утāчанал гиркуд'арав. Бу буҕавун сōма содōм. Эргит, таргит авахйл-атамāртін, уҕў буҕа сōн'иӈилтін сōмāт гиркўрил беремэлтін билдэн. Тарит сōмāт утāчанал гиркўд'арав.

Н'уӈўрмөк гўнэрй атіркāн утөнми уркэвөн нйксөкөн, эхилэ йвтірэн нуӈарбатін. Били хутэви вāнавāн ирун бэйӈөӈйлби улдэлбэтін ириксөкөн, эвэттөрэн нуӈарбатін.

Тар ахāткāр-куӈакāр буҕалāвар сōмат утатра. Тар-дāт бугалāвар д'э ӈэнэхинэ.

Тар ӈэнэхинд'өнэл, экймэтін тікөн гуннэ турөлкөн ōчā:

— Дулин буҕа йтчин Н'уӈурмэк атіркāн, д'э сōмāт айат бикэл, хутэви айа бэйэ ōвкāкал!

Тавар хунйл, д'э буҕалāвар ӈэнэхинэ, Н'уӈурмэк гунэрй атіркāнма поростілахиксāл.

Тавар атіркāн хутэн, хуруҕучōндін ōна оскēд'эрй, Хуруҕучōн гунэрй дулин буҕа букатірин тавар ахāткāр-куӈакāрба ахарй д'алин ирэн. Ōн-кāт буӈадўви эчө тулуййа. Эр ахāткāр-куӈāкāрба ахари д'алин йрэн. Нуӈан-да иӈилāран, гунйрэн. Тар н'экэксөкөн, нуӈан иларāкāн уӈурус, таралйс н'экэрэн. Тар н'экэксөкөн мэрймэ качикāн ōран, ахāткāр-куӈāкāрба ахалдан, мэрймэ качикāн ōксā. Дэгрй дэгйлбэ качикāн ōксāкāн ахалдан.

Д'э эркөн-дө, таркāн-да ахамй-нун ахаран. Илан-дā бēҕава ӈэнэнэви эчэ сāра, илан-да аӈӈанйва ӈэнэнэви эчэ сāра. Эркөн-дā, таркāн-дā ахамй нун ахаран.

Тар н'экэксэкэр ахāткāр-куӈāкāр буӈалāвар ихиксакāр н'āн икэлдэ. Солкōкчōн икэлдэн:

— Кимэ, кимэ, кимэн'ин! — Гēван этıркэн аминд'ав, доӈдолӣма доровойо д'авад'акал! Бӯ гунчэнэвэр буӈавāр бутуннувэн гиркӯрав, эмэрэв. Дулин буӈа итчин, Н'уӈурмэк гунмури, эвэкэвэр ичэрэв, хуркэн-хутэвэн ичэрэв. Сō аӣа куӈāкāн эмэнмурэн тāдӯ буӈадӯви. Тар качӣканин бу хэргидэдӯвун н'ōрӣликāн эмэд'эчэн. Тар илэ иснавāн эчэлбун сāра. Сōд'и тургэнд'и д'эвгэӣэ бэлэндэкэл, сōмāт д'эмуликсэл эмэрэв. Тэттı-тэтıӣэ бэлэндэкэл.

Д'э д'ӯлāвар ӣридӯтıн, энэ сāвра били Хуруӈучōн гунмурӣ, дулин буӈа букатıрин инмэ ōксакāн араӣ ӣлдıчэ тар хунӣлн'ун. Солко тэтıчӣ Солкōкчōн авсалāн ӣксэ, инмэ ōксā, тāдӯ дıкэнчэчā. Тар н'экэксэкэн илалдаван'ун бичэ. Тар устадӯн эчир сāра тар хунӣл.

Тар н'экэд'эрэктıн, эргӣт-тāргӣт эдıн, бурга ōча. Тāдук хэргӯ буӈадӯк авахӣл атамāнтıн эмэчэ. Эрхунӣл гэннэрӣл гэрбӣлдулэтıн, сунтарӣл суракӣлдулāтıн н'āн нуӈан д'э эмэчэ. Гэннэрӣ гэрбӣн, сунтāрӣ суракӣн илан кирилкан Сэлэргун Сэвэӣэнд'э гӯнэрӣ гэрбӣлкэн. Тар ахӣлāдāви эмэчэ.

Тар эмэксэкэн д'э тıкэн гӯндэ улгурдэчэ, сэӣэлӣ сэхэргэлчэ.

— Кэӈэрдэнин, кэӈэрдэнин! — Гēван этıркэн доӈдолӣма доровойо д'авакал! Бӣ хэргӯ буӈа авахӣлин атамāнтıн бихим. Д'э эмэм, си хунӣлдı гэннэрӣ гэрбӣлдулэтıн, сунтарӣ сурактулāтıн эмэм. Аӣа эӣэт-кӯ бӯчиндı, уха эӣэт-кӯ бӯчиндı! Сӣ хунāд'ис сōма солко тэтıлкэн Солкōкчōн гунэрӣ гэрбӣлкэн хунāтлāс эмэм. Гадıмадӯ гадıдӯ эмэм. Сōд'и тургэнд'и д'алби гурэлӣкэл, гунд'экэл!

Инмэкэн ōксāкāн дıкэнчэд'эри, дулин буӈа буӈатıрин Хуруӈучōн гунмурӣ букатıр ухук сэксэн урдулэн эмэрэн, бардак сэксэн бэлгэлэн эмэрэн, эхирик сэксэн ēхалдулāн истıран, ōрдāк сэксэн олуктулāн истıран, д'āн чараткидукин уваӈас буӣуксу сэксэн чиӈнӣран. Тāдук иларāкāн уӈурӯс, таралис ōксāкāн илэ мэнин ōран.

Д'э, тар н'экэксэкэн, авахӣва утарӣ, дуӣудı дундэӈдӯви эрчэклэви бадарāнд'ана, маӈадı дундэӈдӯви хэнӈэклэви бадарāнд'ана авахӣва утарӣ гиркӯран. Тар н'экэксэкэн, таргачин, эргэчин гундэ икэлчэ:

— Гуӣэ, гуӣэ, гуӣэкэнин! — Дулин буӈа боӣӯнин, хуруӈучōндıн ōнā оскēчā, Хуругучōн гунмурӣ букатıрба ōн энэ сāра гиркӯд'андı. Бӣ бихим Хуругучōн — букатıр. Бӣ синэвэ сāчим, хэргӯ буӈа авахӣлин атамāнтıн бихиндı. Сōма солко тэтıлкэн Солкокчōнмо бӣ синду аӣа эӣэт эхим бӯрэ. Тāрā эмӣ кэрэӣӣэ эмэкэл, кухиӈэт! Умӯн кэӣча солко тэтıлкэн Солкокчōнмо гад'эӈан. Аӣи ахāткāн-куӈакāнмāн гаксā, иргӣтчиӈэс—тō? Хутэвэ-гӯ, сохувэ-гӯ иргитнэви сāндı-гӯ, эчэс-кӯ? Ōкин-дā эчэн таргачин бихи! Тарит бӣ синэвэ эр буӈадӯк, дулин буӈадӯк н'аӈн'алā услӣд'эӈэв. Гирамнавас мōра урускалӣн итэӈэстӯн гиркэд'эӈэв. Тар д'улэдӯн

буӈалāви ӈэнэкэл! Эр буӈадӯ экэл ичэврэ. Тарит бӣ тар эвгӣдэлин Солкокчōнмо эхим бӯрэ. Тāрā эми дōлдīра, эмэкэл, кухӣӈэт! Ӈӣ кēйчā Солкокчōнмо гад'эӈāн.

Авахӣкāн икэлдэн:

— Кэӈэрдэнин, кэӈэрдэнин! — Дулин буӈа букатıрин, хуруӈучōндıн ōна оскēчэ, Хуруӈучōн гунэрӣ букатıр, сӣ улдэс сāхин эчин д'ипкӣнэ, гирамдас эчин мандıлда, айи-букатıрин, сӣ этэндı тулуӣра миндӯ. Бӣ синдук бин'эӈэ букатıрба āчиӈчā бихим. Сӣ мэндı буӈалāви ӈэнэкэл! Постой дулин буӈа бэйэн эхинд'эӈэн, дулин буӈа итчин āчин ōд'аӈāн. Тāрā эмӣ дōлдīра, эмэкэл, кухӣӈэт. Умӯн кэйчā сōмā солко тэтıлкэн Солкокчōнмо гад'аӈāн. Бӣ-дэ кухӣрӣвэ эхим сэлдэ. Баран командав бӣ сивайбадукив тухāнд'эӈāн. Айи бэйэн улдэд'ин сивайбайи ōракив, д'урсу айа бидэӈэн. Хэргӯ буӈа авахӣлтıн д'урсу урунд'оӈōтıн.

Тıкэн гундэдӯн мит букатıрит — дулин буӈа букатıрин тıкулдан, сōдун сэксэн урлэн эмэрэн, эхӣрик сэксэн ēхалдулāн истıран, д'āн чараткӣдукин уваӈас буӣуксу сэксэн чикнирэн. Авахӣва утāрӣ гиркӯран, маӈадı дундэӈӈи хэнӈэндулэви бадарандаран, дуӣудī дундэӈви эрчэклэви бадарандāна. Ихиксā, авахӣва сēнин тэкэмэдун коӈнорӣкāн колтови тıкиврэн. Авахӣ иларāкāн токорӣхиндāви эчэ сāра мэнин-дэ.

Тāдук эркэн-дэ, таркāн-дā ōлдīмӣ-нун ōлдīра. Илан-дā бēӈава кухӣнэвэр эчэл сāра, илан-да аӈӈанӣва кухӣнэвэр эчэл сāра. Тар н'экэксэл, умнэкэн хэйэ-хэйэтпэр уӣунчумōтнол, мирэ-мирэдуккэр д'авалдıксал, эрӣксэвэр сāмāтнал илитта.

Тар н'экэксэл, авахӣ-турāн д'авад'идукин болор-бороӈ мундукāн нандадıрин тэпуксэл тıкилчэл, ēхадукин илан истакāндıн ирас мӯл тıктıлчэл. Кэӈурэнд'эн дōдӯн ēдук-тā хэгдıӈэт ниргӣилчэ. Оӈоктодукин хэнӈэндулэн илираӈар-иликсал тıктıлчэл. Д'аларин дэлби силгилчэл.

Тāдук эр айи букатıрин авахина дундэлэ илан сахāмакту тıмирдэлэн гарадāчā.

Тар гарадāксā, эр айӣ букатıрин тıкэн гунд'эрэн:

— Гуӣэ, гуӣэ, гӯӣэкэн! — Д'э, эр хэргӯ буӈа авахӣлин атамāнтıн, дулин буӈа ахāткāн-куӈакāнмāн ахӣлāдāви эмэксэкэн, кэрэс турэнми энэ гӯнэ буми комойд'оӈōс. Сōл'и тургэнд'и кэрэспи гӯкэл, дıӈин ӈāлалкāн котоконд'иви канкавас эд'элӣв хогра!

Д'э, эр авахӣ эргэчин, таргачин гуллэн:

Кэӈэрдэнин, кэӈэрдэнин! Би эр буӈадӯ эргэчин айӣ букатıрин бид'эӈэн эчэв гунчэрэ. Си бихиндı-ивит! Ад'ас-тā ахакāн анӈанилу ачин бичэс. Домно эргэчин сурдэк ōчā бихиндıивит? Сō-дā биттэн-ивит, бунэдӯви-дэ эхим комойӣо. Будан ирак буросай биӈин! Бӣ будэм, сӣ бӣ ондудӯв бэйэ ōкал.

Авахӣ тıкэн гумурэкин, эр Хуругучōн гунэрӣ букатıр дıӈин ӈāлалкāн котоконд'иви канкāнд'аван чакдıлӣчā.

Тар н'экэксэкэн, дулин буӈа букатıрин Хуругучōн гунмурӣ гэрбӣлкэн л'э, авахӣӈӈӣ накса, Гēван этıркэн туркотōндı тулгӣ-

дəлəн, тараӈнарӣ табирлāн. əмəрəн. Сōма солко тəтiлкəн Солкокчōн гунəрӣ ахāткāн-куӈакāндулā, нуӈанмāн ахӣйави гадāви, алгана исчā.

Н'аӈн'ар инəӈи ӈəмтəлəд'əрəкин əргит-таргит əдiн əмəлчəн, ёкундук-та сурдəк бурга əмəчəн. Тар илтəнмурəкин, ёдук-та айā, ирас сəксəлкəн айи букатiрин əмəчəн. Эмəксə, нуӈанмāн утарӣ гиркуна тiкəн гундə турəчилчə:

— Эрӣл—дəрӣл, əрӣл—дəрил! — Эр ир буӈадук əмəчə мататкāн биӈнəндi? Йдук сəксəлкəнмӣ, тəкəлкəнмӣ сōд'и тургəнд'и улбулӣ улгучəкəл, гурəлӣ гунтiд'əкəл! Айй бəйəвəн əкəл алачӣвчара. Сири бəйəвəн əкəл сиричӣвчара. Минəвə гəннəрӣ гəрбӣвəв дōлдидāви улгумӣри бихикис, бӣ дулин буӈа Н'уӈурмəкин хуркəн хутəн биӈнəм, дулин буӈа бойунин Хуркокчōн гунмурӣ биӈнəм. Екӯн надалā əр буӈалā əмəчəн гундə улгумирӣ бихикис, бӣ акӣнми Хуругучōн гунəрӣ букатiрба гəлəктəд'əм, Гēван əтiркəн хунӣлин əн'ӣндукив д'оромонол əксəчəл. Тара бӣ ӯд'ана əмəд'əм. Тара сāндi-ӈӯ, əчəс-кӯ? Сōд'и тургəнд'ӣ гурəли гунд'əкəл, улгулӣ улгурд'əкəл!

Эр акӣнин бимӣ гунд'əрəн:

—Гӯйə, гӯйə, гӯйəкəнин! — Хуруӈучōн гӯнəкис бӣ биӈнəм. Авахӣл атамāнматiн əмəчəвə хулəптəрбəн хувкəчим. Тарит Гēван əтiркəн хунӣлбāн бӣ авахӣлдук тiтəм. Экӣндəӈӯвəтiн сōма солко тəтiлкəн Солкокчōнмо бӣ гачим, тар нəкӯнмəн Дарпēкчāн гунмурӣ ахāткāн куӈакāнма сӣ гакал. Тарит буӈалāвар ӈəнəӈəт. Олоккор ōӈāт. Дулин буӈа итчилин мит ōд'āӈат, бəйə тəкəкəнмəн мит ōд'аӈāт! Сохувə мит иргид'иӈəт.

Д'ə, нəкӯнин əлəксӣрəн бадаӈа, тiкəн гундə турəчилдəн:

— Акай, акай, дулин буӈа букатiрин Хуруӈучōн, акай! Д'ə тəд'əмə, букатiр бихиндi-ивит! Хəргӯ дундə авахӣл атамāнматiн вāчā суракис сутад'аран. Кēйчā гəрбӣс гəрбӣвд'əрəн. Тiкин əхӣлə мит дулин буӈа итчӣлин ōдап, əхин! Тар бихикин, Гēван əтiркəн хунӣлбāн ахӣйавар гаксāл, д'ӯткāкӣвар мучуӈāт.

Д'ӯкрə хунӣлдулā йрə, əмəксəкəр. Тар йксəкəн, Хуруӈучōн н'āн əргəчин, таргачин гундə Гēван əтiркəн хунӣлдулāн гурəлӣкəн гунд'əрəн, улгулӣкəн улгучəнд'əрəн:

—Д'ə, əр Гēван əтiркəн хунӣлд'алин, минəвə сормордук сōргувāн, муӈмадук муӈутурбāн, əрəймəдук əн'ӣнмəгувəн нчəнкəнəс, тарит ёкӯнд'и тамад'аӈāхун? Арай сунəвə əриксəнд'əлбəхун əрухуйчəв. Авахӣл атамāнтiн сунəвə хулəптəрбəхун хувувкəчимчə, бӣ āчин бихикив. Тарит бихикин, мəрбəхун ахӣйавар гад'əӈāвун. Тāра əлəкситтəс-кӯ, əчəлдӯн-ӈӯ? Сōди тургəнд'и гурəлӣкəн гунд'əкəлду, улгулӣкəн улгукəлду! Айан бəйəвəн əкəлду алāчинчара, сирӣ бəйəвəн əкəлду сирӣчивчара. Сōд'и тургəнд'и гукəлду!

Гēван əтiркəн хунāд'ин сōма солко тəтiлкəн Солкокчōн-куӈакāн дiлби тiр-тар ōхиксāкāн тiкəн гундə, улгулӣ улгучəнд'əрəн, гурəлӣ гунтiд'əрəн:

— Кимә, кимә, кимән'ин! — Д'ә, әр гунәм, дулин буђа букатірин, хуруђучондін ӧна оскēчә, Хуруђучӧн гунмурӣ букатір, бӣ улбулӣ улгурдівәв, гурәлӣ гундівәв дӧйаланви дӧлдікал, иргәйәләви иктәвкәл! Д'ә, тәд'әмә сӣ, әмәксә, авахил атамāндуктін айи бәйәвән. Айи бәйәдукин авахила ŋәнәд'иђән-до? Тарит гарӣ бихиксун, әхив аркастара. Әр буђаду бихикнун, син бир әтәрә суђун бивкәнә. Хәргӯ-дә, уђӯ-дә буђадук арāхинай букатірил анŋад'иŋāтін, суђун әтәрә бивкәнә. Тарит дулин буђадӯвар мәрті олӧккор ӧд'иŋāт. Ёкӯн бид'ән тар, бађар колбоскот.

Хуругучӧн гунд'әрән:

— Гӯйә, гӯйә, гӯйәкәнин! — Д'ә, Гēван әтіркән хунāд'ин, сӧма солко тәтіләкӧн Солкокчӧн гунмурӣ ахāткāн куŋāкāн, тāвар гӯннәдӯс сӧмāт әләксӣчим, әләкинд'и гунд'әнді. Дӧмдун-дā бихикин, сивайбайа ӧђāт! Иŋāранду колонді инак сохувәр айаргӯйан, астакалду, д'олукдӯ колонді д'олдок сохуйәвәр вāкалду, мукēкдӯ колонді мурин сохувәр астакалду!

Тар ӧчāлāн, де ахилāра. Сагдађӯ сагдађӯва гавкӣ, нәкӯндәђӯ нәкӯндәђӯвә гавкӣ. Тāдук буђалāвар, д'ӯлāвар, ән'ӣндуләвәр ŋәнәвкил. Айандāксал, айандāксāл, д'ӯлāвар иста. Тар ихиксāкāр Хуруђучӧн гунәрӣ мататкāн тікән гундә, улгулӣ улгучәнд'әрән:

— Гӯйә, гӯйә, гӯйәкәнин! — Дулин буђа әмӯккәчән оскәчә Н'уŋурмәк гунәрӣ, ән'ӣн гунді ән'ӣнми, д'ә бӣ әмәм. Доŋдӧлӣма доровойо д'авакал! Тадук амаргуптін бимӣ улбулӣкән улгуринд'ә ӧд'аŋāн. Дӧйалāви дӧлдід'акал, иргәйәләви иктәвд'әкәл. Д'ә, Гēван әтіркән хунāд'ин сӧмā солко тәтіләкән Солкокчӧнмо би гам. Илачидукки уйәләндәк гиркӣйәви гам. Тар нәкӯнмән, Дарпек гунмурӣ гәрбӣлкән ахāткан куŋакāнма нәкӯнми гадан. Тарит д'ӯкрә кәргәлкәхәл ӧксāл әмәрәв. Әдук д'уләскӣ дулин буђа бәйән тәкәнмән тәрийрӣдӯ, сохӯвә иргиттідӯ ӧксāл әмәрәв. Әхилә әдук синәвә мәнмәс д'ә карайд'иŋāвун. Сӣ мунәвә балдівчāс, бәйә ӧвкāнчāс, тāрит дулин буђа әхилә митŋи оран.

Эн'ӣнтін, д'ә тікән гундә, гурәлӣ гунд'әрән:

— Кимә, кимә, кимәнин! — Д'ә, хуркән-хутәв хуруђучӧндін ӧна оскēчә, Хуруђучӧн гунмурӣ хутәв сӧмат-та айат гиркӯксāл әмәрәс. Бӣ, сӯ ŋәнәчәдуксун, āхинді-дā, дәрумкӣрӣ-дә бокой āчин. Д'ӯр ēхав мӯн арбадалāн соŋоксӧ, бид'әм. Әмәрӣвәхун-дә әчәә сāра. Д'ә-ђу, д'ә-ђу әмәрәс, урувсē, урувсē! Алаван'ум ала! Әмәрәс-кӯ әхилә, урувсē урувсē, хутәлби!

Тар н'әкәксәкәр. д'ӯйавар ӧксāл, курейәвәр ӧксал бәйәдіт бид'әрә. Тар бид'әнәл, горово-до бинәвәр, мәртін әчәл сāра.

Тавар, Хуруђучон гунмурӣ хуркән-хутәлкән ӧчā. Хутән бимӣ, илалдана анŋакса, илачи куŋакāдін ӧчā, туŋŋалдава биксә, туŋŋачи куŋакāлин ӧчā. Тāрит сӧмат тургәнл'и хәгдіŋә оран. Аминдукки -дā букатыр бәйә ӧд'аран.

Тар н'әкәксәкән, нуŋан гунәрӣ гәрбӣйәви, сунтари суракви, утари тәђәксә, аминдукки, ән'ӣндукки гәләд'әрән:

— Дэгри, дэгри дэгримой! —

Эр-кэ, гунд'эм, эхйлэ бй ийэв-дэ этэн балдıра, урӯнми-да этэн йӯрэ, хуркэн-куӈакāн биксэкэн, он гэрбийэ āчин бид'эӈэв? Минду гэрбййэв бӯкэлду амйн гӯндı ам'йнми, эн'йн гундı эн'йнми! Эмэрй, сурурй, дэгрй дэктэндэлкāндук йлā, дурукин гэрбййэ āчин гундэл ин'эвунтэттэ. Тарит сӧд'и тургэнд'и гэрбййэв букэлду!

Солко тэтıлкэн Солкокчōн гунэри эн'йнин турэчилиттэн:

— Дулин буӷа бойунин Хуркокчōн ōд'акал! Уӷӯ буӷалā исмй сōн'иӈ Чивкāчаткāн гунмурй ōкал! Тадук тара элэксймй „элэкин" гӯкэл, эмй „эхин" гӯкэл, уха гунмй „уха" гӯкэл.

Умнэт, тıмāткакāн эрдэкэн иликсāкāн, хутэтıн амйнми, эн'йнми дэптıкэкй тэгэксэ, тıкэн гундэ улгурд'эчэ:

— Дэгрй, дэгрй, дэгрймой! — Д'э, бй эдук ийэв-дэ этэн йӯрэ, урӯнми-дā этэн балдıра. Умӯчйдукки уйэлэннэк гиркййэви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯ гиркййэви гэлэктэдэви н'экэм. Ёма буӷадӯ миндӯ элэкин ахāткāн бид'эӈэн? Талā н'уӈн'икэлду! Ахӯн-дā букатıрил бихиктıн экэлду ӈэлэрэ. Йдӯ хунāт бихин-дэ, тāлā исчаӈāв. Сōд'й тургэнд'и улгучэкэлду.

Тāдук амйлкāн эн'йнин мэн мэнмэр ичэтмэчйттэ, „си н'уӈн'икэл", „сй н'уӈн'икэл" гундэл, найлāмāчитта.

Тāдук тавар эн'йнин н'уӈн'илчэ:

— Дэки, дэки, дэкимой! Д'э хуркэн-хутэв, тар н'уӈн'инэвэв элэксймй „элэкин" гундэви, эмй „эхим" гундэви. Д'э, геван йӯктıгидэткйн, дундэ мудандӯн кири буӷа кинэхин, горо буӷа городıн кулуван Гēван этıркэн гунмурй бихин. Тāдӯ бихин хунат. Ун'акāчйва эчин тэрэвкэнэ, сōн'иӈ Ун'аптук гунэрй гэрбйлкэн ахāткāн-куӈакāн бихин. Хэргӯ-дэ бугадук букатıрил, уӷӯ-дэ буӷадук айй букатıрйлин-дā кэйан эӈэтıн гада. Тāлā ӈэнэд'эӈэс арай? Дıӷин халгалкāн бэйӈэ, дıгрэкэн балдıксā, истıн, горо буӷа. Д'э, тарā ōн, ēкӯн албахилд'иви истıви мэндı сāд'аӈāс. Тар-дā бичэлин, тавар Н'уӈурмэк гунмурй эвэкэс ōн н'экэрйвэс баӷар сувэлэд'иӈэн даӷамāктӯ.

Тāдук омолгйн бимй тıкэн гундэ турэлкэн ōдан:

— Дэгрй, дэгрй, дэгрймой! — Дулин буӷа бойунин Хуругучōн гунэрй амйнд'ав, Солкокчōн гунэрй эн'йнми, Н'уӈурмэк гунэрй эвэкэнд'эв, дэгрй дэӷй дэктэннэлкэн ōксакāн, дэӷилйлим. Буӷави иларāкāн токорихиниксā ӈэнэхинд'иӈэв. Тардалāн ēкунма гуниттэс, сōд'и тургэнд'и гӯкэлду!

Гуниксэ, тар поросайдāсчаран. Тāдук тэргэндулэви йуксэкэн иларāкāн хун'илдэхинэн, гāӷинд'а ōксāкāн, дэӷилдэн.

Н'уӈурмэк атıркāн, йӯмэлчэксэ, сōт тургэнд'и гурэлйкэн гунилдэн, улгулйкэн улгучэлдэн:

— Д'э хуркэн хутэв, бй турэнд'эвэв дōйāлāви долдıд'акал, иргэйэлэви иктэвд'экэл! Сōмат айат гиркӯкал! Танар си ӈэнэд'эрйс буӷалā д'окē дулин букатıр эд'экин кēйан гиркӯра. Тāдук тавар, амйндӯс бй ōнав, ирэктэ калтакāн алаӈанд'а бихин, ирэктэ

калтакāн н'уринд'а бихин. Тара эксэкэл, ёмй-кат нāда бид'эӈэн. Тāдук хуӈтуву ёкӯнма-да анйрйв āчин. Сōт айат алгаксā гарпаракис, коӈнорин-дā токсудук этэн таӈавра. Сōт айат гиркӯксā, эмэкэл! — гундэ, хиргэттэн! Д'э хиргэксэ, этэрэн. Тāдук эн'йнин поростiлāхинан, хиргэлдэн:

— Хуркōкчōн гунэрй хутэв, сōт айат гиркӯкал! Эвтiлэлкэндук экэл тiкрэ. Д'улэчйдӯ экэл д'улэви бӯро! Олдōлкāндук экэл олдонд'иви ōра! Албахйлкāндӯ экэл давдiвра. Албахйлкāрба āчйӈкал!

Тар омолӈин уӈилй токорд'оно, нахайāнчана эмэксэкэн, алаӈанд'ави дэӈимнин чаварихинан. Д'э тар гēван йӯктiӈйдэткйн нуӈан бимй дэгд'эхинэн, хэргӯ тӯксу ойойōлйн, уӈӯ тӯксу уӈйдэйэлйн дэгд'эхинэн.

Тар дэгд'энэйэ омолӈй хиргэлдэн, икэлдэн:

— Д'э бй айат гиркумй илан анӈанй дōӈйдāдӯн эмэд'эӈэв. Тарā илтэнмй, эмӈэнд'э кэӈтiрэв тiйэлдэкин, ӈōнум д'алив урумулдэкин, итчйлкэн турэнд'эви эдiйэдӯ ӯӈэлд'иӈэв, сōма тургэнми салгийāдӯ салайд'эӈāв!

Тар гуниксэ, нуӈан дэгд'эхинэн. Эркэн-дэ, таркāн-дā ӈэнэмй-н'ун ӈэнэрэн. Горово-дō, даӈава-дā ӈэнэнэви эчэ сāра. Илалдава-дā, илан-да беӈава ӈэнэнэви эчэ сāра.

Тāдук Гēван-этiркэн буӈалāн ихилдан, болдаӈа. Гēван-этiркэн турготондi тулгйдэн, тараӈнарй тāбарин д'э ичэвулдэн.

Иӈарар гунчэнэлйн инакйл-сохул ōд'ара, чэкчэкэл гунчэнэлйн мурир-сохул ōд'ара, ōктаӈил гунчэнэлйн орор-сохӯл ōд'ара. Тāдук, д'э, тар Гēван-этiркэн мōманд'а д'ӯлāн, эмэксэ, уркэнд'эдӯн докcāкāн, тiкэн гундэ, д'э икэлдэн:

Дэгрй, дэгрй, дэгримой! — Д'э Гēван-этiркэн эхэкэнд'эв, горо буӈа горотiн кулуван, кири буӈа кинэхин синдулэ, д'э, эмэмй-н'ун, эмэд'эчэв, дэгмй-н'ун дэгд'эчэв. Тāрит бй синдулэ соруйан эмэм. Ёкӯн сōма соруклāн, ёкӯн гилāвнай надалāн эмэнэви улгучэнд'эӈэв. Уркэнд'эви нйд'экэл, доровонд'ойо д'анакал, амаргуптiн улгурйнд'э бид'эӈэн. Си мэндi сāндi бид'эӈэн, хуркэн-куӈāкāн ёкӯн нāдадӯн гиркурйвāн. Би гэннэрй гэрбйв, сунтāрй суракив сōн'иӈ Хуркōкчōн, дулин буӈа букатiрин Хуруӈучон хутэн бихим, Солкокчон эн'йнми хутэн бихим. Айан бэйэвэн экэл алāчйвчара, сирй бэйэвэн экэл сирйчивчара, улгулй улгучэкэл, гурэлй гунтiд'экэл!

Тāдук Гēван-этiркэн уркэнд'эви нйксэ, эр бэйэвэ, ӈāладукин д'анаксā, д'ӯлāви йврэн. Тар йвуксэ, Гēван-этiркэн тiкэн гундэ турэчи, сэхэчи ōд'аран:

Орил Дорил! Орил Дорил! — Д'э дулин буӈа бōйунин доровонд'ойо д'анад'акал! Амаргуптiн улгур ōд'аӈāн. Би турэнмэн дойāлāви дōлдiкал, иргэйэлэви йвкэл. Эр би хунāтпав, сōн'иӈ-Ун'āнтук гунмурн ахāткāн-куӈакāнма гадāвар хэргӯ буӈадук авахил атамантiн Сэлэргун-Сумуйонд'ō, эмэксэ, бид'эрэн. Уӈу бугадук айи бугатiрин, эмэксэ, бид'эрэн. Илан анӈанйду кухй-

д'эрэ, авгу-дā эхӣ кēйилдiра. Ёкӯн дурук албахилд'ивар кухӣрэ-дӛ эчӛл кēйилдiра. Дэрӯмкӣлнэтiн илан бēӈа ōран. Эр-тi, иликсāл, кухӣлд'эӈэтiн.

Д'э этiркэн бимӣ бōйӯн-бэйэ д'эвгэйэн астаксāкāн д'эвувкэнилдэн. Тар бэйэ д'эвд'эривэн ичэттэкин, тэд'эмэ-дэ букатiрбэйэ биӈэт, ивит. Д'эвд'эрӣн-дэ сō бэйэ, бадаӈа: куӈ улдэвэ мукудiкэн амӈахиниксā, коколдодiн ōд'аракин н'имӈэттэн, имӯксэвэ бимӣ, мундукāндiнма амӈахиниксā, киринастiн ōд'аракин н'имӈэттэн. Силэвэн бимӣ силуксэ, симтунд'эви манавнавāн хэйэлэви куӈкухиниксэ сāттан.

Тар д'эвуксэ этэрэн-дэ, букатiрилдӯлā ӈэнэрэн. Ӈэнэксэ, ичэнэн, бойундаскӣт полэнд'эдӯвэр д'ӯр дэлкэндӯ д'ӯр букатiр ād'ара. Ойодӯтiн илан токорикта иманда тiкчэ. Эр бэйэ бимӣ тāла ихиксā, арай эр дэлкэнмэ хэкинтӯрэн, тар дэлкэнмэ хэкинтӯрэн. Тар н'экэксэ, тiкэн гундэ турэчӣ ōдан:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Д'э, уӈӯ буӈа букатiрин, мэӈумэ тэтiлкэн Мӯӈулӣчэн гунэрӣ букатiр, доровойō д'авакал, амаргуптiн улгурӣнд'э ōд'аӈāн! Бӣ дулин буӈа бойунин биӈнэм, дулин буӈа бойунин Хуруӈучōн гунэри амӣлкāн, Солкокчон гунэри эн'ӣлкэн Хуркокчōн гунэри букатiр бихим. Сӣ „ёкӯн нāдалā эдӯ гиркӯд'арӣ мататкāн биӈнэндi“ гӯнэкис, бӣ Гēван этiркэн хунāд'ин, сōн'иӈ Ун'āптук ӈэннэрӣ гэрбӣлкэн, сунтарӣ сураклāн эмэм. Сӣ улгӯлӣ улгучэкэл, гурэлӣ гукэл!

Гē бимӣ, уӈӯ буӈа букатiрин, д'э тэӈэрэн, илдан. Тар иликса, тiкэн гундэ сэхэчӣ ōлдан:

— Уӈэлэ, уӈэлэ! — Д'э, эр дулин буӈа букатiрин, элэ ёкун нāдадӯн эмэксэ, доровондi, доксургандi? Бахиванд'ат баргаӈнандi! Тукунē, тукунē биргэнд'эв билдэн! Сӣ экэл эдӯ минэвэ д'эрэдэрэ! — гӯндэ, нуӈан эчэ-дэ дововолосто.

Тар н'экэксэ, тiкулнадӯви сōдӯн дiрамдулӣви аран эчэ хитаргара, нэмкундулӣви аран эчэ этiргэрэ. Ōрдāк сэксэн олуклāн тiкрэн, ухук сэксэн урлэн эмэрэн, ихирик сэксэн ёхалдулāн истiран.

Тар н'экэксэкэн авахӣӈдулāви, дуйудi дундэӈӈи эрчэклэви бадарāннāд'ана, маӈадi дундэӈӈи хэнӈэклэви бадарāннāнā эмэксэкэн, авахӣӈӈи дэлкэнмэн дундэлэ хукэлчэкнэн хэкихинан, тāдӯ авахӣнд'а дундэлэ илӣхинчана тiкрэн.

Коӈнорикāр колтолд'ивар букатiрӣл иктэлдiрэ. Хуркокчōн эдӯ-тадӯ гиркӯктаттан. Сōмāт хивинан, хāлд'аран ӈу, ёран ӈу, энэдӯтiн кихāна. Дōдӯви сōмат курутуйран.

Д'э, тар горово-дō кухӣнэтiн эчэ сāвра, даӈава-дā кухӣнэтiн эчэ сāвра. Тар кухӣксэл, кухӣксэл, мудантiн ōран. Хэйэ-хэйэдӯвэр уйунчумōтнол, мирэ-мирэдуккэр д'авалдiксāл, дэрумкӣхинэ, хэнӈэртiн дэдiли силгилчэл. Д'авад'илдуктiн мундукāндiр тэпуксэл тiктiлчэл, оӈоктолдуктiн хēлакӣдiкāр иликсал тiктiлчэл. Тар н'экэксэл, н'āн-дāт кухӣлчэл. Авахӣӈин кēйилчā. Кēйинуликсā, эр уӈӯ буӈа букатiрин тiкэн гундэ турэчилчэ:

Эмӈэнд'э кэӈтірэв тіјэлдэн, ӈонумунд'а д'алив урумулдэн, авахил атамантін, д'эӈкир д'эпнэд'э, ад'ас ачиӈнад'а! Д'эптін инэӈйн д'э эмэрэн. Бӣ эрйксэнд'эвэв эрухийді йдӯ бихин болда эдӯ, дулин буҕа бойунин Хуркокчон йлэ ӈэнэрэн? Айй бэйэвэн эрйксэнд'эвэн эрухийрй — ҕӯ бэйэ бичэс, эхй-гӯ? Бӣ бури, мунді инэӈйв эмэрэн. Соӈомо соринд'ав, тукунē биргэнд'эв билдэн, — гундэ турэчйттэн.

Тāрā дōлдіксā, эр дулин буҕа букатірин эчэ тулуйра. Айй буҕа айй бэйэвэн мулāниттан. Мēванд'ан, акинд'ан мулāниттан.

Тар н'экэксэ, нуӈардулāтін эмэрэн. Ичэрэкин, авахйнд'а айй бэйэвэн кēйилчā. Д'эдуктэн улдэлдукин кэӈихинйксэ, д'эвухиндэ, д'эвухиндэ кухйд'эрэн.

Тāрā ичэксэ, эр Хуркокчон гунэри букатір тікулнави сōдӯн авахйнун кухйлдэн. Ихиксā сēнин тэкэндӯн иктэрэн, иларāкāн токорйхинчакнан. Тар кухиксэл, кухйксэл, н'āн-дāт тэрэчивкил. Тікэн н'экэксэкэр, авахй гунивкй:

— Кэӈэрдэнин, кэӈэрдэнин! — Эр дулин буҕа букатірйн, коӈӈорйкар колтолд'йвар эӈэтіл кēйилдіра бихип, алаӈанд'атпар гарпулдіҕāт. Умӯн нāвкāнчā вāҕин, тāдук умӯн кēйчā тар хунāтпа гад'иҕāн, — гуниттэн.

Хуркокчōн н'āн элэксйрэн:

Кэ, тікэн-дэ биҕин, — гӯнэн.

Полэнд'этін д'ӯр мудандӯн оӈкучāкил бихи, хэрэдӯтін ōрбэчйл сэлэл бихи. Тар оӈкучāкил хулидӯтін иликсāкāр, авахйн'ун бэйэ гарпумāчилчāл. Д'э, тар авахйӈинд'ан н'āн-дāт гунчэ:

Бӣ нонон балдічā бэйэ, нонон гарпакта! Ӈэнэксэ, тāдӯ илкал!

Тāдӯ дулин буҕа букатірин тікэн гундэ турэчй, сэхэчй ōран:

Генан-этіркэн, эхэкэнд'эв, тāдук сōн'иӈ Ун'антук гунмурй ахāткāн-куӈакан, д'э бӣ алаӈа амӈалāн ӈэнэд'эм, бӣ эмӈэнд'э кэӈтірэв тійэлдэкин, ӈонум д'алив урумкулдэкин, турэнд'эви эдійэдӯ уӈэлд'иҕэв сундулэ. Бӣ бэркэндӯ нāвракив ділачā коӈноргод'оӈōн. Тāрит сāдāвахун бӣ кēйивнавав. Тікэн гуниксэ, оӈкучак хулидӯн илдан.

Д'э, авахйнд'а алаӈанд'ави хиргэлдэн:

Сэлэмэнд'э алаӈанд'ав, дулин буҕа букатірвāн, коӈнорйкāн хакинин дулиндӯн тікэнмукэл, — ҕӯниксэ, — хуруҕунин иҕин дундэлэ ниргихинчэрэн, н'уринд'ан иҕин н'āн'алā куҕунāран. Тарнукāн дулин буҕа букатірин дулин буҕаткйви калбарис ōна адаҕāран. Тāрā н'уринд'а, эмэксэ, хунмэвэн тэвдурэгэр ӈэнэрэн.

Тāдӯ нāвум-ӈу, — гундэ, ӈэлэлнэдӯн, ділача коӈноргохинан даҕава, коӈоргоксō илтэнэн. Тāдук айй-букатірин Хуркокчон гӯнэн:

Кэ, сӣ илкал!

Д'э, авахйӈин, оӈкучакиӈин хулидӯн ӈэнэксэ, илдан, алаӈави хиргэксэ, гарпалд'иӈāн.

— Д'э дулин буҕадӯ эмӯккөчөн оскēчө Н'уӈурмэк гунэрӣ эн'өкөнд'эв ōнан ирөктэ калтакан алаӈанд'ав, ирөктэ калтакан н'уринд'ав, бӣ итчӣлкōн турөнмэв инихиниксэ өвөӈӣлд'экэл! — гуниксөкөн, хуруҕунин иҕин дундэйэлө ниргӣхинчэрэн, алаӈан иҕин н'аӈн'ала̄ куӈӯхинан. Тарит авахӣнд'а хэргу бӯҕаткӣви адаҕада̄ви н'экэнэн эчө кēйан адаӈара. Хакинин дулка̄кӣндӯн н'уринд'а тıпкөнмурэн. Тар кēйӣан авахӣва. Кēйикса̄, ӈэнэрэн Гēван-этıркөндулө. Тар эмэксө, тıкэн гунд'эрэн:

— Дэгрӣ, дэгрӣ, дэгримой! Геван-этıркэн, өхөкөнд'өв, сӣ хуна̄д'ис, сōн'иӈ Ун'аптук гэрбилкөн аха̄ткāн гэннэрӣ гэрбӣлөн, сунтарӣ суракла̄н эмэксө, сōмардук сōргӯван, өрэймэдук эн'ӣндıвөн ичэм. Хэргу буҕа авахӣл атаманн'унтıн Сэлэргун-Сумуйунд'эн'ун, та̄дук уҕу буҕа айи бэйэ букатıрн'унин мэӈумэ тэтıлкөн Мэӈуличөнн'ун бӣ кухӣм, нуӈартıн эмэчөл сӣ хуна̄ттула̄с, сōн'иӈ Ун'аптук гэннэри гэрбӣлөн, сунтарӣ суракла̄н. Нуӈан д'уҕудӯн илан анӈанӣ илан бēҕава кухӣрэ. Авахӣл атамантıн уҕу буҕа айи букатıрван кēйд'аракин, би нуӈанма̄н, мула̄никса̄, бихам авахидук. Дулин буҕадӯ эмӯккөчөн оскēчө Нуӈурмэк гунэрӣ эн'өкөнд'эв ōна̄н ирөктэ калтака̄н алаӈанд'атпи, ирөктэ калтака̄н н'уринд'атпи бӣ-дө кēйим хэргу буҕа авахӣл ата̄мантıн букатıрва. Бӣ а̄чин бихикив, тар хэргӯ буҕа авахӣл ата̄мантıн хулэптэнмэс хувумчө, колумтувас уркӯчимча̄. Та̄рит бихикин, Геван-этıркөн, өхөкөнд'ө, хуна̄тпи минду ахӣйав бӯкэл! Тара элэксӣндı—гӯ? Эчэс—кӯ? Сōди тургөнд'ӣ, гурөлӣкөн гӯкэл, улгулӣкөн улгучөкэл! Айӣ бэйэвөн экэл ала̄чивчара, сирӣ бэйэвөн экэл сирӣчивчара. Гēван-этıркөн та̄ра̄ дōлдı̄кса̄, тıкөн гундэ турөтчэрэн:

— Орил дорил, орил дорил! — Д'э, дулин буҕа букатıрин, сōн'иӈ Хуркōкчōн, д'э бӣ улгӯлӣ улгӯрдı̄вэв, гурөлӣ гӯндı̄вэв дōйала̄ви дōлдı̄кал, иргэйэлөви ӣвкэл! Д'э тэд'өмэ, сӣ эмэксө, авахӣл ата̄мандуктıн биханды. Айӣ бэйэн айӣ бэйэвөн авахӣду бӯмчө-дō!? Тарит бӣ хуна̄тпав сōниӈ Ун'аптукка гарӣ бихикис, өхим аркаста̄ра. Эр буҕадӯ бихикин, син бир этөрэ суҕун бивкөнэ. Хэргӯ-дэ, уҕӯ-дө буҕадӯк арахинай букатıрил анӈанӣтıкин суҕун этөрэ бивкөнэ. Тарит дулин буҕадӯвар мөрдун олоккор ōкалду, ēкӯн бид'эн!

Тар улгучөмөчиксөл, хуна̄тпа̄н гадан, сибайвава ōран. Та̄дук д'э колбосто. Ахӣви буҕала̄ви эксэрэн. Буҕала̄ви — энтı̄лдулөви, амтı̄лдула̄ви истан, ихикса, та̄дӯ бид'элдэн. Д'э та̄дук эвэнкӣ тэкөнин ōд'ача̄. Нуӈартıн орор-сохулбэ иргӣлчөл.

15. ТАМНА̄НӢ-МАТА, Д' ОЛОМО Д' ОНӮЙКА̄Н

Этıркөлкөн атıрка̄н бира улӣдӯн бид'өчөл. Тар бид'эрэктıн атıркан энӈэнин кэпэлчө. Д'э кэпэд'эчө, кэпэд'эчө, гэгдэк кэпэд'эчө, энэ энӯрэ. Умнөкөн атıрка̄н бимӣ културлөви на̄ча̄ча̄ кэпэчө энӈэнд'иви. Тар на̄чанан арай куӈа̄ка̄н чэрӈахимнак тıкчө, энӈэнин

ултэргэчэ. Тар куӈакāнма этıркэн бимй анӈалāви тэвэчэ, тариӈин уркэн-куӈакāн бичэ.

Эр куӈакāн, умӯлдуву āнӈамй, умӯлкōн куӈакāдıн ōчā; д'ӯлдэвэ āнӈамй, д'ӯлкōн куӈакāдıн ōчā. Нададдава āнӈамй, надалкāн куӈакāдıн ōчā. Эр куӈакāн бимй туксактарй, эвйктэрй ōчā. Тāдук эр куӈакāн бимй улкичэнмэ гэлэктэрй, бэйичйктэрй ōчā. Эр уркэн-бэйэткэн бэркэн бэричй ōксā, д'э, горолдулй гиркуктарй ōчā. Нуӈан бимй дундэвэ, ёлба, борилба гиркуктана горолйкталчā. Тар горолдулй гиркуктад'ана, арай умӯн д'экдэкэк имуктэлкэн урэдӯ эхэмйнэвэ ичэчэ. Д'э куӈакāн нуӈанмāн бэйичилчэ. Нуӈан бэйӈэӈӈи даӈамачā, бэйитнэ ӈэӈэд'энэ. Эр даӈамаксāкāн, куӈакāн бимй турэчилчэ:

— Эйин, эйин! Ёкōн бэйӈэ бихиндı?

Тариӈин бимй тıкэн гундэ турэлкэн ōчā:

— Ёкōн, ёкōн инӈулдэн, ёкōн, ёкōн турэчилдэн? Бй бимй аӈй бэйӈэн бихим. Куӈакāн, куӈакāн, токтохикал!

Куӈакāн бимй тар-дат тıкэн гундэ турэлкэн ōчā:

Эйин, эйин! — Би куӈакан синэвэ бэйӈэт гэрбйтчэм. Бй бэритпи тıлбэнмӯд'элим, гэрбйви мэтэвкэл!

Эхэӈин бимй тıкэн гундэ турэлкэн ōчā:

— Эндэ, эндэ, эндэ! — Бй гэрбйнд'эв, этıркэн гэрбйнд'эв Сатана-этıркэн. Сй, куӈакāн гэрбйнд'эйэ āчин гиркуд'андı! Утэ, н'ика. Синэвэ гэрбйд'эктэ, Тамнāнй гэрбйнд'эс ōӈин, Тамнāнй-букатıр бэйэ.

Тıкэн гунчэлэн, эр куӈакāн бимй турэчилчэ:

Эйин, эйин! — Эхйм ӈэлэрэ, аӈй бэйӈэд'ин гэрбйтчэв, амаргуд'ин эхэкэв-гӯ бихиндı? Тарйкāн ōдакин, гэрбйнэдӯс пасибанд'а ōген. Эхэкэ, экэл аксанд'ара! Бйнэй амаскāкй мучӯд'ахинам.

Гёӈин бимй, эхэкэн тıкэн турэлкэн ōдан:

Эндэ, эндэ! Утэ-н'ика, ӈэнэйэ ӈэнэд'экэл! Н'уӈэвэ н'уӈэруд'эӈэв утэ-н'ика. Айат сёкāндāд'акал эхэкэн гунэн. Тар гуниксэ, тıкэн гундэ н'уӈэрулдэн:

Тамнāнй, матай-бэйэ, ёдӯ—вал кихалгадӯ кихалинми, бй гэрбйнэвэн гэрбйнэттэви! Будэрй кихалгас эмэрэкин минэвэ д'ōнтӯлāви. Сй ӈэнэд'экэл бираӈӈй солокōкй. Д'улэви ӈэнэд'эдэви, ӈэнэд'эдэви, урэвэ туктıд'эӈэс, д'эгдэкэн урэвэ ойовōн исчаӈāс. Тāдук ōдакин, урэӈис ойолōн истакис, пургалдӯ пургавд'эӈāс, эдıнду эдıвд'эӈэс. Тарикин ёкōна-вал гарадāдāвй «экэл пургара, экэл эдıнэ!», гундэ. Тāдук ōд'акен, буӈайа мундıд'экэл, ичэткэл! Тар ичэттэкис, сиӈарин инӈактачй мурин бид'эӈэн. Оӈкод'оривāн ичэд'иӈэс, тарā бэйиткал айамакāнд'и, эхйтпи мэдэвкэнэ. Даӈамаксāкāн оловкōкол, «унӈис бихим» гунд'энэ оловкōкол.

Куӈакāн бимй д'уткāкиви туксад'ахинан. Д'э д'ӯлāви исчā. Ихиксāкāн āнӈатчā. Тāдук куӈакāн бимй д'ӯдӯви эхин тэхинйэ,

илә-вәл ŋәнәдәви әйәттән. Тардалан нуŋан ихәврән, сагдıчира олдан. Әтıркәлкән атıркāн бимӣ гунә:

— Утә-н'ика, әкәл горолӣктара!

Д'ә, тар әтıркән, атıркāн āхинчāл. Омолгитıн бимӣ тәтıтıн бихид'ин амтıлби нәмәчә. Тар нәмәксәкән, «бӣ игвән, качутарӣвав әхӣ долдıра», гундә, йӯчә-дә әтәкәнчә.

Нуŋан бимӣ ŋәнәд'әкән ŋәнәчә, туксад'ӣкан туксачā бираŋŋи солокōкӣ. Д'ә урәŋŋи туктıчә, ойолōн ихилчā. Д'ә әр исчаракин әдıкәкӯн, унŋәкәкӯн тıкчә әхилә. Әр куŋāкāн бимӣ гунчә: «Оксē! Ōн н'әкәд'әм?» — гунчәксәкән, иличихинчаксā, тәтıви унмәдукин тәкәрәƃәр танчā, тāдук гарадāчā. «Улгаминдı-ƃӯ», гунӣксә, — гарадачā. Адıрāкāн гарадачā. Буŋан ŋәмтәс ōчā. Тāдук буƃави мундıхинчә, арай мундıхиндән сиŋарин мурин гилбаларан. Нуŋан бимӣ тарйāкла ŋәнәхинчә. Ŋәнәд'әчә ŋәнәчә, дагамачā, д'ә муринин әхин сāра. Тариŋŋи бәйӣчилчә, бәйәдәд'әчә әнә сāвра. Д'ә ад'ас дагамāксā, оловкōнчō муринми «унŋис бӣ бихим,» — гундә.

Д'ә әр оловкōнчōлōн, мурин бимӣ тıкән гундә турәлкән ōчā:

— Әрнәй, әрнәй! — Д'ә минәвә оловкōнондı, «унŋис бӣ бихим» гундә, оловкōнондı, бӣ синдӯ мурин ōд'иŋāв. Оловкōндōви д'уƃуд'ин укчалāхикал! Укчалāхинчāлāс бӣ турәлкән од'иŋāв:

Д'ә куŋакāн бимӣ, д'аваксāкāн, укчалāхинчā. Д'ә, әр укчалāхинчāлāн, мурин бимӣ тıкән гундә турәлкән ōчā:

— Әрнәй, әрнәй! — Миндӯ укчалāхинāндı-дā, бӣ илалдамактӯ улумосчоŋōв, курбод'оŋōв. Айат д'авадāви, айат укчалāхикал, әхӣтпи буруру умәрәкәл!

Д'ә тар учакалāхинчāлāн, муринин курбучō курбурун, улумусчō улумустон. Илӣн долбонӣн д'алуптıдӯн аран әчин бурурy. Д'ә тар н'әкәксә, әхилә ŋәнәхинчә бид'иŋән. Тар ŋәнәксә, бәйә илә-дә иснави әчин сāра бичә. Арай, д'ӯдӯ укләд'әксә мēлчā. Әр мәлчāлāн арай тулӣлә турән иŋин долдıвулчā:

— Әрнәй, әрнәй! — Горокē āд'андı, унŋихак! Ŋәнӯ бәйә ŋәнәхиндı ōрин ōдан. Ēд'андı ŋәнәхинŋәт!

Д'ә йӯксәкән бәйә ŋәнәхинчә. Тар ŋәнәд'әрәкин, мурин тıкән турәлкән ōча:

— Әрнәй, әрнәй! — Иртıкәкӣ ŋәнәхинд'әндı, унŋихак, д'албӣ гунд'әкәл!

Тар бимӣ бәйә тıкән гундә турәлкән ōдан:

— Әйӣн, әйӣн! Д'уләс иртıкәй бихин, тартıкāкай ŋәхәхинд'әм. Киливлӣкāр иртıкәкӣ бихи мәндı-дә сāндı. Киливликāр иртıкәй буƃаткай ŋәнәхинмәй сāндı, тартıкāкӣ ŋәнәхинмәй!

Д'ә муринин ŋәнәхинчә, унŋӣккӣ укчалāвд'ана. Бәйә бимӣ илә-дә ŋәнәнәвӣ әчин сāра, авахинд'āкки-нун сāчā. Ŋәнәнәви-дә, ēнāви-да әхин сāра. Арай буƃайāкāкиндӯ āд'арӣлāвӣ мēлчā. Мēликсā, илчā, ичәчилчә. Арай ичәчилдән, тар тāлā оту д'әгдәд'әрән. Тāлā әмәрән, арай улдәчӣ калан олдончод'орон. Әр бәйә д'әмулчә болдага.

— Оксē! Тамнāнӣ мата-бәйә бихим, әр окон бәләнәдәчән?

Д'э, бэйэ бимй эр каландук д'эвулчё. Калан дōвāн манакнави д'эпчэ, улдэ биҕин, силэ биҕин. Эр д'эвуксё этэксёкён, эр бэйэ бимй отучй бэйэ ӯд'авāн гэлэктэлчё. Арай бакачā ӯд'авāн. Эгдıӈэнд'э ӯд'алкāн бэйэ ӈэнэчё. Дуйунд'о дундэвэ чиклйви лэвёнэ ӈэнэчё, маӈанд'а дундэвэ энӈэклй лэнэкётнэ ӈэнэчё. Д'э уд'ана, ӯд'ана ӈэнэчё. Тар ӈэнэд'энэ умӯн д'ӯва исчā. Ихиксāкāн, нуӈан тар д'ӯ уркэвён тāмкаран. Тāмкāнан маӈа сō. Тадук дōла турён, турён инӈулчё:

— Эндэ, эндэ! — Ёкōн, ёкōн качутāлдан?

Тıкэн гунэкин, эр бэйэ н'āн-дāт уркэвён нйхийчā. Тар нйхиййакин дōлā турэн, турэн турёчилчё:

— Эндэ, эндэ! — Ёкōн, ёкōн качутāлдан. Эӈэхй, эӈэхйвэр сāлдıдāвар н'экэрэп, Сэлэмэ-Сэлэ гэрбилкён-букатıр бихим.

Гёӈин бимй, тулйлё бихй тıкэн гундэ турёлкён ōчā:

— Эйин, эйин! — Гэ-лэ, талдаха сāлдıгāт-тā, баҕар. Тамнāнй матай-бэйэ бихим. Ичэдёвэр ичэлдıҕёт. Энэл ичэлдıрэ, ōн-ка мит тıкулйлдıд'ап? Сй Сэлэмэ-Сэлэ букатıр бихиндı-ҕӯ.

Д'э, тāдук тıкён гунчёлён, гё бимй н'āн турёчилчё:

— Энде, эндэ! — Синэвэ бикёкён сāд'ам! Синэвэ ӈикёкён гэрбйд'эчён? Тар-гӯ бигэрэд'эн? Д'эгдёккэк урэдӯ бэййчивчё ӈй бичэн? Тара сāндı-до? Турёйёдукив-дё эхиндı сāро-дō?

Д'э, тар н'экэксёл, уркэвэр нйксёл, бакалдıра, эйэлэкил ōра.

Эндэ, эндэ! — Тамнāнй мата-бэйэ, сй, миксё, н'экэйёд'эндı. Н'āн-дāт н'уӈэрукто; эрйэкёкло ӈэнэкэл, нāм гирилāн исчиӈāс.

Тар тıкэн гунчёлён, Тамнāнй мата-бэйэ этэкёнчё. Горово-до ӈэнэнэвй, даӈана-да ӈэнэнэви эр бэйэ эчин сāра.

Умнёт арай тулгйдён буҕан эхи сāвра. Эргискй ичэттэкин, мӯ ōчā, нуӈан урэвэ ӈэнэд'эрэн. Д'э эр урэ ойокōнмōн «туксāд'акал-да, туксāд'акал» ōчā эр бэйэ. Солōкй-дā, эйёкй-дё ӈэнэнэви эхин сāра. Дэ, ӈэнэд'эчэ, ӈэнэд'эчё. Тар ӈэнэд'эрэкин, умӯн буӈаду, арай туракйӈ-дай дэӈилчё д'улэдукин, сулакйӈ-дай этэкёнчё, киринахиӈ-дай этэкэнчэ. Тар даӈаманан ӈō, ӈō ōчā. Эр ӈō, ӈō ōдакин, эр бэйэ бимй тıкэн гундэ турёлкён ōчā:

Эйин, эйин! Ёкōмалā эмэрэм, ӈōкё! ёкōн, ёкōн? Мунд'эклён эмэрэм? Ӈōкё, ӈōкё!

Тıкён гуниксё этэчёлён, арай ӈōхйдук турён иӈин инӈулчё:

Айён, айён! Минэвэ туракиӈ-дай д'эпнэл манара, сулакиӈ дай д'эпнэл манара, киринахиӈ-дай д'эвд'эрэ. Калтур калтакав сулапран. Ёкōн, ёкōн-рэ айдı, айдı бид'эн! Ёкōн, ёкōн турёнин инӈуд'эрэн! Ёкōн, ёкōн ӈōӈāнад'аран бид'эн-мэл? гунд'эм. Айдı биӈэрэд'эн, курдосчод'ом. Бйкёкён, намдук гарадāвум ōтадӯ! Намйлāв ёкōн гаралāрэй бид'эн мён буӈа буӈадӯн.

Эмэвкй бэйэ, матай-бэйэ тıкэн гундэ турэлкён ōдан:

Эйин, эйин! Ӈоке, ӈōкё! Эӈэй даӈамара бихим: — Гунд'эм, ӈōкё, ӈокё, ӈокёй! Мунчэкэй буӈадӯви уклэд'экэл! Гэрбйеэвэс эчин сāра. Ёкуйа гэрбйлкэн бихинлı? Ӈōкэ, ӈōкэ! Эксё эӈāт даӈамāра бихим! Тıкэн гунчэлэн, гё бимй н'āн турёчилиттэн:

— Айӭн, айӭн! — Ӧндакан-мал дагамад'акал, алтачад'ам, курдусчод'ом! Ӧн-мал уђирд'экэл, гаксуйатпи бэлэтчиңӭн, намйалав ӧн-мал укэливкӭкэл! Би курдустівӭв бука-дӭн илйнд'акал! Си-дӭ ӧн-мал ӧдакис, би-дӭ бэлэтчиңӭв амаргут! Ӧн-мал би турэнмэв илйкал! Бука-дӭн минэвэ гарадакал, экэл минэвэ эмӭнэ! Д'э, тікӭн гунчӭлӭн, тар Тамнани, ур ңӧңанд'авки бэйэ тікӭн гунд'эрэн:

— Эйин, эйин! — Д'э, ңӧхис-та сӧ! Амаргутта бэлэтңэт-тӭ бихикис, ӧн-мал гарадамкад'иңав!

Тар гуниксӭкӭн, бэйэ, дагамакса, кумнэчӭ, тадук уђирчӭ-дӭ нам дулйалан гарадача. Д'э, тар гарадаксакан, ңэнэхинчӭ д'улӭви. Д'э ңэнэд'экӭн ңэнэдэчӭ нуңан. Дађава-да, горово-дӧ ңэнэнэви эчин сара нуңан. Тар ңэнэд'эчӭ, арай нам гирин мудачи ӧча. Тадук тар мудачи ӧракин, илихинйксакан, «Дэрумӧ»! — гуниксӭкӭн, арай уклӭхинчӭ, тар ахинча. Тар ахимуракин, арай нам мун эмэчӭ, гача дундэвэ. Тар бэйэ уклӭд'эригдэ дундэңин сулапча. Тамнани мата-бэйэ мӭлча, ичэчӭ нам мун дундэвэ гад'ариван. Д'э, нуңан иксаксакан, тар ур гараданави эдэринд'эвэ д'ӧмкичилча.

— Оксӭ! Д'э, буд'элим, — тікӭн гундэ турӭлкӭн ӧча:

— Эйин, эйин! — Ёкӧн, ёкӧн-кан албаспа бакад'ам? Ӧн гункӭнэм, ӧн д'алдаңатів? Эркӭн, эркӭн намлави гавум-ка! Муду эрті, эртэй буд'элим. Ӧн-ка н'экэксӭ тіванділави ихим? Соңомӧ, соңомӧ! Эркӭн, эркӭн, ӧнкан н'экэд'эм? Ңивэ, ңивэ д'ӧнтуд'ам? Эркӭн, эркӭн улӭкитчӭн-ңу мунчӭнд'эңив. «Бэлэд'иңэв» — гунчӭн ңӧвкиңив эдэринд'эңив. Буд'элим, будэрилӭви ихим! Нам дулйалан гараданав ӧкийа эмэксэ, минэвэ айді бид'эн? Оксӭ! Буд'элим эрті! Гунчӭлӭн, арай турӭн, турӭн намйала му дӧдун дӧлдівулча. Д'э тар эдэринд'э бими тікӭн гундэ турӭлкӭн ӧча:

— Айӭн, айӭн! — Эдэринд'эй, турӭтчэд'эм! Бикӭкӭн бими намйала бид'эм, эмэдӭви н'экэд'эм! Тадук бихикин дӧлчуд'акал! „Ңӧкӭ, ңӧкӭ“, гунд'эчӭс. Тар гунд'эксӭ тікӭн-мэл эмӭнчӭ бихикис, ёкӧнма эрид'эмчӭс, ёкӧнма д'ӧнтуд'амчас? Тулуйд'акал. Эрті, эртэй эмэд'иңэв, бэлэнд'экэл!

Тікӭн гуниксӭ этэчӭлӭн, ур Тамнани иксаран, тікӭн гундэ турӭлкӭн ӧдан:

— Эйин, эйин! — Эдэринд'э, имаканд'и эмэд'экэл! Эрті, эртэй намув эксэд'элдэн! Эрті буд'элим!

Тар гунчӭлӭн, этэчӭлӭн, эдэринд'э сулинд'ан ичэвулчӭ. Д'э ичэвуксӭкӭн эхилэ эдэринд'э гунчӭ:

— Будэри ӧча бими имат этэкӭнчэкэл!

Д'э Тамнани нам дулйалан этэкӭнчӭ. Тікин ңэнэчӭ нам дӧйалан! Тар этэкӭниксӭ, нуңан ӧн-да ӧнави эчин сара. Арай эр бэйэ ад'арилави мӭлча. Мӭликса ичэнэн, арай дундэ-дундэдун, бира улйдун уклӭд'эрэн-ивит. Нуңан илдан, илиттар ӧкса, д'э ңэнэхиниттэн. Эр бэйэ діскӭки коңдос ңэнэчӭ. Д'ундукэдук д'ундукэлӭ этэкусчэнэ ңэнэд'эчӭ. Тікӭн ңэнэд'энэ, арай д'ула ичча. Д'ула исчалан, бэйэ д'удук йучӭ. Тар бэйэ гунчэ:

Эр орорбов ёда вăна эмэндı? Д'ундукэдӯк д'ундукэндӯлэ «д'ундукэ» гундэ, экинэ эмэндı. Тıкин орорбов арйвкал! Мучӯкал-дă арйвкал, — гунчэ эр бэйэ.

Д'э Тамнăнй бимй амаскăкй мучучă, он н'экэд'ињэн. Мучӯксă ичэнэн, арай д'ăн оронмо экинэ эмэчэ.

Д'э, эр д'ăн оронми ољохондӯ локочō. Тар мō тэкэндукин мудандулăн ђэнэксэ, иргэлчэ:

— Дэ, эр мō курбурйвэн аламăнал курбулкулду, гиркулкалду!

Тар ољохон мō мудандӯн иликсă, курбувчолчō. Кэ, тар мōвăн аламăнал орор курбулчōл, гиркулчăл.

Д'э нуњандӯн ēкōн бид'эн, ухй-ђу, ēкōн-ђӯ бид'эн? Ăчин болдађа. Сēкта илакăлбăн илэнэ д'ăн оронми уйтıксэкэн этэксэ, гилбэнтıксэ эксэхинчэ. Д'э эксэхинчэ. Тар элгэд'эрэкин, орорин ēдук, тăдук ололдонол ухйлбэр этıђэнэл, этıгэнэл ђэнэд'эчэл. Бэйэ бимй «чō, мōдō!» — гундэ, тэпкэнэ, тэпкэнэ ђэнэвчэ. Д'э, эр д'ăн орорбй мэндӯви эксэд'эчэ. «Д'э эр орорд'и ахйавй ахйлăд'ињăв», гӯндэ, гӯндэ ђэнэд'эчэ. Тар ђэнэд'энэ умӯн н'имэрдулэ исчă. Адıњйлби орорбй ихивчă, адıњйлби чучавчă. Илакалду ōрчăд'ињăтıн до?

Д'э тар д'ӯлă йчэ, тар д'ӯла йнэн, арай умӯн ахй бихин. Д'э тар ахй гунчэ:

— Кэ, сй йӯхикэл тулйскй, бй уха тэтıви тэтчэд'эм, уларитıкта тэткэвй.

Тар бэйэ йӯксэ, орорбо мундıлчэ. Ахй орорин н'ăн бихи. «Эр оронмо укчактăд'ињав, эрэ актад'ињăв», — гундэ, ичэчиктэд'эксэ, йчэ д'ӯлă. Арай ӯр ахй уњту ахй ōчă. Сō айа тэтıвэ тэтчэ, сō айа ичэдэлкэн ōчă.

Д'э, нуњартıн умӯнду бињэтıлгэчйн ōчăл. Сиксэ ăхинарйтıн дађамачă. Д'э тар ахй бимй сэктэвӯнми сэктэвчэ, бэйэ бимй тэтıлбй лукчă. Лукиксăл, умӯндӯ ăхилчăл. Тар ăхилд'ана, ахй гунчэ:

Аритчарйђачин буђа. Арахинай иг инњулд'ињэн, арахинай турэр дōлдıвулд'ињăтıн, тэлй энэ авахина уклэдэви.

Д'э тар ăхинчăлăтıн, эд'элйкэнин актıралда, арахинай иг инњулчэ, кињгиналчă, сēканин иђин инњулчэ. Кињгилй уркэлйтıн эмэчэ. Эмэксэкэн тıкэн гундэ турэлкэн ōчă:

— Кэњгэ чōран, кэњгэ чōран! — Утэлд'ин, Мōкалд'ин, култıрйэви нйд'экэл! Секăрдӯви, чōрăрдӯви каптăнмуд'алим! Имăт, имăт никэл! Ēд'андı, ēд'андı? Тăдук бэйэнун-ђӯ уклэд'эндı, — гунчō-дэ, уркэви нйчэ. Уркэвэ нйксэ, этэхинчэ-дэ, ичэчэ бэйэнун ăд'арйвăн. Тăдук амаскăкй кињгирмукăхинчă.

Тар бэйэ этэкэнчэ-дэ ахйви ђăлалбăн, алгарбăн окогочō-до, гарадăчă д'ӯлун. Тăдук тар ахйна ахалчă. Дэктıлэлкэн ахй нуђандӯн боконмуд'ињăн-дō? Эхй болдађа!

Д'э, эр ахйва эр бэйэ ахалчă. Илан инэњйдӯ ахактачă. Тар ахамăчиксă, амаскй эмэвкй.

Тар ӯр окоӈонон ахйӈин н'āн-дāт уӈту ахй ōвкй. Тар ахйнун биливкй. Тāдук битэр ōксā, н'āн-дāт ӈāлалбāн, алгарбāн окоӈовкй, тāдук д'ӯдӯн эмэниксэ, ахаливкй тар дэӈилчэ ахйва.

Этıркэлкэн атıркāн āд'амнйн эмэнмучэл болдаӈа. Ахунма-дā анавар нуӈартıн эчир сāра бичэл. Āд'аксāл, д'э нуӈартıн илчāл болдаӈа. Тар иликсāкāр, д'ӯвар ичэнэтıн, арай омолгйтıн йдӯ-дэ āчин. Ōкин-дā ӈэнэнэвэн эр атıркāлкāн этıркэн эчир сāра бичэл. Тıкэн нуӈартıн д'ӯрйкэн бид'эчэл, омолгйвар алāтнал, алāтнал бид'эчэл.

Тар бид'эрэктıн, арай атıркāн энӈэнин н'āн-дāт кэпэлчэ. Д'э тар кэпэд'эчэ-нун кэпэд'эчэ, энэ энӯрэ.

Арай умнэкэн, атıркāн «йӯктэ» гундэ, кэпэчэ энӈэнд'иви културлэви нāчāчā. Кэпэчэ энӈэнин ултэргэчэ-дэ, арай уркэн-куӈāкан чēрӈамнак тıкчэрйвэ этıркэн āнӈалāви тэвэчэ. Д'э, утэлкэн ōксāл, атıркāлкан этıркэн урунд'учō урунд'увкйл бичэл. Тэд'экдэ, эр куӈāкāн бимй д'āлдава āнӈаксā, д'āчй куӈакāдıн ōчā. Д'э акинӈачинми горолйктана гиркуктавкй ōчā. Нуӈан бимй бэркэнбэрйлкэн ōксā, дундэвэ горолйктана, горолйктана бултавкй ōчā. Эр омолгй бэйӈэлвэ вāна, вāна, ирна эмувувкй ōчāн.

Умнэкэн эр омолгй бимй эн'йндукки, амйндукки улгумйлчэ:

— Эрэй, эрэй! — Амāй, эн'эй-дэ бй эмӯкин утэхун бихим? Тāдук бихйн-ӈӯ, āчин-ӈӯ утэхун, бигдэ-дō утэхун бихим? Эртı гунд'экэлду! Бй дулин дундэвэ ӈэнэхиндэви н'экэд'эм. Сōт имāт гунд'экэлду!

Д'э, тıкэн гундэвэн дōлдıксāл, амйнин, эн'йнин мэмэривэр ичэхинчэл, тāдук бимй амйнин тıкэн гундэ турэлкэн ōчā:

— Утэ-н'ика, энэ сигдэ-дō бид'эндı, сй акйндı бичэн! Нуӈан н'āн горолйктавкй, бултактавкй бичэн. Акйндı д'ӯдӯви энэ тэхийӣэ, ӈэнэмӯд'эӈкйн. Бӯ нуӈанмāн ōн-дā эчэвун д'авара. Умнэкэн, āхинчāлāвун, нуӈан āчин ōчā бичэн. Бӯ йлэ-дэ ӈэнэнэвэн эчэвун сāд'ара. Илан долбонйва, илан инэӈйвэ алāтчачā-алāтчāвун. Тıкэн алāчилналāвун илан анӈанй ōдан!

Амйнми тıкэн гунчэлэн, эр омолги бимй турэлкэн ōдан:

— Амāй, эн'эй, ēдā сӯ миндӯ эчэхун д'улэлй мэтэврэ, улгучэнэ. Тıкиндэлэн бй нуӈанмāн ēмй-дā бакамчāв! Тар-дā бичэлйн бй нуӈанмāн боконорй, бакарй ōдāм эчэ-дō! Д'э сӯ айат бид'экэллу, эр-дэт бйӈихун ахалд'ам акйнмй!

Амйнин бимй н'ан утэткиви турэнмэ йӯвулдэн:

— Утэ-н'ика, сō айат н'экэйэд'экэл! Д'улāви мучӯвандā, мӯндӯ сāвкāндэ гиркуд'акал! Бӯ н'āн-дāт алāттıлāвар истав.

Д'э, омолгй бимй этэкэлдıрэн. Тӯксачā туксаран, ӈэнэд'эчэ ӈэнэрэн. Тар ӈэнэд'энэ, арай умӯн д'ӯва истан. Д'э нуӈан бимй уркэвэ тāмкаран, тāндан маӈа сō уркэн. Н'ан тāмкаран уркэвэ, эчэ нйврэ. Д'э, тэлй нуӈан уркэвэ нйхиййан, нйхиййан, ӈй-дэ эхин нйрэ. Тар нйхийд'аракин, арай турэн, турэн дōлдıвулдан:

— Ēкōн, ēкōн уркэвэв нйхийд'аран? Сй-гӯ, Тамнāнй-мата бихиндı? Гӯкэл, тэли нйд'элим, — гунчэ эр этıркэн.

Омолгй бимй тікөн гундә турөлкөн өчā:

Акйнми бими, сōт имāт нйкәл! Бй сй нәкундı биђәрәд'әм. Амай, эн'әй гунчәтін: «бй акйчй бичәв. Нуђан ђәнәнәлөн илан анђанй өчā», — гунчәтін.

Д'ә, әтіркән бими тікән гундә турәлкән өчā:

Бй, Сәләмә-Сәлә гәрбйлкән, әтіркән бихим. Тамнāнй нәкунин бихикис, әр-дөт нйд'әм — гуниксә, уркәви нйрән.

Эр омолгй, д'ўлā йксә, н'āн турөлкән ōдан:

— Бй акйнми гәрбйвән-дө әчөв сāра, гәрбйчй-ђў, āчин-ђў биркә? Ђй нуђанмāн гәрбйркә бōлда? Сāрй бимй улгучөкәл-дө миндў.

Сәләмә-Сәлә әтіркән тікән гўндө турәнмә йувулчән:

— Эндә, эндә! — Утә-н'ика, умўн уркән бәйәвә ичәнәлөв илан анђанй илтәнән. Бй нуђанмāн гәрбйчәв, бй нуђанмāн н'уђәручәв. Сй—дө бука гәрбййә āчин гиркўд'андı. Бйкәкән сйнәвә-дә гәрбйд'әм, н'уђәрўд'әм! Тарā сўвләрәкис, әртı гәрбййәс гунд'әм, тāдук н'уђәвә н'ўђәрўд'әм. Эр-дөт гунд'әкәл!

Омолгй бимй тарā әләксйксө, турөлкән өттан:

Эрәй, әрәй! — Сәләмә-Сәлә әхәкәв, кә сōт гәрбйд'әкәл, н'уђәрўд'әкәл! Иртı-кәй ђәнәчән Тамнāнй акйнми, тартı-кай н'уђн'йкәл октовов!

Сәләмә-Сәлә әтіркән, д'ә тікән гундә турөлкән өчāн:

— Эндә, эндә! — Уркән-бәйә, гәрбйс ōђин Д'оломо Д'онўйкāн, Иђāма Иђā! Тāдук ōдакин дōлчāткал н'уђәрўд'әрйвәв. Тамнāнй акйндı әр бирава солокōкй ђәнәчән. Сй н'āн солокōкй ђәнәкәл. Тар ђәнәд'әнә д'әкдәк урәвә исчиђāс. Тāрā ихиксā туктірәкис, тар д'әкдәк урәдў сиђарйн мурйн ођкоктод'орйван ичәд'иђәс. Сй бәйәдәнә, ђәнәксө «униђис бихим», гундә д'авамалчадāви. Тар мурин ёмй-дā акйндулāс ихивд'ађāн.

Уркән-бәйә тікән гўндә турөлкән өчāн:

— Эрәй, әрәй! Сәләмә Сәлә әхәкәнд'әв! Гәрбйнәдўс, н'уђәрунодўс бахибанд'а огән! Би әр-дәт ђәнәхинәм акйнми ђәнәд'әк уд'алйн.

Гўнән-дә ђәнәд'әхинән. Нуђан бимй ђәнәчә ђәнәрән, тўксаран бирава солококй. Тар ђәнәд'әнә, арай нуђан умўн д'әкдәккән урәлө истан, тāдук урәвә туктірән. Нуђан бимй урәђђй ойолйн ђәнәд'әнә, арай ођкоктод'орйва муринма ичәрән. Тар ичәксө, бәйәдәд'әнә ђәнәксө, дађамаран муринма. Мурин әчин мәдөрә бичә. Д'ә дагамāксā, әр бәйә «униђис бихим» гунд'әнө муринма д'аваксōран.

Д'ә, мурин бимй тікән гўндә, турәлкән өчā:

Эрнәй, әрнәй! — «Униђив» гундә минә д'авандı-дā, д'ә, әтөндı тәрәрә бй курбурйдўв, бй улумōстıдўв. Тікән иләлдамактў улумосчођōв, курбод'ођōв. Тāдў тәрәмй «униђис» гундөви.

Д'ә әр омолгй мурйндуви укчалāхинан. Д'ә тар укчалāхинчāлāн, муринин курбучō курбурон, улумусчō улумустон. Илан

долбонӣ д'алуптідӯн эр бэйэ аран эчӗ буруро. Эр мурин курбуд'омӣ, улумӧсчӧмӣ этэксӗ, тікӗн гӯндэ турӗлкӗн ӧдāн:

— Эрнэй, эрнэй! — Иртікэкӣ ӈэнэхинд'энді, унӈихак, д'алби гукэл!

Эр омолгӣ бимӣ тікэн гӯндэ турӗлкэн ӧдан:

— Эрэй, эрэй! Д'улӗс иртікэй бихин, тартікакӣй ӈэнэхинд'эм. Акӣнмӣ иртікӗкӣ бихин мӗнді сāнді! Акӣнми иртікэй бӯӈаткӣй ӈэнэхинмэй — сāнді, тартікāкӣ ӈэнэхинмэй. Омолги тэкӗн гунд'энӣйэвӗн муринин ӈэнэхинчӗ. Эр бэйэ ӈэнэнэви-дӗ, ёнавӣ-дā эхин сāра. Арай нуӈан бимӣ бугайāкāкиндӯ āд'арилāви мӗлчā. Мӗликсā, илчā. Иликсā, арай ичэчӗ бэйэ ӯд'авāн. Тар ичэксӗ, эр бэйэ тар ӯд'ава ӯд'алчā. Нуӈан бимӣ ӯд'ана, ӯд'ана ӈэнэд'эчӗ. Тар ӈэнэд'энэ, арай ичэчӗ бэйэ ӈэнэд'эрӣвӗн. Нуӈанмāн ахаксā, бокончӧ. Д'э боконикса турӗлкӗн ӧдан:

— Эрэй, эрэй! — Акай-бэйэ, сӣ минэвэ сāнді-до? Бӣ сӣ нэкӯнді бихим! Амāй, эн'эй д'удӯвар бид'эмнӣн эмӗнмучэтін. Илан анӈанӣ ӧчā синэвэ алāчилналāтін. Тікіндэлӗн ёкӧнма ӧд'ачāс? Екӧн, ёкӧн дундэлвӗн гиркуд'ачāс? Эр-дӗт гунд'эксӧкол!

Д'э, акӣнин бимӣ турӗлкӗн ӧдан:

— Эйӣн, эйӣн! — Нэкэй, нэкӗй, тэд'ӗмэ, гиркукталнāв, н'экэйӗлнӗв горокӧн ӧдан, ахӯн-дā анӈанӣ илтӗндэвӗн эчӗв сāра. Амāй, эн'эй д'ӯдӯвар āд'амнӣл эмӗнмучэтін. Эр бӣ килӣвлива ахӣйави гамнак, нуӈанмāн д'авадāви ахад'ам. Он-мал боконд'ом дэктілӗлкӗн килӣвлива.

Тара дӧлдіксā нэкӯнин омолгӣ н'āн-дāт турӗчилдэн:

— Эрэй, эрэй! — Акāй-бэйэ, бӣ сӣ нэкӯнді, Д'оломо Д'онӯйкāн Иӈāма Иӈā гэрбилкӗн нэкӯнді бӣ бихим. Акāй, акāй, сӣ идӯ бихинді, бихидӯви бид'экэл. Ахӣӈāтпас тімāтна эмӯвдиӈӗв, ӈэнэд'экэл д'ӯлāви!

Д'э, тар тікӗн гӯнэкин, акӣнин д'ӯлāви ӈэнэчӗ.

Нэкӯнин бимӣ чивкачāн ӧксā дэгӣктэлчӗ. «Чип! Чип!» — гундэ, дэӈӣктэд'эрэкин, йдӯ — тāдӯ дӧна, дӧна дэӈӣктэд'эрэкин, умӯн дэӈӣнд'ӗ дэгнэ эмэрэн. Эр чивкāчāн: «чип, чип» — гундэ, дэгӣнд'э д'улэдӯн мӧдӯ дӧча. Эр дэӈӣ дэгнэ эмэксӗ, нуӈанмāн оролӣхинчāнā мӧду дӧчā. Эр чипкāчāн даӈадӯн эмэксэ, дӧчā.

— Чип, чип! — Дэктілӗви луккал, айа-кӗ дэктілӗс, ичэктэ!

Тар ахӣ, дэктілӗлви лукчāмаксā, чивкāчāнду бӯчӗ. Д'э эр чивкāчāн дэктілӗлвӗн гачā-дā тікчӗ эргискӣ-мэл, мӧдӯ нāчаксā. Тар н'экэксэ, нуӈан бэйэ бэйэд'ин ӧчā. Ахӣӈин бимӣ, тар килӣвли Кувулгатілкāн, Д'ивилгэтілкӗн сӧӈкӯ ахӣ бичӗ.

Тар бэйэ бимӣ тікӗн гӯндэ турӗлкӗн ӧчā:

— Эрэй, эрэй! — Чипкāчāткāн чипкāд'амнакāнин килӣвликāнма. Чипкāчāн чипӣд'ана тэӈэтчэнэ, дэӈӣкӗнмэ тāнд'анманāн, — гунӣксэ, — эр чивкāчāн Кувулгāттӯви, Д'ивилгэттӯви энэ сāвкана дӧвкāнан дэӈӣвэ. Д'э эхӣлэ мӗнӈӣв ӧданді, минӈӣ ӧданді.

Д'э тікӗн гунчӗлӗн, тар уӈӯ килӣвли тікӗн гундэ турӗлкӗн ӧдан:

Ōнкāчāн-ка өнө сāра өмөчөв. Чипкāчāн-тı гӯндө, өнө сāра дōчāв? Сāча бимӣ, өмчөв дōнад'ара, буҕалӣ ңөнөмчөв. Бӣ кувулгāтıв, дөвилгөтıв ойолйн сӣ кувулгāтıчи, д'ивилгөтıчӣ бихиндıөгдıңө бихиндı миндук. Тıкин дөктıлөви тıтōвум. Ōн-дā өңөт ңөнөрө бихим, синңи ōдам!

Д'ө, тар омолгӣ ахӣ бид'өрйн мō төкөнмөн илачā. Тар·өхйлө кувулгāтпāн, д'ивилгөтпөн āчиңйлчā. Тар ахӣ дөктıлөлд'ин дөҕиктөд'өнө, ахйва сөктөт идакāттан «кувулгатıс, д'ивилгөтıс āчин ōҕөн», — гундө. Тар идакаксā, акйндулāви ахйңи өксōчө. Эксөксө, д'ө нуңан сō ōлчā.

Тар акйнин нонопты ахйн бōкāн ōчā. Д'оломо-Д'онӯйкāн мөндӯви ахйаави гөлөктөңөтıн ōран. Д'ө, акйнин сивайбави ōлдāн, д'ӯр оронмо төриндуккөр вāра. Эр д'ӯ ахӣ д'ӯн бичө нонон, Тамнāнӣ өд'өлйн өмөрө. Эр ахи Тамнāнӣ өмөнөвөн сāксā, дөҕиктөд'өчө, туксāниктачā бичө. Тара өхйлө Д'оломо-Д'онӯйкāн чипкāчāн ōксā, д'аваксā өмуврөн-дө акйндуви бӯрөн, бōлдаҕа.

Д'ө, нуңартıн сивайбара, ōра. Д'оломо-Д'онӯйкāн ңөнөхиндөви н'өкөд'өрикин, өр ахӣ тıкөн гӯндө турөлкөн ōдан:

Миндук сōргу ахй-килйвли, Кувулгāттӯк кувулгāтмāрйө, Д'өвилгөттук д'өвилгөтмөрйө ахйа бакарййас, ичөд'иңөт!

Д'ө тар бөйө даҕайа бид'өн-ңӯ, горойо бид'өн-ңу. Мурилкāн бичө, уларин мөңун инңактāлкāн. Нуңан бимӣ тариңңи өрйчө. Мурин өр-дөт өмөчө. Муриндӯви ӯкчā-дā, д'ө ңөнөвкōндөви н'өкөд'өрөкин, муринин турөлкөн ōчā:

— Эрнөй өрнөй! — Ирйөкөклө д'алдāд'андı Д'оломо-Д'онӯйкāн? Килйвлилā-гу, д'ӯмалāн-ңӯ, өкинд'өктулөтıн-ңӯ ңөнөңөтıс? Унңихāк, унңихāк, ēлā д'алдāд'андı? Д'ӯлāн-ңӯ, өкинд'өктулөн-ңӯ ңөнөвд'өм синөвө?

Унңин бимӣ тıкөн гӯнчө:

— Эвйвӯн буҕалāтıн, болдаҕа.

Д'ө, муринин ңөнөвчө ңөнөврөн. Эр бөйө ахӯнма-дā ңөнөнөви өчин сāра. Горово-до, даҕава-да ңөнөнөви өчин сāрā бичө. Тар өкинд'өклөтıн гундөн, муринин тāлā ихивчā. Бөйө өвчө мориндукки, тāдук нуңанмāн тıнчө; „буҕалāви онконōкол", — гундө.

Д'ө, бөйө бимӣ тāдӯ биктөд'өрөн. „Д'ө би ōн н'өкөд'өм? Эвйрйлөтıн даҕамаран". Тадук гӯнөн: „Идӯ дıкөнд'иңөв? „Орон инңактакāнин ōкта", — гуниксөкөн, орон инңактакāнин ōдан. Тар инңактакāн ōксā илиттı мō угдаксадӯн лапкувчā, „оролд'оно өр мōва өркурид'ин" — гундө. Тāдӯ бид'өчө, бид'өчө. Тар бид'өрөкин, д'ө бөйөл умйвупчāл өвйдөвөр. Баран сō бөйө умипчāл.

Кө, өр килйвлиңит өчин өмөрө, — гӯмөчиттө бөйөл.

Тāрā нуңан, дōлчӯд'ана, ичөтчөрөн. Д'ө, тар өмөчөл бөйөл өвйлчөл, өкилчөл. Тар өвид'өрөктıн, килйвли д'алнунми өмөлгөчө. Ēдук-тā айа төтıлкөн.

— Д'ө өмөрөн, өмөрөн, гӯмөтчөл бөйөл.

Эр омолги гунчөчө: „Тавар-тı килйвлитıн бид'иңөн".

Д'э килйвлитін эмэксэ̄кэ̄н, экинд'элэ̄тін йчэ̄, эвйлчэ̄. Д'э токорилча̄л бутундӯ. Тар гэ̄врй токорйхинарйдӯн мо̄ва килйвли унмэлэ̄н намарача̄-да̄ оӈонйла̄н ичэ̄. Д'э, оӈонйла̄н ичэ̄лэн, ахйӈит бимй элчэ̄ эвйлдэ. Эвйнтін токточо̄, килйвли элчэ̄лэ̄н кē̆йан эвйрэ. Эр бэйэл, эвйрйвэр этэксэ̄л, сама̄нма самалда̄вка̄ча̄л. Д'э сама̄н сама̄лда̄лча̄:

— Д'эду, д'эду, д'э, д'э, д'эдой! — Ē̆ко̄р, ē̆ко̄р эмэчэ̄л? Ē̆ко̄н, ē̆ко̄н то̄ктака̄нин унмэйэ̄дӯн намара̄ча̄? Инӈактака̄н намарача̄. Тар инӈактава о̄н н'экэӈэ̄тіхун? Аватāри инӈактака̄н намарача̄! Эр инӈактака̄н бимй д'ӯр алгалка̄н, д'ӯр ӈа̄лалка̄н, д'ӯр ē̆халка̄н, д'ӯр сē̆лка̄н, оӈоктолко̄н, амӈалка̄н, улгурбэ улгучэ̄нді, сэхэнэ сэхэрӈэрй. Кувулга̄ттӯ кувулга̄тілка̄н, д'ивилгэ̄ттӯ д'ивилгэ̄тілкэ̄н. Гэрбйн бимй Д'оломо — Д'онӯйка̄н Иӈа̄ма Иӈа̄. Эӈэхйдук эӈэхй, иктэчэ̄лй-да̄ ē̆ра-да̄ эхй, д'оло д'олотпй, иӈа̄ иӈа̄тпи. Таргачин бэйэ эмэксэ̄ мо̄дала̄д'аран килйвлива. Ахйла̄да̄ви эмэчэ̄ бэйэ. Мит килйвлйӈит кувулга̄тін кувулга̄тілка̄н, д'ивилгэ̄тін д'ивилгэ̄тілкэ̄н бэйэ, мит уна̄д'ит ойолйн! Та̄ра̄ о̄н н'экэттэс?

Тар бэйэл гӯнчэ̄л:

— Мэ̄нд'иви эмэксэ̄ эвйӈин, Мэ̄нмй ичэвкэ̄ниӈин.

Тар ичэтчэрэктін, эр килйвли урбакун до̄дукин тікчэ̄. Тіксэ̄, бэйэнд'э̄ о̄ча̄. Эр килйвли эн'йнин, амйнин бихи, этіркэ̄лкэн атіркан. Нуӈартін тар бэйэвэ д'ӯла̄вэр эксэрэ. Уна̄т кē̆йивча̄, оӈонйла̄н ичэ̄лэн эр бэйэ. Этіркэ̄н уна̄тпй давдавна̄ва̄н эхин элэксирэ, эр этіркэ̄н мэ̄нин н'а̄н букатір. Мэ̄нин-кэнэ давдавмй, уна̄тпй бӯӈэ̄тін. Д'ӯла̄ви ихиксака̄н, турэ̄лкэн о̄дан:

— Икэ̄н, икэ̄н! — Синтікй тікӯлчад'ам, турэ̄кэ̄рбэ турэ̄тчиӈэ̄в! Энэкэ̄н бакалдіра, энэкэ̄н ичэдэ̄ви ичэвкэ̄нэ, кувулга̄тітпи кувулуна̄нді, д'ивилгэ̄тітпи д'ивэлэ̄нді. Д'улэ̄лй ичэдэ̄вй ичэвкэ̄нчэ̄ бихикис, эмчэ̄в тікулда. Кувулга̄тітпи кувулунда, д'ивилгэ̄тітпи д'ивэлэ̄ндэ̄ н'экэчэ̄с. Бй-дэ̄ кувулга̄т бихим, бй-дэ̄ д'ивэлэ̄счйӈэ̄в! гэрбйв Сэлэмэ-Сэлэ букатір бихим! Д'э, илдэ илдэвэр ймкэлдіӈэ̄т, суму сумувур са̄лдіӈа̄т. Тар эвгидэ̄лйн бй синдӯ д'алби эхим бурэ!

Гē̆ бича̄, та̄ра̄ до̄лча̄чиксака̄н, тікэ̄н гундэ турэлкэн о̄дан:

— Д'э, кувулгатітпи-да̄ кувулунд'иӈа̄в, д'ивилгэ̄тітпи-дэ̄ д'ивэлэ̄д'иӈэ̄в. Бй-дэ̄ бихим д'авалдірйду, бй-дэ̄ бихим ймкэлдірйду, кэ, сй Сэлэмэ-Сэлэ бихинді, болдаӈа! „Сэлэ бихим", гӯндэ экэл со̄катта! Сэлэ тун'иргавки. „Сумулко̄н бихим", гӯндэ со̄ка̄тчанді. Бй-дэ̄ сумучй бихим! Бй-дэ̄ӈэни со̄пчарй бэйэнӯн со̄пчад'иӈа̄в, кихиргэрй бэйэнӯн кихиргэд'иӈэв. Эмкэрй бэйэнӯн бй-дэ̄ эмкэлдід'иӈэ̄в. Д'э, сй экэл со̄пчара, экэл кихиргэрэ! Бй куӈака̄н бихим, сй сагді бихинді! Баӈар этэ̄нді тэрэ̄рэ миндӯ, баӈар бй ойоӈӯ о̄д'иӈа̄в! Бй бē̆лдітпи эхим бē̆лда синдӯк! Минэвэ турэ̄нд'иви ӈэлэвкэ̄тчэнді, сй турэ̄ндукис эхим бē̆лда! Сй „бэйэвэ иктэм" гундэ иктэд'иӈэ̄с Д'оло Д'олово̄н, Иӈа̄ Иӈа̄ва̄н". „Бй синду

давдівд'иңāв", гундә әхим д'ōнчара. „Куңāкāн" гундә бēливдāви н'әкәндi! Бй әхим синдук бēлда!

Д'ә тiкән гӯнчәлән әтiркән тiкулчā:

— Д'ә, тәд'ә-дō! Миндӯн тәрәттәви н'әкәндi-до? — гӯнчә-дә, әтiркән әтәкәнчәчә омолгйлā. Тāдук әтiркән бими иктәчә омолгйва. Арай иктәрйнунин умӯндӯ иңā билчә. Д'ә, әр иңāва әтiркән бимй палкичā-дā палкичā. Ēра-дā әхин, әр иңа, тәпкәрә-дә әхин. Д'олоңин бимй турәлкән ōчā:

— Д'ә, әкәл минәвә дуктәрә, бостой ңāлави окотчоңōс!

Тiкән гундәвән дōлчāчиксā, әтiркән гӯнчә:

— Син бир синәвә кēйд'иңāв. Д'оло бихикис, д'оловōс ултурутчоңōв алкāтпи!

Долбонйва кухйчәл. Доломо-Д'онӯйкāн иктәвкй әтiркәнмә, әтiркән бимй тун'иргавкй. Әтiркән бимй иңāва иктәвкй, иңā „лāс!" ōвкй. Тар кухйд'әнәл, әтiркән арай алкави гамалчавкйда тарит иктәвкй бәйәңңи, тариңин „Лас!" ōвкй. Н'āн алкатпи д'әйәӡидәд'ин иктәчә, арай алкан омчорōгор әтәкәнчә. Д'ә ңәрйлдәлән, долбонйва коңдос кухйчәл. Әтiркән бимй д'ә бēлдан. Тар бēликса, тiкән гундә турәлкән ōдан:

— Йкән, йкән! — Тәд'ә-дә бимй әңәт кēййа бихим, илдәв-дә тукувран. Әңәхйдӯс-тә кәйан әчәв турӯру. Сумудӯс-тә сумув кēйан әчә туруру. Әңәхйв-дә давдаран синдӯ. Тарит Д'оломо-Д'онӯйкāн әйәләскәт. Букатiрма букатiр бихиндi! Кувулгāтiс, д'ивилгәтiс бй кувулгāттукив, д'ивилгәттукив әгдәӡӯ ōдан! Д'ә тарит әйәләскәт, айарāлдiӡāт!

Д'ә гē бимй әргәчйн турәлкән ōдāн:

— Әрәй, әрәй! — Д'уләйәлй-дә әмчәс тiкән гӯнчәрә, Чадай сагдагӯ? Д'уләгиптiйәдук сāчāс бид'иңән! Унāд'ис кувулгāтiнд'ивилгәтiн кәййвчāлāн, „бй-кәнә кәйд'иңāв", гӯнчәчәс-тō? Сй д'уләлй тагдiнадукис бй-дә әчәв тiкӯлчара-да! Тар бихин кә, айаралдiӡāт, әйәрәлдiӡәт! — гӯнчә әр бәйә.

Әтiркән бимй сōт әләксйрән, тāдук бимй тiкән гундә турәлкән ōдāн:

— Икән, икән! — Утә, ника, кә унāтпав ахййави гад'акал, сивайбачиндi-ӡу, әчиндi-ӡу?

Омолгй бимй тiкән гӯнчә:

— Әрәй, әрәй! — Он-мал әнә сивайбара ахйлāд'ам, дōмдун ёмй-дā ōд'алим, болдаӡа. Тарит тiкин амāй, ән'әй ōдас! Тар-дā сивайбадӯ бәләттә, әд'әс.

Әтiркән бимй турәлкән ōдан:

— Д'ә, болдаӡа, ёкōн, ёкон д'әвгә бихид'йн, дуруккāн тәвучим! Сивайбава ōраксун, сō киливлй хунāттукки ёкōнма-дā әхим муланд'ара.

Д'ә тiкән гӯмәчиксәл, сивайба буӡуву ōтта. Омолгй, сивайбакса, умӯндӯ биливкй. Д'ә умӯндӯ биликсә, нуңан бимй турәлкән ōчā:

— Эрэй, эрэй! Д'оломо̄ Д'онӯйка̄н бэйэ гэрбӣд'ин гэрбӣтэлдı о̄дам. Бэйэ бинӣдӯн бихӣ о̄дам. Д'ӯлка̄н о̄дам, гиркичӣ о̄дам. Бэйэ гэрбӣд'ин гэрбӣтэд'иӈэв, гӯнд'эрӣдӯ гӯд'эйкэн бид'иӈэв. Аламаӄайдӯ аламаӄай бид'иӈэв. Тар мудандӯкин бимӣ буӈалка̄н буӄаткӣви ӈэнэхинд'иӈэв. Н'имэр гэрбӣдӯн гиркӣлкэн о̄кса ӈэнэхинд'иӈэв. Амай, до̄лдıкал! Д'э, сагдаӈӯ, поростı о̄ӄэн, эмэнмуӄин-дэ! Бӣ эчэв ухава о̄ра, бӣ ёва-да̄ ухава эчэв турэттэ. Бӣ буруйви энэ са̄ра эмэнэм. Кэ, тарит амай, эн'эй экэлду миндук аксāтта.

Д'э, этıркэн элэксичэ̄ эхӣлэ. Мэнин мэнд'иви буруйви эринчэ:

— Йкэн, йкэн! — Бӣ мэнми буруйичӣ о̄дам. Бӣ мэнми ухава гэлэ̄ксэ̄, тıкӯлкас о̄на, тıкӯликса̄ тармāлид'ин „эмкэлдıӄэт" гӯндэ гӯнчэв. Алгахача̄ бихим тıкулна̄дӯви. „Куӈака̄н куӈака̄нӈачӣн" гӯндэ гэрбӣд'эчэв. „Умӯн д'авактат д'авад'иӈа̄в" гунчэчэв, „умӯн колтоктот умно̄ колтод'оӈо̄в куӈака̄нма гӯнчэчэв, — тıкэн гуниксэ̄, этıркэн ичэчилдэн кутэтпӣ.

Умӯн-ӈӯ, д'ӯр-гӯ анӈанӣ о̄ча̄ билнэлэтıн. Д'оломо-Д'онӯйка̄н ахӣнунми ӈэнэхинэ. Нуӈартıн ахӯндӯн исчиӄа̄тıн, тар-тı, болдаӄа, акӣнми истан. Ахӣви акӣндӯви ичэвкэнчэ̄. Та̄дук акӣнми, экӣнми поростıлахикса̄, н'а̄н-да̄т ӈэнэхинчэл „амтıлдула̄вар" гӯндэл. Тар ӈэнэчэ̄ ӈэнэд'эчэл. Тар ӈэнэд'энэл, арай тıпунма ичэчэл. Д'оломо-Д'онӯйкан ахӣткӣви тıкэн гӯндэ турэлкэн о̄ча̄:

— Эрэй, эрэй! — Эдэй, сӣ ичэд'эндı тар тıпунма? Тар бӣ ама̄в, эн'эв гулувӯнтıн тıпуд'аран, эр-тı истап, эчэ̄-до̄?

Тара ахӯндӯн исчига̄тıн, даӄа, болдаӄа, тıпун ичэврӣн. Д'э, эмэрэ нуӈартıн. Эмэксэл, дороволосто ёра. Д'э, атıрка̄н урунд'октӯви урунчо̄, „утэв кэргэчӣ о̄кса̄ эмэрэн" гундэ. Тар уруниксэ̄, мёванин дэлпэргэксэ̄ бӯчэ̄ атıрка̄н.

Амӣнтıн бимӣ тıкэн гундэ турэлкэн о̄дан:

— Утэ, н'ика, ёда, горово н'экэйэксэ̄, эмэндı. Эн'эй-энидı со̄т ала̄тчана бид'эӈкӣн. Эмэвэн-дэ н'экэйэчэ бихикис, тıкэн будэлэви эмчэ̄ со̄т уруно! О̄н, о̄н н'экэкит о̄ран? Эдук-тэ о̄дакин, эӈэтıс минэвэ эмэнэ о̄дан! Акӣндı сӣ д'улэдус, эд'элӣс ӈэнэрэ, ӈэнэнэгдэн о̄дан. Будэн-ӈу, ёран-ӈу? Тара ӈӣ-дэ эхин са̄ра. Д'э, утэл-н'икал, эн'эвэр карайӄа̄т, — гӯнэн амӣнтıн.

Д'э, эр омолгӣ, сот бӣргэлэнд'энэ, тıкэн гундэ турэлкэн о̄ча:

— Эрэй, эрэй! — Ама̄й, ама̄й! Тıкиндэлэн ака̄й эчӣнин эмэрэдо? Нуӈан окто дулиндун бид'эрэн. Нуӈан мэнин д'учӣ, кэргэчӣ о̄кса̄, бид'эрэн. „Акай эмэвэниттэн" гӯндэ, энэ сунэвэ кихана н'экэйэд'эчэ̄ бихим. Тар-да̄ бичэлӣн бӣ буруйилка̄н о̄дам! Эрэй, эрэй! Мулан'ё, мулан'ё, эн'эй, эн'эй, ёда тıкэн ондı! Ама̄й, ама̄й, эдук-тэ̄ о̄дакин сӣ эмӯкин этэндı бисӣ. Д'ӯва д'ӯвча̄рӣ, д'эвгэвэ о̄рӣ килӣвли ахӣва ахӣлам. Ама̄й, ама̄й, со̄т мандувкал, экэл соӈод'оро! Эртı эн'эвэ карайлӣла̄вар истап.

Он н'экэд'иӄэтıн, карайилда, бо̄лдаӄа, эн'эвэр. Д'э тıкэн о̄кса̄л, нуӈартıн иланӣ бид'эчэл. Амӣнтıн бими эгдэгӯ омолгӣла̄ви ӈэнэктэвкӣ о̄ча̄. Тıкэн нуӈан ускита̄на̄ ӈэнэктэнэ бид'эвкӣ.

Д'оломо-Д'онўйкан утэлкэн оттан. Д'э нуӈартін айамамāт бид'элчэл. Акинин бимй Тамнāнй мата н'āн адІ-дā утэлкэн о̄чā. Д'э, нуӈартін ирэмймэтчэнэл, н'имэр о̄ксāл тікиндэлэн бид'эрэ.

16. ЭД' О̄

(Припевы хороводной пляски перевода не имеют)

Эд'о̄, эд'о̄.
Андэ, андэ!
Эмэко̄ эмэко̄
Йдо̄, йдо̄!
Ур-гē, ур-гē
Сāндэ, сāндэ!
Йўрго̄, йўрго̄
Акэ, акэ!

Мўндо̄, мўндо̄
Амоко̄, амоко̄!
Ирго̄, ирго̄
Тāкэ, тāкэ!
Тірго̄, тірго̄
Йўрго̄, йурго̄!

17. БУТАЛ, ЛАЛИГИРИЛ

Билир, билир Лалиӈирил Бутал амардуктін ӈэнэд'эчэл-вэле. Тар ӈэнэд'энэл, нуӈартін Бутал āнӈактулāтін исчāл. Тар āнӈактўтін Лалиӈирил ичэчэл хувчāл мо̄лва. Тарлаха Лалиӈирил хувўнма эвкйл сāра бичэл-вэле. Умўн Лалиӈир гунивкй:

Эр мо̄ва о̄н хо̄гчāтін нуӈартін, о̄н котот хо̄кчāтін эргэчин діраммa. Кэ, мит н'āн котот хо̄ӈимкāӈāт эр мова, — гунчэ.

Д'э, эр бэйэл котот хо̄ӈимкāра, хо̄ӈимкāра, кēйан эчэл хо̄гра. О̄н хо̄гд'иӈāтін хувўнд'и хўвчā мо̄ва? Тāдук нуӈартін н'āн-дāт Бутал хоктолйтін ӈэнэд'эхинэ. Тар ӈэнэд'энэл, нуӈартін н'āн иста Бутал āнӈактулāтін. Тāлў Бутал колботін бичэ. Тар колбо до̄вāн Лалиӈирил ичэрэ, тāдў до̄дун со̄ баран сумул бичэл. Лалиӈирил тар колбово арай илара. Д'э тар илāнатін колбо дэлби пасканалчā, бэр тікэд'эрйӈэчинин. Тадук Лалиӈирил со̄т ӈэлэлчэл. Д'э, нуӈартін ӈэнэхинчэл урэ ойолйн. Тар ӈэнэд'энэл, арай нуӈартін урэвэ хэргискй — бираткй ичэчилчэл. Тар ичэтчэнэл, нуӈартін ичэчэл мў до̄дун мэр хан'арвар. Тāдў сагдаӈўматін Лалиӈир гунчэ:

Кэ, бэйэл, мит ўд'ад'арап со̄ сурдэкилбэ бэйэлвэ. Нуӈартін со эӈэхйл бэйэл биӈэтіл. Нуӈартін дірамулва мо̄лва-дā бултулй хо̄ӈитта. Тāдук колбодўвар сурдэкил сумулву нэкуттэ. Тадук нуӈарбатін мў до̄дун ичэрэп. Эдук чāскй буӈаскй ӈэнэӈэт! Эӈэт нуӈардутін ичэврэ. Со̄ сурдэкйл бэйэл эчэ-до!

Кэ, тар Лалиӈирил гунмўрй ēвā-дā эвкйл сāра бичэл, сатар мэн хан'анмар, тāдук хупумāтна эвкйл сāра бикэкуттэ Билир таргачир бэйэл н'āн бивкйл бичэл-вэле.

18. ХИГЭ̄ЧЭ̄Н

Хигэ̄чэ̄н, хигэ̄чэ̄н,
Хигэ̄, хигē хигēчэ̄н!
Каптургави бурӣкэл
Хигэ̄чэ̄н, хигэ̄чэ̄н!
Хигэ̄, хигэ̄ хигэчэ̄н!
Кэдэрэ̄ккӣ бурӣкэл.

Хигэ̄чэ̄н, хигэ̄чэ̄н,
Хигэ̄, хигэ̄ хигэчэ̄н!
Дэгэр, дэгэр дэгӣлкэл!

19. Д'АРИВКА

Д'аралāхив, д'аривкалби!
Д'арӣв, д'арӣв д'аривчā.
Дōлакӣлби, олгāкилби!
Дōлакӣлби дōлла,
Олгāкилби олгāлла!

Дугэкӣлби дуйулла,
Дэгӣӈкилби дэгӣллэ!
Д'аралāхив д'арӣвка
Д'арӣв д'арӣв, д'арӣвчā.

20. ХЭД'Э

(Припевы хороводной пляски)

Э! хэд'ō! хэд'ō, хэд'ō!
Э! хōродӯ! хōроду, хōроду!
Э! хугōй! хугōй, хугōй!
Э! хāндэ̄! хāндэ̄, хāндэ!

Э! хэмэ̄гэ̄! хэмэ̄гэ̄, хэмэ̄гэ̄!
Э! хӯндō! хӯндō, хӯндō!
Э! хāгэ̄й! хāгэ̄й, хāгэ̄й!

ПЕРЕВОДЫ

Записано в 1960 г. в селе Аим Аяно-Майского р-на Хабаровского края от Е. Г. Трофимова (Бута). 1908 г. р., неграмотный, разговорный язык эвенкийский и якутский, русским не владеет.

14. СИРОТКА НЮНГУРМОК

В те времена, когда земля становилась подобной лосиному уху, когда дерево впервые становилось деревом, когда гора становилась похожей на хвост белки, когда голец блистал, как белая шкурка у горностая, на средней земле жила одна-одинешенька девушка-сиротка по имени Нюнгурмок. Жила и не знала она, откуда же ее корни, откуда [она] родом. Жила в большом горе и мучении. Как долго жила [она] — не знала.

В это время у нее в животе что-то росло с большой палец [величиной]. Разве долго происходит событие в олонхо? Оказывается, в животе рос ребенок. Прошло немного времени. Тогда он затруднил дыхание матери, укоротил ее долгие мысли. Настало время родить, участилось дыхание ее, и укоротились ее длинные мысли. Потеряла сознание.

Вдруг она пришла в сознание, и позади послышались слова:

— Мама, мама! Холодно, холодно! Дрожу, дрожу! Наступила беда. Укоротились [мои] длинные мысли и сузилась [моя] широкая спина. Мама, мама! Холодно, холодно! Пришла моя беда! Поскорее же спасай [меня]! Я же от тебя родился! Когда вырасту, тебя и твою жизнь буду опекать. Скорее, скорее сохрани меня, мама, мама! Что у тебя есть, чтобы завернуть меня? Укутай, позаботься обо мне! Я мальчик — сын твой, [родная] мама, мама!

От огромной радости даже не почувствовала [она] никакой боли. Быстренько завернула его в шкуру, на которой лежала. После этого сколько [они] прожили — не знали. Этот мальчик, ночь переночевав, годовалым ребенком стал, двое суток прожив — будто двухлетним стал. Прожив трое суток, попросил мать сделать лук. Мать смастерила ему лук и стрелу и дала. Мать не знала, сколько лет сыну. Сын начал бить зверя.

Парнишка, ранехонько встав, побежал [в тайгу], убив дятла, бегом прибежал с дятлом к матери. Съели они его и легли спать. Опять он встал рано утром и пошел в лес. Дорогой убил глухаря, принес его. Они съели его и легли спать. На следующее утро [он] опять ушел охотиться. Так охотясь, [он] убил трех диких оленей, привязал [их] к трем вязкам [кафтана] и притащил.

Вот таким богатырем стал [он] за эти три ночи.

Съев [мясо], мать подумала: «Действительно, сын мой родился, чтобы стать родоначальником-предком человека на средней земле». [Она] очень обрадовалась. «Растет, чтобы стать духом — хозяином средней земли», — подумала. Обрадовалась и благодарит [судьбу]. «Какими путями [я] воспитаю сына своего?» — подумала [она.]

В это время отсюда и оттуда подул ветер, нигде не задерживаясь. Вдруг с какой-то стороны донеслась до их ушей, ясно послышалась чья-то речь:

— Кимо, кимо, кимонин! — Сестрицы мои, идите, вглядываясь хорошенько. На средней земле вырастала девушка-сиротка по имени Нюнгурмок. У нее есть сын, пойдемте посмотрим. Посмотрите на него хорошенько! Пойдем мимо, хорошо посмотрев на него.

После того, как сказала [так], они [сестры], прилетев к дверям чума, опустились. Опустившись, [одна из них] заговорила так:

— Рожденная на средней земле, сиротка-девушка по имени Нюнгурмок, прими наш привет! Открой дверь своего чума! Мы пришли к тебе, чтобы познакомиться с вами. Мы дочери Геван[1]-старика. Твой сын родился богатырем средней земли, ежедневно прибавляя в росте на большой палец, имя его — Хуругучон [Мы] — дочери Геван-старика, пришли посмотреть на него. Я самая старшая из сестер, по прозвищу-имени в шелковом платье Солкокчон. Средняя сестра по прозвищу-имени Дарпек. Младшую сестру зовут Секак-девицей. [Мы], направившись в путь, прибыли из далекой земли. Мы очень спешим домой, тетушка, дух-хозяин средней земли, поторапливайся. На нашей родине [настоящий] содом. Наступает время прихода со всех сторон атаманов-авахи [и] наших богатырей верхнего мира. Вот почему мы странствуем, очень торопясь.

Старушка по имени Нюнгурмок, открыв дверку [своего] чума, впустила их. Быстро сварив мясо весенних оленей, которых недавно добыл ее сын, угостила их.

Девушки эти очень спешат домой. Сразу же отправились домой.

---

[1] Геван — солнце в момент восхода.

Перед отправлением старшая из них начала так говорить:

— Дух-хозяйка средней земли, Нюнгурмок-старушка, живи хорошо, вырасти сына хорошим человеком.

Итак, попрощавшись со старухой по имени Нюнгурмок, эти девушки отправились на свою родину.

Сын этой старухи, ежедневно выраставший на большой палец, по имени Хуругучон, — богатырь средней земли, задумал догнать этих девушек. Не сидится ему уже у себя дома. Мысль о преследовании девушек не выходит из головы. Он даже завыл и завизжал. Потом трижды перевернулся, покатался. Таким образом стал пестрым щенком. Став пестрым щенком, он погнался за девицами. Щенок начал догонять летящих.

Вот он почти догоняет [их]. Три месяца пробежал или три года — не знает; так бежит и бежит вдогонку [девушкам].

Между тем девушки, добравшись до дому, запели. Солкокчон начала петь:

— Кимо, кимо, кимонин! — Отец наш, Геван-старик, добрый привет прими! Мы прошли все места, о которых мечтали, и вернулись. Мы видели бабушку по имени Нюнгурмок, хозяйку средней земли, видели парнишку — сына ее. Очень хороший парень остался там у себя на родине. [Когда летели], под нами, мелькая пестрой шерстью, бежал его щенок. Куда [он] девался, [мы] не знаем. Отец, быстро приготовь еду, а то мы очень проголодались. Готовь-ка [нам] одежды.

В то время как девушки входили в дом, богатырь средней земли по имени Хуругучон, став иголкой, незаметно проник вместе с девушками. Воткнувшись в сумку Солкокчон в шелковой одежде, спрятался там. В этой сумке он пролежал только трое суток. В течение этого времени не заметили его эти девушки.

Между тем вдруг задул ветер и поднялась пурга. Потом из нижнего мира пришел атаман авахов. Он пришел к девушкам, имена которых были широко известны и прославлены. Имя пришедшего [тоже было] известно всем — Трехгранный Сэлэргун Сэвэёндё. [Он] пришел жениться.

Придя, такую речь держал:

Конгордонин, конгордонин! — Геван-старик, прими добрый привет! Я атаман авахов из нижнего мира. [Я] пришел к твоим всюду известным и прославленным дочерям, пришел, чтобы жениться [на одной из них]. По-хорошему или по-плохому, [но ты] отдашь мне одну из них. Я пришел к дочери твоей, по имени Солкокчон в шелковом платье. Пришел взять ее в жены. Скорее шевели мозгами и говори!

Богатырь средней земли по имени Хуругучон, который, превратясь в иголку, спрятался в сумке, [услышав слова авахи], до того рассердился, что густая кровь у него хлынула в живот, вспыльчивая кровь дошла до колен, бурлящая [кипящая] кровь поднялась до глаз, злая кровь подошла к горлу, жидкая кровь из

десяти пальцев брызнула. Потом [он], трижды перевернувшись и покатавшись, самим собой — человеком стал.

Став человеком, он направился навстречу авахи, проваливаясь в мягкой земле до бедер, а на твердой земле — по колена. Подойдя, [он] запел такие слова:

— Гуйэ, гуйэ, гуйэкэнин! — Как же ты ходишь, не зная героя средней земли, ежедневно прибавлявшего в росте на большой палец, богатыря по имени Хуругучон. Я и есть Хуругучон-богатырь. Я же знаю тебя, ты атаман авахов нижнего мира. По доброй воле не отдам тебе девицу в шелковом платье — Солкокчон. Если ты на это не согласен, то подходи, давай драться! Кто победит, тот и возьмет в жены Солкокчон в шелковом платье. Разве ты сможешь содержать девицу, [рожденную] человеком? Знаешь ли ты, как выкормить ребенка-человека или разводить скотину? Никогда такого не было! Поэтому я заброшу тебя с этой средней земли на небо. Кости твои разбросаю там, куда не заходят реки, впадающие в море. Иди-ка [ты] домой своим путем! Чтобы на этой земле тебя не видели! Я не отдам Солкокчон. Если не хочешь слушать [меня], подходи, давай драться!

Авахи запел:

— Конгордонин, конгордонин! — Богатырь средней земли, прибавлявший в росте на большой палец, по имени Хуругучон, у тебя еще не окрепло тело, не окрепли твои кости, богатырь-аи, ведь тебе не выдержать силы моей. Я побеждал богатырей сильнее тебя. Иди-ка ты сам домой! Зря погибнет все человечество средней земли, зря будет уничтожен дух — хозяин средней земли. Если не послушаешься [меня], то давай подходи, подеремся! Тот, кто победит, возьмет Солкокчон в шелковом платье. Мне битва не претит. Моя большая команда получит пользу от моей свадьбы. Я поставлю угощение из человеческого мяса — вот будет хорошо, вот обрадуются авахи нижнего мира!

На эту речь наш богатырь — богатырь среднего мира — рассердился так сильно, что кровь [его] хлынула в живот, бурлящая кровь дошла до глаз, брызнула жидкая кровь его из десяти пальцев. Пошел он навстречу авахи, проваливаясь на твердой земле по колена, а на мягкой земле — по бедра. Подойдя, [он] ударом черного кулака в основание уха авахи свалил [его]. Не успев опомниться, авахи трижды перевернулся.

И так и этак бились. Не знают, то ли три месяца, то ли три года бились. Во время битвы [они] остановились, упершись лбами [друг в друга], прижавшись плечами друг к другу, чувствуя дыхание [врага].

Пока так стояли, вдруг изо рта авахи стала падать пена, словно осенняя заячья шкура, а из глаз потекли слезы, как чистая вода из трех стаканов. В спине у него что-то зашуршало. Из носу стали течь сопли, растягиваясь до колен. Задрожали суставы ног.

Потом богатырь бросил авахи на землю так, что вогнал [его] в землю на три сажени.

Бросив авахи, богатырь заговорил так:

— Гуе, гуе, гуекон! — Ну ты, атаман авахов нижнего мира, пришедший, чтобы взять в жены девицу средней земли, если не скажешь прощального слова, [то], умирая, будешь огорчаться. Говори поскорее последнее слово, пока я не перерубил тебе горло своим мечом с четырьмя рукоятками!

Авахи заговорил и так и этак:

— Конгордонин, конгордонин! — Я не думал, что на средней земле есть такой сильный богатырь-человек. Оказывается, это ты. В течение долгих лет тебя не было. Ты давно стал таким? Бывают такие сильные [люди], и я не огорчаюсь, что умираю. Прощай на долгие годы! Я погиб, а ты живи вместо меня.

Как только авахи так сказал, богатырь Хуругучон перерубил [ему] горло своим мечом с четырьмя рукоятками.

Таким образом, убив авахи, богатырь средней земли по имени Хуругучон пришел в просторный двор Геван-старика, в его роскошный табор. [Он] пришел к девице в шелковом платье Солкокчон, чтобы взять ее в жены.

День был ясный, [но] в это время отовсюду задули ветры и поднялась сильная пурга. Как только затих ветер и кончилась пурга, пришел очень красивый на вид белолицый румяный богатырь. Придя, подошел к [Хуругучону] и начал так говорить:

— Эрил-дорил, эрил-дорил! — Ты из какой земли, мата-чужеродец, пришел? Откуда ты родом? Скорее рассказывай по порядку, толком говори! Не заставляй ждать путника. Не задерживай дорожного человека! Если хочешь спросить меня, если хочешь услышать мое известное имя, [то] я сын Нюнгурмок средней земли, богатырь средней земли по имени Хуркокчон. Если спросишь, зачем я пришел в эти места, [то знай]: я разыскиваю своего брата по имени Хуругучон, которого взяли дочери Геван-старика, похитив у матери. Идя по следам его, я пришел. Ты знаешь его или нет? Скорее рассказывай по порядку и толком говори.

Брат говорит:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Если ты говоришь Хуругучон, [то] это я. Я победил пришедшего атамана авахов, раздул его пепел. Так отнял [я] от авахи дочерей Геван-старика. Я возьму в жены самую старшую дочь в шелковом платье Солкокчон, а среднюю сестру по имени Дарпек-девица возьми ты. Потом уже поедем домой. Заживем семейной жизнью. Мы станем духами — хозяевами средней земли, станем предками людей. Будем разводить [домашних] животных.

Младший брат, видимо, согласился [и] стал говорить так:

— Братец, братец, богатырь средней земли Хуругучон! Действительно, ты богатырь! Распространяется слух о том, что ты убил атамана авахов нижнего мира. Стала широко известна победа

твоя. Теперь же наверняка мы будем хозяевами средней земли. Раз так, давай возьмем в жены дочерей у Геван-старика и вернемся домой.

Придя [к старику], оба пошли к девушкам. Войдя, Хуругучон опять подробно [и так и сяк], подряд [все] рассказывая, говорит дочерям Геван-старика:

— Ну, дочери Геван-старика, из-за вас [я] принял большие муки, из всех мучений мученье пережил, чем же отплатите? Я спас вам жизнь. Атаман авахов развеял бы ваш пепел, если бы меня не было. Поэтому [мы] возьмем вас в жены. Согласны [вы] или нет на это? Скорее отвечайте, говорите по порядку и прямо! Не заставляйте ждать, не задерживайте путников. Скорее отвечайте!

Выслушав его, дочь Геван-старика в шелковом платье Солкокчон-девушка, так и сяк почесав голову, по порядку начала говорить:

— Кимо, кимо, кимонин! — Богатырь средней земли, прибавлявший в росте ежедневно с большой палец, богатырь по имени Хуругучон, почувствуй нутром своим, пойми разумом мой деловой разговор! Действительно ты, придя, спас человека от атамана авахов! Кто же из добрых людей пойдет к авахи? Поэтому, если [вы] хотите взять нас в жены, то [мы] не откажемся. На этой земле все равно не дадут нам жить. Из верхнего и нижнего миров придут богатыри и не дадут [нам] жить. Мы сами согласны жить на средней земле. Будь что будет, давайте поженимся.

Хуругучон отвечает:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Ну, девушка, дочь Геван-старика по имени Солкокчон в шелковом платье, мне приятно все то, что ты сказала, [ты] правильно рассуждаешь. Давай хоть для вида справим свадьбу! Приготовьте еду, [забив] самых лучших коров, подобных речной гальке, забейте на счастье скотину, подобную валунам, приготовьте еду, забив коней, подобных кочкарнику!

После разговоров поженились: старший брат взял старшую сестру, младший брат взял среднюю сестру. Потом отправились домой на родину, к своей матери. После долгого путешествия добрались до дому. Придя, Хуругучон-парень начал рассказывать все по порядку:

— Гуе, гуе, гуеконин! — Родная мать, одна-одинешенька живущая на средней земле, по имени Нюнгурмок, я пришел. Прими мой добрый привет! Потом уж расскажу [все] по порядку. Послушай внимательно, пойми своим разумом. Я взял в жены дочь Геван-старика в шелковом платье Солкокчон. В трехлетнем возрасте я взял себе спутницу. Младший брат мой взял в жены сестренку ее, по имени Дарпек-девушка. Таким образом, пришли мы оба, став семейными. Теперь мы будем растить потомство—людей средней земли и разводить скот. Став такими, [мы] вернулись. Теперь мы будем заботиться о тебе самой. Ты родила нас, сделала нас людьми, поэтому средняя земля стала нашей [родиной].

Мать их стала говорить:

— Кимо, кимо, кимонин! — Сын мой, выраставший ежедневно с большой палец, по имени Хуругучон, удачно постранствовав, благополучно вернулся [ты]. С тех пор как вы ушли, не было у меня покоя, ни сна, ни отдыха. Я до того наплакалась, что слезы высохли на глазах моих. Не знала [я], когда [вы] вернетесь. Вот вы вернулись, как [это] радостно! Приятная встреча! Дети мои, хорошо, что [вы] вернулись!

Тем временем поставили дом и ограду и зажили по-человечески. Вот так и жили они, долго ли, коротко ли, сами не знали.

За это время у Хуругучона появился сын. Сын, переночевав три ночи, стал с трехлетнего ребенка; переночевав пять ночей, стал с пятигодовалого ребенка. Очень быстро он вырос. Становится богатырем, сильнее, чем отец.

Однажды, сев напротив отца и матери, начал просить дать ему звучное имя, которое может прославить его.

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Вот я говорю, что больше уже не возмужаю (теперь не вырастут у меня рога, не покажутся у меня копыта). Как же [я] парень буду без имени? Дайте мне имя, батюшка с матушкой! Приходящий, уходящий и надо мной летающие, говоря все: «Без имени», — смеются. Поэтому прошу — скорее дайте мне имя!

Мать его Солкокчон в шелковом платье начала говорить:

— Стань богатырем средней земли Хуркокчоном! Если дойдешь до верхнего мира, стань Чивкачатканом (птицей-богатырем). Если ты согласен с этим, то скажи: «Ладно», а если не нравится, то скажи: «Нет», если имя плохое — скажи: «Плохое».

Однажды сын, встав рано утром и сев против родителей, стал так говорить:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Теперь не возмужать мне (не расти ни рогам, ни копытам). Во-первых, хочу искать спутницу, во-вторых, искать хозяйку-спутницу. В какой стране есть девушка, подходящая для меня? Укажите мне дорогу туда! Сколько бы богатырей ни было, не бойтесь, [не поддамся]. Где бы ни находилась девушка, доберусь туда. Скажите быстрее!

Родители переглянулись друг с другом, говоря: «Скажи ты», «Нет, ты скажи»; говоря, наседали друг на друга.

Тогда начала говорить мать:

— Доки, доки, докимой! — Ну сынок мой, если одобришь мое указание скажи: «Ладно», а если нет — скажи: «Нет». В стороне, где восходит солнце, на краю земли, есть князь крайней земли, голова-начальник города далекой земли, по имени Геван-старик. У него есть [дочь] девушка. [Никто] из имеющих указательный палец не побеждал ее, имя девицы-героини Уняптук. Никто не может взять ее, ни богатыри нижнего мира, ни богатыри верхнего мира. Разве ты туда пойдешь? Очень далекая страна, — даже четырехногий зверь только после четвертого помета доходит туда.

Сам должен узнать, какой хитростью можно добраться туда. Как бы то ни было, посоветует тебе бабушка твоя, по имени Нюнгурмок.

Потом сын заговорил так:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Отец мой, богатырь средней земли по имени Хуругучон, мать моя по имени Солкокчон, бабушка моя по имени Нюнгурмок, улетаю я, став крылатой птицей. Отправляюсь я, сделав три круга вокруг родной земли. А сейчас, если что собираетесь сказать, говорите быстрее!

Сказав так, простился. Затем, выйдя быстро на улицу, трижды перевернулся и, став лебедем, полетел, [делая круги над жилищем].

Старуха Нюнгурмок, быстренько выйдя, второпях начала говорить:

— Итак, внук, дитя мое, выслушай мой совет очень внимательно! Счастливого пути! В той стране, куда направляешься ты, ни один слабый богатырь не мог преодолеть всех препятствий. У твоего отца есть лук, сделанный мной из одной половины лиственницы, и стрела, сделанная из другой половины. Возьми их: наверное, [они тебе] пригодятся. Нет ничего другого у меня, дарить тебе больше нечего. Если ты выстрелишь, хорошенько благословив свой лук, то стрела твоя не застрянет даже в черной туче. Удачного пути, возвращайся домой! — сказав, благословила.

Так благословив [его], закончила совет свой. Потом стала прощаться мать и напутствовать [сына]:

— Сынок, Хуркокчон называемый, хорошего пути тебе! Не падай от крутобоких! Не поддавайся опережающим! Не становись поперек идущим сбоку. Не поддавайся лукавым! Уничтожай хитрецов!

Итак, сын ее сделал прощальные круги, взмахивая крыльями, на лету схватил большущий лук. Итак, полетел между облаками в сторону восхода солнца.

Улетая, парень заговорил, запел:

— Если удачно проведу я свой поход, то вернусь через три года. Если же не вернусь к этому времени, — когда сузится широкая спина моя, укоротится мой длинный ум, тогда я отправлю по ветру свое волшебное слово, с быстротой отправлю его по воздуху.

Сказав так, он полетел. И так он летел и летел. Долго ли, коротко ли летел он — не знает и сам: то ли три дня, то ли три месяца.

Видимо, он начал добираться до родины Геван-старика. Вот показался просторный двор, роскошный табор Геван-старика.

[Он] подумал: «Камни» — оказались коровы, подумал: «Кочки» — оказались кони, подумал: «Кустарники» — оказались олени. Пролетев над огромным деревянным домом Геван-старика, опустившись около двери, начал [он] петь:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Ну, дед мой Геван-старик, начальник города далекой страны, князь крайней земли, к тебе я шел, шел, летел, летел. К тебе я прибыл не просто. Расскажу [я]. за-

чем пришел и что надо мне. Открой свою большую дверь, прими [мой] привет, после этого будет [у нас] большой разговор. Ты сам, наверное, знаешь, с каким намерением ходит [в дом] молодой парень. Мое громкое и известное всем имя — богатырь Хуркокчон, сын богатыря средней земли Хуругучона, сын матери по имени Солкокчон. Не заставляй ждать дорожного человека, не задерживай путника, говори толком и прямо.

Геван-старик, открыв дверь, взяв за руку этого человека, ввел в дом. Приведя его в дом, Геван-старик завел разговор, так говоря:

— Орил дорил! Орил дорил! — Ну, богатырь средней земли, поздороваемся! Потом уж будет разговор. Выслушай внимательно мои слова, пойми [их] своим разумом. Здесь находится атаман авахов нижнего мира по имени Сэлэргун-Сумуёндё. И богатырь из верхнего мира, прибыв, здесь же; они пришли взять в жены мою дочь, богатыршу Уняптук, девицу-красавицу. Три года [они] бьются, никто не может победить. Всячески хитрят, но никто из них еще не победил. Прошло уже три месяца, как у них передышка. Вот-вот встанут и начнут биться.

Итак, старик, приготовив еду для этого человека, начал угощать [его]. Смотрит, как ест этот человек [Хуркокчон], — действительно настоящий богатырь. Здорово ест: взяв в рот мясо величиной с кабаргу, проглатывает его, когда [она] становится величиной с рукавицу, взяв в рот кусок сала величиной с зайца, он проглатывает [его], когда [тот] становится величиной с горностая. Выпив навар, [он] узнает, что допил [его] до конца, только когда стукнется лбом о [край] большого котла.

Итак, покушав, пошел он к богатырям. Пройдя, увидел, что богатыри спят на двух отдельных лабазах, стоящих на месте битвы. А на них лежит снег вершка на три [высотой]. Этот человек, подойдя туда, пнул ногой лабазы. Пнув, повел такую речь:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Ну, богатырь верхнего мира в золотой одежде, Монгулнчон по имени, вначале привет прими, потом разговор. Я богатырь средней земли, имею отца по имени Хуругучон, имею мать по имени Солкокчон, я богатырь по имени Хуркокчон. Если ты спросишь: зачем [ты] пришел сюда, мата? — так [скажу]: я пришел просить дочь Геван-старика, с звучным и известным именем — девицу Уняптук. Расскажи же [теперь все о себе] подробно и толково.

Тот богатырь верхнего мира проснулся и поднялся. Поднявшись, он стал говорить так:

— Угэлэ, угэлэ! — Ну, богатырь средней земли, с чего это [ты], придя сюда, поздоровался и разгорячился? Кичишься своим достоинством! Эх, зло меня разобрало, вот беда! Ты не торчи здесь предо мной, — сказав так, он даже не поздоровался с пареньком.

От большой злости он чуть не лопнул в плечах, чуть не разорвался в пояснице. Сердитая кровь хлынула в затылок, упря-

мая кровь дошла до живота [его], бурлящая кровь застлала глаза.

Таким образом, Хуркокчон направился к авахи, увязая в талой земле по щиколотку, в мерзлой земле — по колено. Подойдя к лабазу авахи, саданул [он] ногой по лабазу, на котором тот спал, так что сам авахи покатился, вскакивая на ноги.

Богатыри ударили друг друга черными кулаками. Хуркокчон начал ходить туда-сюда. [Он] сильно взволновался: наверное, ему было стыдно, что [они] не обратили на него внимания. В душе [он] был очень огорчен [этим].

Так вот, долго ли, коротко ли они бились, неизвестно. Бились, бились, перестали. Упершись лбами, сцепившись плечами, [они] сделали передышку. Сильно задрожали [у них] колени. Изо рта [у них] стала падать пена величиной с зайца, из носа начали течь сопли величиной с куропатку. Тем не менее борьбу продолжали. Вот авахи начал побеждать богатыря верхнего мира.

Поддаваясь, наш богатырь верхнего мира, [когда враг начал его одолевать], такую речь держал: «Сузилась широкая спина моя, укоротились мои длинные мысли, атаман авахов действительно людоед, убийца! Подходит день моей смерти. Где же находится мой спаситель, богатырь средней земли по имени Хуркокчон, куда же он ушел? Можешь ли ты спасти жизнь человеку или нет? Настал день моей гибели, моей смерти. Ужасная печаль, неудача пришла», — говорит.

Услышав это, наш богатырь средней земли не стерпел. Пожалел богатыря верхнего мира. От всего сердца, от всей души (печени) пожалел.

Вот пришел к ним. Смотрит — авахи побеждает богатыря верхнего мира. Отгрызая мягкие части его, людоед продолжает поединок.

Увидев это, богатырь по имени Хуркокчон от сильного гнева начал биться с авахи. Подойдя, так ударил его в основание уха, что [авахи] три раза перекувырнулся. И так и этак бились, бились они, но оба выдерживали. В битве авахи заговорил:

— Конгордонин, конгордонин! — Богатырь средней земли, черными кулаками мы не можем победить друг друга, давай стрелять друг друга из большого лука. Пусть тот, кто попадет и убьет [другого], — победитель, возьмет ту девушку, — сказал.

Хуркокчон на это согласился.

— Пусть будет так, — говорит он.

На двух концах большого поля есть ямы, на дне их — железные колья с заостренными верхушками. Встав друг против друга, на краю этих ям, человек и авахи приготовились стрелять друг в друга. Вот авахи опять говорит:

— Я родился раньше тебя, раньше и выстрелю! Пойди и встань там!

На это богатырь средней земли такую речь произнес:

— Геван-старик, дед мой, богатырша по имени Уняптук-девица, итак, я иду под стрелу лука; если сузится моя широкая спина, если укоротятся мои длинные мысли, тогда отправлю по ветру свое слово к вам. Если попадет в меня его стрела, — потемнеет солнце. Таким образом вы узнаете, что [я] побежден. Так сказав, он встал на край ямы, напротив [авахи].

Тогда авахи начал заговаривать свой большой лук:

— Большущий железный лук мой, спусти стрелу прямо в черную печень богатыря средней земли.

Сказал — и удар большого пальца его раздался по земле, свист большой стрелы его пронесся по небу. Богатырь средней земли тотчас увернулся, отстранившись в сторону своей родины. Стрела, пролетев, пробила его кафтан. [Хуркокчон], думая: «Убит ли?» — испугался, и солнце, ненадолго потемнев, не осветило. Затем богатырь-аи Хуркокчон сказал:

— Ну, теперь становись!

Авахи, подойдя к краю ямы, встал и ждет, когда, заговорив свой лук, тот спустит стрелу.

— Ну-ка, лук мой большущий, сделанный из одной половины лиственницы, большая стрела моя, сделанная моей бабушкой по имени Нюнгурмок, которая жила одиноко на средней земле, неся в себе волшебное слово, пронзи [его], — сказал [он] — и удар большого пальца раздался по земле, звук стрелы в небе прогремел. Авахи собрался увернуться в сторону нижнего мира, [но] не смог отстраниться. Большая стрела вонзилась в середину печени его. Так он [Хуркокчон] победил авахи. Победив его, он направился к Геван-старику. Придя, такую речь держал:

— Дэгри, дэгри, дэгримой! — Геван-старче, [я], придя ради твоей дочери, девушки-богатырши по имени Уняптук, из-за ее звучного, известного имени перенес много мучений и тяжелых страданий. Я бился с атаманом авахов нижнего мира Сэлэргун-Сумуюнде и с богатырем верхнего мира в золотой одежде Монгуличоном. Они пришли за дочерью твоей, богатыршей с звучным и известным именем. За нее они дрались три года и три месяца. Когда атаман авахов стал побеждать богатыря верхнего мира, [я], пожалев его, спас богатыря от авахов. Я убил атамана авахов нижнего мира стрелой из половины лиственницы, из большого лука, сделанного из одной половины лиственницы. Их смастерила моя бабушка, одиноко жившая на средней земле. Если бы меня не было, то атаман авахов нижнего мира развеял бы твой пепел и разрыл бы твой очаг. Поэтому, Геван-старче, дедушка, выдай за меня свою дочь! Ты согласен или нет? Поскорее говори ясно и толково! Не заставляй ждать спасителя-человека, не задерживай путника. Выслушав это, Геван-старче так и начал говорить:

— Орил дорил, орил дорил! — Ну, богатырь средней земли Хуркокчон, выслушай внимательно и пойми своим разумом мой прямой разговор по порядку! Да, действительно, ты, придя сюда,

спас нас от атамана авахов. Разве человек-аи свою дочь-аи отдаст авахи?! Поэтому, если ты берешь мою дочь, богатыршу Уняптук, то я не препятствую. Если [она] останется здесь, ей все равно не дадут жить богатыри нижнего и верхнего мира, приходя ежегодно. Поэтому лучше сами устраивайте свою жизнь на средней земле!

Так договорившись, [Хуркокчон] взял в жены дочь его. Тут же справили свадьбу. Он увез к себе на родину. Добравшись домой, к родителям своим, стали [они] жить. С тех пор он стал предком эвенков. Они начали разводить скот.

Записано в 1960 г. в пос. Курунг-Урях Аяно-Майского р-на Хабаровского края от С. В. Титова (Эден). 1890 г. р., неграмотный, разговорный язык эвенкийский, владеет якутским и русским языками.

15. БОГАТЫРЬ ТАМНАНИ И ДЁЛОМО ДЁНУЙКАН

На берегу реки жили старуха со стариком. В одно прекрасное время у старухи без боли опухло колено. Пухло, пухло, но не болело. Однажды старуха ушибла опухшее колено о порог. От этого ушиба опухшее колено у старухи лопнуло, и вдруг с криком [оттуда] выпал ребенок. Старик поймал его рукой, ребенок оказался мальчиком.

Этот мальчик, переночевав ночь, стал с годовалого ребенка, переночевав две ночи, стал с двухлетнего ребенка. Переночевав семь ночей, стал с семилетнего ребенка; переночевав десять ночей, стал с десятилетнего ребенка. Мальчик начал бегать и играть. Потом этот мальчик стал искать бурундуков и охотиться на них. Вот, получив лук, мальчик начал уходить в далекие места. Он стал удаляться в леса и горы. Бродя по далеким местам, на одной выгоревшей горе, где росла брусника, увидел большого медведя. Вот парнишка стал подкрадываться к нему. Крадучись, подошел близко к зверю. Подойдя, парнишка начал говорить:

— Эйин, эйин! — Какой же ты зверь?

А зверь в ответ такую речь произнес:

— Что это зашумело, кто это, кто заговорил? Я же лесной зверь. Мальчик, мальчик, остановись!

Тут же мальчик произнес такую речь:

— Эйин, эйин! — Я принял тебя за зверя. Я могу выстрелить из лука, сообщи свое имя!

Медведь же стал держать такую речь:

— Эндо! Эндо! Эндо! — Большое мое имя, стариковское мое имя — Сатана-старик. Ты, мальчик, странствуешь без имени! Милое мое дитя, назову-ка тебя, пусть будет твое имя Тамнани, Тамнани-богатырь.

Как только [медведь] кончил говорить, этот юноша заговорил так:

— Эйин, эйин! — Я не боюсь, но [я] назвал [тебя] лесным зверем, однако уж не дед ли ты мой? Если так, большое спасибо за то, что дал мне имя. Не обижайся, дед! Я же пойду обратно.

Дед же его произнес такую речь:

— Эндо, эндо! — Милый мой внучек, иди своим путем! Милый внучек, я дам тебе совет. Выслушай хорошенько, — сказал дед его. Сказав так, он стал советовать:

— Тамнани, человек-богатырь, если с тобой приключится какая-нибудь беда, назови мое имя! Если наступит [твой] смертный час, вспомни меня. Иди вверх по реке. Иди вперед, поднимешься на гору, доберешься до выгоревшего места. Когда дойдешь до вершины, поднимется ветер и [налетит] пурга. Тотчас же выбрось что-нибудь, сказав: «Не дуй, ветер, не мети, пурга». После этого поглядывай во все стороны тайги! Тогда увидишь коня с желтой шерстью. Увидев, как он пасется, подкрадывайся незаметно к нему, чтобы он не заметил тебя. Подойдя близко, испугай его, говоря: «Я твой хозяин!».

Юноша побежал домой. Вот добрался до дому. Придя, переночевал. Но не сидится ему дома, все куда-то хочется идти. За это время подрос, стал постарше. Старуха со стариком предупредили:

— Сынок, не ходи далеко!

Старик и старуха легли спать. Сын их укрыл родителей всей одеждой, которая [у них] имелась. Укрыв, со словами: «Не слышат мой шорох и [мои] шаги» вышел и убежал.

Шел, шел, бежал, бежал вверх по реке. Вот поднялся на гору и дошел до вершины. Когда дошел, задул ветер и поднялась пурга, парень казал: «Ох! Что же мне делать?». Подумав и немного постояв, оторвал лоскут с подола своей одежды и бросил, сказав: «В жертву!». Бросил так лоскутья несколько раз — небо сразу же прояснилось. Потом поглядел [он] вокруг, смотрит — мелькает желтый конь. Направился он прямо туда. Шел, шел, подошел, а конь не увидел его. Начал он незаметно подкрадываться. Осторожно подошел и вспугнул коня, сказав: «Я твой хозяин!».

Как только [он] испугал [коня], конь так заговорил:

— Эрнэй, эрнэй! — Вот пугаешь меня, говоря: «Я твой хозяин», — я же буду твоим конем. Вместо того чтобы пугать меня, садись-ка верхом [на меня]! Когда сядешь, я [тебе что-то] скажу.

Парень, поймав коня, сел верхом на него. Как только он сел на него, конь его произнес такую речь:

— Эрнэй, эрнэй! — Вот ты сел верхом на меня, а я буду подпрыгивать и подскакивать в течение трех суток. Держись хорошенько, хорошо сиди, прижмись так, чтобы не упасть.

Когда тот сел, конь стал подпрыгивать и подскакивать. На третьи сутки чуть-чуть не упал [юноша]. После этого, наконец, отправился дальше. Когда поехал и куда приехал — парень не знал.

Вдруг [он] просыпается [оказывается] — он спит в доме, а на улице слышатся слова:

— Эрной, эрной! — Долго же спишь, хозяин! Дорожному человеку настало время ехать. Что же, давай поедем!

Выйдя на улицу, парень [сел на коня] и отправился [дальше]. Когда поехали, конь заговорил:

— Эрной, эрной! — В какую сторону держишь путь, хозяин, скажи свое желание!

На это юноша держал такой ответ:

— Эйин, эйин! — В какую сторону направлена твоя голова, туда и поеду. Сам знаешь, в каком направлении находятся девицы-красавицы. В какую сторону направились, сам знаешь, туда и поедем!

Вот конь поехал, везя хозяина. Человек же не знал, куда он поехал, только и знал, что двигался. Ничего не чувствовал. Вдруг парень проснулся где-то в тайге. Проснувшись, встал и осмотрелся. Смотрит: горит костер. Подошел, оказывается — над костром висит котел с мясом. Парень здорово проголодался.

— Ох ты! Я же Тамнани, человек-богатырь. Кто же приготовил это [мясо]?

Вот этот человек начал есть из этого котла. Съел до конца все содержимое котла: и мясо, и навар. Кончив есть, пошел искать следы хозяина этого костра. Вот нашел его следы: шел человек с большими следами, шел, проваливаясь в мягкой земле по бедра, а в твердой земле — по колена. Тамнани пошел по [его] следам. Идя так, дошел до одного дома. Дойдя, дернул дверку. Дернул очень сильно — оказывается, крепко закрыта. После этого из дома послышались слова:

— Эндо, эндо! — Что, что это зашуршало?

Когда [он] так сказал, этот человек опять постучал в дверку. После этого опять из дома послышались слова:

— Эндо, эндо! — Что, что это зашуршало? Видимо, придется нам узнать, кто же сильнее. Я же богатырь Сэлэмэ-Сэлэ.

Тот, который находился на улице, заговорил так:

— Эйин, эйин! — Ну-ка, если так, давай познакомимся. Я человек, Тамнани-богатырь. Давай прежде посмотрим друг на друга. Не повидавшись, как же можем рассердиться друг на друга? Ты же Сэлэмэ-Сэлэ — богатырь, да?

После того как сказал так, второй опять заговорил:

— Эндо, эндо! — Я знаю тебя! Кто же давал тебе имя как не я. Может быть, это случилось само собой? Кто был на выгоревшей горе, кого ты подстерегал? Знаешь ли ты его? Разве ты не понял моих слов?

Так вот, открыв дверь, они встретились и помирились.

— Эндо! Эндо! — Тамнани, человек-богатырь, заблудившись, бродишь ты. Опять же [я] посоветую: иди прямо по этому направлению, дойдешь до берега моря.

После того как сказал [так Сэлэ-богатырь], Тамнани тут же побежал. Долго ли, коротко ли он шел — и сам не знал.

Вдруг не стало видно поверхности земли. Взглянул он вниз — там вода: оказывается, он идет по горе. Вот он бежит да бежит по горе. Не знает, куда он бежит: то ли вверх, то ли вниз по реке. Так он шел, шел. В пути в одном месте вдруг перед ним пролетели вороны, выскочили лисицы и пробежали горностаи. Он подошел [туда] — одна вонь. Почувствовав такую вонь, человек заговорил так:

— Эйин, эйин! — Куда же я пришел, ой, как воняет! Что же это? В какое гнилое место [я] пришел? Фу, какая вонь!

Лишь только он закончил говорить, тут же с того места, откуда шла вонь, послышалась речь:

— Аен, аен! — Вороны едят, и лисицы едят, и горностаи едят. Осталась от меня только половина. Кто же, кто спасет меня! Чье-то, чье-то слово раздается? Кто же, кто [это] не переносит вони? Может быть, он спасет меня; [я] прошу спасти [меня]! Я же из моря выброшен волнами! Кто живет на земле такой, кто бы смог выбросить меня [снова] в море?!

Подошедший богатырь человек такую речь держал:

— Эйин, эйин! — Вонь, вонь! Не смогу подойти! — говорю. Вонь, вонь, вонь какая! Лежи себе в гнилом месте! Не знаю твоего имени. Что за имя у тебя? Вонь, вонь! Никак не смогу подойти.

Лишь сказал, как тот опять заговорил:

— Аен, аен! — Умоляю, прошу, как-нибудь подойти! Попытайся поднять [меня], я помогу тебе туловищем, как-нибудь откати меня к морю! Пожалуйста, выполни мою просьбу! Если впредь что-либо случится с тобой, я помогу тебе. Как-нибудь выполни мою просьбу! Пожалуйста, выброси меня в море, не оставляй меня!

Выслушав его просьбу, Тамнани, которому было противно, заговорил так:

— Эйин, эйин! — Уж больно запах твой тяжелый! Ну, если ты обещаешь в будущем помочь мне, как-нибудь уж выброшу!

Сказав так, подойдя, обхватив, поднял и выбросил [его] в середину моря. Бросив его, отправился своим путем. Вот он шел, шел. Долго ли, коротко ли шел-шел. Долго ли, коротко ли шел — он не знал. Идет — и вдруг показался конец берега моря. Когда берег кончился, он постояв и сказав: «Ну и устал же!», лег и заснул. Когда он уснул, морская вода подошла и залила [все]. Осталось только то место, на котором спал человек. Проснулся Тамнани человек-богатырь, смотрит, как вода захватывает землю. Встав, он вспомнил молодца, которого [он] выбросил [в море].

— Ох-ты! Ну, погибаю! — сказав так, он продолжал:

— Эйин, эйин! — Какой, какой же я найду выход? Что мне сказать, что придумать? Ведь сейчас, сейчас унесет (меня) в море! Вот-вот погибну в воде! Как мне остаться в живых? Хочу пла-

кать! Что же делать? Кого, кого же вспомнить? Вот обманул [меня] тот, сгнивший. «Помогу», — говорил вонючий молодец. Погибаю, пришла смерть моя! Когда, придя, спасет [меня] тот, которого выбросил [я] в глубину моря? Ох-ты! Вот — ведь погибаю! Как только сказал, из глубины моря донеслись слова. Вот тот молодец стал произносить речь:

— Аен, аен! — Молодец, я говорю. Я живу в море и собираюсь прийти! Слушай меня, если так! Говорил же ты: «Фу, что за вонь, что за вонь!». Если бы ты так оставил меня, то кого же стал бы звать, кого же стал бы вспоминать сейчас? Потерпи! Сейчас, сейчас приду, приготовься!

Когда он кончил речь, Тамнани забеспокоился и заговорил так:

— Эйин, эйин! — Поскорее приходи, молодец! Вот-вот унесет меня в море! Сейчас погибну.

Прошло немного времени, и в море стала видна спина молодца. Показавшись, молодец сказал:

— Если ты погибаешь, быстрей вскакивай [мне на спину]! Тамнани прыгнул в море. Так и ушел в море. Прыгнув, он не помнил, что было с ним. Вдруг он проснулся. Проснувшись, смотрит: лежит на земле, на берегу реки. Он встал, постояв немного, пошел. Он направился прямо вверх. Он шел, перескакивая с кочки на кочку. Так идя, вдруг он пришел к дому. Когда он подошел, из дома вышел человек. Этот человек сказал:

— Почему [ты] шел, убивая моих оленей? Раздавливая кочки, шел, говоря: «Кочки». Вот теперь оживи их! Иди обратно и оживи, — сказал этот человек. Что поделаешь, пришлось Тамнани вернуться обратно. Вернувшись, посмотрел — оказывается, затоптал на ходу десять оленей.

Вот повесил он этих десять оленей на наклоненную сухую лесину. Пройдя от основания до вершины дерева, он начал приговаривать:

— Ну-ка, зашевелитесь так же, как шевелится это дерево, и начните ходить!

Став на вершину этой наклонившейся лесины, начал качать [ее]. Вот олени зашевелились, подражая этому дереву, и начали ходить.

Что же, может быть, у него веревка или что-нибудь другое [было]? Нет, конечно, ничего. Содрав кору тальника и привязав по одному десять оленей, он повел караван. Вот отправился. Когда вел, олени, испугавшись чего-то, стали срываться с привязи. Парень, покрикивая: «Чо, моду!», продолжал вести [их]. Вел себе этих десять оленей, говоря про себя: «Вот возьму себе жену за этих оленей»; думал так и шел. Так добрался до одного соседа. Часть оленей [он] привел, часть убежала. Разве [олени] удержатся на корьевой привязи!

Вот вошел [он] в этот дом. Оказывается, в доме [находится] только одна женщина. Вот эта женщина говорит:

— Выйди-ка ненадолго, я в плохом платье, переоденусь в нарядное.

Вышел парень и стал смотреть на оленей. У этой женщины тоже есть олени. «Этого оленя сделаю верховым, а этого оленя кастрирую», — говоря [так] про себя и разглядывая [оленей], он вошел в дом. Вдруг эта женщина преобразилась в другую. Она надела очень красивое платье и стала красавицей.

Они решили жить вместе. Вечером подходит время спать. Женщина постелила постель, а он стал раздеваться. Раздевшись, они вместе легли спать. Когда легли, женщина предупредила:

— Тайга ночью как будто оживает. Если начнут раздаваться различные звуки, будут слышны всякие разговоры, ты тогда лежи, не шевелясь.

Как только они заснули, еще до наступления темноты, стал раздаваться какой-то звук, зазвенело, послышался звон серег. Со звоном что-то подошло к дверям. Подойдя к дверям, так заговорило:

— Кэнгэ чорон, кэнго чорон! — Утолдин-Мокалдин, открой дверь! Заморозят меня мои серьги и колокольчики! Скорей, скорей, открывай! Что, что [ты] делаешь? Или [ты] лежишь с человеком, — сказала и открыла дверь. Открыв дверь, осмотрелась и увидела, что та [женщина] спит с мужчиной. Тут же, позвякивая, исчезла.

Этот парень вскочил и переломал женщине руки и ноги и бросил ее дома. Потом погнался за другой женщиной. [Но] разве он догонит крылатую женщину? Конечно, нет!

Вот этот парень гонится за этой женщиной. Три дня гнался. Догонял, догонял [но не догнал] и вернулся обратно.

Та женщина, с переломанными руками и ногами, опять преобразилась в другую женщину. Он стал жить с этой женщиной. Так прожив недолго, опять переломал руки и ноги этой женщине; оставив [ее] дома, погнался за улетевшей женщиной.

Старуха со стариком дома оставались — спали. Сколько времени они спали, не знали. Выспавшись, они встали. Встав, посмотрели в доме — а сына нигде нет. Когда [он] ушел, старик со старухой не знали. Так они и жили вдвоем, поджидая своего сына.

В это время у старухи опять стало опухать колено. Опухало, опухало, но не болело.

Однажды старуха, говоря: «Выйду-ка», ударилась опухшим коленом о порог. От этого удара лопнуло опухшее колено, и вдруг старик поймал с писком выпавшего ребенка. Получив сына, старик со старухой очень обрадовались. Действительно, этот ребенок, переночевав десять ночей, стал с десятилетнего ребенка. Вот он, как и старший брат, стал уходить далеко. Получив лук, начал охотиться в далеких местах. Парнишка, убивая зверей, волоком притаскивал их домой.

Однажды этот парнишка стал спрашивать у отца и матери:

— Эрой, эрой! — Отец и мать, как это я один сын у вас? Кроме [меня], есть или нет у вас сын, разве только я один? Говорите скорее! Я собираюсь идти по средней земле. Поскорее отвечайте!

Выслушав своего сына, отец и мать посмотрели друг на друга, потом отец заговорил:

— Дорогой мой сын, не только ты один [у нас], был еще твой старший брат. Он тоже ходил в далекие места и охотился. Твоему брату было скучно дома, он хотел путешествовать. Мы удерживали его. Однажды, когда мы спали, его не стало. Мы не знали, куда он ушел. Три дня и три ночи мы ждали, ждали его. С тех пор ждем его уже три года.

После того как отец рассказал [это], парнишка заговорил так:

— Отец и мать, почему же вы мне не сообщили, не рассказали раньше об этом? К этому времени я бы обязательно нашел его! Что бы то ни было, я должен догнать его. Вот сейчас отправляюсь догонять брата, вы же будьте здоровы!

Отец обратился к сыну с такой речью:

— Дорогой сын мой, счастливого пути! Временами заходи домой, не забывай нас! Мы тоже будем тебя ждать.

Вот парнишка выскочил и давай бежать. Бежал, бежал, шел, шел он. Идя, дошел до одного дома. Вот он попробовал дернуть дверь, дернул — закрыта накрепко. Еще попробовал дернуть — не открылась. Дергал, дергал, никто не открывает. Когда он пытался открыть [дверь], послышались слова:

— Кто же, кто же дергает мою дверь? Это не ты — ли, Тамнани-богатырь? Скажи, тогда открою, — сказал старик.

Парень же стал говорить так:

— Если ты мой брат, то открывай быстрее! Может быть, я твой младший брат? Отец и мать говорили: «У тебя есть старший брат. С той поры, как он ушел, прошло три года», — говорили они.

Выслушав парня, старик заговорил так:

— Я же старик по имени Сэлэмэ-Сэлэ. Если ты братишка Тамнани, то я сейчас же открою [дверь], — сказав так, он открыл дверь.

Войдя в дом, парень такую речь произнес:

— Я даже не знаю имени брата, было ли у него имя или нет? Кто же мог дать ему имя? Если знаешь ты, то скажи мне.

Старик по имени Сэлэмэ-Сэлэ стал говорить так:

— Эндо, эндо! — Сынок, с той поры, как я видел одного парня, прошло три года. Я дал ему имя, я напутствовал его. Видимо, и ты странствуешь без имени. Вот я тебе дам имя и тебе дам напутствие. Если ты одобряешь это, сейчас же назову тебя, напутствие дам. Только скажи!

Парень согласился и стал говорить:

— Эрой, эрой! — Сэлэмэ-Сэлэ, дедушка, ну давай назови меня, напутствуй. Скажи, куда ушел мой брат Тамнани, и покажи мне туда дорогу.

Старик Сэлэмэ-Сэлэ такую речь произнес:

— Эндо, эндо! — Паренек, пусть будет твое имя Дёломо-Дёнуйкан, Ингама-Инга. Теперь же выслушай мой совет. Брат твой Тамнани ушел вверх по этой реке. Ты тоже иди вверх. Пойдешь так, дойдешь до выгоревшей горы. Дойдя до нее, поднимешься и увидишь тогда пасущегося рыжего коня. Ты подойди к нему, подкрадываясь незаметно. Подойдя близко, поймай его со словами: «Я твой хозяин». Этот конь обязательно довезет тебя до твоего брата.

Паренек так отвечал:

— Эрой, эрой! — Сэлэмэ-Сэлэ, дедушка! Большое спасибо тебе за имя и за совет! Сейчас же я отправляюсь по следам брата.

Сказал и пошел. Шел он, шел, бежал он, бежал вверх по реке. Так идя, дошел он до выгоревшей горы и поднялся на нее. Идя по вершине горы, увидел вдруг пасущегося коня. Увидев и подкравшись, подошел к коню. Конь не заметил [его]. Подойдя к коню, паренек сказал: «Я твой хозяин» — и сразу же поймал коня.

Тут конь произнес такую речь:

— Эрной, эрной! — Хоть [ты] поймал меня со словами: «Я твой хозяин», но сможешь ли выдержать мою скачку и мои движения? Три дня и три ночи [я] буду прыгать и кататься. Если [ты] выдержишь это, [тогда] говори: «Я твой хозяин».

Вот наш паренек сел верхом на коня. Лишь только сел — конь начал кататься и прыгать. На третьи сутки этот паренек чуть-чуть не упал. Тогда конь, перестав кататься и прыгать, так заговорил:

— Эрной, эрной! — Куда направляешься, хозяин, сообщи о своем намерении!

Паренек так сказал:

— Эрой, эрой! — В какую сторону направлена твоя голова, туда и поеду. Сам знаешь, где находится мой брат. Ты знаешь, в какую сторону уехал мой брат, туда и вези меня!

Конь отправился [так], как говорил парень. Паренек и не помнил, как он ехал, что делал. Вдруг он проснулся: находится [где-то] в тайге. Проснувшись, поднялся. Поднявшись, увидел след человека. Увидев след, пошел по следу. Шел он, шел по следу. Вот так идя, увидел впереди человека. Погнался за ним и догнал [его]. Догнав его, сказал:

— Эрой, эрой! — Братец-человек, ты знаешь меня? Я же твой младший брат! Отец и мать остались в своем доме. Прошло три года, как ждут тебя. Что ты делал до сих пор? В каких странах побывал? Сейчас же рассказывай!

И вот брат его начал рассказывать:

— Эйин, эйин! — Браток, браток, много времени прошло с той поры, как [я] начал свой поход, не знаю, сколько лет прошло. Когда я уходил из дому, отец и мать спали. Я гонюсь за девицей-красавицей, чтобы поймать ее и взять в жены. Как-нибудь догоню крылатую девицу-красавицу.

Выслушав [брата], паренек так заговорил:

— Эрой, эрой! — Братец, я твой младший брат по имени Дёломо-Дёнуйкан, Ингама-инга. Братец, братец, где ты находишься, там и будь! Завтра приведу твою невесту!

Когда тот так сказал, старший брат отправился домой.

Младший брат, став пташкой, полетел. Когда он летал, произнося: «Чип! Чип!», когда летал, там и тут спускаясь, прилетела большая птица. Эта пташка [младший брат], произнося: «Чип! Чип!», села на ветку перед большой птицей. Большая птица облетела вокруг нее [маленькой] и спустилась на дерево. Спустилась около пташки.

— Чип, чип! — Сними крылья, посмотрю, насколько хороши твои крылья!

Та женщина [птица], сняв свои крылья, отдала пташке. Вот пташка взяла ее крылья и упала вниз, ударившись о ствол. Тут же она стала человеком. Девица-красавица Кувулгат-Девилгэт была богатыршей.

Паренек же такую речь держал:

— Эрой, эрой! — Пташка зачирикала-заговорила красавицу. Пташка, чирикая и сидя, птицу заманила, пташка заставила Кувулгат-Девилгэт без размышлений сесть на дерево. «Теперь же ты стала моей, моя ты». На его речь девица-красавица, сидя вверху, так отвечала:

— Как же я, не заметив, прилетела? Приняла тебя за пташку, не чувствуя опасности, спустилась! Если бы знала, не прилетела бы, полетела бы в свои места. Теперь ты хитрее и умнее меня. Теперь я сниму свои крылья. Никуда уже не могу идти, твоей стала!

Этот паренек поджег ствол дерева, на котором сидела девица. Вот теперь он начал изгонять из нее хитрость и притворство. Летая с помощью ее крыльев, он бил ее веткой, приговаривая: «Пусть исчезнет хитрость и притворство». Так побив ее, повел эту женщину к брату. Привел ее и был этим очень горд.

Прежняя жена брата стала служанкой. А Дёломо-Дёнуйкан должен был искать себе жену.

Брат его начал готовить свадьбу. Убил двух оленей от тэри-подарков [одного — от невесты, другого — от себя]. Этот дом прежде, когда Тамнани еще не являлся, был домом [его] жены. Когда эта женщина узнала о приходе Тамнани, она стала пытаться улетать из дому. [Но] Дёломо-Дёнуйкан, став пташкой, поймал и привел домой девицу-красавицу и отдал [ее] брату.

Вот они справили свадьбу. Когда Дёломо-Дёнуйкан собрался отправиться, эта женщина так начала говорить:

— Ну, посмотрим, найдешь ли ты девицу лучше Кувулгат-Девилгэт и красивее, увидим!

Долго ли, коротко ли [пробыл в странствии] юноша — неизвестно. У него был конь с золотисто-красной шерстью: он позвал его. Тут же прискакал конь. Юноша сел верхом на своего коня, и как только собрался отправиться, конь начал говорить:

— Эрной, эрной! — Дёломо-Дёнуйкан, куда надумал [ехать]? К девице или же на игрища намерен отправиться? Хозяин, хозяин, куда же [ты] думаешь [ехать]? Куда повезу тебя — к ее дому или на игрища?

Хозяин коня ответил так:

— Конечно, к местам игрищ!

Вот конь отправился, куда [хозяин] приказал. Сколько ехал парень — неизвестно. Далеко ли, близко ли ехать — неизвестно. Вот привез его конь на площадку для игр. Парень слез с коня и отпустил его, сказав: «Иди к себе, попасись».

Вот юноша остался на этом месте. «Как же мне быть? Время игрищ наступает» Потом сказал: «Куда же спрятаться? Превращусь-ка в оленью шерстинку», — сказав, стал шерстинкой. Став шерстинкой, прилип к коре стоячего дерева, говоря: «Будет кружиться [девица] вокруг этого дерева и заденет [меня]». Вот сидит он, сидит. В это время парни стали собираться, чтобы играть. Много людей собралось.

— А красавица наша еще не пришла, — говорят парни.

Юноша слушает и смотрит. Вот пришедшие парни начали играть, плясать. Когда они играли, пришла девица с подружками в очень красивой одежде.

— Пришла, пришла, — говорят парни.

Юноша подумал: «Вот это и есть та красавица».

Девица, придя, вошла в круг и начала плясать. Вот все закружились. Когда стали делать второй круг, девица задела дерево платьем, шерстинка прилипла и проникла к ней подмышку. После того как он попал к ней подмышку, наша женщина перестала играть. Как только [она] перестала играть, игру приостановили. Прекратив игру, парни попросили шамана пошаманить.

Вот начал шаман шаманить:

— Деду, деду, деде, де-дой! — Кто же, кто же пришел? Что, что за соринка прилипла к ее платью? Шерстинка прилипла. Что станете делать с этой шерстинкой? Ведь она шевелится! У этой шерстинки две ноги, две руки, два глаза, нос и рот, рассказы рассказывающий, новости сообщающий, Хитрее хитрого, умнее умного. Имя его Дёломо-Дёнуйкан, Ингама-инга. Он сильнее сильного, ударишь его — ничего не случится, камень камнем. Вот такой человек, придя, беспокоит красавицу! Жениться пришел. Он намного хитрее и намного умнее, чем наша красавица! Что же с ним делать?

Парни говорят:

— Пусть сам придет и поиграет. Пусть покажет себя.

Парни поглядели — а из-под платья красавицы выпала [шерстинка]. Выпав, превратилась в большого человека.

Отец и мать красавицы были стариком и старухой. Они повели этого парня домой. Девица была покорена, после того как проник к ней за пазуху этот парень-шерстинка. Старику не понравилось, что его дочь потерпела поражение. Старик сам был богатырем. Если бы потерпел поражение он сам, то должен был бы отдать дочь. Дойдя до своего дома, старик стал держать речь:

— Икэн, икэн! — [Я] очень сержусь на тебя и буду ругать [тебя]! Прежде чем встретиться и показать [себя], ты перехитрил своей хитростью и удивил неожиданным превращением. Если бы ты показал себя, [я] бы не сердился. А [ты] что сделал своей хитростью и своей причудой? Я тоже хитрый и могу быть вредным! Мое имя Сэлэмэ-Сэлэ-богатырь! Ну, обхватим-ка туловища [друг другу], давай попробуем-ка сухожилия. Раньше этого я не дам [свое] согласие [на женитьбу].

[Юноша], выслушав это, так начал говорить:

— Ну что ж, своей хитростью [я] стану действовать, своими причудами [я] тебя удивлю. И я могу схватиться и бороться, хоть ты Сэлэмэ-Сэлэ! Говоря: «Я железо», — не хвастайся! Ведь и железо мнется. Хвалишься, говоря: «У меня хорошие сухожилия». У меня тоже крепкие сухожилия. Ведь и я могу похвастаться перед хвастающим, и я могу задирать задирающего, и я могу задаваться перед задающимся, могу схватиться в борьбе с человеком, который обхватит меня. Поэтому и ты не хвастайся и не задирай [меня]! Я юноша, а ты пожилой человек! Возможно, не сможешь выдержать мою силу; возможно, я одержу верх над тобой! По своему желанию не отойду от тебя! Ты пугаешь меня [своими] словами, но твоих слов я не боюсь! Ты, говоря: «Ударил я человека», ударишь Дёло-Дёло (камень — имя героя). Я и не думаю говорить: «Поддамся тебе». «Ребенок он», — говоря, ты собираешься спасовать! Нет, не отойду от тебя!

Когда он так сказал, старик рассердился:

— А ну-ка, если это так! Ты хочешь испробовать мои силы? Сказав, старик подскочил к парню. И ударил старик парня. Лишь только ударил, как образовался камень. Тогда старик стал бить о камень палкой. С камнем ничего не делается, и не кричит [камень]. Вот Дёло заговорил:

— Не бей меня, поломаешь себе руки!

Выслушав это, старик сказал:

— Все равно одолею тебя. Если уж ты камень, то молотком раздроблю камень!

Всю ночь бились. Как только ударит старика Дёломо-Дёнуйкан, старик тут же сжимается. Когда же старик ударит, камень издает звук: «Лас!». Во время поединка старик хватал свой молоток и ударял им по парню, так что тот только звук «лас» из-

давал. Опять ударил старик молотком по острой стороне, только обломок молотка отскочил. Так они дрались всю ночь до рассвета. Вот старик начал поддаваться юноше. Поддавшись, такую речь держал:

— Икэн, икэн! — Действительно, не смогу победить тебя, все тело разбито у меня. Не устоять мне перед твоей силой. Не выдержали мои сухожилия перед твоими. Моя сила сдала перед твоей. Поэтому, Дёломо-Дёнуйкан, давай мириться. Ты богатырь из богатырей! Ты одержал верх своей храбростью и хитростью! Давай же будем мириться!

Противник такую речь держал в ответ:

— Эрой, эрой! — Старший Чадай, почему раньше этого не подумал? Ведь ты знал наперед [все]! Разве ты не думал, что я одержу верх, когда твоя дочь Кувулгат-Девилгат уже была побеждена? «Я одержу верх», — думал [ты]. Я же не сердился, когда ты первым стал бить меня! Ну, если так, давай мириться! — сказал парень.

Старик охотно согласился, затем повел такую речь:

— Икэн, икэн! — Сынок, возьми мою дочь в жены. Будешь справлять свадьбу или нет?

Юноша так сказал:

— Эрой, эрой! — Разве женюсь, не справив свадьбу, как-нибудь устрою. Теперь же вы стали отцом, матерью! Поможете устроить свадьбу!

Старик на это говорит:

— Уж чего, а еды хватит, всего припас! Для любимой дочери ничего не пожалею!

Вот так договорившись, они устроили свадьбу. После свадьбы юноша стал жить вместе с ними. Однажды, живя вместе [с родителями], он такую речь повел:

— Эрой, эрой! — Теперь я стал настоящим человеком — Дёломо-Дёнуйкан. Стал мужчиной. Семейным стал, женатым стал. Теперь имя мужчины ношу, к слову сказать — красив [я]. С общительным — общителен. В конце концов отправляюсь на свою родину. Став самостоятельным хозяином и женившись, отправляюсь в путь. Выслушай, отец! Старина, прощай, не обижайся! Я ничего плохого не сделал и не говорил плохих слов. Я уезжаю, не чувствуя себя виноватым перед вами. Отец и мать, не сердитесь на меня.

Что ж, старик согласился. Он сам осознал свою вину.

— Икэн, икэн! — Сам я виноват. Разозлившись, я в сильном гневе сказал: «Давай схватимся». В гневе я наговорил оскорбительные слова. Я говорил: «Ребенок остается ребенком», думал: «Одолею [его], раз схватив», «Одним ударом уложу ребенка», — думал я. Сказав так, посмотрел на зятя.

Один или два года прошло с тех пор, как начали [они] жить вместе. Дёломо-Дёнуйкан с женой отправились [на родину].

Долго ли, коротко ли шли — все-таки добрались до старшего брата. Показал он жену брату. Потом, распрощавшись с братом и его женой, отправились дальше к родителям. Так они шли и шли. Вдруг увидели дым. Увидев дым, Дёломо-Дёнуйкан говорит жене:

— Эрой, эрой! — Дружок, ты видишь дым? Это дымит костер батюшки и матушки, наконец-то мы добрались, не так ли?

Раз виден дым, значит близко им добираться. Вот пришли они. Придя, поздоровались. Вот обрадовалась старуха-мать, говоря: «Сынок вернулся с женой». От радости разорвалось [у нее] сердце, и старуха умерла.

Отец такую речь произнес:

— Сынок, почему долго путешествовал, теперь вернулся. Матушка очень ждала тебя. Если бы ты в свое время появился, она бы не умерла от большой радости. Что же делать? Теперь не думай оставлять меня! А старший брат ушел еще перед тобой, до того как ты ушел. Жив он или нет — никто не знает этого. Ну, дети, похороним мать, — сказал отец.

Парень, очень переживая [удар], стал говорить так:

— Эрой, эрой! — Батюшка, батюшка, разве брат до сих пор не приходил домой? Он живет на полпути [отсюда]. Он имеет свой дом и свою семью. Думая, что брат заходит к вам, я не беспокоился о вас и путешествовал. Как бы то ни было, виноват! О, горе, горе! Жаль, жаль, матушка, зачем ты умерла! Батюшка, батюшка, теперь ты не будешь жить один. Я взял жену — хорошую хозяйку и хорошую стряпуху. Батюшка, батюшка, держись, не плачь! Что же остается нам делать, как не хоронить матушку.

Они похоронили матушку. Вот теперь они стали жить втроем. Отец стал ходить к старшему сыну. Так он и жил то у одного сына, то у другого.

У Дёломо-Дёнуйкана появился ребенок. Они стали жить очень хорошо. Старший брат Человек-Тамнани тоже имел несколько детей. Так они соседями живут до сих пор, приходя в гости друг к другу.

Записано в 1962 г. в селе Талакан Хабаровского края от М. В. Логинова (Монго). 1887 г. р., малограмотный, разговорный язык эвенкийский, владеет якутским и русским.

16. БУТАЛ И ЛАЛИГИР

Раньше, в прошлые времена, Лалигиры шли вслед за Буталами. Таким образом кочуя, они, Лалигиры, добрались до ночевки Бута. На этой стоянке Лалигиры увидели распиленные чурки. В то время Лалигиры не знали даже пилы. Один Лалигир сказал:

— Как же они срубили это дерево? Как перерубили пальмой такую толщину? Давайте, мы тоже попробуем перерубить пальмой это дерево! — говорит.

Эти мужики пробовали, пробовали срубить пальмой, так и не срубили. Как перерубить пальмой распиленное пилой дерево? Тогда они опять отправились по следам Бута. Так идя, они опять добрались до ночевки Бута. На этом месте стоял лабаз Бута. Лалигиры заглянули внутрь этого лабаза — внутри было много сухожилий. Лалигиры подожгли этот лабаз. Вот подожженный лабаз загорелся с таким треском, словно выстрел раздался из ружья. Лалигиры сильно перепугались. Вот они отправились вдоль хребта. Идя, они взглянули вниз на речку. Так рассматривая, они увидели на самой реке свои тени. Тогда старейший из них сказал:

— Ну, ребята, идем по следам очень опасных людей. Они должны быть очень сильными людьми. Они подрубают очень ровно толстые деревья. Потом оставляют на лабазе опасные сухожилия. Поэтому мы увидели их в воде. Пойдемте-ка отсюда дальше, в другую сторону. Не будем им показываться! Ведь это опасные люди.

А Лалигиры ничего не знали: не знали, что существуют тени, и никакой пилы не знали. В старину и такие ведь люди были.

Записано в 1962 г. в селе Талакан Хабаровского края от М. В. Логинова (Монго). 1887 г. р., малограмотный, разговорный язык эвенкийский, владеет якутским и русским.

17. КОРШУН

Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Урони-ка табакерку!
Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Урони-ка чехол кожемялки.
Коршун, коршун,
Кор, кор, коршун!
Взмахнув крыльями, взлети-ка.

Записано от него же.

18. ЗАПЕВКА И ПРИПЕВКА

Мои запевки, припевки мои,
Мой напев, напев мой, напетый!
Мои звонкие песни-развлекалки.
Зазвенели звонкие песни,
Развлекать стали развлекалки!
Суставы мои смягчились,
Крылья мои задвигались.
Мои припевки и запевки
Разлились, разлились.

Текст и перевод сказания учурских эвенков

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 1958, 1960 и 1964 гг. нами были осуществлены лингвистические экспедиции в Алданский район [1] к томмотской и учурской группам [2] эвенков.

Томмотские эвенки издавна живут рядом с якутами, поэтому и говор их более подвергся влиянию якутского языка. Родным языком владеет незначительная часть эвенкийского населения — в основном люди пожилого возраста. Разговорным языком названной группы эвенков является якутский, молодежь наряду с якутским хорошо владеет и русским. Естественно, что среди них не оказалось и знатоков фольклора, эвенкийский фольклор у них по существу перестал бытовать. От томмотских эвенков нами были записаны несколько сказок с общеизвестными сюжетами о девочке-сиротке и луне, о старике со старухой и хитрой лисе, о медведе и зайце, перехитрившем беркутов, о бое орла со львом. Эти сказки являются вариантами известных всем северным народностям сказок о животных и отличаются лишь в некоторых деталях.

Учурские эвенки, по сравнению с томмотскими, лучше сохранили свой язык. Пожилые эвенки (из б. колхоза им. Чкалова на Учуре) говорят между собой на родном языке, вместе с тем они владеют и якутским языком. Среди этой группы эвенков встречаются отдельные семьи, где дети говорят по-эвенкийски (за исключением воспитанников детских учреждений). Но несмотря на это, и они утратили свой фольклор.

Единственным сказителем, сохранившим в памяти эвенкийские сказания, оказался Н. Г. Трофимов (Бута). От него мы записали сказание «Иркисмондя-сонинг», текст и перевод которого включены в данный сборник. Н. Г. Трофимов родился в верховьях

---

[1] Алданский район ныне объединяет б. Томмотский, Учурский и Тимптонский районы.

[2] Описание томмотского говора см.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки говоров токкинских и томмотских эвенков. Л., 1962. Описание учурского говора см.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки говоров учурских, тоттинских и майских эвенков. Л., 1964. См. также: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь. Л., 1968.

Учура (приток р. Алдан) в семье эвенка-охотника. О себе он рассказал, что сказание «Иркисмондя-сонинг» первый раз слышал, когда ему было девять лет, в исполнении сказителя Семена Васильевича Заболоцкого (Бута). В десять лет он исполнял сказание своим сверстникам, но тайком от взрослых, так как стеснялся их. Летом дети спали в отдельной палатке, и ночами он вполголоса исполнял сказание. Однажды, рано утром, его подслушал один старик. Днем он подозвал к себе мальчика и уговорил исполнить сказание для взрослых. В первый раз сказитель пел сказание семь ночей подряд. Тогда ему было всего двенадцать лет, но взрослые слушали его с интересом, и это его вдохновляло. С тех пор часто просили его петь, и он никогда не отказывался. «Иркисмондя-сонинг» — самое любимое его сказание. Сказитель до Великой Отечественной войны переехал в Кутану. Здесь жители не знали эвенкийского языка, и он в торжественные дни неоднократно исполнял в клубе это сказание на якутском языке. На эвенкийском языке он не пел его лет двадцать, этим он и объясняет обилие якутских выражений, идиом и разного рода калек с якутского. Следует отметить, что большая часть заимствований осваивается эвенками творчески, поэтому не только произношение, но часто и значения слов отличаются от якутских.

Сказитель обладает исключительной памятью: «Один раз послушаю исполнение другого сказителя, запоминаю и исполняю сам», — говорит он. У него была книга с якутским олонхо, ему читали, и сам он пробовал читать (в 30-х годах он окончил ликбез) и исполнял якутские олонхо неоднократно. Он очень наблюдательный, схватывает все быстро, например, следил, как мы записывали сказание. После нашего отъезда он сам записал окончание этого сказания и прислал его нам. Интересно, что в этих записях он отметил долготу гласных, смягчение согласных и некоторые другие знаки транскрипции.

Когда мы попросили его продиктовать для записи, он был очень обрадован. Готовясь рассказывать, с сожалением сказал: «Давно меня никто не слушал, я начинаю уже забывать. Вот только жалко, что все до конца не сможем записать. Когда диктуешь, получается плохо и сухо. Надо было бы магнитофон привезти».[3] Во время нашей работы входили старики-эвенки, внимательно прислушивались и, посидев недолго, уходили. Один из них сказал: «Окин этэд иҥэхун? Бара̄-бара̄!' Когда же кончите писать? Ну и долго же!». Они интересовались и хотели послушать сказание, но такое исполнение-диктовку им было скучно слушать, потому и уходили. Молодые не слушали, но просили перевести на русский или якутский язык и скорее издать.

---

[3] Он уже исполнял якутское олонхо для записи на магнитофон. Через год после нашей записи это сказание было напето М. Г. на магнитофон. Лента (15 бобин на двух дорожках) хранится в фондах (ИЯЛИ) в Якутске.

Сказитель говорил очень быстро и длинными фразами, которые он передавал на один выдох, и только когда заканчивалось дыхание, он делал паузу. Особо длинные фразы объясняются подробным описанием внешности, действий, речи, подробной характеристикой имени героя. Такие длинные фразы неудобны для чтения, тем более для перевода, поэтому в ряде случаев мы делим их на несколько предложений.

Сказание «Иркисмондя-сонинг» по сравнению с ранее известными сказаниями является наиболее полным по объему произведением, в котором подробно описываются герои четырех поколений. В них мы находим много общих черт с якутским олонхо, обусловленных тесными историческими связями на протяжении многих столетий. К этим общим чертам относятся: 1) зачин-вступление, в котором проявляется мифологическое представление о появлении среднего мира с его растительностью и живыми обитателями; 2) ярко выраженная генеалогическая цикличность; 3) наличие трех миров (верхнего, среднего и нижнего), где происходят действия героев; 4) описание прихода, гнева, битвы героев; 5) полное имя героя, которое кроме собственного, включает еще имя отца и матери; 6) богатыри прибегают к помощи шаманки или кузнеца и др. Для данного сказания, так же как и для эпических сказаний других народов, характерна гиперболизация, которая проявляется во всем: и в описании природы, и в характеристике внешности и силы героя, и в описании времени и пространства.

Вместе с тем в сказании обнаруживаются все те черты, которые имеются в подобных эвенкийских сказаниях.[4]

---

[4] См. подробнее: Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Введение, М.—Л., 1960.

ТЕКСТ

19. ИРКИСМЭНД' Э̄-СŌНИҤ

Билир-билир илан Сибир мōйкāн сēргачинин сēриллӯнал оскēчɵл-ивит уху. Дулин буӈа бимӣ тэнӣнэдıкɵн тэлгэнд'эчɵ, йэӈин д'āн йэӈин мухэлӣ д'урā биракāрбуд'ачā, коӈнорин сулакӣ койӯ килāнмāн йэӈин дундэлӣ дэлпэрэӈэр д'ававчāӈачин урэчӣ ōд'ачā. Чукан бимӣ ōкин-дā эчин кагдарӣйда. Эр дулин буӈа горово-дō бинэвɵн, даӈава-дā бинэвɵн эчɵв сāра. Ēкӯндā дэгрӣ дэктэндэлкɵн, тулавāн дэӈиксɵ, кēйан эхин иста ēдук-кат эмӈэ дэлэй буӈа ōд'аран-ивит арай. Эр буӈава ичэксɵ, ичэдɵвэ колорӣдӯ ēкӯн-дā энɵн тэрɵттэ айа ичэдэчӣ, колоксō, коловӯрва эчӣн бакавра — кирасēвай айа дундэ. Ахӣктаткāн мōн бимӣ гакактаӈачин арбаргад'ачā, ирɵктэткɵн мō н'ӣргэктэӈэчӣн сэрбэргэд'эчɵ, д'агдаткāн мō куӈас улукӣ иргин ковоӈочинин куварӣйкāтна балдıд'ачā, сēкта мō сийихинмуна йӯд'эчɵ, н'ӣвэктэ мō н'иӈтэрвунэ йӯчɵ. Эр дулин буӈа, нуӈан бихэмдэ эр ōвнави ойолӣви ēкӯн хаватāрӣ бэйӈɵчӣ, сōхучӣ, бэйэчӣ гунмӣ, антаӈа дундэлдӯ анам бэйунин аксāнин эхӣ сāвра баран, ирɵг урэлдӯ иркин-бэйунин ахсāнин эхӣ сāвра баран, муданӈа дундэлдӯ мундукāн бэйӈɵн-мойōкēма гиркуктад'арӣ, улгэн дундэлдӯ улукӣ бэйӈɵн аксāнин эхӣ сāвра баран, бахан буӈан ōчā.

Эргэчин айа дундэ бинэ д'ӯр халгалкāн, д'улакин дэрэлкɵн, боско дıлилкāн бороӈ уранкай оскēчɵн, бид'иӈɵн, гуннэ ойдōнд'уллɵн ичэтмӣ, эр буӈава хоролӣхинчана дıлачā иктэткɵкӣн даптулкāн, дıлачā йуктэткɵкӣн дэрэлкɵн эйɵнэ бира оскēчɵ-бāлдıчā-ивит, коӈор н'уӈн'акӣ коӈурӯӈачинин ēдук-кат кирасēвай кираӈин оскēчɵ-ивит. Тар-дā н'экэксɵкɵн, мōра тоӈойун дōлӯн оскēчɵ букачāнӈачӣн дундэ бичɵ. Ēдук-тā эдıн-коллорук иктэксɵнин олус мускāттак буӈа-ивит.

Д'э эр дундэдӯ умӯн утэлкɵхэл д'ӯр хуркɵн-куӈакāн оскēчɵлбалдıчāл-ивит. Эр нуӈардӯтıн бимӣ „Чō!“ гундı — орон āчин, „Хōт!“ гундı — мурин āчин, „Элɵ!“ гундı — ӈина āчин, „Эдо!“ гундı — гиркӣ āчин, д'ӯр мɵнтıн оскēчɵл бэйэл-ивит. Ēкӯнд'и иргивнэл бид'эрэ гунмӣ: нэкӯндıӈӯ бэйɵ халганд'ивӣ сō хумут бэйɵ-ивит, ēкӯн-дā дıӈин халгалкāн бэйӈɵвɵн эхӣ тулутта китıгирас букатıр-бэйɵ-ивит. Коловурвāн гунмӣ, анам-тōкӣва атакӣ-

гачинд'и-н'ун д'аварӣ, эхэ-бэйӈ̄эвэ комурдōскāнӈачӣн-н'ун д'аварӣ, иркин-бэйӯнмэ ириктэђэчинд'и-н'ун д'аварӣ; анам-тōкӣ атакӣн хэдӯн туксалдірӣ, иркин-бэйӯн иргин хэдӯн туксалдірӣ, эхэ-бэйӈ̄эвэ хэриндэн хэдӯн туксалдірӣ; анам-тōкӣ сачан имӯксэн ариӈилкāн, иркин-бэйӯн имӯксэн иргихэлкэн, энӣн-тōкӣ эвтілэн эвēтілкēн мата-эвит.

«Д'э эргэчин айа сумут бойун-бэйэ ēмӣ-дā гэлнэрӣ гэрбӣлкэн, сōлтама суракилкāн бичэн» гуннэ ичэнэв — дулин буђадӯ тіванчā дулин буђа Иркисмэнд'эн гунмурӣ букатір-бэйэткэн-ивит.

Акиндіђӯ бэйэвэ ичэмӣ, эр оскēчэ утэнми дōдукин тођориктайа-кат тōра эчин тӯрэ, улгучэндэс, дōлдірӣ сēна āчин, улгумӣдэс, турэнэ āчин дулэй-н'омōй сагді этірӣкэн ōдан.

Нуӈан нэкӯндӯви ēкӯн сулӯспачӣ гунмӣ, тар-дā умӯн тэђэктӯ тэђэтчэмӣ, нэкӯндіђӯдӯ ēкӯн нāдан дуруккāн ōд'арӣ ӯс-ивит. Нуӈан ēкӯндук-тā татнавāн, ӈӣ-дэ эчэ сāра, эр ōрйви сэппи йдук-тэ баканавāн, ӈӣ-дэ эвкӣ сāра. Āнӈӯ ӈāладӯви надан-д'āн надан бутічӣ отуйэчӣ-ивит, дэђинӈӯ ӈāладӯви илан-д'āн илан бутічӣ итарчачӣ-ивит. Тарит бимӣ нэкундіђӯдӯ бэйӈ̄эвэ гарпарӣ пэктірэвӯнмэн ōд'авкӣ-ивит. Д'э, эр сагді бэйэ гэрбӣн бихэмдэ илачӣйдукпи итарчалкāн ōчā, діђичӣйдукпи отуйэлкэн ōчā, ӯс Торōнтай гунмурӣ бичэ.

Д'э эр бэйэл горово-кот бинэвэтін эчэв сāра, дађава-кат бинэвэтін эчэв сāра. Эр бид'энэл эр дулин буђа Иркисмэнд'эн турэн инэӈӣвэ энэ ариттāра, дулин буђавӣ туксад'арӣ бэйэ-ивит. Инэӈӣдӯ д'āн имэндэдӯви д'āн бэйунмэ ломпотікāн уӣйксэ, эмэрӣ бэйэ-ивит.

Д'э тар н'экэд'энэ билир билиргидук сордōд'окӣчин дундэн, чэр ōксā, умнэкэн хактірадӯ д'ан иркинмэ эмувчэ, сиксэвуксэ, ивэктӯви гаратчā. Тариӈӈи бимӣ, тімāтнакāн иликсā, астāктад'аран-ивит; д'э эр астāктад'ана н'экэйэд'эрэкин, утэнӈӣд'ин ēдуктā сурдэк тэпкэн сатариӣйхинчад'аран-ивит. Тāдӯ олоксō, мит бэйэӈит, утэнтікӣви хэтэкэхиниксэ, дулиндӯн-н'ун тӯксэ, истан. утэнми уркэвэн улту хэкӣхиниксэ. ичэрэн, Эр ичэнэн: ӯс Торōнтай отуйэтпи ун'акāнмӣ кондорођор иктэчэ. Ōн-дā гунд'іђэ эвгидэлӣн ӯс Торōнтай сэксэн чāн'иктук мӯ уӈкулбуд'эрӣђэчинин соролтод'орон-ивит. Иркисмэ-букатїр тікэн-тікэн гуннэ турэлкэнсэхэлкэн ōд'аран-ивит арай:

— Дінднэни-діӈдэни, дэлэђэй! — ӯс Торōнтай акин гунді акӣнми, дулэй-дэ, н'омōй-дā бимӣ ēкун ōд'анді? Билиргил сāрӣл сагділ „ӯс бэйэ эвкӣ урāра" гуниӈкӣтін. Ēкӯн эхӣн ичэврэ авахӣн, эмэксэ, алгахаттан бōлла, кāрен гиркӣвэв āчиӈирдаđа! Тікун'ēсоӈомō! Биргэлд'элби билдэ! Мэнді-дэ сагді бэйэ бинэ, дігин муннукилкāн колумтандӯви д'охуннак бэйӈэӈилби имӯксэлдуктін элнэс борӣра ēдā-ла горолдон, бађар, тāдук алгахāнді бид'иђэн! Сōт химāт иркин-бэйӯн имӯксэйэн діђин кохōкӣа хōђиксā, тођодӯви борӣмалчакал! Иркин-бэйӯн унан хуӈӈактад'ин ун'акāнмӣ

ун'амалчакал! — тікён гуниксёкён, утэнми култірвён эд'эраӈэр хэкихинэн.

Тāлй биракāн өйёнӈэчинин ус Торōнтай сёксэн өйёнд'эрэн. Тар амардукин дулин буӈа Иркисмэн, иркин-бэйӯн имӯксэдукин діӈин кохōкпа хōӈикса̄, тоӈодӯви бӯрэн, иркин-бэйӯн унан хунӈактад'ин акйнми ун'акāнмāн ун'аран. Тариӈин бичё бэӈэдёвчёдук-тё хулэкэ оӈод'орон-ивит арай.

Д'э тікён н'экэксёл, эмӈэликсёл, дулин буӈа Иркисмэн, ӯс Торōнтайвй энэдӯн бурэ урӯниксё, илан долбонйлкāн инэӈйвэ ăд'аран-ивит арай.

Діӈй долбонйдӯви д'э „бэйурйдӯв элэкин“ гуннэ ēкāн оӈостӯви оӈохунд'аран. Тімāтна гēван ӈэмтэлгэд'эрэкин эргйт-таргйт эдін-эдін ōд'аран, коӈнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул барāлд'ара. Нуӈан ичэд'иӈён эвгидёлйн тігдэ-тігдэ тікилдэн, имана боӈо ōран, эдін-коллорук боӈо, агді-чаӈилган н'аӈн'алā дōргуйна, дундэлё н'иргийнэ эмэксёкён, утэнмэтін аран эчё улту иктэрэ. Тар н'экэксё, эдінин-тігдэн илтэниксё, этэд'эрэкин ӯӈйт илан бинэл киӈинāнал-кырилāнал тікиксёл, умӯнтін уркэдӯтін дōран, умӯнтін утэнтін чōнадӯн дōран, умӯнтін малӯтін баӈанадӯн дōран. Эр дōксāкāн утэнтін чōнадӯн, кукӯткāнӈачин иргиви куйвалдівчана-куйвалдівчана тікён гуннэ турёлкён сэхэлкён ōд'ардаӈа:

— Кйду-кйду, кйдуйāр! — Дулин буӈа Иркисмэн, уркэви нйксё, доровойо д'авакал: Эрё-тарā дōлдікал, эрё-тарā улгуркэл! Минэвэ „иргйт тэкэлкён-сёксэлкён ōданді?“ гӯнэкис, сй мёнді-дё сэрэйд'иӈёс. Билир Гēван этіркён хэгдэӈӯ хунāдин Куккумачāн гунмурй ахāткāнма илан аӈӈанйдӯ ахйтаксā, Гēван этіркён хуркёнхутэвён ӯс Торōнтайва д'оромоксō, мора букачāндулāн хуктілчё матава ханді бид'иӈён? Бй мёнми гэрбйв Куккӯмачāн гунмурй ōдам, дулгӯ нэкӯнми Дарпēк гунмурй, н'идэӈӯ нэкӯнми Сēкāккиливлй ōдан. Дулин буӈар Иркисмэн, сй турулуйэ тōккун, ēкӯн ōхā, эхйлэ эмӈэ кэӈтірёс тійёлдэн, ӈонум д'алис урумӯлдэн? Кэӈтірёнд'эс ēдӯ эмӈэтэрэн, колахис ēдӯ доргоннокторон? Ēкӯн ōксāкāн, ӈёлэликсё, турётнэс турёнді илан Сибир-сиксирдӯн ситэри н'иргийдэн? Д'э турулуйэ токкуӈӈи, бакам эхйлэ. Бу горо ēннёк буӈадук айаннāнал эмэрэв, тэтітпэр син ӈэнёлдэв, билгатпар омйнāлдав. Д'э „ахйтāчāв“ гунді бимй, д'улāви йвуксё, д'эвувкёнді д'эвгёлкён бимй, д'эвувкёмэлчэкэл! Сāракис-кат, эхикис-кэт этём мэлд'эхивкёнэ! Мэлд'эхиксё-дё н'аӈн'алā-дā этёнді дэӈилдэ, дундэлё-дё этёнді тімирдэ!

Дулин буӈа Иркисмэн тарā дōлдіксā, омӈонови д'ōнчā бэйэӈэчйн дōйамак ōксā: „Онтохок тэд'ёмэ бй ахйв бичён тавар“, — гуниксё, тулйскй хэтэкёнчэд'эрэн-ивит. Тулйскй йӯксёкён, ичэнэн бичё, ēдук-кат айал ахāткāр-куӈāкāр, айиткāр, эмэксёл, бид'эрэ-ивит. Умӯнтін солкомо тэтілкён, умӯнтін мэӈумэ тэтілкён, умӯнтін карис тэтілкён — илан нэкӯнэл, Гēван этіркён хунйлинивит. Тарилба утарй гиркуксā, д'ӯр ӈāладӯви элгэхиниксё, утэнмй дōлāн йвуксё, н'уӈун халгачй киравāттӯ кэккэлэхиннёрэ тэӈэ-

вуксә, дігин кирйлкāн багдарин мәӈӯн остōлби тāникса̄, анамтōкйӈми са̄ча̄ имӯксән-арйӈми астад'аран, әхә-бәйӈәӈми хәриндә имӯксән д'әвгәӈми ирйд'әрән. Арахинай айа бәйӈә улдәлд'ин орōхолорон. Городук әмәчәл ахāткāр-куӈакāр әрә-тара̄ улгучәмәтчәнәл-сәхәргәсчәнәл остōлбар д'әвгәвән д'әвуксәл әтәксәл, әр Куккӯмачāн гунмурй ахāткāн-куӈакāн, д'ӯр нәкӯнмй утари тәӈәксә, тікән гуннә турәчй-сәхәчй ōд'аран-ивит:

— Кйду-кйду, кйдуйāр! — Нәкӯн гундї нәкнйлби, Дарпәк — килйвли, Сēкак — килйвли, сӯ д'ӯкрә буӈалāвар сот хймāт мучӯкалду! Били нәкӯндӯн әнә тәхийдә әвәви, әхәви суӈун әтән бивкәнә. Нуӈандулāн ихикса̄л, „амйнмас, дулин буӈа Иркисмәвән, бакарав, — гӯкәлду, — эн'инн'унді д'ӯкрә илалдалй әмәд'иӈәтін" — гӯкәлду. Бй костӯв хуларин мәӈун д'āхиктӯ илан колōда карті бид'иӈән, тарилдук умӯнмутін бӯкәлду, әмәдәләв тарит са̄ранијин. Бй дулин буӈа Иркисмәвән, ōн бихй майгивāн са̄кса̄, ēмйкат д'уләвән гад'иӈāв, — гунд'әрән.

Д'ә әр нуӈан нәкнйлин, әкйнмәр турәнмән дōлдікса̄, тулйскй йӯксәл, иларāкāн уӈкурус-таралис н'әкәрә, багдарир чивкāткāр ōкса̄л, буӈаткāкйвар кōрәйд'әхинә.

Тар амардукин әмәнмучәл бәйәл илалдамактӯ бид'әлдә-ибит. Илйтін тіманйдӯ Куккӯмачāн-килйвли тікән-тікән гуннә турәчисәхәчй ōд'аран, әдїн'унми, акйнми утарй тәӈәтчәнә:

— Кйду-кйду, кйдуйāр! — Дулин буӈу Иркисмән, бәӈин гундї бәӈинми, гиркй гундї гиркйв, ӯс Торōнтай акйн гундї акйнми, бй улгӯрвәв д'ӯр сēндӯвар силдікалду, кәӈтірәвәр дōдӯн дōлдікалду, иргәләвәр иктәвкәлду! Сӯ д'ӯкрә-дә тувәхилдінәхун-дә ēдӯ сōтаран, ēкӯндӯ — да̄ әхйл олухийда, нукәхәл! Бй балдід'āк бӯӈавав, мәнмәв ēкӯндӯ-да̄ әчәлйвәр нәрә, са̄тар хуркән-хутәвәр ōн әӈнәс ичәмӯлдә? Сӯ амарлāхун хуркән-куӈакāн балдічāн. Гәлнәрй гәрбйн, сōлтарй суракин ӈй ōдāн гунәксун, сēлкāндук сō сēлкāн, ēхалкāндук ситі ēхалкāн Тоӈокōмо Чаӈилган гунмурй ōдан. Бй, оннōӈор әр йәӈин долбонйлкāн инәӈйдӯ хутәвй гәләлихә, āхиндāв āмйв әлдән әмәрә, д'әптәв д'әвгәв әлдән әмәрә. Он-да̄ сӯ д'ӯлӯхун әмӯхим бихи. Дулин буӈа Иркисмән, бодочинді-ӈӯ, әнді-ӈӯ? Әмй бодоро әмӯкин әмәнмуд'иӈәс — акйнми ӯс Торōнтайва әксәчим. Әхйт-тә әчәлйс суруру, йлә-дә әтәм суптівра, ēмй-да̄ ӈонум ӯд'авас ӯд'ад'иӈāв, әмӈә н'әкәвәс кēптәд'иӈәв. Ӯс Торōнтай, акйн гунді акйнми дуләй-дә, н'омōй-да̄ бичәлйви иччиләк тӯрәнмәв иргәләви иктәвкәл, дōлāви дōлдікал! Балдід'āк буӈалāвар мит баӈас д'ӯкрә суруӈōт сōт-сōт тургәнд'и! — гунд'әрән.

Әхйт-әхйт тулискй йӯксә, багдарин дәӈйткән ōкса̄, уӈискй дәӈилд'әрән уху. Тара̄ дōлдікса̄, дулин буӈа Иркисмәнд'ән бихәмдә били гиркйткйви ичәхйӈнәд'әрән. Ӯс Торōнтайин син дōлдірка-ӈӯ, сәрәййркә-ӈӯ — са̄ча̄ биӈәт, бадаӈа нуӈан. Ӯс Торōнтай иларāкāн уӈкурус-кōләхис н'әкәрән, туруйанд'а ōкса̄, калтака̄ халгандӯви надан-д'āн надан бутічй халкавй чопоколōрон, кал-

такāдӯви илан-д'āн илан бутıчй итарчавй ӈāлихинан. Дулин буӈа Иркисмэн иларāкāн уӈкурус-таралис н'экэрэн, мэӈумэ гаханд'а оран, Куккумачāн-килйвли амаркāндукин уӈискэкй кōрэйд'эрэ-ивит арай. Нуӈартıн бихэмдэ, дэгрй дэктэндэлкэхэл дэӈйл ōксāл, д'апкун туксу д'апкайадӯн, йэӈин туксу токтурйэдӯн айаннāкāчилчāл-ивит арай. Нуӈартıн бихэмдэ горово-дā сурунэвэр эчэл сāра, даӈава-дā ӈэнэнэвэр эчэл сāра. Д'уӈарвāн бимйл тıгдэд'инн'ун сāнал, болорвōн бимйл бōктад'ин сāнал, туӈэрвэн бимй иманнад'ин сāнал, нэлкирвэн лэптэркэнд'ин сāнал айаннāд'араивит арай.

Нуӈартıн биксэл, удад'иӈāтıн бāра дō? Гēван этıркэн отоклōн иссара-ивит. Эр иссарактıн баргӯн эхй ичэврэ мōра бихин-ивит, тар тамнаксадӯн Куккумачāн-килйвливар сэмӈйчэл-ивит арай. Тар-дā бинэ дулин буӈа Иркисмэнд'эн „билир н'экэйэнэви буӈави кэӈтıрэтпи-дэ сāд'иӈāв“ — гуннэ д'улэви ӈэнэвкэнд'эрдэӈэ. Мōраӈӈи баргӯвāн ичэнэн, „чалбуӈ“ гунчэнэн — чāлдı актал ōчāл, „н'йвэӈ“ гунчэнэн — н'ирай эӈнэкэр-сōхул ōчāл, „иӈāран“ гунчэнэлйн — инакил-сōхул ōчāл, „мугдэкэр“ гунчэнэлйн мурин-сōхул очāл. Барāн сōху дурукид'ин Гēван этıркэн байан-ивит. Д'э эр сōхулдулэ ихиксāл, сōхул дōлйтıн илэ мэртıн ōксāл, ӈэнэвкэнд'эрэ-ивит арай. Эр ӈэнэвкэнд'эрэктıн ойдōн-д'ӯллāн ичэнэтıн бичэ д'ӯр-д'апкун кирйлкāн ампāр д'ӯ бид'эрэн бичэ. Эр д'ӯ уркэлэн эмэксэкэн, дулин буӈā Иркисмэнд'эн дундэлэ н'иргиййвкэнд'энэ, н'аӈн'алā ухутāвчана турэчй-сэхэчй ōд'аран:

— Дıӈдэни-дıӈдэни, дэлэӈэй! — Гēван-этıркэн хунйлин, уркэвэр нйкэлду, доровойо д'авакалду! Минэвэ «иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн мата, эмэксэ, турэлкэн ōдандı?» гуннэл экэлду ӈэлэлдэ. Сōт сāрйхун мата бихим! «Турулуйэ токуӈит» гуниттэс, дулин буӈа Иркисмэнд'эн гунмурй мата ōдам. Бойун бэйэ тэттıн тэтıйэ, бойун бэйэ д'эптıн д'эвгэйэ сōт бэлэнэкэлду! Хуркэн-хутэвэв ичэвкэмэлчэкэлду, сō горо дундэдук эмэрэв. Сирй бэйэвэн экэлду сирйптāра, айан бэйэвэн экэлду алāчивчара! Улгур судургун айа, сирй сйдамун айа, — гунд'эрэн.

Д'э эр турэн доргōнин этэд'эрэкин, д'ӯ додун умӯн сōӈку мата тıлигирэхинчэрэн, тıкэн гуннэ турэттı ōд'ардаӈа:

— Гōлдıр-гōлдıр, гōлдıрмōй! — Эн'йн гундı эн'йнми, Куккумачāн-килйвли, экйн гундı экйнми, Сēкāк-килйвли! Эр ēкӯӈит, эмэксэ, амӈанд'ави аӈачалдан? Кэӈтıрэнд'эн ēду баӈас эмӈэтэрэн! Таваргачин эмӈэ кэӈтıрэчйвэ толкıтна-кат эчэв дōлдıра, сураккāн-кат эчэв сāрā! Сōт химāт минэ тıмэлчэкэлду, бй мэнми, йуксэ, пāнāд'а бихикин, вāмāтмалчакта, д'эпнэд'э бихикин, д'эпмэтмэлчэктэ! Ēкӯн-дā бихикин ичэдэвэн ичэмэлчэктэ! — гунд'эрэн.

Д'увар дōдӯн курбувчуд'эрэ бихйлāк хутэвэр. Куккумачāнкилйвли тıкэн турэлкэн ōд'аран:

Кйду-кйду, кйдуйāр! — Хуркэн-хутэв, сēлкāндук сō сēлкāн, ēхалкāндук сиτı ēхалкāн Тоӈокōмочōн Чаӈилган, токтокол-бол-

гойкол, экэл курбуру, дулин буӈа Иркисмэн гунмури амйндı эмэрдэӈэ! Экэл иксара, уриптıдук-тэ̄ бй синдӯ мэтэвчэ̄в! — гуннэ нувчад'аран-ивит арай.

Д'э эр тıкэ̄н гуниксэ̄л, Тоӈокōмо Чаӈилганмар тıнд'эрэ-ивит эр аха̄л. Уркэви нйксэ̄кэ̄н, амйлка̄н эхэ̄ви хэмӯрви кэпэхинчэкнэтıн н'уканма̄тчаран-ивит. Аңӈӯ ӈа̄ладӯви амйнми элгэхинэн, д'эӈиниӈӯ ӈа̄ладӯви эхэ̄вй элгэхинэн, д'ӯла̄ви йврэн. Дıӈин кирйлка̄н остōлдӯвар муннуктӯн тэӈэксэ̄л, сэхэргэсчэрэ-ибит. Эр сэхэргэсчэнэ дулин буӈа Иркисмэн хутэви адула̄д'аран-ивит арай. Д'э эр айат ичэрэкин, гунчэттэн: «тэд'э̄мэ-дэ̄ китигирас-сумут мататкан биӈэ̄т, д'э олихин-да̄ Куккумача̄н-килйвли сэмэлэ̄ттэн, „эргэчйн айа хутэчй бинэ энэ са̄ра бид'эчэ̄ бихим-ивит»! гунчэттэн.

Д'э эр улгучэ̄мэ̄ттэлэ̄тıн эхйт аха̄л, илан кур оӈуспа ва̄кса̄л, улōчōл, остол илан муннуктӯн орохолōд'оро-ивит арай. Эр илан бойун, утарита тэӈэксэ̄л, д'эвд'энэл, дулин буӈа Иркисмэн хутэви д'эпрйвэ̄н чинчийнэ ичэтчэрэн.

Куӈа-бэйэ бинэ тэд'э̄мэ даӈани эрдэ̄кит-кохӯнд'и д'эптı бэйэ бичэ̄ нуӈан. Коловурва̄н гунмй, коӈнорин улдэвэ, кара хорокйдıнд'и амӈахиникса̄, каракйдıн ōд'аракин нимӈэттэн; имӯксэвэ̄н бимй, мундука̄ндıн амӈахиникса̄, хе̄лакйдıн ōд'аракин нимӈэттэн. Оӈус гирамдан гундэ е̄дукин — да̄ эхин таӈара: комуровэ̄н куӈ улдэн'унин колбӯ се̄тта̄н, бултэхин гирамдава̄н д'ӯр д'авад'илйви тıкивӯттэн, надан д'а̄н надан бутıчй калантıн силэвэ̄н, калан калтака се̄ндукин гакса̄, силӯксэ̄-силӯксэ̄, уӈӯ кирид'ин хэйэви кōп куӈкухиниксэ̄, силэн манавнава̄н са̄рй бэйэ-ивит.

Эр д'эвд'эрэктıн эргит-таргит коӈнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул бара̄лд'ара, хуларир туксул хуктıд'эрэ, ичэхинд'иӈэ̄ эвгидэ̄лйн эдıн-эдıн иктэлдэн, тıгдэ-тıгдэ тıкилдэн, иманаимана иманалдан, е̄дук-да̄ колдорук боӈо тıкрэн, агдı бōӈо сатарийдан, д'ӯр д'апкун кирилка̄н ампар-д'ӯва аран эчэ тōрэ иктэрэ.

Тар амардукин, уркэтıн д'эӈиниӈйд'ин д'ӯр бинэл куӈуна̄нал эмэксэ̄л, коп дōд'ара. Тар амардукин, уркэтıн аңӈид'ин эмэксэ̄, умӯн бойун тıкэ̄н гуннэ тӯрэ̄чй-сэхэчй ōд'аран:

— Гин'ō—гин'ō! — Дулин буӈа Иркисмэн, уркэви нйксэ̄, доровойо д'авакал! Минэвэ «иргйт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н мата эмэндı?» гӯнэкис, уӈӯ буӈадӯ оске̄чэ̄ аӈнакйлдук айаргӯтıн, маталдук манирӈӯтıн, багдарин мэӈун тэтıлкэ̄н дıлача̄ омолгйн Д'эргэлд'ин гунмури гэрбилкэ̄н ōдам. «Е̄кӯн на̄дадӯ эрбэ̄н горо дундэдук эмэндı?» гунэкис, сӯ д'охун сурактӯла̄хун, айа гэрбилэ̄хун д'алда̄кса̄, эмэчэ̄в. Тар н'экэксэ̄, уркэдукис олом, «Е̄кӯндук олондı?» гӯнэкис, балдıкса̄, толкитна-кат энэлби ичэрэ, сураккатıн-кат энэлби дōлдıра хэйэвэр дулиндӯн умӯтул е̄хачйл, тıӈэнмэр дулиндукин умӯтул ӈа̄лачйл, самаккар дулиндукин умӯтул халгачйл е̄кӯдıл матал-гӯ, олоктокил-гӯ? Бе̄ӈалтаптı ахикта хан'аңӈачинин бэйэл-гӯ, ава̄хил-ӈӯ гӯкйчилдӯн бид'эрэ! Олоктокки бихйд'ин сй, йӯксэ̄, улгумйкэл-улгучэ̄мэ̄ткэл, иргйт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н матал

эмэчөл. Д'ӯр айи букатірин мит дōлдіҕāт нуӈарватін. Улгур нуӈарн'унтін нонон суруҕин, тар амардукин мэрті улгучөмөтчиӈөт! — гунд'эрэн.

Дулин буҕа Иркисмэн, эр турөнмэ дōлдіксā, тулискӣ йӯмэлчэрэн. Эмэксөл, илитчарӣл бөйөлтікӣ ичэхиннэн бичө — тэд'өмэ-дө, балдіксā, бэйэ энэн ичэрэ, ēдӯ-дā ситалмайа āчир. «Бэйэл гундэ — умӯтул ēхачӣл, ӈāлачӣл, халгачӣл. Тарилба ичэрэн-дө мит бэйэӈит ōрдак сөксэн олуклāн эмэрэн, игим сөксэн ēхалдулāн истан, бардак сөксэн бөлгэлдулөн тіктэн, катай сөксэн кавкалāн истан, корсун сөксэн колтолдулāн истан, д'ӯр чавурҕайдукин д'āн сēрэ тоҕо д'анухинчаран, д'āн чараткӣдукин уваҕас буйуксу сөксэ хэкихинэн; нэмкӯндулӣви аран эчө этіргэрэ, дирамдулӣви аран эчө хитаргара; тікӯлнави ордӯви доӈото тукалава хэнӈэмэктӯви тэвинэн, ӯникин тукалава ēрчэкмөктӯви бадарāннāран. Тар амардукин тікөн гуннэ турөчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Діӈдэни-діӈдэни, дэлэҕэй! — Ēкӯді-дā матал бимӣ, домдӯн-да бихикин доровойо д'авакалду, нонoптін дорово биҕин, амаргун улгур биҕин! Минэвэ «Йргӣт тэкэлкөн-сөксэлкөн мата доровотпи доксургāнді, бахиватпи бардамдāнді?» — гӯнэксун, дулин буҕа бойунин, айи букатірин бӣ биӈнэм. Сӯ иргӣт тэкэлкөн-сөксэлкөн биӈнэс, ēкӯн килāвинай кихалгадӯн, сō нāдадӯн айаннāнал эмэчөл биӈнэс? Гэрбӣлкөхэл бимӣл гэрбӣлбэр сōт химāт улгутікөн-улгуркэлду, ēкӯн нāдадӯ эмэнэвэр улгучөмэлчэкэлду! — гӯнд'эрэн.

Чāҕӯ кэтэкту илитчарӣ бэйэ кэӈтірөдукин гиркиви эвэскӣ анана-анана: «Улгучөмөтнэ эмэксө, улгучөмөткэл!».

Сōт эвгӯ бэйэ-турāн илэ-бодо ӈөлэлчө биӈөт: умӯн халганин умӯнд'иви хилгилчө, турөнин эвкӣ йӯрэ ōчā. Тар-дā бинэ тікөн гуннэ турөчӣ-сэхэчӣ ōд'ардаҕа:

Д'эвир-д'эвир, д'эвирйэ! — Дулин буҕа Иркисмэн, доӈдолима дорово! Нонoптін дорово биҕин, амаргун улгур биҕин! Мунэвэ иргит тэкэлкөн — сөксэлкөн бихис! — гунэкис, хэргӯ буҕадӯ балдічāл, хэргӯ буҕа авахӣлин атамартін аӈнанал эмэрэв! Ēкӯн д'уҕудӯн эмэрэс?» — гунэкис, бӣ мөнми, бакаксā, эчэв эмэрэ, экӣнми эӈэхӣтпӣ эмуврэн. Сӯ хунāд'ихун Сēкак-килӣвли сураклāн соруниксāл эмэрэв, гэрбилөн гэйөнчэнэл эмэрэв. Тар-дā бичөлӣн бӣ буҕалāви мучӯмӯхим, сāтар гэрбиви улгӯриктэ: бӣ гэрбӣв Хорōн Д'эвир. Экӣнми гэрбӣн илан-д'āн илан дарилкāн боробулōкама н'уриктэлкөн хэргӯ буҕа авахилин атамантін Д'эҕэ-Бāба гунмурӣ ōдан. Сӣ мөнди улгучөмөткэл, — гунивкӣ экӣндӯви.

Тар амардукин чāҕӯ бэйэ боробулōкама н'ӯриктэви сэлэмэ игдівӯнд'иви эртікӣ-тартікӣ килир-калир тāнтід'аран. Нэкӯнми турāн чāскӣ анахинан. Тар амардукин дулин буҕа Иркисмэткӣн утари гиркуд'аран, тікөн гуннэ турөчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Лавир-лавир, лавирдӯ! — Дулин буҕа Иркисмэн, доӈдолима доровойо д'авакал! Нонoптін дорово биҕин, амаргун улгур биҕин!

Бӯ ēкӯн килāвинай кихалгадӯн, гилāвинай нāдадӯн əмəнəвəвун улгумӣрəкис, эр бӣ нэкӯнми кəргəнд'ивӣ сō кэмчӣ, ахӣйа ад'ас āчин, гиркӣтпи сō д'оӈор! Тар бинə ӈəлəликсəн ōчā, əхӣткəн Сēкак-килӣвлива кумнӯлнəвəн ичəд'иӈəт. Бəйикəй отто, омолгӣ! Тīтəксə, гадакив син даӈамад'иӈāс! Дулин буӈа Иркисмəн, сӣ-дə бимӣ сəксəс ēдӯ койӯтаран, тікулдіс ēдӯ довоӈторон! Бəйикəй оттон! Эхӣткəн тəрəӈил-дə ōд'иӈāт: «Сēкак-килӣвлива гад'иӈāв, гуннə, — əмəм-дə гадімадӯ гачим». Айа-ӈӯ əйəт бӯчиндı, уха-ӈӯ əйəт бӯчиндı? Айа əйəт бӯрəкис, айат гад'иӈāв! Уха əйəт бӯрəкис, мəнмəс сибайбатад'иӈāв, — гунд'əрəн.

Эрə дōлдīксā, мит бəйəӈит суӈун бид'иӈəн бāра дō! Тıкəн гуннə турəттī ōд'аран:

— Дıӈдəни—дıӈдəни, дəлəӈəй! — Хəргӯ буӈа авахӣлин атамāнтıн, Д'əӈə-Бāба, ōкиптıдук сəнēнə ōскēчəс? Турəндı ēдӯ толосторон, ичəдəс-дə бāра дō! Ол ихин-дā умӯн ēхачӣ ōчā бихиндı! Авахи айи ахāткāнма ēма буӈадӯ, гаксā, хутəвə балдīвнавāн, сōхувə иргинəвəн ичəксə, тıкəн идəлəниндı? Уваӈас сəксəв əд'əлӣн уӈкулбурə, катан гирамдав əд'əлӣн хокоргоро, оӈнōк нандав əд'əлӣн тəкəмдə айа əйəт ōн бӯмчəв! Сӣ-дə бимӣ токтокол! Улōр улдəс əд'əлӣн ōрəӈəстəнə, сəлəмə гирамдас əд'əлӣн д'əвидīйдə, əмəнəви ӯд'ави ускāкӣ суптıракис сатанд'иӈāн! Улгур урумин айа, сирӣ сидамун айа! Кəӈтıрəс оспēн əрчимнəх ун'акāнд'иви əд'əлӣв урӣхина ухикинмӣ сурумулчукул, — гунд'əрəн.

Эр тıкəн гуниксəкəн, дулин буӈа Иркисмəн сēнин тəкəмəдӯн колтод'орон-əвит арай. Д'əӈə-Бāба бихəмдə иларāкāн хоролихинчаран. Д'ə тар амардукин коӈнорӣн улдə колтолд'ивар коловурдаснал бойундāхилд'акāтта: бучукин мōва буктараӈар ийəдəктəмəтнəл, н'аликин мōва н'илбираӈар ананал, томтор дундəвə тоӈӈороӈор тӯнəл, оӈкучак дундəвə омчороӈор тəвиннəл, дуйу дундəдӯ ēрчəклӣвəр бадарāннāнал, маӈа дундəдӯ хəнӈəклӣвəр бадарāннāнал бойундассара-əвит арай. Колтотıн иӈин н'аӈн'алā доргуйд'аран, тıӈилəкитıн иӈин дундəлə нииргӣйд'əрəн.

Эр бойундāсчарактıн били ӈəлəливкӣ омолгӣӈитıн Хорон-Д'əвирбукатīр, били əмə мата уӈӯ буӈа бойунин аӈнакӣлдук айаргӯтıн, маталдук мāниргӯтıн, багдарин мəӈун тəтıлкəн дıлачā омолгӣн Д'əргəлд'ин илитчарӣлāн əмəксə, тıкəн гуннə турəтчəрəн:

— Д'əвир-д'əвир, д'əвирӣə! — Уӈӯ буӈа бойунин, аӈнакӣлдук айаргӯтıн, маталдук маниргӯтıн дıлачā омолгӣн Д'əргəлд'ин, тавар-ка Д'əӈə-Бāбан'ун дулин буӈа Иркисмəн əвӣттə-ӈӯ, кухӣттə-ӈӯ, ичəттīдӯ ēдӯ айатāран! Мит-пəл, нуӈардуктıн ēкӯнтı итəӈəс ōксā, нуӈагдалбатıн ичəттəп! Мит-тə коловурдāхимкāракит ōн бид'иӈəн, гунчəндı? Бӣ-дə əкӣндуквӣ итəӈəс бид'иӈəв əхим гунчəрə, сӣ-дə дулин буӈа Иркисмəдукин итəӈəс əтəндı бихи. Эмəӈəт бимӣ əмəкəл, айан бəйəвəн əкəл алāчивчара, сирӣ бəйəвəн əкəл сирӣптāра! — гунд'əрəн.

Чāӈӯ бəйə, тарā дōлдīксā, тıкулнави сōдӯн умӯн тоӈорикта уӈискӣ ундуйдӯн, дıӈин ӈāла дıрамуллан, д'ӯр чавургайдукин

д'ан сēрə тоӡо д'анӯхинчаран, д'ан чараткидукин уваӈас буйуксу сэксə хэкихинчəрэн. Тар амардукин əр Д'эргэлд'ин гунэрӣ тікэн гуннə турэчӣ ōд'аран:

Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн! — Хэргӯ буӡа авахӣн, Хорон-Д'эвир, тавар-дā бинə турэндı ēдӯ тōратаран! «Эвӣттэ-ӡӯ, ēтта-ӡӯ?» — гунчэ бинə-бинə, айи бэйэлбэн ōкиптıдук тікэн сэнэнэл оскēксэл, тікэн тэнтї турэчӣ бихис? Баӡар биӡин даӡани, будіви инэӈйду миндук ēва коргутчандı, мэндуккӣ коргуттāви. Ēва гунчэн гунчэндı, — кэӈтıрэдӯви уваӈас сэксэлкэн бихикис, хуларӣн туксу итэӡэстӯн уваӈас сэксэвэс усликэтчиӡэв, сэлэмэ гирамдавас мōра иӈарāнин итэӈэстӯн йиргилӣ гиркэд'иӈэв; эвтıлэс гирамнад'ин д'ӯкчāйа сēркāтчиӈāв, кихэн йаӈилā туктıксэ, чуӡӯн дıлбас мэчиктэкэтнə эвӣд'иӈэв, — гунд'эрэн.

Тар амардукин уталийд'иӈāн бара-дō эр бэйэ, авахӣ омолгӣлāн туксана эмэксэ, коӈнорӣн улдэ колтотпи сēнин тэкэмэдӯн иктэд'эрэн. Авахӣ омолгӣн «Тат!» гуниксэ, иларāкāн хороли-хинчачā. Тар амардукин нуӈартıн бихэмдэ дундэлэ н'иргийӣв-чэнэл, н'аӈн'алā ухутāвчанал тэрэӈкэкӣ бойундāсчара-эвит арай. Нуӈартıн бихэмдэ илалдава-дā бойундāснаватıн эчэв сāра, илан-дā д'āлдава бойундāснаватıн эчэв сāра. Д'э эр дıӡин тэрэӈ бойун катıхилнатıн бихэмдэ ēкӯн-дā коловурйа āчин улугэр боӡо ōд'аран-ивит арай.

Д'э эр н'экэд'энэл ойдōн-д'уллэн ичэрэкив, дулин буӡа Иркисмэн Д'эӡэ-Бāбан'ун авгӯ-кат эвкӣл кēйилдıра тэрэӈил бэйэл тувэхилдıчэл. Уӡӯ буӡа Д'эргэлд'инин Хорон-Д'эвир гунэрӣ авахӣ омолгӣвāн, надан долбонӣлкāн инэӈӣлдӯ бойундāхиксā, д'э ōн-ла савирāтıхилчā бадаӡā: авахӣ омолгӣн умӯн халгачӣ умӯн халгачӣӡачин эдӯ-тадӯ хэнӈэктэлувкӣ ōчā, эдӯ-тадӯ орондıхинчаливкӣ ōчā. Ахӯн-дā энэ ōра тулэкэчийӣлчэ бихӣлак, бойундāсчарӣ бэйэӈив гуннə иӈалба иктунавкӣ ōд'аран, курбэлбэ кумнувкӣ ōд'аран. Тарбā н'экэксэ, мит бэйэӈит, эмэ матāӈит дıлачā омолгӣн Д'эргэлд'ин ōхуннард'иӈāн барā-дō, ирэктэл хэргу гаралйтıн пэрйвчэнэ эксэксэ, дундэвэ надан даримактӯ ливгэрэӡэр гарадāран. Дıӡин ӈалāчӣ котовӣ чуптураӡар тāнан, авахӣ омолгӣн кавкавāн коӈдороӡор тāнан. Авахӣ биксэкэн турэнэ āчин эмэнмуд'иӈэн барā-дō, тікэн гуннə турэчӣ-сэхэчӣ ōд'ачā:

— Д'эвир-д'эвир, д'эвирйэ! — Уӡӯ буӡа бойунин, дıлача омолгӣн Д'эргэлд'ин, олихин-дā сураӡирӈāтпӣ сураӡирчā бихиндı, атıрӈāтпи атıрчā бихиндı. Бӣ буӡадӯви биӈэхӣви тікэн «ēкӯдı-дā бойундӯ кēйивд'иӈāв», эӈкӣв гунчэрэ, букатıр ойолӣн букатıр оскēвкӣ бивкӣ-дэ-эбит. Тар-дā бинə сӣ буруйис эдӯ эхӣткэн āчин, сāмāй ōчā бӣ экӣн гундı экӣнми, «буӈадӯвӣ нэкӯмэлви-дэ гакта» гуннэвэв эӈэхӣтпи эмувчэн. Нуӈан-дā миндук эӡин хулэрэ, буӡалāви мучӯрӣ ӯд'авāн экэлду ичэвкэнэ. Будан кэрēс бурахāй! гунчэ.

Эр бэйэ турāн, авахӣӈӣ омолгӣвāн вāксāкāн, били д'ӯчӣӈилби д'улāтıн эмэрэн. Эмэксэкэн, тулин сипкитна илитчаран-эвит

арай. Эр илитчана дōлдīракин били тоӈокōмо ēхалкāн Чāӈилган гунмурӣ куӈāкāн энэ кēйивра курбумӣ-н'ун курбуд'эрэн-эвит. Эр курбувчуд'уну экӣнин Сēкак-килӣвли тікēн гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — Нэкӯн гундī нэкӯнми, тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган гунмурӣ, токтокол-болгойкол, дулин буӈа Иркисмэн амӣндı даӈанӣ айакāн бид'иӈэн, этэн кēйивра. Уӈӯ буӈа бойунин дıлачā омолгӣн Д'эргэлд'ин Хорон-Д'эвирвэ урӣэ вāчāн. Ēкӯндук тікēн ӈэлэндı, экэл курбуру! Эхӣт-тē эмӣ бойундāста эдэр бэйэ арахинай маталн'ун бойундāстіс чāхис-тā бид'иӈэн, токтокол-болгойкол!

Тар амардукин эр дулин буӈа бойунан Иркисмэнд'э гунмурӣ авахӣл атамāнитін Д'эӈэ-Бāбан'ун бойундāхилнатін туӈурук анӈанӣ ōчā. Эр тугурук анӈанӣдӯ авахӣ атаманин Д'эӈэ-Бāба арахинай албахитпӣ, кулд'ун кувулгатітпи мит бэйэӈӈэт дулин буӈа Иркисмэвēн улор улдэвēн ōрэӈэстēд'эрэн-эвит, карēн нандавāн тэкэӈэд'эрэн-эвит. Дулин буӈа Иркисмэн эмӈэ кэӈтірēн тіӣēлчē, ӈонум д'алин урумулчē, будэрӣӈин инэӈӣӈин эмэчē. Д'э эр н'экэд'энэ иччилэк турēнд'иви д'ӯлāви эмэчē бэйэткӣ эдіндӯ турēнми уӈд'эрэн, тікēн гундэ турēчӣ ōд'аран:

— Дıӈдэни-дıӈдэни, дэлэӈэй! — Ēнэй-тōнай ēдēнми, соӈомō-соӈомō сорулби! Эмӈэ коӈтірēв тіӣēлдэн, ӈонум д'алив урумӯлдэн — хэргӯ буӈа авахӣлин атамантін ад'арай хунāд'ин Д'эӈэ-Бāба обургу арахинай албахитпи карēн дулин буӈадукви хуӣēнӈӣрин ōдан! Карēн айа буӈават бадарāчӣ халганд'иви атıйакичӣ мӯвэӈэчин аймарӣн ōран. Уӈӯ буӈа бойунин дıлачā омолгӣн Д'эргэлд'ин, иччилэк турēнмэв иргэлēви иктэвкэл, сēндӯви силдікал! Бӣ хуркэн-хутэн'унми тоӈокōмō ēхалкāн Чагилганн'ун сӯ эхӣткэн экэлду кихана. Сагдıл бэйэл бӯ ус Торōнтайн'ун нонопτівāн бойундāхикпун. Мунэвэ āчиӈчāлāн ōн н'экэд'эд'эс. Ус Торōнтай, дулэйдē, н'омōй-дā бичēлӣви иччилэк турēнмэв иргэлēви иктэвкэл, дōлāви дōлдікал! Он бичēс, эмэксē, комолēмкēкэл, эрӣксэвэн орухуйкэл, — гунд'эрэн.

Ус Торōнтай сēнд'иви-ӈӯ дōлдірка, д'алитпи-ӈӯ сэрэӣӣрка: д'ӯви калганмāн д'апкун кохит кулустэд'эрэн-эвит арай, тар н'экэд'энэ дундэлē н'иргиӣӣкнэн, н'аӈн'алā ухутāкнан килахинчаран. Наданд'āн надан бутічӣ утуйэви ӈāлихининайа бойундāсчарӣл бэйэлдулē туксана эмэд'эрэн. Эр эмэксэ, бокойа āчин надан д'āн надан бутічӣ утуйэтпи «авахимӈӯ дıлвāн намтараӈар иктэрдэӈим» гуннэ авахӣмӈӯ дıлмадӯн иктэд'эрэн-ивит арай. Авахӣмӈӯ каптас н'экэрэн, ус Торōнтай Иркисмэви дıлбāн нантараӈар иктэрэн. Тар н'экэксēкēн, утуйэви гарадāран, коӈнорӣн улдэчӣ колтотпи илдıд'эрэн авахӣмӈӯн'ун турāн. Авахӣмӈӯн'ун тэрэӈкэкӣ бойундāсна д'огд'оӈолдıд'аран эр этіркэн. Д'э эр бойундāсчарактін, д'ӯви дōдӯн курбуд'урӣ тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган тікэн гуннэ турēчӣ—сэхэчӣ ōд'аран:

Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Эн'йн гундī эн'йнми, экйн гундī экнйлби тікун'ё-вал дэлбэнё! Би амйнми иӈин элдэн сāвра, урипті дук энэл тінэ амйнмав вāвкāнас бихйлāк. Сёкак-килйвли, экйн гундī экйнми, ахāткāн-куӈакāн-дā бинэ д'аварйс ёдӯ мандітāран, сāтар эвтілэвэв кам д'авачиндī. Минэгдэвэ-вэл хулэвуксэл, ёкунма этэвкэнимдэкил д'авалāттас! Сэрэнкэлду-сэрбэнкэлду, ӈивэ-кэт эхйлэви од'ōроихим. Илан килйвлива иланмухāт манмактакāрваӈачин гаратчалим! — гӯнэн-дэ илан хунāтпа иланмухāт гараттан.

Д'апкун кос кулӯстэнчэд'эрй калганма д'апкунмухат хэтэкэнчэвкэнэн, хэкихинэн. Д'э эр омолгйтін суптірдаӈа. Эр суруксокōн, амйндулāви туксад'ардаӈа. Эр туксана эмэксэ, ичэнэнамйнмāн кайахак дардāкичāл. Тоӈокōмо ёхалкāн Чаӈилган тікэн гуннэ турэчй-сэхэчй ōд'ардаӈа:

— Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Ӯс Торōнтай эхэв, дулэй-дэ, н'омōй-дā бимй иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, сёндӯви силдікал, сō химāт адаӈāкал тоӈокōмо ёхалкāн Чаӈилган дулин буӈа Иркисмэнд'эн омолгйн эмэм. Би нуӈанн'унин оӈкой сёктакāнд'ин ōн'икāрби ōлдікта, ирэ сёктакāнд'ин сигдэкэрби гивгулдікта. Ёкӯн сōва буруйва ōчā дулин буӈа Иркисмэвэн атаӈастāран? Коӈнорйн сэксэдукин кōталāд'иӈāв, улōр улдэдукин боконд'оӈōв! Тікӯн'ё—тэлбэн'ё! Элчэл кёйда сагділ маталва д'эвуксэ-дэ дён ёва тухандāви сагдімйлба бултасчандī? Улор улдэлкэн, ситī имӯксэлкэн эдэр бойун бй эмэм, — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр бэйэткэн бихэмдэ Д'эӈэ-Бāбава сёнин тэкэмэдӯн иктэд'эрдэӈэ. Д'эӈэ-Бāба амаскāкй илан гирактамāктӯ д'ёрэӈкэйдэд'эрэн. Ус Торōнтай дарискй адаӈаран, тар адаӈад'арйва Д'эӈэ-Бāба анӈӯ халганмāн хокороӈор хэкихинэн. Д'э Д'эӈэ-Бāбан'ун тоӈокōмо ёхалкāн Чаӈилган ёдук-тā ивэӈнэкит улдэ колтолд'ивар утарита колтӯмāтнал колтотін иӈитін н'аӈн'алā доргуйд'аран, тіӈилэкилтін иӈин дундэлэ н'иргийд'эрэн. Горово-кот бойундāснавар эчэл ойдōро, даӈава-кат бойундāснавар эчэл сāра. Мит бэйэӈит турōру эӈэхйтпи эӈэт тулутта бичэ-эбит, чāӈу авахй атаманин албахин баранин сō — илан д'āн илан дарикталкāн н'ӯриктэтпи ӈāлавāн-халганмāн учихинна-учихинна улор улдэвэн сэлэмэ охйкталд'ивй элй-тāлй тэкэӈэд'эрэн-эвит арай.

Куӈāкāн бэйэ эӈэхйн тар-дāт этэлдэн, н'āн-дāт кёйиврй инэӈиӈин эмэрэн, эмӈэ кэӈтірэн тійэлдэн, ӈōнум д'алин урумӯлдэн. Тар амардукин били эмэ бэйэӈлэви иччилэк турэнми эдіндӯ уӈд'эрэн-эвит, тікэн гуннэ турэчй ōд'аран.

— Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! Уӈӯ буӈа бойунин, ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин гунмурй, гиркй гундī гиркйв, бй иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, дōлāви дōлдікал, сёндуви силдікал! Мит д'уӈӯдут соруйан буланāд'а, булаӈай ōксā, эмэчэ Д'эӈэ-Бāба обургу эӈэхитпи сōйа-дā āчин бинэ албахин баранин сō. Сōт химāт эмэксэ, комолёкэл, д'ур āта д'ур ōд'иӈāт. Илан д'āн илан дарикталкāн бороболока н'ӯриктэн н'āн ёкӯн-ла албахичй бадаӈа:

бэйэ ңāлавāн-халганмāн йлй эркуӈин-дē улор улдэвэн коӈдороӈор суруттун. Будэрйӈит инэӈит эмэрэн! Д'э ахун бичэс, эмэксэ̄, эрйксэвэв орухуйкэл, — гунд'эрэн.

Эрē дōлдiксā, чāӈӯ бэйэ, халганин дундэвэ эликсэ̄ сāра, туксана эмэрэн, Д'эӈэ-Бāбава иларāкāн токорихйнчакнан колторон. Тар-дā бинэ Д'эӈэ-Бāба д'ӯр гуннэ д'окēт-тā эчэ чугуйда: «Баӈар д'ӯр-дē ōкалду!» — гуниксэ̄, д'ӯр айиткāн бōйун'н'ун бойундāсчардаӈа. Нуӈан бихэмдэ нуӈан-дā бимй ēдā-ла молтолчō. Эр авахи молтолнови сāран-дā илан д'āн илан дарикталкāн н'ӯриктэтпи ңāлалдуктiн-халгардуктiн учихинан, ēдӯ-тāдӯ тӯвкēннэ дiлачā йкйттiкэкйн нуӈарватiн ңэнэвухинэн д'э.

Били мит бэйэӈилтi: «Эрбēн кēйчāл д'э кэйдакпут-вāрдакпут» — гунчэд'энэл, сурулдiд'энэл ойдонотiн — ңалалкāн халган тiн хэркэвчēл-эбит, ēхалтiн бичē тамнаксат буривчэл. Тар амардукин Д'эӈэ-Бāба овургу тiкēн гуннэ турēчй-сэхэчй ōд'аран:

— Лавир-лавир, лавирдōн! — Дулин буӈа Иркисмэн амйлкāн, Куккумачāн-килйвли эн'йлкēн, тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган, сй баӈас куӈа-бэйэ этэндi тулуйда! Буӈави даӈаӈахйн мучӯкал! Эхйт эмй мучӯра, эрэй эн'йнмēн ичэд'иӈэс, муӈ муӈутӯрмавāн ичэд'иӈэс. Иникин-дē эмēнмумй, буӈалāви кēйан эхйс эргийдэ дундэлэ̄ ихивуксā, гарадāд'иӈāв. Сурулдiрй бимй, миндук энэ коргутта, мēндукки коргутiксā, ңэнэкэл, «ēва гунчēн», гунд'энни. Дiлачā омолгин Д'эргэлд'ин-бойун тэд'ē катiйдi бимй, сурулдiксē-дē коловурдāӈин. Сурулдiрэкин, хайиктави олгймңӯтāд'иӈāн, муӈмй мӯлēмңӯтēд'иӈēв,мōӈми мōлāмңӯтāд'иӈав. Тāрā эмй кэрэйдэ, баӈар суруӈин! «Мучӯкал» гундэ ани эхим аттаста. Д'э д'ӯкрē-дē дōлдiрас, дōлчāтчанал сурумй, авгӯ-дā мēрдун д'улēхун. Лавир-лавир! — гунд'эрэн.

Д'э эр дōлдiксāл, мит бэйэӈилтi буха катiйнал, энэ хуйэнэ ахамй-н'ӯн ахад'ара. Нуӈартiн бихэмдэ д'уӈарвāн тiгдэд'ин сāнал, болорбōн бōктад'ин сāнал, туӈэрвēн иманад'ин сāнал, нэлкирвēн лэптэркēнд'ин сāнал, сурумй-н'ун суруд'урдуктуру. Илан-да бēӈадӯ сурунувур эчēл сāра, илан-дā аӈӈанйдӯ сурунувур эчēл сāра. Нуӈарватiн бихэмдэ ēкӯнд'и-дā тiкēн эксэд'эривēн ңй-кэт эвкй сāра: «дундэлй ңэнэд'эрэн», гундэтiн, тiӈилэкитiн дундэдӯ букатiн эхин эркурэ, «уӈйлй дэгд'эрэн», гундэтiн, дэктэндэтiн н'āн āчин — ēма-кат албахит, ēкун-дā кувулгатiт эксэнэвэн, ңй-кэт эчэ сāра.

Эр ңэнэд'энэл умнēкēмэ мōра букачāндӯн д'ур мэнтiн утарiта тэӈэтчэрйвэр-н'ун ойдоро. Д'эӈэ-Бāба овургу, мōра тамнаксалāн ихивуксā, мēнин йлй-кэт сурунувōн-кот, эмэнэвэн-кэт эчэл сāра. «Ēнэй-тӯнуй ēдэнтi-эвит, āнай-тōнай аваккат-эвит! Эр-дэ н'экэксēл, авахйӈӈар атаманмāн вāчāл бичэл бихикит, бунэвэр-дэ эмчēлтi курутуйда! Д'э буӈалāвар ōн ихиӈнан бōлла? гуннэ. Эмӈэ кэӈтiрēлтiн тiйēлдэ, ңōнум д'алитiн урумулдэ. Мэмэрйвэр адулāмāтнал ичэрэктiн, улор улдэйэ йдӯ-кэт эчэ сулара, карēн тэтiлтiн бимй олок āчинин-дā кэрēтэ ōчā: коколдотiн бимй тар-

бакилтін дуӈэдӯн-н'ун бучувчāл, авуртін бимӣ хороргін дуӈэдӯ-тін-н'ун кам д'авачāл, олдōндуктін ичэмӣ, эӈэн'йлтін оӈкучак-тӯн-н'ун сулапчāл.

Тар амардукин тэӈэчимнин будэтін н'āн сō! Сāтар даӈайā гиранимкāра энэл» — гуннэл амаскӣ ӈэнэвкэнд'эрэ-эвит. Эр ӈэ-нэвкэнд'эректін сōруйан булāчā екӯн-дā охӣктачӣн кēйан энэн туктірэ калдіс кадар кāйдан. Д'эӈэ-Баба овургу нуӈартін мучӯ-рӣ дундэдӯтін гарадāд'иӈāн бара дō! Эр кадаӈа хэрэдӯн, д'ӯр ахӣкта тэкэндӯн, дэрэлбэр д'ур ханӈатпар д'аваксāл, «чэ, ōн-ка буӈнэп» — гуннэл хуклэд'эрэ-эвит. Д'удэйчэл бэйэл хуклэхинэ-дэ āхиликсōра. Тоӈомо ēхалкāн Чаӈилган сēнин чōрин тікин-дэ бихин, эр āд'ана турэн-турэн, сэхэн-сэхэн доргонмōн дōлдіран. Тэӈэксэр, дōлчӯнан бихэмдэ: уӈискӣ тікэн-тікэн гундэ сэхэн бихин-эвит:

— Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — Горō-горō! Карēн нэкӯн гундī нэ-кӯнмэв тоӈокōмō ēхалкāн Чаӈилганма били Д'эгэ-Бāба сāтар мōра иӈарандӯн умӯн-мэл гирамдалан гарадāрка-ӈӯ, ēрка-ӈӯ? Таригда-дā эчэ бихӣ, онноӈор уӈӯ буӈа бойунин ділачā омолгӣн Д'эргэлд'ин, эр сутулдӯ сорбниксэ, сэмурдэӈэ. Соӈоновов ӈӣ дōлдід'иӈāн? Нэкӯн гундī нэкӯнми, иникин-дэ биксэ, ич-чилэк турэнмэв иргэлэви иктэвуксэ, дōлāви дōлдіксā, турэрбулдэ эӈнэрэн! Ир буӈадук гирамдайатін бакад'ам бōлла? Сатар ги-рамдатін ичэврэктін авахӣл буӈадӯтін эмчэв гарадāра, — гунд'э-рэн.

Тарā дōлдіксā, тоӈокомо ēхалкāн Чаӈилган тікэн гуннэ ту-рэтчэрэн:

Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Экӣн гундī экӣнми, Гēван-этір-кэн н'идэӈӯ хунāд'ин Сēкāк-киливлӣ, сӣ баӈас сāтар бӯ ōдāви ēкӯн сиӈадӯн эрэйвэ ичэд'эндı? Бӯ-дā гирамдававун бакаксā, ēкӯнма туханимдак эмэндı? Бэйэвэ эхӣл тухалāра ōксāл, нандал-кāн гирамнавун, эрӣксэгдэвун сулаптан. Тар-дā бинэ ахāткāн-ку-ӈакāн бинэ ēдӯ корсуптандı, ēкӯн албахид'ин эр буӈалā эмэндı? Иникирдӯвун эмэксэ, бакалдіксā, мучӯнас мэндус-тэ астік. Мэр-бун остоккор вāчāл бимӣл, бунэвэр эмчэлбун курутуйда. Эмэксэ, ичэдэлвэвун ēхатпӣ ичэксэ, бирастīлахиксā, мучӯкал, — гунд'эрэн.

Эрэ дōлдіксā, били Сēкак-килӣвли, кадариӈитін ойодӯн уӈку-рус-кōлēхис н'экэксэ, илэ мэнин ōксā, надан д'āн надан дарик-талкāн солкомо н'уриктэви дуӈэдӯн д'ӯр хуларин умуктава уӣиксэ, нуӈардулāтін тікивд'эрэн-эвит. Д'э эр тікивуксэ, тікэн гуннэ турэчӣ ōд'аран:

— Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — Нэкӯн гундī нэкӯнми, тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган, уӈӯ буӈа бойунин діладā омолгӣн Д'эргэлд'ин, д'укрэ иникирбэхун орухуйим. Эр умукталба, гаксāл, д'эпкэлду, бӣ н'уриктэв дуӈэдӯн д'укрэ катанкалду, бӣ эр кадар ойолōн туктівуктэ. Миӈэчин д'алилбар экэлду молтотто. Омолгӣчāн-куӈакāн д'алин д'олодук мандī гуӈнэрэ. Сōт мандівуксāл, н'урик-тэдӯн катанкалду, — гунд'эрэн.

Эр бэйэл, тарā дōлдiксāл, эхӣ хунāтпар н'уриктэдукин д'ӯр умуктава гаксā, д'эптэ. Ёхалтiн аран ŋэрилдэ, кэŋтiрэ̄лтiн аран эмŋэлдэ, д'алилтiн аран колкутāра.

Тар амардукин эхӣ хунāтпар н'уриктэдукин иларāтал учихина. Эр хунāт нуŋарватiн, йдӯ-дэ̄ энэ токтотто, кадар ойолōн тāнд'аран-эвит арай. Эр тāниксā, «д'э ичэктэ» гӯнэн. Д'удэйиксэ̄л, бэйэ ŋэлэрйн бэйэл ōчāл, нуŋардӯтiн тэтi гундэ тэтi-дэ̄ эчэ̄ сулапта, улор улдэ.йдӯ-дэ̄ эчин сулапта, д'алахалдуккар-н'ун хорилдiчāл, тарахалтiн-н'ун сулапчāл. Д'э эр бэйэлбэ ичэксэ̄, ёхан мӯн курӯска-курӯска тiкнэ-тiкнэ тiкэ̄н гуннэ турэ̄чӣ ōд'аран:

— Кимэ̄-кимэ̄, кимэ̄н'ин! — Нэкӯн гундi, нэкӯнми, тоҕокōмо ёхалкāн Чаҕилган, дiлачā омолгин Д'эргэлд'ин, сӯ хуркэ̄р-куŋакāр бирдэккит — д'алилдун мандiл, бӣ, ōксāл, минŋэчӣн энэл соŋоро эмэ̄нмукэлду. Буҕалāхун ёдук-тā горо: дундэлӣ тоŋкурчактāна айаннāрӣ дiҕин халгалкāн бэйŋэ̄, дiгрэ̄кэ̄н балдiксā, истiн буҕа, дэгрӣ дэктэн дэҕӣ-бэйŋэ̄, иларāкāн умӯксā, истiн буҕа. Тāлā илан анŋанӣ дōҕидāлāн искалду, минэвэ «эмэ̄нэн», гуннэл экэлду коргутта. Бӣ н'уриктэви калтакавāн хоҕиксā, бӯктэ, тарā томкохиннал, кира бэйŋэ̄вэ кидiйнал, амŋавар иргинэл, тарит исчадāвāт. Бӣ буҕалāви олус иксачад'ам: сӯ амарлāхун Куккумачāн-киливлӣдук умӯн хуркэ̄н-куŋāкāн балдiчāн. Гэлнэрӣ гэрбӣн, сōлтама суракин ŋи ōран гӯннэксун, илан Сибир-ситкiрдӯн ситэри гэрбӣчӣ. Хэргӯ буҕадӯ Сэлэргӯнтiкӣ сэлэрӣ Сэŋэ̄кчэ̄н гунмурӣ, дулин буҕадӯ балдiрӣдӯвӣ коколдодӯ чакилдāчā Коколдокōн гунэрӣ, уҕӯ буҕадӯ сōн'иŋ чивкāчāнма укчактарӣ сōн'ин Мэŋнэнӣкэ̄н гунмурӣ ōдан. Буралийа бурахāй биҕин! — гунд'эрэн.

Тар амардукин эхӣт хунāт уŋкурус-колэхис н'экэрэн, киталикиткāн-дэҕӣткэ̄н ōран, буҕаткāкӣви киҕинāд'ахинан. Эр бэйэл хунāтпар хуруд'ōкмовōн ŋэнэвкэ̄нд'эрэ. Били хунāнтар н'уриктэд'ин томкохиннал-томкохиннал, кира бэйŋэ̄вэ кидiйнал ŋэнэвкэ̄нмӣн'ун ŋэнэвкэнд'эрэ амаскāкӣ. Д'э тэд'эмэ даҕаны горо-дō, ēннэк-дэ̄ дундэвэ энэл сāра эмэчэ̄л-эбит. Эр илан анŋанӣ усталкāн тōрадӯн илнал-илнал ŋэнэтмӣ ухōро. Нуŋартiн бихэмдэ аŋардас-тā кира бэйŋэт ёва сōт туханд'иŋāтiн, коргуйда-н'ун энэл айаннāд'ара, эр ŋэнэд'энэл «н'āн-дāт д'удэйдэ-д'улэ̄скӣ гиранŋāт», гуниксэл, амаскӣ тэмтэрмэл ōра. Эр ŋэнэд'энэл, д'ӯр чэкчэкэ̄н карад'иктӯн д'ӯр ŋāлатпар дэрэлбэр каптаксāл, дэрумкӣнэл хуглэ̄хинэ-эвит. Эр хуклэ̄д'эрэктiн иртiкӣ-иртiкӣ бōлла, турэ̄н дōрāнин дōлдiвулдан, тiкэ̄н гуннэ турэ̄тчэрэн:

— Кимэ̄-кимэ̄, кимэ̄н'ин! — Били молток-д'адуŋан бэйэл кайадā муŋун эхи эмэрэ! Эмэрӣ-дэ̄ сорōкитiн д'алуптан. Соŋомō-нал сорулби! Карēн н'идэҕӯ нэкӯнми д'аланин эд'элӣн д'ипкирэ, улдэн сāхин эд'элӣн ситтэ умӯн авахӣ атаманин, хэргӯ буŋа авахӣн дiҕин кирӣлкāн Сэлэргӯн Сэвэйэ̄нд'э гунмурӣ уратi бойун, эмэксэ̄, минэвэ ахакталнан илан тоҕурук анŋанӣви д'алуптiн ōран. Экӣн гундi экӣнми, умӯн-мул анŋанӣдӯ бӣ д'улэ̄дӯв авахӣ ата-

манмāн сāраткал, бӣ муданми ōран. Бэйэл эмэдэлөтін арăхиӈай албахитпӣ аралд'иткал, — гунд'эрэн.

Эр гуниксө, д'ӯр д'апкун кирӣлкāн ампар-д'ӯви турбалйн, н'уриктэдукки ихихиниксө, гарадăран. Н'уриктэн саӈн'анин тунарис н'экэрйдӯн, колбохикса саӈн'анн'ун умӯндӯ, салгиндӯ уркэн нйвнэдӯн, саӈн'ан ōксā, д'ӯви дōлāн йрэн. Экйнин Дарпēк-килйвли тарă утари тулискӣ хэтэкөнэн. Уӈкурус-колэхис н'экэрэн, багдарин чивкăкāткāн ōран. Авахӣ атамāнин, оксоку ōксāкāн, коллорук тођо дōдӯн куђунана эмэд'эрэн-эвит арай. Тар д'улөлйн чивкăчăткāн хэтэкөнд'эрэн-эвит. Авахӣ атамāнин обургу тарā ахамăтна н'иргийд'эхинэн.

Тар амардукин били мит бэйэӈилті: «ēнэй-тōнай, аваутэвит!» — гуниксөл, илда-дā д'э айаннāд'ахина. Тар ӈэнэксөл, чэ, нэхйлэ эрйксэвэр-н'ун муданд'ин д'ӯлāвар иссара-эвит.

Эр ихиксăл, тођокōмо ēхачӣ Чађилган гунмурӣ бойун тікөн гуннэ турөчӣ ōд'аран:

— Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Гēван-этіркөн хунйлин, эн'йн гундІ эн'йнми Куккумачāн-килйвли, экйн гундІ экйнми Сēкак-килйвли,уркэвэр нйксэл, доровойо д'авакалду! Нонопті́н дорово биђин, амаргун улгур биђин! «Иргйт тэкэлкөхэл-сөксэлкөхэл матал эмэрэс?» — гӯнэксун, тођокōмо ēхалкāн Чађилган бӣ эмэм,ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин эмэрэн. Эмэксөл-дө ēхалбахун-н'ун уйдІл хан'анмун-н'ун эмэрэн. Эрйксэлбөт орухуйнөд'э эмэрэ, гӯннэл «экэлду уруну!» Бойун-бэйэ д'эптін д'эвгөйэ бэлэннēкэлду, бойун-бэйэ тэттін тэтійэ бэлэннēкэлду!» — гунд'эрэн.

Тара дōлдіксăл, Сăкак-килйвли уркэви нйксө, д'ӯкрөвэ ӈалалдуктін элгэнэ йврэн. Діктэл халгалкāн алтама кираватілдӯ тэђэвкөнэн. Тулискӣ йӯксө, умнө-д'ӯрө эӈтэвкөхинэн. Илан нулгӣ туђурумтэчӣ илан кохилкāн курēдӯ илан н'амā илан д'āн илан актан ōрин д'алумкāкӣ йхинчэрэ. Тар йчөлдук, д'ӯр актава синмаксā, вăран. Тариӈилбӣ, өлй-тāлй астаксā, бэйэӈилдӯви д'эвувкөнд'эрэн. Бэйэӈилин бихэмдэ д'удэйнэвэр сōдӯн д'эвгэ кēйан элчө йрэ. Улгучөмөттөвэр эйөтчөлйтін, турөнтін элчө йӯрэ, кēйан энэл д'эптө, элчөл орутунэ.

Сēкак-килйвли тăдук санăргăвкӣ ōд'аран, ēкӯн-мал албахилкāн ōксā, арай албахит аривмӣ арӈăт өчăл гуннэ олус муӈурдāніттан. Тар амардукин умӯн тіманйдӯ курēлөвӣ йуксөкөн, илан дэткөн дэлэмйчөви адулăктана гиркуктад'аран, эр ахăткāн-куӈакāн.

Тар амардукин илан салăлкāн кудуктӯ умӯн сōр, эмэксө, н'эӈйчиктэд'эрэн. Тар сōр хэрэлөн сурурун. Эр Сēкак-килйвли, хэрэлөн суруксō, уђисксөкӣ ичэтчэнэ, эргэчйн турөчӣ ōд'аран:
— Кимэ-кимө, кимөнин! — Билир айй бэйэлдӯн сорудактӯ гиркурӣ эхӣ дэрдэ дэктэндэлкөн сōр-эхөкэ гунмурӣ бихин гуниӈкітін-ēт. Сӣ тар, бирдэђиӈ? Доровойо д'авакал, амаргун улгур биђин. Бӣ эхйткөн сōма кихалгадӯ бид'эм: бэйэӈилби, д'удэйиксөл, эхйлөвэр арда иста. Ōн-мал гиркуксā, олбот-мэӈэ мӯйэн бакаксā, эмунуксө бӯкэл! Айайа окал, айавас айат тамад'иӈāв,

мәндı ёкӯн әйәттıвәс бӯӈнәм. Ёкӯн тамана гадāвй әйӫчиндı, ёкуна гамӯрйви сōт химāт улгучӫкәл, д'алвй сāвкāнкал — гунд'әрән.

Сōр-әхӫкӫ әртıкй-тартıкй килип-калип ичәхиӈнәрән, ловик-ловик н'әкәрән, луглус-даглас н'әкәрән, тıкӫн гуннә турӫчй ōлдан:

— Калдıм-калдıм, калдıмкōй! — Гēван-әтıркӫн н'йдәӆӯ хунāд'ин Сēкак-киливлй, доӈдолима дорово! Бй сōт сāм д'ә олботмәӈә мӯвӫн, тōлка горон сō. Арай илан д'āн илан актави, ойоргӯйан синмаксā, бӯд'иӈӫ бихикис, әмувумчӫв, — гунд'әрән.

— Д'ә сōт әмувкәл, әмуврйдӯс бәлән бид'иӈӫв, — гунивкй.

Сōр бихәмдә дıлачā йктәткӫкйн куӆунāд'ахинан. «Әдәр бичӫ бимй д'ӯр надан долбонйлй, тıкин сагданнави бихйд'ин д'ӯр йәӆин долбонйлй әмәд'иӈӫв», — гуниксӫ, ӈәнәвкӫнд'әрдәӆә.

Тар амардукин әр бәйәл ёкӯн-дā айа д'әвгӫдӯн әлчӫл унуйдә, бимйн'ун бид'әрдәктәрә. Д'ӯр йәӆин долбонй әнә-дӫ сāвра илтәнән, д'алуптıн тıманйдӯ били сōр-әхӫкӫ, әмәксӫ, курēтıн дōдӯн умӯн ирӫктәдӯ дōран, тıкӫн гуннә турӫчй ōд'аран:

— Калдıм-калдıм, калдıмкōй! — Гēван-әтıркӫн н'идәӆӯ хунāд'ин Сēкак-килйвли, соруйнас соруккас д'алувум. Д'удәйчӫ бәйәвә улдәвӫн ариврй багдарин умуктава әмувум, д'аланин әрӯ ōчāва д'аларбурй чӯтурин умуктава әмувум, сәнēн манавчāва сәнēрбурй хуларин умуктава әмувум. Тарит ойолдӯтıн имйнәл, дōдӯтıн умйвнал, арйвкалду. Билгатпи омйнāлим — сōт хймāт актави вāмалчакал! — гунд'әрән.

Тар амардукин Сēкак-килйвли умӯн актави айаргӯвāн вāран, урвӫн хуптәксӫ, гарадāран. Умуктаӈилбй гаксā, д'ӯлāви йврән, д'удәйчӫл бәйәӈилбй улдәтıн ойолйн имӯнә, дōдӯтıн умйвна бәӆәдӫрән. Тариӈилин бихәмдә долбонйтıкин олок хуӈтул ōд'ара, ēдук-тā химāт улдәтıн ситчәрән, синēтıн йд'әрән, нонопт ıдуккāркат хуләкәл кēвулкәхәл мататкāр ōд'ара.

Тар амардукин гиркй гундī гиркйвй д'ōниксā, әр Куккумачāнкилйвли, дулин буӆа Иркисмәвӫн гирамдавāн комуйиксā, ӯс Торōнтай ōнан алтан әмкәдӯн д'аланмāн д'аландӯн д'аваран, бәйәвә ариврй хуларйн олбот-мәӈә мӯд'ин имӯксӫ, әхйд'ин хавахина чакиликсā, д'ӯр н'илбәктӯви нәксӫ, бӫлӯнә-бӫлӯнә тıкӫн гуннә турӫчй-сәхәчй ōд'аран:

— Кйду-кйду, кйдуйāр! — Дулин буӆа бойунин Иркисмә гунмурй мата, гиркй гундī гиркйв, бәӆин гундī бәӆинми, бй иччиләк турӫнмӫв иргәлӫви иктәвкәл, дōлāви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! «Ӈй гунмурй ахāткāн-куӈāкāн турӫрбундı?» — гӯнәкис, сй гиркйс Куккумачан-килйвли ōдам. Бй-дӫ билир балдıд'арй н'ōл ирӫктәвә дуӆӫдукин хәргискӫкй кирāна ургә турӫнд'и тıкиврәкив, бучувувкй биӈкйн. Бучӯкин мōва н'иӈтәдукин уӆискӫкй айа турӫнд'и алгаракив, ариксā, н'ōл ирӫктә ōвкй биӈкйн. Кагдан чукава тәкӫндукин уӆискӫкй алгаракив, ариксā, балдıд'арй чука ōӈкйн. Балдıд'арй чукава ӯскй кирарақив, бучувувкй биӈкйн. Тарит бимй сй бучӫ-дӫ бимй ардıдӯс-тā әләкин ōран, āхинчā-дā бимй илдıлӯс әләкин ōран!

Бәлӯ-бәлӯ, бәлӯкән! Иччиләк турәнмәв тәд'ә иччичӣ бихикин, илә мәндı ӧксā, ирәндәви ичәвкәкәл, сӧт тургәнд'и арӈāт бимӣ, аркал, сӣ арнас ӧӈин, бӣ·алганав ӧӈин!

Эр тıкән, гуниксә, мӧсталā иларāкāн хукәлчәкнән гарадāран, алтан әмкә иланмухат сурукнун. Дулин буӈа Иркисмән, илә мәнин ӧксā, малтас илихинчаран, син ноноптıӈачинми атıркāӈӈи, хутәлби доровол ӧсно, н'уканӣна бакалдıран.

Д'ә әр амардукин били авахӣ атаманин Сәләргун Сәвәйәнд'ә ахактанан хунāт Дарпек-килӣвли, муданин ӧксā, тıкән гуннә ту рәтнә-турәтнә әмәд'әрән-әвит:

Йәвәр-йәвәр, йәвәрйә! — Гēван-әтıркән хунӣлин,әкӣлкән нәкӯнми, ноноптıн дорово биӈин, амаргун улгур биӈин! Тāдук нәкӯнми тоӈокӧмо ēхалкāн Чаӈилган, уӈӯ буӈа бойунин Д'әргәлд'ин, сӯ д'ӯкрә н'āн дорово! Минәвә «ӧн гиркундı?» — гӯнәксун, — «нәхӣлә, муданми ӧксā, әмәм: Сәләргун Сәвәйәнд'ә, бокониксā, вāрӣгдан әмәнмурән. Дıхӯчиксәл-дә әӈнәс бихāра, дıхӯчиксәл-дә әӈнәс орухуӣдә. Ӯс Торӧнтаӣ акӣнми ӧнан бойундāхивун ӧлактӯн буӈнәм, амаргут ӯд'авав ӯд'ад'иӈāхун, әхӣткән будӣв аналив, тāрит будан кәрēс бурахāӣ биӈин!» — гунд'әрән.

Эр амардукин әхӣт хунāт илан нулгӣ тугурумчәлкән алтама ӧлаклā, илә мәнин ӧксā, тıкрән. Уӈкурус-коләхис н'әкәрән, киринас·ӧран, алтан ӧлакка чолпороӈор тıкрән. Тарā ахана били авахӣ атаманин Сәләргун Сәвәйәнд'ә амаркāндукин тıкрән-дә илә мәнин ӧран. Илә мәнин ӧксā, ахад'ана киринас йнән чӧлӈандӯ чурчәнми дуӈәд'ин тӯрән. Таркāндӯ киринас авахӣ чурчāндукин кикихинан, Тāдӯ олоксӧ, «Татāт!» — гуннәйә, — «хәкихинчәктә», гуниксә, хәнӈәктәхинчәрән, хәнӈәнин дәлпәрәӈәр сурурун.

Тар амардукин Дарпек-килӣвли чӧлгандулӣви йӯмәлчәрән, илә мәнин ӧран, авахӣ омолгӣн'унин бойундāхилдан. Авахӣ омолгӣн бәйәӈд'иӈә бәйә бид'иӈән-дӧ — хунāтпа гадан-дā, дıлин илан кохӧк ӧкнан, гарадāран. Иртıкӣ-кәт әнә ичәхимкәрә хунāд'иӈми д'әвуликсӧран — д'әмулнән, сутāнан-дā сӧ бихӣлāк. Эрә ичәксә, тоӈокӧмо ēхалкāн Чаӈилган-букатıр туксана әмәд'әрән-әвит. Эр әмәксә, тıкән гӯннә турәчӣ-сәхәчӣ од'аран:

Гӧлдıр-гӧлдıр, гӧлдıрмӧӣ! — Хәргӯ буӈа авахӣлин атамантıн дıӈин кирилкāн Сәләргун Сәвәйәнд'ә, дӧмдӯн-дā доровойо д'авакал! Амаргӯптıн д'улән-амарин әхӣ сāвра улгур ӧӈин! Минәвә «йргӣт тәкәлкән-сәксәлкән мата ӧндı?» — гӯнәкис, дулин буӈа бойунин бихим, тоӈокӧмо ēхалкāн Чаӈилган гунмурӣ гәрбӣлкән ӧдам. Сӣ тавар ēкӯн сӧва буруйва ӧчā ахāткāн-куӈакāнма илан анӈанӣдӯ ахайна ахактаксā, ēхав хәрәлән йвуксә, тıкән атаӈастāндı? Сӣ ӈӧнум ӯд'авас олоновун буруйивун āчин, бид'иӈән, әмӈә ӯд'авас олонов ӈәлумухӣв āчин, бид'иӈән. Ахактана д'удәтнәс ахāткāӈӈис д'әпчәлӣс-тә ēва аӣд'иӈāн? Итı туркари минәвә сәнәрӣс сӧ! Тавар сәнәнәс аваккадӯн, тавар буруйбас улдәлкән сәксәдукис кӧталāд'иӈāв. Кәӈтıрәс уӈуктавāн ун'акāнд'иви урӣхинд'иӈāв, сәләмә гирамдавас мӧра иӈарандӯн гиркәд'иӈәв, чуӈума дıл-

бас кēхэн урэдӯ мэчиктэд'иӈэв, уваӄас сэксэд'ис н'аӈн'а хōлаӈāн итэӄэстӯн усликэтнэ эвйд'иӈэв!

Эр амардукин авахй омолгйн бэйэ турэттэн гуннэ «э-дэ», эчэ гӯнэ, «сōху» турэттэн гуннэ ичэхинэ-дэ эчэ, хунāд'иӈӈи кэӈйнэтпи кэӈйд'эрэн. Эр бэйэ туксана эмэрэн, «улгур нāда д'оссо!» гунчэрэн — сēнин тэкэмэдӯн колторон. Авахй омолгйн «Тататі!» гуниксэ тікэн гуннэ турэчй-сэхэчй ōд'аран:

Кэӈэрдэн'ин-кэӈэрдэн'ин! — Дулин буӄа бойунин Иркисмэнд'э амйлкāн, Гēван-этіркэн хунāд'ин Куккумачāн-килйвли эн'йлкэн, тоӄокомо ēхалкāн Чаӄилган-буӄатір, ноноптін дорово биӄин, амаргуптін улгур биӄин! Минэвэ «иргйт тэкэлкэн-сэксэлкэн мата биӈнэнді?» гӯнэкис, — хэргӯ буӄадӯ эмукин ирāхтаӄит, кулуват, кинэхит хавалді діӄин кирилкāн Сэлэргун Сэвэйэнд'э ōдам. «Ёкӯн сорукту эмэнді?» гӯнэкис, — сй экйнмэс Сēкак-килйвлива умучйдукки улдімӈӯйэви, д'ӯчйдукви д'ӯвчамӈӯйави, илачйдукки ийāктāк гиркййэви улгучэмэчимдэк эмэм. Бӯрйви, эхйви сōт химāт сāвкāкал, айа-ӄӯ эйэт бӯчинді, уха-ӄӯ эйэт бӯчинді? Бӯрэкис-кэт, эхикис-кэт гадіви гачим, хā-хā-хāк!

Мит бэйэӈит нуӈан турэнмэн эчэ-дэ эппēттэсчэрэ. Бокоййа āчин коӈнорин улдэ колтолд'йви коллоруктāна сēрин тэкэмэдӯн савāд'аран. Авахй омолгйн амаргидāтпи илан пэрэстэмэктӯ чуӄурӯйна ӈэнэрэн. Тар амардукин, тікӯликсā, коӈнорин сэксэн койунан, иӄим сэксэн ēхалāн истан, катай сэксэн кавкалāн истан-ордак сэксэн олуклāн истан, ухук сэксэн урлэн тіктэн. Мит бэйэӈлэт д'э сорунан, д'авачй д'агда мōӄачин ид'ир-бид'ир кариви тіпканан, мандаха-тōкй ділгачинин колтови болточчу д'аваран, мит бэйэӈмэт кулалдан. Эр амардукин эркэн-дэ таркāн д'ӯр сōӈку букатір колтотін иӄин н'аӈн'алā доргуййлдан, тіӈилэкитін иӄин дундэлэ н'иргиййлдэн ēдук-тā эрчимнэкит.

Дулин буӄа Иркисмэн ариксā, ахакāн долбонйдӯ бичэ бэйэ кирадіхин эчйн д'алупра ōксā, омолгйви бойундāхилнан эрчимдӯн энэ тулуйда д'упті будэн.

Д'э эр бойухал тэрэӈкэкй кухйд'эрдэктэрэ. Илан долбонйлинэӈйдӯ энэл дэрумкйхинэ кухйксэл, мит бэйэӈит н'āн-дāт эчэ тулуйда. Авахй омолгйн ахӯнчара-кат эчэ: охйкталин сэрэпрэ, амӈан сивйран, улор улдэвэн ōрэӈэстэрэн, дірам нандавāн тэкэӄэрэн. Мит бэйэӈит эмӈэ кэӈтірэн тійэлдэн, ӈонум д'алин урумӯлдэн. Эр н'экэд'энэ тікэн гуннэ турэчй ōд'аран:

— Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Уӄӯ буӄа бойунин ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин гиркйв, иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, дōлāви дōлдікал, сēндӯви силдікал! Би будэрйӈив инэӈйӈив эмэрэн, эмӈэ кэӈтірэв тійэлдэн, ӈōнум д'алив урумӯлдэн, сōт химāт эмэксэ, эрйксэвэв орухуйкэл! — гунд'эрэн.

Чāӄӯ бэйэ, тарā дōлдіксā, нонон-дā кэхэйчэ бэйэ наӄилийд'иӄāн-дō — элэтпи туксана эмэрэн. Авахй аймактӯн билиргидук-тā остōк-кактāк биксэ, уха-айа турэнмэ эчэ-кэт турэтчэрэ: коӈнорин улдэ колтотпи сēмадӯн колторон. Авахй омолгйн діриӈ-н'ун

н'əкəрəн, авахӣҥҥар омолгӣвāн д'ӯр бинəл комолēлдə. Кухӣтəр ōд'ана тоӈокōмо ēхалкāн букатір тōра хəтəкōнчəрəн. Эр амардукин дiлачā омолгӣн Д' əргəлд'ин авахӣ омолгӣн'унин тəрə̄ҥкəкӣ бойундāхилда. Горово-кот бойундāснавар əчə̄ сāра, даӈава-кат бойундāснавар əчə сāра. Маӈа дундəдӯ хəнҥəклӣвəр бадарāннāнал, дуйу дундəдӯ ēрчəклӣвəр бадарāннāнал, н'āликин мōва н'албураӈар ийəдəктəмəтнəл, бучукин мōва буктараӈар ананал бойундāсчара-əвит. Нуӈартiн йəӈин долбонӣлкāн инəҥӣдӯ əнəл дəрумкӣхинə кухӣд'əрə. Эр н'əкəксəкəр, мирə мирəдуккəр д'авалдiра, хəйəлд'ивəр ойоно, д'укрə̄ дəрумкӣнəл батканчад'ара. «Авгӯ молточō?» гуннə ичəмӣ, мит бəйəӈит д'аланин хавахинчā, гирамдан боско суручō, əрӣксəн урумулчə̄, кəӈтiрə̄н тiйəлчə̄. Тар амардукин нонон-дā кəхəкəн бəйə ердəрдук тiкəн гуннə турə̄чӣсəхəчӣ ōд'аран:

Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн'ин! — Гēван-əтiркəн хунӣлин, гиркӣв тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган, д'ə сəрəнкəлду-сəрбəкəлду! Бӣ, йəӈин долбонӣлкāн инəҥӣдӯ бойундāхикса, н'āн əчə̄в тулуйда, соӈомо сорулби бирдəӈə! Эдук ҥӣвə-дə̄ əмəврӣт āчин ōран. Били илан Сибир-сиктiрдӯн ситəрӣ гəрбӣлкəн Коколдокōн гунмурӣ хутəвəр тiнəксун, ōн бимчə? Авахӣ атаманин куҥул-боско колумтанмат уркурӣгдан ōран, тоӈовот сӣрӣгдəн ōран. Мəртi син əхип тулуйда, илан Сибирдӯ-ситəри гəрбӣлкəн бəйə баӈар ēкӯн-мал идəчӣ бид'иҥəн. Илə мə̄нд'иви илдiчə̄ бəйə əҥə̄тiн тулуйда мата əмəчə̄ биҥə̄т, — гунд'əрəн.

Эрə̄ дōлдiксāл, Сēкак-килӣвли илан Сибир-сиктiрдӯн ситəри гəрбӣлкəн Коколдокōн гунмурӣ нəкӯнмӣ йӯврəн. Д'ə тариҥҥар-да ичəӈə̄т бичə — ичəврӣ ичəдəдукин бəйə тāк комойҥōтiн бəйə бичə̄: ēкун-да дəмӣə āчин коколдодiкāкин бəйə момболōнчоно əмəд'əрəн. Эр əмəд'əнə турəчӣ-сəхəчӣ ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōӣ! — Акӣн гундi акӣнми тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган-букатiр, нонопттiн дорово биӈин, амаргӯптiн улгур биӈин! Минəвə иргӣт тəкəлкəн-сəксəлкəн бихиндi? — гунəкис, дулин буӈа Иркисмəнд'əн амӣлкāн, Куккумачāн-килӣвли əн'ӣлкəн, илан Сибир-сиктiрдӯн ситəрӣ гəрбилкəн, хəргӯ буӈадӯ Сəлəргунтiкӣ сəлəрӣ сōн'иҥ Сəҥəкчəн ōдам, дулин буӈадӯ Коколдокōн гунмурӣ, уӈӯ буӈадӯ сōн'иҥ чивкāчāн укчакилкāн Мəҥнəнӣкəн ōдам. Тавар сӯ уӈӯ буӈа бойунн'унин дiлачā омолгӣн Д'əргəлд'инн'ун таварвāн-дā хəгдiҥəл бинəл кəҥтiрəдӯвəр д'алихун ахакāн, дiлдӯвар иргəхун уваӈас, амаргӣптi-д'улгӣптi əхӣ ичəврə бутəй чуӈун матава д'алихун-дā ōксā коҥнорин улдə колтотпор «тəптiд'иҥə̄т» гуннəл, дiлилбар, боско дiксəл, бӯттəс, улдəвəр-сəксəвəр боско атiлāттас. Буӈӣ, чāскӣ ōкалду! Сēкак-килӣвли, əкӣн гундi əкӣнми, чōр турə̄нмəв сēндуви силдiкал! Сōт тургəнд'и Гēван-əтiркəн əхəкəнд'əв н'амāдук д'āн бутiлкāн чуӈума мəчиккəн бакакал, нонопттiвāн бӣ нуӈанн'унин тарит əвӣктə.

Сēкак-килӣвли билир амӣнин н'амā хулəкəн д'āн бутiлкāн чуӈума мəчиккəн бакаран. Коколдокōн гунəрӣ куӈакāн мəчиктiкə̄-

кйви туксаран, дулмактӯви дундәдӯ тімирчә мәчиккә копкороӈор тāнан. Тар тāниксā, мәчикки чāӈидāлāн иллакин, бәйә бихин йлидә әвкй ичәврә. Бойундāхивун бōлак әвгӯ кирйлāн умнәкәмә гарадāран.

Тар амардукин авахй атаманин тікән гуннә турәчй-сәхәчй ōд'аран:

— Кәӈәрдән'ин-кәӈәрдән'ин! — Тоӈокомо ēхалкāн Чаӈилган киннйв, ичәкәл-ичәкәл, ин'әмō-ин'әмō! Тавар куӈакāн чоростін бинә д'алин ēдӯ човоторон, караӈаччиӈачин бинә д'алин ēдӯ катантāран? Мәчиктукки йлй-кәт әхй ичәврә бинә таварбā хәгді мәчиккә гараткāчиттан! Тар-дā бичәлйн Сēкак-килйвлива гадігдав ōран. Тікин әмәксә, тавар коколдодін бәйә тулуйд'иӈāн дō? Айа әйәт әнәл бӯрә әӈәлгәләннәвәхун куӈул-боско хуләптәрвәхун хӯвд'иӈәв, колумтарвахун уркурд'иӈāв! Әрдәрдук сивайвайавун ōд'акалду! Ха-ха-ха-хак!

Тар амардукин әхйт мит бәйәӈит Коколдокōн букатір мәчикки уӈирйннәнә авахй омолгйлāн иткунāнд'аран, тікән гуннә турәчй ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Хәргӯ буӈа авахйн Сәләргун-Сәвәйәнд'ә, д'ә сōт-тā ин'әд'әнді? Ситәрй ин'әдәс бй мәчикйә гарадāкта. Ӈāлатпи-ӈӯ тәвәчинді, амӈатпи-ӈӯ тәвәчинді? Тәд'ә сōӈку мата бимй, амӈатпи тәвәд'иӈәс. Әр илан нулгй тоӈурумтәлкән алтан бōлак чāӈӯ мудандӯн илкал, тāдук амӈави тохуйкал! Амӈатпи тәвәрәкис, н'āн хуӈту идәтпәр бакалдід'иӈāт. Сәп сурурун — сәрәнкәл, ок сурурун — оӈохункал! — гунд'әрән.

— «Ха-хик! Мәчикки-дā әхй кēйда!» гӯниксә, бōлак чāӈӯ муннуктӯн илдан.

Әр Коколдокōн мәчиккә гарадāд'ардаӈа. Мәчик агдіӈачйн н'иргийнә сурурун, авахй омолгйн амӈатпи тәвәмдәк амӈанд'āви аӈаран. Мәчик әмәрән-дә, авахй амӈатпи тәвәрән, «тәвәктә», гуниксә, илан сахамактӯ чāскй анавумнйн тәӈәхинчәрән. Д'әвидійчә койгоӈачйн сәләмә иктәлин улту сururу хәргӯ иктәлби дōскй нимӈәрән, уӈӯ иктәлби тулискй тумунан. Тар амардукин, мәчиккә гаксā, Коколдокōндулā гарадāмдак тікә гунд'әвкй:

— Кәӈәрдән'ин-кәӈәрдō! — Дулин буӈа Коколдокōнин акйндӯви әхй батта кувулгат, албахичй мата биӈәт! Гарадāрйн-дā ēдӯ әрчимнәктәрән! Әнō-бән'ӯн биргәв! Әхйт бй гарадāкта, минӈәчин амӈатпи тәвәкәл — сōвас сāдāв! Тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган-букатір, карēн улгурвәт āчиӈдāви н'әкәлчә Коколдокōн кувулгат. Тар-дā бичәлйн бй нуӈанмāн әхиткән-ті вāд'иӈāв, әр-дә мәчикид'ин гарадāракив әләкин ōд'иӈāн. Сәп сурурун — сәрәнкәл, ок сурурун — оӈохункал! — гунд'әрән.

Коколдокōн тікән гуннә турәтчәрән:

Хәргӯ буӈа авахйлин атамāнтін, «амӈатпи тәвәм», гӯннә улōкит әкәл сōкатта, иктәс бутунну бурурун — кēйан әчәс тәвәрә, минӈәчин-н'ун дулин бойун бихинді. Бй дулин бойун бихим-дә ӈалатпи тәвәд'иӈәв тарā гарадāракис, — гунд'әрән.

Авахӣ омолгӣн, гарадāмӣ, куђунатчаран, мэчик Коколдокōндула кугунана-н'ирилөнэ эмэрэн. Коколдокōн д'ӯр ŋāлатпи капкāн тэвэрэн. Тар амардукин тікөн гуннэ турөчӣ ōд'аран:

Киŋгир-киŋгир, киŋгирмōй! — Сэлэргун-Сэвэйөнд'э, сатар дулин бойун бимӣ ŋāлатпи тэвэд'иŋөс минŋэчӣн. Эрэ кēйан эмӣ тэвэрэ умӯн турөнэ өнэ турөттэ улорŋохӣви ӯд'авӣ ухикинмāн ичэдөви! — гунд'эрэн.

Эр гуниксө, нонопті̇дуккӣ д'орсо баран эрчимучӣт гарадāд'аран. Мэчик куђунана-сирилөнэ сурурун. Авахӣ омолгӣн ŋāлатпи тохуйдан. Ŋāладукин калті тікиксө, хакинмāн коŋдорођор нāран. Авахӣ омолгӣн хакинми ихэхинчэрэн, тариŋŋӣ коŋдорођор кикихинан, хāдівāн тулискӣ тумунан, хāдівāн дōскӣ нимŋэрэн. Тар амардукин тікөн гуннэ турөтчэрэн:

— Кэŋэрдөн'ин-кэŋэрдөн'ин! — Энō — бэн'ун биргэв, соŋомōвал сорив! Кулд'ун кувулгат, Коколдокōн-букатір, коколдодīн ōхāн ōксā, эргэчӣн атађастарӣвāн кихӣвāн ичэрэс өчэлду! Тар-дā бичөлӣн хуркөн-куŋакāн д'алин чугундук-тā өвкӣ чугуйда, д'олодук-тā өвкӣ д'улайда. Эхӣт эхӣлэ илэ мөнд'ивӣ эмэкэл, коŋнорин улдэ колтолд'ивар коловурдāскāт! Илэ мөнд'иви кēйдакис, мөндӯс-тө астік, миндӯ-дө астік. Энэ эђин д'ухун ōра сōт тургэнд'и илэ мөнд'иви эмэкэл! — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр Коколдокōн «д'орсо тавар ōксā, дурсу-дө коту» гуннэ, сōмат кихийиксā, мөндун укурат алтама куйаккāнми куп-кап тэтіксө, туксана эмэрэн. Бокойӣа āчин коŋнорин улдэ колтоткōнд'иви коллорӯктакāтна кухӣлдэн. Авахӣ омолгӣн сō-дā бимӣ кēйан энэ нāвкāна тāк н'аŋн'ава-н'ун дайбāктад'аран.

Мит бөйөŋит д'окēн-дā сō, нимсан-дā сō: «хэргискӣ адађаран», гунчө — уђӣлө ōттан, «уђискӣ адађаран», — хэргӣлө ōттан, āнŋидāлā ōттан», гунчө — д'эђинŋӣд'ин эмэксө, иктэттэн, «д'эђинтікӣ ōран», гӯнчө — анŋӣд'ин эмэксө, иктэттэн. Коколдокōн-букатір аŋардасті эмӯкин дайбāд'арӣђачин авахӣ омолгӣн колтодӯн лэŋдук-тэ өнэ нāвра аŋардасті хэкӣд'эрэн.

Тар амардукин тарбā ōвкāниксā, тулутчиŋāн-дō — ахунчаракат өнэ; надан сахамактӯ доŋото тукалава товулу гарадāд'аран. Анŋӯ халганми тулгӯ д'апкадукин діђин ŋāлачӣ котокōнми чуптураđар тāнан.

Авāхи омолгӣн тікөн гуннэ турөтчэрэн:

— Кэŋэрдөн'ин, кэŋэрдөн! — Дулин буŋа Коколдокōнин, ол ихин-дā сурађирчā бихинді, ол ихин-дā илан Сибир-сиктірдӯн ситэрӣ гэрбӣчӣ ōчā бихинді, онноŋор бӣ гунді бөйэвэ кēйинді. Би эр саствви йэђин д'āн йэђин бōйунма вāчāв, н'амāвāн д'алуврӣдӯв сōŋку тувэхиксө, гэрбӣвэв суксанді, хулэптөнмэв хӯвунді, колумтанмав уркӯнді! Ёдук-тā бөйэ эхӣн моккустэ бөйэ ōнді. Будан кэрēс бурахāй!

Эр Коколдокōн бихэмдэ, авахӣŋŋи пороволōкама н'уриктэдукин иларāкāн учихиниксā, ділвāн тоŋороŋор тāнан. Умӯн йāŋлā туксапухā, йāŋ ойолōн гараткāтна, мэчиктэтнэ эвӣд'эрдэŋэ. Эвті-

лән гирамдавāн, əд'əлмигдə тāнтікса, д'ŷкчāна, иливкāтна əвйрəн, мухəн гирамдалвāн мōра урускалдŷн умйвкāтна əвйрəн. Тар амардукин д'улāви гиркуна бойболōнчод'орон, əр əмəд'əнə тікəн гуннə турəчй-сəхəчй ōд'аран:

— Киңгир-киңгир, киңгирмōй! — Гēван-əтіркəн хунйлин, Куккумачāн-килйвли əн'йнми, Сēкак-килйвли əкйнми, акйнми тоӡокōмо ēхалкāн Чаӡилган-букатір, уркəвə нйксəл, дорōвойо д'авакалду! Минəвə — «он гиркундı?» — гŷнəксун, — «Д'əңкир-д'əпнəд'əңңəхун, ад'асма āчиңнāд'аңңахун авахйңихун омолгйвāн ахŷпчара-кат əчəв. Бойундāстāви əйəтчəв-дə ахŷна-кат əчə кухйрə: мəчиккə гарадāракив, кēйан əнə тəвəрə тəӡəңнəксōттəн». «Ңāлатпи тəвəкəл!» гŷнəкив, хакинми коңдолйвран. Тар-дā бинə „тəрəтчиӡəв», гуннə илан Сибирвə гиркуттан, таваргачин-дā бинə тāк бойун сураккāн уңиттəн. Əр бй акйнми тоӡокōмо ēхалкāн Чаӡилган-букатір таваргачин-дā молток матадŷ коңул олōр улдəви ōрəӡəстəвуттəн. Тавар-дā угŷ буӡа бойунин дıлачā омолгйн Д'əргəлд'ин таваргачин-дā молток бинə «син бəйəвə кейд'иңāв», гŷннə бойундāсна улōр улдəви əрəйдəвкй-əвит. Əргəчин биксə, əнəв-дə бойундāста хулəкə бичə-əвит. Сəлəргун Сəвəйəнд'ə чугума дıлид'ин урəвə чᵉрəс гараткāтна əвйксə, əмəм, əвтıлəн гирамдад'ин д'ŷкчāкāна ōна əвйксə, əмəм, мухəн гирамдалвāн мōра урŷскалин итəӡəстŷн умйвкāтна əвйксə, əмəм. Халд'анавй сōдŷн: «Əдук-тə ōракин бəйə, моккухиксə, əңəтıн тəрəттə бəйə бихиндı-əвит» — гŷнəн. Бойун бəйə тəттін тəтійə, бойун бəйə д'əптін д'əвгəйə бəлəндəкəлду! Əмəрй əмəд'иңəн, сурурй суруд'иңəн, авахйл атаманматıн кēйнавар малāхинмāн астакалду, — гунд'əрəн.

Тар амардукин Сēкāк-килйвли, уркəвй нйксə, нəкŷнми Коколдокōнмо ңāладукин əлгəнə йврəн. Дıӡин халгалкāн болускай киравāттŷ тəӡəвкəнə.

Д'ə əр амардукин авахйл атаманматıн кēйнавар малāхинмāн астактад'ара. Əр н'əкəйəд'əнəл били дıлачā омолгйн Д'əргəлд'ин тоӡокōмо ēхалкāн Чаӡилганма утари тəӡəрəн, тıкəн гуннə улгутікəн улгуд'əрəн:

— Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн! — Дулин буӡа Иркисмəн амйлкāн, Куккумачāн-килйвли əн'йлкəн, тоӡокōмо ēхалкāн Чаӡилган-букатір, гиркй гундı̄ гиркйв, мит д'ŷкрə бакалдıнат-тā горолдон, умŷндŷ əрəйдəннəт-тə баралдан, ōн д'албар-майгивар дурукāн сāлдīрап. Минəвə мəндı-дə сāндı, буӡадукки əмəксə, су д'улəдухун син'н'ун умŷндŷ гиркум. Тар устадŷн айат гиркйттəн, тарит бй д'алвй улгучəд'əрйвəв дōлчŷд'акал, əлəксймй, «əлəкин», гундəви, əмй, «əхин», гундəви. Бй нонопті д'алив — сй əкйндı Сēкак-килйвли сураклāн сŷнчана, айаннāна əмəчəв, умŷчйдукки улдıмңŷйəви, д'ŷчйдукки д'ŷвчамңŷйави, илачйдуккй аналлāх гиркййəвй улгучəмəчимдəк əмəчəв. Д'ə тарā ōн гŷчиндı, бŷрйниəхйви улгурйкəн улгуркəл, — гунд'əрəн.

Тар амардукин тоӡокōмо ēхалкāн Чаӡилган тıкəн гуннə турəчй сəхəчй ōд'аран:

Гōлдір — голдір, гōлдірмōй! — Экйн гундї экйнми, Гēван-этіркэн нйдэӈӯ хунäд'ин, Сēкак-килйвли, бй турэнмэв сēтін'н'и бēӈа надан инэӈйпті кēпкэчинин багдарин сēнд'иви силдіна дōл-дікал, иргэлэви иктэвкэл, дōлäви дōлдікал! Синэвэ бй гиркйв ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин угӯ буӈа бойунин: «умӯчйдукки улдімӈӯйэви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯйави илачйдукки анал гиркйй-эви улгумйд'иӈэв», гуннэ, „эмэчэв" гунд'эрэн. Элэксййдівэр-эхйвэр улбулйкэн улгучэкэлду», гуниттэн, тарā ōн гӯчинді, сōт тургэнд'и сāвкāкал! — гунд'эрэн.

Эрэ дōлдіксā, Сēкак-килйвли:

— Умӯндӯ эрэйдэнчэ бэйэ сй сāкал, сй элэксййэкис, элэ-ксййичим, — гуниттэн.

Эрэ дōлдіксā, тоӈокōмо ēхалкāн Чаӈилган-букатір д'ӯлāви йрэн, тікэн гуннэ турэчй-сэхэчй ōд'аран:

— Гōлдір-гōлдір, гōлдірмōй! — Гēван-этіркэн норотін — дуру-кихун, бй турэнмэв дōлчӯкалду! Угӯ буӈа бойунин ділачā омол-гйн Д'эргэлд'ин мит хунäтпат Сēкак-килйвлива умучйдукки улдім-ӈӯйэви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯйави улгумйрэн. Экйнмй-дэ элэк-сййдэн, миндӯ-дэ элэкин, тарит город бихйвэ, н'ōӈаркан оронд'и хуктівуксэл, эмувкэлду, даӈат бихйвэ дулумдӯл орорд'и элгэнэл эмувкэлду! Кутēт-бэйэ āхиптін малахинмāн айамат астакалду, илан акта айаӈйан, илан байтахин бастіӈйан, илан байтахин бēйэ, илан кур оӈусйа вāксāл, астакалду. Кочодӯ д'алупрйл кодоӈойил эмэд-иӈэтін, йэӈин долбонйлкāн инэӈйдӯ эвйд'иӈэтін, — гунд'эрэн.

Тар амардукин городӯ бихйлвэ, н'ōӈаркан орон сōргӯд'ин хуктівуксэл, эр-дэт биливкэнэ, даӈат бихйлвэ дулумдул орорд'и элгэнэл умйвра. Уӈӯ буӈа бойунин ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин ахйлāрй сивäйван аставукса этэрэн. Кодоӈойил, туӈурил комуй-йвра, омолгйл-хунйл паралāста. Йэӈин долбонйлкāн инэӈй урӯ-сивайван ōвран. Эр сивайвадӯ умйпчāл бэйэл, хэгдіӈэт урӯниксэл, сэхэн боӈо ōран, улгур боӈо барāлдан, эвйн боӈо тэрйли-нэн: килйхитіл килййми киӈгйлахитілла, туксахал туксара, тāн-чамäчур тāнчамäтта, н'ōрчахал н'ōрчара, кохон'н'утіл кохуйда, икэлэхэл икэрэ, алгисчитіл алгара. Йэӈин долбонйлкāн инэӈй устадӯн эвйн боӈо, д'арбаӈ боӈо ōран. Эр эвйндӯ, ӈäлалкāн-хал-ган эвйндӯн эр мит бэйэӈит илан Сибир-сиктірдӯн ситэрй гэр-бйлкэн Коколдокōн гунэрй матадӯ тэрэттї умӯн-кут бэйэ āчин-эвит.

Д'э эр амардукин урӯтін сивайван этэрэн, таргастїтін эмэрэн. Эр таргахиксāл, илалдамакту биксэл, умӯн тіманйдӯ эр Кокол-докōн экйнмй Сēкак-килйвлива дэптікй тэӈэрэн, тікэн гуннэ ту-рэчй-сэхэчй ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Экйн гӯндї экйнми Сēкак-килйвли, бй улбулйкэн улгучэнд'эрйвэв сēндӯви силдікал, дō-дӯви дōлдікал! Бй эдук-тэ хулэкэ ийэв-дэ этэн йурэ, урӯнми-кат этэн балдіра. Гиркуна гиркурйдӯв элэкин ōран, ēкӯн д'уӈӯ-дӯн илан Сибирду-ситэри гэрбйчй ōчāв илан Сибирвэ гиркудāв

нāда ōран. «Ёкун нāдадӯ гиркумухиндı?» гӯнэкис, — эхит сӣ гиркӣс дıлачā омолгӣн Д'эргэлд'ин ōдан. Тадук-тā хуңтул дундэ ойодӯн хаватāрӣ дурукин д'утэл бинэл гиркитнэл гиркувкил. Тарит бӣ-дэ̄ гирки гундı гиркӣйэви, умӯчӣдукки улдıмңуйэви, д'ӯчидукки д'ӯвчамңӯйави, илачӣдукки аналлāх гиркӣйэви, ир буђалā суруксō, бакамчāв бōлла? Тарит илан анңанӣдӯ сӣ сирӣва гиркучā, гуниңкитın, бађар ичэчэ̄с бид'иђэ̄н? Ичэчэ̄ бимӣ н'уңн'икэл! Ахӯн-дā городук эхим д'улайда, — гунд'эрэн.

Тара дōлдıксā, эр Сēкак-килӣвли тıкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н ōд'аран:

— Кимэ̄—кимэ̄, кимэ̄н'ин! — Нэкӯн гундı̄ нэкӯнми илан Сибирдӯ-ситэрӣ гэрбӣлкэ̄н Коколдокōн-букатıр, бӣ улбутıкэ̄н улгурд'эрӣвэв дōлчӯкал! Бӣ умӯн килӣвлива сарӣви сāм. Д'э толко горон сō бид'иђэ̄н. Эмӣ кэрэйдэ суруд'оңōс! Билир билиргӣдук тар буђалā суручō ахӯн-дā соңкул матал кēйан энэтıн тулуйда, д'ӯр халгалкāнма д'улэ̄дӯви эчин нэ̄рэ, д'алалкāндук эчин судурдэ, тıңэлкэ̄ндук эчин тıктэ, олдочӣдук олдонд'ивӣ эчин тıктэ, д'ӯр ңāлачӣва эчин ухуннарда уђӯ буђадӯ балдıчā д'уђӣ-тамнакса ōвāндı н'аңн'а омолгӣн Д'уђирманд'а-букатıр бэйэ оскēчэ̄. Тар бэйэдӯ сӣ коколдодӯ чакилчаңахӣс, эн'ӣнмӣ инмэруктӯн инмэкэ̄н ōксā, дıкэ̄нчэд'эчэ̄, синдӯ элэкин ахāткāн-куңакāн таригда бид'иђэ̄н. Кēйан-тулуйан н'экэйэ̄рэ̄кис, амӣнин-дā элэксӣмӣ айа бид'иђэ̄н. Урāракис ēва коргутчандı, эмӣ айāвра эрӯ бэйэ бид'иңэ̄н. Тарā мэ̄ндı мэтӯчэнэ н'экэйэ̄мӣ сатанд'иңāс. Элэксӣймӣ, «элэкин», гӯкэл, эмӣ элэксӣйдэ «эхим», гӯкэл. Авустукки улгумӣдэ̄ви, авухис бађар сāран бид'иңэ̄н, — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр Коколдокōн гирамдави боско сурукнун урӯнун: «д'э илан Сибир-сиктıрвэ̄н ситэрӣ гиркурдађим» гуннэ гирамдан н'умукахинчаран. Д'э эр амардукин эрбэ̄ дōлдıчā бэйэ н'ōмарийд'иңāн дō? Иларāкāн уңкурус-кōлєхис н'экэрэн, багдарин чивкāчāткāн ōран; уђискэ̄кӣ хуркуд'ухинэн. Эр ңэнэвкэ̄нд'энэ тıкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н ōд'аран:

— Киңгир-киңгир, киңгирмōй! — Гēван-этıркэ̄н хунāд'ин Куккумачāн-килӣвли эн'ӣнми, Сēкак-килӣвли экӣнми, авухив дıлачā омолгӣн Д'эргэлд'ин, акӣнми тођокōмо ёхалкāн Чађилган — дурукихун, минэвэ «сōңку мата биксэ̄, сāма турэнэ āчин сурурун», гунчэд'иңэ̄хун. Тарит ōкин-дā нэрӣнэ эмэрӣви чолкай эчэв сāра, тар-дā бимӣ, «илан анңанӣлӣ эмэд'иңэ̄в», гунчэчим. Су тар энгидэ̄лӣн ңōнум д'алихун урумӯливкӣ ōракин, эмңэ кэңтıрэ̄лдун тıйэ̄лдэкин, салгиндӯ иччилэк турэ̄нмэр уңиңнэкэлду, йду-дэ бимӣ дōлдıд'иңāв, эрӣксэлбэхун орухуйд'иңэв! Буралийа бурастı биђин!

Тар амардукин экӣнин Сēкак-килӣвли тıкэ̄н гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Кимэ̄-кимэ̄, кимэ̄н'ин! — Нэкӯн гундı̄ нэкӯнми илан Сибирсиктı̄рдун ситэрӣ гэрбӣлкэ̄н Коколдокōн гунмурӣ мата, бӣ турэ̄нмэв дōлдı̄ксā, ңэнэкэл. Тавар сурунус буђас дэгрӣ дэктэндэлкэ̄н,

иларāкāн умӯксā, истін буӈа, дундə ойолйн тоӈкурчактāна хуктірй діӈин халгалкāн бəйӈə, йəгрə балдіксā, истін буӈа бид'иӈəн. Тар буӈалāви исмй, илə мəнд'иви истакис, əтəн əлəксййдə буӈачй бəйəӈис, ёмй-кат кувулуӈна истівас əлəксййд'иӈəн. Эмй əлəксййилдірə, сӯ д'ӯкрə бойундāхилдаксун илан Сибирдук ёкӯн-дā бука əтəн хулəрə, тāдук мəтӯчəнə гиркукал! Синəвə мӯ ёхалкāн утарй əӈин ичəхинə, тəпкəрй ділгалкāн əӈин ділгалāра, д'ӯр халгалкāндӯ д'улəви əкəл бӯрə, тіӈəлкəндук əкəл тіктə, д'алалкāндук əкəл судурдə, олдочйдук əкəл олдонд'иви тікрə! Эмӈə кəӈтірəс тійəлдəкин, ӈōнум д'алис урумӯлдəкин, əдіндӯ йччилəк турəнмй уӈдəви! Йдӯ-дə бинə турəттəкис, əтəм əндəйдə — дōлдід'иӈāв! Буралийа бурасті биӈин! — гунд'əрəн.

Тар амардукин əр Коколдокōн, багдарйн чивкāчāн ōксā, д'апкун туксу д'апкайāдӯн, йəӈин туксу токтурйəдӯн айаннāнā ӈəнəвкəнд'əрдəӈə. Д'ə баран дундəвə дəлкирəн, хуӈтул дундəлбə ичəрəн, горово-кот сурунуви əчə сāра, даӈава-кат ӈəнəнəви əчə сāра. Эр бəйəткəн д'уӈарвāн бимй тігдəд'ин сāна, болорвōн бимй бōктад'ин сāна, туӈəрвəн бихəмдə əділкəн иманад'ин сāна, нəлкирвəн бихəмдə лəптəркəнд'ин сāна ӈəнəвкəнчə ӈəнəвкəнд'əрəн. Иладава-кат ӈəнəнəви əчə сāра, илан-дā д'āлдава ӈəнəнəви əчə сāра, илан-дā бёӈава ӈəнəнəви əчə сāра, уӈӯ н'аӈн'а хоромолōн истан бадаӈа нуӈан. Эр айаннāд'ана хəргискй ичəхинəкин, мōран'ун ичəвуттəн, уӈискй кантаййксā ичəхинəкин, н'аӈн'а ōхикāктан-н'ун ичəвуттəн.

Тар амардукин əр бəйəткəн д'улəви ӈəнəвкəнд'əрəн. Нуӈан биксəкəн ахӯн-дā горо дундə бичəлйн ӯдад'иӈāн дō? — «Н'аӈн'а омолгйн Д'уӈйрманд'а-букатір буӈан, бōллаӈа?» Окин-дā əчин хокоргоро чут-чукалкāн буӈа ичəвулдəн. Эр буӈалā ахӯӈда-кат əнə əр-дəт даӈамад'аран. Эр əмəд'əнə ойдōн-д'ӯллəн ичəнəн ёдуктā айа алас мудандукин мудамактӯн чӯтурин тамнакса ӯхилчанна хуктіктəд'əрəн-əвит арай. Эр бəйə, əрə ичəксə, «ёкӯн бōллаӈай?» гуннə мōдаргахинчаран-дā д'окёт-тā əчə чугуруйда, ӈəнəвкəнд'əрдəӈə. Эр ӈəнəд'əнə айат уйдёнə ичəнəн, тамнакса лōдӯн д'ə тəд'əмə даӈаны бойундӯ əлəкин кёвулкəн уратіма мата туксактад'аран-əвит арай. Эр бəйəлə, даӈадӯн тікиксə, уӈкурус-кōлехис н'əкəрəн Коколдокōн, илə мəнд'иви Коколдокōн ōксā, гиркуна бойболōнчоно əмəд'əрəн. Эр əмəд'əрйвə чāӈӯ бəйə чолботкōргочин ёхалд'ивй батари ичəхинəн. Нуӈантікāкйн əмəд'əнə тікəн гуннə турəчи-сəхəчй ōд'аран:

Кида-кида, килад'ий! — Эр-кə, əр-кə сй н'āн иргйт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата əмəнді? Сāхис ахӯн бинə тавардін бихинді? Эр буӈалā əрӯ д'адуӈан-бəйə ōкин-дā əд'əкин əмəрə. Ёмй-дā мəнми кёнді мандіткāн бəйə биксə əмəрдəӈиӈ. Тар н'əкəксə сй кувулунд'анді бадаӈа: тəд'ə гирамдас таваргачин д'окё əтəн бихи, ката айат əмəнді. Дорово биӈин! Бй гəлнəрй гəрбйвəв, сōлтама суракҡан улгумйрəкис, — д'уӈй тамнанаксан ōвāнді н'аӈн'а омолгйн Д'уӈйрманд'а гунмурй гəрбйлкəн уӈӯ буӈа бойунин бихим. Сй

гэлнэрӣ гэрбӣвӣ, сōлтама суракки улгутӣкэ̄н улгучэ̄кэл, бӣ дōлдӣмалчакта. Бӣ-дэ̄ буђадӯви бид'эм-дэ̄ айакāн гиркӣйэ āчин муђурданна бид'эм. Эхӣт бӣ турэ̄нмэв илинкал. Билир эдэрдӯви килийӣвун тōхилвав килийкāткал, истађалāвун тōхилвав истађалāкал, кōвактӯвун корголд'ума тōхилвав кōвактāна эвйкэл. Н'амā хулэкэн д'āн бутӣлкāн мэчиккэв порōбайдāкал. Бакалдӣчāкӯр д'ӯр айӣткāн-матал, нонон эвйксэ̄л, сāлдӣђāт, улгурит тар амардукин ōђнāн, — гунд'эрэн.

Эр амардукин мит бэйэђит дулин буђа Коколдокōнин тӣкэ̄н гуннэ тулдулӣкэ̄н турэ̄тчэрэн, улгутӣкэ̄н улгучэ̄нд'эрэн:

— Киђгир—киђгир, киђгирмōй! — Уђӯ буђа бойунин н'āђн'а омолгӣн д'ӯђӣ таманаксан ōвāндӣ Д'угирманд'а-мата, нонoптӣн дорово биђин, амаргуптӣн улгур ōђин! Минэвэ иргӣт тэкэлкэ̄нсэ̄ксэлкэ̄н мата эмэндӣ?» гӯнэкис, — дулин буђа Иркисмэнд'эн амӣлкāн, Куккумачāн-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, илан Сибир-сиктӣрдӯн ситэрӣ гэрбилкэ̄н, хэргӯ буђадӯ Сэлэргунтӣкӣ сэлэрӣ Сэђэ̄кчэ̄н, гунэрӣ ōдам, дулин буђадӯ Коколдокōн гунэрӣ ōдам, уђӯ буђадӯ сōн'иђ чивкāчāн укчакилкāн Мэђнэнӣкэ̄н гунэрӣ ōдам. «Ёкун д'уђӯдӯн эмэндӣ» гӯнэкис, — умучӣдукки улдӣмђӯйэви, д'ӯчӣдукки д'ӯвчамђӯйави, илачӣдукки анал гиркӣйэви, сӣ ахāткāн-куђакāн хутэс томкодӣкāн ӯд'ачӣ ōвāндӣ Инмэкэ̄н-килӣвли гэлнэрӣ гэрбилэ̄н, сōлтама сураклāн сорунна айаннāна эмэм. Тāдӯ бӣ нāдав таварит этэрэн. Сӣ д'алби ōкин улгучэ̄ндӣви мэ̄ндӣ сāкал, эвӣвун эвӣндӯс эвӣмдэк сōмат эйэ̄чим. Килийӣвун тохилдӣ йдӯ бихи — киђдӣлӣкāн килийкāчикта; уђирӣвун мэчикис йдӯ бихин — уђирӣмкэ̄нэ порōбайданикта! — гунд'эрэн.

Д'уђӣрманд'а-мāтā тӣкэ̄н гуннэ турэ̄чӣ ōд'аран:

— Кӣда-кӣда, килāд'ий! — Дулин буђа Иркисмэнд'эн хуркэ̄нхутэн бихикис, амӣндӣ сураккāн сōмат дōлдӣђкӣв, тāрит эвэнкӣткэ̄р айи бойухалтӣн бакалдӣракпут. Д'э бӣ эвӣрӣвэс ичэчимдэк эйэ̄ттӣв тэкэ̄нин бихин: эр ђӣ буђав сāмай чāђӯ мудандӯн ађад'акāн ōскэ̄чэ̄ Арбађайкāн-атӣркāн гунмурӣ д'ӯр омолгӣчӣ атӣркāн бихин. Тāлā умӯн хэргӯ буђа авахӣн илан кирилкāн сōн'иђ Сумуйонд'о гунмурӣ умӯн атамāн-сōн'иђ, эмэксэ̄, тар ађад'акāр бэйэлбэ куђул-боско атађастāд'аран уху. Атађастāрӣви чāђидāлӣн оронтӣн манавракин, мэ̄рбэтӣн д'эвумдэк кайчад'аран уху. Бӣ тāлā сурумдук мэ̄нмӣ порōбайдāниктад'аракив, сӣ тувэхэ эмэндӣ. Д'э тарит сӣ н'āн порōбайдāнкал, сувэ ситанакин, бађар, аргистасчиђāт, — гунд'эрэн.

Тар амардукин н'амā хулэкэн д'āн бутӣлкāн мэчиклэ̄ви эксэ̄рэн. Эр Коколдокōн, бодоксō, мэчиккэ бимӣ дулмактӯви тӣмирчэрӣвэ копкороборђ тāнан. «Хук!» гуниксэ̄, н'илбэктӯви нэ̄рэн, «хук!» гуниксэ̄, хакиндӯвӣ нэ̄рэн, «хук!» гуниксэ̄, уђискэ̄кӣ гарадāна кōрэ̄ттэн. Тариђин дођото тукалава илан сахамактӯ линкэрэђэр тӣктэн. Килийкӣт тōхилдулāн ичэнэн бичэ̄, илатал сахачӣ илан д'āн илан тōс-ивит. Тарилба килӣйна бойболōнчод'орон эр мит бэйэђит, д'окэ̄т-та энэ иксāра ихиксōран. Кōвактавур

тōхилбāн кōвактана кухуйкāттан, колкукāнд'и истан. Тар амардукин, әвйнмәр әтәксәл, Д'уӈйрманд'а д'ӯкрә д'ӯлāн суруд'урдуктуру. Әр суруксōл, Д'уӈйрманд'а д'ӯлāн ихиксāл, чōраманд'а д'ӯви уркәвән кикиркāн нйд'әрән. Коколдокōнми бихәмдә ӈāладукин әлгәхиннән, ēдук-тā д'окē куӈакāнма әлгәнә әмувуксә, ахйлāви д'ә тıкән гунд'әчә:

Кйда-кйда, килāд'ий! — Солкомо н'ӯриктәлкән Солкондор гунмурй гиркйв, доровойо д'авакал! «Инәӈмәктı сирйвав ōн гиркундı?» гӯнәкис, — сōмат н'әкәйәм. Дулин буӈа бойунин илан Сибир-сиктıрдӯн ситәрй гәрбйлкән дулин буӈа Коколдокōнин гунмурй әр әмәрән. Әр д'окēвāн әкәлду ичәрә — илан Сивирсиктıрвән ситәрй гиркурй бойуткāн бид'иӈән. Ката бй авахйл атамандулāтıн сурумй айа гиркичй ōдам. Сōт тургәнд'и д'әптı д'әвгәвәр астамалчакалду, бойун-бәйә бойундāстйдӯ тәттı тәтıйән бәләннēкәлду! Әр гиркунма нонон әтәксә, тар амардукин, әмәксә, әр бәйә нāдавāн улгучәмәтчиӈәт, — гунд'әрән.

Тар амардукин Д'уӈйрманд'а кәргәнин солкомо н'уриктәлкән Солкондор гунмурй килйвли д'ӯр бōйунма дıӈин кирйлкāн остолби тәрйндӯн н'уӈтәл халгалкāн мәӈумә киравагıлдӯ тәӈәвкәнтıрән. Тар амардукин мәнин, тулискй йӯксә, д'ӯр акта айаргӯвāн, д'ур байтахин бастıӈмāн астамалдāксā, д'әвувкәнд'әрдәӈә. Нуӈартıн бихәмдә д'ӯр бойун мата д'әптı д'әвгәвәр д'әвуксәл әтәрә-дә, гиркунмар гиркурйтıн әмәрән. Әр д'ӯчй бәйә тıкән гуннә турәлкән-сәхәлкән ōд'аран!

— Кйда-кйда, килāд'ий! — Дулин буӈа бойунин илан Сивирсиктıрдӯн ситәрй гәрбйлкән дулин буӈа Коколдокōнин, бй гиркурй гиркйндӯв гиркй ōна гиркулдıракис, әләкин бид'иӈән. Баран дундәвә гиркуд'иӈāс, баран бәйәвә-сōхувә ичәд'иӈәс. Бй килавинай нāдав — аӈад'акāн оскēчә Арбаӈайкāн атıркāн д'ӯр хуркән хутәвән кайчад'ана байанматıн манӯтчарй турулуйә токкун, хәргӯ буӈа авахйлин атамантıн илан кирйлкан сōн'иӈ Сумуйонд'о тар бәйәлбә байантıн манавракин, мәрвәтıн д'әвдәвй бид'әрән. Тарил әрйксәвәтıн орухуйнәд'ә гиркурйв аӈанйӈив ōдан. Ēкӯдı-дā бойунма әчин тулутта сумут сōн'иӈ атаман, гуниттә. Тāлā д'ӯкрә исмй, әтәт кēйивра. Тарит сōт тургәнд'и сурумулчоӈōт, айй бәйәлин аййлвар бәйәлвән бәләткәт, инәӈй бәйәлин инәӈйӈәр бәйәлвән дıхуткәт, — гунд'әрән.

Тар амардукин әр д'ӯр мата, тулйскй йӯксәл, хәгдәӈӯ мата мәӈумә гаханд'ā оран, әр Коколдокōн багдарин чивкāчāн ōран. Тар амардукин аӈад'акāн оскēчә Арбаӈайкāн-атıркāн буӈалāн айаннāнал куӈунāхинд'ара. Нуӈартıн бихәмдә д'апкун туксу д'апкайāдӯн, йәӈин туксу токтурйәдӯн, дәгрй дәктәндәлкәхәл дәӈйткәр ōксāл, ӈәнәвкәнд'әрдәктәрә. Горово-дā, даӈава-дā ӈәнәнәвәр мәртıн-дә әчәл сāра, л'уӈанйӈмар бимй тıгдәд'ин-н'ун санал, болорвōн бимй бōктад'ин-н'ун сāнал, туӈәрвән бими иманад'ин-н'ун сāнал, нәлкирвән бимй ләптәркәнд'ин-н'ун сāнал айаннāд'ара-әвит арай.

Нуӈартін биксәл удад'иӈатін дō? — исті буӈалāвар тар-дāт иста. Эр ихиксāл, угдаксакāр ōра-дā д'ӯр ирәктәткән угдаксадӯн лапкухинмура. Д'э эр бид'энэл авахйл атамантін ōн н'экэд'эрйвән сипкитнал бид'эрэ. Эр ичэрэктін, авахйл атамантін олус сордōд'орон-эвит: йлә-кэт тōра энэ тӯвкәнэ мәнми д'энтідукки энэ сологйра сордōд'овкй-эвит. Эр Арбаӈайкāн-атіркāн н'йдәӡӯ омолгйн Ділкәнукән гунэрй бәйә эӈэхйтпи мулток бинэ эрит-тарит улōкичимкәвкй-албахиримкāвкй-ивит. Эр бәйә, сāмай бургу актави вāксā, имӯксәвән ирйксә, авахйӈӈи атамандӯн д'эвувкәнивкй-эвит. Эрә д'эвуксә, авахй омолгйн:

— Эр ēкӯндук бакачинді? — улгумйвкй.

— Тавар албахит бакаӈнам, — гунивкй гē бәйә.

— Ōн албахириӈнанді? — гунивкй.

— Тавāрā, истāнми лукиксā, мукәмуккй ділачадӯ илалдадӯ хиӡэчиӈнэм, тāдук таваргачйн умӯксэ йӯвкй, д'э сй-дә борōбāйдакал, — гунивкй Ділкәнукән.

— Д'э бэйи бй н'āн борōбāйдад'иӈāв, — гӯнивки.

— Кэ, борōбāйдакал! — гунивкй гē.

Д'э хэку инэӈйдӯ, н'āлбāн истāнми мучутіксә, ділачāтки тоӈкойчод'орон-эвит арай. Д'э эр тоӈкойчод'орй бәйәлә Ділкәнукән гунэрй мата, ділкән ōксāкāн, мукәмукин дōлйн йксә, ун'анивкйэвит: уӈӯл оскēрэкин «буд'эн-мэл», гуннэ. Тариӈин бихэмдэ урин дōдӯн уӈӯл ōксā, урин утӯн'ин-дā сō, кулинин мугд'илйкāн ōчā.

— Эр ēкӯр бәӈирйттэ? — улгумйвкй авахй.

— Д'э тарā итікит итікракис, имӯксэ ōксā, йӯд'иӈән, — гунивкй эр Ділкәнукән.

Авахйӈин туран тарā эләмэтпй тэд'āвкй-эвит. Итікка гамалчавкй, мукәмукки «Пур-пур-пур!» итікивкй. Тар амардукин Ділкәнукән мата, ділкән ōксā, н'экэйәд'энэ н'аӈн'а омолгйн Д'уӈирманд'а мата эмэнэвән униӯд'ин сāд'аран-эвит. Эр сāксā, д'э эхйлэ акйндулāви туксаран. Акйндулāви йксә, тікән гуннэ турәчй од'аран:

— Дінē-дінē, дінēкāн'ин! Акйн гунді акйнми, дулин буӈа Чиркэркәнэн гунмурй, бй ēкӯнма-ла мэдэм! Били н'аӈн'а омолгйн Д'угирманд'а митпэ эрйксэвэт орухуйнәд'э эмэчә, бадаӈа, униӯн д'уӡимуна эмэттэн. Сōт тургэнд'и илан тоӈорикталкāн гидави чаварйхикал, авахйл атаманматін сōн'иӈ Сумуйонд'ово кумулēнэл гидалд'ивар тікимкәӡэт. Кēйивчāлйт-тā митпэ мулāнді мата эмэчә. Эрйксэлбэт син орухуйд'иӈән, сōт тургэнд'и эмэмэлчэкэл, — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр бәйәл, гидалбар чаварйхиниксāл, сōн'иӈ Сумуйонд'ово тәрйнӈйд'ин тікчэрэ. Авахй омолгйн овургу нуӈартін гидалбатін хоколмйгда дайвахинтіран, мәрнэтін бичә ахакталйāттан. Аӈардас охйкталкāн иктэтпи кэӈихиннэ-кэӈихиннэ сордōлдон. Н'йдәӡӯ мата, ділкән ōксā, суптіран, акйнаӡӯ-мата, киратта эхй кувулуйда ōксā, кēйан энэ суптіра, тāдӯ коӈул-боско

тіравран. Тāрā ичаксə, ар Д'уђирманд'а дікəнчад'арӣ ирактəӈӈи, илə мəнин одāви уӈкурус-кōлахис н'экаксə хəтакəнд'əнə, чаӈилган тікнађачинин бутарийӣхинчавкāнан. Авахӣ омолгилāн ихиксā, ичəнан — айӣ бəйəвəн, умускəкӣ гарадāксā, каӈтірəдукин каӈӣд'əрəн. Эр Д'уђирманд'а тікӯлнави сōдӯн д'ӯр чавургайдукин сēрə тођо д'анӯран, д'ӯр д'āн чараткӣдукин буйуксу сəксə хəкихинчəрəн. Эр амардукин тікəн гуннə турəчӣ ōд'аран:

Кӣда-кӣда, килāд'ий! — Хəргӯ буђа авахӣлин атамантін илан кирӣлкāн сōн'иӈ Сумуйōнд'о, ноноптін дōмдӯн-дā бимӣ дорово биђин! Минəвə «иргит тəкəлкəн-сəксəлкəн мата əмəнді?» гӯнəкин, — н'аӈн'а омолгӣн Д'уђирманд'а гунəрӣ мата би əмəм. Ёкӯн сōва буруйва ōчāл аӈад'акāр куӈакāрва аӈардасті атађастāд'анді, əмӯкинд'и əрəйдəд'əнді? Илан тоӈурук анӈанӣдӯ кāйчана муӈнāнас «ёкӯнма айд'иӈāн?» гуннə тавадук тухандāви д'əвунді? Умӯксəчӣ улдəчӣ, баран куӈичӣ би əмəм. Кēймӣ, минə д'əпмӣ айд'иӈāс, эксə кēйда дəрəс-кӯ салд'ад'ан? Д'ӯкрə-дə əд'əлӣвəр кēйда əхӣл əтəрə охос-н'ођой матал бакалдірап бид'иӈəн. Бӣ синəвə вāмӣ əтəд'иӈəв, битəр вāвмӣ əтəд'иӈəв! Сӣ соруйан гəрбӣлəс горо буђадук əмəм, ичəврӣ буруйилбас улдəлкəн-сəксəдукис кōталāд'иӈāв. Эмəӈəт бимӣ əмəкəл, мучӯӈāт бимӣ мучӯкал! — гуниттəн əр бəйə.

Авахӣ омолгӣн бихəмдə «бəйə турəттəн», гуннə əчə-кəт ичəхинə, бəйəӈӈи кəӈӣмӣ-н'ун кəӈӣд'əрəн. Эр Д'угирманд'а: «Д'орсо əхӣчӣ āн'н'а ађина», гуниксə, сēнин тəкəмəдӯн иктəд'əрəн. Авахӣӈин д'ирип н'əкəд'əрəн. Тар н'əкəксə, авахӣ омолгӣн тікəн гуннə турəчӣ—сəхəчӣ ōд'аран:

Киримəнд'ə, киримəнд'ə! — Угӯ буђаду оскēчə н'аӈн'а омолгӣн Д'угирманд'а гунмурӣ мата мəнді мəнд'ивӣ əмəнді дō? Дōмдӯн-дā доровойо д'авакал! Минəвə «иргӣт тəкəлкəн-сəксəлкəн сōӈку букатір бихинді?» гӯнəкис, хəргӯ буђадӯ балдічā авахӣл атамантін илан кирӣлкāн Сумуйōнд'о бӣ биӈнəм. Айӣ бəйəлдукин айакāн улдəчӣйə, мухəлкəнə гəлəктəнə əмəчəв. Ката сӣ мəнд'иви əмəнəс ёдӯ урувситəрəн! Эр-ті əхӣт кəӈтірəс уӈуктавāн, уп'акан-д'иви урӣхиниксā, мёванмас-хāкинмас хəкухӣдӯн д'əвухинд'иӈəв, — гунд'əрəн.

Тар амардукин нуӈартін бихəмдə тəрəӈкəкӣ букталӣкāн бойундāхилда, коӈнорин улдə колтолд'ивар сēн сēнмар тəкəмəдӯн иктəлдінəл кухӣлд'əкəттə. Колтолтін иӈитін н'аӈн'алā доргуйӣлдан, тіӈилəкитін иђин дундəлə н'иргийӣлдəн. Маӈа дундəдӯ хəнӈəкəлӣвəр бадарāннāнал, дуйу дундəдӯ ерчəкəлӣвəр бадарāннāнал, н'āликин мōва н'илбураӈар, бучукин мōва бугдараӈар ийəдəктəмəтнəл бойундāсчара-əвит арай. Эр буђадӯ кира бəйӈəвə бутунну кийдāра, хəгдіӈə бəйӈəлбə хуӈтул буђалдулā хəтəкəнмукəнə, улукӣл улгəхəлтін урəлдулӣ, биралдулӣ уӈкулбурə, мундукāн, гукӣт бəйӈəл мойōлӣкāн хəтəкəнə, əхə-бəйӈəл ләппəлӣкəн хəтəкəнə, анамул-тōкӣл алчалӣкāн умутōгихинə. Эр буђадӯ хəгдіӈə бойун бəйə āчин бивкӣ-əвит, нуӈартін-н'ун д'ӯкрə сōӈкул тувəстə. Тарит

кōлорйдӯ коловурйа ӑчин ороскōтпа ōд'ара, ичəрйдӯ əхй сатана ёдəнмə иливра, уд'аксӑ, əхй боконмура суксакāва ōра. Нуӈартін əрчимдӯтін əрӯ бумӯтə бəйə əчə тулуйда, мōва бимй букатін мойоӈонмукāна, балдірй чукава бутуннӯ кагдаритта, оскēрй сōхувə мучӯвкāна, балдірй куӈакāнма маӈинмāнмукāра. Эр бəйəл кухйлнəтін илан бēӈа йəӈин-д'āн долбонйн иӈитчи д'алуптан, тар устадӯн əнəл токторо кухйд'əрə-əвит. Авгӯ-дā əнəл молтēрə д'урсу сōт ивəӈирнəл кухйлдə. Тāдӯ сōӈур суксака ōран, баралдан. Нуӈартін иӈитін илан Сивирдӯ бутуннудӯн дōлдівран, хəргӯ буӈа атамартін кантайнал ичəчивкйл ōра, уӈӯ буӈа бойухалтін н'əӈйтнəл ичəчивкйл ōра, «дōлдірйл бичēл бихиктін, нуврйду əлəкин ōран», гуннəл, əмəнəл-əмəнəл, турēн дōлдіврйн дундəлē əр даӈамаӈāтпар кēйан əхи йрə. Эр сигділēдӯн н'уӈун бēӈа долбонйн д'алупран, əр устадӯн мултēд'иӈēдук əрəӈəмə əӈēхйлдə, əр бойухал ēкӯнма-дā əд'əлдə сулара.

Эр суксакāва дōлдіксā, уӈӯ буӈадӯ балдічā горо буӈа кулувāн, улӯ гōрат кинēхин, əвəӈкй иракт аӈин, əмəксē, нуӈардуктін айа турēнд'ивй алтатна нувчад'аран:

— Чахыр-чахыр, чахырмой! Уӈӯ буӈа бойунин н'аӈ'а омолгйн Д'уӈирманд'а гунмурй мата, доӈдоли доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биӈин, амаргӯптін улгур биӈин! Минəвə «иргйт тəкēлкəн-сēксəлкēн мата əмəнді?» гӯнəкис, — угӯ буӈадӯ балдічā горо буӈа кулувāн, улӯ гōрат кинəхин, əвəнкй иракт аӈин бй ōдам. «Ēкӯн нāдадӯ əмəнді?» гӯнəкис, — сундулē соруйан улгучēмēчимдəк əмəм. Токтокол-болгойкол, улгурвəв дōлдікал! Эр авахй атаманн'унин д'ӯр сōӈку, бакалдіксāл, н'уӈун д'āн долбонйдӯ əнəл токторо кухйрəс. Эр буӈадӯ аксанин əхй сāвра суксака ōран, д'ə тарит бй турēнмəв дōлдікалдӯ! Эхикис дōлдіра əр тукалабуӈа иччин əтēн дəгдəрə. Нуӈан тікӯлдакин, ēмй-кат уха бидиӈəн. Сукснавар буруйбар мəрдун əтəс дəгдəрə. Д'ə тарит ēмйкат əтəкəлду, — гунд'əрəн.

Эр амардукин бойундāссарйл бəйəл «бəйə турēттəн», гуннəл «ēй-дē», əчēл гӯнə, «сōху турēттəн», гуннə «хəй-дē» əчēл гӯнə, д'орсо тікӯлда, д'орсо əӈəхйлдə.

Тар амардукин н'āн умун ахāткāн-куӈакāн турəлкēн ōд'аран:

— Д'əлēӈəй-д'əлēӈəй! — Уӈӯ буӈа бойунин н'аӈ'а омолгйн Д'угирманд'а, хəргӯ буӈа бойунин илан кирйлкāн сōн'иӈ Сумуйōнд'о, токтоколду-болгойколду, доровойо д'авакалду! Минəвə «иргйт тəкəлкəн-сēксəлкēн ахāткāн əмəнді?» гунəксун, ділачā хунāд'ин томкодікāн ӯд'ачй ōвāнді килāма н'ӯриктəлкəн Килāд'ийкилйвлиткāн ōдам. «Ēкӯн кихалгадӯн əр буӈалā əмəнді?» гӯнəксун, — сунəвə нувчадāвй əмəчēв, «дōлдід'иӈāтін», гӯннə. Мəрдундā сāкалду горо буӈа кулувāн, кōрат кинēхин, əвəнкй иракт аӈин ахйн биӈнəм. Тарит ōн-дā бй турēнмəв дōлдіраксун, сатанд'иӈан. Эмй дōлдіра, əрəйихун мəрдун сāспахун сарбийд'иӈāн, уйəвəхун урумӯрд'иӈəн, оскēрй сōхухун мучӯд'иӈāн балдірй хутəхун бучувд'иӈāн. Токтоколду-болгойколду! Бй турəндув əхиксун дōл-

діра, ділачā хэгдэђӯ хунāд'ин Симэксин атіркāн эмэд'иӈэн. Ōн ђуруйдāрйви д'э мēнин сāран. Эмэмй, нуӈан буруйдāракин, бй гурēндӯв энэвэр дōлдіра, сотору кэмсинд'иӈэхун, — гунд'эрэн.

Эр бэйэл д'э букатін тікӯлда. Солочйл бичэл бимйл нувчачāл бэйэл ойолōтін тікӈэтіл бичэл. Мэртін тэрэӈ сōӈку бойухал бакалдіксāл, мэн мэнмэр астастідӯвар ōксāл эмēнмурэ. Эр нувчачāл бэйэл: «Ёд'акалду-дā!» — гӯнэ-дэ, иларāкāн колэхийиксэл, д'ӯр гаха ōксāл, килбалāнчад'ахина.

Тар амардукин эр бэйэл илан бēђа долбонйдӯн иђиччи энэл токторо йэђин д'āлдадӯ кухйд'эрэ. Тар амарлāн д'э били ділачā хэгдэђӯ хуӈāд'ин Симэксин-атіркāн, чэлкэ н'ӯриктэлкэн сагді атіркāн лэглэлēнчэнэ эмэрэн. Дађалāтін ихиксā, чэкчэкэн ойодӯн тэђэрэн, тікэн гуннэ турēчй ōд'аран:

— Н'имидэрйкō-н'имидэрйкō! — Хэргӯ буђа бойунин сōн'иӈ Сумуйонд'о, уђӯ буђа бойунин н'аӈн'а омолгйн Д'уђирманд'а, доровойо давакалду! Бй тунӈа турēндукив умӯкōнмо уйдēкэлду, д'ан турēндукив тунӈавāн толкуйдāнкалду, ахӯн-дā сōӈкул бойухал бимйл эӈэхйвэр экэлду тиссимэттэ. Д'ӯрдук гē, сō-дā ōксāл, эр йэђин д'ан долбонйдӯ ōнавар ороскōтпа син этэс д'алувра. Д'ӯр мэнмэр д'улēвэр экэлду хэгдіӈэдӯ нэрэ, илан Сивир-сиктірдӯн балдірй мōва-чукава, иргирй хутэвэ, оскēттī сōхувэ мулāкалду! Сӯ эрчимдӯхун барāн суксака ōран, ӈэлумухйн мэрдӯхун сōма ургэлд'иӈэн. Эр кордохӯвэв эхиксун илина, бӯ суксанахун дундэӈн'ундӯн умӯн ōксā, эр суксанавар кэмсиндід'ихун буруйдāд'иӈāвун. Энэл-дэ дōлдіра коловурдāкалду! «Ёва гунчэн?» гунд'эс, миндук эдēвэр коргутта, мэрдукпэр коргуттāвар, — гунд'эрэн.

«Бэйэ турэттэн», гуннэл «ē!» эчэ гӯнэ, сōху турэттэн гуннэл «Хэй-дэ!» эчэл гунэ кухйнэђэчинмэр сōђур кухйд'эрэ. Нуӈартін бихэмдэ ōкин-да эхймэтпэр оскуйда тікӯлчāл. Ōн-дā нувчачāлйтін элчэл дōлдіра, ӈйдӯ-дэ элчэл кēйивра. Эрэ ичэксэ, Симэксин-атіркāн: «Нуӈарватін кēйдіва бакарйду элэкин ōчā, таваргачйн нуӈартін ділйа-халгана āчин сурумй илан Сибир-сиктірдӯн ēва-дā эӈэтіл сулара ōда», гуннэ дундэ иччидӯн тікэн гуннэ иччилэк турэнмй уӈд'эрэн-эвит:

— Н'имидэрйкō-н'имидэрйкō! — Дулин буђа иччин йдӯ-йдӯ биркэс? Би иччилэк турэнмэв иргэлēви иктэвд'экэл, дōлāви дōлдікал, сēндӯви силдікал! Илан Сибир-сиктірин суксакан сōма барāн ōран, ēкӯн-дā эӈэтін дэгдэрэ ӈэлумухйвэн ōра. «Эр ēкӯн суксакан ōран?» гӯӈэкис, — «эр тэмтэргэнмэ ӈй, эмэксэкэн, улгурйкэн улгӯриндi?» гӯнэкис, — ділача хунāд'ин Симэксин-атіркāн биӈнэм. Нуӈарватін арāхинай айа турэнд'иви алтāчитмй ухōм-дэ эчэл дōлдіра. Тарит арай дундэр эн'й иччин, мэнд'ивй йлй-вэл сиђйхиниксā, нуӈарватін д'ӯллēрйдӯн элэкин ōран. Балдірй куӈакāнма мойођонмукāна, оскēрй сōхувэ кэђиннэрдэ, балдірй чукавамōва кагдаритта, энӯнділ куӈакāр эхинэ, бутэк сагділ будэ. Эрбэн суксака ēмй-кат ичэмй сатанді ōран. Тарит дундэ иччин,

мəндı мəнд'ивӣ о̄кса̄, дулин бубавӣ йли-вəл то̄хо̄кса̄, тохуйкал! Нуңарватıн до̄дӯви д'авакал, мəндı до̄дӯви д'ə ичəкəл! Буруйватıн бӣ нуңн'ид'иңəв: бойунда̄хилнатıн тоҕурук анңанӣ о̄ран, тар устадӯн əнəл токторо кухӣрə. Та̄дӯ əнəл тулуйда бара̄н ороско̄т йӯрəн. Тарит илан тоҕурук анңанидӯ сӣ д'авакал! «Айидук ңӣ əр ороско̄тпа о̄ран?» гӯнəкис, н'аңн'а омолгӣн Д'угирманд'а гунəрӣ о̄ран, тарит нуңанма̄н нəрӣдӯ əлəкин. Бəйəвə дıхӯчиксə, əңəхӣн-н'ун əрчимун əр суксакадӯ ороско̄ттаннан бихӣд'ин əмəрӣ-сурурӣ, дəгрӣ дəктıлə̄лкəн, хуктıрӣ халгалка̄н, со̄худукин ураңкайла̄н ихираҕар əмəнəл-сурунул д'əвгə̄вə д'əпкӣт дундəңитıн, дıҕин кирӣлка̄н багдарин мəңун остол о̄кса̄ка̄н, илан анңанӣ устадӯн тəҕəттəкин, нуңан о̄нан ороско̄тıн та̄дӯ д'алупчиҕа̄н, е̄кӯн дурукин иргивд'иңəн, илан анңанӣ устадӯн оскəд'иңəн, мə̄нин айат дəрумкӣд'иңəн.

Турулуйа то̄кун, хəргӯ буҕа авахӣн илан кирӣлка̄н со̄н'иң Сумуйонд'о хəргӯ буҕадӯви о̄кин балдıран-да̄ айӣ бəйəлбə̄н аңардастı̄ атаҕаста̄на, инəңӣ бəйəлбə̄н кəлтəччи тıрə̄нə, е̄кӯн-да̄ д'угӯйə а̄чин ңə̄лумухӣвə о̄ран. Эхӣткə̄птı-дə̄ кухӣндӯви илан Сивирдук баранма суксаран. «Тар ча̄ҕида̄лӣн йəҕин д'а̄н йəҕин букатı̄рва д'əпчə̄в», гуннə мə̄нин кихиргē̄ттəн. Аңардас бəйəн тарба̄ о̄ча̄ла̄н кира əхӣ са̄вра суксакава о̄нан ахӯн бихӣдӯн əлəкин! Та̄рит нуңан, йəҕин то̄ҕурук анңанидӯ е̄лдаңкӣ мугдəкə̄н о̄кса̄ка̄н, илитчаҕин! Эмəрӣ-сурурӣ, дəгрӣ-хуктıрӣ — дурукин амуптı̄нинчикə̄птı̄нин о̄кса̄, иличиҕин! Е̄лдаңкӣ мугдəкə̄н, тəкə̄нduлӣн тоҕо кигд'икакса̄ томкодı̄ка̄ндук тулуйна илитчаңнаран, таргачин иличиҕин! Тара̄ əкəлду сулдулӣра — ңə̄лумухӣви əнə боро̄ста̄ра буд'иңə̄н—мунд'иңə̄н. Йəҕин анңанӣн д'алупракин, аңардас хорилдıнн'ун д'аланд'ин, суму-н'ун тарахад'ин уңдə̄вə̄т. Мə̄нин е̄кӯнма кē̄ймu̅ бəйə о̄ҕин, əмӣ, əҕин, — гунд'əрəн.

Эр Симəксин-атıрка̄н, тıкə̄ гуниксə̄, уҕӯ буҕаткā̄кӣви, багдарин дəҕӣткə̄н о̄кса̄, килбала̄нд'ахинан. Бойунда̄счарӣ бəйəл е̄ва-да̄ əнəл д'ӯллē̄рə тıкӯлнавар бихəмдə мə̄н мə̄нмəр улдəлкə̄н сə̄ксəдукпəр ко̄тала̄ма̄тнал е̄дук-та̄ ивəңнə̄кит-əрчимнə̄кит, д'ə айат тəнийнəл, д'ə букатıн əрдıйиксə̄л, букталдıка̄н иктəлдı̄д'əрə.

Эр н'əкəд'əрəктıн дулин буҕа умнə̄кə̄чə̄н агдıҕачин н'ирилə̄хинчəрəн, чаҕилганңачин доргуйдан, коллоруккачин куҕуна̄ран, дулӣа̄ка̄клu̅ви дəлпəрəҕəр сурурун. Эр бойухал калтака ңа̄лан'унтıн дəрəлтıн калтакан—н'ун дундəдук тохо̄чалда. Та̄ду нуңартıн дундə хирихиктəдӯн «лапкувдап», гуннə əнəл кихана, калтака ңа̄лалд'ивар дəрəлбəр калтакава̄н колтума̄тнал-охӣма̄тнал, чово-ко̄тмо̄тнол кухӣд'əрə-əвит арай. Эр н'əкəд'əрəктıн дундəдӯ лапкувуксā̄л, д'ə букатıн кихийиксā̄л, аварнал-аварнал кухӣд'əрəктıн, тıңилəкитıн бимӣ тəвинчə̄литıн əхӣ кəдəлд'ийимкəрə, хəкихинчə̄литıн əхӣ оңкургара е̄дук-кат айа китeмə дундə о̄хинчаран. Дундəңитıн бичə̄ д'ə е̄дук-кат айа о̄хинчаран, д'ə та̄дӯ д'ə айат кухилдə, д'ə айат əрдıйдə, «тарбаккар сə̄ксəвə̄н д'ə таргатıрдакпут, тıңилəккəр сə̄ксəвə̄н д'ə тəнитıрдəкпут, е̄кӯн айан дундəн əмəр-

дəҕəй», — гуннəл д'ə айат кухйлд' əрə. Тар н'əкəд'əнəл о̄н-да̄ о̄навар əчəл са̄ра — умӯнтəҕил хактıрахӣ буҕала̄ тıкрə. Ӈӣ ӈйвə-кəт са̄на əчə бурастıла̄ста-кат, е̄ра-кат. Эр бəйəл йлй-кəт əмəрйтıнсурурйтıн əхин са̄вра.

Эр амардукин били мит бəйəӈит илан Сибирд ситəрӣ гəрбйлкəн дулин буҕа Коколдоко̄нин били сипкитча̄кки дундəдук Д'уҕирманд'ави буҕатка̄кйн багдарин чивка̄ча̄н о̄ран-да̄ уҕискəкӣ хуркуд'ухинəн. Эркəн-дə, тарка̄н-да̄ ӈəнəвкəнмӣ-н'ун ӈəнəвкəнд'əрдəҕə — горо-до̄ буҕава əмəчəл бичəл-əвит. Эр бəйəткəн: «Бӣ баҕас, так-да̄ бодоксо̄, та̄к хуклəм», гуннə-гуннə, гирамдалка̄н сумун н'умукаланна-н'умукаланна айанна̄д'ардаҕа. Нуӈан бихəмдə удад'иҕан ба̄ра до̄? Д'уҕирманд'а бойун оскē д'əк буҕан о̄кин-да̄ əчйн хокоргоро чутурйн чукалка̄н буҕан чурйтıка̄н ичəвулдəн. Эр буҕа ичəвулд'əрəкин, турəн-сəхəн до̄лдıвд'аран-əвит. Эрə чуҕус н'əкəксə, əр бəйə бихəмдə до̄лчӯд'аран, əр до̄лдīнан тıкəн гунд'əрəн:

— Геро̄-геро̄, геро̄ка̄нин! — Соӈомо̄-сорулби, тıкӯн'ē-вал биргəлби! Хəргӯ буҕа авахин атаманин дıҕин кирйлка̄н Сəвəйəнд'ə, əмӯкин бид'əрəкив əмəксə, сордо̄д'орйва̄н ичəрəс, əчəлдун? Билидə бəйəӈкумəл бəйəл кайатıн-да̄ əлчəл əмəрə бо̄лла, горо̄-горо̄, горовон'ун! Эр минəвə илан сала̄лка̄н ирəктəдӯ ка̄йчалнан умӯн бē ҕа долбонйн иҕиччи д'алупран. Били бəйəл д'ӯрдук гē-вал, иччилəк турəнмəв до̄лдıкса̄л, орухуйивкйл бихиктıн, ахӯн бимчə! Онəй-тӯнуй соӈомо̄ сорйв, тıкӯн'ē биргəв! — гунд'əрəн.

Тар амардукин дулин буҕа Коколдоко̄нин: «Д'ə бӣ əхйткəн ихикса̄ка̄н, д'ə коловурдастı бəйə о̄рдаҕим», — гуннə со̄мат утакса̄, айанна̄д'аран-əвит арай. Багдарин дəҕйткəн о̄кса̄, кӣҕина̄ка̄тнакирила̄ка̄тна илара̄ка̄н пəрйхинəн, илан нулгӣ тоҕурумчəлкəн алтама бо̄лак əвгӯ мудандӯн ко̄пка̄н до̄хинчаран. Илара̄ка̄н уӈкурус-таралис н'əкəрəн, Коколдоко̄н илə мəнин о̄хинчаран-да̄ тıкəн гуннə турəчй-сəхəчӣ о̄д'аран:

Киӈгир-киӈгир, кингирмо̄й! — Хəргӯ буҕа авахйлин атамантıн дıҕин кирйлка̄н Сəвəйəнд'ə, доӈдолима доровойо д'авакал! Минəвə иргйт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата əмəндı?» гӯнəкис, дулин буҕа Иркисмəнд'əн амйлка̄н, Куккумача̄н-килйвли əн'йлкəн, илан Сивир-сиктıрдӯн ситəрӣ гəрбйлкəн дулин буҕа Коколдоко̄нин, айй букатıрин бӣ биӈнəм. Тəрəӈӈӣ бакакса̄, тарбакки сəксəвəн əнə таргатта, тıӈилəкки сəксəвəн ситə əнə тəниттə, илан Сибирсиктıрвəн ситəрӣ кəрийнə гиркуд'арӣ мата бӣ əмəм. Сумуви əлчə кē йда бахикис, со̄ниӈ сумувəс сунӈйрӣ мататкан бӣ əмəм. Тавар аха̄тка̄н-куӈака̄нма, илитна чикəндı о̄кса̄, ама о̄н əтəндı кē йда? «Со̄ биктə» гӯннə кайчад'андı до̄? Е̄дӯ тıкӯн'йтаран, тıкӯн'ē-дəлбəн'ē биргə! Бӣ биӈəхйдӯв ахйн'ун бойундāссиӈа̄с до̄? Бойундаскйт бо̄лакла̄ əмəмəлчəкəл! Ва̄ма̄ттıл бимйл, ба̄ма̄тıлчаҕа̄т, д'əпмəттıл бимйл, д'əпмəтıлчəҕəт! Со̄т тургəнд'и əмəксə, бо̄лак ча̄ҕӯ мудандӯн илмалчакал! Би мəчиккəв амӈатпи тəвəкəл! — гунд'əрəн.

Тар амардукин чāӈӯ бэйэ, дiӈин кирилкāн Сэвэйэнд'э, Коколдокōнмо ичэхинэн: «Ха—ха—хōк!» гуннэ ин'эрэн, тар амардукин тiкэн гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Киримэнд'э, киримэнд'э. — Ō, татай! Ō, татай! Тавар-дā бинэ турэнин ēду-ēду човōтаран! Бӣ дēтэк бэйэвэ утарӣ ичэтчэнэ эр турэтчэрӣвэн ававāн ичэрэс, эчэлдун? Бэйи, эхӣткэн бӣ, ихиксā, ичэдэвэс ичэд'иӈэв! «Умӯн-дō иктэдӯви тэтувд'иӈэви, эхим гӯнэ «сӣ-дэ мэчикис ēкӯн сōн бид'эн? Гарадāмкāкал даӈанӣ. Ката мōнмэс мэчикид'ис н'амчураӈар гарадāд'иӈāв», — гуннэ-гуннэ эмэрэн-дэ бōлак чāӈӯ мудандӯн илдан.

Тар амардукин били мит бэйэӈит кинниви Д'уӈирманд'а мэчиккэн, н'амā д'āн бутiлкāн чуӈӯма мэчиккэн копкороӈор тāнандā: «Амӈатпӣ тэвэкэл!» гунчэв-дэ, «амӈатпи тэвэкэл!» — гуннэйэ гарадāд'ардаӈа. Мэчик агдiӈачин н'иргийнэ, чаӈилганӈачин доргуйна сурурун. Койгō сэлэлгэчинин иктэнд'элд'иви авахӣ букатiрин лапкāн тэвэксōрэн амӈатпи, «хā-хā-хāк!» — гунэн. Тiкэн турэчӣ ōд'аран:

— Киримэнд'э-киримэнд'э. — Дулин буӈа Коколдокōнин, сӣ мэчикис ēдӯ-ēдӯ эн'умтэрэн, сэнēс ēдӯ āчинтāран! Кэ, би-кэнэ синэвэ гарадāкта, минӈэчин амӈатпӣ тэвэкэл, тэд'э сōвас сāдāв! — гунд'эрэн-эвит арай.

Мит бэйэӈит, эрэ дōлдiксā, тiкэн гуннэ турэчӣ ōд'ардаӈа:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! Тавар мэчиккэ тэвэксэ, этэм», гунинді дō? Эдук хуӈту умӯн эвӣн бихин, д'ӯр д'апкун ōвāтiлкāн алаӈāтпи гарпамкāкта. Тадук адаӈамӣ, тэд'э сōӈку мата бид'иӈэс. Таду биханмӣ, сӣ н'āн мэчикилкэн алаӈāт сирэт ӈэнэдэдэви.

Инэӈӣвэ ичэхинчэдукки аргистанді гиркӣв, д'ӯр д'апкун ōвāтiлкāн алаӈāнд'ав, иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, дōлāви дōлдiкал, сēндӯви силдiкал! Бӣ илан Сивир-сиктiрвэн ситэрӣ гиркуна д'ӯр халгалкāнма энэ суптiвра, тiӈэлкэндук энэ тiктэ, д'алалкāндук энэ судурдэ гиркуксā, д'ӯва тэриниксэ, сōхувэ иргирӣ, хутэвэ вāлдiврӣ ийакилкāн бихикив, чугундук-тā экэл чугуйда, иӈадук-тā экэл тэйдэ, авахӣл атамантiн ēкӯн-мал мухэйэн тонӈороӈор ӈэнэкэл! — гунд'эрэн.

Тiкэн гуниксэ, чāӈӯ сēмактӯви тāниксā, хуруӈучōнин урэхинчэрэн, чимиткӣткāнин чипчихинчаран, бэрин иӈин сатарийдан, н'урин куӈунāхинчаран. Тар д'улэдӯн авахӣ омолгӣн ēкундук-тā баканавāн ӈӣ-дэ эчэ сāра — чуӈума урэ чāӈидāлāн тiкчэ. Эр бэйэткэн н'урин чуӈундук эчэ чуӈуйда, иӈадук эчэ тэйдэ, авахӣ хэмэдӯн чуӈума урэвэ чолпороӈор суруд'урун. Авахӣ омолгӣн тарā ичэксэ, адаӈад'аракин, ōрухуйнэ эмэксэ, хэнӈэнмэн дэлпэрэӈэр нāран. «Ō, татат!» — гуниксэ, тiкэн гуннэ турэчӣ ōд'аран:

— Киримэнд'э-киримэнд'э! — Энō-вэн'ун энō, гирамō-вэн'ун гирамō! Эр дулин буӈа бойунин Коколдокōн кувулгат, олихин-дā олихин били хэргӯ буӈа авахӣн атаманмāн, би акӣнмав Сэлэргун

Сэвэйэнд'эвэ ва̄лтача̄, гуниӈкитін. Эр-кэ, эр-кэ ӣлӣ н'урин эмэксэ̄, карэ̄н мула̄н'э̄ хэнӈэнмэв дэлпэлӣрэн? Тікӯн'э̄-вал биргэв, соӈомо̄-вал сорӣв! Сатар бэйэ д'алдун гирамдатпи-ҕӯ хэгдіӈэ̄кэ̄н, хан'ачӣ бимӣ, н'экэд'эҕин, сэӈкирэ̄дук эхӣ ичэврэ бинэ, ё̄кӯді-да̄ букатірдук иччилэк эӈэхӣ бойун-эвит! Тар-да̄ бичэ̄лӣн энэ эҕин д'ухун о̄ра илэ мэ̄нд'иви эмэкэл! Илэ мэ̄нд'иви кэ̄йдакис, мэ̄ндӯс-тэ̄ астік бид'иӈэ̄н, миндӯ-да̄ астік бид'иӈэ̄н.

Эр Коколдоко̄н ин'эмӯннэнэкэ̄н авахиткākӣви туксана бойболо̄нчорон. Эмэрэн-дэ̄ сэ̄нин тэкэ̄мэдӯн колторон. Авахӣ сордо̄к илара̄ка̄н пэрӣхинчэрэн. Тар амардукин тэрэ̄ӈкэкӣ букталӣма иктэлдінэл кухӣлд'экэ̄ттэ-дэ̄. Мит бэйэӈит авахӣ омолгӣва̄н букатін олгокин дундэвэ дайба̄вчад'аран. Авахӣ омолгӣн сордо̄к «мит бэйэӈӈэт уҕискӣ адаҕаран", гунчэнэн, хэргӣд'ин эмэксэ̄, хэкихинӣттэн, «хэргискӣ адагаран», гунчэнэн — уҕӣлэ̄ о̄ттан, «анӈида̄ла̄ о̄ттан», гунчэнэн, — д'эҕинӈӣд'ин эмэксэ̄, иктэттэн. «Д'эҕинтікӣ о̄ран», гунчэнэн — анӈӣд'ин эмэксэ̄, иктэттэн. Коколдоко̄н гунмурӣ бойука̄н ахунчара-кат энэ авахӣ омолгӣва̄н иктэрӣклэви ё̄дэтчэрэн, хэкихиндіклэ̄ви кэвирэтчэрэн. Авахӣ омолгӣн эмӈэ кэӈтірэ̄н тіӣэ̄лдэн, ӈо̄нум д'алин урумӯлдэн, будэрӣӈин инэӈӣӈин эмэрэн. Тарба̄ н'экэксэ̄ тэрэ̄вкэ̄нд'иӈэ̄н до̄ — доӈото тукалава надан сахамактӯ ливгэрэҕэр гарада̄ран. Діҕин ӈа̄ла д'эйэчӣ котоко̄нд'иви кавкава̄н коӈдороҕор та̄нан.

Авахӣ омолгӣн тікэ̄н гуниэ турэ̄чӣ о̄д'аран:

— Киримэнд'э-киримэнд'э̄! — Соӈомо-вол сорулби! Ӈӣ, буксэ̄, ариксā, буді ухава̄н сā̄д'ан? Будітін-да̄ со̄-да̄ ургэ бивкӣ-эвит. Дулин буҕа Коколдоко̄нин, эхиткэ̄н коӈул-боско хулэ̄птэнмэв хувкэ̄тнэ, колумтанмав уркӯкāтна так боско атаҕаста̄нді! Тар-да̄ бичэ̄лӣн минэвэ илара̄ка̄н ва̄мӣ, «ва̄м», гундэ̄ви. Омолгӣча̄н хутэс лукӣкэнд'и эвӣд'эрэкин, хуна̄т хутэс киптіӣичӣ о̄д'аракин эмэд'иӈэв, та̄дӯ айат кухӣд'иӈэ̄т, «кэ̄йим», гуннэ экэл со̄катта. Буралийа бурасті биҕин! гунд'эрэн.

Эр Коколдоко̄н бихэмдэ авахӣ атаманма̄н сэлэмэ гирамдава̄н уҕӯ буҕа д'олӯҕин итэҕэстӯн д'ариста̄рдаҕа, мухэн гирамдава̄н мо̄ра урускалӣн итэҕэстӯн умӣвка̄чирдаҕа. Эр амардукин, били д'учӣл бэйэӈӣлдулэ̄ви эмэксэ̄, тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'аран:

Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄й! — Солкомо н'уриктэлкэ̄н Солкондор-килиилӣ, уркэви нӣксэ̄, доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биҕин, амаргуптін улгур биҕин! Минэвэ «иргӣт тэкэлкэ̄нсэксэлкэ̄н мата эмэнді?» гӯнэкис, — илан Сивир-сиктірдӯн ситэрӣ гэрбӣлкэн дулин буҕа бойунин Коколдоко̄н, гуннэ, эмэм. «Н'аӈн'а омолгӣн Д'угирманд'а о̄н гиркуд'аран?» гӯнэкис, — авахӣл атаман'н'унтін, бойунда̄хиксā, авгӯ-да̄ энэл кэ̄йилдіра илан анӈанӣдӯ дундэ иччидӯн та̄нмуксāл, эмэ̄нмурэ. Д'угирманд'а-букатір эдук д'ӯр анӈанӣлӣ эмэд'иӈэ̄н, бӣ, тардала̄н буҕала̄ви н'экэйэ̄ксэ̄ эмэмчэ̄в. Эдӯ ё̄кунма-да̄ н'экэрӣв а̄чин, тарит бойун бэйэ д'эптін д'эвгэ̄йэ бэлэннэ̄кэл, умнэ̄ эвэ̄ттэ̄никсэ̄, буҕала̄вӣ ӈэнэктэ, — гунд'эрэн.

Тар амардукин д'ӯчӣ ахӣ, уркэви нӣксē, йӯрэн-дē Коколдокōнмо, ӈāладукин элгэхиниксē, йврэн, били багдарин мэӈун остолби даҕадӯн тэҕэврэн. Мēнин, тулискӣ йӯксē, умӯн сӣнмавчā актави вāксā, астамалдāран, остолби тāниксā, ороходōрон. Эр бэйэткēн эмэчē бэйэ бихӣд'ин д'эпті д'эвгēви д'эвд'эрэн эвēттэд'эрэн.

Эр амардукин эргӣт-таргӣт коӈнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул баралд'ара, хуларир туксул хуктıктэлдэ, ичэхинд'иӈē эвгидēлйн эдін-эдін эмэрэн, тıгдэ-тıгдэ тıкилдэн, имана боҕо дōдōран, коллорук боҕо тıктэн, агдı н'иргӣйдэн, чаҕилган чаҕилӣйдан. Эр эмэксē, илтэнэн, эр амардукин ирāс н'аӈн'ā ōран. «Д'э ēкӯн ордаҕай?» гуннэ Коколдокōн бойун тулискӣ йӯмэлчэрэн. Хэргӯ буҕаҕит, дıлачā йкйткӣд'ин д'ӯр-д'ӯр бинэл, д,ӯр авахӣ бойунин эмэд'эрэ-эвит арай. Эр эмэд'энэл тıкēн гуннэ турēчӣ-сэхэчӣ ōд'ардаҕа д'улгӯ бэйэ:

— Лавир-лавир, лавирдō! — Угӯ буҕа бойунин н'аӈн'а омолгӣн Д'уҕирманд'а, уркэви нӣксē, доӈдолӣма доровойо д'авакал! Мунэвэ «иргӣт тэкэлкēн-сēксэлкэн мататкāр эмэрэс?» гӯнэкис, — «хэргӯ буҕа авахилин биӈнэрэв». Бӣ мэнми гэрбӣв илан д'āн илан дарикталкāн пороволōкама н'уриктэлкēн Д'эҕэ-Бāба гунмурӣ биӈнэм, нэкӯнми гэрбӣн боликāдıн бōкталкāн дундэдӯ-буҕадӯ балдıчā Бурун'н'укōн-букатıр гунмурӣ ōдан. «Ёкӯн килāвинай кихалгадӯ, д'алāвинай нāдадӯ эмэрэс?» гӯнэкис, — сӣ хунāд'ис томкодıкāн ӯд'ачӣ ōвāндı Инмэкēн-килӣвлива гадıмадӯ ганāрав. Бӯрэксун-кэт гаттав, айа-гӯ эйēт бӯттэс, уха-гӯ эйēт бӯттэс? Бӣ авгӯдӯн-кат бихим, д'албӣ сō тургэнд'и тулдулӣкēн турēткэл, улгутıкēн улгуркэл, — гунд'эрэн.

Эрē долдıксā, эхит д'ӯчӣ ахӣ, йӯксē, тıкэн гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'ардаҕа:

— Дэгрӣ-дэгрӣ, дэгрӣмōй! — Хэргӯ буҕа авахӣлин, доровойо д'авакалду! Минэ «иргӣт тэкэлкэн-сēксэлкēн ахāткāн-нуӈакāн бихиндı?» гӯнēксун, — солкомо н'уриктэлкēн Солкондор гӯнмурӣ биӈнэм. Н'аӈн'а омолгин Д'угирманд'а ахӣн бичēв. Илан д'āн илан дарикталкāн н'уриктэлкэн Д'эҕэ-Бāба, би бэйэӈмэв йду н'экэвкēниксē, эмэндı? Сӣ аймакилдı, айданма ōксāл, бэйэӈӣ сēмӈӣксē, бид'эм. Д'орсо хунāтпа гадāви эмэндı дō? Айа эйēт бид'иӈēдук, улор улдэтпи, иникин эрӣксэтпӣ, айа ēхатпи ичэрӣви илтэниксē, бид'эм. Тıкунē-тэлбēнē, биргэнд'эв билдэн! Илан Сивир-сиктıрдӯн ситэрӣ гэрбӣлкēн дулин буҕа бойунин Коколдокон кутēтıв, ир ахӯн бичэс? Нуӈарн'унтıн илдıмкэкэл, — гунд'эрэн.

Эр мит бэйэӈит дулин буҕа Коколдокōнин, эрē долдıксā, бид'эд'иӈэн? Ордāк сēксэн олуклāн эмэрэн, катай сэксэн кавкалāн эмэрэн, охок сэксэн урлōн тıкрэн, корсун сēксэн колтолдулāн истан, д'ӯр чавургайдукин сēрэ-тоҕо д'аӈӯхинчаран, д'āн чараткӣдукин буйуксу сēксэ усилӣхинчэрэн! Эр амардукин авахилба утари туксана бойболōнчорон. Бойундāхивун бōлаклā истан-дā тıкēн гуннэ турēчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄й! — Хэргӯ буӡа авахӣлин атамантін, ноноптін дорово биӡин, амаргӯптін улгур биӡин! Минэвэ «иргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н мата о̄дандіʔ» гунэксун, — дулин буӡа Иркисмэн амӣлка̄н, Куккумача̄н-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, илан Сивирдӯситэрӣ гэрбӣлкэ̄н дулин буӡа Коколдоко̄нин о̄дам. Кулд'ун кувулгат, д'ӣкэй д'ивилгэт Д'эӡэ-Ба̄ба, д'э сӣ билир ёкӯнма о̄нави са̄нді. Д'э д'ӯр ēхадӯв д'э ичэвунді. Ӈӣвэ-дэ̄ хуӈтуву экэл ичэрэ! Мит д'ӯкрэ̄ д'э мэрті бакалдірдакпут. Бӣ акӣнмав тоӡоко̄мо ёхалка̄н Чаӡилганма ёкӯн буруӣба о̄надӯн муӈнача̄сʔ Тара̄ бокончурӣв д'э о̄ран! Эхит ёма эвӣнд'и нонон бакалдід'ап: Мэчикӣэ-гӯ тэвэскэ̄тчэпʔ Алаӈалд'и-гӯ нанлӣка̄тчапʔ Нонокӣдук-кӯ коӈнорӣн улдэ колтолд'ивар коловурда̄хилд'апʔ Бӣ дуруктӯн бэлэм бихим. «Мэчикӣэ», гӯнэкис — гарада̄рӣв со̄т даӡат бихин, «алаӈат», гӯнэкис — тілбэнмуксо̄чим, «коӈнорин улдэ колтот», гӯнэкис — колтуликсо̄чим! Мэнді са̄кал, — гунд'эрэн.

Тікэ̄н гуниксэ̄, эр бэӣэткэ̄н бойунда̄хивун бо̄лактӯ ускӣтана бойбокēд'аран. Эрэ̄ до̄лдікса̄, Д'эӡэ-Ба̄ба тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'ардаӡа:

— Лавир-лавир, лавирдо̄! Дулин буӡа Иркисмэн амӣлка̄н, Куккумача̄н-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, илан Сивир-сиктірдӯн ситэрӣмэ̄ гэрбилкэ̄н Коколдоко̄н кувулгат, ӣлӣ н'а̄н эр буӡала̄ исча̄нʔ Бурун'н'ук-букатір, нэкӯн гунді нэкӯнми, д'э со̄ӈку бэӣэ̄ тувэстэн бадаӡа, сэрэнкэл-мандӯвкал, бэлэкэ̄нэ бикэл! Би суракив ухаракин илдірӣдӯс сэнēви са̄чана бикэл! Бӣ дулин буӡа Коколдоко̄н'н'унин коӈнорин улдэ колтолд'иви коловурда̄химка̄кта. Будэрӣӈив инэӈӣӈив эмэрэкин, иччилэк турэ̄нмӣ эдіндӯ уӈд'иӈэ̄в, эрӣксэвэв орухуӣдэви, — гунд'эрэн.

Тар амардукин Коколдоко̄н гунмурӣ бойундула̄, охӣкталби човолӣ бэлэннēксэ̄, амӈавӣ ирд'ахо̄кин аӈакса̄, туксад'аран-эвит арай. Эр эмэрэн-дэ̄ охӣкталка̄н иктэтпӣ тікчэрэн. Эр бэӣэткэ̄н букатін олгокин дундэвэ чаварӣвчана сор боӡово̄н сордолдон. Охӣктатпи иктэрэкин, куранакка дайбатікса̄, охӣктаба̄н д'олоддула̄ хоколмӣгда иктӯвчэрэн. Иктэтпи тікрэкин, оннугдави бӯксэ̄, ихэӡилбэ кэӈӣвчэрэн. «Эр бэӣэткэн хэргискӣ адаӡаран», гуннэн — уӡискӣ адаӡана, «уӡискӣ адаӡаран», гуннэн, — хэргискӣ адаӡана, аӈӈиник иктэрэкин, д'эӡинӈидэлэ̄ о̄ттан, д'эӡинтікӣ о̄ран", гунчэнэн, аӈӈида̄ла̄ о̄ттан. Эр Коколдоко̄н билир-билиргидук атірча̄ Д'эӡэ-Ба̄бава ахӯнчара-кат энэ эдӯ-тадӯ хэӈӈэктэлӯвчэнэ, эдӯтадӯ орондівчана, муӈна̄лд'ака̄ттан-эвит арай. Эрӣксэвэн тіссэмэтмӣ ахуӈда-да̄ эӈэт бинэ били «нонон буруӣӣчӣ бичэн», гӯннэ оӈкой буксэткэнд'ин он'ӣка̄нма̄н о̄д'аран, ӣрэ сēктака̄нд'ин сигдэвэн гивгуд'аран, сэлэмэ н'ирӣлин тохинтэлēкнэтін идакад'аран. Тар амардукин Д'эӡэ-Ба̄ба тікэн гуннэ турэ̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'аран:

Лавир-лавир, лавирдо̄н! — Соӈомо̄-вал сорулби, тікӯн'ē-вал биргэлби билдэ! «Эр уӣэдӯви тікэн кēӣивд'иӈа̄в» эчэв гунчэрэ. Дулин буӡадӯ бо̄йун-бэӣэ̄ балдівкӣ-да̄-эвит! Сатар умнэ̄-дэ̄ энэ,

иктэксē, нāвкāна эр бурдэӈим, ёдӯ-ёдӯ комолтолōкторон! Бурун'-н'ук-букатıр, нэкӯн гундı̄ нэкӯнми, ир ōн бичэс? Эрйксэвэв орухуйкэл, сōт тургэнд'и эмэкэл! — гунд'эрэн.

Турэ̄чиксē, турэ̄нин доргонин эд'элйн сэмдэ, дулин буӈа Коколдокōнин чāӈӯ бэйэ эмэрйн д'улēдӯн, кайахак доӈото тукалава илан сахамāктӯ ливгэрэгэр гарадāксā, кавкавāн каркāн тāнд'аран. Бурун'н'ук-букатıр «орухуйиктэ», гуннэ эмэнэн, Д'эӈэ-Бāбан д'ард'аман-н'ун эмукин дардалāд'аран. Эрē ичэксē, Бурун'н'ук-букатıр бойуна ичэмдэк чōпэлмигдэ ичэхиӈнэд'эрэн. Дулин буӈа Коколдокōнин, нуӈан бихэмдэ, бойундāхивун бōлак чāӈӯ мудандӯн илитчаран. Эр илитчана тıкэ̄н гуннэ турэ̄чй-сэхэчй ōд'ардаӈа:

— Киӈгир-киӈгир киӈгирмōй! — Хэргӯ буӈа авахйн, боликадıн бōкталкāн буӈадӯ балдıчā Бурун'н'ук-букатıр, ноноптıн дорово биӈин, амаргӯптıн улгур биӈин! Минэвэ «иргйт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н мататкāн эмэндı?» гӯнэкис, — дулин буӈа Иркисмэн амйлкāн, Гēван-этıркэ̄н хунāд'ин Куккумачāн-килйвли эн'йлкэ̄н, илан Сивирсиктıрдӯн ситэрйма гэрбилкэ̄н дулин буӈа Коколдокōнин биӈнэм. Ēма идэтпэр бакалдı̄д'ап: мэчикйэ-гӯ тэвэ̄счэп, алаӈалд'и-гӯ нāлмйкāсчап, коӈнорин улдэ колтотпор-гӯ коловурдāсчап? Эмэӈэт бимй, эмэкэл, суруӈōт бимй—сурукул, бй дуруктӯн бихим, — гунд'эрэн?

Чāӈӯ бэйэ тıкэ̄н гуннэ турэ̄чй сэхэчй ōд'аран:

— Гуӈир-гуӈир, гуӈирйэ̄! — Дулин буӈа бойунин Коколдокōн гунмурй айиткāн букатıр! Караӈаччидıн бинэ катан д'аличй бихиндı-эвит, чоростıн бинэ човō мата бихиндı-эвит. Минэвэ утари ичэтчэнэ, д'алис-тā ōксā, мин'н'ӯн бойундāстāви д'алдāрйс-дā бихин. Кэ, баӈар алаӈалд'ивар нāллйӈāт! Сагдı̄ бэйэ бй нонокто, — гунд'эрэн.

Тар амардукин, умӯн урэвэ тоӈороӈор тāниксā, чуӈӯма урэ ōкал», — гуниксē, д'улēдӯви нэрэн. Мит бэйэӈит āӈӈӯ сēптуккй, ман'н'ēт-карчива гамалчаксā, «мэӈумэ урэ ōкал!» — гуниксē, д'улēлēви гарадāран.

Эр мэӈумэ урэлкэ̄н чуӈӯн урэвэ чолпороӈор ӈэнэвкэниксē, Коколдокōнмо нāвкāндı̄мадӯ иткунāд'аран арай авахй омолгйн. Эр иткунāд'ана турэ̄чй ōд'аран:

— Гуӈир-гуӈир, гуӈирйэ̄! — Эрдэлēн эрйксэвэв орухуйнэ эмувчē д'ӯр йэӈин ōвāтıлкāн сэлэмэнд'э н'уринд'ав, иччилэк турэ̄нмэв инйхинкэл, чуӈундук экэл чуӈуйда, иӈадук экэл тэйдэ, д'олодук экэл д'улайда, дулин буӈа Коколдокōнмōн коӈнорйкāн хакинин дулкāкинмāн чолпороӈор ӈэнэкэл! Билиргил аӈӈанйлдӯ бй турэ̄нмэв дōлдı̄рйс-дā мэ̄ӈӈйс бичэ̄н, йэӈин д'āн йэӈин бойунма тıкивкэ̄нчэ̄т, н'амāви д'алуптı̄дӯн ама саминд'иӈāс дō? — гунд'эрэн.

Алаӈан иӈин айманан, н'урин иӈин куӈунāран. Чуӈума урэ дэлпэргэрэн. Авахй н'урин Коколдокōн хакинин дулмāкинмāн ичэтнэ тохōран. Мит бэйэӈит дулин буӈа Коколдокōнин бихэмдэ кайбас адаӈаран, илтэнд'эрй н'урба тıн'ис саӈӈакāнд'ивй лапкāн

д'аваксо̄ран. Тар амардукин әр мит бәйәӈит турә̄чӣ-сәхәчӣ о̄д'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄йӣ! — Хәргӯ буга авахилӣн атамантıн Бурун'н'ук-букатıр, «сәп сурурун», — сәрәнкәл, «ок сурурун» — оӈохункал! «Со̄ бәйәвә әнә са̄вка̄на д'әптән», гунд'иӈә̄с. «Айа бәйәвә әнә мәтәврә ва̄ран», гунд'иӈә̄с. Д'ә бӣ о̄чаратıв о̄ран, сӣ н'урбас ӈа̄латпи тәвәм, сӣ ē̄кӯнд'ивӣ тәвәчиндı? Әр бӣ гиркӣв, д'ӯр д'апкун о̄ватıлка̄н алаӈав, иччиләк турә̄нмәв инихикәл, ивәӈирнә-иләчийнә̄ суруксо̄, со̄ӈку матава ē̄кӯн-мал мухәвә̄н тонӈороӈор сурукул! — гунд'әрән.

Тар амардукин алаӈа иӈин сатарийдан, н'ур иӈин куӈуна̄ран. Н'ур д'ӯр кос урәвә чолпороӈор ӈәнәрән. Авахӣ омолгӣн, каптас н'әкәксә̄, уӈӣдә̄лӣн ӈәнәд'әрӣ н'урба сәләмәнд'ә охӣктатпи батари чаварӣхинан. Әр н'урилбар әлӣ-талӣ әлиттә, утарита туксанал әмәрә, коӈнорин улдә колтотпор коловурда̄хилда. Маӈа дундәдӯ хәнӈәклӣвәр бадара̄нна̄нал, дуйу дундәдӯ ē̄рчәклӣвәр әйәлтӯнәл, букталӣка̄н иктәлдıнәл бойунда̄счара. Әр бәйәл, илан долбонӣка̄н инәӈӣдӯ әр буӈадӯ бойунда̄хиксо̄л, мит бәйәӈит Коколдоко̄н әр бойунда̄счана толкуйда̄нд'аран бадаӈа нуӈан, тıкә̄н гуннә турә̄чӣ-сәхәчӣ о̄д'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄йӣ! — Авахӣ атаманин Бурун'н'ук-букатıр, бӣ турә̄нмәв до̄лдıкал! Әр буӈат бәйән-со̄хун, д'ӯрдук гē̄т хуләксә̄л, әмәрәкит, на̄да о̄д'иӈа̄н. Мо̄ва̄н-чукава̄н әӈә̄т суксара, бәйәвә̄н-со̄хувә̄н әӈә̄т ӈәләвкә̄нә. Миттӯ әләкин дундә уӈӯ н'аӈн'аду о̄вча̄. Илан Сивир-сиктıрвә̄н ситәрӣ гиркурӣ бәйәдӯ соруйан о̄вча̄ буӈа бихин. Тар буӈадӯ дıлача̄ хәгдәӈӯ хуна̄д'ин Симәксин-атıрка̄н гунмурӣ бихин. Ē̄кӯн-да̄ әхӣд'ин ичәхинә кургид'әрӣ кулухӯнма илавкӣ. Тар ойолӣн пәрид'әрӣ колосәвә та̄нивкӣ. Та̄дӯ катандı гилдıка̄чӣ бид'иӈә̄н. Та̄ла̄ суруксо̄л, бойунда̄ска̄т. Та̄дӯ әмӣ кē̄йилдıра сӣ буӈадӯс бойунда̄хивун буӈачӣ бихикис, та̄ла̄ суруксо̄л, бойунда̄счиӈа̄т. Әләксӣймӣ бодокол, әмӣ мучукал! Улгур урумун айа, гиркун сима̄н айа, — гунд'әрән.

Тıкән гуниксә̄, уӈкурус-ко̄лᵋхис н'әкәрән, багдарин чивка̄ча̄н о̄кса̄, килбала̄нчад'ахинан. Авахӣл атамантıн уӈкурус-ко̄лᵋхис н'әкәрән, илан дıличӣ оксоку о̄ран, амардукин куӈуна̄д'ахинан. Тар амардукин әр бәйәл бихәмдә Симәксин-атıрка̄н буӈала̄н айанна̄д'ара-әвит арай. Әр ӈәнәрӣвәр устадӯн дәгрӣл дәктıлә̄лкә̄хәл дәӈӣл о̄кса̄л, охӣкталд'ивар човокотмо̄тнол, оӈоктолд'ивар чоӈкима̄тнал кухӣд'әнәл суруд'увкӣл-әвит арай.

Әр бәйәл уӈӯ буӈа хорондула̄н туктıрә, дıлача̄ хуна̄д'ин Симәксин-атıрка̄н буӈала̄н иста-да̄ әр Коколдоко̄н тıкән гӯннә турә̄чӣ-сәхәчӣ о̄д'ардаӈа:

Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄йӣ! — Дıлача̄ хуна̄д'ин Симәксин-атıрка̄н әвәкәв, уркәвӣ никсә̄, доӈдоли доровойо д'авакал! Илан Сивир-сиктıрдӯн ситәрӣ гәрбӣлкә̄н Коколдоко̄н гунмурӣ дулин буӈа бойунин бӣ әмәм. «Ē̄кӯн на̄дадӯ әмәндı?» гӯнәкис, — айиткар бәйәл буӈаватıн әмнәк аймāра, инәӈӣ бәйәлбә̄н әмәрӣ со̄хувәтıн,

балдірӣ хутэвэтін эмдэк ӈѳлэвкѳнэ, эр сӣ колосэлэс умӯн сō-н'иӈӈа эмувум. Кулухӯнми илакал, колосэвӣ тāкал, — гунд'эрэн.

Эрѳ дōлдіксā, Симэксин-атіркāн ичэд'иӈѳ эвгидѳлйн кулухӯнми иларан, колосэви тāнан. Тар амардукин:

— Эмувнэви бихӣд'ин, бӣ нонон порōвачим, — гунэн Коколдокōн.

Пэрӣд'эрӣ колосэлѳ хэтэкѳнчэрэн-дѳ гилдідӯн катāхинчаран. Колосэ пэрӣлдэн, эр Коколдокōн йэгрэкэн пэрӣхинэн. Эр йэӈин пэрӣхиктэ дōдӯн бэйэ йлӣ-кэт эхӣд'ин ичэврэ хӣмат пэрӣрӣ колосэ-эвит. Коколдокōн бимӣ ēра-дā энэ илэ мѳнд'ивӣ дундэлѳ хэтэкѳнчэрэн. Авахӣ омолгӣн ōчаратін эмэрэн. Колосэлѳ хэтэкѳнчэрэн-дѳ, н'āн гилдідукин д'аваксā, пэрӣлдэн. Надарāкāн пэрӣхиниксѳ, энэ тэрѳрэ кургид'эрӣ кулухӯндулā тікрэн. Халгарин, ӈāлалин чаваралда, кэӈтірѳн котороддон, урин чӯсканалдан. Тар н'экэхѳ, авахӣ биксѳ турѳнэ āчин буд'иӈѳн дō! Тікѳн гуннэ турѳчӣ ōд'аран:

— Гуӈир-гуӈир! — Хэкō-хэкō биргэнд'эв! Ӈӣ, тоӈодӯ котороксō, которорӣ ухавāн сāд'ан? Кулд'ун кувулгат дулин буӈа Коколдокōнин бэйэвэ коӈул-боско вāрӣви сōт сāран-эвит. Эдук-тѳ ōрāкин нуӈандулāн бӣ аймакив эӈнэн соруна! Д'эӈкир д'ивилгэт, кулд'ун кувулгат мата-эвит! Олихин ичѳдэн-дѳ бихин дō — сэӈкирѳдук эхӣ йӯрэ ēкӯн ан'н'ан бэйэн тікѳн бид'иӈѳн? Хэкō-бэн'ӯн хэкō! Будэм тавар биргэ, буралийа бурасті!

Тар амардукин мит бэйэӈит буӈачӣ атіркāнтікӣ тікѳн гуннэ турѳчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Ділачā хунāд'ин Симэксин-атіркāн эвѳкэв, эр хэргӯ буӈа бойунмāн бōликадін бōкталкāн буӈаду оскēчѳ. Бурун'н'укка сӣ колосэлэс эмувуксѳ, которōниксā, вāм. Кулухӯнми эчӣн илара бихикис, илан Сивирдӯ ситэри эд'элӣв гиркура эӈэт кēйивра бойун бичѳн. Сумуппи сōӈку сумут мата бичѳн, кулухӯнми бӯксѳ, эрэйвэв урумӯриндı. Ēма-дā буӈадӯ суксака эчѳ йӯрэ, ēкӯн-дā ороскōтйа āчин вāксā, сурум. Уӈӯ буӈа бойунин Д'угирманд'а д'ӯлāн сурум. Тар буӈалā ӈāдачӣ бихим. Эдук-тѳ эмэрӣ анӈанӣлдӯ кихалинмӣ, синдулѳ эмэд'иӈѳв. Эдук-тѳ д'улѳскӣ ōн гиркурӣ гиркунми эчѳв сāра, эхӣткэн айава ōндı, эр ōнадӯс бахӣва биӈин. Ēма-дā буӈадук эмэчэ кулд'ун кувулгат эӈин атаӈастāра, сӣ айӣс мэндӯс, бӣ айӣв мэндув, буралийа бирасті биӈин! — гунд'эрэн.

Тар амардукин уӈкурус-кōлэхис н'экэсѳ, багдарин чивкāчāн ōксā, Д'уӈӣрманд'ави буӈаскāкӣн айаннāна куӈунāд'аран. Нуӈан биксѳкэн сāнави-ичэнэви дундэдӯ удаӈāт-тā бэйэ бид'иӈѳн дō? Тар-дāт исчаран-эвит арай. Д'уӈирманд'а-мата буӈан чуритікāн ичэвулдэн, илан н'амā илан д'āн илан актан эймэлӣкэн н'экэйэд'эрэ, илан дэткѳн дэлэмӣчэн эймэкē ōхинчаран. Уӈкурус-кōлэхис ōксā, илэ мѳнин ōран, тікѳн гуннэ турѳчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Уӈӯ буӈа бойунин н'аӈн'а омолгӣн Д'уӈӣрманд'а гунмурӣ матā, гиркӣ гундı гиркӣн, солкомо

н'ӯриктәлкә̄н Солкондор-килйвли, уркәви нӣксә̄, доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биҕин, амаргӯптін улгур биҕин! Минәвә «иргӣт әмәчә̄ мата?» турә̄рбундı гунәкис, — дулин буҕа Коколдокōнин әмәм. «Гиркундı ōн бихин?» гундәкис, — сōт айат гиркуксā, әмәм. Били авахйл атамантін Сәвәйә̄нд'ә гунмурйвә, діла̄чā хунāд'ин Симәксин-атіркāн кулухӯндӯн которōниксā, вāксā, әмәм. Мит бәйәӈит били Д'уҕирманд'а-мата әмәрән-ӈӯ, әчә-гӯ? Эмәчә̄ бимй, доровойо д'аваҕин, әчйн әмәрә бихикин, иртікй гиркуд'ам бōлла? — гунд'әрән.

Тар амардукин д'ӯчй ахй, йӯмәлчәксә̄, кутᵉтпи Коколдокōнмо, ӈāладукин әлгәнә йвуксә̄, багдарин моӈун остолби даҕадӯн тәҕәвкәнән. Мә̄нин, йӯксә̄, д'ӯрә̄-иларā әӈтәвкә̄хинән, илан нулгй тоҕурумчәлкә̄н илан кос курē̄лә̄н илан дәткә̄н дәләмйчә̄н д'алумкāкй йхинчәрән. Тарилдук синмаксā, илан актава вāксā, астамалдāран, остолби ойодӯн ирчә̄ улдәт орохолōрон. Тар амардукин арахинай д'әвгә̄вә астаран, Д'уҕйрманд'а мата āчин-дā бичә̄лйн айа остол ōран. Эдӯ нуӈартін иланйкāн-да бинәл, илан д'āн бәйәҕәчин, син илә бәйәӈәчин, улгучә̄мә̄тнәл, ин'әнәл, сәхәргәснәл, әвйнәл д'әвд'әрдәктәрә.

Эр д'әвд'әрәктін әргӣт-таргӣт коӈнорир туксул койунд'ара, багдарин туксул баралд'ара, хуларир туксул хуктіктәлдә, әдінәдін әмәрән, тігдә-тігдә тікилдән, иманна-иманна иманалдан, ёдуктā әрчимнәх коллорук боҕо әмәрән, агдı боҕо н'иргийдән, чаҕилган боҕо тіктән, чōрāма д'ӯва аран әчә сулдураҕар иктәрә. Н'аликир ирә̄ктәл дуҕә̄лтін дундәлә̄ сирбаҕара, бучукин мōл букталй хоком-до. Эр коллорук илтәнән, тар амардукин ичәд'иӈә̄ әвгидә̄лйн ёдук-тā әӈәхй дәктілә̄ иҕин, сирилә̄нә әмәксә̄кә̄н, уркәдӯтін коп дōхинчаран.

Кйда-кйда, кйлад'ий! — Солкомо н'уриктәлкә̄н Солкондоркилйвлиткāн, гиркй гундı гиркйв, дулин буҕа бойунин илан Сивирсиктірдун ситәрй гәрбйлкә̄н Коколдокōн кутᵉ̄тів, уркәвә нйксә̄л, доровойо д'авакалду, амаргун улгур биҕин! Эр минәвә «иргӣт тәкәлкән-сәксәлкән мата әмәндı? гунәксун, уҕӯ буҕадӯ оскᵉ̄чә н'аӈн'а омолгин д'уҕи тамнаксан ōвāндı Д'уҕирманд'а гунмурй мата әмәм. Он гиркуксā, әмәндı?» гӯнәксун, — тоҕурук анӈанйдӯ бойундāснави д'уҕӯдӯн илан анӈанй устадӯн дәрумкйттідӯ нә̄вуксә̄, дундә иччидун илан тоҕурук анӈанйдӯ мәӈумә остол ōксā, тәҕәчим. Эмәрйвә-сурурйвә иргитнә, балдірйва-оскᵉ̄рйвә тәрййнә биксә, әмәм. Били катікинд'āв, хәргӯ буҕа авахйн сōн'иӈ Сумуйонд'ово ōкин балдічāдукки, адı анӈанйва әмәнәдукки устадӯн айи бәйәлдукин бәйӈә̄тінә, айи бәйән сә̄ксәд'ин иргивнән ӈәлумухйдӯн, йәӈин тоҕурук анӈанйдӯ ёлдаӈки мугдәкә̄н ōксā, илиттід'ин нә̄чә̄тін. Мугдәкән тәкә̄ндулйн тоҕо д'әпнән томкодін-н'ун сулавуксā, илитчаран. Тāрā әмәрй-сурурй, хаватāрй дурукин, дәгри-туксарй бутуннун чикәннә-амунна илтәниттән. Тікин-дә н'уӈун тоҕурук анӈанйн әмә̄нмурән, гунд'әрән.

Эр Коколдокōн кинниви утари тулискй йӯмэлчэрэн-дē д'ӯр хэмунми кэпэхинчэкнэн н'уканймāттан. Д'ӯлāн ӈāладукин элгэнэ йврэн, остōл даӄадун, дıӄин халгалкāн киравāтпа тāниксā тэӄэвкэнэн. Тариӈӈāн хокороӄор тэӄэрэн, тāрā гарадāксā, н'уӈун халгалкāн мэӈумэ кираватпа тāнан, тāдӯ тэӄэрэн. Тар амардукин, остōлбар д'орсо айат тāниксāл, д'орсо баранд'и астāксāл, д'э ēдук-кат айат улгучēмēтнэл-эвйнэл д'эвуксēл этэрэ-дē, Д'уӄирманд'а-букатıр н'эхэӈӈй булнэ-булнэ тıкēн гуннэ турēчй-сэхэчй ōд'аран:

— Кйда-кйда, килāд'ий! — Дулин буӄа Иркисмēн амйлкāн, Куккумачāн-киливлй эн'йлкēн, илан Сивир-сиктıрдӯн ситэрй гэрбилкēн эр буӄадӯ сōн'иӈ Мэӈнэнйкēн гунмурй кутēтıв, мит д'ӯкрē, эхйлэ билир элэкэсмэ бакалдıд'āк лайдаӈлāвар суруксōл, ēкунма сāрйтпар эвйӄēт. Бй билирги идэви ичэвкēнд'иӈēв, сй тıкин ахӯн букатıрви ичэвкēнд'иӈēс. Тарлаха бй-дē д'алдӯв айа, сй-дē д'алдӯс айа бид'иӈēн. Тар амардукин гиркй гундı гиркйн'ундı, айамат астаксāл-ēксāл, колбод'иӈāт, элэксйндı-ӄӯ, эчēс-ӄӯ? Элэксиймй, «элэксиййм» гӯкэл, эмй, «эхим» гӯкēл, — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр Коколдокōн сōмат урунун бадаӄа нуӈан:

— Д'э сōт эвйндӯ эйēчим, — гуниттэн, — кэ, суруӄōт! — гӯнэн.

— Д'э эр д'ӯр бойун-бэйэ эвйкйт лайдаӈлāвар суруд'урдуктуру. Эр ӈэнэд'эрйвэтıн амардуктıн ичэтнэл эмēнмурэ д'ӯӄāнтıн. Эр ичэрэктıн, ēдук-тā ин'эмухй ōран: сагдаӄӯ бэйэ дıӄин дарикта дувукйлкēн, тунӈа дарикта эӈэйэлкēн, н'уӈун дарикта аркалкāн. Эр бэйэн'ун даран коколдодıн-н'ун бэйэ гиркухилнан ēдук-тā ин'эмухй-эвит. Эр бэйэл суруксōл, эрē-тарā улгучēмēтнэл, эр-тар килиййвур тохилба, истаӈалāвӯрва адулāнан-адулāнал эвйктэд'эрээвит арай. Эр эвйктэд'энэл, «н'ōрчаӄāт!» гӯниксēл н'ōрчакāтна эвйлдэ. Эр н'ōрчаксāл, эр Коколдокōн киннин ōн-дā гарадāчāлйн олдонд'ивй эхин тıкрэ, тар н'экэксē:

— Сй-кэнē гарачимкāкал, — гуннэ соруйдан Д'угйрманд'амата.

Эр Коколдокон ахакāнд'и гаратна пэрйвчэтэр ōд'ана кэӈтıрēмэд'ин тıкивкēнэн. Эрē ичэксē, Д'угирманд'а-мата тıкēн гуннэ турēчй-сэхэчй ōд'аран:

Кйда-кйда, килāд'ий! — Дулин буӄа бойунин Иркисмēн амйлкāн, Куккумачāн-килйвли эн'йлкēн, илан Сивир-сиктıрдӯн ситэри гэрбилкēн, эр буӄадӯвар сōн'иӈ Мэӈнэнйкэн кутēтıв, д'э бй турēнмэв дōлчаткал. Билир бй д'ӯр халгалкāндук олдонд'иви эӈкив тıкрэ, эхйт сагданим-ӈӯ, ōн-ӈӯ? Тар-дā бичēлйн, ичэдэдӯви коловурйа āчин эӈэхй мататкāн бихиндı-эвит, ӈāлас халгандı хавахиндıн олус-тā мандı-эвит. Олихин-дā авахил атамарватıн уӄискй эхй ичэхинмукēнэ бихиндı. Эвэнкйткēн бэйэдук син бэйэткēн балдıвкй-эвит! Д'э тар н'экэксē гирамдас хэгдıӈэн элэн эр бид'иӈэн дō? Бука сй кувулгатıс таваргачин бимухин. Илэ мēнми ичэвкēнчē бихикис, айа-дā бимчэ. Бй олус астıнимчāв бичэ, элэксиймй, илэ мēнми миндӯ эмӯкиндӯв ичэвкēкэл, — гунд'эрэн.

Эрө дōлдіксā, мит бəйəӈит:

— Ӈӣдӯ-дө əӈөт сāвкāна бихикис, баӡар биӡин, — гӯнəн.

Тар амардукин н'аӈн'алā исчад'арӣ йāӈинд'а ойолōн суруру. Тар хоромодӯн Коколдокōн уӈкурус-колехис н'əкəрəн, йлӣ-кəт əчӣн оӡулунə алтама кун'акилкāн айи букатірин Мəӈнəнӣкəн илə мөнин д'ə ичəврəн. Д'ə əр илə мөндулөн Д'угирманд'а-мата əмəксө, даӡадӯн иликсā, тəрөмкөнəн нуӈандукин діӡин ӈāла гугда, діӡин ӈāла дірам мата-əвит. Д'ə əрө ичəксө, Д'угирманд'а:

— Д'ə н'əкəӈөт-тө бəйə н'əкəд'əнді, ол ихин əрбөн биӈөтіс бичөн! Бӣ хутəдӯв айа бəйə тувəхинді, — гунд'əрəн.

Тар амардукин уӈкурус-колехис н'əкəрə-дө, багдарир дəӡиткөр ōксāл, д'ӯлāвар куӡинāд'ахина. Уркəдӯвəр коп дōхинчара-дā илə мөртін ōра. Əр Д'угирманд'а-мата тікөн гуннə турөчӣ-сəхəчӣ ōд'аран:

— Кӣда-кӣда, килāд'ий! — Гиркӣ гундi гиркӣв солкомо н'ӯрик-тəлкөн Солкондор-килӣвли, томкодікāн ӯд'ачӣ Инмəкөн-килӣвлит-кāн, хутəв! Бӣ турөнмəв д'ӯр чōр сēрд'ивар дōлчӯкалду, мит əхӣлə остōлбар тəрийгөт. Миттӯ əргəчӣн бойун-бəйə əтөн ичəврə. Бӣ əр бəйəн'ун əвиктəвкӣ ōнав илан тоӡурук анӈанӣ ōран. Тар устадӯн ōн бихӣвāн, ахӯн бойунмāн — дуруккāн сāм, тарит əр илан Сивирдӯ нуӈандӯн тəрөттī ēма-дā ӯстӯ āчин бид'иӈөн. Ху-лəкə балдімӣ балдід'иӈāн мөндукин. Тарит ēва-дā əнəл сарāра āхиттітін сивāйвайатін сōмат дəлəӡəйит астакалду! — гунд'əрəн əр бəйə бихəмдə.

Тар амардукин əр Солкондор гунəрӣ ахӣ хунāтпи солкомо тəтілвөн ділдукин халгамāктӯн тəтіврəн. Тар амардукин д'ӯрө-иларā эӈтəвкəхинəн, илан нулгӣ тоӡурумтəлкөн илан кос курēвөн д'алумкāкӣ илан дəткөн дəлөмӣчөн йхинчəрəн. Тарилдук синмаксā, илан акта хəгдəӡӯвөн, илан байтахун бастіӈмāн, вāксāл, астамал-дāра. Багдарин мəӈун остōлбар маталӣкāн умӣвра. Д'ə нуӈартін, туӈурилбө-кодоӡойилба комуйиксā, йəӡин долбонӣлкāн инəӈӣдӯ əр сивайвава д'əпнəл королēд'əрдəктəрə. Улгур боӡо, сəхəн боӡо ōран, кира норōт киридукки урунун, хəгдіӈə норōт дурукин уру-нун, дəлəй баран сивайва, ōксā, илтəнəн.

Тар амардукин омолгӣлкāн хунāт умӯндӯ ōра, н'имөр д'ӯвāн д'авара, тоӡовōн илара. Сохувə иргирӣдӯ, хутəвə балдіврӣдӯ арāхинай сагділ алгара. Арāхинай ичөр д'аритта, арāхинай икө-лəхəр икөрə, бахива боӡово бӯрə, алгис боӡово алгара.

Тар амардукин урӯ сивāйван əтəрəн, əвин əтəрəн. Əр əтəксөл, мит бəйəӈит дулин буӡа Коколдокōнин, кинниви н'аӈн'а омолгӣн Д'уӡирманд'ава дөптікӣ тəӡəксө, тікөн гуннə турөчӣ ōд'аран:

Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Уӡӯ буӡадӯ балдічā н'аӈн'а омолгӣн таманаксакāн ōвāнді Д'уӡирманд'а əтіркөн киннинд'ав, солкомо н'уриктəлкөн Солкондор əн'йн киннив, бӣ тулдулӣкөн турөтчəрӣвəв, улвутікөн улгурд'əрӣвəв дōдӯвар дōлдікалду, ир-гəлөвөр иктəвкəлду, сēндӯвар силдікалду! «Тар ēкӯн?» гӯнə-ксун, — хуркөн-куӈакāн, ахāкāнма гаксā, буӡалāви хуйөнмунə

эксэвкӣ, гуниҥкӣтін сāрӣл сагділ. Тарит бӣ буҕалāви ҥэнэрӣдӯв элэкин ōдан. Сӯ д'алдӯхун ōн бихин гуниттэс, д'албар улбутікэн улгуркэлду. Би гиркӣ гундī гиркӣв томкодікāн ӯд'ачӣ Инмэкэн-киливлӣ, сӣ н'āн д'албӣ тулдулӣкэн турēткэл. — Киҥгир-киҥгир, киҥгирмōӣ! — гунд'эрэн.

Эрē дōлдіксā, Д'уҕирманд'а-мата тікэн гуннэ турēчӣ ōд'аран:

— Кӣда-кӣда, килāд'ий! — Дулин буҕа Иркисмэн амӣлкāн, Куккумачāн-килӣвли эн'ӣлкэн, илан Сивир-сиктīрдӯн ситэрӣ гэрбилкэн: хэргӯ буҕадӯ бимӣ Сэлэргунтікӣ сэлэрӣ Сэҥэкчэн, дулин буҕадӯ бимӣ коколдоду чакилчачā Коколдокōн кутēтів, бӣ турēнмэв дōдӯви дōлдікал, иргэлēви иктэвкэл, сēндӯви силдікал! Тавар сӣ сōмат элэкинд'и гуниндı, бӣ д'алдӯв сāрӣл сагділ бӯ уҕэвун бичэн, тар мэндı-дā эчēс урāра, тарит бӣ-глэ мэнми элэксиӣӣм. Гиркӣ гундī гиркӣв солкомо н'уриктэлкэн Солкондор, хутэ гундı хутэв томкодікāн ӯд'ачӣ Инмэкэн-килӣвли, сӯ н'āн д'алвар улбулӣкэн улгуркэлду, тулдулӣкэн турēткэлду. Бӣ «сурукулду», гуничим, тар амардукин айа турēнд'и алгачим. Сōмат айат синманатпар айаннāнал буҕавар искалду! Н'имэр д'ӯвāн ōкалду, д'ӯ тоҕовōн илакалду, орон-сōху курēвэн ōкалду, хутэвэ балдīвкалду, тэтīвэ тэткэлду, идэҕэвэ д'авакалду! Ēкӯн-мал суксака ōдакин, ҥонум д'алихун урумӯлдэкин, эмҥэ кэҥтıрēхӯн тіӣēлдэктін, иччилэк турēнмэр эдıндӯ уҥивкӣл ōдāвāт! Бӣ ӣдӯ-дē бимӣ этēм эндэйдэ—дōлдīд'иҥāв-дā эрӣксэлвэхун орухуӣд'иҥэв. — Кӣда-кӣда, килāд'ий! — гӯнд'эрэн.

Эр амардукин солкомо н'уриктэлкэн Солкондор-килӣвли тікэн гуннэ турēчӣ ōд'аран:

— Дэгрӣ-дэгрӣ, дэгрӣмōӣ! — Уҕӯ буҕа бойунин Д'угирманд'а гиркӣнд'эв, дулин буҕа бойунин Коколдокōн кутēтів, бӣ турēнмэв дōдӯвар дōлдікалду, сēндӯвар силдікалду! Бӣ д'алдӯв, тавар улгурӣхун ēкӯнин этэнситана, гуннэс сōма элэкин бōлаҕа! Билир-да сагділ улгурдӯтін «ахāткāн-куҥāкāн аҥнакӣткāр аналӣтін», гӯннэ уҕэ сэхэн бичэн эчē. Бӣ эрē дō, тарит бӣ д'алдӯв элэкин бōлаҕа. Бӣ ахāткāн хутэв, томкодікāн ӯд'ачӣ Инмэкэн-килӣвли гунмурӣ хутэв, ēкӯн-дā сāраҥуӣа āчин анал д'авалви камуӣкал. Эр бӣ багдарин мэҥун удэккэв эксэкэл, солкомо н'уриктэс чэлкэлдэлэн эксэнтэкэл. Таваҥис сāхис устадӯн сōма нāдачӣ бид'иҥэн: «айа тэтī ōкал!» гӯнэкис, тэтī ōд'иҥāн, «айа идэҥэ ōкал! гунэкис, идэҕэ ōд'иҥāн. Тāдук тавар чимиткӣдус н'экэӣэри хуларин мэҥун ун'акāптунми н'āн энэ сēмҥӣрэ, бӯрэ эксэктэкэл. Таваҥис илан дэткэн дэлэмӣчэн орон ōд'иҥāн. Тāдук ōдакин, эр дıҥин кирилкāн колбуӣакāнма эксэктэкэл, тавар бихэмдэ н'āн илан д'уптī унӯрис ōд'иҥāн. Эр горо ēннэк дундэлē илэ орон-дō сōхувэ, мурин-дā сōхувэ илэ мэнд'ин илбэхинэксун, эрэӣин сō баран ōд'иҥāн. Тарит тавар бӣ ананалвав ихивракис, сундӯ элэкин нāдавахун д'алувд'иҥāтін. Тāдук ōдакин, тавар хуларин мэҥун килалкāн соноҕоспо аначим, тāдӯ мэҥэстэнэл сурукулду! Сунэвэ ēкӯн-дā эҕин д'эрēдэрэ, д'ӯр халгалкāндӯ д'улēвэр экэлду бӯрэ, тіҥэл-

кәндук әкәлду тікрә, д'алалкāндук әкәлду судурдә! — Дәгрӣ-дәгрӣ, дәгрӣмōй! — гунд'әрән.

Д'ә әр әвәнкӣткәр-бәйәл бихәмдә, тікән гуннәл улбутікән улгучәмәчиксәл, әр Сокондор гунәрӣ ахӣ хунāттӯви бихәмдә халгандукин хоромōктӯн коӈнорин сулакӣкса дōчӣ хуларин сукунат тәтуврән, тар амардукин ананалби дуруккатін д'ававкāнан. Әр амардукин йәҕин долбонӣлкāн инәӈйдӯ уйчәчә кувас соноҕоспо д'ававкāнан.

Әр амардукин мит бәйәӈит дулин буҕа Коколдокōнин ахӣн'унми, соноҕоспор мәндукки мәӈумә нәмәлән капкāн хәтәкәнчәксәл, Коколдокōн буҕаткāкӣн д'улкуксōл, хәтәкәнмукәндә-әвит арай. Нуӈартін бихәмдә томтор дундәвә тонӈороҕор тӯвкәннәл, оӈкучак-дундәвә омчороҕор тӯвкәннәл, н'аликин мōва н'албураҕар суруд'уру, бучукин мōва буктараҕар ӈәнәд'әрә. Муриткан бихәмдә әрчимирд'әмәнә айаннāд'ардаҕа — тәнӣнәдікәр дундәлбә амаскāкӣ нәптәрәҕәр хәкихиннә, коколдодікāр дундәлбә д'уләскәкӣ хәкихиннә ӈәнәвкәнд'әрдәҕә. Әр ӈәнәвкәнд'әнә мит бәйәӈит дулин буҕа Коколдокōнин, киннилби әтәхиниксә, тікән гуннә турәчӣ ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Уҕӯ буҕа бойунин н'аӈн'а омолгӣн тамнаксакāн ōванді Д'уҕирманд'а-мата киннинд'ав, солкомо н'уриктәлкән Солкондор-килӣвли ән'йн киннив, «сōӈку бәйә бинә сāма турәнә āчин сурурун», гунд'иӈәхун. Әр мит бихәмдә д'ӯр хоктово д'аварап: сӯ д'уләхун—суӈӈӣ, бӯ д'уләвун — мундӯ биҕин. Окин-дā әмәрӣв әхин сāвра, тар-дā бичәлӣн ёмӣ-кāт н'әкәйәд'иӈәв, әрит әтәм әрәҕәмә сururу. Тāдук ōдакин, будәрӣӈӈәр әмәрәкин, ичиләк турәнмәр әдінду уӈйвкӣл бидәвәт. Йдӯ-дә бимӣ әтәм әндәйдә, дōлдід'иӈāв-дā әрӣксәвәхун орухуйд'иӈәв. Ōкинин-дā ōракин, айи бәйәвән авахӣлдӯ әтәм атаҕастāвкāна. Сӯ д'улә̄дӯхун улор улдәлкән сәксәлби әнә од'оро илан Сивир-сиктірдӯн ситәри гиркулдірӣ мататкāн биӈнәм. — Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — гунд'әрән.

Тар амардукин нуӈартін бихәмдә «әр Коколдокōн буҕалāн, билир Гёван-әтіркән олоклōн дәгд'әрә» гундә, дәгрӣдук хуӈтут ӈәнәвкәнд'әрдәктәрә. Нуӈартін бихәмдә нимӈакāн биксә удāд'иӈātін дō — тар-дāт әр Коколдокōн, буҕалāвӣ ихиксā, сурук мурин уйчәвун сәргәдун коруйӣхинчавкāнан-дā муриндук дундәлә хәтәкәнчәрән. Тар амардукин д'уткйви ичәхинд'иӈән әвгидәлӣн, д'ӯ нӣвухинчәрән-дә умун сōӈку бойун йурән-дә нуӈантікӣн тоҕокōрҕочин ситі ёхалд'ивӣ ичәхиниксә, д'ӯр д'апкун ōвāтілкāн алаӈатпи иткунана тікән гуннә турәчӣ ōд'аран:

Уҕәлә-уҕәлә, уҕәндәр! — Әр-кә иргӣт тәкәлкән-сәксәлкән мататкāн әмәнді? Әрчимус ёдӯ ивәӈнәктәрән, д'иктітәрән? Ёкӯн килāвинай кихалгадӯ, далавӣнай нāдадӯ әмәнді? Сōт тургәнд'и тулдуликән турәткәл, улбулӣкән улгуркәл. Минә «иргӣт тәкәлкән-сәксәлкән мата биӈнәнді?» гунәкис, уҕӯ буҕадӯ балдічā аӈнакӣлдук айаргӯтін, маталдук маниргӯтін багдарин мәӈун тәтілкән ді-

лачā омолгйн Д'əргəлд'ин амйлкāн, Гēван-əтıркəн нйдəђӯ хуӈāд'ин Сēкак-килйвли əн'йлкəн, мəндукки хуларин мəӈун нəмəлкəн, мəндукки хуларин мəӈун куйиргис контохилкəн мəрилə сонођохилкāн уђӯ буђа Хуркокчōнин гунмурй гəрбйлкəн ōдам. Тāдук ōдакин сй вāнāд'а бихикис, буђачй бəйə мəнми н'ōрāрдађим. «Сō бəйəвə əнə сāвкāна вāран», — гунд'иӈəс: сəп сурурун — сəрəнкəл, ок сурурурун — оӈохункал! Эрдəт коӈнорйкāн хакинді дулкāкиндӯн н'урви катад'алим, — гунəн-дə чимиткйчāнин иђйн чихихинан, хуругучōнин урəхинəн, ирӯн бəйун нандан томкор илин кин'əхинəн, н'урин куђунāхинчаран, Коколдокōн хакинин дулкāкиндӯн эмəд'əрəн. Мит бəйəӈит бихəмдə, калбас н'əкəксə, н'урдук адађаксōран. Тар амардукин əр Коколдокōн тıкəн гуннə турəчй ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Уђӯ буђа бойунин дıлачā омолгин Д'əргəлд'ин амйлкāн, Сēкак-килйвли əн'йлкəн, уђӯ буђа Хуркōкчōнин, нəкӯн гундī нəкӯнми, ноноптıн дорово биђйн, амаргӯптıн улгур биђин! Минəвə «иргйт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата ōданді?» гӯнəкис, дулин буђа Иркисмəн амйлкāн, Гēван-əтıркəн хəгдəђӯ хуӈāд'ин Куккумачāн-килйвли əн'йлкəн, илан Сивирсиктıрдӯн ситəрй гəрбйлкəн: хəргӯ буђадӯ Сəлəргунтıкй сəлəрй Сəӈəкчəн гунəрй, дулин буђадӯ дулин буђа Коколдокōнин гунəрй, уђӯ буђадӯ сōн'иӈ чивкāчāн укчакилкāн сōн'ин Мəӈнəнйкəн гунəрй мататкāн ōдам. Сй-кə тавар, ēкӯндулā утаксā, гарпад'анді? Ēдӯ утађатāнді? Эрӯ-молток мататкāн бихикив, əр-дəт вāӈāт бичə бихинді! Бй, сōӈку бəйə биксə, нəхйлə адађам əчə бирə дō! Токтокол-болгойкол, синə вāнāд'а əчəв бихй. Мəнми нāдадӯви илан Сивир-сиктıрвəн ситəрй гиркуксā, əмəм. Умӯчйдукки улдıмӈӯйəви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯйави, илачйдукки ийāктак гиркййəвй гаксā, əмəм. Тāдук ōдакин, Куккумачāн-килйвли əн'йнми, Сēкак-килйвли əкйнми, тођокōмо ēхалкāн Чађилган акйнми, дıлачā омолгйн Д'əргəлд'ин авухив, бӯ гиркйн'унми томкодıкāн ӯд'ачй Инмəкəн-килйвлин'ун балдıд'āк д'ӯдӯв āхиптıн сивāйвайавун аставкйл ōкалду. — Киӈгир-киӈгир, киӈгирмой! — гунд'əрəн.

Чāђӯ бəйəткəн, тарā дōлдıксā, ēдук-тā сōт олоксō, тıкə гунд'əрəн:

— Уђəлē-уђəлē, уӈəнд'əр! — Эр-кə, əр-кə, ōн ōд'ам, ичəмəйē, биргəнд'əв билдəн! Кāрēн-кāрēн мулāн'ē-вал, акйн гунді акйнмй аран əчəв ӈəнəдəрə. Илан Сивир сиктıрдӯн ситəрй гəрбйлкəн дулин буђа Коколдокōнин акйнми, ноноптıн дорово биђин, амаргӯптıн улгур ōђин! Мйнəвə умӯн алгастӯв əкəл тıкулда, алгис д'ӯр халгалкāндук йӯвкй гӯӈкйтıн əчə бирə дō! Д'орсо синӈəчйн акйчй бинəви омӈочō бихим. Айанді əӈəхйн сōдукин, «əр вāнад'а бōллађа», гуннə гарпад'ам. Тавар тəд'əмə-дə сōӈку бəйə биксə адађанді. Эвəнкй бəйə н'урдӯн əхй будə ийāкилкāн мата бихиндıəвит. Тāдук ōдакин Куккумачāн-киливли əвəв, Секāк-килйвли əн'йнми, сōт тургəнд'и əр əмəл бəйəлдӯ тəттı тəтıйəтıн, д'əптı д'əвгəйəтıн бəлəннəкəлду! гунд'əрəн.

Тара̄ до̄лдıкса̄, әр Сēкак-килйвли, уркәви нйксө, йӯмәлчәрән -дө нәкӯнн'унми кукйнми д'ӯр ӈа̄ладӯви әлгәнә йврән, дıӈин кирйлка̄н осто̄л даӈадӯн д'ӯкрөвә тәӈәвкөнән-дө, нуӈарватıн дөптıкй тәӈәксө, тıкөн гуннә турөчи-сәхәчй о̄д'аран:

— Кимө-кимө, кимөн'ин! — Нәкӯн гундı̄ нәкӯнми илан Сибирсиктıрдӯн ситәрй гәрбйлкөн дулин буӈа Коколдоко̄нин, кукйн гундı̄ кукйнми томкодıка̄н ӯд'ачй Инмәкөн-килйвли, доӈдолима доровойо д'авакалду! Ноноптıн дорово биӈин, амаргӯптıн улгур о̄ӈин! Тавар бӯ омолгйвун воӈно̄лдоново̄н бурастı̄ н'әкәкәлду, тıма̄тна бй нуӈанма̄н айат турөд'иӈәв. Коколдоко̄н, нәкӯн гӯндı̄ нәкӯнми, ката сй айат гиркуча̄ бихиндı, д'ә тавар хуркөн-куӈака̄н гиркунин тıкөн бивкй. Д'ә тавар о̄макта бәйә кукйн гӯндı̄ кукйнми, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптıн дорово биӈин, амаргӯптıн улгур о̄ӈин! Минәвә «иргйт тәкәлкөн-сөксәлкөн ахй бихиндı?» гӯнәкис, — Гēван н'йдәӈӯ хуна̄д'ин Сēка̄к-килйвли гунмурй бй биӈнәм. Та̄дук о̄дакин, кә, әр әхйлә хутәлбәр әмәнәтıн мала̄хунатıн со̄т тургәнд'и астамалчаӈа̄т. Илан дәткөн дәләмйчөвәр умйвмалчакалду хйма̄т, айа д'олло̄к сибайбайа о̄кса̄л, орончо̄н-со̄хувә иргирй олокпотıн о̄ӈа̄т, хутәвә ва̄лдıврй д'ӯватıнтоӈовотıн о̄ӈа̄т. Баран норо̄тпа умйвкалду, тувәдӯ д'алуптı̄ туӈурвә, кочово д'алуптı̄ кодоӈойво комуйикса̄л, та̄калду. Алгарйл алгактıн, урундıл уруниктıн, әвйрйл әвйктıн! — Кимө-кимө кимөн'ин! — гӯнд'әрән.

Д'ә әр амардукин нуӈартıн бихәмдә илан дәткөн дәләмйчөвәр д'ӯрә-илара̄ әӈтәвкәхинә, д'ә илан нулгйлкөн курēвә д'алумка̄кй йхинчәрә. Әр бәйәл бихәмдә горолө бихйлдулө хйма̄ н'о̄ӈаркан оронд'и хуктıврө, даӈат бихйл сагдıлва дулумдул орорд'и әлгәнәл әмуврә. Илан акта ариманӈа̄н, илан байтахун бастıӈӈа̄н, илан байтахин мурин муӈутӯрва̄н ва̄кса̄л, сивайба боӈово о̄ксал, д'әвд'әрәәвит арай әр бәйәл. Йәӈин долбонйлкан инәӈйвә әнәл са̄ра-кат д'әвд'әрдәктәрә әр бәйәл. Сивайба амардукин ӈа̄ла-халган әвйнин о̄дан. Әр әвйндӯ дуруктӯн әр Коколдоко̄н'н'ундӯ угӯ буӈа Хуркө̄кчө̄ндӯн тәрөттı̄ бәйә әрәӈәмә а̄чин о̄дан, та̄рит: «Әр дулин буӈа бойухалдӯн тәрөттı̄ бәйә а̄чин-әвит», — гуниттә.

Д'ә әр амардукин били дıлача̄ омолгйн Д'әргәлд'ин амйлка̄н, Сēкак-килйвли ән'йлкөн, уӈӯ буӈа Хуркө̄кчө̄нин гунмурй мататка̄н бәйәӈилбй әрәлй ичәччәнә тıкөн гуннә турөлкөн о̄д'аран:

Уӈәлē-уӈәлē, уӈәндәр! — Эн'йн гундı̄ ән'йнми, амйн гундı̄ амйнми, та̄дук илан Сибйр-сиктıрдӯн ситәрй гәрбилкөн дулин буӈа Коколдоко̄нин сӯ дурукихун, бй тулдулйкөн турөччәрйвәв до̄лдı̄калду! Бй әдук-тө ийәв-дө әтөн йӯрә, урӯнми-да̄ әтөн йӯрә. Әхйлә бй хуркөн-куӈака̄н гиркунма̄н гиркурйдӯв әләкин о̄ран әчө бирә дө? Тар ёкӯн на̄дадӯ гиркумӯндı?» гӯнәксун — тавар Коколдоко̄н акйнми, илан Сибир-сиктı̄рвөн ситәрй гиркукса̄, умӯчйдуккй уллимӈӯйәви, д'ӯчйдукки дӯвчамӈӯйави әмуврән әчө бирә дө! Бй н'а̄н тıкө гиркуда̄в, авгӯхун-мал миндӯ әләкин дун-

дәйә н'уӈн'ӣкәлду. Сагділ са̄рас, бид'иӈән. Ахӯн-да̄ горо бичә̄лӣн әтә̄м ӈәләрә!" — гунд'әрән.

Әрә̄ до̄лдікса̄, әр Се̄ка̄к-килӣвли тікән гуннә турә̄чӣ-сәхәчӣ о̄д'аран:

— Кимә̄-кимә̄, кимә̄н'ин! — Уӷӯ буӷа Хурко̄кчо̄нин хутә гунді хутәв, д'ә тавар со̄ са̄ма турә̄нмә турә̄чинді. Тавара̄ бӣ со̄т айат до̄дӯви до̄лдім, се̄ндӯви силдім, иргәләви иктәвум. Тарит улдәс са̄хин әчӣн-дә̄ ситтә бичә̄лӣн, д'аланді әчӣн-дә̄ д'акнара бичә̄лин, мәнді аййс са̄да̄н са̄рӣтпи н'уӈн'ӣрдәӷим. Әләксӣмӣ — суруд'уӈо̄с, әмӣ — әтә̄нді. Әхикис әләксӣйдә, амӣнді-да̄, акӣнді-да̄ хуӈту дундәйә са̄ра бид'иӈән. Тар-да̄ бичә̄лӣн бӣ нонон н'уӈнӣмкәктә: д'ә әрділача̄ йӯктәкә̄кӣн дәрә̄лкән йә̄нә̄ бираӈӈӣ солод'орокис илан тәрә̄ӈ на̄лділка̄н од'иӈа̄н. Тарилдук дулгӯватін солодо̄ви, әриӈис со̄ горо дундә бид'иӈән. Тара̄ манаракис, хуӈту бирала̄ исчиӈа̄с, тара̄ давракис, д'урсу әмӈә бира әмәд'иӈән, тара̄ илтәнәкис, н'а̄н умӯн орус бид'әӈән. Әр әвгӯ бира е̄дук-та̄ ирас багдарин мӯлкә̄н, дулгӯ бира чӯтурин солко оӈилкән мӯлкән, ча̄ӷӯ бира айи бәйән сәксән мӯлкә̄н бид'иӈән. Тара̄ ичәрәкис, айи бәйән мухән гирамдан урускаличӣ, н'ирӣн гирамдан иӈаричӣ бид'иӈән. Тара̄ йлтәнәкис, со̄ва горово уӷискә̄кӣ сурурукис, хӯӈту дундә хәгдіӈин, туспа дойду туйгунин о̄ча̄, о̄кин-кат әчин хокоргоро чут чукалка̄н, е̄дук-та̄ айа дундә бид'иӈән. Тар буӷадӯ әмукин со̄ хәгдіӈә̄ бәӷинтін Чолбондо̄р-әтіркән, Оннодор-атірка̄н гунмурӣл бихӣ. Тарил илан хуна̄ттуктін дулгӯ хуна̄д'итін ун'аканд'ивӣ е̄ва-да̄ әхӣ тулутта со̄н'иӈ Ун'аптук гунмурӣ гәрбӣлкән килӣвли бихин бид'иӈән. Тара̄, суруксо̄, улгумӣмкә̄кәл, әләксӣд'ән-ӈӯ, әд'ән-ӈӯ? Әхикин әмәрә әрәйис со̄ви со̄ бид'иӈән. «Ахӯн горо?», гӯнәкис, — дәгрӣ дәктәндәлкә̄н, илара̄ умӯкса̄, истін буӷа бид'иӈән, дундә ойолӣн тоӈкурчактарӣ халгалка̄н бәйӈә̄, йәгрә̄ балдікса̄, истін буӷа бид'иӈән. Әләкин бихикин, — «әләкин,» гӯкәл, әмӣ — «әхин», гӯкәл. — Кимә̄-кимә̄, кимә̄н'ин! — гуниттән.

Әрә̄ до̄лдікса̄, уӷӯ буӷа Хурко̄кчо̄нин: «Әргәчин айа дӯндәвә о̄н сәлд'иӈә̄в, суручим, бо̄лаӷа», — гуннә е̄дук-да̄ со̄т уруниксә̄, гирамдан боско сурукнун урунун, ӈәнәхиндә̄вӣ тар-да̄т курбулдун. Нуӈан бихәмдә били мәндуккӣ мәӈумә нәмәлкән, куйиргис контохилкән мәрилә̄ соноӷоспӣ ичәнән со̄ӈку хӣма̄ мурин сәргәдӯн уйчәд'әрән-әвит арай. Айат д'улгӣд'ин-амаргӣд'ин адула̄нан бихәмдә, д'ә тәд'ә̄мә айа ке̄пичӣ мурин-әвит: уклавча̄ ирәктә моӈачӣн н'уӈӣлка̄н, иләвчә̄ ахӣктаӷачӣн тіӣакӣлка̄н, хоӈикса̄, нәвчәӷәчин дуӷукӣлкән, оло̄никса̄, хәтәкә̄нчәӷәчин олус гугда сулилка̄н, айа-дәкси гирамдалка̄н мурин-әвит. Әр бәйә бихәмдә соноӷоспӣ ойоло̄н коӈнорӣн хорокӣӷачин капка̄н хәтәкә̄нчәрән-да̄ йә̄нә-бираӈӈи соло̄кӣ салайдан-да̄ томтор дундәвә тоӈороӷар тӯвкә̄ннә, оӈкучак дундәвә омчороӷор тӯвкә̄ннә ӈәнәвкәнд'әрән нуӈан бихәмдә.

Әр ӈәнәхинд'әнә тікән гуннә турә̄чӣ-сәхәчӣ о̄д'аран:

— Уӷәле̄-уӷәле̄, уӷәндә̄р! — Әр-кә бӣ н'а̄н д'алви: амӣлка̄н ән'ӣнми, акӣлка̄н уӷӣв, д'ә минәвә «со̄ӈку бәйә бинә, са̄ма ту-

рэнмӣ энэ турэттэ суруруи», гӯнд'иӈэхун, баӡар. Сӯ са̄рӣд'ихун, горо ӭннӭк буӡала̄ сурум. Ахундулӣ-да̄ эмэрӣв эхин са̄вра, со̄т хима̄т гунмӣ, — туӡурук анӈанӣлӣ са̄вд'иӈа̄в, дулиндулӣн гунмӣ — д'ӯр анӈанӣлӣ, горот гунмӣ илан анӈанӣлӣ эмэд'иӈэв. Та̄дук о̄дакин, эмэдэлэ̄в ӭдӯ-да̄ энэл тірэ̄врэ-атаӡаста̄вра бикэлду. Дэӈ мо̄сат ӈонум д'алвар урумулдін, эмӈэ кэӈтірэлдун тійэлдін эмэрэкин, иччилэ̄к турэ̄нмэр эдіндӯ уӈиӈнэкэлду, йдӯ-дэ бимӣ, этэ̄м эндэйдэ, до̄лдікса̄, эрӣксэвэхун орухуӣд'иӈэв. Сӯ аӣйхун — сундӯ, бӣ аӣйв — миндӯ биӡин! — Уӡэлэ̄-уӡэлэ̄, уӡэндэр! — гунд'эрэн.

Тар амардукин эр Коколдоко̄н тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'аран.

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмо̄й! — Нэкӯн гӯнді нэкӯнми ділача̄ омолгӣн Д'эргэлд'ин амӣлка̄н, Гӭван этіркэ̄н н'ӣдэӡӯ хуна̄д'ин Сӭкак-килйвли эн'ӣлкэ̄н, мэрилэ̄ соноӡохилка̄н уӡӯ буӡа Хурко̄кчо̄нин, бӣ турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, до̄дӯви до̄лдікал, сӭндӯви силдікал, туӈӈа турэ̄ндук умуко̄нмо̄н ойдо̄кол, д'а̄н турэ̄ндук туӈӈава̄н д'авакал. Тэд'э̄ со̄ӈку сумут бэйэ бимӣ эргийді буӡа бид'иӈэн, молток-д'адуӡан бэйэ эхӣн эргийдэ буӡа бид'иӈэн. Тарит сӣ кӭйивмӣ-да̄ «кӭйивум», гуннэ энэ ӈэлэлдэ, кӭймӣ-да̄ «кӭйим», гуннэ энэ эӈэнӣ суруру, со̄т колкут манді-эмӈэ д'алитпӣ гиркумӣ тулуйдіс буӡа бид'иӈэн. Тар буӡадӯ умӯн со̄ӈку бойун бихин. Тавар улгумӣрӣс, хуна̄т акӣн гӯнді акӣнин о̄кта̄ӡ ойо тӯктэлкэ̄н Ота̄ни мата гунмурӣ гэрбӣлкэ̄н бойун бихин гуӈкитін. Тар ойолӣн букатīр о̄рӣ мата ирэ̄ӡ дундэдӯ дікэ̄нчэнэ о̄скӭчэ̄ Ирэглӣнд'э гунмурӣ бид'иӈэн. Тарилдӯ ура̄вракис, д'э уха бид'иӈэн. Тар-да̄ бичэлӣн хуркэ̄н-куӈака̄н д'алин д'олодук-да̄ манді бивкӣ гуӈкитін: ичэхиннэви ӭхави экэл хурумда, хэкихӣннэви халганми экэл чугурутта, д'ӯр халгалка̄ндӯ д'улэ̄вӣ экэл бӯрэ, д'ӯр ӈа̄лалка̄нма экэл ухуннарда, тіӈэлкэ̄ндук экэл тіктэ, эвтілэ̄лкэ̄ндук олдо̄нд'иви экэл тіктэ, д'алалка̄ндук экэл судурдэ, хуркэ̄н-куӈака̄н хуктінмэн хуктікэл! Ейӭкитіс элкиӡин, аӣйхитіс арчаӡин! Сӣ аӣйс синду, бӣ аӣйв миндӯ биӡин! Буралийа бурасті биӡин! гуниттэн.

Д'э эр амардукин били уӡӯ буӡа Хурко̄кчо̄нин д'улэвӣ ӈэнэвкэнд'эрдэӡэ. Горово-кот сурунуви эчэ̄ са̄ра, даӡава-кат сурунуви эчэ̄ са̄ра. Д'уӡарва̄н силэксэд'ин са̄на, болорво̄н бо̄ктад'ин са̄на, туӡэрвэн умкактад'ин са̄на, ӈэнэвкэнд'эрэн, нэлкирвэн лэптэркэнд'ин са̄на суруд'урун. Сӭкак-килйвли гуннэӡэчинин илан бирава хэдэрэн-да̄ уӡискэкӣ хуркуд'урун. Нуӈан биксэ удад'иӈа̄н до̄, тар-да̄т Чолбондо̄р-этіркэ̄н буӡала̄н ихилдан бадаӡа нуӈан. О̄кинда̄ эчӣн хокоргоро чут чукачӣ дундэлэ̄ ихикса̄, ичэнэн бихэмдэ «чалбуӡ», гуннэн — чалділ актал о̄ра, «Нӣвэ̄ӡ», — гуннэн — чулур актал о̄ра; Иӈаран», — гуннэн — алал байтахур о̄ра̄; «Сӭкта̄ӡ», — гунчэнэн — сирука̄р о̄ра. Са̄лда байахал матал биӈэтіл, бадаӡа, нуӈартін», гуннэ — ӈэнэвкэнд'эрэкин, коӈнорин тамнакса до̄дӯн бугді оран мӭтан авулка̄н, нандан саӈийакилка̄н, н'о̄ӡин о̄хан коколдолко̄н, амаргӣн о̄хан унталка̄н, бугді укчакилка̄н мата

бургалӣкāн хуктувнэ эмэд'эрэн-ивит арай. Эр эмэд'энэ нуӈантікӣн тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ о̄д'аран:

— Лирвē-лирвē, лирвēӣā! — Ділачā омолгӣн Д'эргэлд'ин амӣлкāн, Гēван этіркэ̄н нӣдэӡ̄ӯ хунāд'ин Сēкāк-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, мэрилэ̄ соноӡохилкāн уӡ̄ӯ буӡа Хурко̄кчо̄нин, до̄мдӯн доровойо д'авакал, амаргӯптін улгур биӡин! Минэвэ «иргӣт тэкэлкэ̄н—сэ̄ксэлкэ̄н мата, эмэксэ̄, доровотпи доксургāнді, бахиватпи бардамдāнді», гӯнэкис, Чолбондо̄р этіркэ̄н омолгӣлин бо̄кāнтін бугді укчакилкāн, бугді тэтілкэ̄н Бо̄кāлдін гэрбӣлкэ̄н о̄дам. Турулуйэ̄ токун, сӣ д'урсу бӯ хунāтпавун гачā гунмудэ̄ви эмэчэ̄ бинэ-бинэ! Он-дā сӣ, Гēван этіркэ̄н каравул акталдӯн кахарвуксā, коӈнорӣн кувэхэлдӯн коӈнорвуксā, гулухэл акталдӯн булунуйиксэ̄, гирамдас хэгдіӈэ̄лнэдукин эхим ӈэ̄лэрэ! Эр-ті эхӣт чалбан тіӣэвӯнд'ивӣ дулкāкинмас дэлпэрэӡэр иктэксэ̄, анӈидāвас д'эӡинтікӣ гарадāдиӈāв, д'эӡинӈӣдэ̄вэс антікӣ гарадāд'иӈāв! — гунд'эрэн.

Тікэ̄н гунэн-дэ̄, эмэксэ̄, хоронин дулмадӯн чалбан тіӣэвӯнд'иви иктэд'эрэн. Мит бэ̄йэӈит е̄ра-вал эчэ̄ ӈэнэвкэ̄ннэн ӈэнэвкэ̄ннэтпи тіӣэвӯнмэ̄н гаксā, мэ̄нмэ̄н хоромодӯн иктэрэн. Тариӈин бихэмдэ ділин сиклӣвӣ, тіӈэнин сиклӣвӣ, самакин сиклӣвӣ дэлпэрэӡэр сурурун. Эр бэ̄йэ ката мэ̄нмэ̄н хокто тэ̄рӣникин гараттан. Тар амардукин эр уӡ̄ӯ буӡа Хурко̄кчо̄нин, д'э буӡачӣл маталдулā ихиксā, со̄ӈку хӣмā мурин уйчэвӯнин сэргэлэ̄тін нāчаванан-дā соноӡоспӣ уйдэн. Д'э эр эмэ̄ бэ̄йэ тікэ̄ гуннэ турэ̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'аран:

— Уӡэлē-уӡэлē, ӯӡэндэ̄р! — Хуӈту дундэ хэдіӈдӯн, туспа дойду туйгундӯн эмӯкин мэ̄нин со̄ солочӣ, эмӯкин бэӡин балдічā уӡ̄ӯ буӡа сагдіӈилин, Чолбондо̄р-этіркэ̄н, Оннодор-атіркāн гунэрӣл гэрбӣлкэ̄хэр сагділ, уркэвэр нӣксэ̄л, доӈдоли доровайо д'авакалду! Ноноптін дорово биӡин, амаргӯптін улгур о̄ӡин! Минэвэ «иргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н мата эмэнді?» гӯнэксун, — уӡ̄ӯ буӡа бойунин ділачā омолгӣн Д'эргэлд'ин амӣлкāн, Гēван этіркэ̄н н'ӣдэӡ̄ӯ хунāд'ин Сēкак-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, мэ̄ндукки мэӈун ӈэ̄мэлкэ̄н, мэ̄ндукки нуйиргис контохилкэ̄н мэрилэ̄ соноӡохилкāн уӡ̄ӯ буӡа Хурко̄кчо̄нин бӣ биӈнэм. «Е̄кӯн нāдадӯ эрбэ̄ горо дундэлэ̄ айаннāна эмэнді?,» гӯнэксун, сӯ дулгӯ хунāт-хутэхун ун'акāнд'иви е̄ва-кат эчӣн тулутта со̄н'иӈ-Ун'аптук суракин сурурун, гэрбӣн гэ̄йэ̄нэн, тар д'уӡӯдӯн сунчана-дукӯрнэ эмэм. «Е̄дā?» — гунэксун, — умучӣдукки улдімӈӯйэви, д'ӯчӣдукки д'увчамӈӯйави, илачӣдукки ийāктāк гиркӣйэви улгучэ̄мэ̄чимдэк эмэчэ̄в. Д'э тарā о̄н гунділ сагділ биӈнэс? Бӯрӣвэр, эхӣвэр со̄т тургэнд'и улбутікэ̄н улгӯркэлду. Айан бэ̄йэвэ̄н экэлду алачӣвчара, сирӣ бэ̄йэвэ̄н экэлду сиричӣвчара! Эхӣл-дэ̄ элэксӣйдэ бихиксун, эрбэ̄н горо буӡалā эмэксэ̄, о̄н так мучӯд'иӈāв, сӯ-дэ̄ д'алдӯхун? Тарит со̄т тургэнд'и тулдулӣкэ̄н турэ̄ткэлду! — гунд'эрэн.

Эр амардукин д'ӯ до̄дукин умӯн со̄ма ургэ тіӈилэк иӡин тіӈиргэ̄нэ эмэрэн-дэ̄, уркэ нӣвухинчэрэн-дэ̄ д'эӈкир букатір кэ-

пичӣ бәйә, йӯксә, нуӈантікӣн сōт ухат ичәхиниксә, дәптікӣ әмәдәрән-ивит арай. Әр әмәд'әнә тікән гуннә турәчӣ-сәхәчӣ ōд'аран:

— Ōктанӣ-ōктанӣ, ōктан'ē! — Әр-кә, әр-кә уӯу буӯа бойунин, мәндукки мәӈун нәмәлкән, мәндукки куйиргис контохилкән, мәрилә соногохилкāн уӯу буӯа Хуркōкчōнин, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биӯин, амаргӯптін улгӯр ōӯин! Минәвә «иргӣт тәкәлкән-сәксәлкән мата биӈнәнді?», гӯнәкис. — Чолбондōр-әтіркән амӣлкāн, Оннодōр-атіркāн ән'ӣлкән ōктāӯ ойо тӯктәлкән Отанӣ-мата гунәрӣ уӯу буӯа бойунин, айӣ букатірин биӈнәм. Д'ә, тāдук ōдакин, сӣ тавар минә-ӯӯ сәнәрис сō, анāрис-кӯ сō? Таваргачин хәгдіӈә буруйва ōчā бинә, д'орсо ахӣ нāда дō! Кāрēн, мулāн'ē-вал омолгӣвав Бōкалдін гунмурӣвә вāлтаксā, авахиӯачӣн, мәмәливун омолгӣд'ивун сивайбаӈдāви н'әкәнді дō? Тікун'ē-тәлбән'ē биргәлби билдә! Тавар сәнәнәс кихӣдӯн әр-ті әхӣт кәӈтірәс уӯуктавāн ун'акачāнд'иви урихӣнд'иӈāв, уваӯас сәксәвәс кәӈәрәнд'әдӯс тәӯиксә, н'аӈн'а хōлаӈāн итәӯәстӯн услӣкәтнә әвӣд'иӈәв, әвтіләс гирамдад'ин д'ӯкчāкāна иливкāтна әвӣд'иӈәв, н'ирӣс гирамдавāн мōра иӈарāнин итәӯәстӯн йиргӣтікāн гиркәд'иӈәв! Әмәӈәт бимӣ, әмәмәлчәкәл, мучӯӈāт бимӣ, мучӯмалчакал! Әмәйәттәкис, тірупчинәс сумувӣ әлнәвәс кēйда тікилӣмә овкāнд'иӈāв, сон'иӈ сумуви әлнәвәс кēйда судурӣтмә ōвкāнд'иӈāв! Турулуйә тōкун д'ә, тувәхинді, д'ә илә мәнді әмәнді! — гунд'әрән.

Тікән гунән-дә бойундāскӣт лайдаӈлāви баткарӣд'ана суруд'урун. Әр мит бәйәӈит бихәмдә, әр чāӯӯ бәйә турәнмән дōлдіксā, суӯун бид'иӈән дō ēдук-тā сōт тікӯликсā, нуӈан амардукин дуйу дундәдӯ ēрчәклйви, маӈа дундәдӯ хәнӈәклйви бадарāннāна-бадарāннāна баткарӣд'ахинан. Д'ә д'ӯр айӣ букатірин илә мәрд'ивәр нāлдід'ара. Нуӈартін бихәмдә коӈнорин улдә колтолд'ивар коловурдāснал, букаталді-кāн иктәлдінәл тәрәӈкәкӣ кухӣлд'әкәттә: колтолтін иӯин н'аӈн'алā доргуйилдан, тіӈиләкитін иӯин дундәлә н'иргийилдән, бучукин мōва буктараӯар ийәдәктәмәтнәл, н'āликин мōва н'албураӯар әксәктәмәтнәл, урәвә бимӣ улту хәкинәл, кочово бимӣ комулута хәкинәл, дуйу дундәдӯ ēрчәклйвәр бадарāннāнал, маӈа дундәдӯ хәнӈәклйвәр әйәлтӯнәл ōлдід'ара-ивит арай. Нуӈартін бихәмдә горово-окот кухӣнәвәр әчәл сāра, даӯава-кат кухӣнәвәр әчәл сāра. Тар н'әкәд'әнәл чāӯӯ бәйә д'ә сōт дәрчә бадаӯа: нуӈан әдӯ-тāдӯ орондіхинчаттан, әдӯ-тāдӯ хәнӈәктәхинчәттән, ōн-ла ойин сōт мултēчә биӈәт, «бәйәӈив» гуннә, иӈалба иткунāвкӣ ōд'аран, курбәлбә кумнӯвкӣ ōд'аран; ēдā-ла ӈонум д'алин урумӯлд'әрән, әмӈә кәӈтірән тіӣәлд'әрән. Мит бәйәӈит бихәмдә колторӣклāви колочутчаран, иктәрӣкләви ēдәтчәрән, хәкихиндікләви тәптід'әрән. Тарбā н'әкәксә, ахӯнчад'иӈāн тар-дāт илан сахамактӯ дундәвә ливгәрәӯәр гарадāран-дā, діӯин ӈāлачӣ котокōнд'иви кавкавāн каркāн тāндāви н'әкәллән. Тарā чāӯу бәйә коточӣ ӈāлавāн уӈискӣ анучад'ана тікән гуннә турәчӣ-сәхәчӣ ōд'аран:

— О̄ктāнӣ-о̄ктāнӣ, о̄ктāнē! — Уӈӯ буӈа бойунин, Хуркōкчōн мата, бӣ тулдулӣкəн турəтчəрӣвəв до̄лāви до̄лдікал, иргəлəви иктəвкəл, сēндӯви силдікал! Эр-кə бӣ синдӯ ёкун сōва буруйва о̄нав буруйдӯв, əр тікəн атаӈастāнді? Ёма-дā ӈонум ӯд'авас олонов буруйив āчин бид'иӈəн, əмӈə ӯд'авас коӈдортікāнав āчин бид'иӈəн. Най бо̄ллар омолгӣви мулāнна, əр нəкӯнми мулāнна əр муӈнанд'ам бид'иӈəн. Синӈӣвə ёвас-кат əчəв тӣтəрə, синдӯ ухава о̄нав āчин, тарит сāтар əрӣксəдӯв əкəл илда! Хунāтпа гаксад'арӣ бəйə ир буӈадӯ кинниви балтанавāн ичəчəс? Ама əӈəхӣтпи кēйчалӣви, əдəр бəйə мəнмӣ гəрбӣви-дə əхинни од'о̄ро. Улӯ баӈад'и, таваргачиндӯ бӯ-дā хунāд'ивун д'улəтпи сурурӣвəн əчəв сāра. Буруйис баралдан, əр-дə н'əкəксə, гадіс əхин сāвра. Əдӯ бӣгдə əчəв бихӣ, миндук-тə бид'иӈəл бойухал бид'иӈəтін. Тāдук о̄дакин, бӣ нəкӯн гундī нəкӯнми ирəӈ-дундəдӯ о̄скēчə Ирəӈлинд'ə гунəрӣ мата, иччилəк турəнмəв иргəлəви иктəвкəл, до̄лāви до̄лдікал, сēндӯви силдікал! Бӣ əмӈə кəӈтірəв тіӣəлдəн, ӈонум д'алив урумӯлдəн, будəрӣӈив инəӈӣӈив əмəрəн, со̄т тургəнд'и əмəксə, əрӣксəвəв орухуйкəл! — гунд'əрəн.

Эр амардукин ичəхинд'иӈə əвгидəлӣн, ургəт-ургəт дундəвə н'иргийӣкнəн тӯнə умӯн мата əмəд'əрəн. Мит бəйəӈит, əрə до̄лдіксā, нуӈантікӣн ичəхиннəн бихəмдə əр о̄танӣ матадук горот хəгдімəр-дə, кēпмəтпи-дə хулəкə мата əмəд'əрəн-ивит арай. Эр əмəнə тікəн гуннə турəчӣ-сəхəчӣ о̄д'аран:

— Лиӈкир-лиӈкир, лиӈкирӣə! — Эр-кə, əр-кə уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин, доӈдолима доровойо д'авакал! Тар амардукин улгур о̄ӈнан! Минəвə «иргӣт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата əмəксə, улгурӣлкəн о̄данді?» гӯнəкис, — тавар муӈнанд'арӣ бəйəӈис умӯндӯ балдінан нəкӯнин ирəӈ дундəдӯ дікəнчəнə о̄скēчə Ирəглинд'ə гунмурӣ гəрбилкəн о̄дам. Эр сӣ ёкӯн сōва буруйва о̄чā матава тікəн муӈнāд'анді? Тікӯн'ē-тəлбəн'ē, ичəмəйē биргəлби билдə! Д'ə бӣ синəвə əр-ті əхит сумутпи əлнəвəс батта судурӣтмə о̄вкāнд'иӈāв, кəӈтірəс уӈуктавāн ун'акāчāнд'иви урӣхинд'иӈāв, тікəн сəнēнə тірчигинəс əӈəхӣви əлнəвəс кēйда, тікилӣмə о̄вкāнд'иӈāв, кəӈəрəнд'əдӯс уваӈас сəксəвə тəӈӣксə, н'аӈн'а хо̄лаӈан итəӈəстӯн услӣкəтнə əвӣд'иӈəв, мухəс гирамдад'ин бира урускалин итəӈəстӯн умӣвкāтна əвӣд'иӈəв, н'ирӣс гирамдавāн мо̄ра иӈарāнин итəӈəстун йиргӣтікāн гиркəкəтнə əвӣд'иӈəв! «Ёва гунчəв гунд'əнді, будəрӣви əмəрəкин, миндук ёва коргутчиӈāс, мəндукки коргуттави. Лиӈкир-лиӈкир, лиӈкирӣə! — гунд'əрəн.

Тікəн гунəн-дə əчə удад'ара — бутун ирəктə тіӣəвӯнд'иви хоронин дулмадӯн иктəд'əрəн. Мит-да бəйəӈит син тулуйар о̄рӣ мата о̄дан, ирəктə тіӣəвӯн тоӈорикта-кат əнə сулапта улту сурурун. Мит бəйəӈит тар-дāт коӈнорин улдə колтотпи букталӣкāн иктəнə кухӣлд'əкəттəн. Нуӈартін бихəмдə ёдук-тā ивəӈнəкит-əрчимнəкит бойундāсчара-ивит арай. Томтор дундəвə омчороӈор тӯнəл, н'аликин мо̄ва н'албураӈар, бучукин мо̄ва буктараӈар ийəдəктəмəтнəл, дуйу дундəдӯ ёрчəклӣвəр бадарāннāнал, маӈа дундəдӯ хəнӈəклӣвəр

бадара̄нна̄нал горово-да, даӈава-да̄ бойундāснавар эчэл са̄ра. Д'ӯр аййткан мата тэрэӈкэкӣ кухӯд'эрэ. Д'уӈарва̄н бимӣ силэксэд'ин са̄нал, болорвōн бōктад'ин са̄нал, туӈэрвэн умкактад'ин са̄нал, нэлкирвэн бимӣ лэптэркэнд'ин са̄нал ōлдīд'ара. Нуӈартiн бихэмдэ тоӈурук аӈӈанӣ устадӯн дэрумкӣрэ энэ кухӯд'эрэ. Тар амардукин мит бэйэӈит ӯӈӯ буӈа Хуркōкчōнин ча̄ӈӯ бэйэвэ тар-да̄т элчэ̄ тулутта — колторӣкла̄ви орондīнчавка̄ниттан, иктэрӣклэви ēдэтчэрэн, хэкихиндīклэви тэптiд'эрэн. Ча̄ӈӯ бэйэ улам-улам молтōд'орон, эмӈэ кэӈтiрэн тiйэ̄лд'эрэн, ӈонум д'алин урумӯлдэн. Эр амардукин мит бэйэӈит нуӈанма̄н ахӯвчара-кэт энэ илан сахамактӯ дундэвэ эмтэрэӈэр гарада̄ран, илан тоӈоруктална̄н н'уриктэдукин д'эӈинӈӯ ӈа̄латви илара̄ка̄н учихинан, нуӈанма̄н ириктад'амана оӈкой буксэткэнд'ин он'ика̄нма̄н ōд'аран, ибгунай сēктака̄нд'ин сигдэвэн гивгуд'аран. Ча̄ӈӯ бэйэ будэрӣӈин инэӈӣӈин эмэрэн. Тар амардукин тiкэн гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Лиӈкир-лиӈкир, лиӈкирӣэ! — Уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин, токтокол-болгойкал! Бӣ иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, дōла̄ви дōлдīкал, сēндӯви силдīкал! Ēкӯн сōва буруйва ōнадӯв ōн'ика̄нмав ōндi? Ōкин-да̄ синдӯ ухава ōнав а̄чин. Та̄дук айи бэйэвэн айи бэйэн эвкӣ ба̄лтара, «ба̄ракин, мэндӯн ургэ бивкӣ», гуӈкӣтiн. Тарит эрӣксэдӯв экэл илда. Эдук-та̄ ōракин, бӣ син'н'ун эхим моккустэ. Энэ-дэ ба̄лтара, нэкӯн гӯндī нэкӯнмэв ун'акандӯви ēва-да̄ эчӣн тулутта сōн'иӈ-Ун'аптук гунмурӣ гэрбӣлкэн килӣвлитка̄нма мэндi, суруксō, улгучэмэткэл! Д'э д'улэви бӯд'эн-ӈӯ, эд'эн-ӈӯ? Эмӣ-дэ, этэн, сӣ илан Сибир-сиктiрвэн ситэрӣ гиркумӣ, кēйикса̄ гамӣ, гадiс хуна̄т бид'иӈэн. Айа д'улэтви син этэн эмэрэ, тэд'э сōӈку мата бимӣ д'улэвэн-н'ун гамӣ, гадīс хуна̄т бид'иӈэн, — гунд'эрэн.

Мит бэйэӈит, эрэ дōлдīкса̄: «Тэд'эмэ-дэ айи бэйэвэн ва̄мӣ, бэйэ мэндӯн уха бид'иӈэн», — гуниксэ, бэйэӈӈи ӈа̄ладукин д'авакса̄, иливран. Тар н'экэксэ, д'э били хуна̄д'иӈла̄ви суруд'эрэн. Хуна̄т д'ула̄н ихикса̄, тiкэн гуннэ турэчӣ ōд'аран:

Уӈэлē-уӈэлē, уӈэндэр! — Сōн'иӈ-Ун'аптук, уркэви нӣксэ, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптiн дорово биӈин, амаргӯптiн улгур биӈин! Минэвэ «иргӣт тэкэлкэн — сэксэлкэн мата бихиндi?», гӯнэкис, уӈӯ буӈаду оскēчэ аӈнакӣлдук айаргӯтiн, маталдук ма̄ниргӯтiн багдарин мэӈун тэтiлкэн дiлача̄ омолгӣн Д'эргэлд'ин амӣлка̄н, Гēван-этiркэн н'йдэӈӯ хуна̄д'ин Сēка̄к-килӣвли эн'йлкэн, уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин эмэм. «Ēкӯн на̄дадӯ эмэндi?», гӯнэкис, сӣ гэрбилэс соруйан эмэм, умӯчӣдукки улдiмӈӯйэви д'ӯчӣдукки д'ӯвчамӈӯйави, илачӣдукки ийа̄ктак гиркӣйэви, гуннэ эмэчэ бэйэ бихим. Тара̄ ōн гӯндiви сōт тургэнд'и тулдулӣкэн турэткэл, улбӯтiкэн улгуркэл! Д'ӯр акӣндi айа турэнд'и улгумӣнэвэв эчэтiн элэксӣйдэ, д'укрэ комолēрэ-дэ эчэл кēйда. «Мэндi, суруксō, улгучэмэткэл» гунэ. Д'э мэнми эр эмэм, д'э улгучэмэткэт! Эмэрэкис-кэт, эхикис-кэт эксэрӣ бэйэ эмэм. Айа-ӈӯ эйэт

эмэчинді, уха-ӈӯ эйэт эмэчинді? Бй авгӯдӯн-дā бэлэм бэйэ бихим, илан Сибирвэ-ситэрӣ гиркурӣ мата бид'иӈэв. Д'э д'алвй сōт тургэнд'и тулдулйкэ̄н турэ̄ткэл, улбулікэ̄н улгуркэл! Айан бэйэвэ̄н экэл алāчивчара, сирӣ бэйэвэ̄н экэл сирӣчивчара». — Уӈэлэ̄-уӈэлэ! — гӯнд'эрэн. — Тар амардукин эр сōн'иӈ Ун'аптук, д'ӯдукки йӯксэ̄, тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ ōд'ардаӈа:

— Гурē—гурē, гӯрēн'ō! — Уӈӯ буӈа бойунин Хуркōкчōн гунэрӣ мата, доровойо д'авакал! Нонoптін дорово биӈин, амаргӯптін улгур биӈин! Бй турэ̄нмэв дōлдідāви сōт эйэ̄ттэкис, бй-дā хуркэ̄ӈ куӈакāн'н'ун улгучэ̄мэтчиӈэ̄в, гунчэӈнэм. Синдӯ таваргачин бардам-доксун д'алилкāн матадӯ ичэтчэнэ д'улэ̄тпи эхим сурурэ. Тэд'э̄ сōӈку мата бимӣ, ōкин д'улэ̄вэв гамӣ, гад'иӈāс, эмӣ этэ̄нді! — Гурē-гурē! — гуниксэ̄, хэтэкэ̄нд'эрэн-ивит арай.

Мит бэйэӈит ӈāладукин чаварӣхинан-дā, эр хунāт ӈāлавӣ кирӣд'ин бэйэ ӈāлавāн тулдірэӈэр иктэрэн-дā хэтэкэ̄нэн. Бэйэ бид'иӈэ̄н дō хунāтпа сӣха-калті чāварӣна ахад'аран. Эр хунāт баргӯн эхӣ ичэврэ моратки туксаран, морава коӈдороӈор боро-болōкāкāнма тāкалēна туксад'ахинан.

Эр мит бэйэӈит уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин бихэмдэ порубулōка тігділлэ̄ндулӣ нуӈандукин-дā хулэкэт эннумут туксана, давна ахад'аран. Эр ахāткāн илан эргэчӣн мōрава дāвран-дā, мит бэйэӈит эрэгэмэ улам-улам боконд'орон, тар-дат сӣхā-калті чаварӣна ахад'аран. Хунāт бихэмдэ умӯн илӣ урэлэ̄ тӯхана истан-дā, инмэкэ̄н ōксā, илӣлā чӣпкāн ӣхинчэрэн. Мит бэйэӈит тарā тар эчэ̄ гӯнэ, иларāкāн уӈкурус н'экэксэ̄, илан кирилкāн ōрбэ сэлэкэ̄н ōдан-дā, хунāт ӯд'алӣн чӣпкāн ӣхинчэрэн. Нуӈандукин-дā эӈэхӣт илӣ урэвэ улту сурувкӣ, тар-дāт боколдон. Хунāт бихэмдэ н'āндāт арама илӣдук суптіран, багдарин дэӈӣткэн ōксā, уӈискэкӣ хуркуд'ухинэн. Эр мит бэйэӈит моксоӈол-дэӈӣткэн ōксā, амаркāндукин ахамāтчаран, д'э нуӈан бихэмдэ. Эр ахāткāн-куӈакāн бихэмдэ ēдук-дā горо дундэлэ̄ уӈискэкӣ хуркумӣ-н'ун хуркуд'урун, уӈӯ н'аӈн'а хоромолōн истан-дā, ōкима-кат эчӣн хокоргоро чут чукачӣ лāйдалā тіктэн-дэ̄, илэ мэ̄нин ōран-дā тікэ̄н гуннэ турэ̄чӣ ōд'аран:

— Гурē-гурē, гурēн'ō! — Уӈу буӈа Хуркōкчōнин, турулуйэ тōкун, хэрэмэ дэрэ, чэлкэк мēван, н'āкса хāкин, сӣ минэвэ ōктāк ойо туктэлэ̄н «Отанӣ мата-гӯ», гунинді, «ирэӈ дундэдӯ дікэ̄нчэнэ оскēчэ̄. Ирэ̄глинд'э̄-мāтā-гу гунинді?» Бука аран хуӈту бид'иӈэв. Ахāткāн-дā куӈакāн бичэ̄лӣв сӣгдэ эмукин этэ̄нді атаӈастāра, синдін ӈāла-халган миндӯ-дэ̄ бихин бид'иӈэ̄н. «Сӣ сумудінді суму āчин», гунинді дō? — Бй синдук ӈāла кāлтакāдіндін-кат эхим ӈэ̄лэрэ. Тэд'э̄ сумут сōӈку мата бимӣ, эӈэхӣтпӣ кēймӣ-гад'иӈāс, эмӣ бōкāнми ōд'иӈāс. — Гурē-гурē, гурēн'ō! — гунд'эрэн.

Эр амардукин мит бэйэӈит уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин: Ичэкэл эр ахāткāн-куӈакāн бинэ бй-дэ̄ гунмурӣ матава тікэ̄н сэнēрӣн ēдӯ сōтаран», — гуннэ турэ̄нин-дэ̄ эхӣтпӣ йурэ тікӯлдан. Нуӈантікӣн эрэ̄-тарā эчэ турэ̄тчэрэ, эмэрэн-дэ̄ коӈнорӣн улдэ колтотпи сēнин

тəкə̄мəдӯн иктəрəн мит бəйəӈит. Аран əчə̄ тəҕəхинчəрə, ахāткāнкуӈакāн бинə тəд'ə̄мə-дə̄ сō-дā сумут ахāткāн-əвит. Били акнӣлин бид'иӈə̄н дō — горомот əӈəхӣ-əвит. Д'ə нуӈартı̄н бихəмдə омолгикāн хунāт тəрə̄ӈкə̄кӣ ōлдı̄д'ара: бучукин мōва буктараҕар ийəдə̄ктəмə̄тнəл, н'āликин мōва н'албураҕар ийəдə̄ктəмə̄тнəл, томтор дундəвə тонӈороҕор тӯнəл, оӈкучах дундəвə омчороҕор тӯнəл, урəвə бимӣ улту хəкӣрə, кочово комулута хəкӣрə, дуйу дундəдӯ ёрчəклӣвəр əйə̄лтӯнəл, маӈа дундəдӯ хəнӈəклӣвəр əйə̄лтӯнəл, горово-кот кухӣнəвəр əчə̄л сāра, даҕава-кат бойундāснавар əчə̄л сāра, нуӈартı̄н бихəмдə тəрə̄ӈкə̄кӣ бойундāсчāл. Эр н'əкəксə̄л илан бē̄ҕа долбонӣвāн, йəгин д'āн долбонӣва əнəл илихина дəрумкӣрə кухӣд'əрə. Эр н'əкəд'əнəл мит бəйəӈит бəйəви бəйə, ё̄дā-ла сō̄ҕур əмӈəлчə̄ биӈə̄т, ё̄дā-ла тəптı̄лчə̄ бада нуӈан. Эр ахāткāн-куӈакāн ōн-дā əӈə̄т туруру ōчā бада, нуӈан ə̄дӯ-дə̄ орондı̄хӣттан, тāдӯ-дā хəнӈəктəхӣнчəттəн, əмӈə кəӈтı̄рə̄н тı̄йə̄лчə̄ биӈə̄т, ӈōнум д'алин урумӯлчə̄ биӈə̄т. Мит бəйəӈит, тарбā н'əкəксə̄, ё̄кӯн-дā бокойа āчин нуӈанмāн тӯвкə̄лтəк-əлтəк пəрӣвчəнə əксəтəр ōксā, дундəвə илан сахамāктӯ ливгəрəҕəр гарадāран-дā, илан дāрилкāн солкомо н'ӯриктəдукин д'əҕинӈӯ ӈāладӯви учихиниксā, нуӈанмāн оӈкой урə̄лə̄ ирна, əксəксə̄, сигдəвə̄н гивгуд'аран. Эр бəйə нуӈанмāн илан долбонӣлкāн инəӈӣдӯ ирактад'ана идакад'аран. Эр хунāт əрəйдə̄к əмӈə кəӈтı̄рə̄н тı̄йə̄лдəн, ӈōнум д'алин урумӯлдəн, будəрӣӈин инəӈӣӈин əмəрəн, нуӈанмāн, ӈӣ-дə̄ əмəксə̄, орухуйдı āчин ōдан. Тар амардукин əр хунāт тı̄кə̄н гуннə турə̄чӣ ōд'аран:

— Гӯрē-гурē, гурен'ō! — Уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин, гиркӣ гундı̄ гиркӣв, бəҕин гундı̄ бəҕинми, бӣ турə̄нмəв иргəлə̄ви иктəвкəл, дōлāви дōлдı̄кал, сē̄ндӯви силдı̄кал! Бӣ əмӈə кəӈтı̄рə̄в тı̄йə̄лдəн, ӈōнум д'алив урумӯлдəн, будəрӣгдəв ōдан, «айӣ бəйə̄н бинə айимӈӯ ахāткāн əрӣксəдӯн илдакис, мə̄ндӯс ургə бид'иӈə̄н», билиргил сāрӣл сагдı̄л тı̄кə̄н гуниӈкӣтı̄н, тарит токтōкол-болгойкой! Ир-кə əр минəвə вāлтаракис, гиркӣ гӯндı̄ гиркӣс, умучӣдукки улдı̄мӈӯс, д'ӯчӣдукки д'ӯвчамӈӯс āчин од'иӈāн əчə бирə дō! Тарит ōдакин, бӣ-дə̄ буруйив сāврӣ буруй бимчə̄ бичəн-ē. Бӣ акӣн гундı̄ акнӣлвав əӈəнӣ ургəт онӣкāрватı̄н ōна əӈəнӣмə тı̄рə̄рӣвəс мулāниксā, тı̄кӯлчāв бид'иӈə̄н, буруйив таригда бид'иӈə̄н. Тāдук хуӈтуву ё̄ва-дā ōнав āчин бид'иӈə̄н, сӣ мə̄ндı-дə̄ д'алдӯс сō хəгдı̄ӈə̄ буруй бид'иӈəн дō? Сӣ ё̄ма-вал сə̄ксəвəс арай авахӣл атамартı̄н атаҕастāд'арӣватı̄н ичəчимчə̄с дō! Тарит-дā д'алдāмкāкал, əхӣт синəвə-дā атаҕастāрӣ бихикин, бӣ-дə̄ ōкин ӈəрӣ инəӈӣӈив əлдəлə̄н ичəврə илдı̄мчə̄в, гунчəчим. Сӣ, тарā д'алдāксā, токтōрокис-болгойдокис, ōн ахӯн бид'иӈəн! — гуниттəн.

Мит бəйəӈит, əрə̄ дōлдı̄ксā: «Тəд'ə̄мə-дə̄ буруйин докē-ивит», — гуниксə̄, ӈāладукин тāнан-дā тəҕəвкə̄н. Эр тəҕəвкə̄никсə̄, ичəнəн — карēн айа ичəдəн умнə̄мəт уларӣчā, карēн айа тəтı̄н н'āн тəтı̄н əчин ōра, карēн улор улдəн əчӣн сулапра, карēн айа сə̄ксəн н'āн ухачā. Эр бəйə бихəмдə, əрə̄ ичəксə̄, сō-дā бимӣ д'ə сōмат

болгорон, кутуруйдан бадаҕа нуҥан: «Эр карӗн мулан'ӗ-вал гиркӣ гӯндӣ гиркӣви эр айилāх муҥнāнавав», — гуннэ мэнин-дэ̄ кэлэйдэн. Эр амардукин тікэ̄н гуннэ турэ̄лкэн-ōд'аран эр уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин:

— Уҕэлӗ-уҕэлӗ, уҕэндэ̄р! — Эр-кэ, эр-кэ ичэкэлду, тікӯн'ӗ-соҥомō биргэлбэв! Карӗн мулāн'ӗ-вал гиркӣ гӯндӣ гиркӣви, умӯчӣдукки улдімҥӯви, д'ӯчӣдукки д'ӯвчамҥӯви, карӗн-мал улор айа улдэвэ̄н орэҕэстэ̄чэ̄ бихим эчэ̄ бирэ дō! «Ҥӣ ōксā тікэ̄н ōдандӣ?» гӯнэксун — уҕӯ буҕа бойунин Д'эргэлд'ин амӣлкан, Гӗван этіркэ̄н н'ӣдэҕӯ хунāд'ин Сӗкак-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, мэ̄ндукки мэҥумэ нэ̄мэлкэ̄н, мэ̄ндукки куйиргис контохилкэ̄н мэрилэ̄ соноҕохилкāн уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин биҥнэм. «Иргӣт тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэлкэ̄н килӣвлива тікэ̄н муҥнāндӣ?» гӯнэксун — уҕӯ буҕадӯ эмӯкин мэ̄нин хэгдіҥэ̄ бэҕин ōчā Чолбондōр-этіркэ̄н амӣлкāн, Оннодōр-атіркāн эн'ӣлкэ̄н ун'акāнд'ивӣ ӗва-кат эчӣн тулутта сōн'иҥ-Ун'аптӯк гунмурӣ гэрбӣлкэ̄н килӣвлива вāлтарӣгдав ōчā. Ахāткан-куҥāкāн буруйин-дā д'окӗва, бойухалдус тікӯликсā, алгахāчā бихим. Д'э, тарӣт эр илан Сибир-сиктӣрдӯн минтікӣ ōрӣ ҥӣ бихин? Бӣ ōнав аййвав ҥуҥнӯрдӣ д'алилкāн эвэнки-аймак умӯн-мул мата биркэ-гӯ, ӗрка-гӯ? Дэҥ мōсат бимӣ иччилэк турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвуҕин, дōлāви дōлдіҕин, сӗндӯви силдіҕин, бӣ ӗма-кат албахитпи эҥэ̄т арӣвра ōчā бихим. Умӯн-мул айа д'алилкāн аййткāн мата бимӣ айайа ōракин, бӣ айава айат тамамчāв. Сōт тургэнд'и эмэксэ̄л, айҥāтіл бимӣ аймалчакалду, эҥэ̄тіл бимӣ, эхӣвэр айда, н'āн сāвкāкалду. — Уҕэлӗ-уҕэлэ̄, уҕэндэ̄р! — гуниттэн.

Д'э эр амардукин бихэмдэ ахӯна-дā энэ бихи, коҥнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул барāлд'ара, хуларир туксул хуктід'эрэ, тар-дāт эдін-эдін ōран, тігдэ-тігдэ тікилдэн, имана-имана иманалдан, бōкта-бōкта бōкталдан, ӗдук-тā ивэҥнэк-иччилэк коллорук боҕо ōран, агдӣ боҕо н'иргийдэн, чагилган боҕо тікрэн. Эр тікиксэ̄ этэмӯрэкин, уҕӣт илан багдарин дэгиткэ̄р киҕинāнал-кирилāнал эмэксэ̄л, уҕӣлӣ иларā-дігрэ̄ пэрӣнэл дэҕиктэд'энэл тікэ̄н гуннэл турэ̄лкэ̄хэл-сэхэлкэ̄хэл ōд'ара:

— Кикир-кикир, киҥкилāн'ин! — Эр-кэ, эр-кэ уҕӯ буҕадӯ оскӗнэ̄ аҥнакӣлдук айаргӯтін, маталдук мāниргӯтін багдарин мэҥун тэтілкэ̄н ділачā омолгӣн Д'эргэлд'ин амӣлкāн, Гӗван этіркэн н'ӣдэҕӯ хунāд'ин Сӗкак-килӣвли эн'ӣлкэ̄н, мэндукки мэҥун нэ̄мэлкэ̄н, мэ̄ндукки куйиргис контохилкэ̄н мэрилэ̄ соноҕохилкāн уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин, доҥдолима доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биҕин, амаргӯптін улгур ōҥнан! Эр мунэвэ «иргӣт тэкэлкэ̄хэл-сэ̄ксэлкэ̄хэл, дэгрӣл дэктэндэлкэ̄хэл дэҕӣткэ̄р биҥнэс?» гӯнэксун — эр бӣ н'āн уҕӯ буҕадӯ ōскӗчэ̄-тівāнчā надан ōхикāкта укчакилкāн Хэглэндэ̄р-этіркэ̄н амӣлкāн, Сивэккилэ̄н-атіркāн эн'ӣлкэ̄н, илан Сибир-сиктӣрдӯн ӗкӯн-дā будэрӣвэ̄н эхӣ эндэйдэ ичэҕэт идэлкэ̄н, ӗкӯн уха-дā ōвракин айна д'аритті д'арикилкāн, бучэвэ аритті алгихилкāн, айй бэйэлбэ̄н айичимҥӯ, айа удаҕан ахāткāн Айāкчāн-килӣвли гунмурӣ гэрбӣлкэн ōдам. «ӗкӯн д'уҕӯдун эмэнни?»

гунэксун — «Эр Чолбондор-этіркэн амӣлкан, Оннодо̄р-атіркāн эн'йлкэн, ун'аканд'иви ē̄ва-кат эчин тулутта со̄н'иӈ-Ун'аптӯк гунмурӣ айймӈӯткāн ахāткāн будэн-мундэн», — гӯнэс-то̄, тар д'уӈӯдӯн эмэм. Эрэй бимӣ, бэӈин-акӣнми, уӈӯ буӈа Хурко̄кчо̄нин, ēкӯн-ка о̄кса̄, тікэн муӈнāнді бо̄лла? Тар-дā бимӣ айа бид'иӈэн. Со̄т экэл ӈэлэрэ, бӣ турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, до̄лāви до̄лдікал, сēндӯви силдікал! Бӣ синдӯ ухава о̄нави оӈӣдāс, сукчакави саӈāнāтідāс эр уӈӯ буӈат багдарин мэӈун чивкāчāнин илан умуктавāн эмувум. Таварилд'и бэӈэдэ̄кэл: хуларин умуктат до̄дӯн умувкал, сиӈарин умуктат гирамдавāн имӯкэл, багдарин умуктат улдэвэ̄н имӯкэ̄л. Тāдук о̄дакин, д'э эхӣлэ эдук тікэ̄н экэлду н'экэрэ, тӯрэ̄н калтакāйанкат экэлду мэккустэ, д'олихун тāниӈин, бāтихун д'алувуӈин, мēвардун колбониктін, д'ӯва тāкалду, тоӈово илакалду, хутэвэ балдівкалду, со̄хувэ курēкэлду, оронмо иргикэлду, идэӈэвэ иӈэркэлду, каччива д'авакалду, тэтівэ тэткэлду, д'эвгэ̄вэ д'авакалду, д'эмувэ айкалду айа гэрбӣвэ гакалду, н'имэ̄р айаргӯн о̄калду. Аймакилдун арчактін, аӈнакӣл айāвуктін, сагділ-эхэ̄лдун илкэ̄йиктін, эвэ̄лдун-атіркāр алгāктін! Д'ӯр халгалкāндӯ д'улэ̄вэр экэлду бӯрэ, д'ӯр ӈалалкāнма экэлду ухуннарда, д'алалкāндук экэлду судурдэ, тіӈэлкэ̄ндук экэлду тіктэ! Сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мӯндӯ биӈин! Буралийа бурастī биӈин! — Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! — гунд'эрэн.

Эр тікэ̄н гуниксэ̄, айа удаӈан Айакчāн-килӣвли илан умуктава тікивд'эрэн-ивит арай. Эрэ̄ бихэмдэ мит бэйэӈит уӈӯ буӈа Хурко̄кчо̄нин тэвэксо̄ран-дэ̄. Д'э, нуӈан бихэмдэ били умучӣдукки улдімӈӯви, д'ӯчӣдукки д'ӯвчамӈӯви, илачӣдукки ийāктак гиркӣви бэӈэдэ̄нэ хуларин умукта мӯвэ̄н умувд'аран, сиӈарин умуктат гирамдавāн имӯд'эрэн, багдарин умуктат улдэвэ̄н имӯд'эрэн. Тариӈин бихэмдэ ичэд'иӈэ эвгидэ̄лӣн ноноптідуккикат айа, улор о̄хинчаран, тэтідӯн бимӣ йдӯ-кэт тэкэкэ̄н āчин, йдӯ-кэт н'аӈдайа-да āчин о̄дан. Д'э эр амардукин эр уӈӯ буӈа Хурко̄кчо̄нин тікэн гунинэ турэчӣ-сэхэчӣ о̄д'аран:

— Уӈэлē-уӈэлē, уӈэндэр! — Эр-кэ эхилэ уӈӯ буӈадӯ балдінӣл килӣвлиткāр, сӯ д'э бӣ иччилэк турэ̄нмэв иргэлэ̄вэр иктэвкэлду, до̄лāвар до̄лдікалду, сēндӯвар силдікалду! «Ӈӣ о̄данді?» гӯнэксун, — уӈӯ буӈа Хурко̄кчо̄нин биӈнэм. Д'э били миндӯ айава о̄чā надан о̄хикāкта укчакӣлкāн Хэӈлэндор байан амӣлкāн, Сивэккилэ̄н-атіркāн эн'йлкэн, илан Сибирдӯ ēма-дā бучэ̄вэ эхӣ эндэйдэ ичэӈэт идэлкэн, ēкӯн уха-дā о̄вракин, айна д'аритті д'арикилкāн, бучэ̄вэ аривр̄й алгихилкāн айӣ бэйэлбэн айичимӈӯ айа удаӈан Айакчāнкилӣвли, бӣ турэнмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, до̄лāви до̄лдікал сēндӯви силдікал! Д'э тэд'эмэ-дэ̄ эвэнкӣ айӣ бэйэлдӯн айа удаӈанахāткāн балдічā бихинді-ивит. Эр бӣ гиркӣв, сӣ эхикис эмэрэ, бунэн-мундэн горо о̄чā бимчэ̄. Тікин д'э буӈалāвар мучӯрӣл матал о̄дав. Тавар айадӯс ēмӣ-кат айайа о̄д'иӈāв, о̄кин бакалдідалāвар буралыйа бурасті биӈин! Эр айадӯс балтаччӣ балтарā бихӣвайа д'авакал! Тāдук о̄дакин, эр бӣ мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н,

мэндукки куйиргис контохилкэн мэрилэ соноҕохив, н'ан би иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, долави долдiкал, сендуви силдiкал! Д'э би умучидукки улдiмӈуви, д'учидукки д'увчамӈуви, илачидукки ийактак гиркийэви ева-кат эчин тулутта сон'иӈ Ун'аптук гунмури гэрбилкэн ахаткан-куӈаканма гам. Сот тургэнд'и эмэмэлчэкэл, буҕалавар сурумулчоҕот. Уҕэлε-уҕэлε, уҕэндэр! — гуннитэн.

Эр амардукин екун нуӈанман бэлэннεркэ болла, эр соноҕохиткан-мурин бихэмдэ, ичэхиндi эвгидэлин иччиви даҕадун илэ мэнд'иви эмэксэ, коруйихинчаран-ивит арай. Эр эмэчэвэ мит бэйэӈит, д'аваксa, айат ичэнэн бихэмдэ, эр соноҕос ноноптiдукки-да айа, гуд'эййхи оча, едук-та сот бургучо, тулухуйчэ. Д'э эр омолгилкан хунат эр соноҕостувар д'угрэ мэӈэстεнэл, омолгиргу бими кара хорокиткан ӈачин, хунат эрдэҕэхиткэн хорокиӈачин мурин ойолон капкан хэтэкэнчэрэ. Ӈивэ-дэ энэл ичэхинэ уҕу буҕа Хуркокчонин буҕаткакин салайда-да муринтiн «хуктiд'эрэн», гундэ, хуктiридук хуӈтут, «дэгд'эрэн» гундэ, дэгридук хуӈтут, томтор дундэвэ тонӈороҕор тувкэннэл, оӈкучах дундэвэ омчороҕор тувкэннэл, н'аликин мова н'албураҕар, бучукин мова буктараҕар ӈэнэвкэнд'эрэ. Эр бэйэ били киннилдуви тiкулнан эрэҕэр-дэ эчин илтэнэ биӈэт боллаҕа, били сибайба-да, е-да ачин. Ахиви-нун гаран-да екун-кат нада ачин бадаҕа нуӈандун. Эр бэйэткэн бихэмдэ эр киннилби даҕалитiн ӈэнэвкэнд'энэ тiкэн гуннэ турэчи-сэхэчи од'аран:

— Уҕэлε-уҕэлε, уҕэндэр! — Эр-кэ умун уҕу Сибирду эмукин хэгдiӈэ бэҕин оча Чолбондор-этiркэн, Оннодор-атiркан, доӈдолима доробойо д'авакалду! Ноноптiн дорово биҕин, амаргунтiн улгур оӈнан! Минэвэ „иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн мата, эмэксэ, доровол-кон оданді?" гунэксун — уҕу буҕа бойунин аӈнакилдук айаргутiн. маталдук маниргутiн дiлача омолгин Д'эргэлд'ин амилкан, Гевган-этiркэн н'идэҕу хунад'ин Секак-киливли эн'илкэн, мэндукки мэӈумэ нэмэлкэн, мэндукки куйиргис контохилкэн мэрилэ соноҕохилкан уҕу буҕа Хуркокчонин биӈнэм! Ахаткан-куӈакан хутэвэхун гадiмаду гам. Эчэхун бурэ-дэ би аналлакки он эд'эм гада? Би-дэ син суӈӈэчин эвэнки айи бойунин бичэв, екунмав хуӈтоксол, энэвэхун элэксийдэ мэнми-дэ эчэв сара, тарит син «этэрэ сибайбаӈра», гуннэ эчэв тарийда. Ӈидук коргуттiвар мэрдун сарас, би н'ан мэнми сам. Тара амаргут-да, эхит-дэ он гундiвэр д'алвар тулдуликэн турэкэлду, улбуликэн улгуркэлду. Су айихун суӈду, бу айивун мунду биҕин! Тар-да бичэлин сот-айат бикэлду, эмикат айат н'экэйэми, санад'иӈав, буралийа бурастi биҕин. — Уҕэлε-уҕэлε, уҕэндэр! — гунд'эрэн.

Эрэ долдiкса, чаҕу Чолбондор-этiркэн бихэмдэ тiкэн гуннэ турэнми нуӈандулан эдiнду уӈд'эрэн:

— Далгир-далгир, далгирийа! — Эр-кэ, эр-кэ уҕу буҕа бойунин, аӈнакилдук айаргутiн, маталдук маниргутiн дiлача омолгин Д'эргэлд'ин амилкан, Гевган-этiркэн н'идэҕу хунад'ин Секак-киливли

эн'йлкэн, мэндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэн, мэндукки куйиргис контохилкэн мэрилэ соноҕохилка̄н уҕӯ буҕа бойунин Хуркōкчōн гунмурӣ мататка̄н, бӣ иччилэк турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, дōла̄ви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'э тавар бӣ д'алдӯв сōт элэкиндı улгӯриндı, городук н'экэйэ̄рӣ бэйэ баранма та̄нмундı. Тар омолгйл суҕун энэл улгучэ̄мэттэ, хуна̄тпар д'алба̄н энэл на̄ра, тавар айданма ōра эчэ̄ бирэ дō. Бӣ ēва синдук коргутчам, ахака̄нд'икат эхим коргутта, «д'алдӯви д'аваран бид'иӈэ̄н», гуннэ экэл д'алда̄ра. Та̄дук ōдакин, тавар гундıҕэчинми, мэ̄ндı гиркундı «ōкин элэкин ōдан, гунмӣ, н'экэйэ̄дэ̄вэ̄т», бӣ эӈнэм утара. Та̄дук тавар бӣ ахака̄н-куӈака̄н хутэв, ун'ака̄нд'иви ēва-кат эчӣн тулутта сōн'иӈ Ун'аптук хутэ, бӣ турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, дōла̄ви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'э тавар гиркӣ гундı̄ гиркӣс синдӯ сōма элэкин мата ōдан, мэ̄ндı-дэ̄ са̄ндı бид'иӈэ̄н, та̄рит э̄дук эмэрӣ инэӈйлдӯ, арчарӣ анӈанйлдӯ сōмат айат, сōмат эйэлэ̄кит бинэл, энэл турэ̄мэттэ, д'ӯва д'авакалду, тоҕово илакалду, хутэвэ балдıвкалду, сōхувэ иргикэлду, оронмо курэ̄кэлду, н'имэ̄р айаӈин ōкалду! Бӣ алганав бӣ алганав ōҕин, бӣ турэ̄нми минӈйҕэчин айа илкэйи ōҕин! Д'ӯр халгалка̄ндӯ д'улэ̄вэр экэлду бурэ, д'ӯр ӈа̄лалка̄нма экэлду ухуннарда, тıӈэлкэ̄ндук экэлду тıктэ, д'алалка̄ндук экэлду судурдэ, эвтıлэ̄лкэ̄ндук экэлду олдонд'ивар тıктэ! Сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мундӯ оҕин! Буралийа бурасай биҕин! Далгир-далгир, далгирйа! — гуниттэн.

Д'э эр амардукин эр уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин, нуӈан бихэмдэ, эр мэрилэ соноҕоспи д'улэ̄вэн дулин буҕаткӣви салайикса̄, д'э илбэ̄д'экэ̄чирдэҕэ, кимн'ӣ иҕин кӯхилйка̄н суруд'урун. Соноҕос мурин бихэмдэ тэд'эмэ-дэ̄ сō-да̄ сумут мурин-ивит: д'улэ̄дӯн бимӣ багдарин тамнакса бургалйка̄н суруд'урун, амардӯн бимӣ коӈнорин тукала королйка̄н ӈэнэд'эрэн. Эр ӈэнэд'энэ мурин бихэмдэ улам-улам дундэдӯ тӯрйн элдэн са̄вра, тар-да̄т дэҕилд'эрэн-ивит арай. Эр дэҕиликсэ̄, нуӈэн бихэмдэ д'апкун туксу д'апкайа̄дӯн, йэҕин туксу туктэрйэ̄дӯн, коӈнорин туксу дōдӯн нэнэвкэнд'эрэн. Д'э эр бэйэл горово-кот сурунувур эчэ̄л са̄ра, даҕав-кат сурунувур эчэ̄л са̄ра, д'уҕарва̄н бимӣ силэксэд'ин са̄нал, туҕэрвэ̄н бимӣ умкактад'ин са̄нал, нэлкирвэ̄н бимӣ лэптэркэнд'ин са̄нал, болорбōн бимӣ бōнад'ин са̄нал ӈэнэчэ̄ ӈэнэд'эрдэктэрэ. Д'э нуӈартıн биксэ̄кэ̄р, нимӈака̄н биксэ̄, ахӯн-да̄ горо бичэ̄лйн удаӈа̄т-да̄ бэйэл бид'иӈэтıн — тар-да̄т дулин буҕала̄вар исчараивит арай. Эр ихикса, уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин бēҕа д'апкадӯн хактıра долбонйва бēҕалтанмӯчарӣ мэӈун сэргэдӯви соноҕоспӣ уймэлчэрэн-дэ̄, д'ӯр д'апкун кирйлка̄н ампа̄р-д'ӯви уркэлэ̄н эмэксэ, тıкэ̄н гуннэ турэ̄чӣ ōд'аран:

Уҕэлē-уҕэлē уҕэндэ̄р! — Эр-кэ, эр-кэ Гēван-этıркэ̄н эхэ̄кэ̄нд'эв хутэлин — дурукмахун, доровойо д'авакалду! Ноноптıн дорово биҕин, амаргӯптıн улгур ōӈнан! Та̄дук ōдакин, эр мунэвэ иргӣт тэкэлкэ̄хэл-сэксэлкэ̄хэл матал эмэксэ̄л, доровокōхол ōдас гунэксун, бӣ мэ̄нми бимӣ уҕӯ буҕа бойунин, аӈнакйлдук айаргӯ-

тін, маталдук маниргӯтін, багдарин мәӈун тәтілкән діладā омолгӣн Д'әргәлд'ин амӣлкāн, Гēван-әтіркән н'ӣдәҕӯ хунāд'ин Сēкаккилӣвли ән'ӣлкән, мāндукки мәӈумә нәмәлкән, мāндукки куӣиргис контохилкāн мәрилә соноҕохилкāн уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин бӣ биӈнәм. Тадук ōдакин, әр гиркӣ гӯндī гиркӣв бимӣ уҕӯ умӯн бутун Сибирдӯ әмӯкин мāнин хәгдіӈә бәҕин ōчā Чолбондор-әтіркән амӣлкāн, Оннодōр-атіркāн ән'ӣлкән, ун'акāнд'иви ēва-кат әчӣн тулутта сōн'иӈ Ун'аптук гунмурӣ гәрбилкән ахāткāн-куӈакāнма умӯчӣдукки улдіміӈӯӣәви, д'ӯчӣдукки д'увчаміӈӯӣави, илачӣдукки аналлāкки, д'ә илан Сибир-сиктірмәвән ситәримә гиркуксā, әләмәв ōксā, д'ә бәӣәви бәӣә, д'ә гадімадӯ гаксā, әмувум. Амӣн гӯндī амӣнмӣ, уҕӯ буҕа Д'әргәлд'инин, ән'ӣн гӯндī ән'ӣнми Гēван-әтіркән н'ӣдәҕӯ хунāд'ин Сēкак-килӣвли, уркәвәр нӣксәл, бӣ гиркӣвәв ичәмәлчәкәлду.— Уҕәлē-уҕәлē, угәндәр!— гунд'әрән.

Әр амардукин ән'ӣнин Сēкāк-килӣвли, уркәви нӣксә, ичәнән бихәмдә, д'ә, тәд'әмә-дә бәӣә гиркӣчӣ бихим гунӈәтін ахāткāн бадаҕа нуӈан: аӣа китіҕирас боӣун кēпилкән ахāткāкāн-куӈакāн әмәлдīчә-ивит араӣ. Сēкак-килӣвли, д'ӯр ӈāладӯви әлгәнә д'ӯлāви ӣвуксә, н'уӈун халгалкāн мәӈумә кириваттӯ тәгәвкәнд'әрән. Әр амардукин, тулискӣ ӣӯксә, д'ӯрә-иларā әӈтәвкәхинән-дә илан нулгӣ тугурумчәлкән илан кохилкāн курēнд'әлән илан дәткән дәләмӣчән д'алумкāкӣ ӣхинчәрән. Тар амардукин илан арима актава, илан баӣтахун бастіӈӈāн, илан баӣтахун бēвә вāксā, омолгӣлкāн кукинмӣ āхиптін малахунатін ичәхинд'иӈә әвгидәлӣн астамандāран-дā, діҕин кирилкāн остолинд'ава тāниксā, аксāман әхӣ сāвра баран норōтпа умӣвран. Горолō бихӣвә сōӈку н'ōҕāркāн оронд'и хуктуврә, даҕат бихӣлбә дулумдул орорд'и әлгәнәл әмуврә. Туруӣантімал омолгӣл голēкē ōра, киталикинтімал хунӣл кинтāкē ōра, туӈуриӈд'ән-әтіркәр тувәмәдӯ д'алупра, кодоҕоӣиӈдан-атіркāр кочо кочово д'алупра. Әр умӣвуксāл, әвәнкӣ аӣӣ норотін бутуннумән умӣвуксāл, әр уҕӯ буҕа Хуркōкчōнин гунмурӣ гәрбӣлкән мататкāн ун'аканд'ивӣ ēва-кат әчӣн тулутта сōн'иӈ Ун'аптук гунмурӣ гәрбилкән ахāткāн-куӈакāн āхиптін сибаӣбаватін д'әвд'әрдәктәрә әр әвәнкӣткәр. Нуӈартін бихәмдә әр сибаӣба д'әвгәдӯн ӣәҕин долбонӣлкāн инәӈӣвә тәҕәтмәтчәрә: сәхәчӣхәл сәхәргēрә, икәләхәл икәрә, улгучәнділ улгучәнә, тар амардукин алгалāхал алгара. Тāрит ēдук-тā ӈонум корулкән-нарилкāн, әмӈә дәләӣ әвӣлкән урӯ сибаӣбан ōдан. Әр умӣпчāл мататкāр, д'әптī д'әвгәвәр әтәксәл, әвӣкӣт лаӣдаӈлāвар әтіркәр әтіркәлн'ӯн әлгәмәтнәл, атіркāр атіркāлн'ӯн аргистаснал, омолгӣл омолгилн'ӯн бодомōтнол, хунӣл хунӣлн'ӯн әлгәмәтнәл, д'улгӯ бәӣәдук амаргӯ бәӣә әхӣд'ин ичәврә улбулӣкāн бодомōтнол суруксōл, д'ә ӈāла-алган әвӣнмән тәрӣӣиксәл, туксāхал тухсара, килиӣділ килиӣкāтта, истаӈалāрӣл истаӈалāкāтта, кōбактурӣл кухуӣкāтта, н'ōрчахал н'ōрчара, арāхинаӣ манділ матал тāнчамāтта.

Эр эвйн дуруктӯн эр уӈӯ буӈа Хуркōкчōндӯн тэрэтнэ эвйлдірӣ тавгйт эмэчэлдук умӯн-кут ӑчин ōран. Арай нуӈан'н'унин сōмат колкут д'аланин энэ хавахина эвйлдірӣ умӯн мата оскēчэ-тівӑнчӑэвйт арай. Эр «иргйт тэкэлкэн-сэксэлкэн мата ōдан», гунмӣ — мит мэрті бэйэӈит нонопті кихалгалдукит бихачӑ били Коколдокōн гунмурӣ амилкӑн, томкодікӑн ӯд'ачӣ Инмэкэн-килйвли эн'йлкэн, мэндукки хуларин мэӈун нэмэлкэн, мэндукки илан дарилкӑн улгэр н'ōӈулкӑн мэрилэ орон укчакилкӑн дулин буӈа Хуркōкчōнин гунмурӣ гэрбилкэн мататкӑн ōдан. Д'э тӑдук городук эмэл матал, эр дулин буӈа бойухалдукин сōт д'улаййксӑл, эвйндук таргахиксӑл, буӈалкӑхал буӈалдулӑвар сурутід'эрэ. Тар амардукин эр мит Иркисмэнд'эт иччатілин мэртін умӯн дулин буӈавар ділвӑн сӑнал, бутун гōрод ōксӑл бид'эрдэктэрэ. Эр урӯ таргаснадукин эр дулин буӈа Хуркōкчōнин илалдава-н'ун бирэн, умӯн тіманйдӯ бэйэӈилби дэптікэкӣ тэӈэрэн, тікэн гуннэ турэлкэн-сэхэлкэн ōд'ардаӈа:

— Уӈэлē-уӈэлē, дэлэӈэй! — Эр-кэ, эр-кэ, амйн гӯндī амйнми илан Сибйр-сиктīрдӯн ситэрӣ гэрбйлкэн, дулин буӈа Коколдокōнин, эн'йн гундī эн'йнми томкодікӑн ӯд'ачӣ Инмэкэн-килйвли, акйн гӯндī акйнми уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин, экйн гӯндī экйнми ун'аканд'иви ēва-кат эчйн тулутта сōн'иӈ Ун'аптук — сӯ дурукихун, бй турэнмэв иргэлэвэр иктэвкэлду, дōлӑвар дōлдікалду, сēндӯвар силдікалду: бй эдук-тӑ урӯнмӣ-кат этэн йӯрэ, ийэв-кэт этэн балдіра, д'аланми д'акнаран, улдэв сӑхин ситрэн, тарит илан Сибир-сиктīрвэн ситэрӣ гиркудӑви эйэчим. Тарит ēкӯн-мал сорукйа бӯкэлду, иртікӣ бй гиркурйдӯв элэкин дундэйэ сӑрйл бимӣ н'уӈн'йкэлду. Мэнми д'алвав дōлдīмӯрйл бихиксун, умӯчйдукки улдімӈӯйэви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯйави, илачйдукки аналлак гиркййэви бакадӑвӣ эйэчим. Тӑрит авгӯхун н'уӈн'иттэс? Сӑрйл бимӣ сōт тургэнд'и н'уӈн'имэлчэкэлду, сирӣ бэйэвэн экэлду сирйчивчара, айан бэйэвэн экэлду алӑчивчара! Ахӯн-дӑ горо, гуннэл, экэлду кэрэйдэ, хуркэн-куӈакӑн гиркунмӑн гиркурӣ мататкӑн биӈнэм. — Уӈэлē-уӈэлē, дэлэӈэй! — гунд'эрэн.

Эр тікэн гуннэдӯн эн'йнин Инмэкэн-киливлй: «Бй эчэв сӑра, амйндī сӑран», — гуниттэн. Тӑдӯ бихэмдэ амйнин Коколдокōн бихэмдэ: «Бй илан Сибир-сиктīрвэн гиркучӑлйви, бойундӑстīдук хулэксэ, ахӑткӑн-куӈакӑна эчэв хэрӯвчэрэ, тарит бй-дэ эчэв сӑра. Тавар акйндī уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин сӑран бид'иӈэн», — гуниттэн. Тӑдӯ бихэмдэ эр сōн'иӈ Ун'аптук:

Бй сам синдӯ элэкин ахӑткӑнма, — гунд'эрэн-ивит арай.

Тар амардукин эр сōн'иӈ-Ун'аптук, ōмакта кукин, дулин буӈа Хуркōкчōнмōн дэптікэкӣ тэӈэксэ, тікэн гуннэ турэчӣ-сэхэчӣ ōд'аран:

— Гурē-гурē, гурēн'ō! — Эр-кэ, эр-кэ, дулин буӈа бойунин илан Сибир-сиктīрдӯн ситэрӣ гэрбилкэн, дулин буӈа Коколдокōнин амйлкӑн, уӈӯ буӈа бойунин н'аӈн'а омолгйн Д'уӈирманд'ӑ амйлкӑн Инмэкэн-килйвлй эн'йлкэн, мэндукки мэӈумэ нэмэлкэн,

мәндукки улгәр әлгурилкән мәриле укчакилкāн, дулин буҕа Хуркōкчōнин, нәкӯн гӯндı нәкӯнми, бӣ турәнмәв иргәлеви иктәвкәл, дōдӯви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'ә бӣ сāрӣви н'уӈн'ӣмкәктә, әләксӣӣмӣ «әләкин» гунд'иӈас, әмӣ «әхин» гунд'иӈәс. Әр дıлачā йӯктәмәвән сурурукис, илан Сибирбә әрәҕәмә токорд'орӣ хәгдıӈә хавāчӣ сōӈкӯ бәҕин ōчā надан ōхикāкта укчакӣлкāн Хәгләндәр байан әтıркән, Сивәккилән байан атıркāн гунмурӣл надан хунāд'итıн хәргән ōна оскēчә, илан Сибирдӯ ēкӯн суксакāва дуруккāн әнә әндәйдә ичәрӣ ичәҕәт идәлкән, бучә-дә бихикин, аривр д'арикилкāн, ēкӯн суксакāва аӣӣттıдӯ аналилкāн айа удаҕан Айāкчāн-килӣвли гунмурӣ ахāткāн бихин-ē! Ката сō, сō горо буҕа бид'иӈән. «Коловурин ахун?» гӯнәкис, дәгрӣ дәктәндәлкән ӈәнәтән, йәгрә умӯксā, истıн буҕа бид'инәӊ, дундә ойолӣн тоӈкурчактāна ӈәнәрӣ, илан йәгрә хутәӈӣксә, истıн буҕа бид'иӈән. Тарā әмӣ кәрәйдә, суруксō, әмуврәкис, дуруктӯт-тā айа бимчә гӯнчәчим. Сӣ-дә мәндı сāкал, ōн гундı д'алвӣ турәткәл — Гурē-гурē, гурēн'о! — гуниттән.

Әр дōлдıксā, әр дулин буҕа Хуркōкчōнин тıкән гуннә турәчӣ ōд'аран:

— Ӯҕәлē-ӯҕәлē, дәләҕәй! — Уҕӣ гундı уҕӣв, әкӣн гундı әкӣнми, ун'аканд'иви ēва-кат әчин тулутта сōн'иӈ Ун'аптук гунмурӣ килӣвлиткāн, д'ә тавар сӣ сōт әләкинд'и н'уӈн'ӣндı. Бӣ д'алдӯв горон сōҕур айа, даҕалā гиркучāлӣви гиркучāду-да әхим нәрә, суракин-да әтән субулуна, гәрбӣн-дә әтән гәйәнә. Илан Сибирсиктıрвән ситәрӣ гиркуракив, мәндӯв-дә астıк, сундӯ-дә астıк, аӈнакӣл айаргāнтıн-дā дōлдıрӣдӯтıн айа бид'иӈән. Тарит, уҕӣ гундı уҕӣв, тавар дундәвә н'уӈн'инәдӯс балтаччи балтарā бахива биҕин! Д'ә бӣ айив миндӯ, сӯ айихун сундӯ ōҕин, буралийа бурасāй! — Уҕәлē-уҕәлē, дәләҕәй! — гуниттән.

Тıкән гунән-дә, тулискӣ хәтәкәнчәрән-дә мәндукки мәӈумә нәмәлкән, мәндуккӣ улгәр н'ōҕӯлкāн мәриле орон укчакки ойолōн кара хорокӣткāнӈачин капкан хәтәкәнчәрән-дә, дıлачā йӯктәмәвән нуӈан бихәмдә. Мәриле орон укчакин әдӯ-тāдӯ тӯнә, тәнӣнәдıкәрд'и дундә кирсидукин нәптәлмӣгдә тәвиннә, бучукин мōва буктараҕар, н'аликин мōва н'албураҕар, сēкта мōва сийа, томтор дундәвә тоӈороҕор, оӈкучак дундәвә омчороҕор тӯвкәннә, мәриле укчакин д'уләдӯн багдарин тамнакса багдалӣкāн суруд'урун, борбуйдӯн коӈнорин тукала королӣкāн бодод'орон. Әр бәйәткән бихәмдә әр ӈәнәвкәнд'әнә, амаскāкӣ әтәхиниксә, тıкән гуннә турәчӣ ōд'аран:

— Ӯҕәлē-ӯҕәлē, дәләҕәй! — Әр-кә, әр-кә инәӈӣӈив ӈәрихӣвән ичәвкәнчәл, дулин тукала дуӈдәӈдӯв балдıвчāл сагдıӈилби, тāдук амӣлкāн, ән'ӣнми, чут чукалкāн дулин буҕав, балдıд'āк д'ӯр д'апкун кирилкāн алаханд'ā д'ӯв, āл тоҕов — дурукихун, бӣ турәнмәв дōлāвар дōлдıкалду иргәләвәр иктәвкәлду, сēндӯвар силдıкалду! Тāдук ōдакин бӣ ахӯндулӣ әмәрӣви әчәв сāра, коловурбāн гунмӣ, дундәв горон бихӣд'ин, сōт сотору гунмӣ-йәҕин

анӈанйлй эмэд'иӈэв, дулиндулйн гунмй — д'ӯр йэҕин анӈанйлй, сōт удамй — илан йэҕин анӈанйлй эмэд'иӈэв. Тарā илтэнэкив: «Эр бэйэӈку-бэйэ гиркунин ēдӯ-вал тāнмуран», — гундэвэт. Тāдук будэрйӈив инэӈйӈив эмэрэкин, эдıндӯ иччилэк турэнми уӈд'иӈэв. Сӯ-дэ бимй будэрйӈӈэр инэӈйӈӈэр эмэрэкин, н'āн сōт тургэнд'и сāвкāмалчавкйл идэлкэхэл ōдāват. Тар-дā бйчэлйн ēдӯ-дā энэл бакавра, атаҕастāвра айадук айат бикэлду. Бй аййв миндӯ, сӯ аййхун сундӯ биҕин, баран горо анӈанйлдӯ буралийа бурастı биҕин! — Уҕэлē-уҕэлē, дэлэҕэй! — гунд'эрэн.

Д'э тар амардукин эр сōн'иӈ Ун'аптук гунмурй ахāткāн тıкэн гуннэ турэчй ōд'аран-ивит арай:

— Гурē-гурē, гурēн'ō! — Эр-кэ, эр-кэ, нэкӯн гундı нэкӯнми, дулин буҕа Коколдокōнин амилкāн, томкодıкāн ӯд'ачй Инмэкэнкилйвли эн'йлкэн, мэндукки мэӈумэ нэмэлкэн, мэндукки улгэр элгӯрилкэн мэрилэ укчакилкāн дулин буҕа Хуркōкчōнин, бй турэнмэв дōлāви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'э бй синдӯ сōви сō горо дундэвэ н'уӈн'им, тар-дā бичэлйн ōвнас ōн'йс сāд'иӈāн. Билиргил сāрйл сагдıл: «Д'аланин эд'элйн д'акнара, улдэн сāхин эд'элйҕ ситтэ горолo эӈнэрэ уӈдэ», — гуниӈкйтıн. Д'э мэндı ōвнас ōн'йс сāдиӈāн, мэндı-дэ гиркунма гиркурй мата бид'йӈэс, гунчэчим. Тарит син бэйэ ōрй айилкāн бимй, илан Сибир-сиктıрвэн ситэрй гиркуксā, син хоролихинд'иӈāс. Тāдук ōдакин эр хоктос дурукин арахинай кулд'ухал кубулгатıл, д'икэй д'ивилгэтıл сō барāн бид'иӈэтıн, тарилдук сōт мэтӯчэнэ н'экэйэкэл. Тāдук тавар укчак орондı ситан эхин суруру буҕал ōрактıн, мэнин мэтэвд'иӈэн, тарā эӈнэкэл сиӈалāрā. «Эдӯ биктэ», — гӯнэкин, тāдӯ тıниксэ, мэндı ēкӯн-мал албахитпй суруӈнукул. Тāдук ōдакин, синдӯ аналилкāн ахāткāн бид'иӈэн, тāрā мэнин-дэ сāран бид'иӈэн, этэн кэчэстэ! Тāрит сй гиркундı н'амāдук умӯнму синмачāдук хулэкэт ӈэнэҕин, бй турэнми айа алгис ōҕин, д'ӯр халгалкāндӯ д'улэви экэл бӯрэ, д'ӯр ӈāлалкāнма экэл ухуннарда, д'алалкāндук экэл судурдэ, эвтıлэлкэндук олдонд'иви экэл тıкрэ, сй айис синдӯ, бй айив миндӯ биҕин! Буралийа бурастı биҕин! — Гурē-гурē, гурēн'ō! — гунд'эрэн.

Эр амардукин бихэмдэ эр мит бэйэӈит дулин буҕа Хуркōкчōнин, мэрилэтıкэн орон укчакитпи ēдук-дā ивэӈнэкит, эрчимнэкит дıлачā йӯптумэвэн укчакки салайиксā, айаннāна, элй-дэ тāлй элэстэннэ нуӈан бихэмдэ горово-кот сурунуви эчэ сāрā, даҕава-кат сурунувй эчэ сāра, д'апкун туксу д'апкайāдӯн, йэҕин туксу тэктурйэдӯн айаннāд'ардаҕа. Эр мэрилэ орон айанин гирандıклāн гирактан хāвупна, хэтэкэндıклэн хэтэктэн эмӈэлнэ, айанин сōҕурма тэнийнэ ӈэнэд'эрэн. Эр дулин буҕа Хуркōкчōнин нуӈан бихэмдэ сōҕурма хāвупчамаран-эвит. Арай укчакин-дā бихэмдэ мэндӯн элэкин орон биӈэт, бадаҕа: нуӈан ӈэнэнӈэвэн ичэтмй, д'улэдӯн багдарин тамнакса бургалйкāн суруд'урун, амардукин бихэмдэ коӈнорин тукалат королйкāн, хэкихиннэ нуӈан йдӯ-дэ тӯрйн эхйн энэ сāвра д'эрилйкэн-д'эргэлйкэн суру-

рун. Д'э тар сигдıлэдӯн нуӈан бихэмдэ адı-дā хуӈту дундэвэ давдıд'аран тар-дā бимӣ нуӈан бихэмдэ горово-кот сурунуви эчэ̄ сāра, даӄава-кат сурунуви эчэ̄ сāра, туӄэрвэ̄н бимӣ умкактад'ин сāна, д'уӄарвāн бимӣ силэксэд'ин сāна, болорвōн бимӣ бōнад'ин сāна, нэлкирвэ̄н бимӣ лэ̄птэ̄ркэ̄нд'ин сāна айаннāд'аран. Д'э эр ӈэнэвкэ̄никсэ̄, арахинай ухал мускāтıчӣл буӄалба илтэниксэ̄, ёкӯн-кат охӣктачин-кат, урӯчин-кат энэн утарӣ ичэхинэ калдıс кадарлā исчаран-ивит. Д'э эр кадаӄава ихиксā; эр мэрилэ орон бихэмдэ ōн-ла олонмōтно-ӄӯ, ōн-ӈӯ д'ӯр сēнми сэрбэлӣвчэнэ-сэрбэлӣвчэнэ иччин ōн-дā илбэчэ̄лӣн энэ олухуйда уӄунӈад'-аран-ивит. Арай тāдӯ бихэмдэ эр бэйэӈку бэйэ бихэмдэ «ёдук эргэчӣн буӄуйдāви н'экэттэн?» гуннэ укчакки д'эгмэдӯн хэкихинд'эрэн-ивит. Эр мэрилэ орон, уӄискӣ улгӯнчаксā, умӯтōктор ōран-дā умнэ̄кэмэ илихинчаран, дıӄан халганми дıӄинмухэ̄т тӯксэ̄, тıкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н-сэхэлкэ̄н ōд'аран:

— Эӈтэвлэ̄н'ин-эӈтэвлэ̄н'ин! — Эр-кэ, эр-кэ эхӣлэ, иччирэ̄нд'эв илан Сивир-сиктıрдӯн ситэрӣ гэрбӣлкэ̄н дулин буӄа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодıкāн ӯд'ачӣ Инмэкэ̄н килӣвли эн'ӣлкэ̄н, мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н, мэ̄ндукки улгэр н'ōӄӯлкāн мэрилэ укчакилкāн дулин буӄа Хуркōкчōнин иччирэ̄нми, бӣ турэ̄нмэв иргэлэ̄ви иктэвкэл, дōйāдӯви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'э бӣ эдук д'улэ̄скӣ ситан эхӣв н'экэйэ̄рэ буӄал ōда бид'иӈэ̄н, тарит сӣ мэ̄ндı ēма-вал албахитпӣ ӈэнэмкэкэл. Бӣ эдӯ эмэ̄нмуктэ, оӈкови оӈкокто, пэринэ эмэдэлэ̄с дэрумкӣктэ. Амаргӯт мэ̄ндı, илан Сивир-сиктıрвэ̄н гиркуксā, эмэрэкис, буӄалāви мучӯхиннакис, дıӄин ӈāла дıрамӯликсā, тōӄорикта ӈонумӯликсā, бихикив, мэ̄ндı-дэ̄ мучӯрӣдӯви айимчāс эчэ̄ бирэ дō. Д'э бӣ турэ̄нмэв ōн гунчэндı, д'алдāрӣ д'алилбӣ улбутıкэ̄н улгӯркэл, тулдулӣкэ̄н турэ̄ткэл! — Эӈтэвлэ̄н'ин-эӈтэвлэ̄н'ин! — гуниттэн.

Эр амардукин мит бэйэӈит бихэмдэ мэрилэ орон укчакки дэ̄птıкэ̄кӣ иличчана тıкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н-сэхэлкэ̄н ōд'ардаӄа:

— Уӄэлэ—уӄэлэ, дэлэӄэй! — Эр-кэ н'āн бӣ туксарӣ халганми, дэгрӣ дэктэндэв, мэрилэ укчакив бараксан, тавар турэ̄ндӯс балтаччи бахивайа д'авакал! Тāдук ōдакин, минэвэ «соӈку бэйэ бинэ ёкӯн-дā сāма турэ̄нмӣ кэрэс эчэ эмэ̄нэ», — гунд'иӈэс, тарит сӣ эвэнкӣткэ̄н бэйэ д'ӯр киӈнэвэн даран иливувчāӄāчин д'ӯр чōр сēндӯви силдıкал, иргэлэ̄ви иктэвкэл, дōлāви дōлдıкал! Д'э сӣ бимӣ эр буӄадӯ йлэ-кэт энэ суруру, ёдӯ-кат энэ бакавра сōмат айат оӈкови оӈконо, дэрумкӣтнэ бикэл, синэвэ ё-кат эӄин олōнмура, ойолӣс багдарин чивкāчāн-дā эӄин дэгрэ, д'улэ̄лӣс кувас кутуйак-кат эӄин тōра гиркура, д'алилкāн эӄӣн давдıра, ӈэ̄лэвкэ̄хэл бэйур эктıн ӈэ̄лэвкэ̄нэ! Бӣ, эр суруксō, химāт н'экэйэ̄мӣ, туӄурук анӈанӣлӣ сāвд'иӈāв, элэкинд'и гунмӣ, д'ӯр анӈанӣлӣ дōлдıвд'иӈāв, удамӣ илан анӈанӣлӣ эмэд'иӈэв. Тāдук ōдакин бӣ-дэ̄ сӣ-дэ̄ будэрӣӈит инэӈӣӈит эмэрэкин, эдıндӯ иччилэк турэ̄нмэр уӈнэл сāлдıд'иӈāт. Сӣ мэ̄ндı гуннэӄэчинни, эмэдэлэ̄в дıӄин ӈāла омоӈликал, тоӄорикта ихэвкэл. Сӣ айис синдӯ, бӣ

айив миндӯ биӡин! Буралийа бурастī биӡин! — Уӡəлē-уӡəлē, дəлəӡəй! — гуниттəн.

Эр амардукин укчакки улгəр н'ō̄ӡӯвāн нəмəн ойолōн гарадā-ран-дā мəнин, иларāкāн уӈкурус-колəхис н'əкəксə, сōн'иӈ моксоӡол дəӡиткəн ōксā, калдıс кадарва уӡискəкӣ хуркуд'ухинəн. Д'э нуӈан бихəмдə, əр суруксō, н'аӈн'алā уӡалāчарӣ калдıс кадар ойолōн ихиксā, ōкима-кат əчин хокоргомкōро чут-чукалкāн буӡалба исчаран-ивит. Д'э əр ӈəнəд'əнə айат ичəнəн бихəмдə əр надан ōхикāкта укчакилкāн Хəглəнд'əр əтıркəн, Сивəккилəн-байан атıркан гунмурӣл сагдıл буӡалāтıн ихилчā биӈəт бадаӡа нуӈан. Тāдӯ баргумāн əхӣ ичəврə мōрапчанак бихин-ивит. Тар баргӯдӯн ēдук-та əмӈə лайдадӯ ойдōн ичəнəн бихəмдə бутун му-данӈāӡачир мурир сōхул ōда. «Иӈāран», гунчəнəн инак сōхул ōра, «чалбӯк», гунчəнəн чалдıл актал ōра, «н'ивəк», гунчəнəн — гулур актал ōра, «сēктак» гунчəнəн — сирӯткāр ōра. Д'э əр Хəглəндəр байан əтıркəн тəд'əмə-дə сō-дā байан əтıркəн бичəивит арай. Д'э мит бəйəӈит дулин буӡа Хуркōкчōнин, əр н'имəрлə ихиксā, тараӈнāрӣ тāвирватıн, тıргилтəрӣ тēргəнмəтıн, тургатəрӣ тулгидəвəтıн ичəнəн ēдā-ла балдıрӣ чукаӈитıн кагдарийчā биӈəт, балдıрӣ мōӈитıн бучувчā биӈəт. Нуӈартıн тулгидəдӯтıн илан нулгӣ тоӡурумчəлкəн бойундāхивун лайдаӈитıн тукалāн саӈн'анӈачин тıпухӣнчад'аран. Тар дōдун бихəмдə дıӡин кирӣлкāн сəлə колоруктāна н'əкəйəд'əрəн, тарн'ун умӯн ахāткāн-куӈā-кāн анам-тōкӣ бутун агдакадıнин хуӈтувунми давӯчамнӣн, байтахун бē д'апкун əвтıлəлкəн-ихакӣдıнин гихитпи багдарин тамнакса дōдӯн ичəвултəк-əлтəк пəримəтчəрəн-ивит. Эр амардукин мит бəйəӈит дулин буӡа Хуркōкчōнин, нуӈартıн даӡалӣтıн илтəрəӡəр куӡунāна илтəниксə, əр д'ӯчӣл сагдıӈилдулāви ихиксā, д'ӯтıн уркəдӯн кōпкāн дōхинчаран-дā, иларāкāн уӈкурус-колəхис н'əкəксə, илə мəнд'иви ōксā, тıкəн гуннə турəлкəн-сəхəлкəн ōд'аран:

— Ӯӡəлē-ӯӡəлē, дəлəӡəй! — Эр-кə, əр-кə ичəкəлду, надан ōхикāкта укчакилкāн Хəглəндəр байан əтıркəн, Сивəккилəн байан атıркāн, иччилəкмə турəнмəв иргəлəвəр иктəвуксəл, уркəнд'əвəр нӣкəлду. Тар амардукин ноноптıн доӈдолима дорово биӡин, амаргӯптıн улгур ōӈнāн! Эр минəвə «йргӣт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата ōданды», гӯнəксун, — билир дулин буӡа бойунин Ирикисмəнд'ə гунмурӣ амӣлкāн илан Сивир-сиктıрдӯн ситəрӣ гəрбӣлкəн дулин буӡа Коколдокōнин амӣлкāн, мəндукки мəӈумə нəмəлкəн, мəндукки улгəр əлгӯрилкəн мəрилə орон укчакилкāн дулин буӡа Хуркōкчōнин бӣ биӈнəм. «Ēкӯн сōма сорукилкāн, д'алавинай нāдалкāн ōданды», гунəксун — д'э сӯ хəргə хутəхун илан Сивирдӯ ичəн идəлкəн, суксакава айиттı д'арикилкāн, бучəвə ариврӣ алгихилкан айа удаӡан Айāкчāн-килӣвли гунмурӣ гəрбӣлкəн ахāткāн сураклāн сунчана айаннāна əмəм. Тāрā умӯчӣдукки улдıмӈӯйəви, д'ӯчӣдукки д'ӯвчамӈӯйави, илачӣдукки аналлāк гиркӣйəви улгумӣксə, туркəвумдəк-кӯ, гамдак-кӯ əмəчə мата биӈнəм. Тāрā ōн

гундӣ д'алилбар сōт тургэнд'и тулдулйкōн турōткэлду, улбутікōн улгуркэлду! — Уҕэлē-уҕэлē, дэлэҕэй!

Д'э эр амардукин д'ӯр д'апкун кирйлкāн ампар д'ӯ уркэн калигиркāн нйвухинчэрэн-дō умӯн чистай чэлкэ н'ӯриктэчй сагді отіркōн йӯрэн, нуӈанмāн дōптікōкй тэҕэксō, тікōн гуннэ турō-чисэхэчй ōд'аран:

— Ёйдэҕи-ēйдэҕи, дэҕидōр! — Эр-кэ, эр-кэ дōлдікал, доӈдоли доровойо д'авакал, амаргӯптін улгур ōӈнан, хутэ, хутэ! Илан Сивир-сиктірдӯн ситōримэ гэрбйлкōн дулин буҕа Коколдокōнин амйлкāн, томкодікāн ӯд'ачй Инмэкōн-килйвли эн'йлкōн, мōндукки мэӈумэ нэмэлкōн, мōндукки улгэр н'ōҕулкāн мэрилэ укчакилкāн дулин буҕа Хуркōкчōнин гунмурй дулин буҕа бойунин, бй турōнмэв д'ӯр чōр сēндӯви айамамат силдікал, айа мēванд'иви д'авакал! Д'э тавар сй улгурвэс дōлдім, дōлдінави аналлак гиркййэвй дōтпи д'ōнчарй мататкāн бихинді-ивит, ол ихин нонон-дā балдінахун ōнйхун тікōн бичōн. Кэ, хутэ, эхйлэ эмэнді, тавар айа. Эхйлэ ēд'амй-дā, д'ӯкрō ōксāл, ōн-дā ōмй мōндӯхун-дō айа, мундӯ-дō айа. Бӯ-лэкэ мōрвун ēдā синэвэ сэлимчэлбун, ката эмэнэдӯс урунув. Д'э тар н'экэксō, тавар эхйт хэргӯ буҕа авахин атаманин алтама таратайка-сēргалкāн Айдар-сōн'иӈ гунмурй авахй букатірин эмэксō, д'ӯр хуркōн хутэвэв д'ӯкрōвэ кēйиксā, хунāтпав бимй эӈэхйтпи эксэдōви н'экэлчōн'ун тавар хунāд'ив мōнин бойундāсчаран. Кэ, хутэ, сōт тургэнд'и гиркилōви сурукул, дэӈ, бэйэл ōрйл аналкāхал бимй этōс тітэврэ. Балдінахун ōнйхун эр Сивирдӯн ситімучй, н'аӈн'адук караҕачй бимчō бичōн-ē! Нуӈан ахӯн сō бичōлйн аййлиннахун айихун эмчō алгахāра бичōн, бōллаҕа; тарит ир ахӯн бичōс. Сōт мандӯвкал, оҕēӈā-н'ӯн ӈāладукин кēйан хуйōнӈймй, бахиван'ӯн умӯндӯ гиркйви гаксā, хуйōнмумчōс, бōллаҕа! — Ёдэҕи-ēйдэҕи, дэҕидōр!

Д'э эр амардукин мит бэйэӈит бихэмдэ, д'э этіркōн улгӯрвōн сōт айāт дōлдіксā, тікōн гуннэ адікӯн турōнмэ улугӯрд'эрэн-ивит арай:

— Уҕэлē-уҕэлē, дэлэҕэй! — Эр-кэ, эр-кэ эхōкōнд'эв надан ōхикāкта укчакилкāн Хэглэндэр байан этіркōн, Сивэккилōн байан атіркāн эвōкōнд'эв, тавар улгурдӯхун балтатчй бахива биҕин! Бй сӯ д'улōдӯхун улор улдэлкōн чэҕēн гирамдави энэмэ од'оро илан Сивир-сиктірвōн ситэрй гиркурдаҕим, ичэрдэҕим. Сӯ ӈōнум д'алвар экэлду урумӯрдō, эмӈэ кэӈтірōлбэр экэлду тійэҕӯрдō, айал бид'иӈōт. «Нуӈандӯн кēйивд'иӈāв», эхим гӯнэ, кēйиврйв инэӈйӈив эмэрэкин, ділачāва коӈнорин туксу кайд'иӈāн, бй кēйивнавав тарит сāдāвар. Сāмй-н'ун, нонокйдук дурукихун, апкивуксāл, будōвэт. Бй-н'ун кēйивракив, илан Сивир-сиктірдӯн тулуйдӣ мата āчин бид'иӈōн. Тарит нуӈан иникинд'и муӈнад'иӈāдукин мōрдун мōрвэр караннахун горот хулэкэ бид'иӈōн. Тарит буралийа буракāй биҕин! — Уҕэлē-уҕэлē, дэлэҕэй! —

Тікōн гуниксō, эр мит бэйэӈит бихэмдэ билй бойундāсчарйл бэйэӈилдулōви нонокйдук сохурганна тікӯнчана нуӈартікйтін ка-

риткāрви тiпкана-тiпкана, дуйу дундəдӯ ēрчəклйви бадарāнна, маӈа дундəдӯ һəнӈəклйви əйəлтӯнə гиранйд'ардаӈа. Эр бəйə тiкӯлнави сōдӯн д'ӯр чавургайдукин д'āн сēрə тоӈо д'ануд'арандāн чараткйдукин уваӈас буйуксу сəксə чикнйд'əрəн, дiрамдулйви аран əчə̄ хитамда, нəмкӯндулйвй аран əчə̄ əтiмдə. Даӈалāтiн əмəксə̄, иктəлд'иви кавириниксā, тiкə̄н гундə турə̄чй ōд'аран:

— Уӈəлē-уӈəлē, дəлəӈəй! — Эр-кə, əр-кə гунəм-кə, хəргӯ буӈа авахин таратāйка-сēргалкāн Айдар сōн'иӈ букатiр, нонoптiн дорово биӈин, амаргӯптiн улгур ōӈнāн! Эр минə «иргйт тəкəлкə̄нсəксəлкə̄н мата əмəндi?», гӯнəкис — дулин буӈа бойунин илан Сивир-сиктiрдӯн ситəрй гəрбйлкə̄н дулин буӈа Коколдокōнин амйлкāн, томкодiкāн ӯд'ачй Инмəкə̄н-килйвли əн'йлкə̄н, мə̄ндукки мəӈумə нə̄мəлкə̄н, мə̄ндукки улгə̄р н'ōӈӯлкāн мəрилə укчакилкāн дулин буӈа Хуркōкчōнин бй биӈнəм «Ёкун нāдадӯ əмəндi?», гӯнəкис — тавар умӯчйдукки улдiмӈӯви, д'ӯчйдукки д'ӯвчамӈӯви əрйксəвə̄н орухуйнəд'ə əмəм. Гиркй гундi гиркйв, илан Сивирдӯ ичə̄н идəлкə̄н, суксакāва айиттi д'арикилкāн, бучə̄вə ариврй алгихилкāн айа удаӈан Айакчāн-килйвлй, бй иччилə̄к турə̄нмəв иргəлə̄ви иктəвкəл, дōлāви дōлдiкал, сē̄ндӯви силдiкал! Сй д'аландi əчин д'акнара, улдəс сāхин əчин д'ипкирə бид'иӈə̄н, тāрит чāскй адаӈāмкакал! Бй-кəнə нуӈанн'унин оӈкой буксəткə̄нд'ин ōн'йкāрви ōлдiмкакта, ивгӯнай буксəткə̄нд'ин сигдəнд'ə̄лви гивгулдiкта. Тāдук ōракин, ад'арай омолгйн, əмӯкин ēха, оӈēӈā омолгйн, сəксə ӈāла, сивйчā д'авад'и, мунуксə бəлəс, ēкӯн буруйба ōчāл айиткāр маталба тавар тiкə̄н сигдə ōксā аӈардастi атаӈастāд'андi, əмӯкин курилēд'əнни? Синн'ун урə̄т хуркə̄н-куӈакāн бй əмəм! Сəрəнкəл-сəрбəнкəл! «Сō бəйəвə əнə сāвкāна д'аптəн», — гунд'иəāс, «Айа бəйəвə əнə мəтəврə бāлтаран». — гунд'иӈə̄с. Ӯхикинмй-гӯ, суручиндi, бойундāсчап-кӯ? Бойундāстi бимй ēкӯн албахит-кӯ илдiттəп? Илə мə̄рд'ивəр-гӯ? Содōмма ōчā бəйə, сй сāкал, бй авгӯдӯн-дā гиркуд'иӈāв, миндӯ син умӯн. — Уӈəлē-уӈəлē, дəлəӈəй! — гуниттəн.

Д'ə тарā дōлдiксā, əр илан Сивирдӯ ичə̄н идəлкə̄н, ēкӯн араӈӈа айиттi д'арикилкāн, бучə̄вə ариврй алгихилкāн айа удаӈан Айакчāн-килйвли авахй букатiрвāн илан бēрəстəмəктӯ чуӈурус н'əкəкнəн д'улкулōрон, амаргидāтпи тəйнə адаӈāд'аран. Тар амардукин дулин буӈа Хуркōкчōнин Айдар-сōн'иӈ д'улə̄лə̄н туксана əмəрəн, утари илдан. Айдар-сōн'иӈ, тарā ичəксə̄, «татāт! татāт!» гуннə оӈови тулгӯвəн тапкаӈатар ōксā, тiкə̄н гуннə турə̄чй ōд'аран:

— Дiӈдē-дiӈдē, дiгдēн'инд'ə̄! — Эр-кə, əр-кə, ичəкəл, д'урсу билирги устокив Коколдокōн хуркə̄н хувулгат хутəн йдук н'āн əмəрəн? Эрй, ичəмə̄йə — тəлбəн'ē, тiкӯн'ē биргəнд'ə̄лби билдə! Карēн-карен, мулāн'ē-вал, д'ӯва тāниксā, тоӈово илаксā, хутəвə балдiвӈāтпав, сохувə иргиӈə̄тпəв мохōктаснāд'а əмəчə̄ бирдəӈиӈ! Дулин буӈа бойухалин, сӯ кувулгатiхун дəлə-дō, тавар-тi бинə ӈй бидə̄ви доӈомут кēйивд'андi; тавар-тi кувулгатiс йӯвə̄нд'əрəн,

«ēма албахит йлдīд'эп» — гунчē бинə-бинə. Суңйй биксē тар-тı албахихун, тōкундӯн айаңихун йӯвēчиттэн. Билир амйндı Коколдокōн кувулгат минə, кургид'əрй кулухӯнду̅ которōниксā, бāлтачāн. Эхйткēн баҕас сй кувулгаттӯс əд'əм-кййə йксē будə. Кə, кə эмэкэл! Ёвāн эрӯл, мултукил матал ōдāвар эрит-тарит албахирнал ад'инд'ад'ап: улор улдэтпэр, илə бодотпор д'ал д'албар боколдīҕāт, сōт тургэнд'и эмэмэлчэкэл! — Дıңдē-дıңдē, дıңдēн'инд'ē! — гуниттэн.

Тıкē гуниттэн-дē д'авачй д'агданд'аҕāчйн каримйтпи, сэлэмə колтомйтпи мит бэйэңңэт бокōймайа āчин савāликсōран. Мит бэйэңит нуңан колтодӯн йксē-дē эңēт бӯрə мататкāн ōдан, бадаҕа, гē бокōййа-да āчин савāксā тухава эчē бакара. Мит бэйэңит бихэмдē тэд'ēмə-дā сōңкуткāн мата биңēт, Коколдокōн сумун бихин, бадаҕа, авахи колтодӯн ōн-кат эхин нāвра, букатıнма олгокинма дайбāвчад'аран. «Хэргискй адаҕаран», гуннэн, уҕйд'ин, эмэксē, гэдумукмэдӯн иктэттэн, «уҕискй адаҕаран», гуннэн, хэргйд'ин, эмэксē, хэкихинйттэн. Тарит мит бэйэңит кэлтэччй барихигдаду̅ н'экэйēд'эттэн, д'э чāҕӯ авахи омолгйн будī эрйксэн ōнйн мандı ōксā, тулуйна эллэсчэрэн, бадаҕа. Тар-дā бичēлйн эр авахи тэд'ēмэ сōңку сумут авахи бичē-ивит. Нуңартıн бихэмдэ горово-кот бойундāснавар, даҕава-кат бойундāснавар эчēл сāра, колто иҕин н'аңн'алā доргуйд'аран, тıңилэк иҕин дундэлē н'иргийд'эрэн, балдīрй сōху мучӯд'аран, йӯрй чӯка кэҕинд'эрэн, буркилēйил бэйэл-дē буд'эрэ — таргачйн ургэ иччилэк суксака боҕо ōран, тэмтэргэн бōҕо тэрилинэн, оросōт боҕо ōвран. Эр матāл бихэм-дэ эр буҕа лайдадӯн йэҕин д'āн долбонйлкāн инэңйду̅ энэмэл токтохина, дэрумкйрэ бойундāсчара. Тар устадӯн эр мит бэйэңит ōҕеңā колтодӯн, охйктадӯн эрэҕэмэ энэ нāвра бойундāсчаран-ивит. Арай эр н'экэд'энэл били оҕеңā букатıрин, умнэ токтохиниксā, тıкēн гӯннэ турēчй ōд'аран:

— Дıңдē-дıңдē, дıңдēн'инд'ē! Эр-кэ, эр-кэ, дулин буҕа Хуркōкчōнин, бй турēнд'ēлбэв дōлчӯтчāвкй ōд'акал! Эр мит эр буҕаду̅ эчēлтı кēйилдīра, тарит бй буҕадӯв миткэчйн бойун бэйэ бойундāскйт буҕан бихин. Хэргӯ буҕа мōран букачāнин, мōра тамнаксан дōдӯн бихин. Тāлā суруҕōт, тāду̅ бойундāстī бимй, бодокол, эңēт бимй, экэл! Бй эр-дēт сурум. Д'э тэд'ē сōвас сāдāв сурумкокол, тāлā истакис синэ-дэ элэкинмэс ичэд'иңēв, бэйикэй бодомкокол! — Дıңдē-дıңдē, дıңнēн'инд'ē! —

Эр тıкēн гунэн-дē, иларāкāн уңкурус н'экэксē, туруйа, дэҕинд'э ōксā, чочэлēхинд'эрэн. Мит бэйэңит нуңан хэргӯ буҕадукин бēлңāт-дā бэйэткēн бид'иңēн-дē, тāр-дāт амаркāндукин багдарйн дэҕиткēн ōксā, ахамāтчаран. Нуңартıн бихэмдэ, дıлачā йктэмēвēн ичэхиниксēл, ахамāтнал айаннāд'ара-ивит. Арай ңэнэрйви устадӯн мит бэйэңит оҕеңā омолгйвāн эрэҕэмэ мōдалāд'ана суҕун энэ ңэнэвкēнэ эр-дēт д'улēлēн эмэксē, дэрэвēн охйхиниттан, тар-дāт амардукин бокониксā, кэңтıрēвēн д'урираҕар охйхиниттан. Тıкēн н'экэнэ дэлбимэ кин'акāна суруд'урун эр мит

бөйөӈит: мә̄нин-дә̄ дō̄дуккӣ уӈунӈа тувут мататкāн биӈәт бадаӈа нуӈан.

Эр н'әкәксә̄л, нуӈартін биксә̄л удад'иӈāтін барā-дō̄, тар-дāт хәргӯ буӈа мō̄ран букачāндулāн исчардактара. Эр ихиксā, авахи омолгӣн бихәмдә ё̄кун-дā улор улдәлкә̄нин илә мә̄нд'иви әхин тулуйна н'әкәйә̄рә дундәлә̄ тікрән. Илә бәйәвә котороксō̄ри сималадӯ діӈин кирӣлкāн хәкӯлчә̄ сәлә ō̄ксā, тохуйд'аран-ивит арай. Эр мит бәйәӈит тара тар әчә̄ гунә — тіктән, илә мә̄нд'ивӣ йлдіксō̄рән, тар-дāт букталдікāн йктәлдінә бойундāсчаран-ивит арай әр бәйәӈку бәйә̄ бихәмдә. Д'ә тарā сāксā, әр илан Сивирдӯ ичә̄н идә̄лкә̄н, араӈилба аритті̄ д'арикилкāн, бучә̄вә ариврӣ алгахилкāн айа удаӈан Айакчāн-килӣвли анам-тō̄кӣ бутун агдакаді̄нин хуӈтувӯнми гаран, әнӣн-тō̄кӣ д'апкун әвтілә̄лкә̄н ихакӣдінин гисви гамалчаран-дā, самāхик-тәтіви тәттән. Д'ә-вә̄т әхӣлә-бәхӣн хәкӣнилд'әкә̄ттән, ково-чō̄рāн кё̄хāр киӈинāд'ахинан-ивит, тāдук тікә̄н гуннә турә̄лкә̄н ō̄д'аран:

— Хё̄д'ә-хō̄ӈай, хё̄д'ә-хō̄ӈай! — Эрей бимӣ әр-кә н'āни ō̄ниō̄ни кāрё̄н-кāрё̄н, мулāн'ё̄-вал айиткāн матава ичәчимнӣн ті̄тәврӣвәв ичәрәс-кӯ, әчә̄лдун-ӈӯ? Ё̄нәй-тō̄най аванд'албав, соӈомо-вол сорринд'албав! Ӈӣӈичӣ ō̄ксā, ӈӣӈив әмәд'иӈә̄н! Бӣкәкӯн гә̄лнә̄рӣ гәрбӣв, сō̄лтама суракив суксавді̄н тәкә̄нин тә̄рилинән әчә̄ бирә дō̄! Тавар ухадук ō̄н н'әксә̄ бӣханивчāв бō̄лла? Эр бимӣ әр минәвә уӈӯ буӈа уратіма удаӈанин, Уникчāн-удаӈан әвә̄кә̄в илан Сивирдӯ ухачāва айитті̄, бучә̄вә ариврӣ айилгадӯ анарӣдӯн, арай билир-билир дулин буӈадӯ әләкәс айӣ әвәнкӣ бәйән балді̄рӣдӯн умӯн ӯс-мата, оскё̄чә̄ гуӈкӣтін-ё̄. Тар бәйә̄ бунән д'ӯр йәӈин анӈанӣ ō̄ран. «Тар ӈӣ?» — гунәксун, Гё̄ван-әтіркә̄н хуркә̄н хутән турә̄тті турә̄нә āчин, дō̄лді̄рӣ сё̄на н'āн āчин дулә̄й-н'омō̄й ӯс Торō̄нтай гунмурӣ әвәнки-айи әхә̄кәнд'әв бичә̄ уху. Арай тар әхә̄кә̄в гирамдан иччин илинакин бӣ гиркӣ гунді̄ гиркӣви, бәӈин гунді̄ бәӈинмӣ бихарӣв ō̄дан. Эрә̄й-әрә̄й бимӣ, әхәкә̄нд'әв ӯс Торō̄нтай, сӣ ё̄ми-дā иччилкә̄н бид'иӈәс, тарит бӣ тәд'ә̄ айи бәйә̄вә̄н айдідӯ айӣлгалкāн бихикив, иччилә̄кмә турә̄нмәв иргә̄лә̄ви иктәвуксә̄, дō̄йалāви дō̄лді̄ксā, сё̄ндӯви силді̄ксā, бӣ турә̄нмәв толколō̄кō̄л, улгӯрвәв илгә̄лә̄кә̄л! Эр сӯ сё̄н хуркә̄н-хутәвәхун алтан таратайка сё̄ргалкāн Айдāр сō̄н'иӈ-букатір хуйд'әрӣ сималалā әксәрән. Тāдӯ мит бәйәӈит илә мә̄нд'ивӣ әхин тулуйда буӈа, букатіма букӣтмә̄ дундә̄лә̄ сурурун, тарā бӣ-дә̄ әмӯхим әрухуйрә. Арай сӣ нāдан д'āн надан бутілкāн утуйәвӣ, илан д'āн илан бутілкāн итарчави гирамдас д'āхиктукин бӯрәкис, бӣ мә̄ндулә̄ви гахина тāниксā, тарилба алгамӣ арай әрухуйимчә̄в. Сō̄т тургәнд'и утуйәлкә̄н итарчави коӈуллё̄кәл! Тāдук ō̄дакин ӯс Торō̄нтай әхә̄кәнд'әв иччиләкмә сәвулин, сō̄т тургәнд'и минтікӣ әвәскӣ сәӈё̄рд'әкәллу, бӣ тәд'ә̄ иччилә̄к турә̄чӣ бихикив, бӣ уӈтувӯнми дō̄лāн тулуӈур-талиӈир тікчәкәлду! Сё̄ндулә̄хун дулин буӈа Хуркō̄кчō̄ндулә̄н сирдә̄ктә̄, нуӈан әрӣксән комускәлдӯн миндулә̄ әмәкәлду, минәвә әкәлду хуӈтō̄рә, бӣ н'āн сӯ хутәхун ō̄дāви ӈәрӣхӣ әрӣксәв Хур-

кōкчōн'н'ун умӯн ōдан, «Ēма ахāткāн бихиндı?» гунэксун, — Хэԑлэндэр байан этıркэн амӣлкāн, Сивэккилэн байан атıркāн эн'йлкэн айа удаԑан Айакчāн килйвли ōдам, тарит сōт тургэнд'и эвэскэкӣ кōрэйд'экэлду! — Хед'э-хōԑай! хэд'э-хōԑай! — гуниттэн.

Эр амардукин ичэхинд'иӈэ эвгидэлйн ӯс Торōнтай эхэкэнд'эн наданд'āн надан бутıлкан утуйэнд'эн хуӈтувун дōлāн тулуԑуркэн тıкчэрэн, илан д'āн илан бутıлкāн итарчанд'ан килиԑиркāн тıкчэрэн. Тар амардукин эр ахāткāн айа удаԑан Айакчāн-килйвли били бойундāсчарӣ матаӈилдулāви коӈнорйн туксу дōдӯн һуӈтувӯнн'унин гихин иԑин умӯн тэԑинд'и н'иргийнэ суруд'урдуԑу. Эр ихиксā, ойолйтıн коӈнорйн туксу укчакитпи тула хуктıвӯктэд'энэ, тıкэн гуннэ турэлкэн-сэхэлкэн ōд'аран:

— Хēд'э-хōԑай, хēд'э-хōԑай! — Эр-кэ, эр-кэ, эрэй бимӣ дōлдıкалду, ичэкэлду! Дулин буԑа бойунин Хуркōкчōн-гиркив, бӣ турэнмэв дōлāви дōлдıкал, иргэлэви иктэвкэл, сēндӯви силдıкал! «Ӈӣ эмэксэ, д'эрэдэлдэн?» гуннэ экэл тıкӯлда, сӣ гиркӣ гундı гиркйс айа удаԑан Айāкчāн-килйвли эмэм. Тāдук ōдакин, бӣ синдӯ бэлэтнэд'э биӈнэм, эхйткэн ēкӯн-кат хуйд'эрӣ мӯн-кэт, кургид'эрӣ тоԑо-кот эхйн тэптıрэ мӯд'ин ивирд'иӈэв. Тāдук билирги эхэкэнд'эс ӯс Торōнтай утуйэвэн авахи букатıртıкйн, «Йлэчийкэл!» гуннэ, утэйиксэ, тıкивум. Тарā, сōт мандувуксā, тэвэкэл! Тāдук н'āн илан д'āн илан бутıлкāн итарчанд'авāн синдӯ гиркивум, эхйт гарадāд'иӈāв. Эр итарчава бимӣ мэнин оԑēӈалā ихиксā, айамат оԑэӈā амӈāхинчāлāн, эхиндукин д'авадāви. Д'э, нуӈанмāн курбухинйклэн сōԑур эӈэхйт д'авад'иӈāн, хавахиндıклāн хāвупчиӈāн. Д'э, тарлаха сӣ ōн айаврйтпи утуйэтпи иктӯд'экэл. Д'э тāдӯ нуӈан тохин эмэд'иӈэн. Тар-дā бичэлйн «кēйим», гуннэ экэл этэксōрэ, порувулōкāкāндıн ōдалāн дуктэкэл! Тāдук бӣ эмэрэкив утуйэви бӯдэви! — Хēд'э-хōԑай, хēд'э-хōԑай! — гуниттэн.

Тıкэн гунэн-дэ дулин буԑа Хуркōкчōнин ойодӯн ēдук-та иччилэкит тıгдэ боԑо тıкчэрдэԑэ. Эр тıгдэдӯ эр мит бэйэӈит кэӈтıрэн сōт эмӈэлдэн, д'алин сōт ӈонумулдан, хуйд'эрӣ-дэ сималава олоктокōма ōран, кургид'эрӣ-дэ тоԑово туксактаксōма ōран. Тар амардукин эр ахāткāн-куӈакāн били утуйэвӣ тıкивд'эрэн-ивит, тарā бихэмдэ эр мататкāн āнӈӯ ӈāлатпи капкāн тэвэрэн-дэ оԑēӈā омолгӣвāн хоромодӯн иктэнэн сēрэ тоԑо уԑискэкӣ кургихинчэттэн. Тар амардукин били ахāткāн итарчанд'ава, иларāкāн далбатāксā, тıкиврэн. Тариӈин бихэмдэ ӯс Торōнтай тоԑолō гарадāнави сэлэӈӈи ōн д'ававкāниӈкин-дā, таргачин-тı оԑēӈа омолгйн арканин мандıдıмадукин лапкан амӈахинан-дā бокōймайа āчин уԑискӣ сималайа āчин дундэлэ ирихиликсōран. Авахӣ бихэмдэ бихиӈӈйāчиӈӈӣ элэмэд'ин курбумкорон-да эр итарча сōԑурма мандıлна д'авад'аран, хавахиндıклāн хāвупна сōԑурма маӈат кикихинд'аран. Эр мит бэйэӈит бихэмдэ, итарча эхиндукин д'авамалчаран-дā хуйд'эрӣ симала хулиткин туксана, ирна тıкивуксэ, д'э

нуӈанмāн ус Торōнтай итарчад'ин коӈулмə ириктад'ана надан д'āн надан бутıлкāн утуйəтпӣ иктəд'əмə ōд'аран. Эр дōдукки сирəнə хəкулчə сəлəмə кун'аккāн умнəт тıнӈалӣма иктучə. Арай тар иктуд'əнə оӻēӈā дıлин илан кохок ōхинчакнан утуйəнд'əтпӣ иктəд'əрəн. Тариӈин бихəмдə коӈнолӣ ōд'аран нонoптıӻачинми, ол айи тоӻот кургинə чивухиннин āчин ōд'аран, дıлин-дā, илан кохōк ōксā, ōн-дā кухӣд'əд'əн? Нуӈан-дā бимӣ д'ə əтəрəн, бадаӻа, чиркəлəксōмə ōран. Тарā бихəмдə мит бəйəӈит порувулōкадıкāн ōдалāн утуйəнд'əтпӣ чапчад'ардаӻа. Эр чапчад'аракин, əхйт ахāткāн əмəрəн-дə, əдıдукпи утуйəвəн гəлəнə гаксā, урəкəчəндıн иличчарӣ иӈāнд'ава дулӣакāклāн, утуйəвə иларāкāн далбатāксā, дəлпəрəӻəр иктəрəн-дə, тар дōлāн гарадāран-дā иӈаӈӈӣ дəлпəкəвəн, оннудӯн əвсəрӣ домноксō, хуйд'əрӣ сималаӈлāн илӣва сулдураӻар анаксōран. Д'ə тарит нуӈанмāн кēйиксāл, бāлтаксāл əр мит бəйəӈит айа удаӻан Айакчāн-килӣвлива ичəччəнə тıкəн гуннə турəлкəн-сəхəлкəн ōд'аран-ивит арай:

— Уӻəлē-уӻəлē, дəлəӻəй! — Эр-кə əрəй гунəм-кə, айа удаӻан Айакчāн-килӣвли, гиркӣ гундı гиркӣкəнми, бӣ турəнмəв дōлчӯд'авкӣ ōд'акал! Д'ə бӣ сōт-дā муӈурданчāлāв сӣ, əмəксə, əрӣксəвəв əрухуйӣндı. Тавāдук хулəкə ōн минə айд'андı, мəгдəв бимӣ ōн-дā н'əкəмӣ əӈəт кēйда ōчāв. Тарā бихəмдə сӣ айа удаӻан ōксā, ус Торōнтай əхəкəвəр сəвулвəн алгаксā, тарит-н'ун кēйдап. Тāдук хуӈтудӯ əрəӻəмə əӈəт кēйивра бичə. Тарит сӣ тавар айадӯви миндук балтаччима бахивайа д'авакал! Тāдук ōдакин, д'ə сӣ амтıлдулāс сурумулчуӻōт! Тāдук колбостı сивайбайавар ōксāл, норōтпар умӣвуксāл, д'əвувкəннəл, əмӈəт, дəлəӻəйит курулēнəл гəлнəрӣ гəрбӣвəр гəйəнмукəнӈəт, сōлтама суракиӈӈар дōлдıвкāнӈāт! — Уӻəлē-уӻəлē, дəлəӻəй! — гунниттəн.

Эрə дōлдıксā, айа удаӻан Айакчāн-килӣвли тıкəн гуннə турəлкəн-сəхəлкəн ōд'аран-ивит:

— Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! — Эр-кə гунəм, бӣ гиркӣ гундı гиркӣв, бəӻин гундı бəӻинми, дулин буӻа Хуркōкчōнин, тавар н'āн сō əлəкин толколкōн турəнмə тулдулӣкəн турəчиндı айа илгəлкəн улгурвə улгӯриндı, бəйə сōт сəӈēрдйн сēрилкəн сəхəнмə сəхəргēндı, тавар турəндӯс бахӣва биӻин Тāдук бӣ-кəнə турəнмəв толколōно дōлдıкал, улгурвəв илгəлəнə дōлчӯкал! Д'ə тавар оӻēӈāӈӈар омолгӣвāн кēйдıвар кēйдап-тā, таваӈит ēмӣ-кат ӣлӣ-вəл баӻар суптıран бид'иӈəн, тарит бӣ д'алдӯв тıкəн əмəндıт сатаӻай бид'иӈəн. „Ēдā?" гунəкис — əр хəргӯ буӻа оӻēӈāлин ōкин-кат ōракин, кейивчāлӣвар ēмӣ-кат ōмӣлтıн суптıксāл, бəӻəдəвкӣт əвкӣ будə мəӈəӈитıн даӻат-дā бихин-əвит. Тариӈӈатıн āчиӈмӣл, д'ə, тəд'ə айал ōмчалтı бичəн-ē! Тарит мит тарā āчиӈдıдӯ сувəлəскəт! Сӣ, бӣ амтıлдулāв суруксō, дəрумкӣчиндı-ӻӯ, буӻалба ичəнə тāрийа бодочиндı-ӻӯ, тарā мəндı сāкал. Бӣ ēмӣ-кат, суруксō, āчинд'иӈāв, барисвāн олбот мəӈə бəӻəйəн мəнми гамчāв. Тарлаха мит мəртı бучəӈилбəр арӣвумчāлтı, тāдук д'ə тəд'ə айал ōмчāлтı. Эр-тар кулд'ун кувулгатıл, д'икəй д'ивилгəтıл əмчəл мəнəк ата-

ƃастāра. Мит гəрбӣт д'ə əмӈəт сāвумчā, д'ə ӈōнумут дōлдıвумчā! — Кӣкир-кӣкир, киӈкӣлāн'ин! — гуниттəн.

Д'ə тıкəн гуннəдӯн мит бəйəӈит тıкəн гуннə турəлкəн ōд'аранивит арай:

— Уƃəлē-уƃəлē, дəлəƃəй! — Эр-кə, əр-кə, бӣ гиркӣ гундı гиркӣв, котун гундı котунми, айа удаƃан Айакчāн-килӣвли, бӣ-кəнə улгурвəв иргəлəви иктəвкəл, дōлāви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Д'ə, бӣ-дə кāрен урувсимə уйликтуккӣ əрбəнмəн умӯндӯн əрəйдəниксə, ēдā-вал əмəнмуд'иӈəв, буƃалба-дā ичəдəв нāда. Тāдук мəртı-дə əр балдıдӯвар умӯндӯ н'əкəйəнəл мəн мəнмəр əрӣксəлбəр əрухуймəтнəл, умӯн сувəт əӈəхӣлбəр колбōнол гиркуӈāтıт бимчə бичəн бирə дō? Тарит, кə, тар олбот мəӈəт йдӯ бихин, тāлā ӈəнəƃəт. Уƃəлē-уƃəлē, дəлəƃəй! — гунд'əрəн.

Эр амардукин айа удаƃан Айакчāн-килӣвли тар-дāт самāхиктəтıвӣ тəттəн-дə, анам-тōкӣ бутун агдакадıнин хуӈтувӯнмӣ гадан, əнӣн-тōкӣ д'апкун əвтıлəлкəн ихакӣдıнин гисвӣ гадан-дā дулин буƃа Хуркōкчōнмōн д'улəдӯви нəксə, ӈəнəвкəхинд'əкəттəн, ковочōрāн кēхāр киӈгӣлилкāн суруд'урдуƃу. Тар суруд'уну тıкəн гуннə турəлкəн ōд'аран:

— Хēд'ə-хōƃай, хēд'ə-хōƃай! — Эрəй, əрəй, бӣ-кə, бӣ-кə гиркӣ гундı гиркинд'əв дулин буƃа бойунин Хуркōкчōн-мата! Ахӯн бичəс? Сōд'и-сōд'и мандӯвкал, дōйāдуккӣ д'аларбукал, айат-айат айаннāкал, илə-бəйə əхӣнмəл-ē н'əкəйəрə буƃалбатıн ӈəнəхинəп, айакāма айанмар əлəнӈӣлдəп. Айа тавар əхӣлə авахил атамартıн албаспатıн āчиӈдıдӯ ананиксāл, билир уƃӯ буƃа удаƃанин Уникчāн-сōн'иӈ ӈəнəнӈəвəн ӈəнəƃəт. Тадук ōракин, н'āн мит-дə əхӣлə ахакāн-мал албаспа бакаксāл, аймакилбар аййткāт, тəкəнмəр од'ōрдāƃāт, тарлаха сōлтама суракит суӈтат суруд'иӈəн, гəлнəрӣ гəрбӣт əмӈəт дəлəйд'иӈəн! — гуннə-гуннə ӈəпəвкəнд'əрəн-ивит арай.

Эр амардукин нуӈартıн бихəмдə удад'иӈāтıн барā дō? Тардāт хəргӯ буƃа чуӈурӯлōн исчара. Тар ихиксāл, əр Айакчāн-килӣвли удаƃанин ōмӣн инмəкəн ōран-дā, əр илӣлā чӣпкāн йксə, оƃēӈāл олбот мəӈəӈитıн тар илӣ дōдукин бакаран-дā, мəндӯви ахӯн əлəкин ōрӣвāн хуӈтувӯндӯви гахӣксā, əр бəƃəлбə бимӣ ахӯнд'и-дā умдактıн нуӈардӯтıн ēкӯн-дā тухайа āчиӈдан, тāк ичəдəн ēкӯнин-дā əнə уларийда бид'əктӯви əмəнмурəн. Айакчāн-килӣвли бихəмдə əмəд'əк ӯд'алӣви д'илискāн йӯрəн-дə амаскāкӣ айгирāнауйухутна мучӯд'аран-ивит арай. Д'ə нуӈартıн бихəмдə, ēдук-тā доƃомут олбот мəӈə мӯвəн гаксāл, д'албар д'ə д'алувуксāл, ӯр дəрумкӣд'əк дундəлəвəр əмəксəл, илə мəртıн ōксāл, əхӣт ахӣ д'ə əр бəйəӈтıкӣви гуниттəн:

— Эр бəƃəвə ганавар ӈӣдӯ-кəт əӈнəкəл улгучəнə, улгучəнəкис-н'ун, мит аймакилдӯт баƃар əтəн бəƃə ōра, гиркӣв-н'ун бимӣ, бəӈинми-н'ӯн бимӣ əӈнəкəл улгучəнə!

Бəйəргӯ тарā əлəксӣйдəн. Тар амардукин нуӈартıн бихəмдə тар-дāт били Хəглəндəр-əтıркəн буƃаткāкӣн, лоскуй коӈнорӣн туксуӈдӯвəр уƃиксāкāр, ӈəнəвкəнд'əрə-ивит арай. Д'ə əр туксудӯ

ŋənərйʌ матаʌ ахунд'иŋāтін? Тар-дāт ичəхинд'иŋə̄ əвгидə̄ʌйн исчара-ивит арай. Эр ихиксāʌ, əр дуʌин буŋа Хуркōкчōнин бихəмдə тікə̄н гуннə турə̄ʌкə̄н ōд'аран:

— Уŋəʌē-уŋəʌə̄, дəʌəŋəй! — Эр-кə гӯнəм надан ōхикāкта укчакиʌкāн Хəгʌəндəр-əтіркə̄н гунмурй киннив, Сивəккиʌə̄н-атіркāн ин'ə-киннив, уркəвəр нйксə̄ʌ, доŋдоʌима доровойо д'авакаʌду! Ноноптін дорово биŋин, амаргӯптін уʌгур ōŋин! Эр мунəвə «йргйт тəкə̄ʌкə̄хəʌ-сə̄ксəʌкə̄хəʌ матаʌ, əмəксə̄ʌ, тӯрə̄рбуʌдəс?» гӯнəксун — бй дуʌин буŋа Хуркōкчōнин əмəм, əр гиркйв — сӯ хутəхун айа удаŋан Айакчāн-киʌйвʌи ōдан. Э̄дук суруксōʌ, əрəŋəмə умӯндӯ н'əкəйə̄рəв, оŋēŋāŋŋар омоʌгйвāн хəргӯ буŋан симаʌадӯн, иŋадӯ чакиʌиксāʌ, гарадāрав. Мундук хуŋтудӯ əŋə̄т кēййвра оŋēŋā атаманин бичə̄вə, д'ӯр сōŋ'иŋ биксə̄ʌ, бāʌтакāтнаʌ əвйрəв. Бй əчйн əмəрə бихикив, сӯ коʌумтанмахун тāкма уркукāтна, хуʌəптə̄рвəхун хӯвкə̄тнə əвйŋə̄т бимчə̄. Тāдук əр бй гиркйв айа удаŋан Айакчāнкиʌйвʌи əхикин кихана н'āн хəргӯ буŋави симаʌадӯн син кēйŋāтін ōчāн. Бй ŋōнум д'аʌив сōмат урумӯʌчə̄ʌə̄н, əмŋə кəŋтірə̄в сōт тійəʌчəʌə̄н əр гиркйв ӯс Торōнтай əхə̄кə̄нд'ə̄ утуйəвə̄н, аʌгаксā, тікиврəн, тāдук итарчавāн, домноксō, тікиврəн, тāдук бимй н'āн хуйд'əрй-дə̄ мӯдӯ, кургид'əрй-дə̄ тоŋодӯ əхй хəкӯʌдə мӯт минəвə ивйрдəн. Тар амардукин бй нуŋанмāн такма боско куруʌēкə̄чим. Тāдук ōдакин, д'ə д'ӯʌкāн сагдіŋиʌби, əр бӯ āхиптін сибайвайавун сōт тургəнд'и астамаʌтāвкйʌ ōкаʌду. Бӯ, əрбə̄н əрйксəʌбəр əрухуймə̄чиксə̄ʌ, умӯндӯ əрəйдə̄никсə̄ʌ, мə̄рвун-дə̄ кəргəннисмəрəв, ад'ас əŋəтіʌ хуйəттə ōрав. Тāрит нонон ə̄дӯ сибайбайа ōксāʌ, бихй матаʌба дурук əрйксə̄ʌ, умйвуксāʌ, əмŋəт-дəʌəŋəййт гəрбйт дəʌəйдід'ин, суракит сурурйд'ин д'əвуксə̄ʌ-əвйксə̄ʌ, бй-кəнə̄ буŋадӯв дуʌин буŋави д'аварй маʌахундӯт умйпчиŋāт. — Уŋəʌē-уŋəʌē, дəʌəŋəй! — гуниттəн.

Тар амардукин əр Сивəккиʌə̄н байан атіркāн бихəмдə āнŋӯ ŋāʌадуккй əтіркəŋŋи ойовкōнчō, д'əŋинŋӯ нāʌави умӯн бōкан-атіркāŋŋи ойовкōнчō, умӯн бōкан омоʌгйвар уркəвəр нйвкə̄никсə̄ʌ, иʌанй йӯксə̄ʌ, əр сагдī атіркāн-əн'инд'əтін мə̄нин, тікə̄н гуннə турə̄ʌкə̄н ōд'аран:

— Дəŋə̄-дəŋə̄, дəŋə̄н'ин! — Эр-кə, əр-кə гунə̄м, хутə гундī хутəв, кутᵉт гундī кутᵉтів, доŋдоʌима доровойо д'авакаʌ ноноптін дорово биŋин, амаргӯптін уʌгур ōŋин! Тāдук ōдакин мит мəрбунн'ун əнəʌ будə-мундə бйд'əрəв. Ката сӯ, айат гиркуксāʌ, əмəрəс! Эр дуʌин буŋа Хуркōкчōнин, куŋā бəйə бинə сō-дā д'аʌӯра, сумут мататкāн, əвəнкй айи бəйə̄н əмəксə̄, əрйксəʌбəвун əрухуййнді. Тавар айас ама ōкин омŋовд'он, бӯ баŋас əтіркə̄нн'унми будəʌə̄вəр əхйвун омŋоро айава ōнді. Тавар айадӯс бахйван'ун умӯндӯ хунāтпар д'ававкāндіʌ сагдіʌ биŋнəрəв. Тāдук ōдакин, хутəв иʌан Сивирдӯ ичə̄н идəʌкəн, араŋŋа айиттī д'арикиʌкāн, бӯчə̄вə арйврй аʌгихиʌкāн айа удаŋан Айакчāн-киʌйвʌи, сй д'аʌбй нонокйдук мандіт д'аʌдāкаʌ, минə урə̄ксə̄, инамуктави əкəʌ тікивдə. Биʌи сй оŋēŋā омоʌгйн'унин бойундāсчаракис, дуʌин буŋа Хуркōкчōнин,

эмэксə, Айдāр-сōн'иӈн'ун элəкəс нāлдірйн эрчимдӯн эксə туʼлуйда, били акйн гундӣ акйндı тамнаксакāн укчакилкāн Тамнāр сōн'иӈбукатıр āчин ōчāн, гирамдавāн д'авачāтıн-дā, тар ёд'ан, мəндıн'ун оӡēӈā омолгйдукин хуйəӈӈйвнəс айа. Оннōӡор тар умӯн бəйəдук бид'иӈə колумтанмат уркуӈāтıн бичəн, хулəптэрвэт хувӈэтıн бичəн. Ката тавар мəндı аналлакис, эмэксə, эрухуйдəн, тарит дуруккāн эмӈэт д'алдāксā, āхиптıн сибайбави астāвкй ōдāви! Тāдук ōдакин эр, алтамаӈдāн омолгйл, экэлду айдāрд'ара, чуӡумагдāн омолгйл, экэлду чулуд'ара, сэлэмэӈдəн омолгйл, экэлду сэхэмсийдэ, онороӈдōн омолгйл, экэлду хорогд'оро, эр котундӯвар айа удаӡан Айакчāн-килйвлидӯ мōйан мōлаксāл, сивāйбари сохулбəн, орорвōн, оноксōл, вāксāл, астаксāл, бэлэткэлду сōд'исōд'и тургэнд'и! — Дэӡэ-дэӡə, дэӡəн'ин! — гуниттэн.

Тар амардукин эр омолгйлин-дā нуӈан турəнмəв сōт итıктāвкйл биӈэт, бадаӡа, уркэткəкйвэр хэтэкəмуксəл, уркэвэр нйрйвэр тıсэмəтнэл, калганмар калиӡир нйксəл, д'э йӯксəл алтамаӈдāн омолгйл алчāлй туксахинд'ара, чуӡумаӈдāн омолгйл киӈгилй туксахинд'ара, сэлэмэӈдəн омолгил сэлтэлй туксахинд'ара, онорогдōн омолгйл орсолйкāн туксахина. Тар н'экэксəл, эхйткəн илан дэткəн дэлэмйчəвэр илан нулгй туӡурумчэлкəн илан кохилкан курēнд'эдӯвэр д'алумкāкй йврэ. Тāдук илан н'амā илан д'āн илан актавар айаргӯвāн вāра, илан байтахун бастıӈӈāн бāра, илан байтахун бēвэ вāра, тарā астамандāра-дā даӡат бихйлбэ ковот комуйда, горот бихйлбэ сӯрук н'ōӡаркāр орорд'и хуктувнэл эмуврэ. Эр эйəнə бираӈӈар тувэвəн д'алум туӈуриӈдəнмэр умйвра. Кочовōн д'алум кодоӡоййлбар комуйда. Гахантıмал-хунйл килбакē ōра, туруйантıмал-омолгйл чирбакē ōхинчара. Тар амардукин д'апкун халгалкāн мэӈумэ остолилба сираптıкй тāна-дā сивайвавар д'эвгəвəн остолилвар матāлй ōкнантıн мэӈун тэрēлкэ боӡово тэниттэ, тар дуруктӯн ирчə улдэт ороколōро, силавчā улдэт сивāра, эхə-бэйӈə тэкэмунд'ин тэнйттэ, инак сōху арй алад'иӈда, орон арйд'ин хорочōдӯн туйувӯксəл, тэврэ. Д'э тар амардукин эр дулин буӡа Хуркōкчōнн'унин айа удаӡан Айакчāн-килйвли āхиптıн сивайватıн д'эвгəвəн йəӡин долбонйлкāн инэӈйдӯ, энэл токтōхина д'эвуксəл, хāдıл д'эвуд'эр атамар бэйэл бивкйл-ивит. Арāхинай бургул орор, мурир имӯхэчйл улдэвэтıн тэкэмундӯ солтӣнал д'эптӣл матал оӡонйлдулйтıн д'эпнэтıн имӯрəӈитıн илэ эйəнэ-эйəнэ д'эптīкэр матал бйттэ-ивит. Тāдук эхйлэ д'эптīвэр этэксəл, ēкӯн эвйн гунмурй дурукид'ин эвйксəл, омолгйлдук мит бэйэӈит ойгӯтıн ōран, хунйлдук мит кукинтı сōргӯтıн ōдан. Тарā ичэнэл-ичэнэл «эр ураӈкай ōвнан сō-дā мандī-ивит, аналлāкил, гиркйнэхэл ōнатıн тувэстıн ēдӯ сōтаран», — гуннэл бэйэл барāдıман сохйчāтıн-уху.

Д'э тар амардукин эр мит бэйэӈит дулин буӡа Хуркōкчōнин бихэмдэ, киннилби дэптıкəкй тэӡэксə, тıкəн гуннэ турəлкəн ōд'аран:

— Уӡэлē-уӡэлē, дэлэӡэй! — Эр-кэ, н'āн-ē бй-кэ итıктарй сагдıӈилби Хэглəндəр байан этıркəн, Сивэккилəн байан атıркāн гун-

мурӣл балдівчāл байанайӣлби, бӣ турэнмэв толколōд'онол дōлчӯкалду! Эр-кэ бӯ эхӣлэ буђалāвар ђэнэрӣдӯвун элэкин ōдан, олус удам, бадађа. Тарит бӣ турэндӯв ōн гуннэл улгуриттэс, д'алилбар улгуривкӣл ōкалду. Элэксийділ бихиксун, эр-ті инэђмэн ђэнэхинмӣ элэкин бимчэ. Бӣ буђав-дā сō горо буђа бид'иђэн. Тāдук ōдакин, эр сагдіђилби, бӣ д'ӯлāв суруддіксэл, тāдӯ-канā сивайвадӯвун бихӣдӯхун айа бимчэ, бӣ д'алив тікэн. Сӯ д'алдӯхун ōн бихин, тарā мэрдун сāкалду. Бӣ мэнми д'алби н'āн улгуриктэ: элэкин бихикин, «элэкин» гундэвэт, эмӣ элэксийдэ, «эхин» гундэвэт. Били сӯ хуркэн утэхун тамнаксалкāн укчакилкāн Тамнāр сōн'иђ-бокон'н'ук гирамдавāн бӯ эксэрӣдӯвун ōн бихин? Тарā сувэлэкэлду, «ахун-дā эђэхӣдук сувэ манді, ухӣкэндук сиђэ уйэн ђōнум», гуннэл билиргил сāрӣл сагділ уђэтін бихин. Тарит бӯ айа удађан Айакчāн-килӣвлин'ӯн эксэд'энэл, йдӯ элэкин дундэдӯ токтоксōл, аривумчāлбун. Тāдук тарийа эдӯ ōвчā сивайвадук бођоловнон бихӣд'ин буђалāвар эксэксэл, тāдӯ д'арбађдāвчамчāлвун. Д'э, тарā ōн гунчэрӣ д'албар улбулӣкэн улгуркэлду, сӯ-н'ӯн элэксӣйдэксун, бӯ сōт аривдāвар эйэттэв. Ариввракпун, амаргӯт мэрбэхун карайӣмчā, мундӯ-дэ айа бимчэ! — Уђэлē-уђэлē, дэлэђэй! — гуниттэн.

Эр амардукин Хэглэндэр-этіркэн, нуђантікӣн сōт айат ичэхиниксэ, тікэн гуннэ турэчӣ ōд'аран:

— Ейдэђи-ейдэђи дэђидор! — Эр-кэ, эр-кэ гунэм дулин буђа бойунин илан Сивир-сиктірдӯн ситэримэ гэрбӣлкэн дулин буђа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодіма ӯд'алкāн Инмэкэн-килӣвли эн'ӣлкэн, мэндукки мэђумэ нэмэлкэн, мэндукки улгэр н'ōђулкāн мэрилэ орон укчакилкāн дулин буђа Хуркōкчōнин, ділачā хэрэдӯн кундут ичэрӣ мэђумэ айа мēвалкāн кутēтів, д'э бӣ турэнмэв толколōд'оно, улгурвэв илгэлэд'энэ дōлчӯд'авкӣ ōкал! Тавар сӣ улгурвэс дōлдіксā, бӣ гирамдав эн'умулдэн, улдэв сāхин дірилāран, мēванми долгуйдан, ēхав ђэрӣлдэн. Д'э тāдук ōдакин, эр мунэ д'ӯлāви эксэдэви эйэтчэнді-дэ, бӯ сагданнавун сō, суруддімӣ сигділэдӯ-дэ энэл тулуйда бумӯлмӣ, эхӣл кэрэйдэ бэйэл ōксāл бид'эрэп. Тарит «эмӯхив кēлина, эчэл ђэнэлдірэ», гуннэ, д'алдӯви экэл д'авара». Тāдук ōдакин, «тавар кинниви омолгӣва тамнаксалкāн укчакилкāн Тамнāр-сōн'иђђа аривдāви н'āн эйэчим», гӯчинді. Д'э тавар дурукин айа мēвандук, айа д'алдук, эрэ-тарā уйдерӣдук, айат сеналāрӣдук йӯвкӣ. Тава н'āн сō урувсӣхӣ турэн ōдан. Тарит д'э сӯ айа удађан Айакчāн'н'ун мэрдун сāкалду, «аривд'иђāт», гунчэмӣ сāтар эрэ эксэкэлду. Дэђ ариврaксун, дэлэ айа бимчэ дō, бӣ тарлаха д'ӯрэ-иларā балдінав кэрēтэ ōмча. Кэ, хутэ, тавар айа д'алдӯс, айа мēвандӯс балтара бахивайа балтаччима бӯчим! — Ейдэђӣ-ēйдэђӣ, дэђӣдор! — гуниттэн.

Д'э тар амардукин эдӯ-дэ олокилкāхал бэйэл, ађнакӣл-дā матал сōт элэкинд'и дōлдіра эр мит бэйэђит Хуркōкчōн турэнмэн. Хāділ: «Сагділ байахалдӯ кэм-дэ айа сōђку бэйэ тувэхиттэн», — гумэчиттэ. Айаврӣл бэйэл бимӣ: «Айат бихӣ бэйэдӯ ēкӯн-дā уха

эвкӣ эмэрэ бōллаɓа, сагдıл-да, куӈакāр-дā мэ̄ртıн д'ōлдӯтıн айилгатıн тıкэ̄н анавкӣ», — гӯмэ̄читтэ.

Д'э тар амардукин эр тамнаксакāн укчакилкāн Тамнāр сōн'йӈ бокон'н'укка эксэрӣл ōксāл, эр дулин буɓа Хуркōкчōнин сэлэмэӈдэр омолгӣлдӯ эр Тамнāр букатıр гирамдавāн лувухинмукāнан-дā, короппāн тıкэ̄мэл сēптӯвӣ дıксэ̄, ӈэнэвкэ̄хинэ.

Айа удаɓан Айакчāн-килӣвли бимӣ солкомол тэтıлби сēвулдӯтıн орор муйэлдэлвэтıн, мурир сēлилвэтıн, сулакӣкса гириптıлāлватıн, нондоксолво, арахинай тōргā гириптıлāлвāн чипчиран, тар дэрпустıтıн бихэ̄н тар бичэ̄-ивит.

Тар матаӈилтı ēкӯн-дā орон, мурин колодӯ эхӣл нāдıйда ōда, иларāкāн уӈкурус-кōлēхис н'экэрэ-дэ̄ гохӣнан киталикиткāр-дэɓӣткэр ōра-дā дулин буɓаткāкӣвар ӈэнэвкэ̄нд'энэ эр дулин буɓа Хуркōкчōнин тıкāн гуннэ турэ̄лкэ̄н ōд'аран'ивит арай:

— Уɓэлē-уɓэлē, дэлэɓэй! — Эр-кэ гунэм-кэ, бӣ н'āн инэӈӣӈӈэв ичэвкэ̄нчэ̄л байанайилби, итıктāрӣ киннилби, надан ōхикāкта укчакилкāн хэгдıӈэ̄ бэɓин Хэглэндэр байан этıркэ̄н, Сивэккилэ̄н байан атıркāн, бӣ турэ̄нмэв дōлāвар дōлдıкалду, иргэлэ̄вэр иктэвкэлду, сēндӯвар силдıкалду! Эр минэвэ «сōӈку бэйэ бинэ сāма турэ̄нэ эчэ̄ тӯрэ̄ттэ», — гунд'иӈэ̄хун. Би дōдӯви д'алдāчарӣ д'алвӣ гурэ̄ликэ̄н гунд'эрӣвэв дōлдıксāл, эмэ̄нмукэлду. Д'э, бӯ эр эксэнэви бэйэӈӈи аривд'иӈāт гуннэ дōдӯви эрэничим, тарит эр матā илан анӈанӣ дōɓидāлӣн ēмӣ-кат эмэд'ӣӈэ̄н, нуӈандукин дōлдıдāват, ōн бӯ бихӣвэвун. Аривмӣ гэлнэ̄рӣ гирбӣвэ̄н, сōлтама сураккāн баɓар улаpитчиӈāвун, тарā эдэ̄вэт хуӈтōро. Д'э сӯ эр хутэвэр эмэдэлэ̄н ēдӯ-дā энэл бакавра сōмат айат будэ̄вэт, бӣ н'āн ōн бихӣвӣ илд'иттēд'иӈэ̄в. Тāдук ōдакин, сӯ н'āн дэӈ будэрӣӈихӯн инэӈӣӈихун эмэрэкин, иччилэк турэ̄нмэр эдıндӯ уӈӣӈнэкэлду. Д'э, сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мундӯ ōɓин! Буралийа бурастī биɓин! — Уɓэлēуɓэлē, дэлэɓэй! — гуниттэн.

Д'эр тар амардукин эр Сивэккилэ̄н байан атıркāн бихэмдэ амардуктıн тıкэ̄н гуннэ̄ турэ̄ччэрэн:

— Дэɓэ̄-дэ̄ɓэ̄ дэɓэ̄н'ин! — Эр-кэ гунэм эхӣлэ хутэ гундī хутэв, илан Сивир-сиктīрдӯн ēкӯн сāмава дурукчāн ичэ̄н идэлкэ̄н, араӈилба айиттī д'арикилкāн, бучэ̄вэ ариврӣ алгихилкāн айа удаɓан Айакчāн-килӣвли, сӣ н'āн кутēт гундı кутēтıв дулин буɓа Хуркōкчōнин, сӣ н'āн дōлдīкал, эр бӣ турэ̄нд'эдбэв толколōно дōлдīкалду, улгурилбэв илгэлэ̄нэл дōлдīкалду! Д'э, мунэ «эчэл сурулдıрэ», гуннэл д'алдӯвар экэлду д'авара. Тāдук тар акӣнмар гирамдавāн ариврак сун, бӯ сундук ēкӯнмар-кат этэ̄рэв мулāна, ōкин-дā этэ̄рэв омӈоро, д'ӯрэ̄-дэ̄ балдīчāдук хулэкэт д'алдāмчалбун, суӈэчин хутэлкэ̄хэл ōнавар д'э айат сāмчāлбун. Тāдук ōдакин, сӯ н'āн будэрӣӈӈэр инэӈӣӈӈэр эмэрэкин, иччилэ̄к турэ̄нмэр салгиндӯ уӈӣвкӣл ōдāват, сāтар ōкин бунэвэхун-муннэвэхун сāмчāлбун, эрухуйдıгдэ эчэ̄ бирэ, дōлдıдā, сāдā н'āн нāда бивкӣ. Д'э тāдук ōракин сӯ, буɓалāвар ıхиксāл, сōма айал н'имэ̄хэл ōксāл, хутэвэ балдīвкалду, оронмо курēкэлду, ēкӯн сōху дурук-

кāн иргикэлду, матал манилактін, аӈнакйл айавуктін, эдэр иччат итіктāӈин. Тāдук ōракин, сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мундӯ ōӈин, буралийа бурасті ōӈин! — Дэӈэ-дэӈэ, дэӈэн'ин! — гуниттэн.

Д'э эр амардукин эр гохинан киталикиткāр бихэмдэ дулин буӈаткāкйвар айаннāнал килбалāнчанал ӈэнэвкэнд'эрэ-ивит арай.

Эр ӈэнэд'энэл уӈӯ буӈан'ун дулин буӈа д'угд'ӯритін мэӈумэ урэн гунмурй урэлэ ихиксāл, тар ойдӯн тіктэ-дэ били акйнмар тамнаксакāн укчакилкāн Тамнāр сōн'иӈ букатірва мэӈумэ эмкэдӯ сōт айат д'аланмāн д'аландӯн д'аваксāл, эр айа удаӈан Айакчāн-киливлй тікэн гуннэ турэлкэн-сэхэлкэн ōд'аран-ивит арай:

— Хēд'э-хōӈай, хēд'э-хōӈай! — Эр-кэ гунэм бй-кэ н'āни акйн гӯнді акйнд'айав, надан ōхикāкта укчакилкāн Хэӈлэндэр байан этіркэн амйлкāн, Сивэккилэн байан атіркāн эн'йлкэн, тамнаксакāн укчакилкāн Тамнāр-сон'иӈ букатір, бй-кэ н'āни иччилэкмэ турэнмэв иргэлэви иктэвкэл, дōйалāви дōлдікал, сēйадӯви силдікал! Тар амардукин доӈдолима доровойо д'авакал, амаргӯптін улгур ōӈин! Эр минэвэ «ēма ахāткāн ōданді?» гӯнэкис, — сй мэнді нэкӯн гӯнді нэкӯнді айа удаӈан Айакчāн-килйвли бй биӈнэм. „Эр гиркйс ӈй?“, гӯнэкис, бй аналлāк мэнми гиркйв илан Сивирсиктірдӯн ситэрй гэрбйлкэн дулин буӈа Коколдокōнин амйлкāн, мэндукки мэӈумэ нэмэлкэн, мэндуккй улгэр н'ōӈӯлкāн мэрилэ орон укчакилкāн дулин буӈа бойунин Хуркōкчōнин гунмурй гэрбйлкэн айи эвэнкй букатірин ōдан. Тāдук ōдакин, бӯ синэвэ д'упті аривдāвар айитчарйл биӈнэрэв, д'э тāдук ōракин, бй тэд'э бучэвэ аривриі алгихилкāн иччилэк турэлкэн бихикив, улорлэви тікиксэ, ондоӈонōвкй ōна ариксā, бӯ ēхадӯвун илэ мэнді ичэврэкис дэлэ-ӈэлэ айа бимчэ! Акйн гунді акйнми, иникин гиркуксā, сōхувэ иргирэкис, оронмо курēлэрэкис, хутэвэ балдіврэкис, амаргӯт аӈнакйлдук айаргāнтін, маталдук маниргāнтін дōлдірйдӯтін дэлэ айа ōд'иӈāн бирэ дō! Тарит бй эрйнмэв иргэлэви иктэвкэл, доммов дōлāви дōлдікал, алгиспав сēндӯви силдікал! Илэ мэнді, мēликсэ, ирāс айа ичэдэви ичэвкэкэл! Тāдук ōдакин гэлнэрй гэрбйс сōлтама суракис н'āн хуӈтут иӈин, «ӈй ōдан?» гӯнэкис, Хэглэндэр байан этіркэн амйлкāн, Сивэккилэн байан атіркāн эн'йлкэн д'ӯрэ балдічā, д'апкун туксу д'апкалйн д'эрилйкэн ӈэнэрй д'урā туксу укчакилкāн Д'эрис сōн'йӈ букатір гунмурй гэрбйлкэн ōкал! Бэлу-бэлу, бэлукэн, сōд'и-сōд'и тургэнд'и д'аландӯви илд'акал! — Хēд'э-хōӈай, хēд'э-хōӈай! — гуниттэн.

Тікэ гунэн-дэ иларāкāн чупчуруйдан, иларāкāн далбатāрāн, иларāкāн хукэлчэкнэн гарадāран. Тар амардукин эр д'апкун туксу дапкалйн д'эрилйкэн ӈэнэрй д'урā туксу укчакилкāн Д'эрис сōн'иӈ букатір илэ мэнин д'ирас илихинчаран-дā эхйт ахйва ōлуклāн тіктэн, ēкӯн-дā бокойна āчин савāликсōран. Тарā эр хунāт бихэмдэ нуӈанмāн ēкӯн-дā бōсайа āчин д'ӯр иӈа д'апкалāн чипчивухинчакнан д'улкулōрон, тариӈин бихэмдэ, ōн-ла эртікйтартікй эйэр-туйāр адулāксā, нэхйлэ ойдонд'орон, бадаӈа. Нуӈан, эр ойдониксэ, тікэн гуннэ турэчй ōд'аран:

— Чйпир-чйпир, чйпирйа! — Эр-кə, əр-кə, ōнй-ōнй ōдам, билир-ка н'ӑн «оӈēӈā омолгйн бāлтаран, гуннə балдīнави курутуйимнйн будəм-муним» гунчəнəйə бучəӈəчин д'алдāчим. Он-ōн н'əкəксə, нəкӯн гундī нəкӯнми, əмəксə, аривундı? Ёдӯ-ёдӯ айатаран! Эр-кə мəндı аналлакис, гиркйс н'āн бихин-ивит, ōн н'əкəксəл, били оӈēӈā букатıрин Айдāр-сōн'иӈдук суптıксāл, əмəрəс? Тāдук ōдакин, доӈдолима дорово биӈин амаргӯптıн улгӯр ōӈин! Тавар аййчиксāл, ӈəрйхй инəӈйӈӈəв д'уптī ичəвкəннəдӯхун бахйва биӈин! Бй д'уптī балдīрдаӈим, тавар билиргил сāрйл сагдıл: «Бəйə ōрй иӈадук-тā, чуӈундук-тā мандī бивкй» — гуниӈкйтıн. Д'ə, əр айавахун н'āн будəлəви этəм омӈоро, əр ариксā, бəйə ōрй аййлкāн бимй ёкӯн-мал айайа ōд'иӈāв. Экəлду тıкӯлда, токтōколду-болгойколду! — Чйпир-чйпир, чйпирйа! — гуниттəн.

Эр тıкəн гуннəдӯн дулин буӈа Хуркōкчōнин, айа удаӈан Айакчāн гунмурй ахйдуккй коӈуллəтıксə, тıкəн гуннə турəчй-сəхəчй ōд'ардаӈа:

— Ӯӈəлē-ӯӈəлē, дəлəӈəй! — Эр н'āни надан ōхикāкта укчакилкāн Хəглəндəр-əтıркəн амйлкāн, Сивəккилəн байан атıркāн əн'йлкəн, тамнаксакāн укчакилкāн Тамнāр сōн'иӈ букатıр, доӈдоли доровойо д'авакал! Ноноптıн дорово биӈин, амаргӯптıн улгур ōӈин! Эр минəвə «иргйт тəкəлкəн-сəксəлкəн мата биӈнəндı?» гӯнəкис — дулин буӈадӯ оскēчə-тıвāнчā илан Сивир-сиктīрдӯн ситəримə гəрбйлкəн дулин буӈа Коколдокōнин амйлкāн, томкодıкāн ӯд'алкāн Инмəкəн-килйвли əн'йлкəн, мəндукки мəӈумə нəмəлкəн, мəндукки улгəр н'ōӈӯлкāн мəрилə орон укчакилкāн дулин буӈа Хуркōкчōнин гунмурй мата бй биӈнəм. Тāдук ōдакин, əр сй нəкӯндулəс айа удаӈан Айакчāн-килйвлилā əмəнəв, авахил атамантıн Айдāр-сōн'иӈ сунəвə суннāд'арйлāн ихиксā, əр гиркйн'унми айа удаӈан Айакчāн'н'ун кумулēнəл нуӈанмāн-дā ōкин-кат əхйд'ин илда, илй дōдӯн лапкуксāл, əмəксəл, колбохиксāл, āхиптīн сивайвадукнун боӈоловнос аваккадӯн, əр буӈалā əмувуксəл, əр-тı аривpав. Эр бй буӈалāв суруксōл, н'āн сивайвава ōттав. Д'ə мит тāлā суруксōл, сāлдīнал тāрийа бй буӈавав, д'ӯвав, д'āлвав ичəкəл, сāкал. Тāдук ōдакин, сй нонптı гəрбйс н'āн уларййдан, «ӈй ōм?» гӯнəкис, — Хəглəндəр байан əтıркəн амйлкāн, Сивəккилəн байан атıркāн əн'йлкəн д'ӯрə балдīчā д'апкун туксу д'апкалйн д'əрилйкəн ӈəнəрй д'урā туксу укчакилкāн Д'əрис сōӈ'иӈ-букатīр ōдандı. Тāдук ōдакин, буӈалāви истīс илан анӈанй болд'окилкāн бихин. Буксə, арчā бəйəдӯ айа бəӈə ōрй əр хуларин мəӈун корōпкадӯ бихин, əрə уммалчакал, тāдук бй дулин буӈалāв аргистаснал суруӈōт. — Уӈəлē-уӈəлē, дəлəӈəй! — гуниттəн.

Эр амардукин д'ə бəйəӈитıн, ойдониксə, н'āн тıкə гуннə турəчй ōд'ачā-ивит:

— Чйпир-чйпир, чйпирйа! — Эр-кə гунəм олихин-дā «аӣй бəйəн айа аймактук бəйə ōвкй», гӯннəл сāрйл сагдīл сəхəнтəвкйл бичəтıн. Эр кутēтıлкəн нəкӯнми, əр д'уптī д'аландӯв иливнал аривнадӯхун балтаччй бахивайа д'авакалду! Эр бəӈəвə умивнадуксун

йлә-кәт истı мата ōдам. Кә, сатар ирә дулин буҕава ичәнәчим! Билир Коколдокōн гӯнәрӣ матава «ēкӯндā ңāлалкāнма әчйн ухуннарда» гуниңкйтıн, д'ә туңурвӣ бакалдıрдаҕим, суруҕōт! — Чйпирчйпир, чйппирйā! — гуниттән.

Тар амардукин нуңартıн бихәмдә, әр дулин буҕа Хуркōкчōнин, айа удаҕан Айакчāн-Килйвли киталикиткāр ōра, били уҕӯ буҕа бойунин Д'әрис сōн'иң-букатıр, д'апкун туксу д'апкалйн д'әрилйкән ңәнәрӣ д'урā туксу укчактӯви уҕиксā, нуңарватıн ахамāтчаран-ивит арай.

Д'ә нуңартıн бихәмдә әр дулин буҕаткāкӣ әркән-дә таркāн сурумӣ-н'ун суруд'уру. Нуңартıн бихәмдә дуҕарвāн бимӣ силәксәд'ин сāнал, туҕәрвән бимӣ умкактад'ин сāнал, нәлкирвән бимӣ ләптәркәнд'ин сāнал, болорвōн бимӣ бōктакāнд'ин сāңал д'ӯр йәҕин туксу тәктурйәдӯн суруд'уру, д'ӯр д'апкун туксу д'апкайāдӯн суруд'уру. Д'ә тар ңәнәксәл, нуңартıн биксәл, нимңакāн биксә, удад'иңāтıн бāра дō, тар-дāт Хуркōкчōн буҕалан исчараивит. Арай әр ихиксāл, мит бәйәңит, амййāви ойолйтıн киталик ōксā, хариктад'ана тıкән гуннә турәчӣ ōд'аран:

— Уҕәлē-уҕәлē, дәләҕәй! — Эр-кә бӣ инәңйңңәв ичәвкәнчә амйн гундı амйнми, ән'йн гӯндı ән'йнми, тāдук-тā хуңту аймакилби, әхәлби, әвәлби — дурукмахун, доңдолима доровойо д'авакалду! Ноноптıн дорово биҕин, амаргӯптıн улгур ōҕин! Эр мунәвә «иргйт тәкәлкәхәл-сәксәлкәхәл матал әмәрәс?» гӯнәксун, — бӣ мәнми бимӣ дулин буҕā бойунин илан Сивир сиктıрдӯн ситәрӣмә гәрбйлкән дулин буҕа Коколдокōнин амйлкāн, томкодıкāн ӯд'ачӣ Инмәкәнкилйвли ән'йлкән, мәндукки мәңумә нәмәлкән, мәндукки улгәр нōҕӯлкāн мәрилә орон укчакилкāн дулин буҕа Хуркōкчōнин бӣ биңнәм. Эр гиркӣ гундı гиркйв Хәгләндәр байан әтıркән амйлкāн, Сивәккилән байан атıркāн ән'йлкән айа удаҕан Айакчāнкилйвли ōдан, тāдук әр умӯнмун сӯ туңурихун гиркӣ гундı гиркйв акйнин Хәгләндәр байан әтıркән хуркән-хутән д'апкун туксу д'апкалйн д'әрилкән ңәнәрӣ д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис-сōн'иң гунмурӣ гәрбйлкән мата ōдан. Соруйан суңә амйлкāн ән'йнмӣ ōннудӯтıн бакалдıнāчā мата ōдан. Д'ә тāдук әр мунәвә, «гиркунмар ōн гиркуксāл, әмәрәс?» гӯнәксун, ēкӯн дурукқāн ичәрәв бадаҕа, уха н'āн аран әчәлбун ōра, айава н'āн ичәрәв. Бӣ, хәргӯ буҕа авахин атаман'н'унин әргӯ буҕа сималадӯн бōйундāхиксā, аран әчәв кēййвра, кēйңатıн ōчāлāн әр гиркӣ гундı гиркйв, әмәксә, әрухуйдән. Нуңан әчйн әмәрә бихикин, мәнми колтомолдукив тоҕот кургихиңңәтıн бимчә. Тарā әр айа удаҕан Айакчāн-килйвли хуйд'әрӣ-дә мӯдӯ әхӣ хәкӯлдә, кургид'әрӣ-дә тоҕодӯ әхин кургирә мӯт минәвә ивйрдән-дә бӣ кәңтıрәв олус әмңәлдән, д'алив олус ңонумулдан. Тāдук әр буҕадук ӯс Торōнтай әхәкәнд'әв д'оллōк надан д'āн бутıлкāн утуйәвән, гахиксā, тıкиврән, илан д'āн илан бутıлкāн итарчавāн, алгаксā, тıкиврән. Тарилд'и бӣ нуңанмāн айаврйтпи д'авам. Тāдук әр айа удаҕан Айакчāн-килйвли, мәнин әмәксә, урәкәчәндıн илӣ дōдӯн дıксә, тар мәнин бәйәвә

балтавун сималаӈдӯн чәпәвкӧнән, д'ә бӯ гиркунмун таргачӣн ōдан. Тāдук мәрвун, колбохиксāл, әр акӣн гундӣ акӣнмар әмуврәв. Д'ә сӯ бӣ амарлāв ōн бихис? Ёкун хāвупран, куӈурәрән? Улбулӣкән улгурд'әкәлду, тулдулӣкән турәтчәкәлду! — Уӈәлē-уӈәлē, дәләӈәй! — гуниттән.

Әр тікән гуннәйә дулин буӈа Коколдокōнин д'ӯн уркәдӯн «коп» дōхинчара-дā, илә мәртін ōксāл, иличчара-ивит арай. Тар амарду кин әр Коколдокōн, уркәви нӣксә, нуӈарватін утари гиркуна бойбонмукāнна әмәксә, д'ә ичәдәдӯн коломӣ доровоно д'аварӣндā мандіттан, н'уканӣлнан-дā әрчимнәк мататкāн ōдан, анчарви кәпәхиникнән ӈōктулдіран, хәмурви дірамуликнан н'уканӣлдіран, тар амардукин тікән гуннә турәлкән ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — Әр-кә н'āни бӣ уркән-хутәв, мәндукки мәӈумә нәмәлкән, мәндукки улгәр н'ōӈӯлкāн мәриләукчакилкāн дулир буӈа Хуркōкчōнин, кукӣн гундӣ кукӣнми надан ōхикāкта укчакилкāн Хәгләндәр байан әтіркән амӣлкāн, Сивәккилән байан атіркāн ән'ӣлкән, илан Сивирдӯ ичән идәлкән, араӈӈа аритті д'арикилкāн, бучәвә ариврӣ алгахилкāн айа удаӈан Айакчāн-килӣвли, тāдук әр туӈур гундӣ туӈурив д'апкун туксу д'апкайāлӣн д'әрилӣкән ӈәнәрӣ д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис сōн'иӈбукатір, сӯ иланӣ иларā доровойо д'авакалду, амаргӯптін улгур ōӈин! Әр минәвә «иргӣт тәкәлкән-сәксәлкән бичәс?» гӯнәксун, — дулин буӈа Иркисмәнд'ән амӣлкāн, Гēван әтіркән хәгдәӈӯ хунāд'ин Куккумачāн-килӣвли ән'ӣлкән илан Сивир-сиктірдӯн ситәрӣ гәрбӣлкән, хәргӯ буӈадӯ сәләргӯнтікӣ сәләрӣ Сәӈәкчән-сōн'иӈ гунмурӣ, дулин буӈадӯ коколдодӯ чакилчачā Коколдокōн гунмурӣ, уӈӯ буӈадӯ сōн'иӈ Мәӈнәнӣкән гунмурӣ гәрбӣлкән бойун биӈнәм. Тāдук ōдакин, бӯ сӣ амарлāс н'амāдук умӯнму синмачāӈачин ёдук-тā айат бид'әрәв. Орон сōху курēдӯ әлдән батта, мурин сōху конудӯ н'āн әлдән батта. Тāдук ōдакин авус-әхәс аӈнакилдук айаргӯтін маталдук маниргӯтін ділачā омолгӣн Д'әргәлд'ин умӯн хунāт-хутәчӣ ōран. Тāдук ōдакин, әриӈилдӯн гәлнәрӣ гәрбӣлтін, сунтар суракилтін ӈӣйә ōра гӯнәкис, әр авус-әхәс хунад'ин уӈӯ буӈа бойунин ділачā омолгӣн Д'әргәлд'ин амӣлкāн, Гēван әтіркән н'ӣдәӈӯ хунāд'ин Сēкак-килӣвли ән'ӣлкән д'ӯр д'урā он'олкōн, н'ōӈаркāн бәйӯн укчакилкāн Д'әргәкчән-килӣвли ōран. Тадук әр уӈӯ буӈа Хуркокчōндӯн хуркән-хутә балдічāн. Гәрбӣн бимӣ уӈӯ буӈа Хуркōкчōнин амӣлкāн, ун'аканд'иви ēва-кат әчӣн тулутта сōн'иӈ Ун'аптук ән'ӣлкән, чōӈур бугді н'оӈаркāн орон укчакилкāн, д'олово д'онуйӣксā, дәлпәрәӈәр хәкихиндӣ Д'онукчāн сōн'иӈ-букатір ōдан. Тāдук әр бӣ хунāд'ив илан Сивир-сиктірдӯн ситәрӣ гәрбӣлкән дулин буӈа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодікāн ӯд'ачӣ Инмәкән-килӣвли ән'ӣлкән дурукин солкомо тәтілкән, надан д'āн надан дарикта солкомо н'уриктәлкән, сōн'иӈ сōнӈа бәйунмә айахана укчалāрӣ Солкокчōн-килӣвли ōдан. Тāдук ōракин, әр бӣ гиркӣ гундӣ гиркӣв томкодікāн ӯд'ачӣ Инмәкән-килӣвли, кә, сōт тургәнд'и илан дәткән дәләмӣчәви әрӣксә, илан

акта айаргӯйан бāксā илан байтахун бастіӈйан бāксā, илан байтахун бēйэ, илан кур оӈусйа бāксā, хутэлвэр āхиптін сивайвайатін астамалчакал, горолō бихӣлбэ ковот тāкал, даӈат бихӣлвэ турэнд'и ēрӣкэл, ӈй-кэт эӈин боӈоловро, бэйэ баранин айа, д'эвгē дэлэӈэйин айа, амаргӯт-тā айа ира ōд'иӈāн! — Киӈгир-киӈгир, киӈгирмöй! — гунд'эрэн.

Д'э эр амардукин томкодікāн ӯд'ачӣ Инмэкэн-килӣвли хутэлби д'ӯлāви йвуксē, д'апкун халгалкāн алтама кираваттӯ тэӈэвкэнэндē, мэнин тулискӣ йӯмэлчэксē, илан нулгӣ туӈурумчэлкэн илан кохилкāн курēви уркэлэн суруксō, д'ӯрē-иларā эӈтэвкэхиннэн бихэмдэ курēн дурукин орон ōдан, умӯн кохин дурукин мурин-соху ōдан, умӯн кохин инак-соху ōдан. Д'э тарилдук синмаксā, илан актава бāран, илан байтахунма бāран, илан байтахун бēвэ бāран, илан кур оӈуспа бāран, тарилба астаксā, тāдӯ арахинаймава бакана-бакана астад'аран. Буӈа бэйӈэдукин эхē-бэйӈē хэриндэд'ин тэкэмумэ ōксā, остолилби матайдід'итін нēчē, анам тōкӣ хачан арид'ин хорочōдӯн уркӯна ōксā, н'āн таргатчā, инак арид'ин алад'и боӈово астачā — нимӈакāн биксē дурукин дэлэӈэй, бōлаӈа.

Тар амардукин эмӈэ аластін алаха д'ӯлāви арахинайма аӈнакӣлдук айаргāнматін, маталдук манирганматін, горолō бихӣлбэ, ковот ēрӣксē, комуйчā, даӈат бихӣлбэ турэнд'иви ēрӣчē. Д'э эрбēн эмӈэ д'ӯва ад'ас йлй-кэт д'апкайа āчин тэӈэксēл, эр сивайвадӯ йэӈин долбонӣлкāн инэӈйвэ энэмэл токтохина эрē-тарā сэхэргэснэл, улгучэмēтнэл н'иргӣйд'эрэ-ивит арай. Эр тэӈэлэндӯ тэӈэтчэнэ эвӣрӣл д'э эвйд'эрэ, икēлэхэл икēд'эрэ, нимӈакāчимӈӯл нимӈакāтта. Тар амардукин, сивайва д'эвгēн этэчēлēн тулискӣ йӯксэл, д'э айат ӈāла-халган эвйнмēн тэрӣйиксēл, эвйд'эрэ: н'ōрчāхал нэрӣмēттэ, килихитіл кухилӣ килийда, кōвактāлахал кухуйкāтта, тāнчамāттіл идэчӣл н'āн поровара, кохоннорӣл чоргуйда. Тар эвйкйт лайда тулан бутуннун эймэкē бэйэ ōран, тувэвэ д'алум туӈур, кочово д'алум кодоӈой ōран, конӯва д'алум омолгӣ кончокē, китіл д'алум кинтакē хунāт ōдан. Тāдук ōдакин, эр эвйндӯ бихэмдэ омолгӣлдук дулин буӈа Хуркōкчōнин ойгӯ ōран, хунӣлдук эр Коколдокōн бойун хунāд'ин дурукин солкомо тэтілкēн сōн'иӈ сōнӈа бэйунмэ айахана укчаларӣ Солкōкчōн-сōн'иӈ килӣвлиткāн ēкӯн эвйн дурукид'ин сōргӯтін ōран. Тар амардукин ēдӯ умӣпчāл матал д'ӯчӣ бэӈинмэр дулин буӈа Коколдокōндӯн баламатіт баранд'и бахивара, аксанин эхӣ сāвра айа алгиспа алгара. Горо буӈалкāхал буӈалāвар сурудōвор курбулду. Тар н'экэд'эрэктін, эр Коколдокōн туӈурин надан ōхикāкта укчакилкāн Хэглэндэр байан этіркэн амӣлкāн, Сивэккилэн байан атіркāн эн'йлкēн д'ӯрē балдічā д'апкун туксу д'апкалйн д'эрилӣкэн ӈэнэрӣ д'ӯрā туксу укчакилкāн Д'эрис-сōн'йӈ гунмурӣ мата эр ӯӈӯ буӈа Д'эргэлд'инмēн дэптікӣ тэӈэрэн, ӈāладукин д'аваран, айа эйэӈэс ēхатпи ичэхинэн, нуӈантікйн тікēн гуннэ тулдулӣкэн турэтнē, улбулӣкэн улгурнэ тікэн гуннэ турēчӣ-сэхэчӣ ōд'аран-ивит арай:

— Чйпир чйпир, чйпирйā! — Эр-кә н'āни аҥнакйлдук айаргӯтін, маталдук маниргӯтін, багдарин мәҥун тәтілкә̄н ділачā омолгйн Д'эргәлд'ин гунмурй гәрбйлкә̄н, умӯн итік сагдī н'имә̄р, д'ә бй килавинай нāдави синдук улгумйдә̄ви әйә̄чим. Тәд'ә̄ бй д'оллōк бихикив, әләксийд'иҥә̄с баҕар. Эр сй хунāд'ис д'ӯр д'урā он'ōлкōн н'ōҕаркāн бәйун укчакилкāн Д'эргәкчә̄н-килйвли гунмурй гәрбйлкә̄н килйвлива миндӯ умӯчйдукки улдімҥӯйәв, д'ӯчйдукки д'ӯвчавҥӯйав, илачйдукки ийāктāк гиркййәв анаракис, ōн бимчә̄ бōлла, д'ә тарā ōн гундī мата биркәс бōлла, д'алвй дōлдівкāкал! — Чипир-чйпир чйпирйā! — гӯниттән.

Д'ә тар амардукин әр Д'эргелд'ин тікә̄н гӯннә турә̄лкә̄н-сәхәлкә̄н ōдаран-ивит арай.

— Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн'ин! — Эр-кә гунәм уҕӯ буҕа бойунин Хәглә̄ндәр байан әтіркә̄н амйлкāн, Сивәкилә̄н байан атіркāн эн'йлкә̄н д'ӯрә̄ балдічā д'апкун д'ӯрā туксу укчакилкāн Д'эрис-сōн'иҥ бойун, д'ә тавар турә̄нді кардавāн әмӯкин мә̄нд'іви ōн гӯндівй әҥә̄т сāра бихим, мә̄нми д'алдӯв әләкин бимчә̄. Баҕар гиркйв Сēкāк-килйвлй әтә̄н әләксййдә, хунāд'ив д'ӯр д'урā он'ōлкōн н'ōҕаркāн бәйун укчакилкāн Д'эргә̄кчә̄н килйвли әтән әләксййдә. Тарā сāксāл, улгучә̄мә̄тчиҥә̄т! — Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн'ин! — гуниттән әр Д'эргәлд'ин-букатір.

Тāдук д'ӯлāви ахйн'унми, хунāтпи дә̄птікй тәҕәксә̄, тікә̄н гуннә турә̄чй ōд'аран:

— Эр-кә гунәм, бй гиркй гундī гиркйв Гēван әтіркә̄н н'йдәҕӯ хунāд'ин Сēкак-килйвли, хутә гундī хутәв д'ӯр д'урā он'олкōн н'ōҕāркāн бәйун укчакилкāн Д'эргәкчә̄н-килйвли, д'ә бй турә̄нмәв иргә̄лә̄вә̄р иктәвкәлду, илан турә̄ндук умӯнмōн илгә̄лә̄кәлду, дōдӯвар дōлдіксāл, туҥа турә̄ндук д'ӯрвә̄н толкуйдāкалду, сēндӯвар силдіксāл, д'āн турә̄ндук туҥавāн д'алимкйкалду, бй сун'н'ун сувәлә̄снә улгучә̄мә̄ттī д'алилкāн ōдам. «Тар ēкӯн?» гӯнәксун, — тавар уҕӯ буҕа бойунин д'алби миндук улбутікә̄н улгумйрә̄н, д'ә әр д'ӯр д'урā он'олкōн н'ōҕаркāн бәйун укчакилкāн Д'эргәкчә̄н-килйвлива умӯчйдукки улдімҥӯйәви, д'ӯчйдукки д'ӯвчавҥӯйави, илачйдукки аналлак гиркййәви улгумйрә̄н. Д'ә тарā ōн гунчәттәс! Бй д'албав дōлдімураксун, тавāр барāн дундәвә гиркучā, ēкӯн әрәйвә дуруккāн сāран бид'иҥә̄н, турә̄нин-дә ēкӯн-дā ухайа āчин, кәм айадук айавāн, әләкиндук әләкинмә̄н турә̄ттī мата бадаҕа, тарит бй д'алдӯв синдӯ әләкин мата бид'иҥә̄н, суруридус әләкин. Баҕар аналлакис тавар бид'иҥә̄н. Кә, хутә, д'алвй сāвкāкал! Гин'ō-гин'ō, гин'ōкāн'ин! — гуниттән.

Д'ә әрә̄ дōлдіксā, әр Д'эргәлд'ин хунāд'ин Д'эргәкчә̄н килйвли:

— Бй д'алдӯв, буксә̄, арчā бәйә ōн биргун, бōлла. Он-дā д'алив әхин ōра. «Тарā д'ә турә̄ндӯт әчә йрә" гуннәл, әкәлду д'алдӯвар д'авара, — гуниттән.

Д'ә әрә̄ бихәмдә били әмә̄ ōмакта кукйн айа удаҕан Айакчāнкилйвли сāчā-ивит арай, тар сāксā, нуҥардулāтін әмәксә̄, тікә̄н гуннә турә̄чй ōд'аран-ивит арай:

Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! — Эр-кә, бӣ бәӈин итік әхәкәв, уӈӯ буӈа бойунин аӈнакӣлдук айаргӯтін, маталдук маниргӯтін багдарин мәӈӯн тәтілкән ділачā омолгӣн Д'әргәлд'ин әхәв, Гēван әтіркән н'йдәӈӯ хунāд'ин Сēкак-килйвли әвәкәв, тāдук әр нәкӯн гунді нәкӯнмӣ д'ӯр д'урā он'олкōн н'ōӈаркāн бәйун укчакилкāн Д'әргәкчән килйвли, д'ә сӯ иланӣ, бӣ турәнмәв дōлчӯд'авкӣл ōкалду. Тавар хунāт турәнин ад'ас аркастāрӣ турән әхин бихӣ, әчә бирә дō? Сӯ мәрдун-дә турәндун сōма әләкин, д'ә тарит сувәләсті сітанді биӈәт-ӈән. Тавар бӣ акӣн гунді акӣнми д'ӯрә балдінан айа бид'иӈән. Нонон ахун бойун бичән-дә, тардін иландінин бойун ōксā, бид'әрән. Уйән — н'āн тікән ōд'иӈāн. Хунāт сāрарӣн бӣ д'алдӯв сōма әләкин, д'орсу сōма сēначӣ, д'аличӣ ахāткāн-ивит, ōкин сāнавӣ бойундӯ «әк, сручим» гӯксōд'иӈән. Тарā бихәмдә мит бәйәӈит д'апкун туксу д'апкайāлӣн д'әрилйкән ӈәнәрӣ д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис сōн'йӈ букатір ōвнан ōнін, силикин ситнән, саргин сāрикин бихин бид'иӈән. Тарā сāмкйксāл, айа биӈәт бихикин, хунāтпар бӯд'иӈәт. Уха толкочӣ бихикин, ōн н'әкәд'әп, мән суруд'иӈән бōллаӈа. Д'ә «тар ēкӯнд'и сāмкӣд ап? гӯнәксун, әр Д'әргәкчән-килйвли мәтірēтпән ун'аптун тувәктікәнин ōксā, ичәврӣт н'ēндә ухӣт ухӣвуксәл уӈилә лококолду. Тарā нуӈан тәд'ә айа саргин тāндін сāӈин! Д'олин әхикин кēйда, әтән тікиврә, онтон нуӈан д'олин-саргин тāнакин, син тікивд'иӈән. Тарлаха «нуӈан аналлакин бичә-ивит» гунд'иӈәт. Тāдук ōдакин, гарпаксā, урāмӣ, нуӈан ōн-кат әнә гунә буӈалāви ӈәнәхиксōӈин. Онтон нāвкāниксā, хунāтпи мәтірēтпән әнә суксара тікиврәкин, мит н'āн сивайваӈйавар ōликсōттап. Тāдук онтон хунāт мәтірēтін д'окēт-кат суксавчā бихикин, хунāт мәнин сāд'иӈāн. Гаксад'арӣ-кат әӈин гаксара, бӯд'әрӣ-дә әӈин бӯксәрә, аналлакин хуӈту бид'иӈән, тарлаха ӈӣ-кәт әтән комойдо. Аналлак саргитін сāрӣвāн мәккусчә мәнин буруйин ōд'иӈāн! — Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! — гуниттән.

Д'ә тарā дōлдіксāл, бәйә дурукин:

— Кә, тікән биӈин! Д'ә әр айа удаӈан Айакчāн-килйвли сувән ēдӯ айатāран, — гуннәл арахинай айал-кат сагділ, әдәрил-кәт сурухинд'әнәл мучӯна әмәчә дēн, «әләкēн!» гуннә, тәпкәчәл дēн, д'ә ичәттәвәр баӈа боӈо ōдан.

Д'ә тар амардукин әр д'ӯрә балдічā д'апкун туксу д'апкалӣн д'әрилйкән ӈәнәрӣ д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис сōн'иӈ-букатір бихәмдә айа хунāттӯ әйәтчә бәйә бид'иӈән дō, д'ә дōкиндукки кичикалāнна, улдәви, сумуви тәнитнә таткāна әртікӣ-тартікӣ тілллаӈнаксā, д'ӯр д'апкун ōватілкāн алаӈāви бихәмдә илбән ēвāн тāнна оӈохунд'аран. Тар оӈохундалāн хуӈāтпар мәтірēтпән н'аӈн'а хорондукин н'ēндәт ухӣвуксәл, ун'аптін тувәктінин-н'ун ōксā ичәврӣт локоро-ивит арай. Д'ә тарā бихәмдә әр Д'әрис сōн'иӈмата, алаӈави аӈаксā, чāӈӯ сēнмактӯви тāнид'ардаӈа тікән гуннәгуннә:

— Чйпир-чйпир, чйпирйā! — Эр-кэ гунэм бй, илан Сивир-сиктірдӯн ситэри гиркурйв усталкāн-тōрадӯн эрйксэвэв эрухуйдіду овчā: ōӈкāптікй тіктэкив, гэдумуктукив ойōно иливрй ийакилкāн, н'уркуптікй тіктэкив, хэйэдукив ойōно иливрй ōнилкāн, д'ӯр д'апкун ōватілкāн алаӈанд'ав, бй иччилэк турōнмэв сун'н'увй дōйāлйн дōлдікал, чōлган сēндӯви силдікал, иргэлōви иктэвкэл! Д'э бй эхймэв калбаӈнара кавалавав илэ мōнд'ин ичэвкōкэл! Н'имэр ōксā, д'ӯва тāниксā, тоӄово илаксā, хутэвэ балдівӈāт, сōхувэ ирги ӈэт, оронмо курēӈэт айилкāн бихикив, тавар уӄӯ буӄа бойунин багдарйн мэӈун тэтілкэн аӈнакйлдук айаргӯтін, маталдук маниргӯтін ділачā омолгйн Д'эргэлд'ин амйлкāн, Гēван этіркōн н'йдэӄӯ хунāд'ин Сēкак-килйвли эн'йлкэн д'ӯр д'урā он'ōлкōн н'ōӄаркāн бэйӯн укчакилкāн Д'эргэкчōн-килйвли мэтірēтпōн йлй-кэт энэ сукчара н'ēндэ ухйн тэкэндулйн тоӈ орово р сурукул! Ёкӯн-ка д'улōдӯн бй д'ӯрō балдічāв, ӈй аналлакин ōксā, элō эмэчōв! Сōт мандӯвкал, бй н'уӈн'йрвэв экэл урāра, тэд'ō д'оллокил бимй! — Чйпир-чйпир чйпирйā! — гуниттэн.

Эр мата тікōн гунэн-дō имиткйчāнин чиӈэхинэн, ун'акачāнин уйухуйдан, хуруӄучōнин урōхинэн, илин киӈэхинэн, н'урин кухилйран, алаӈан айдарихйнчаран. Бэр иӄин дундэлō н'иргийдэн, н'аӈн'алā дōрайдан, ичэд'иӈэ эвгидэлйн хунāт мэтірēтін ухйн тэкэндулйн тоӈ ороӄор суруксō, Д'эрис сōн'иӈ д'улōдӯн утари тікчэрэн-ивит арāй. Тāлā бихэмдэ эдӯ бихйл матал дурукматін ичэмдэкил сōма кэтэ ōр н'уӈн'акйлгачин коӈнолй туксад'ара-ивит арай. Д'э эр туксана эмэрэ-дō хунāт мэтірēтпōн ичэрэ. Эр ичэнэтін эр д'оллокӈи йлй-кэт эчин сукчавра ōран, д'э тарит ӈй-кэт эхин мэккустэ. Д'э дēн кутēт-мата д'алин ēдук-тā сōт эн'умулдэн, урундӯви сōдӯн гирамдан умӯн тоӄорикта уӄӯскй ундуйдун, ирāс сэксэн ӈэрйлдэн. Д'э тар амардукин сивайвадук салгй сивайва ōран. Нонон ōн тэрййчэтін-дō тāдук умӯн хуӈтуйу āчин айа сивайва ōдан. Н'āн кор-нар боӄот д'эпнэл, сэхэргэснэл нуӈартін йэӄин долбонйлкāн инэӈйдӯ тэӄэтмэтті тэӄэлэнмэ тэрйид'эрэ-ивит арай. Д'э эр сигділōдӯн эр айа удаӈан Айакчāн-килйвли бихэмдэ Куккумачāн гунмурй сагдаӄӯ эвōкэви имнэнэн, тулискй йӯврэн. Тар амардукин:

— Д'э, эвō миндӯ дулин буӄа Иркисмэнд'эн гирамдавāн, тāдук ӯс Торōнтай эхōлби гирамдаватін ичэвкōкэл, — гуниттэн.

Д'э тāдӯ Куккумачāн-атіркāн этіркэӈӈй гирамдалāн эксэрэн, тāдӯ ӯс Торōнтайн'ӯн гирамдалтін д'ӯкрō даран бихи-ивит. Тарилдулā ихиксā, эр Айакчāн-килйвли бихэмдэ сукуна сӯнми сēптукин ēкāр н'эчӯксэкэр гириптілāватін гаран, иларā далбатāран, тариӈин сōн'иӈ-самāн тэтілин ōра. Гē сēптуккй найакса гириптілāвāн гадан, н'āн иларā далбатāран, тариӈин анам-тōкй бутун агдакадінин хуӈтувун ōран. Умӯн тōкй ийэн хоӄихамдавāн гаран, иларā далбатāран, тариӈин энйн-тōкй д'апкун эвтілэлкэн ихакйдінин гис ōран. Д'э эхйт ахй тэрēвэн дурукин ситэримэ ōран-ивит арай.

Эр əхйт ахй самāхик тəткəн-дө бимй дiлдукин халгамактӯн арахинай он'ōн, кёркəлин-дө сō-ивит. Н'əчӯхə айаӈид'ин арахинайдāнал инӈахāнал-дəвөнəл он'ōнотiн, устан-тōран туђурук чурөктə, тулан мəӈун-алтан д'иктi он'ōлкōн-ивит арай. Д'ə тариӈилбй тəтiксө, атiркāндӯ: «Эр əхөкөлби гирамдалбатiн лувухинӈāт», гуннə, бөлəчивчəнə лувран-дā д'ӯкрөвə д'ӯр алтан əмкəдӯ бөксө, тар тəтчəрй тəтiмəлитпи д'ӯр əмкəвə д'ӯр сёптӯви дiксө, умӯн н'аӈн'алā уђалāчарй йāӈ ойолōн сурурун. Тар ӈəнəхинд'əнə:

— Кə, əвө, сй, суруксō, бөйəӈилдӯвəр: «Эхөлдун əмəрйл ōра», — гӯкəл. Бађар, əхикит мəтəврə, олод'иӈāтiн, — гуниттəн.

Тар амардукин мөнин киталик ōран-дā килбалāнд'ахинан били йāӈиткйви. Нуӈан биксə удад'иђāн бāра дō? Тар-дāт йāӈ ойолōн ихиксā, тiкөн гуннə-гуннə, хəкнə намилййд'амāран-ивит.

— Хёд'ə-хōђай, хёд'ə-хōђай! — Ейкə əри, ёйкə əри! — Бй иччилəкмə турөнмəв дōлдiрас дō? Эр-кə, əр-кə, əхөнд'əлби, дулин буђа Иркисмəнд'əн, ус Торōнтай, доӈдолима доровойо д'авакалду! Нонoптiн дорово биђин, амаргӯптiн улгур ōђин! Эр минəвə, «Иргйт тəкəлкөн-сёксəлкөн ахāткāӈит əмəксө, арчйлана аййчилдан, илбихилд'и мёливулдан, иччилəкмəт иливучилдан?» — гӯнəксун, — сӯ сёндун дулин буђа Хуркōкчōнин умучйдукки улдiмӈӯн, д'учйдукки д'ӯвчавӈӯн, илачйдукки аналлакин, надан ōхикāкта укчакилкāн Хəглəндөр байан əтiркөн амйлкāн, Сивəккилөн байан атiркāн əн'йлкөн илан Сивирдӯ ичөн идəлкөн, араӈӈа аййттi д'арикилкāн айа удађан Айакчāн-килйвли ōдан. Ёйкə, ёйкə, əхөнд'өлби ус Торōнтай, Иркисмəнд'ө! Эвəскй ōкалду!

Уђӯ буӈадӯ сōн'иӈ удађан Уникчāн-əвəкөв ӈəнəнӈəлбөн ӈəнəд'əм! Ёйкə, ёйкə, əхөкөлби, бй-кə, бй-кə тəд'ө иччилəк турөлкөн ōксā, бучөвə арйврй алгихилкāн ōксā, айи əвəнкй тəкөнмөн тəниттi айилкāн бихикив, əхөкөлби, əхйлə илə мөнмəр мөмəвөн ичəвкөкəлду! Эдəр итчатпар, айат оскёксөл, айат бинəвəтiн ичəкəлду! Оронмо курёнəвəтiн, сōхувə иргинəвəтiн ичəкəлду! Хутəвə балдвнаватiн ичəкəлду! Аӈнакйлдук айаргāнтiн, маталдук маниргāнтiн ōн айат д'алдāнал сӯ итчатлāхун, ирəмөксөл, умйпнаватiн ичəкəлду!

Ейкə, ёйкə, əхөкөнд'əлби, дулин буђалāвар бөралкалду! Алаханд'ā д'улāвар д'улуйкалду! Тођо əхөлөвəр туксакалду! Эдӯ ӈй бид'əнə сундӯ д'аларвуччарйвāн сāмнйн-уйдёмнйн мёлкалду! Сён кукйндун айа удађан Айакчāн килйвли, əмəксө, аййтчам, илкалду! — хёд'ə-хōђай, хёд'ə-хōђай! — гуниксө, гихитпй иларāкāн далбатāд'аран-ивит арай.

Д'ə, тар амардукин д'ӯр əхөн илə мөртiн дөптiкйтөнə тəђəмйнд'əрə-ивит. Арай əр тəђəтчəнə дулин буђа Иркисмəн əртiкйтартiкй əйəр-туйāр ичəхиӈнəд'əрəн, əр тəђəччəнə тiкөн гуннə турөчй ōд'аран-ивит арай:

— Дiӈдəни-дiӈдəни, дəлəђəй! — Эр-кə, əр-кə ичəкəл, бй н'āн ōн-ōн əр буӈадӯ будəм? Эри билир-ка н'āн дулин буђа бойунин тођокōмо ёхалкāн Чађилган гунмурй хуркөн-хутəв хəргӯ буђа

авахилин атаман'н'унтін бōйундāхилчāн, тариŋит ēчāн? Эр-кə сй бй сēн кукйнми бимй авгӯтін ахйн биŋнəнни? Доŋдолима доровойо д'авакал! Тāдук бй мēлдіви мēлим-дā йлə-дə əŋəт ŋəнəрə бихим. Д'ə ōн д'ӯлāв ихивучинді? Ёва-вал туханимдак аривунді, бōлла? Эр-дə ариксā, ōн-дā д'аландӯви əлчə илда бихим. Ōн н'əкəксə, д'ӯвав ичəвкəничинді? Д'ə, йдӯ бичəн, сōт тургəнд'и ичəксə, дəрумкйд'иŋəв! — Діŋдəни-діŋдəни, дəлəђəй! — гуниттəн.

Тар амардукин əр айа удађан Айакчāн-килйвли тікəн гуннə турəчй ōд'аран-ивит:

— Кйкир-кйкир, киŋкилāн'ин! — Эр-кə дулин буђа Иркисмəн эхəкəнд'əв, доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биђин, амаргӯптін улгур ōђин! Эр минə «авгӯтін ахйн бичəс?» гунинді, бй д'ə сй н'йдəђӯ омолгйс илан Сивир-сиктірдӯн ситəрй гəрбйлкəн Коколдокōн бойун амйлкāн, томкодікāн ӯд'ачй Инмəкəн-килйвли əн'йлкəн, мəндукки мəŋумə нəмəлкəн, мəндукки улгəр н'ōђӯлкāн мəрилə орон укчакилкāн дулин буђа Хуркōкчōнин гунмурй сй сēнді дулин буђа бойунин бихин, тар ахйн — Хəглəндəр əтіркəн хунāд'ин, айа удађан Айакчāн гунмурй биŋнəм. Тāдук ōдакин, сй дəŋ илдакис, умӯвкйт мӯŋив бихин. Эрə умкалду ус Торōнтайн'ун, тарлаха д'ӯлāвар айат исчиŋāхун. Бука сō д'окē бимй билир д'ӯр д'āн туŋŋа састӯвар биŋəхйпті сəнēвəхун бӯрй бəђə бид'иŋəн! Кйкир-кйкир, киŋкилāн'ин! — гуниксə, алтама корōпкава сēптуккй гаксā, калтакавāн Иркисмəдӯ умӯвран, калтакавāн бимй ус Торōнтайдӯ умӯвран. Д'ə тариŋили д'ӯр д'āн туŋŋа саслāвар тіктə-дə д'алардӯвар тар-дāт илда, тāдук кукйнмəр бодонол д'ӯлāвар суруд'уру-ивит арай. Айакчāн-килйвли бихəмдə, киталик ōксā, д'улəдӯтін н'ōрāна килбалāнчад'аран, дулин буђа Иркисмəн, гаханд'а ōксā, ус Торōнтай туруйанд'а ōксā, амар амардукпар ахамāтчара-ивит арай. Д'ə əр айа удађан Айакчāн-килйвли нуŋарватін тулутчиŋāн, тар-дāт суптірађар ŋəнəвкəнд'əрəн. Нуŋан биксə удад'иŋāн дō? Тар-дāт д'ӯлāви истан. Эр əмəрəн-дə дундəлə тіктəн, илə мəнин ōран, тəлгəхəви дулиндӯн ӯр əхəлви алāтна илитчаран.

Тар амардукин били əтірикəр əр-дəт əмəрə-дə, дундəлə тіктə, уŋкурус-колəхис н'əкəрə, илə мəртін ōра. Д'ӯ дōдукин н'āн мудамайа āчин бəйə, сувулйма йуксəл, нуŋарватін доровolōсчоро. Д'ə сāмай амардуктін Куккумачāн атіркāн били əтіркəŋŋи омŋохинчā бичəн бид'иŋəн, «ēмал матал əмəрə? гуннə-гуннə бəйəл д'апкалйтін дађалāн əмəксə, əтіркəŋŋи омос ичəксə, олоксō, урканан-дā ōŋкāнчаран. Д'ə, тāдӯ бихйл бəйəл дурукитін-дā, олоксōл, ху-да хā айдан бођо ōран. Тарā бихəмдə əр айа удађан Айакчāн-килйвли, Куккумачāн-атіркāнма гаксā, хəйəлйн умнə-д'ӯрā хувухинəн-дə тар ойдонон. Д'ə тар амардукин Куккумачāн-атіркāн тəпкəхиннəйə, тəђəрəн, ēсканйннайā илдан, əтіркəŋŋи, килахинчаксā, кумнəрəн, дəрумкйнə-дəрумкйнə доровolостон, н'əхəŋнə-н'əхəŋнə н'уканйран, тар амардукин д'ə оскуйдан. Тар амардукин

сагдіӈилбар д'ӯлāвар йвуксӫл, сибайвавар д'ә айат д'әвулдә, д'ә сōт сәхәргәхилдә, д'ә айат әвйлдә, курулēлдә. Дулин буӷа Иркисмән мӫнин мӫнд'иви, ус Торōнтай мӫнд'иви, әр буӷа итік сагдіӈилтін ōксāл, әчийӫл будә дурукитін тіӈинӫнәл-таӈинāнал сивайвава д'әвуксӫл әтәрә-дӫ, били кутēт-мата д'ӯрӫ балдічā д'апкун туксу д'апкалйн д'әрилйкӫн ӈәнәрй д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис-сōн'иӈ гунмурй мата бихәмдә тікӫн гуннә турӫчй ōд'аран:

— Чйпир-чйпир, чйпирйā! — Д'ә әр бй ділачāӈӈав ӈӫрихйвӫн ичәвкӫнчӫл, балдівчāл итік киннилби, дулин буӷа бойухалин, килйвлилин, сагділин — дурукмахун, бй турӫнмәв дōдӯвар дōлдікалду! Д'ә, бй д'ӯлāви ӈәнәрйдӯв әләкин ōран, олус удам, сӯ д'албар тулдулйкӫн турӫткәлду! Сивайва-дā әләкин ōран, д'алив н'амāдук умӯнму синмачāӷачин д'алуптан. Буӷалāви-дā исмй, улгучӫнді солунми баран ōдан. Тарит тавар айа сōвахитпар, айа д'алитпар, айа мēванд'ивар ичәнәдӯхун әхй омӷовро бахива биӷин. Олус омос ӈәнәхинән», гуннәл д'алдӯвар әкәлду д'авара. Әр кутēтів дулин буӷа Хуркōкчōнин амтілдӯв болд'онон долбонйӈин даӷамаран. Тарит нуӈан турӫнин д'аландӯви илиӷин! Болд'онодӯн ихикта! «Айа мурин умӯн кимн'йчй, айа бәйә умӯн турӫчйуӷә бихин» гӯӈкйтін, таргачин Хуркōкчōн турӫнин умӯн — болд'онодӯн ихикта. — Чйпир-чйпир, чйпирйā! — гуниттән.

Д'ә әр тікӫн гуннәдӯн әр олокток матал дурукитін әләксййдә:

— Сурурйс әләкин — хуркӫн-куӈакāн, ахāткāнма гаксā, балдідāк буӷалāви хуйӫнмурйн ийакин — он'йн, бōллаӷа, — гуниттә.

Д'ә, тарит әр кутēтіт тāдук хунāд'ит Д'әрис-сōн'иӈ буӷалāн ӈәнәхинд'әрдәктәрә. Нуӈартін биксӫл удад'иӈāтін, бара дō? Тардāт гохинан гахаткāр ōра, уӷискӫкй хуркуд'уру-ивит.

Арай д'ә әр ӈәнәд'әнә әр уӷӯ буӷа бойунин д'ӯрӫ балдічā д'апкун туксу д'апкалйн д'әрилйкән ӈәнәрй д'урā туксу укчакилкāн Д'әрис сон'иӈ-букатір тікӫн гуннә турӫчй ōд'аран:

— Чйпир-чйпир, чйпирйā! — Әр-кә н'āни бй ділачāӈив ӈӫрихйвӫн ичәвкӫнчӫл итік киннилби — дурукихун, дōлдікалду! Дулин буӷа, сй н'āн иргәлӫви иктәвкәл, дōлāви дōлдікал! Д'ә, бӯ сурурув, сӯ әмӫнмурәс, тарит олус-дā айат биксӫл, айат-тā курулēксӫл, хуйӫттәп. Бй буӷав аран даӷа бичӫ бихикин, әлӫ әмәксӫ, олоксуйймчāв-дā буӷав горон сō, амтілби сагдітін сō, тарит әтӫм әмәрә бōллāӷа, тар-дā бичӫлйн әмәрәкпун әдӫвәр олоро. Тāдук ōдакин, дәӈ будәрйӈӈәр инәӈйӈӈәр әмәрәкин, әдіндӯ иччиләк турӫнмәр уӈдӫвәт, баӷар әрйксәлвәхун әрухуйд'иӈӫвун. Бӯ н'āн будәп гунмй турӫнә уӈд'иӈӫвун. Д'ә тарит сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мундӯ биӷин! Буралийа бурасай биӷин! — Чйпир-чйпир чйпирйā! — гуниттән.

Д'ә әр амардукин д'ӯӷāн бәйәлдук әр Сēкак-килйвли нуӈартін амардуктін ичәччәнә тікӫн гуннә турӫчй ōд'аран:

— Кимӫ-кимӫ, кимӫн'ин! — Әр-кә гунәм бй хутә гунді хутәв уӷӯ буӷа бойунин ділачā омолгин Д'әргәлд'ин амйлкāн, Гēван

этıркэн н'йдэђӯ хунāд'ин Сēкак-килйвли эн'йлкэн, д'ӯр д'урā он'ōлкōн н'ōђаркāн бэйун укчакилкāн Д'эргэкчэн-килйвли хутэв, тāдук надан ōхикāкта укчакилкāн Хэглэндэр байан этıркэн амйлкāн, Сивэккилэн байан атıркāн эн'йлкэн д'ӯрэ балдıчā д'апкун туксу д'апкалйн д'эрилйкэн ŋэнэрй д'урā туксу укчакилкāн Д'эрис сōн'иŋ-букатıр кутēтıв, бй турэнмэв толколонол, улгурвэв илгэлэнэл дōлдıкалду! Д'э, эр айандӯн устадӯн—тōрадӯн ēкӯн уха кулд'ун кувулгат эђин д'ивэлэрэ, ŋй-кэт эђин мōдалāра, айан айаргӯн ōђин! Тāдук ōдакин, буђалāвар ихиксāл, Хэглэндэр байан этıркэн туŋурдӯв, Сивэккилэн байан атıркāн кодођойдӯв сōма хэгдıмэ боколōмайа бй гэрбйдукив ихивкалду! Тāдук мэрдун бимй, д'ӯйавар ōксā, тођово иччилэксэл, хутэвэ балдıвкалду, сōхувэ иргикэлду, оронмо курēкэлду, аŋнакйл айāвуктıн, иччатıхун итıктāђин, айа д'охун н'имэхэл ōкалду! Бй турэнми, айа алгис ōксā, аргистахиђин, иччилэк улгурйв айа илкэйи ōђин! Д'э, тāдук ōкин бакалдıдалā сӯ айихун сундӯ, бӯ айивун мундӯ биђин! Буралийа бурастı биђин! — Кимэ-кимэ, кимэн'ин! — гуниттэн.

Д'э тıкэн алгаксāл, кутēтıлкэн хунāтпар буђалāтıн уŋчэл. Эр дулин буђа н'имэхэлин, эр Иркисмэнд'э итıк гэрбйчй эвэŋкй дӯндэŋин дıлбāн сāнал, байгал мӯђэчинин байаниксāл, бира бирава билчалйкан д'алуптı инак-сōхут, конӯ конӯва коŋнолйкāн мурин сōхувэ, урэ-урэвэ эймэкēмэ орон-сōхувэ иргинэл, д'алан-д'алан хутэвэ н'имэриŋнэл иччатıтıн горолдон, эр-тар буђалдулā гэрбйтıн гэйэнд'эмэрэн, суракитıн сувулӯнд'амаран.

Д'э, тар амардукин били эр буђа Коколдокōнин хунāд'ин улдэн сахин ситтıн, д'алāнин д'акнарйн ōран. Эр ахāткāн бараксан ирэндэн н'урвāн ичэмй, бихэмдэ тэд'эмэ-дэ эвэнкй хунāттӯн āчин айа ахй ōд'иŋāн, бōллађа. Нуŋан сэксэн бимй ēдук-тā ирāхит д'эŋкэрнэ ичэврй, улдэн бутэй гирамдан д'ирилана ичэврй, гирамдан бутэй уманин д'алкийд'ййна ичэврй. Нуŋанмāн колорй коловур букатıн āчин, ичэврй ичэдэчй эрэђэмэ āчин хунāт бараксан оскēрэн-тıвāнан, бадађа, нуŋан эр буђа коŋнорйн тукалалкāн чутурин чӯкан ойодӯн. Д'э, эр тıкэн тıвāнна-тэнййнэ бид'энэ, били эхэви ус Торōнтайва эксэнэ, умнэ долбонй дулинтıкин суруксō, эр дулин буђа чāђӯ д'угд'ӯрин гунмурй н'аŋн'алā уђалāчарй йāŋ ойодӯн нуŋан мэндӯн элэкин туђукин умӯн нулгучй эвйкйт бōлакйавй «айат тэвиннэкив, эђин аксара», — гуннэ алтан айаргӯд'ин тэнитıвкэнэн, ирэктэ хэгдэђӯд'ин мōсталāвкāнан, ахйкта айаргӯд'ин д'акталāвкāнан. Д'э тариŋдӯви инэŋйтıкин эмэнэ-эмэнэ эвйвкй идэчй ōд'аран-ивит арай эр ахāткāн-куŋакāн бихэмдэ. Д'э нуŋартıн горово-кот бинэвэтıн эчэв сāра, д'ађава-кат бинэвэтıн эчэв сāра.

Д'э, эр бид'эрэктıн, умӯн тıманйдӯ ēдā-ла н'аŋн'аŋитıн туландукин коŋнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул баралд'ара, хуларир туксул хуктıд'эрэ — ēмй-дā мōдачира инэŋй оскēрэн, бадађа. Д'э тар амардукин эдıн-эдıн хӯвулдэн, тıгдэ-тıгдэ тıгдэлдэн, имана-имана бургилдан, тар-дāт агдı бођо н'иргийилдэн,

чаҕилган барчалāлдан, иҕин-колорук боҕо ōдан, бучӯкин мōва буктараҕар иктэрэн, н'āликин мōва н'албураҕар иктэрэн, д'ӯр д'апкун кирилкāн ампāр-д'ӯватıн аран эчэ тōрэ гарадāра. Тар сигдıлēдӯн илиттı бэйэвэ эӈэйэлйн, д'ӯ туннуклйн тукалачй иманда тıктэн. Д'э, тар амардукин н'аӈн'а ёдук-кат ирāс ōран, тāдук уҕйт умун моксоҕол-дэҕйткēн куҕуӈāна-кирилāна тıктэн-дē, уркэдӯтıн дōхинчаран-ивит арай. Эр дōксā, тıкēн гуннэ турēлкēн-сэхэлкēн ōд'аран:

— Гоӈгō-гоӈгō, гоӈгōд'и! — Эр-кэ гунэм дулин буҕа Иркисмэн амйлкāн, Гēван этıркēн Хэгдэҕӯ хунāд'ин Куккумачāн-килйвли эн'йлкēн, илан Сивир-сиктīрдӯн ситэри гэрбйлкēн хэргӯ буҕадӯ сэлэргӯнтıкй сэлэрй Сэӈэкчēн, дулин буҕадӯ коколдодӯ чакилчачā Коколдокōн гунмурй, уҕӯ буҕадӯ сōн'иӈ дэҕй укчакилкан Мэӈнэнйкēн гӯнмурй дулин буҕа бойунин, д'э бй турēнмэв дōлдıксā, уркэви нйксē, доровойо д'авакал! Ноноптıн дорово биҕин, амаргӯптıн улгур ōҕин! Эр минэвэ «йргйт тэкэлкēн-сēксэлкēн мата, эмэксē, доровотпй н'ōрандı, улгуритпи йлиндı?» гӯнэкис, — уҕӯ буҕадӯ оскēчēл-балдıчāл багдарин туксу амйлкāн, хуларин туксу эн'йлкēн, уҕӯ буҕа д'огд'ӯрдун д'онуйна оскēчē, д'орō туксу укчакилкāн Д'онōр бāтур-букатıр гунмурй гэрбйлкēн уҕӯ буҕа бойунин бй биӈнэм. «Екӯн галавинай нāдалкāн, килавинай кихалгалкāн бихиндı?» — гӯнэкис, — эр миндӯ умучйдукки улдıмӈӯв, д'ӯчйдукки д'ӯвчавıӈӯв, илачйдукки аналлакив ад'ас āчин. Д'э, тарит эр сй хунāд'ис солтама сураклāн сунчана эмэм, мэӈумэ гэрбйлēн мэӈййнэ эмэм. Д'э тара элэксийййвкй бичē бихикис, тар айавāн ōн омӈовчōв ухō. Д'урувōн гунмй — ōӈкāптıкй тıктэкис, гэдумуктукис ойōмчов, н'уркуптıкй тıктэкис, хэйэдукис ойōмчов. Д'э, тарā ōн гунчēндı? Бӯрйви, эхйви сāвкāкал! Буҕав-дā горо сō, айан бэйэвēн экэл алāчивчара, сирй бэйэвēн экэл сириптāра, д'алби сōт тургэнд'и тулдӯлй турēткэл! — Гоӈгōгоӈгō, гоӈгōд'и! — гуниттэн.

Д'э эр амардукин Коколдокōн йӯдēви уркэткйви гиркуд'аракин, хунāд'ин: «Бй мēнми, йуксē, нонон бакалдıкта», — гуннэ амйнми нувчаксōран. Д'э мēнин йуксē, тıкēн гуннэ турēчй-сэхэчй ōд'аран:

— Вивир-вивир, вивирйā! — Эр-кэ гунэм уҕӯ буҕа бойунин багдарин туксу амйлкāн, хуларин туксу эн'йлкēн уҕӯ д'огдг'урдӯн д'онуйна оскēчē, д'орō туксу укчакилкāн Д'онор бāтур-букатıр, ноноптıн дорōво биҕин, амаргӯптıн улгур ōҕин! Эр минэвэ «иргйт тэкэлкēн-сēксэлкēн ахāткāн биӈнэндı?» гӯнэкис, дулин буҕа Коколдокōнин амйлкāн, томкодıкāн ӯд'ачй Инмэкēн килйвли эн'йлкēн, дурукин солкомо тэтıлкēн, сōн'иӈ-сōнӈа бэйунмэ айахана укчалāрй Солкōкчōн-килйвли бй биӈнэм. Тāдук ōдакин, сй улгурвэс дурукпāн дōлдıм, дурукис итэҕэс ōксā, эмэчē мата бихиндı-ивит: хэгдэҕӯ нāдас Коколдокōн бойун эрйксэвēн дıхуттī нāдачй бихиндı-ивит, умӯн кихалгас буҕалāс горо-ивит, тариӈлāви утарй бихиндı-ивит, бй д'албав сāмурй бихиндı-ивит. Д'э

тарит бй турэнмэв дōлдікал: «сōху, ийэтпй эвйксэ сāлдівкй, бэйэ, ŋāлатпй, халганд'ивй эвйксэ, сāлдівкй», гуннэ уŋэ бихин. Тарит, тэд'э миндулэ мэŋййнэ эмэчэ бимй, бй эвйкйт алтамэ бōлаклāв бодокол, тāдӯ порōвайдаскāт. Д'ӯр сōŋку ōн энэл сāлдіра колбосчиŋāт! Сāлдіракит мэрті-дэ д'алдӯт айа, хуŋтулдӯ-дэ астік. Сй минэ кēйді бимй, тэд'эмэ эрухуйд'иŋэс бэйэ эрйксэвэн. Эвкй кēйда бимй, буŋалāвй мучӯракис, элэкин бид'иŋэн. Мундук сирй бэйэн ēдā сирйптанд'иŋāс, айан бэйэн мунэ ēдā алāтчиŋāс? Айан бэйэн айанмй д'аванас, хокто бэйэн хоктовй д'аванас хулэкэ бид'иŋэн! — Вивир-вивир, вивирйа! — гуниттэн.

Тікэ гунэн-дэ эвйкйт алтама бōлактікāкйви, киталик ōксā, киŋинāд'ахинан. Д'э ур бэйэ «сатар ирэ аŋймадӯ бакалдікта», — гуннэ, моксоŋол ōксā, амардукин ахамāтчаран-ивит арай. Эхйт ахй, алтама бōлаклāви ихиксā, илэ мэнин ōксā, илитчаран-ивит. Д'э ур бэйэ куŋунāна эмэрэн, д'э илэ мэнин ōран. Нуŋан хунāтпа айат ичэнэн, д'э бараксан тукала буŋадӯ син айа хунāт балдівкй-дā-ивит. Сэксэн бими сᵉркэлэт д'эŋкэрнэ ичэврй, улдэн бимй урумкэт тіривинāна ичэврй, тэті бутэй улдэн ичэврй, улдэ бутэй гирамдан д'ирилāна ичэврй, гирамда бутэй умāнин д'алкййд'ийна ичэврй айа хунāт илитчаран-ивит.

Арай д'э эрэ ичэксэ, ур бэйэ бихэмдэ улор улдэтпи, илэ бодотпи, мэнин мэнд'иви, эйэтіликсэ, эйэр-туйāр ичэхиŋнэнэ эмэрэн-дэ илитчарй хунāтпа кумнэхинчэрэн-дэ н'уканйликсōран. Эр хунāт бихэмдэ тіŋэмэдӯн д'улкулōрон. Д'э эр бэйэ ōн-дā ōнави мэнин-дэ эчэ сāра, ичэхинд'иŋэ эвгидэлйн инн'э хэргӯ мōра тувэктӯн, букачāндулā ихиксā, токторон. Д'э, эр амардукин эр Солкокчōн-килйвли д'ӯлāви суруд'урун-ивит арай. Д'э д'ӯŋāн бэйэŋилин эр хунāт ēдӯ баламаттаран, таваргачин тэпті д'аличй сōŋку матава ахаксōрйн сōван сохйчā сохйран, ŋэлэрй ŋэлэрэн. Коколдокōн арай ин'энэ-ин'энэ тулйн гиркуктанŋй бойбокᵉд'аран. Тар н'экэйэд'энэ хунāтпи мэгдэн эмэд'эрйвэн ичэксэ:

— Арай хунāд'ихун мэгдэн эмэд'эрэн, — гуниттэн.

Бэйэŋилин «тар-ка ир матаŋин?» гуннэл ичэттэ-дэ, хунāт мэгдэн эмэд'эрэн-ивит. Арай хунāт, эмэксэ, дундэлэ тікиксэ, илэ мэнин ōксā, ин'эмӯхинчэнэйэ эмэрэн.

— Ир ур матаŋис? Йлэ сурурун? — гуннэ улгумйрэ д'ӯŋан бэйэл.

— Мата-гӯ, тамнакса-гӯ малйкалāлчāва чāскй ананав, тар хэргӯ мōралā тіктэн. Таваргачин-дā бинэ ēдā эмэнэн, бōлла, кутур усток, — гуниттэн хунāд'итін.

Д'э тар амардукин дулин буŋа Хуркōкчōнин ахйдӯви:

— Тавар бойунма ōн н'экэмй мит хунāд'ит гэрбйн эмчэ сукчавра? — гуннэ улгумйттэн.

Тадӯ эр айа удаŋан Айāкчан-килйвли бихэмдэ:

— Тэд'эмэ таргачйн ахаксōчā бихикин, тариŋин бучэ бихикин, гэрбйт сукчавд'иŋāн, тарит бй ичэнэктэ! гунэн-дэ тар-

дāт самāхик-тэтіви тэттэн, хуӈтувӯнми, гисви гадан-дā тар-дāт самāлдалд'акāттан. Д'э ково, чōрāн кēхāр киӈгилӣкāн сурурун, тāдук тікēн гуннэ турēлкēн ōдан:

— Хēд'э-хōђай, хēд'э-хōђай! — Эр-кэ, эр-кэ, уђӯ буђа бойунин, багдарин туксу амӣлкāн, хуларин туксу эн'ӣлкēн уђӯ д'огд'ӯрдӯн д'онуйна оскēчē д'орō туксу укчакилкāн Д'онōр батурбукатір, ōн ōкса, āхинчāс? Ёйкэ, ёйкэ! Āхинчā бимӣ, мēлкал, бучē бимӣ, аркал, илэ мēнді илэ бодо илкал! Бӣ турēнмэв иргэлēви иктэвкэл, дōлāви дōлдікал, сēндӯви силдікал! Эр минэ ёма ахāткāн, эмэксē, айичӣвкӣ биӈнэнді?» — гӯнэкис, — Хэглэндэр байан этіркēн амӣлкāн, Сивэккилēн байан атіркāн эн'ӣлкēн, илан Сивирдӯ ичēн идэлкēн, араӈӈа айитті д'арикилкāн, бучēвэ аривр̄ӣ алгихилкāн айа удађан Айакчāн-килӣвли, эмэксē, алгāна д'аларбуд'ам, д'аландӯви илкал! Эдӯ будэкис, дулин буђа гэрбӣн кэђинд'иӈēн, бойухалин суракитін сукчавд'иӈāн, сӣ-дē мēнді айа гэрбӣс сēмд'иӈēн. Гэрбӣви эхӣ сукчара айилкāн бимӣ, сōт тургэнд'и д'аланмӣ д'авакал, ёхавӣ ичэхикэл! Тāдук ōдакин, бӯ хунāтпавун балдінас саргис эчэ кēйда, аналлакис хуӈту ōран. Тарит эхӣлэ аракӯн-аракӯн мēнді аналлāкйави айӣхиттуккӣ гэлēкэл, хуӈту буђалдулӣ буђарӯкал, горолдулӣ дуђуйдāнкал! — Хēд'э-хōђай, хēд'э-хōђай! — гуниттэн.

Тікēн гуниксē, энӣн-тōкӣ д'апкун эвтілēлкēн ихакӣдінин гихитпи иларāкāн далбатāран-дā, били бэйэвэ хэйēлӣн д'ӯрē-иларā хувухинэн-дē эхӣт бэйэ бихэмдэ тар-дāт улор улдэтпӣ, илэ бодотпи мēнин мēнд'иви ōран-дā сāрӣви сāран, уйдорӣви уйдорон-дē били халд'амулāн сō бōллађа. Илдан-дā, иларāкāн кōлᵉхис н'экэксē, моксођол-дэђӣ ōкса, уђӯ буђаткāкӣ хуркуд'урун-ивит арай.

Д'э, эр амардукин айа удађан Айакчāн-килӣвли нуӈан хоктолвōн д'улēлӣ ичэмникэмēлēрэн, ёкӯн-дā уха āчин биӈēтпēн сāксā, дэгнэ эмэксē. Эр самахик-тэтілин йдӯ-дē бихӣн эхин ичэврэ, нуӈан ёкӯндӯ нēкчэрӣвēн ӈӣ-кэт эхин сāра.

Д'э, тавар амардукин нуӈартін бихэмдэ н'āн ā-д'ō, ёкун-дā кихалгайа āчин тіӈинēнэл-таӈинāнал, нонон ōн бичēтін-дē таргачин бид'эрдэктэрэ. Д'э, эр бид'энэл били дурукин солкомо тэтілкēн сōн'иӈ сōнӈа бэйунмэ айāхāна укчалāрӣ Солкокчōн-килӣвли, били ус Торōнтай эхēви дēптікӣ тэђэксē, тікēн гуннэ турēлкēн ōд'аран-ивит арай.

— Вивир-вивир, вивирйа! — Эр-кэ бӣ итіктāрӣ эхēкēнд'эв ус Торōнтай, бӣ иччилэк турēнмэв иргэлēви иктэвкэл, дōлāви дōлдікал, сēндӯви силдікал, д'āн турēндук туӈавāн толколōкол, иланмāн илгэлēкэл! Д'э, тадук «минэ сагдіва соруйдан», — гуннэ, д'алдӯви экэл д'авара, бӣ умӯн сōма нāдави соруйучим, «тар ёкун?» — гӯнэкис, — д'э минду уђӯ кумтӯр н'аӈн'а орōндулӣн пэрӣхинді д'ӯр д'апкун ōватілкāн алаӈайав, д'оллōк ус ӈāлатпи ōксā, бӯрэкис сō-дā айа бимчē. Бӣ ōвнав ōнӣв тāдӯ олус нāдійиттан. Тар бихикин, бӣ саргив ōн биӈēтін дурукин сāвумчā. Та-

рит, сӣ эləксӣйдī бимӣ, сōт тургэнд'и ōмалчаксā, бӯкэл! — Вивир-вивир, вивирӣā! — гуниттэн.

Д'э, эр ус Торōнтай нуӈан сēнд'иви-гӯ дōлдīрка, д'алитпи-гӯ сāрка: хāдı бэйэӈилби килэп-килэп ичэхиӈнэрэн, ин'эмӯхинчэрэн, хунāтпи ичэттэн, дıлби тоӈкок н'экэксэ̄, тар-дāт надан д'āн надан бутıлкāн утуйэвӣ гадан, илан д'āн илан бутıлкāн итарчави гаран-дā уханкӣт ампаркāндулāви сурурурун. Кōтıн иӈин куӈунэ̄д'эмэрэн, утуйэн йӈин тıвийд'эмэрэн, итарча иӈин кичиӈирāд'амаран.

Д'э нуӈан «алаӈāва сэлэт ōвкӣ, бōллаӈа», — гуннэ эр Коколдокон, ичэнэ̄нэ эмэксэ̄, ичэччэрэн-ивит. Эр ичэттэкин, ус ōӈāтпи ōчā бэйэ-ивит: ōд'арӣн биринчикин сō д'э алаӈава бимӣ алтанд'и лакирвуттан, чачарвāн бимӣ айа курухӣнэ хāкрава сэлэт лакирвуна, хуруӈунмōн бимӣ ōрбэ сэлэт, тıлбэ̄нмукэ̄вэ̄н бимӣ тıлэк сэлэт, илбэ̄н порувулōка имиӈэхид'ин иливнэ ōран. Д'э, тариӈин бихэмдэ эр балдīчāдукки нуӈан умӯн-дэ̄ турэ̄нмэ эчӣн турэ̄ттэ бэйэ «эр алаӈā гэрбӣн Тэӈэн-сōн'иӈ биӈин» гуннэ турэ̄хинэн, тāдук хуӈтуву ēва-кат эчэ турэттэ. Ус Торōнтай этıркэ̄н д'э били хунāттӯви, эмувуксэ̄, алаӈāви бӯрэн. Хунāт бихэмдэ̄, ēдук-тā сōт уруниксэ̄, тарā гадан-дā били эвӣкӣт алтама бōлаклāви сурурун, тāдӯ ēкāрва нāнликāтна эвӣрӣ идэчӣ ōран. Д'э, тāлā инэӈӣтıкин суруну-суруну алаӈāтпи эвӣрӣви ēдук-тā сōт бухургāна эвӣттэн. Эр алаӈāн ēва итканавāн дуруккāн тıкивуттэн, д'окēт-кат эхин калтı ӈэнэрэ. Тадук нуӈан «Мэнэ̄к гарпамӣ, йлэ̄-кē исчан?» гуннэ алаӈāви порōвайдāна уӈӣскэ̄кӣ гарпаран. Тариӈин бихэмдэ йдӯ-дэ̄ энэ ичэврэ тıкин сурурун. Тıкэ̄н н'экэксэ̄, н'урби сэ̄мӈӣрэн-дэ̄, «йдӯ-вэл ихиксā, тıктэн бид'иӈэ̄н», гуннэ, эртıкӣ-тартıкӣ гэлэ̄ктэмӣ ухōрон-дō эчэ бакара. Тадук ур гарпад'āклāви эмэнэн н'урин, эмэксэ̄, алтама бōлактӯн тıпарӯчад'аран-ивит арай. Д'э, эр хунāт, тарā ичэксэ̄, д'э «ēкун эхӣн ичэврэ кулд'ун кувулгатıн бирдэӈэй», — гуннэ, н'урбӣ гаксā, айат адулāнан бихэмдэ, арай н'урин йулгин тэкэ̄ндукин умӯн айи мата д'аванан тунӈа тарвакин кēп батари д'аванан бихин-ивит. Д'э, эрэ̄ ичэксэ̄, били хунāт, уӈӣлэ̄ви эмэксэ̄, тıкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н-сэхэлкэ̄н ōдан:

— Вивир-вивир, вивирӣā! — Эр-кэ н'āни бӣ-кэ-гӯ уӈӣ гундı уӈӣв, надан ōхикāкта укчакилкāн Хэглэндэр байан этıркэ̄н амӣлкāн, Сивэккилэ̄н байан атıркāн эн'йлкэ̄н, илан Сивирду ичэ̄н идэлкэ̄н, араӈӈа айиттī д'арикилкāн, бучэ̄вэ ариврӣ алгихилкāн айа удаӈан Айакчāн-килӣвли, бӣ турэ̄нмэв дōлāви дōлдıкал, иргэлэ̄ви иктэвкэл, сēндӯви силдıкал! «Эр эхэ̄в ӯс Торōнтай эксэ̄нэв бӯнэн алаӈāд'ин «ахӯн-кē горолō суруд'ун», — гуннэ, уӈискэ̄кӣ гарпанав, н'урив эрэӈэмэ элдэлэ̄ви ичэврэ сучучōво сэ̄мӈӣнэв. Н'урвӣ гэлэ̄ктэнэ сучучōлōв, гарпад'āклāв эмэксэ̄, тıпарӯчад'аран. Д'э, сӣ ичэкэл, эр минэвэ ēкӯн кулд'ун кувулгатıн мōдалāран. Эр н'урив йулгин тэкэ̄ндукин тунӈа тарвакитпи батари д'аваксā, тıкивчэ̄ биӈэ̄т, алтама бōлаккав дулмактӯви лидıрэӈэр,

тікчӫ. Эр ēкӯн ӫхйн ичӫврӫ н' āн мōдалāран, кāрēн-кāрēн мулан'ē-вал н'урвав батарита д'авукāтна ӫвйрӫн, минӫ сӫнӫрйн ēдӯ сōтаран, тікун'ē-тӫлбӫн'ē биргӫлби билдӫ! Ōн н'ӫкӫксӫ бокон-д'иӈāв, ēнӫй-тōнай аваккавав ичӫрӫс-гӯ ӫчӫлдун-ӈӯ? Д'ӫ, сй миндӯ ēкӯн-мал сувӫйӫ сувӫлӫкӫл! — Вивир-вивир, вивирйā! — гуниттӫн.

Д'ӫ ӫрӫ дōлдіксā, ӫр айа удаӈан Айакчāн-килйвли бихӫмдӫ, «ир н'урис, ичӫӈӫт!» гуниксӫ, н'урба гаксā, адулāтар ōран, тāдук тікӫн гуннӫ турӫчй-сӫхӫчй ōд'аран-ивит, арай:

— Кйкир-кйкир, киӈкилāн'ин! — Эр-кӫ, ӫр-кӫ гунӫм илан Сивир-сиктірдӯн ситӫри гӫрбйлкӫн дулин буӈа Коколдокōнин амйлкāн, томкодікāн ӯд'ачй Инмӫкӫн килйвли ӫн'йлкӫн, сōн'иӈ сōнӈа бӫйунмӫ айахāна укчалāрй, дурукин солкомо тӫтілкӫн Солкокчӫн-килйвли нӫкӯн гунді ӈӫкӯнми, бй турӫнмӫв дōлāви дōлдікал, иргӫлӫви иктӫвкӫл, сēндӯви силдікал! Д'ӫ ӫр ӫхӫ гӯнді ӫхӫкӫнд'ӫс ус Торōнтай тӫд'ӫ сōӈку ус-ивит. Эр ōнан н'урин ēма сōн'иӈилдулā иснавāн, мӫнми-дӫ ӫчӫв сāра. Эр ēмй-дā сй аналлакис бид'иӈӫн, тарит н'āн суруксō, гарпамкакал, тӫд'ӫ миттӯ аналлак сōн'иӈ-букатір бимй ēкӯн-мал сāмайа ōд'иӈāн, тāдук бāнāд'а-дā бихикин сāд'иӈāт. Ēкӯн-да биӈин, ӫкӫл ӈӫлӫрӫ, сōӈур ӫӈӫхйт тāниксā, гарпакал, амаргӯптін ōн-дā ōӈин! — Кйкир-кйкир, киӈкилāн'ин! — гуниттӫн.

Д'ӫ, ӫрӫ дōлдіксā, ӫр Солкокчон килйвли бихӫмдӫ алаӈāви гадан-дā били ӫвйкйт алтама бōлаклавй сурурун-дō, гарпакйт дундӫӈлӫви ихиксā, алтама бōлакки хӫнӈӫнмӫктӯви батарй баткāниксā, чāӈӯ сēнмāктӯви тāниксā, илалдадӯ иткучаран, діӈилдӫдӯ тірӫчӫрӫн, тунӈалдадӯ турувчаран, н'уӈулдӫдӯ н'уӈн'йчӫрӫн, надалдадӯ батканчаран, д'апкулдаду д'авӯчаран, тар амардукин хунāт чимиткйчāнин чиӈӫхинӫн, хуруӈучōнин урӫхинӫн, ун'акачāнин ухутāхинан, илин кикӫхинӫн, алаӈāн айдāрихинчаран, н'ӯрин н'иргийихинчӫрӫн. Эр амардукин н'урин йлӫ-дӫ иснан ӫхин сāвра, н'аӈн'а хорōнтікāкйн куӈунāналдан. Д'ӫ, тар амардукин ӫр Солкокōн-килйвли алтама бōлактӯви ускйтāна гиркуктад'ана ӫртікйтартікй мундінӫ н'ӫкӫйӫд'ӫрӫн. Д'ӫ ӫр н'ӫкӫйӫд'ӫрӫкин уӈӯ буӈа хорондукин багдарин туксуву лупуруӈур багдарин мӫӈун н'ур киӈинāна тікчӫрӫн-ивит, арай. Д'ӫ ичӫхинд'иӈӫ ӫвгидӫлйн алтама бōлаклā ӫмӫксӫ, тіктӫн-дӫ дулмāктӯви тіпарахинчаран. Эр хунāт, тāлā ӫмӫксӫ, ичӫнӫн бихӫмдӫ нуӈан мӫнин н'ӯрдукин хуӈтуму н'ӯр тікчӫ-ивит. Д'ӫ ӫр хунāт айат ичӫнӫн бихӫмдӫ тӫкӫндукки дуӈӫмӫктӯви дурукин багдарин мӫӈун-ивит, гēӈйд'ин ичӫнӫн — хунāт-ахй сарумӯкталкāн ēхан килбантіна ичӫврй, гēӈйд'ин ичӫнӫн — омолгй-бӫйӫ сарумӯкталкāн ēхан д'ӫргӫлд'ййнӫ ичӫврй н'урин-ивит арай. Д'ӫ тарā бихӫмдӫ ӫр хунāт айат адулāнан — умӯн ēдук-тā айа айиткāн-мāтā мӫтірēтін бихин. Тарн'ун даран нуӈандӯн ӫлӫкин ēдук-та айа айи-ахāткāн тӫӈӫтчӫрӫн. Д'ӫ, ӫрӫ ичӫксӫ, Солкокчон-килйвли ēдӯ мōдатāран гуннӫ д'уксу айат адулāнан — илан мӫӈун кӫрдйхичй-ивит арай. Д'ӫ, ӫр амардукин

эр Солкокчōн-килйвли бихэмдэ, эр н'урва гаксā, д'ӯлāви сурурун. Д'э эр ихиксā, тiкōн гуннэ турōлкōн-сэхэлкōн ōд'аран:

— Вивир-вивир, вивирйā! — Эр-кэ гунэм амӣн гундī амӣнми, илан Сивир-сиктīрдӯн ситэрӣ гэрбӣлкōн дулин буҕа Коколдокōнин, эн'йн гундi эн'йнми, томкодiкāн ӯд'ачӣ Инмэкōн-килйвли, уҕӣ гундī уҕйв айа удаҕан Айакчāн-килйвли, д'э сӯ бӣ турэнмэв толколōнол дōлдiкалду, иччилэк турōнмэв илгэлōнэл дōлдiкāлду! Д'э, бӣ кāрēн-кāрēн, мулан'ē-вал мулан'ē ус Торōнтай эхōв ōнан алтама н'урвāн сōмӈӣм. Арай эр ёма кулд'ун кувулгат тiкиврэн бōлла, багдарин мэӈун н'ур, эмэксō, д'улōдӯв батари тiктэн. Вāнāд'а-гӯ биргӯн, айнāд'а-гӯ биргун? Илан хуларӣн мэӈун кэрдйхилкōн бинэ-бинэ, ēдӯ-дā мōдатаран. Д'урсу гēҕӣд'ин ичэмӣ, хунāт-ахӣ сарумӯкталкāн ēхан килбантина ичэврӣ, гēҕӣд'ин ичэмӣ, омолгӣ-бэйэ сарумӯкталкāн ēхан д'эргэлд'ийнэ ичэврӣ мэтiрēтiл бихи-вēт! Д'э сӯ-дō ичэкэлду! — Вивир-вивир, вивирйā! — гуниттэн.

Д'э, эрō дōлдiксāл, д'ӯҕан бэйэл йӯмэлчэрэ, ичэнэтiн тэд'ōмэ ад'ас хуӈту н'ур эмэчō-ивит. Тарā айат ичэнэтiн д'э бэйэ бэйэдӯ эхӣн тэрōмкэрō, бэйэдук хāврӣ хулэкэ мата, айа, ичэдэчӣ айиткāн-мата мэтiрēтiн бихин. Тāдук эр мэртiн хунāд'итiн Солкокчōнкилйвли мōнин мэтiрēтiн эр тэҕэтчэрэн-ивит арай. Д'э эрō ичэксō, эр дулин буҕа Коколдокōнин бихэмдэ хунāттӯви тāк турōнд'ивӣ мэтэвуттэн:

— Д'э, сӣ били ноноптi матаваҕачин эдōви д'улкулōро, эриӈис айа бэйэ биӈōт, мōндӯс элэкин мата биӈōт. Сотору эмэӈэт бадаҕа, эмэрэкин бӯ айа удаҕан Айакчāн-килйвлин'ун улгучōмōтчиӈōвун, — гуниттэн.

Д'э тар амардукин нуӈартiн бихэмдэ илалдава бичōлōтiн, эр айа удаҕан Айакчāн гунмурӣ кэмун ōчā-ивит, илӣтiн инэӈйдӯ тiкōн гуннэ турōлкōн ōд'аран:

— Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! — Эр-кэ н'āни гиркӣ гундī гиркӣв, бэҕин гундī бэҕинми дулин буҕа Хуркōкчōнин, бӣ турōнмэв дōлāви дōлдiкал, иргэлōви иктэвкэл, сēндӯви силдiкал! Д'э мит бēҕаӈит кэмун ōдан, сэрэнкэл-сэрбэнкэл, хуркōн-куӈакāн балдiрӣн кэмун ōдан! Д'э айат мандӯвуксā уркэдӯви тохуйкал, бойунбэйэ хутэн сōӈку бойун бивкӣ гӯӈкӣтiн, тарит бэйэви бэйэкōкэл! Эхикис кēйан д'авара, амаргӯт ēкӯн-дā этōн кēйда, тарит д'э ахун бичōс, сōт мандӯвкал! — Кӣкир-кӣкир, киӈкилāн'ин! гуниттэн.

Д'э тар амардукин дулин буҕа Хуркōкчōнин элэкэс уркэлōви исчаракин, хуркōн-куӈакāн сарилāхинчаран-дā, чуӈурӯви этiрэҕэр хэтэкōнчэрэн-дō амӣнмӣ ойолӣн тар-дāт тулискӣ суптiран, багдарин мэӈун чивкāчāн ōксā, уҕискōкӣ хуркуд'урун. Эр мит бэйэӈит Хуркōкчōн бихэмдэ, амаркāндукин н'āн мэӈумэ гаханд'ā ōксā, ахамāтчаран-ивит арай. Эр куӈакāн бихэмдэ дiлачā йӯптумэвэн куҕунāд'аран-ивит. Дулин буҕа Хуркōкчōнин д'э кихийна-кихийна ахад'ардаҕа. Эр ахамāтчарактiн, дiлачā йӯктэҕӣд'ин умӯн багда-

рин колорук бургалӣкāн нуӈарватın утарӣ куӡунāд'аран-ивит, арай. Д'э эр колорукка ойдōн ичэнэтın бихэмдэ — мӫндукки мэӈун нӫмэлкӫн, мӫндукки куйиргис контохилкāн, чистай чӫлкӫ соноӡохилкāн, багдарин мэӈун тэтıлкӫн ēдук-тā айа кирасēвай айиткāн-мата, бойундук боско хулэкэ, эвэнкӣдук эрэвул эрдэк букатıр, ураӈкайдук уратı бӫйэ биӈӫт мата эмэд'эрэн бадаӡа нуӈан. Д'э эр эмэд'энэ эр бӫйэ бихэмдэ, дулин буӡа Хуркокчōнмōн ичэксӫ, муринми токтотıксā, лоскуй алтама лайдадӯ соноӡоспи иливкāнан-дā, мӫнин бихэмдэ, мит бэйэӈӈэт утари эмэксӫ, аӈӈӯ ӈāлатпӣ доровово бӯнэ-бӯнэ тıкӫн гундэ турӫлкӫн ōдан:

— Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — Эр-кэ, эр-кэ ичэкэл, илан Сивирсиктīрдӯн ситэри гэрбӣлкӫн дулин буӡа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодıкāн ӯд'ачӣ Йнмэкӫн-килӣвли эн'йлкӫн, мӫндукки хуларин мэӈун нӫмэлкӫн, мӫндукки улгэр н'ōӡӯлкāн мэрилэ орон укчакилкāн дулин буӡа Хуркōкчōнин, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптın дорово биӡин, амаргӯптın улгур ōӡин! Тāдук ōдакин, эр минэвэ «Иргӣт тэкэлкӫн-сӫксэлкӫн мата, эмэксӫ, дороволкōн ōд'андı?» гӯнэкис, — илан Сивирвэ ичэттī мэӈун тоӡо панарилкāн дıлачā-ирактаӡи амӣлкāн, охōрдāн-дэвэрдӫн тэтıлкӫн Он'ордōн байан атıркāн эн'йлкӫн, мӫндукки мэӈумэ нӫмэлкӫн, мӫндукки мэӈун куйиргис контохилкӫн чистай чэлкэ соноӡохилкāн, багдарин мэӈун кун'акилкāн Мэӈундэр-сōн'иӈ-букатıр эмэм. «Ēкӯн сōма соруктӯ, ēкун кихалгадӯ тıкӫн мэӈийнэ эмэндı?» гӯнэкис, — сӣ бургунас-инак ийэӡэчинин д'ōрэлэснэ оскēнэс нэкӯн гӯндī нэкӯнмэс солкомо сураккāн д'ӯр чōр сēнд'иви чопчума дōлдıксā, чистай чӫлкӫ соноӡоспӣ сӯ дулин буӈалāхун салайӣксā, сōн'иӈ горо гиркунмӣ суӈтат д'алдāксā, эмэчӫ мата ōдам. Д'э, тарит сӣ хуркӫн-хутэс мӫнин ōвнавӣ он'йдӯви гиркурӣ мата бид'иӈӫн. Сӣ эхӣт экэл гукчана, мӫнин н'экӫйӫксӫ, эмэд'иӈӫн. Эхӣт сӣ, тōлка гэрбӣйэн бӯксӫ, эмӫнмукэл, тарит этӫн суптıра, ēмӣ-кат эмэд'иӈӫн! — Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — гуниттэн.

Д'э эрӫ дōлдıксā, мит бӫйэӈит дулин буӡа Хуркōкчōнин бихэмдэ, эр алтама лоскуй лайдаӈдӯн улор улдэтпи илэ мӫнд'иви тıкиксӫ, тıкӫн гуннэ турӫлкӫн ōд'аран-ивит арай:

— Уӡэлē-уӡэлē, дэлэӡэй! — Эр-кэ, эр-кэ гунэм илан Сивирвэ ичэттī хуларин мэӈун тоӡо панарилкāн дıлачā ирактāӡи амӣлкāн, охōрдāн-дэвэрдӫн тэтıлкӫн Он'ордōн байан атıркāн эн'йлкӫн, мӫндукки мэӈумэ нӫмэлкӫн, мӫндукки мэӈун куйиргис кунтухилкӫн чистай чэлкэ соноӡохилкāн багдарин мэӈун кун'акилкāн Мэӈундэр сōн'иӈ-букатıр, уйлик кутēтıв, доӈдолима доровойо д'авакал! Тар амардукин д'э сӣ тэд'ӫмэ-дӫ сāндı бид'иӈӫн, тарит баӡар бӣ гэрбӣйэн бӯктэ, тэд'ӫмэ мӫнин ōвнан ōн'йн сāӡин. Бӣ хуркӫн-хутэв, ахӯн-дā айāс эмн'ик бичӫлӣви иччилэк турӫнмэв иргэлӫви иктэвкэл, дōлāви дōлдıкал, сēндӯви силдıкал! Бӣ синдӯ ӈӫрихӣ инэӈӣӈӈэс ичэвкӫнчӫ итıк ирāс амӣндı, мӫндукки мэӈун нӫмэлкӫн, мӫндукки улгэр н'ōӡӯлкāн мэрилэ орон укчакилкāн

дулин буӈа Хуркōкчōнин бй биӈнәм. Тāдук ōдакин, сй улор улдәвәс, мандī гирамдавас, иләә мәнмәс мәӈун мēванду солко дōдӯви оскēтчә кунду эн'йндı надан ōхикāкта укчакилкāн Хәгләндәр байан әтıркән амйлкāн, Сивәккилән байан атıркāн эн'йлкән, илан Сивирдӯ ичән идәлкән, араӈӈа айиттı д'арикилкāн, бучәвә ариврй алгихилкāн айа удаӈан Айакчāн-килйвли гунмурй гәрбйлкән ōдан. Тарит таргачин сōн'иӈилдук балдıчā багдарин мәӈун чивкāчāн укчакилкāн доксун Д'онӯкчāн букатıр гӯнмурй гәрбйлкән ōкал! Д'ә, тāдук ōдакин, эрдәӈәстıкән ёйёкситıс эӈәрдәхиӈин, караткāндıкāн айихитıс аргистаниӈин! Д'ӯр халгалкāндӯ д'уләвй экәл бӯрә, тıӈәлкәндук экәл тıктә, д'алалкāндук экәл судурдә! Сй айис синдӯ, бй айив миндӯ биӈин! Буралийа бурастı биӈин! — Уӈәлē-уӈәлē, дәләӈәй! — гуниттән.

Д'ә, тар амардукин эр д'ӯр айиткāн букатıр мәртıн, бакалдıксāл, боско алтама лайдаӈӈар кутантıкнан тӯтıнәл дорōволостıтıн бихәмдә дулин буӈалā доргуйдан, н'уканймāттıтıн н'аӈн'алā дōлдıврйт чувургаран, анчартıн иктәлдıрйтıн антаӈал дундәлдулә айдарйхинчаран, гула буӈалдулā гуӈинтāран. Д'ә таргачйн эрчимнәкит бакалдıрйл матал ōда.

Д'ә, тар амардукин эр эмәчә бәйә, мит бәйәӈӈәт утари ичәтчәнә, тıкән гуннә турәлкән ōд'аран:

— Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — Д'ә мит, д'ӯр сōӈку айиткāр матал, бакалдıксāл, д'ӯр д'апкун әвтıләлбәр дōдӯтıн мәӈун мēванд'ивар, айа д'алитпар, уваӈас сәксәтпәр, улор уйитпәр, илә мәнд'ивәр аракӯкāн улгучәмәтнәл, айа гәрбйвәр гәйәнӈйнәл, наӈил әмӈә дундәдӯ улгучәмәтнәл, д'ал д'албар сāлдıӈāт. Д'ә, «ēкун д'уӈӯдӯн тıкән эмн'ик инӈйлкән д'әӈин әрәйдәнә турәчйндı?» гӯнәкис, — сй бургунас инак ийәӈәчинин д'ōрәләснә балдıнас нәкӯн гундı нәкӯнмәс умучйдукки улдıмӈӯйәви, д'учйдукки д'ӯвчамӈӯйави улгумйнәд'ә әмәм. Тарит тавар синдӯ турәтчәм, д'ә, гиркй гундı гиркйв, сй айа д'алби мәӈун мēванд'иви улбутıкән улгуркәл, тулдулйкән турәткәл. Сй сувәдукис әтәм йӯрә, «әләкин» гӯнәкис, буӈалāс ӈәнәлдıд'иӈәв, әхикис әләксийдә, әхим д'онуйда, тарā д'алвй сāвкāкал! — Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — гуниттән.

Д'ә, тар амардукин мит бәйәӈит бихәмдә туӈӈа тарвакки олд'у-холд'у д'авӯмкаксана д'алимкйксā, әхйт бәйәвә дәнтıки тәӈәксә, нуӈантıкйн сōт айат ичәхиниксә, тıкән гуннә турәчи-сәхәчи ōд'аран-ивит арāй:

— Уӈәлē-уӈәлē, дәләӈәй! — Эр-кә, эр-кә гунәм хуларин мәӈун тоӈо панарилкāн дıлачā иpактāӈи амйлкāн, охордōн-дәвәрдән тәтıлкән Он'ōрдōн байан атıркāн эн'йлкән, мәндукки мәӈун нәмәлкән, мәндукки мәӈун куйиргис контохилкән чистай чәлкә укчакилкāн Мәӈундәр сōн'иӈ гунмурй гиркй гундı гиркйв, кутēт гӯндı кутēтıв, бй тулдулйкән турәччәрйвәв, улбулйкән улгурд'әрйвәв д'ӯр чōр сēндӯви силдıкал, ирас иргәләви ивкәл, улор дōдӯви дōлдıкал! Д'ә тавар сй турәнмәс ōн гуннә әд'әм әлә-

ксййдә, сō әләкин, бōллаӈа. Нәкӯнми дурукин солкомо тәтıлкӫн сōн'иӈ Солкокчōн-киливлӣ мӫнин-дӫ ōн сәлд'ән? Этӫн сәлдә. Бӯ мӫрвун-дӫ айа турӫнд'ивәр йвд'иӈӫвун бōллаӈа. Тарит, д'ә, д'ӯкрӫ аргистаснал бӣ д'ӯлāв ӈәнәрдәкпут. Бӣ амӣн гундī амӣнми-дā этӫн мәхәйдәстә, айи әвәнкӣ бойухалдӯн бәйә колкуӈин бид'иӈӫн. Д'ә, хәргӯ буӈа авахилдӯн ёкӯн бид'иӈӫн, бәйә состакиӈин нуӈандӯн бихин, мӫндı-дӫ сураккāн дōлдīнас бид'иӈӫн. — Уӈәлē-уӈәлē, дәләӈәй! — гуниттән.

Д'ә, тар амардукин әр чāӈӯ бәйә бихәмдә, нуӈантıкӣн айа ёхатпӣ сōт айат ичәхиниксӫ, туӈа тарвакки әртıкӣ-тартıкӣ д'авӯксā, н'āн ōн-ла д'алимкӣран бадаӈа нуӈан. Д'ә, тар амардукин әр уӈӯ буӈа бōйунин Мәӈундӫр сōн'иӈ-букатıр тıкӫн гуннә турӫчӣ-сәхәчӣ ōд'аран ивит:

— Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — Эр-кә гунәм илан Сивир сиктīрдӯн ситәрӣ гәрбӣлкӫн дулин буӈа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодıкāн ӯд'ачӣ Инмәкӫн-килӣвли ән'ӣлкӫн, мӫндукки мәӈумә нӫмәлкӫн мӫндукки улгәр н'ōӈӯлкāн мӫрилӫ орон укчакилкāн дулин буӈа Хуркōкчōнин, гиркӣ гундī гиркӣв, итıк киннив, бӣ турӫнмӫв д'ӯр чōр сēндӯви силдīкал, ирас иргәлӫви иктәвкәл, д'ӯр д'апкун әвтıлӫви дōлāн дōлдīкал! Д'ә, әхӣт сӣ мӫндı әмӯкин сурукул, бӣ әдук илалдалӣ исчиӈāв. Минәвә бакалдīнави әкәл улгучӫнә, хутәдӯви гәрбӣйән бӯнәви улгучӫкәл, тāдук хуӈтуву әкәл турӫттә. Били нәкӯн гундī нәкӯндӯс бӣ надан дарикталкāн багдарин мәӈун н'урив бид'иӈӫн, Солкокчōн-сōн'иӈ н'урин ус Торōнтай ōнан алтама н'урин миндӯ бихин. Бӯ, мӫрвун бакалдīксāл, тәрӫмкәд'иӈӫвун, бӯ тукала-дундә чӯт чукадӯн ōвнавун ōн'ивун ōвнан кавалан тāдӯ бихин бид'иӈӫн, тарит улгучӫмӫтчиӈӫвун. Д'ә, тарит мин'н'ун әчә аргистāста гуннә д'алдӯви «әкәл д'авара, айилāӈин», — әмӣ әләксййдә, минә мӫгдәвәв ускӣ уӈиӈин. Д'ӯкрӫ умӯндӯ истакит, синә: «Н'āн ёкӯн кулд'ун кувулгатпāн әмувундı?» гунд'иӈӫн, умӯндӯ буруйдāд'иӈāн. Тарит нонон сӣ мӫндı искал — Гēрō-гēрō, гēрōкāн'ин! — гуниттән.

Д'ә, тар амардукин әр мит бәйәӈит бихәмдә «сӣ турӫндı синдӯ, бӣ турӫнми миндӯ», — гунчӫӈәчин, ōн-дā әнә гӯнә иларāкāн уӈкурӯсколәхис н'әкәксӫ, багдарин мәӈумә гаханд'ā ōксā, дулин буӈаткāкӣви килбәлӫнчәнә-килбәлӫнчәнә айаннāд'аран-ивит арай. Нуӈан биксӫ удад'иӈāн бара дō? Тар-дат д'ӯлāви исчаран-ивит арай. Эр әмәксӫ, д'ӯви уркәдӯн коп дōхинчаксā, тıкӫн гуннә тулдулӣкӫн турӫтчәрән, улбутīкӫн улгурд'әрән-ивит арай:

Уӈәлē-уӈәлē, дәләӈәй! — Эр-кә гунәм бӣ гиркӣ гундī гиркӣв, надан ōхикāкта укчакилкāн Хәгләндәр байан әтıркӫн амӣлкāн, Сивәккилӫн байан атıркāн ән'ӣлкӫн, илан Сивирдӯ ичӫн идәлкӫн, араӈӈа айиттī д'арикилкāн, бучӫвә ариврӣ алгихилкāн айа удаӈан Айакчāн-килӣвли, доӈдолима дорово биӈин! Ноноптıн дорōво биӈин, амаргӯптıн улгур ōӈин! Эр минәвә иргӣт тәкәлкӫн-сӫксәлкӫн мата әмәндı? гӯнәкис, — сӣ гиркӣ гундī гиркӣс, мӫндукки хуларин мәӈун нӫмәлкӫн, мӫндукки улгәр н'ōӈӯлкāн

мэрилӗ орон укчакилкāн дулин буҕа Хуркōкчōнин биӈнэм. «Ир хуркӗн-хутэс?» гӯнэкис, багдарин мэӈун чивкāчāн ōксā, суптіран-дā, амаргут ихэвуксӗ, эмэд'иӈӗн. Би, нуӈандӯн эхӣ сӗмдэ гэлнэрӣ гэрбййэн, солкомо суракйан бӯксӗ, мучӯм. «Ēма гэрбйлкӗн ōдан?» гӯнэкис, дулин буҕа Хуркōкчōнин амйлкāн, айа удаҕан Айакчāн-килйвли эн'йлкӗн, багдарин мэӈун чивкāчāн укчакилкāн доксун Д'онукчāн гунмурӣ мата ōдан. Д'э, тарит мит ēва кутуруйд'ап, мӗнин мӗнми д'улӗдӯви гиркурӣ мата бид'иӈӗн, миттук балдīксā, нуӈан мултук-д'адуҕан мата этӗн ōрā. Ēмй-дā сōӈку сумут матaлн'ун гиркулдīрӣ бид'иӈӗн, нуӈанмāн д'ӯр халгалкāн д'улӗвӗн этӗн гада, д'ӯр ӈāлалкāн этӗн ухунначта, тīӈэлкӗндук этӗн тікты. Мит гэрбйвэт этӗн тікиврэ гунчэчим. — Уҕэлē-уҕэлē, дэлэҕэй! — гуниттэн.

Д'э, эр амардукин айа удаҕан Айакчāн-килйвли тулискй йӯрэн-дӗ били бэйэӈӈи д'ӯлāви йврэн-дӗ н'уӈун халгалкāн багдарин мэӈун кириваттӯ тэҕэвкӗнэн. Мӗнин бихэмдэ, тулискй йӯксэ, д'ӯрӗ-иларā эӈтэвкэхинэн-дӗ илан нулгӣ туҕурумчэлкӗн илан кос курēдӯн илан дэткӗн дэлэмӣчӗн д'алумкāкӣ йхинчэрэн-ивит арай. Тар амардукин айа удаҕан Айакчāн-килйвли илан акта айаргӯвāн синмаксā, бāвкāнан, илан байтахун бастіӈӈāн бāвкāнан, илан байтахун бē бастіӈӈāн бāвкāнан. Тарā дуруккāн аставкāниксā, н'имэкилби дуруккатін эрйксӗ, эр доксун Д'онукчāн балдīнан малахинмāн, эр дулин буҕа Иркисмэнд'ӗн иччатін умйвуксāл, курулēд'эрдэктэрэ.

Д'э эр курулēд'эрэктін, бихэмдӗ эргйт-таргйт коӈнорир туксул койунд'ара, багдарир туксул баралд'ара, хуларир туксул эртікйтартікй хуктіктэд'эрэ. Тар амардукин ахӯна-дā эчӗ бихй, ичэхинд'иӈӗ эвгидӗлйн эдін боҕо, коллорук боҕо ōран, хиҕин боҕо ōран, агді боҕо н'иргййдэн, чаҕилган боҕо чаҕилййдан, тукалачӣ иманда ичэхинд'иӈӗ эвгидӗлйн илитчарӣ бэйэвэ эӈэйэлйн тіктэн. Эр коллорук бихэмдэ д'ӯр д'апкун кирилкāн ампар д'ӯватін аран эчӗ тōрӗ иктэрэ. Тар амардукин ōкин-дā эчин тігдэрэ-иманара н'аӈн'аҕачин н'аӈн'а килбатīкāн н'эӈдэлӗрэн-ивит арай.

Д'э, тар амардукин били дурукин солко тэтілкӗн сōн'иӈ сōӈӈа бэйунмэ айахāна укчалāрӣ Солкокчōн-сōн'иӈ эвйкйт лайдаӈдӯн ēдук-тā ивэӈнэк хэгдіӈӗ чаҕилган тіктэн бадаҕа нуӈан. Д'э тар амардукин эр айа удаҕан Айакчāн-килйвли бихэмдэ:

— Эр мит хунāд'ит эвйкйт лайдаӈдӯн сō-дā тоҕочй чаҕилган тіктэн, н'āн ēкӯн-ла эмэрэн бадаҕа. Бй ичэнӗктэ, — гуниттэн.

Тāдӯ бихэмдэ дулин буҕа Хуркōкчōнин:

— Кэ, сōт сурукул, кулд'ун кувулгат бихикин, сōт миндулӗ иччилэк турӗнмӣ уӈдӗви, — гуниттэн.

Д'э, тар амардукин эр айа удаҕан Айакчāн-килйвли, тар-дāт йӯксӗ, хунāт эвйкйт лайдаӈлāн багдарин дэҕйткӗн ōксā, килбалāнчад'аран-ивит арай. Д'э, эр ихиксā, ойдōн ичэнэн бихэмдэ, багдарин коллорук ускйтāна хуктіктэд'эрэн-ивит.

Д'э, эр айа удаҕан Айакча̄н-килӣвли бихэмдэ, дундэлө̄ тікиксө̄, улор улдэтпи, илэ мө̄нд'иви о̄кса̄, ойдон ичэнэн бихэмдэ, ділдукин халгамактӯн ӣлӣ-кэт эчӣн уҕулунэ багдарин мэӈун тэтілкө̄н букатір, эмэксө̄, хуна̄т эвӣкӣт лайдаӈдӯн эвӣктэд'эрэнивит арай. Д'э, тара̄ ичэксө̄, айа удаҕан Айакча̄н-килӣвли бихэмдэ ичэрэн-дө̄ та̄киксо̄ран-да̄ тікө̄н гуннэ турө̄чӣ-сэхэчӣ о̄д'аран-ивит арай:

— Кикир-кикир, киӈкила̄н'ин! — Эр-кэ, эр-кэ илан Сивирвэ ичэттī багдарин тоҕо панарилка̄нДілача̄-ирактаҕин амӣлка̄н, охордо̄н-дэвэрдө̄н тэтілкө̄н Он'ордон байан атірка̄н эн'ӣлкө̄н, мө̄ндукки мэӈумэ нө̄мэлкө̄н, мө̄ндукки мэӈун куйиргис кунтухилкө̄н чистай чэлкэ соноҕохилка̄н, багдарин мэӈун кун'акилка̄н Мэӈундэр со̄н'иӈ-букатір, доровойо д'авакал! Нonoптін дорово биҕин, амаргӯптін улгур о̄ҕин! Тадук о̄дакин, эр минэвэ «ӣдук тэкэлкө̄н-сө̄ксэлкө̄н аха̄тка̄н, эмэксө̄, доровалко̄н о̄дандı?» — гӯнэкис, — уҕӯ буҕадӯ оскө̄чө̄ надан о̄хика̄кта укчакилка̄н Хэглэндэр байан этірко̄н амӣлка̄н, Сивэккилө̄н байан атірка̄н эн'ӣлкө̄н, дулин буҕа бойунин Коколдоко̄н бэҕилкө̄н, дулин буҕа Хурко̄кочо̄нин гиркӣлкө̄н, томкодіка̄н ӯд'ачӣ Инмэкө̄н-килӣвли котулка̄н илан Сивирдӯ ичө̄н идэлкө̄н, араӈҕа айитті д'арикилка̄н, бучө̄вэ ариврӣ алгихилка̄н айа удаҕан Айакча̄н-килӣвли гунмурӣ гэрбӣлкө̄н биӈнэм. Та̄дук о̄дакин, эр сӣ ё̄кӯн соруктӯ, ё̄кӯн кихалҕадӯ эр буҕала̄ эмэчө̄ мата о̄дандı? Д'алда̄рӣ д'алвӣ улбутīкө̄н улгуркэл, тулдулӣкө̄н турө̄ткэл! Эрбө̄н горо буҕала̄ эмэчё̄ улгуричӣ бид'иӈэс. — Кӣкир-кӣкир, киӈкила̄н'ин! — гуниттэн-ивит арай.

Д'э, тадӯ ча̄ҕӯ бө̄йэ бихэмдэ нуӈантікӣн тікө̄н гуннэ-гуннэ дө̄птікӣ эмэд'эрэн-ивит арай:

— Гё̄ро̄-гё̄ро̄, гё̄ро̄ка̄н'ин! — Эр-кэ, эр-кэ гунэм надан о̄хика̄кта укчакилка̄н Хэглэндө̄р байан этірко̄н амӣлка̄н, Сивэккилө̄н байан атірка̄н эн'ӣлкө̄н, илан Сивирдӯ ичө̄н идэлкө̄н, араӈҕа айитті д'арикилка̄н, бучө̄вэ ариврӣ алгихилка̄н айа удаҕан Айакча̄н-килӣвли, айа гэрбидӯс доӈдолима дорово, амаргӯптін улгур биҕин! Д'э, сӣ миндук улгумӣӈө̄тпи улгумӣндı, до̄лдīмуӈа̄тпи до̄лдīмундı. Улгумӣд'эрӣс-тө̄ айан, эмӈө̄н со̄, ол ихин-да̄ гэрбӣс гэйө̄ннэн горо о̄ран, суракис сувулӯннан суӈталдан. Нонон-до̄ бӣ до̄лдīӈкӣв, сагділ са̄рӣл «ё̄хал даҕава ичэвкӣл, сё̄р горолө̄ до̄лдīвкӣл», — гуннэл, ол ихин-да̄ сэхэнтэвкӣл-ивит. Д'э, тар амардукин эр минэвэ «иргӣт тэкэлкө̄н-сө̄ксэлкө̄н мата эмэндı?» гӯнэкис, илан Сивирвэ ичэттī багдарин тоҕо панарилка̄н Ділача̄-ирактаҕин амӣлка̄н, охордо̄н-дэвэрдө̄н тэтілкэн Он'ордо̄н байан атірка̄н эн'ӣлкө̄н, багдарин мэӈун кун'акилка̄н, мө̄ндукки мэӈумэ нө̄мэлкө̄н, мө̄ндукки мэӈун куйиргис кунтухилкө̄н чистай чэлкэ соноҕохилка̄н Мэӈундэр-со̄н'иӈ гунмӯрӣ уҕӯ буҕа бойунин биӈнэм. Д'э, тар амардукин «ё̄кӯн со̄ма соруктӯ, ё̄кӯн на̄дадӯ эмэндı?» гӯнэкис, бӣ илачӣдукки ийактакив, д'ӯчӣдукки д'ӯвчавıӈӯв, умучӣдукки улдıмӈӯв эр дулин буҕадӯ оскё̄чө̄ гуниттэ, тара̄ гэлө̄ктэнэ эмэм. Д'э эхӣт сӣ илан Сивир сиктīрдӯн ситэри гэрбӣлкө̄н дулин буҕа Кокол-

доко̄нин гундiс бойун амилка̄н, томкодiка̄н ӯд'ачй Инмэкэ̄н-килйвли эн'йлкэ̄н, дурукин солкомо тэтiлкэ̄н со̄н'иӈ со̄ниа бэйунмэ айахана укчала̄рй Солкокчо̄н-со̄н'иӈ килйвли гунмурй. Ңуӈан о̄н са̄на-ӈӯ, до̄лдiкса̄-ӈӯ минтiкй алтама н'урви уӈчэ̄н бид'иӈэ̄н, «миндӯ аналлак нуӈан-ӈӯ биркэ», — гуннэ бй эмэм. Та̄дук о̄дакин, эр хуна̄тпа дундэ-буӈа бэйунӈэчинин тэтувуксэ̄л, сэвэкй-сэвэк оронӈочинин симэксэ̄л, эр эвйкйт алтама бо̄лаклăн эмувкэлду. Д'э бӯ омолгилка̄н хуна̄т чутурин чукалка̄н тукала дундэ ойодӯн, багдарин н'аӈн'а хэрэдӯн оскẽнэвэр о̄н'йвар ичэксэ̄л, тарит улгучэ̄мэ̄тчиӈэ̄вун. Элэ̄ эмэкэлду, баӈар хуна̄т со̄ӈку сумут аха̄тка̄н бимй, «ẽкӯн-мал эвйнд'и поро̄вайда̄ӈа̄т», — гундi, бид'иӈэ̄н. Тарит эр нуӈан эвйкйт алтама бо̄лакин айа дундэ биӈэ̄т, бӯ эвйнмэвун мэ̄рдун-дэ̄ ичэмй астiнд'иӈа̄хун эчэ̄ бирэ до̄. Айи бэйэлин айи бэйэлгэчинин аракӯка̄н айадук айат, эмӈэдук эмӈэт улгучэ̄мэ̄чирдэкпут. — Гẽро̄-гẽро̄, гẽро̄ка̄н'ин! — гуниттэн.

Д'э, тар амардукин эр айа удаӈан Айакча̄н-килйвли, д'ӯтка̄кйви, багдарин дэӈйткэ̄н о̄кса̄, килбала̄нчад'ахинан. Нуӈан биксэ̄ удад'иӈа̄н ба̄ра до̄, тар-да̄т д'ӯла̄ви исчаран-ивит арай. Эр ихикса̄, д'ӯви уркэдӯн копка̄н до̄хинчаран, тiкэ̄н гуннэ турэ̄лкэ̄н-сэхэлкэ̄н о̄д'аран-ивит арай:

— Кйкир-кйкир, киӈкила̄н'ин! — Эр-кэ гунэм бй гиркй гундi гиркйв, бэӈин гундi бэӈинми илан Сивир-сиктiрдӯн ситэрй гэрбйлкэ̄н дулин буӈа Коколдоко̄нин амйлка̄н, томкодiка̄н ӯд'алка̄н Инмэкэ̄н килйвли эн'йлкэ̄н, мэ̄ндукки мэӈумэ нэ̄мэлкэ̄н, мэ̄ндукки улгэр н'о̄ӈӯлка̄н мэрилэ орон укчакилка̄н дулин буӈа Хурко̄кчо̄нин, доӈдоли дорово! Ноноптiн дорово биӈин, амаргӯптiн улгур о̄ӈин! Та̄дук о̄дакин, эр минэвэ «идук тэкэлкэ̄н-сэ̄ксэ̄лкэ̄н аха̄тка̄н эмэндi?» гӯнэкис, сй гиркй гундi гиркйс айа удаӈан Айакча̄н эмэм. Д'э, эр гиркундӯви ẽкӯн са̄майа ичэндi, до̄лдiндi?» гӯнэкис, — уӈӯ буӈадӯ оскẽчэ̄ багдарин мэӈун тоӈо панарилка̄н Дiлача̄-ирактаӈи амйлка̄н, охордо̄н-дэвэрдэ̄н тэтiлкэ̄н Он'о̄рдон байан атiрка̄н эн'йлкэ̄н, багдарйн мэӈун кун'акилка̄н чистай чэлкэ соноӈохилка̄н Мэӈундэр-со̄н'иӈ гунмурй гэрбйлкэ̄н маталдук маниргӯтiн, аӈнакйлдук айаргӯтiн айи букатiрин, эмэксэ̄, мит хуна̄д'ит Солкокчо̄н-килйвли эвйкйт алтама бо̄лактӯн эвйктэд'эрэн, тара̄ бакалдiм. Эр мата ичэврй ирэндэн о̄н биӈэ̄т?» гунэксун, гирамдалка̄н ӈуӈнэӈин, ичэдэлкэ̄н айаӈин. «Турэ̄нин о̄н бихин?» гӯнэксун, — улгурилкэ̄н гурэӈин, со̄ӈку сумут мата биӈэ̄т. Та̄дук о̄дакин, мит хуна̄д'ит илачйдукки аналлакин, д'ӯчйдукки д'о̄ӈэн, умӯчйдукки уйликин о̄ча̄ мататкан эмэчэ̄. Д'э митпэ, эдӯ бихй эр дулин буӈа Иркисмэнд'эн иччатiн дурукин, «хуна̄тпар со̄н'иӈ со̄ниа бэйунмэ айахана укчала̄рй дурукин солкомо тэтiлкэ̄н Солкокчо̄н со̄н'иӈ-килйвлива дундэ бэйунӈэчинин тэтiвуксэ̄л, сэвэк-оронӈочин симэксэ̄л, эмувкэлду», гуниттэн. Д'э, тарит нэкӯн гундi нэкӯнми Солкокчо̄н-килйвли, сй н'а̄н арай суруксо̄, мэ̄ндi д'а̄чй карчиӈачин ẽхатни ичэкэл, д'ӯр чо̄р сẽнд'иви до̄лдiкал. Бй мэ̄нми д'алдув, синдӯ со̄ма элэкин айитка̄н-букатiр эмэчэ̄ биӈэ̄т, бадаӈа. Д'э, тарит мит, айи

бэйэлин, айи бэйэлгэчинин айадук айат, эмӈэдук эмӈэт аракӯкāн улгучӫмӫтнэл, айа гэрбйвэр гэйӫнӈйнэл, солкомо сураккар сунӈйнал, айа д'алитпар ēкӯн-дā уха гэрбйн эхйд'ин йӯрэ энэл тікӯлда улгучӫмэткэт. — Кйкир-кйкир, киӈкилāн'ин! — гуниттэн.

Д'э тар амардукин эр дулин буҕа Иркисмэнд'эн иччатін ēкӯн уха-айа норотін дурукин, сагдітай, куӈакāтай, котунтай, бэҕинтэй, бӧкатай — дурукитіни д'ӯлдуккар тулискӫкй хэтэкӫмдэ. Айа удаҕан Айакчāн-килйвливар, утари туксаксāл эмэксӫл: «д'э, котун гундī котунті ир-йдӯ эмэнэвэн ичэнді, кэ, ичэнӫҕӫт!» гуннэл, амардукин бодоктомол ōда-ивит арай. Д'э, тар амардукин эр дулин буҕа Коколдокōнин мӫнин хутэлд'иви умӯн пара айадук айа, манидук мани тэтілбэр тэтіксӫл, умӯн пара инӈакталкāн умӯн сэхин киталиккачин багдарир дэҕйткӫр ōксāл, омолгитай, хунāттай, кутēттэй, кукйнтэй, эхӫтэй, эвӫтэй ус Торōнтай эхэкэнд'эвэр ōнан илан нулгй туҕурумчэлкӫн алтама бōлактікāкйн болор-нэлкир сэхин киталикилгачин килбалйкāн ӈэнэвкэнд'эрэ-ивит арай. Д'э, тар амардукин нуӈартін биксӫл удад'иӈāтін дō, тар-дāт илан нулгй туҕурумчэлкӫн алтама бōлаклā исчара-ивит арай. Д'э, эр исчанал бихэмдэ эр дулин буҕа Коколдокōнин тікӫн гуннэ турӫлкӫн-сэхэлкӫн ōд'аран:

— Киӈгир-киӈгир киӈгирмōй! — Эр-кэ гунэм горо буҕадук гōдарийна, дэлэй буҕава дэлкинэ эмэчӫ, уҕӯ багдарин н'аӈн'а д'огд'ӯрдӯн оскēчӫ мэӈун тоҕо панарилкāн Ділачā-ирактаҕи амилкāн, охордāн-дэвэрдӫн тэтілкӫн Он'ōрдōн байан атіркāн эн'йлкӫн мӫндукки мэӈумэ нӫмэлкӫн, мӫндукки мэӈун куйиргис кунтухилкӫн чистай чэлкэ соноҕохилкāн, багдарин мэӈун кун'акилкāн Мэӈундэр сōн'иӈ гунмурй мата, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биҕин, амаргӯптін улгур ōҕин! Тāдук ōдакин, эр минэвэ «йдук тэкэлкӫн-сӫксэлкӫн мата, эмэксӫ, дороволкōн ōданді?» — гӯнэкис, дулин буҕа бойунин Иркисмэнд'э амилкāн, Гēван этіркэн хэгдэҕӯ хунāд'ин Куккумачāн-килйвли эн'йлкӫн, илан Сивир-сиктірдун ситэрй гэрбйлкӫн — хэргӯ буҕадӯ сэлэргӯнтікй сэлэрй Сэӈэкчэн гунмурй, дулин буҕадӯ коколдодӯ чакилчачā Коколдокōн гунмурй, уҕӯ буҕадӯ сōн'иӈ Мэӈнэнйкӫн гунмурй дулин буҕа бойунин биӈнэм. Д'э, тāдук ōдакин, «ēкӯн сō хэгдіӈӫ нāдалкāхал ōксāл, тікӫн ӈэнӫ дэҕйткӫргэчин эмэрэс?» — гӯнэкис, сй, эр буҕалā эмэксӫ, айа турӫнд'ивй илд'иттēнэдӯс, соруйан айа ирэндэвэс ичэнӫрэв, гурэн гӯктэвэс дōлдінāрав, итік улгурвэс д'ӯр чōр сēндӯвар силдінāрав. Д'ӯр д'апкун эвтілӫлкэн кэӈтірэви дōдӯн д'алдāрй д'алвй улбутікӫн улгуркэл, тулдулйкэн турэткэл! — Киӈгир-киӈгир, киӈгирмōй! — гуниттэн.

Д'э эр чāҕу мата, эрӫ дōлдіксā, нуӈарватін утарй ичэччэнэ тулдулйкӫн турӫччэрэн-ивит:

— Гēрō-гēрō, гēрокāн'ин! — Эр-кэ, эр-кэ гунэм илан Сивирсиктірдӯн ситэрй гэрбйлкӫн дулин буҕа Коколдокōнин, амйнмиҕӯ гунд'эм, акйнми-ҕӯ гунд'эм, доӈдолима доровойо д'авакал! Ноноптін дорово биҕин, амаргӯптін улгур ōҕин! Эр минэвэ «уҕӯ

айи буҕадукин ēкӯн сōма соруктӯ, ēкӯн нāдадӯ эмэндi?» — гӯнэкис, — д'э, бӣ уҕӯ буҕавӣ ойодӯн эвӣкӣт лайдаӈдӯви эвӣктэд'эрэкив, алтама н'ур, эмэксө, коӈнорӣкāн хакинмав дулкāкинмāн чолпороҕор ӈэнэрӣтпи эмэчөвэ, сōӈку-н'ун сумут мата биксө нэхилэ тэвэчөв. Тарā бихэмдэ хуларин мэӈун тоҕо панарилкāн Дiлачāиракталҕи амӣнми, охордōн-дэвэрдөн тэтiлкөн Он'ордōн байан атiркāн эн'ӣнми, ичэксэл, «мөндi аналлак-мэнэллөк анал гиркӣс дулин буҕа Коколдокōнин амӣлкан, томкодiкāн ӯд'ачӣ Инмэкөнкилӣвли эн'ӣлкөн, сон'ӣӈ сōнӈа-бэйунмэ айахана укчалāрӣ, дурукин солкомо тэтiлкөн Солкокчōн-сōн'иӈ гунмурӣ гэрбӣлкөн килӣвли дулин буҕадӯ тэрөӈин āчин ахāткāн балдiран», гуннэ, „сӣ балдiнас он'ӣдӯс сӣ аналлакис дукивчā“, — гуннэл, минэвэ инэӈ энэл бивкөнэ, долбо энэл āхинмукāна, элө уӈдэ. Д'э, тарит сундӯ бӣ оҕонӣдӯви оҕодохинчамнӣн балдiнав багдарин мэӈун н'урдӯв ōвнавун бихин бид'иӈөн. Тарā ичэкэлду! Тāдук ēкӯн эвӣнэ ōттас, мөрдун сāрӣтпар тэрӣйкэлду! Айиткāр матал аракӯкāн улгучөмөтнэл бакалдiрдакпут. — Гēрō-гēрō, герōкāн'ин! — гуниттэн.

Д'э, тар амардукин били мит хунāд'ит Солкокчōн-сōн'иӈ алтама бōлаклāви илэ мөнд'иви, улор улдэтпи, айа ирэндэтпи кинтас илихинчаран-дā нуӈан «эр горо буҕалкāн аӈнакӣлдук айаргӯтiн, маталдук манииргӯтiн эмэчө», гуннэ эчө-дө кирбиҕӣйӣлдэ, эмө матава ичэччэнэ, тiкөн гуннэ турөлкөн-сэхэлкөн ōдан:

— Вивир-вивир, вивирӣā! — Эр-кэ, эр-кэ сӣ горо буҕа гōраттӯн, уҕӯ буҕа гōраттӯн, уҕӯ буҕа умдөндӯн оскēчө-тiвāнчā, хуларин мэӈун тоҕо панарилкāн Дiлачā-иракталҕи амӣлкāн, охордōндэвэрдөн тэтiлкөн Он'ордон байан атiркāн эн'ӣлкөн, мөндукки мэӈумэ нэмэлкөн, мөндукки куӣиргис кунтухилкөн чистаӣ чэлкэ соноҕохилкāн Мэӈундэр сōн'иӈ-букатiр, доӈдоли дорово биҕин, амаргуптiн улгур ōҕин! Эр минэвэ — «иргӣт тэкэлкөн-сэксөлкөн ахāткāн-куӈакāн, эмэксө, доровөлкōн ōдандi?» гӯнэкис, — дулин буҕа Коколдокōнин амӣлкāн, томкодiкāн ӯд'ачӣ Инмэкөн-килӣвли эн'ӣлкөн, сōн'иӈ сōнӈа бэйунмэ айахана укчалāрӣ дурукин солкомо тэтiлкөн Солкокчōн-сōн'иӈ гунмурӣ гэрбӣлкөн килӣвли ōдан. Тāдук ōдакин, сӣ «горо буҕадук эмӯкин ōдам», — гуннэ, экэл кирбигӣйдэ, эр-тар эвӣнмэ экэл эрэӣдэ! Мит овнат ōн'ӣт син умӯн ōчā, ōн-дā н'экэмӣ эхӣ гурэврэ кавалад ӯ дукувчā. Тарит бӣ балдiнав д'ӯлāв суруксōл, эр дулин буҕа Иркисмэн иччатнāн умӣвуксāл, д'ӯва тэриндi, тоҕово иларӣ, хутэвэ балдiврi, оронмо курēрӣ, сōхувэ иргирӣ, ōн'ӣвар ōрӣ āхиптiн сивайвавар аставкāнӈāт. Бӣ синэвэ эхим сэлдэ. Сӣ минэвэ, айа ирэндэвэв эхикис сэлдэ, ēкӯн-да айдана āчин колбоскōт. Айданма ōракит, ōвнат ōн'ӣт ōн'ӣ этөн ōда, уӣэлкөн састӯвар этөн олоккор ōра, тарит карēн дулин буҕавар гэрбӣвөн, карēн уҕӯ айӣвар буҕан гэрбӣвөн энэл сукчара айадук айат д'алдāксāл, колбосҕот горот хулэкэ бид'иӈөн. Тāдук ōдакин, балдiвчāл байанайӣлдӯвар, эхөлдӯвэр, эвөлдувэр эр ōвнавар ōн'ӣвар, эр сӣ н'урдӯв бихӣ мэтiрēтпэр

ичэвкӧнӈӧт, сāрйл сагдıл д'алилватıн дӧлдıҕāт. Тар амардукин сивайвавар ӧҕāт — Вивир-вивир, вивирйā! — гуниттэн.

Эр тıкӧн гуниксӧ, эр мит хунāд'ит Солкокчӧн-сӧн'иӈ килйвлй бихэмдэ били мэӈун н'урва эхинин тэкэнӈидӧд'ин дулмактӯн алтама бӧлакка батарй гидаларан-дā «д'э, ичэкэлду!» — гӯнэн. Д'э, эр Иркисмэнд'э иччатıн дурукин улбулйкӧн элгэмӧтнэл эмэрэ-дэ, туҕуруччу иликсāл, эр мэӈумэ н'урва адулāнатıн бихэмдэ эр мит хунāд'ит мэтıрӗтıн илэ бодо бихин, уҕӯ буҕа букатıрин Мэӈундэр сӧн'иӈ-букатıр мӧнин мэтıрӗтıн н'āн мӧнд'иви бихин-ивит арай. Д'э, тарит ӈй-кэт эхйн мэккустэ ӧнйлкāхал куӈакāр ӧда. Д'э, тарит ӗкӯн-дā айдана āчин айадук айат, эмӈэдук эмӈэт улгур ӧдан. Д'э, тар амардукин д'ӯлāвар сувулйкāн элгэмӧтчэрйҕэчин суруксӧл, д'ӯлāвар ихиксāл, ӗдук-дā дэлэҕэйит āхиптıн сивайвватıн ӧксāл, дулин буҕавар бихй бӧйэвӧн умйвуксāл, д'āндук д'ӯр долбонйлкāн инэӈйдӯ энэл токторо арахинайма д'эвгӧвэ д'эпнэл, сэхэн-боҕо сурурун, улгур-боҕо ӧдан, икӧн-боҕо доргуйдан, эхӗкэй-боҕо н'иргйидэн, охӧкай-боҕо дӧрахийдан, алгис-боҕо сатарйидан.

Д'э, тар амардукин н'ӧрчāхал н'ӧрчара, тāнчамāчйхал тāнчамāтта, килйхитıл килййда, туксāхал туксара. Эр эвйндӯ дулин буҕа Хуркӧкчӧнин, уҕӯ буҕа бойунин Мэӈундэр-сӧн'иӈ, солкомо тэтıлкӧн Солкокчӧн-сӧн'йӈ бинэл эр иланду тулуйдı ӈй-кэт āчин ӧдан. Тарит эр илан ад'ас умӯн урӗтмэл бойухал ӧда. Д'э, тарит сӧргāн бойухал нуӈартıн ӧчāл-ивит, арай. Д'э, тар амардукин нуӈартıн бихэмдэ эр илан тэрэӈ букатıр мӗртıн сэхэндӯвэр: «Эр илан Сивир-сиктıрдӯн мит ойолйт арай эр дулин буҕа Хуркӧкчӧнин хуркӧн-хутэн доксун Д'онӯкчāн бид'иӈэн», — гунчӗтıнивит уху.

Тарит эр мит дулин буҕат тариптıдук тıкирдэлӧ айат ӧскӗксӧбалдıксā бид'эрэн уху.

ПЕРЕВОД

19. ИРКИСМОНДЯ-БОГАТЫРЬ

Давным-давно появились три Сибир[-земли], подобные прислушивающимся ушам годовалого дикого оленя. Средняя же земля в то время с коврик [размером] расстилалась, на ней наметилось девяносто девять направлений для речных русел и высились горы, подобные разделенной на девять рядов густой шерсти черной лисицы. Трава же [на ней] никогда не увядала. Долго ли, коротко ли существовала эта средняя земля — мне неизвестно. Она становилась до того обширной, что никакая крылатая птица не могла ее облететь. Это была такая красивая страна, что, увидев ее, нельзя было ничего найти, с чем [можно] было бы сравнить [ее]. В этой стране ели распускались, как подснежники, лиственница пушилась, как молодая травка, сосенки росли, переливаясь, подобно пушистому хвосту рыжей белки, тальники вытягивались струной, а марниковые березы росли, разветвляя корни. Вот на такой красивой земле, кроме всего этого, жили бегающие звери-животные и люди. Если рассказывать [обо всем], то на южных склонах было множество лосей-самцов, в горных лиственничных борах водилось большое число оленей-самцов, по окраинам земли прыгали зайцы-зверьки, вдоль речек водились бесчисленные белочки.

Если же внимательно вдуматься, то как не жить в такой хорошей стране рыжему Урангкаю с двумя ногами, с голым лицом, со свободно вращающейся головой?! По этой земле протекала большая река с устьем где-то на западе, с истоком на востоке, и были ее берега красивы и круты, как клюв черного гуся. Тем не менее эта страна была словно остров в заливе моря: на ней постоянно дули сильные ветры и кружились вихри.

В этой стране в одном чуме жили-поживали два паренька. У них сказать: «Чо!» — так не было оленя, сказать: «Хот!» — не было и коня, сказать: «Сюда!» — не было собаки, сказать: «Друг!» — не было [и] друга, жили они одни, только вдвоем. Если спросить, чем же питались они и как жили, то младший из них был человеком с сильными ногами — быстроногий богатырь, и ни одного четвероногого зверя он не пропускал. Если привести

Поколения и брачные отношения в сказании об Иркисмонде

I
Немедор

II
Дылача
Геван
Нянгня

III
Далгир! Оннодор
Чолбондор
Немедареку! Симоксин
Гине! Дергелдин
Кимо! Секак
Евер! Дарпек
Торонтай
Киду! Куккумачан
Дынгдони! Иркисмон
Кида! Дюгирмандя
Дэгри–Вивир! Солкондор

IV
Лингкир! Ироглинде
Октане! Отани
Лирве! Бокалдын (слуга)
Гуре! Унянтук
Увэло–Угэндор! Хуркокчон верхней земли (на коне)
Ейдэги! Хэглэндор
Дэгэ! Сэвэккилон
Голдыр! Чагилган
Кингир! Коколдокон Сэнгокчон Мэнгноникон
Гэро–Героканен! Инмокон
Дылача
Онердон

V
Дергокчон (на диком олене)
Чипир! Дерис Тамнар (дважды рожденный)
Кикир! Ходе–Хогай! Аякчан шаманка
Угэло–Дэлэгэй! Хуркокчон средней земли (на олене)
Вивир! Солкокчон (на диком олене)
Героканен! Монгундор

VI
Денукчон

Вверху – запев героя. Внизу – имена героев. Римская цифра – поколение. □ мужчины ○ женщины

пример, [то] лося-самца ловил, как паука, медведя — как жучка, самца дикого оленя — как муравья. Бегал [он], держась на уровне третьего позвонка лося-самца, на уровне хвоста оленя-самца, на уровне загривка медведя-зверя. Маслом ему служило внутреннее сало осеннего лося, подорожником — сало осеннего дикого оленя, обедом ему было [мясо] с ребер жирной самки лося.

Посмотрел я и подумал: «У такого сильного богатыря, конечно, должно быть известное имя и громкая слава», это был расцветший на средней земле по имени Иркисмондя, богатырь-молодец.

А если обратить внимание на того, который был старше, то он из родного чума не удалялся и на сажень. Если рассказать [о нем], то для того чтобы слушать, — он был глух, для разговора — нем: был он глухонемым глубоким стариком.

Если сказать, чем он был полезен Иркисмону, то, хотя [он] и сидел сиднем на одном месте, но был кузнецом, мастером на все руки. У кого [он] научился и где нашел свои инструменты, никто не знал. В правой руке у него был семидесятисемипудовый молот, в левой — тридцатитрехпудовые клещи. Ими он и ковал младшему оружие для охоты на зверей. Имя этого старца было [такое] — овладевший с трех лет клещами, с четырех лет молотом кузнец Торонтай.

Долго ли, коротко ли они жили — [я] не знаю. Иркисмондя же средней земли, не пропуская дня, бегал по своей средней земле. За день он приносил десять диких оленей, привязав [их] к десяти вязкам [кафтана].

И однажды поздно вечером, когда земля, по которой он ходил всю свою жизнь, была совсем истоптана, принес [он] десять самцов диких оленей и бросил их там, где рубят дрова. Назавтра встав, начал свежевать их, вдруг из чума раздался страшный крик. Испугавшись, наш человек бросился к чуму, одним прыжком достиг его. Пнув, разбил на мелкие куски дверку чума, посмотрел. Видит: кузнец Торонтай раздавил молотом указательный палец. Кровь кузнеца Торонтая моментально забила ключом, как вода из чайника. Иркисмон-богатырь вот такую речь держал:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Кузнец Торонтай! Брат мой! Хоть ты и нем, и глух, что с тобой? Древние мудрые старцы говорили: «Кузнец мимо не бьет». Какой же невидимый авахи заставил ошибиться тебя и лишил меня уважаемого друга! Ох, досадно, обидно! Горе мне! Сам-то ты хоть и старый человек, но что-то давно не угощал четырехугольный очаг салом почитаемых зверей. Может, поэтому ты и ошибся! Быстрехонько отрежь четыре куска сала самца-оленя и угости огонь! Скорее перевяжи палец сырой мездрой самца-оленя! — сказав так, [он] пнул порог чума так, что тот раскололся.

Кровь кузнеца Торонтая потекла через [порог], словно речушка. После этого Иркисмондя средней земли, отрезав четыре куска сала оленя-самца, угостил огонь и палец старика перевязал

сырой мездрой самца дикого оленя. [Рана] от этого стала заживать лучше, чем от любого лечения.

Между тем Иркисмондя средней земли, успокоившись и обрадовавшись, что кузнец Торонтай не умрет, проспал подряд трое суток.

На четвертые сутки, говоря: «Пора охотиться», [он] начал готовить снаряжение. И вот на рассвете со всех сторон подули ветры, сгустились черные тучи, появились белые тучи. Не успел он оглянуться, как подул ветер-вихрь, гром-молния, потрясая небо, загромыхала над землей. Молния чуть не разбила вдребезги чум. Полил ливень, и повалил густой снег. Когда ветер и дождь прекратились, с неба, свистя и шурша, спустились три [птицы]; одна из них села у дверей, вторая — на дымовое отверстие, третья — на столб-*малу*. Вот одна из них, усевшись на дымовое отверстие, вертя хвостом, как кукушка, такую речь повела:

— Киду-киду, кидуяр! — Иркисмон средней земли, открой дверь и прими привет! Послушай-ка то-се и расскажи о том, о сем! Если спросишь меня: «Откуда родом?», догадаешься и сам. Ты наверняка знаешь мату (богатыря), давным-давно женившегося на старшей дочери Геван-старика, Куккумачан-красавице. Он прожил с ней три года и сбежал на морской остров, похитив кузнеца Торонтая, сына Геван-старика. А мое имя Куккумачан, средняя сестра — Дарпек по имени, а младшая сестра — Секак-красавица. Иркисмон средней земли, ты отъявленный мошенник; что же случилось, что сузилась твоя широкая грудь, укоротились твои длинные мысли (т. е. ум)? Ведь твоя грудная клетка велика и звучен твой голос? Что с тобой, от испуга (что ли) голос твой раздался во всех уголках трех Сибир-земель? Нашла-таки тебя, наконец, бессовестного разбойника! Мы прилетели из далекой обширной страны, одежда не вся еще износилась, но желудок-то наш голоден. Если ты говоришь: «Я тебя имел своей женой», то введя [нас] в свой дом, скорее покорми, если у тебя есть еда! Признаешь [ты меня] или нет, все равно не позволю отказаться от меня! А если откажешься, то в небе тебе не летать и по земле не ходить!».

Услышав это, Иркисмон средней земли сделал вид, что вспомнил забытое и выскочил на улицу, сказав: «И в самом деле она была моей женой». Выйдя на улицу, видит — три красавицы-девицы пришли. Одна из них в шелковой одежде, вторая в золотой, а третья в атласной, три сестры, дочери Геван-старика. Быстро подойдя, [Иркисмон] взял их за руки и повел в чум-утэн, посадил их в ряд на скамью о шести ножках, пододвинул свой четырехугольный серебряный стол и стал готовить блюдо из внутреннего сала самца-лося, топить сало с загривка медведя-зверя. Он нагромоздил на столе мясо разных зверей. Молодые девушки, прибывшие издалека, сидели за столом и ели, беседуя о том, о сем. Кончив есть, девушка по имени Куккумачан села напротив своих сестер и заговорила так:

— Киду-киду, кидуяр! — Сестры мои, Дарпек и Секак, красавицы, вы обе сейчас же возвращайтесь-ка домой, а то племянник ваш от скуки не даст покоя ни бабушке, ни дедушке. Придя к нему, скажите: «Нашли твоего отца, Иркисмона средней земли, они с матерью твоей прибудут через трое суток». В моей комнате в золотом ящичке есть три колоды карт, одну из них отдайте ему, пусть он играет до моего приезда. Я же понаблюдаю за Иркисмоном средней земли, узнаю его намерения и во что бы то ни стало уговорю его [вернуться], — говорит.

Вот сестры, услышав речь старшей, вышли на улицу, трижды перевернулись, превратились в белых птичек, взлетели ввысь и отправились домой.

После них оставшиеся прожили еще трое суток. На третье утро Куккумачан-красавица села напротив мужа и брата и заговорила так:

— Киду-киду, кидуяр! — Иркисмон средней земли, хозяином называемый хозяин мой и другом называемый друг мой, кузнец Торонтай, братом называемый брат мой, раскройте уши (букв.: двумя ушами внимайте, нутром слушайте), послушайте мой рассказ, своим нутром услышьте, поймите [его своим] разумом! До чего же вы похожи друг на друга, ничему не поражаетесь, оба хладнокровные. Если не считаетесь ни с моей родиной, ни со мной, то разве вы не хотите повидаться со своим сыном? После вашего [ухода] родился мальчик. Если хотите узнать, как его назвали и чем он славен, [то он] из имеющих уши — самый чуткий, из имеющих глаза — самый зоркий, Тогокомо-Чагилган по имени. Я даже за эти девять суток так соскучилась по сыну, что уснуть [бы] — не приходит сон, поесть [бы] — нет аппетита. Не смогу я никак жить в вашем доме. Ты, Иркисмон средней земли, последуешь за мной или нет? Если не пойдешь, останешься один, — брата кузнеца Торонтая я уведу. Если сейчас не пойдешь, все равно никуда не убежишь, что бы ни случилось, я выслежу твои следы, обойду все места, где ты побывал. Кузнец Торонтай, братом называемый брат мой, хотя ты и глух, и нем, мои вещие слова пойми ты разумом, услышь своим нутром! Пойдем же скорее на родину, — говорит.

Быстро выскочила на улицу, превратилась в белую птичку и взлетела ввысь. Иркисмон средней земли, слушая это, посматривал на друга. Кузнец Торонтай то ли услышал, то ли догадался, — вероятнее всего, понял [в чем дело]. Кузнец Торонтай трижды перевернулся, превратился в журавля, когтями одной лапы схватил семидесятисемипудовый молот, а когтями другой — тридцатитрехпудовые клещи. Иркисмон средней земли перевернулся трижды, превратился в серебряного журавля; и полетели [они] вверх вслед за Куккумачан-красавицей. Превратившись в крылатых птиц, они полетели по краю восьмого неба, под девятым облаком. Долго ли, коротко они летели — не знали. Лето по дождям,

осень по граду, зиму по снегу, а весну по пушистым снежным хлопьям узнавая, держали они путь.

Но разве они задержатся в пути? [Вот] приближаются к местам, где жил Геван-старик. Когда подлетали, показалось море, противоположная сторона которого не была видна, и в тумане его потерялась Куккумачан-красавица. Несмотря на это, Иркисмондя средней земли, говоря: «Давно исхоженные места нутром почую», двигался себе вперед. Окинул он взглядом противоположный берег, подумал: «Березняк», — оказалось стадо белых холощеных оленей; подумал: «Заросли тальника», — оказалось стадо новорожденных оленят, подумал: «Камни», — оказалось стадо коров, подумал: «Пни», — оказались лошади. У Геван-старика, оказывается, было много скота. Они опустились и, став людьми, пошли сквозь стадо. Идя, вгляделись и увидели впереди шестнадцатигранный деревянный дом. Подойдя к дверям дома, Иркисмондя средней земли заговорил так громко, что голос его прогремел по земле и прокатился по небу:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Дочери Геван-старика, откройте дверь, примите привет! Меня не бойтесь, думая: «Откуда родом-племенем мата, который, придя, заговорил». Я хорошо известный вам мата, хотя вы и называете меня бессовестным разбойником, а я средней земли Иркисмондя-мата. Быстро приготовьте мне богатырскую одежду и богатырскую еду! Скорее покажите моего сына, мы прибыли из далекой страны. Не задерживайте путника и не заставляйте ждать его! Хорош короткий разговор, хорошо быстрое передвижение! — говорит.

Когда он закончил свою речь, в доме раздался шум и заговорил сильный мата-богатырь.

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Матерью называемая мать моя, Куккумачан-красавица, тетей называемая тетя Секак-красавица! Кто это, придя, открыл рот? До чего же объемиста его грудная клетка. Такого громогласного я даже во сне не слыхивал, и слуху о нем не было. Сейчас же выпустите меня, [иначе] я сам выйду; если он убийца — буду биться с ним [насмерть]; если он людоед — мы быстро друг друга сожрем. Каков бы он ни был, я немедленно на него посмотрю, — говорит.

В доме, видимо, он вырывался из рук, тогда Куккумачан-красавица заговорила:

— Киду-киду, кидуяр! — Сынок мой, из имеющих уши — самый чуткий, из имеющих глаза — самый зоркий, Тогокомочон-Чагилган, подожди, успокойся, не вырывайся [из рук моих], наверное, прибыл отец твой, средней земли Иркисмон именуемый. Не торопись, ведь я тебе уже сказала, кто он, — уговаривала [она сына].

После этого женщины отпустили Тогокомо-Чагилгана. Открыв дверь, он стал целоваться с отцом и дядей так, что опухли губы. Правой рукой взял отца за руку, левой рукой дядю и повел [их]

в дом. Сев по углам четырехугольного стола, стали [они] разговаривать. Разговаривая, Иркисмон средней земли разглядывал своего сына. Разглядывая его внимательно, отец подумал: «Действительно, [из сына] вырастет ловкий и сильный мата! И правильно меня укоряла Куккумачан-красавица: „Жил ты и не знал, что имеешь такого хорошего сына».

В то время, как они разговаривали, женщины забили трех жирных быков, сварили [мясо] и нагромоздили [его] на три угла стола. Сидя друг против друга, мужчины ели, и Иркисмон средней земли внимательно следил за сыном.

Хотя его сын был ребенком, он ел, как настоящий богатырь. К примеру сказать, [кусок] черного мяса [величиной] с черного глухаря брал [он] в рот и проглатывал [его], когда тот становился с черного рябчика; положив в рот сало размером с зайца, проглатывал [его], когда оно становилось с куропатку. Не церемонился [он] и с костями быка: сахарную кость жевал с мясом, кости голеней ронял из углов рта, навар пил из семидесятисемипудового котла, взяв [его] за одну ручку, и пил до тех пор, пока громко не стукался лбом о верхний край котла, тогда только и видел [он], что навар кончился.

Когда они ели, со всех сторон стали сгущаться черные тучи, стали множиться белые тучи, набежали красные тучи, подул ветер, полил ливень, повалил снег и град, поднялся вихрь, грянул гром и чуть не повалил шестнадцатигранный деревянный дом.

После этого с левой стороны от двери с шумом пролетели две птицы и спустились, щелкнув когтями, [и превратились] в людей. Тогда один богатырь вышел справа из-за двери и такую речь произнес:

— Гине-гине! — Иркисмон средней земли, открой дверь и прими привет! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата?», то [скажу]: «[Я] житель верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, в серебряной одежде, сын солнца, Дергэлдин по имени». Если спросишь: «Зачем прибыл из такой дальней страны?», то скажу: «Я, приехал, думая о вашей громкой славе и о вашем добром имени. Но я испугался твоей двери». Если спросишь: «Кого испугался?», [отвечу]: «[Я] от рождения ни во сне, ни наяву не видел и слухом не слыхивал о таких матах: с одним глазом посреди лба, с одной рукой из середины груди, с одной ногой из промежности; это чужие маты или свои? Словно тени елей в лунную ночь, кто они: люди или авахи? Скажите! Ты ведь местный житель, выйди, спроси их, откуда они родом-племенем. Мы, два богатыря-аи, послушаем их. Вначале будет разговор с ними, потом поговорим между собой», — говорит.

Иркисмон средней земли, услышав эту речь, выскочил вон. Когда посмотрел на [стоящих у дверей] — действительно, от рождения не видел такого нечеловеческого обличья. Если сказать

«люди», — то они с одним глазом, с одной рукой, с одной ногой. Лишь посмотрел, как у него свирепая кровь хлынула к горлу, сердитая кровь ударила в глаза, злая кровь спустилась в колени, грозная кровь остановилась в горле, храбрая кровь собралась в кулаках, из обоих висков вылетело пламя, из десяти пальцев струйкой брызнула жидкая кровь; от злости чуть не разорвался в самом тонком месте, чуть не лопнул в самом широком; так разозлился, что от злости он вошел в мерзлую землю по колено, увяз в талой земле до бедер. После этого такую речь держал:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Кем бы вы ни были, маты, в знак приличия примите привет! Сначала — привет, потом — разговор! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, и почему навязываешься со своим приветом?» — [то отвечу]: «Я воин и богатырь средней земли». А вы откуда родом-племенем, какая главная нужда [вас привела] и для чего вы сюда прибыли? Если вы имеете имя, назовитесь скорей, по порядку расскажите, зачем приехали! — говорит.

Сидевший позади, толкая в спину друга: «Пришел разговаривать — разговаривай!» — говорит.

А ближе [находившийся] человек так испугался, что задрожала единственная нога [его] и лишился [он]дара речи. Но, несмотря на это, он все-таки сказал:

— Девир-девир, девирье! — Иркисмон средней земли, прими поклон-привет, потом — разговор! Если ты спросишь нас: «Откуда вы родом-племенем?», — [то мы] атаманы авахов, родившихся на нижней земле, прибыли мы с определенным умыслом! Если спросишь: «Ради чего вы приехали?» — [то] «Я пришел не по своей воле, силой старшая сестра привела». Мы прибыли, узнав о славе и известном имени вашей сестры Секак-красавицы. Но я, вероятно, вернусь на родину; назову-ка я свое имя: имя мое Хорон Девир, имя сестры — атаманша авахов нижней земли Баба Яга, с проволочными волосами в тридцать три сажени. Поговори сама, — обратился он к сестре.

Та начала со звоном расчесывать железным гребешком проволочные волосы. Брата оттолкнула, потом пошла навстречу Иркисмону средней земли и такую речь произнесла:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Иркисмон средней земли, прими поклон-привет! Если спросишь: «Ради чего, ради какой нужды пришли? — [то отвечу]: «Вот моему брату очень нужна семья, а он не имеет жены — нет у него подруги». Хотя и сделал вид, что испугался, но мы посмотрим, как он будет обнимать Секак-красавицу. Эй, держись, парень. Если я [у них] отберу [ее], ты все равно подойдешь [к ней]. Средней земли Иркисмон, густа же твоя кровь, и ты очень вспыльчив! Держись! Сейчас мы станем равными: раз я пришла сватать Секак-красавицу, то и возьму ее. Отдашь по добру или по здорову? Если уступишь добром, возьму по-доброму! Если по-худому, посватаюсь к тебе самому, — говорит.

Услышав такое, разве выдержит наш человек! Отвечает [он] ей так:

— Дынгдони, дынгдони, дэлэгой! — Атаманша авахов нижней земли Баба Яга! С каких пор ты загордилась? До чего же грубы твои слова и вид-то у тебя [страшный]. Вероятно, поэтому ты и одноглаза! Где ты видела, чтобы авахи женился на девушке [средней земли], имел бы от нее детей и разводил скот? Так ты поступаешь! Пока не пролилась моя кровь, пока не поломались мои прочные кости, пока не лопнула моя толстая кожа, по добру я не отдам [ее]. Помолчи-ка ты! Пока живое твое тело мы не разрубили, пока не заржавели твои железные кости, уходи по той дороге, по которой шла сюда! Хорошо, когда разговор краток, а путь недолог. Немедленно отправляйся назад, пока я своим сильным пальцем не вырвал главную аорту из твоей спины.

Сказав так, Иркисмон среднего мира стукнул ее кулаком по самому основанию уха. Баба Яга трижды перевернулась. Вот они схватились в рукопашную (букв.: кулаками из черного мяса): вдребезги разбивая сухие деревья, раздирая корье и ветви сырых деревьев, бугры ровняя с землей, ямы разрушая ногами, в талую землю увязая до бедер, в твердую землю проваливаясь по колена, бились они. Удары кулаков отдавались эхом в небе, удары пяток гремели по земле.

Во время битвы Хорон-Девир, испугавшийся богатырь, подходит к лучшему из гостей, почтенному из людей, одетому в серебро сыну солнца Дергэлдину, приехавшему из верхнего мира богатырю, и говорит ему:

— Девир-девир, девирье! — Богатырь верхнего мира, лучший из чужеродцев, почтеннейший из матов, сын солнца Дергэлдин, смотри-ка, что делают Баба Яга с Иркисмоном среднего мира, играют они или бьются — просто любо на них смотреть! А мы с тобой чем хуже их, а смотрим только на них; как ты думаешь, может быть, мы попробуем побиться? Я не думаю, что буду биться хуже моей сестры, и ты, наверное, не хуже Иркисмона среднего мира. Если согласен, подходи, не заставляй ждать путника, не задерживай странника.

Услышав эти слова, рядом стоящий человек [Дергэлдин] до того разгневался, что вытянулся на целую пядь, раздался в ширину на четыре пальца (букв.: кисти руки), из обоих висков брызнуло по десять языков пламени, с десяти пальцев брызнула струей жидкая кровь. Этот Дергэлдин заговорил так:

— Гине-гине, гинекан! — Авахи нижнего мира Хорон-Девир, до чего же грубы твои слова! Смеешься что ли, говоря: «Играют они или бьются?». С каких это пор вы стали свысока смотреть на людей среднего мира и говорить с ними так дерзко? Пусть будет по-твоему, но в смертный час не обижайся на меня, вини себя. Слово свое я выполню: если в груди твоей есть жидкая кровь, пролью ее, играючи, и дополню ею красные тучи, кости твои же-

лезные разбросаю по морским камням, умножая их; из ребер твоих поставлю остов [чума] и, поднявшись на снежную вершину горы, поиграю чугунной твоей головой, подбрасывая ее, как мяч.

Высказавшись, этот человек не стал долго медлить, подбежал к авахи и ударил голым кулаком прямо в основание уха. Сын авахи вскрикнул: «Татат!» — и трижды перевернулся. После этого они стали так биться, что задрожала земля и гром раздался в небе. Силы у них были равные. Трое или тридцать суток [они] бились — неизвестно. Бой между четырьмя равными богатырями принес ни с чем не сравнимые бедствия.

Если приглядеться к ним внимательно во время боя, то казалось, что Иркисмон среднего мира и Баба Яга равны по силе и никто из них не может победить. Хорон-Девир, сын авахи, за семеро суток битвы с Дергэлдином, как и должно было случиться с одноногим, начал припадать на колено, стал опираться рукой. И не прошло много времени, как помрачнел его разум — стал он бить по камням, принимая их за противника, стал обнимать большие валуны. Доведя [его] до такого состояния, наш герой, пришелец мата, сын солнца Дергэлдин, не давал ему прийти в себя, поднял его и, повертев на уровне нижних ветвей лиственницы, бросил [его] в землю на семь маховых саженей. Выдернул он из ножен нож шириной в четыре пальца и разом перерезал ему горло. Но разве может умереть авахи, не сказав ни слова, и вот он заговорил:

— Девир-девир, девирье! — Богатырь верхнего мира, сын солнца Дэргэлдин, ты, оказывается, прославился, недаром ты стал известен своим добрым именем. Я, будучи на родине, не думал, что кто-нибудь может одержать победу надо мной. Ведь вот родился же богатырь сильнее меня! Но все же ты в этом не повинен, виновна во всем моя старшая сестра. Я хотел жениться на своей младшей сестре, а она [Баба Яга] привела меня сюда насильно. И пусть ее постигнет такая же участь, как меня, преградите ей путь на родину. Прости, прощай!

Этот человек, убив сына авахи, к хозяевам дома пришел. [Но еще] остановившись на улице, стал прислушиваться и услышал, что мальчик по имени Чагилган с огоньками в глазах вырывается из рук. Удерживая его, тетушка Секак-девица так уговаривала:

— Кимо-кимо-кимонин! — Малыш ты мой, Чагилган с огоньками в глазах, постой же, послушай, ведь отец твой, Иркисмон среднего мира, силен и крепок, не даст себя победить. Богатырь верхнего мира, сын солнца Дергэлдин, давным-давно уже убил Хорон-Девира. Что же ты так беспокоишься, успокойся, не вырывайся из рук! Ведь ты еще молод, придет и твой черед биться с разными людьми, успокойся, подумай!

К этому времени исполнился уже год, как начал биться Иркисмон среднего мира и атаманша авахов Баба Яга. За этот год атаманша авахов Баба Яга билась хитро и коварно: она царапала и

раздирала тело Иркисмона. У Иркисмона среднего мира сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, наступил его смертный час. В это время ветер понес его вещие слова к человеку, вошедшему в дом. А сказал он так:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгой! — Горе, несчастья мои, как плакать хочется! Трудно стало дышать мне, надломлена моя гордая воля (букв.: долгий ум мой укоротился) — атаманша авахов нижнего мира, страшная Баба Яга, хитростью своей вот-вот заставит меня покинуть мою милую землю! Настала минута, когда она растопчет своей грязной ногой нашу милую землю, как будто воду взболтает в берестяной посудине. Богатырь верхнего мира, сын солнца Дергэлдин, задумайся над моими вещими словами, послушай внимательно! Вы с моим сыном Чагилганом с огоньками в глазах не беспокойтесь пока за меня. Сначала будут биться старшие, мы с кузнецом Торонтаем. Когда нас уничтожат, что станете делать [сами решите]. Кузнец Торонтай, хотя ты и глух, и нем, прислушайся внимательно, подумай над моими вещими словами! Какова твоя сила, приди, попробуй помочь мне, спаси мою душу-дыханье, — говорит.

Кузнец Торонтай то ли услышал, то ли догадался: закрывая свою дверь на восемь замков, крикнул так пронзительно, что прогремело по земле и погрохотало по небу. Схватив свой семидесятисемипудовый молот, подбежал к бьющимся. Подбежав, сразу же поднял свой семидесятисемипудовый молот и, нацелившись со словами: «Ударю-ка Бабу Ягу по голове, чтобы размозжить ее», ударил авахи. Та увернулась от удара, и кузнец стукнул молотом по голове Иркисмона, разбив (ее). После этого он бросил молот и стал биться с авахи голыми кулаками. Старик бился наравне с Бабой Ягой. В это время дома Чагилган с огоньками в глазах, до сих пор вырывавшийся из рук тети и матери, заговорил:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Мать моя родная, тетушка моя, ох, досадно же мне, досадно! Уже не стало слышно моего отца, вы, не пуская меня раньше, позволили убить [Бабе Яге моего отца]. Секак-девица, тетушка моя, хотя ты и молодая девушка, но держишь меня очень крепко, даже сжала мои ребра. Какая от меня одного польза, если даже останусь в живых! Теперь уж я никого не пощажу. Ну, берегитесь-держитесь. Вот-вот я отброшу трех девиц в три стороны, словно комаров! Сказав так, он разбросал девиц на три стороны.

Запертую на восемь замков дверь он пнул ногами, и дверь разлетелась на восемь частей. Так парень вырвался [из рук]. Выйдя, побежал к отцу. Подбежав, он увидел: отец уже давно убит. Чагилган с огоньками в глазах заговорил:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Кузнец Торонтай, дядя мой, хотя и глух, и нем, подумай над моими вещими словами, послушай внимательно, быстро отстранись: пришел я, сын Иркисмонди средней земли, Чагилган с огоньками в глазах. Я с ней [с Бабой Ягой]

тальником с оврага испытаю свою судьбу, красным тальником перебьем друг другу позвоночники. За какую большую вину она обидела Иркисмона средней земли? Я взыщу с нее, пролив ее черную кровь, взыщу с ее черного тела! Эх, как досадно! Какая польза тебе [Баба Яга], если даже съешь немощных, старых матов, зачем преследуешь ты старереньких! Со здоровым телом и чистым салом пришел я, молодой богатырь, — говорит он.

После этого молодой человек ударил Бабу Ягу прямо в основание уха. Баба Яга отшатнулась назад на три шага. Кузнец Торонтай посторонился, а в это время Баба Яга пнула его так, что перебила ему правую ногу. Чагилган с огоньками в глазах и Баба Яга стали беспощадно биться голыми кулаками, и удары кулаков раздавались по небу, стук пяток отдавался по земле. Долго ли бились они — не запомнили, коротко ли бились — не знали. Наш человек своей мощью мог бы легко победить, но атаманша авахов знала разные уловки: она тридцатитрехсаженными волосами скручивала руки, ноги и железными когтями раздирала здоровое тело [Чагилгана].

Молодой человек стал быстро слабеть, настал день [его] поражения, сузилась его широкая спина, укоротился длинный ум. После этого он обратился к прибывшему человеку [Дергэлдину] с вещим словом, держа такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Богатырь верхней земли, сын солнца, Дергэлдин именуемый, друг мой, мои вещие слова впитай в себя, раскрой свои уши: Баба Яга, авахи, прибывшая, чтобы преследовать нас, хотя и не очень сильна, но очень хитра. Приди скорее, помоги! Все-таки вдвоем нам будет лучше. Тридцатитрехсаженные волосы, вероятно, заколдованы: как только заденут руку или ногу, сразу врезаются в тело. Настал мой смертный час! Покажи свою силу, приди, спаси мою душу, — говорит.

Услышав это, тот человек [Дергэлдин] прибежал, не чуя под собой ног, и ударил Бабу Ягу кулаком так, что та трижды перевернулась. Но Баба Яга ничуть не оробела перед двумя богатырями: «Пусть вас будет и двое!» — сказав [так], начала биться с двумя богатырями-*аи*. Но и она почему-то стала слабеть. Эта авахи, как только почувствовала, что ослабевает, опутала их руки и ноги тридцатитрехсаженными волосами и, не давая опомниться, утащила в сторону захода солнца.

А наши люди подумали: «Наконец-то [мы] одолели, надо добить ее». [Но] они поняли, что ноги и руки их связаны, а глаза окутаны туманом. Тогда коварная Баба Яга начала говорить такие слова:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Имеющий отцом Иркисмона средней земли, имеющий матерью Куккумачан-красавицу, с огоньками в глазах Чагилган, ты ведь еще ребенок и не выдержишь! Возвращайся на родину, пока она близка! Если сейчас не вернешься, подвергнешься страшным мучениям, узнаешь предел горя.

Если ты и останешься жив, я притащу тебя и брошу в такое место, откуда уже не сможешь вернуться на свою родину. Если намереваешься идти со мной, не обижайся на меня, пеняй на себя! Потом не говори, что я [тебя] не предупредила. Если сын солнца Дергэлдин-богатырь намерен тягаться силой со мной, пусть попробует пойти. Если пойдет со мной, заставлю его сущить мои стельки, сделаю его своим водоношей и дровосеком. Если он не против этого, пусть идет. Я больше не буду уговаривать [вас], чтобы вы возвращались. Вы оба слышали, знаете обо всем, пойдете — дело ваше. — Лавир-лавир! — говорит.

Услышав это, наши люди, еще больше обозлясь, не отставая, так и гнались за ней. Узнавая лето по дождю, осень по граду, зиму по снегу, весну по пушистым снежным хлопьям, они шли и шли. Три ли месяца, три ли года шли — не знали. Как вела их Баба Яга, никто, не знает: если сказать: «По земле идем», — то пятки их земли совсем не задевали, если сказать: «Летим по небу мы», то ведь не было у них крыльев; какими уловками, какой хитростью вела их [Баба Яга], никто не знает.

Идя так, они вдруг почувствовали, что сидят друг против друга на островке в море. Откуда шла коварная Баба Яга и куда она ушла, доведя их до морского тумана, они не поняли. Подумали они: «О горе горькое! Какая досада, какое огорчение! После всего этого, если бы мы, убив атаманшу-авахи, сами умерли бы, то не огорчились бы! Как же мы теперь дойдем до своей родины?». И сузились их широкие спины, укоротились их длинные мысли. Когда осмотрели они друг друга, оказалось, что [на них] не оставалось живого места, от столь дорогой им одежды почти ничего не осталось: рукавицы засохли, остались [обрывки] лишь на кончиках пальцев, остатки шапок держались только на макушках [их] голов: если посмотреть [на них] сбоку, то лохмотья держались лишь в ямках подмышек.

Находясь [на одном месте], умереть уж очень обидно. Думая: «Хотя бы попробовать уйти недалеко», пошли они обратно. В пути им преградила дорогу отвесная скала, на которую не удавалось вскарабкаться ни одному зверю, имеющему когти. Разве же коварная Баба Яга оставит их там, откуда можно вернуться! Они лежали у подножия этой скалы, под двумя елями, закрыв лицо ладонями, думая: «Когда же наступит смерть?». Истощенные люди, как только легли, начали засыпать. Слух Чагилгана был и теперь еще чутким, во сне он услышал звук каких-то слов чьей-то речи. Он сел и послушал: наверху оказывается слышна речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Ох, как далеко! Может быть, Баба Яга бросила на морскую гальку хоть одну кость моего бедного племянника, называемого Чагилганом с огоньками в глазах? Кроме всего этого, пропал и сын солнца Дергэлдин, богатырь верхней земли, запутавшийся в ее волосах. Кто же услышит мой плач?

Племянником называемый племянник мой заговорил бы, если был бы жив, понял бы разумом и почувствовал бы нутром своим мои вещие слова! В какой же стране найду их кости? Нашлись хотя бы их кости, я не оставила бы их на земле авахов, — говорит.

Услышав это, Чагилган с огоньком в глазах такую речь произнес:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Тетей называемая тетя моя, младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, а ты-то из-за чего же терпишь мученья, как и мы? Зачем прибыла и какая польза тебе, если даже ты найдешь наши кости? Теперь мы никому не нужны, остались [у нас] лишь кожа да кости и дыхание. Все-таки, хотя ты и молодая девушка, [но] очень храбрая, какой хитростью ты добралась до этой страны? Ты сама утешишься, что вернулась, повстречавшись с нами, застав нас в живых. Если бы мы убили своего врага, не стали бы горевать, что сами умираем. Приди, посмотри на наш вид своими глазами, попрощайся с нами и возвращайся! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица перевернулась несколько раз на скале, [под которой они лежали], превратилась в человека, привязала к концу своих семидесятисемисаженных шелковых волос два красных яйца и спустила их к ним. Опустив, она заговорила так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый, племянник мой, Чагилган с огоньками в глазах, вас обоих я застала в живых. Возьмите эти яйца, съешьте их, зацепитесь оба за концы моих волос, а я подниму вас на эту скалу. Вы, как и я, не падайте духом. Обычно говорят, что мысли молодых людей бывают тверже камня. Соберитесь с духом и зацепитесь за мои волосы, — говорит.

Эти люди, услышав [ее слова], вынули из волос девушки яйца и съели. Их глаза чуть-чуть посветлели, спины чуть-чуть расширились, мысли их стали яснее.

После этого трижды обернули [они] себя волосами той девушки. А девушка их подняла на скалу, не останавливаясь нигде. Подняв, подумала: «Ну-ка, посмотрю [на них]». Похудев, они стали страшными: на них почти не осталось ничего, что можно было бы назвать одеждой, на их теле не было живого места, кости держались лишь на суставах, остались лишь мышцы живота. Посмотрела [Секак] на этих людей, и из глаз ее закапали слезы, каждая с кружку. Тогда она повела такую речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, Чагилган с огоньками в глазах, Дергэлдин, сын солнца, вы же храбрые молодцы, мысли ваши крепки, не плачьте, подобно мне, оставайтесь. До родины очень далеко: прыгающий по земле четвероногий зверь, только трижды родив, сможет достичь ее; летающая на крыльях птица-зверь, трижды снесши яйца, сможет достичь ее. До родины добирайтесь за три года, на меня не оби-

жайтесь, говоря: «Оставила». Я, отрезав половину моих волос, отдаю их вам, а вы, делая из них петли (букв.: скручивая их), ловите мелких зверей и, питаясь ими, постепенно добирайтесь до родины. Я очень спешу на родину: после вас у Куккумачан-красавицы родился мальчик. Если спросите, каково его звучное имя, какова его громкая слава, то полное имя его имеется во всех трех Сибир-землях. В нижнем мире он именуется Сэнгэкчон, при приближении Сэлэргуна просыпающийся, на средней земле его называют после рождения завернутый в рукавицу Коколдокон, а на верхней земле он стал ездящий верхом на богатырской птице Монгноникон-богатырь. И прости, прощай! — говорит.

Затем эта девушка несколько раз перевернулась, превратилась в стерха-птицу и полетела на родину, свистя крыльями. Эти люди пошли вслед за девушкой. Петлями из волос девушки добывая мелких зверей, идут и идут. Верно, они оказались очень далеко [от дома]; они и не заметили, как прошли огромную незнакомую страну. Все эти три года они ежедневно шли и шли.

К сожалению, от одних-то мелких зверей большой пользы не было, шли впроголодь и в пути снова похудели. Думая сделать шаг вперед, отшатывались назад. Раз прилегли они отдохнуть на проталинках двух кочек, закрыв лица обеими руками. Когда они лежали, откуда-то послышались звуки речи, говорили так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Как же долго не приходят те слабые, хилые люди! А время прихода-то уже настало. Горе мне, плакать хочется! Вот скоро исполнится три года с тех пор, как начал меня преследовать атаман авахов нижней земли авахи, необыкновенный богатырь, четырехгранный Сэлэргун-Сэвэендя. А ведь у моего бедного племянника еще не окрепли суставы, и тело его еще не возмужало. Сестрой называемая сестра моя, хоть на один год ради меня отвлеки атамана авахов, пришел мой конец. Пока не придут мужчины, разными хитростями отвлеки его внимание, — говорит.

Сказав так, выдернула несколько волос с головы и бросила в дымовое отверстие своего шестнадцатигранного деревянного дома. Лишь только появился дым от волос, открылась дверь, [и] она, сама став дымом, смешалась с дымом волос и проникла в дом. Сестра ее Дарпек-красавица выскочила ей навстречу. Перекувырнулась несколько раз и превратилась в белую птичку. Когда атаман авахов, превратившись в орла, приближался, свистя [крыльями], в огненном вихре, перед ним мелькнула белая птичка. Страшный атаман авахов с шумом (букв.: гремя) полетел вдогонку ей.

После этого те наши люди [Чагилган с огоньками в глазах и Дергэлдин], воскликнув: «Горе-горькое, досада какая!», встали и тронулись в путь. Идя из последних сил, добрались до дому.

Придя домой, богатырь с огоньком в глазах, именуемый Чагилган, завел такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Дочери Геван-старика, матерью называемая мать моя, Куккумачан-красавица, тетушкой называемая тетушка моя, Секак-красавица, открыв дверь, примите привет! Вначале — привет, потом — разговоры! Если спросите, откуда родом-племенем мата пришли, [то] пришел я, с огоньками в глазах [Чагилган]; пришел Дергэлдин, сын солнца. Мы хотя и пришли, но от нас остались одни тени, какая польза от нас! Не радуйтесь, думая, что мы пришли спасать ваши души! Приготовьте богатырскую еду и богатырскую одежду! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица открыла дверь и за руки ввела обоих в дом. Посадила [их] на четырехногие серебряные скамьи. Выйдя во двор, раза два подозвала [оленей]. В тройную изгородь длиной в три кочевки полностью набилось стадо холощеных оленей в триста тридцать три головы. Из них выбрала двух оленей и забила. Быстро приготовив [еду], стала кормить своих людей. А те до того похудели, что даже еда не шла им [в горло]. Хотят они разговаривать, а речь пропала. Пробуют есть — не могут, не могут и сил набраться.

Секак-красавица переживала [видя это] и мучилась, думая, как бы помочь, какую бы хитрость придумать — только хитростью можно было восстановить их силы. После этого однажды утром молодая девушка вошла в ограду и начала ходить, осматривая своих оленей.

В это время к священной коновязи, оканчивающейся тремя ответвлениями, прилетел один ворон. Сев [на коновязь], начал всматриваться, наклоняя голову вниз. Секак-красавица подошла к коновязи. Остановилась под вороном и, глядя вверх, так заговорила:

— Кимо-кимо, кимонин! — Говорили, что в старину жил ворон — дед с неустающими крыльями, и он выполнял поручения людей средней земли. Вероятно, и ты такой же? [Вначале] прими привет, а разговор будет потом. Я сейчас очень озабочена: люди мои до того похудели, что нет надежды на их выздоровление. Отправляйся в путь, найди живую воду и принеси мне! Сделай [мне] добро, за помощь [я] отплачу, отдам тебе все, что ты сам пожелаешь. Ну, говори скорее, что ты хочешь взять, сообщи, что ты думаешь! — говорит.

Ворон-дед посмотрел туда-сюда, моргая глазами, помотал головой, помахал крыльями и повел такую речь:

— Калдым-калдым, калдымкой! — Младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, сердечный привет! Я хорошо знаю, где эта живая вода, но она [находится] очень далеко. Я бы принес ее, если бы ты отдала мне, выбрав [из табуна], самых лучших тридцать три холощеных оленя, — говорит.

— Ну, неси быстрее, к твоему приходу я приготовлю, — отвечает [она].

И ворон полетел туда, где заходит солнце, свистя крыльями. «Если бы был [я] молод, то вернулся бы через дважды семь ночей. Теперь же я стар и прибуду через дважды девять ночей», сказав [так, он], отправился в путь.

Затем эти люди жили и жили и никак не поправлялись даже от самой хорошей еды. А дважды девять ночей пролетели незаметно, в назначенное утро ворон-дед, прилетев, опустился на одну лиственницу в ограде и заговорил так:

— Калдым-калдым, калдымкой! — Младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, выполнил я твое поручение. Принес я белое яйцо, восстанавливающее тело похудевшего человека, принес и голубое яйцо, укрепляющее больные суставы, а также красное яйцо, восстанавливающее силы ослабевшего человека. Ими оживите их, смазывая тело и давая пить. Я сильно проголодался, скорей забей холощеного оленя! — говорит.

После этого Секак-красавица забила самого лучшего холощеного оленя и бросила, вспоров ему брюшину. Взяла яйца, внесла их в дом и стала лечить ослабевших людей, смазывая [их] тела и давая принимать во внутрь. И те с каждым днем совершенно преображались, уж очень быстро восстанавливались их тела, вливалась сила, и они становились людьми с еще лучшей, чем прежде, осанкой.

После этого Куккумачан-красавица, вспомнив своего другом называемого друга Иркисмо средней земли, собрала его кости, уложила, приложила суставы к суставам, в медную люльку, сделанную кузнецом Торонтаем, и, смазав их красной живой водой, оживляющей человека, туго перевязала их, люльку взяла на колени, укачивая ее, завела такую речь:

— Киду-киду, кидуяр! — Богатырь средней земли, именуемый Иркисмо, мата, другом называемый друг мой, господином называемый господин мой, мои вещие слова пойми разумом, раскрой уши, почувствуй нутром! Если спросишь: «Какая молодая девушка речь завела?», то я [отвечу]: «Твоя подруга, Куккумачан-красавица». Раньше и я, когда растущую свежую лиственницу от вершины до корней проклинала своими тяжелыми словами, то она высыхала. Когда же добрыми словами благословляла от корней и до вершины, высохшее дерево, ожив, становилось зеленой лиственницей. Когда же благословляла пожелтевшую траву с основания до верхушек, она, ожив, становилась растущей травой. Когда же растущую траву проклинала, она высыхала. Таким образом, хотя ты и умер, настало время тебе воскреснуть! Если же ты уснул, пора тебе уже вставать! Баю-баю, баюшки! Если мои волшебные слова действительно волшебны, сделайся человеком, покажи себя, очень быстро воскресни, если можешь воскреснуть! Тебе — воскресение, мне — благословение!

Сказала и бросила медную люльку на пол так, что та трижды перевернулась и раскололась на три части. Иркисмо средней земли,

став самим собой, быстро вскочил на ноги и повернулся своим широким лицом, встретился со своими, как и раньше, поздоровался, целуя и жену, и сына.

А после этого девушка, Дарпек-красавица, которую преследовал атаман авахов Сэлэргун-Сэвэендя, теряя силы, приблизилась и заговорила такими словами:

— Евэр-евэр, евэрье! — Дочери Геван-старика, старшая сестра с младшей, сначала — привет, потом — разговоры! И племянник мой, с огоньками в глазах Чагилган, богатырь верхней земли Дергэлдин, вы оба, тоже здравствуйте! Если спросите меня: «Как странствовала?» — [отвечу]: «Едва вернулась, приходит мой конец: Сэлэргун-Сэвэендя, догнав, вот-вот убьет меня. И заступившись за меня, не сможете [меня] спасти; защищая меня, не сможете уберечь от смерти. Я умираю на площадке поединков, оборудованной дядей кузнецом Торонтаем. Потом пойдете по моим следам, а теперь смерть — моя судьба, поэтому прости, прощай надолго!» — говорит.

Потом эта девушка, обернувшись человеком, оказалась на медном поле окружностью в три кочевки. Став человеком, она перевернулась несколько раз и превратилась в горностая, кувыркаясь, пробила медное поле и упала в отверстие. Тот атаман авахов Сэлэргун-Севэендя, гонясь за ней, опустился следом за ней, превратился в человека. Став человеком и, преследуя ее, наступил кончиком большого пальца ноги на отверстие, куда вошел горностай. Тогда горностай укусил за большой палец авахи. Тот, испугавшись, вскрикнул: «Татат!», хотел пнуть, растоптать [ее ногами], но упал на колени, так, что они треснули.

После этого Дарпек-красавица выскочила в это отверстие, стала человеком и начала биться с сыном авахи. Разве авахи не осилит ее: схватил девушку и бросил ее так, что голова [ее] раскололась на три части. Он даже не оглянулся, сразу же стал пожирать девушку — видимо, сильно проголодался. Видя это, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь бежал [к ней]; прибежав, произнес такие слова:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Атаман авахов нижней земли, четырехгранный Сэлэргун-Сэвэендя, для приличия прими привет, а потом будет разговор без конца и края! Если спросишь меня, откуда я, мата, родом-племенем, скажу — я богатырь средней земли, с огоньками в глазах Чагилган — имя мое. А ты за какую тяжкую вину преследовал эту молодую девушку в течение трех лет и так поступил с ней у меня на глазах? За ней нет вины: мы, кажется, не переступали твой длинный путь, и нет за мной греха: не топтал я землю, по которой ты ходил. И какой прок от того, что ты съешь девушку, которую истощило твое преследование! Так ты пренебрегаешь мной! В отместку за твое пренебрежение, за этот твой поступок я взыщу с [твоего] тела и крови. Я выдерну указательным пальцем твою становую жилу, железные твои кости

разбросаю по морским камням, чугунной твоей головой, как мячиком, поиграю на ледяной горе, поиграю и жидкой кровью твоей, разбрызгивая ее на небесную радугу и тем дополняя ее еще одним цветом.

Но сын авахи даже не обратил внимания на слова человека и «эх» не сказал в ответ. Не посмотрел на него, подумав, что это говорит какое-то животное. Не остановился: он как грыз тело девушки, так и продолжал его грызть. Этот человек [Чагилган] подбежал, подумал: «Еще разговор нужен ему!» — и стукнул кулаком его прямо в основание уха. Сын авахи вскрикнул: «Татат!» и заговорил так:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Отцом имеющий богатыря средней земли и матерью дочь Геван-старика Куккумачан-красавицу, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь, откуда я, мата, родом-племенем, отвечу: «Я на нижней земле единственный царь, улусный голова, князь четырехгранный Сэлэргун-Сэвэендя!». Если же спросишь, зачем я пришел, [то] я пришел сватать твою тетку Секак-красавицу. Когда мне был еще год, она должна была стать моей швеей, когда мне было два года — домохозяйкой, когда стало три — она должна была стать суженой, подругой, об этом пришел я договориться. Отдашь или нет, быстро ответь, по доброй ли воле или по злой отдашь, скажи: а отдашь ты или нет — все равно возьму. Ха-ха-хак!

Наш-то человек и не стал ответ держать на его слова. Тотчас же стал бить его голыми кулаками в основание уха, кружась вихрем вокруг него. Сын авахи попятился назад, отступил на три версты. После этого рассердился так, что сгустилась его черная кровь, ударила в глаза сердитая кровь, прилила к горлу злая кровь, спустилась в живот свирепая кровь, хлынула в горло густая кровь. Ринулся он к нашему человеку, засучив рукава, обнажил бугристые предплечья рук, словно сосны с расщелинами, сжал кулаки с голову двухлетнего лося и начал ожесточенно бить ими. Звук ударов двух сильных богатырей начал раздаваться, загремел стук пяток по земле.

Иркисмо средней земли, ожив, пожил всего лишь несколько ночей, потому что еще не набрался сил, и, не выдержав стремительности битвы своего сына, умер во второй раз.

Эти богатыри бились, не уступая друг другу. Они бились без передышки в течение трех суток, и наш человек снова не выдержал. Сын авахи не дал [Чагилгану] долго биться: когти авахи покрылись кровью, запачкался в крови и рот — он начал раздирать на куски тело богатыря, порвал его толстую кожу. У нашего человека сузилась широкая грудь, укоротились длинные мысли. Тогда он произнес такие слова:

Голдыр-голдыр, голдырмой! — Богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин, друг мой, мои вещие слова пойми разумом,

почувствуй нутром, раскрой свои уши! Пришел день моей смерти, сузилась широкая грудь моя, укоротились мои длинные мысли! Приди скорее, спаси мою жизнь! — говорит.

Тот человек [Дергэлдин], услышав это, проученный еще раньше, не стал мешкать, прибежал во всю прыть. С давних времен у него была обида на племя авахи. Не стал он говорить ни добрых, ни худых слов: голым кулаком стукнул [авахи] прямо в ухо. Сын авахи лишь дрогнул слегка. (Чагилган с Дергэлдином) вдвоем начали биться с сыном авахи. С огоньками в глазах (Чагилган-) богатырь отскочил в сторону. После этого сын солнца Дергэлдин с сыном авахи бились, не уступая друг другу. Долго ли, коротко ли бились — не знали. В твердой земле увязая по колена, в мягкой земле проваливаясь до бедер, упираясь лбами в стволы растущих деревьев, выдирая их с корнями, а высохшие деревья разбивая в щепки, бились они. Они в течение девяти суток бились без передышки. Потом они взялись за плечи, уперлись друг в друга лбами, постояли неподвижно, отдыхая. Если посмотреть, кто же из них ослабел — у нашего человека задрожали суставы, затряслись кости, участилось дыхание, сузилась грудь. Будучи раньше проученным, он начал такую речь:

— Гине-гине, гинеканин! — Дочери Геван-старика и друг мой с огоньками в глазах Чагилган, ну, держитесь-берегитесь! Я, побившись в течение девяти суток, опять не выдержал, горе мне, плакать хочется! Сейчас некого нам звать на помощь (букв.: приводить сюда). Не отпустите ли вы своего сына по имени Коколдокон, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях? Сыну авахи осталось только свободно разрушить наш очаг и потушить огонь. Мы сами все равно не в силах сопротивляться, а человек, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, может быть, владеет каким-либо даром. Оказывается, авахи такой мата, которого нельзя одолеть, если биться честно.

Услышав это, Секак-красавица выпустила младшего родственника, именуемого Коколдоконом, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях. А посмотреть-то на него — то от его внешнего вида можно [было] только разочароваться: без всякого преувеличения — шел маленький человек с рукавичку. Подходя, повел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Братом называемый брат мой, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, сначала — привет, потом — разговор! Если спросишь меня: «Откуда я родом-племенем», [скажу]: «Мой отец — Иркисмондя средней земли, моя мать — Куккумачан-красавица, мое полное имя имеется во всех трех Сибир-землях: на нижней земле я называюсь быстро чувствующим [приближение] Сэлэргуна Сэнгокчон-богатырем, на средней земле называюсь Коколдоконом, на верхней земле ездящим верхом на богатырской птице Мэнгноникоиом. Вы с богатырем верхней земли, сыном солнца Дергэлдином, хотя ростом

и велики, но мыслей у вас (в грудной клетке) мало, в голове мозг жидковат; как же вы решились осилить голыми кулаками ни с какой стороны неуязвимого чугунного мату и ни за что [вы] подвергли опасности свои головы, зря предали свои тела и кровь. Ну-ка, посторонитесь! Секак-красавица, теткой называемая тетка моя, раскрой уши для моих звонких слов, очень быстро найди стодесятипудовый чугунный мяч дедушки Геван-старика. Сначала позабавлюсь с ним [с авахи] тем мячом.

Секак-красавица отыскала старинный стодесятипудовый чугунный мяч отца. Парень, Коколдоконом именуемый, подбежал к мячу [больше его по размеру] и вытащил мяч, увязший в земле до половины. Вытащив, встал за ним, и не видно [было], что за мячом стоял человек. Тем не менее, он одним взмахом бросил его на ближний край места битвы.

После этого атаман авахов повел такую речь:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Чагилган с огоньками в глазах, племянник жены моей, смотри-ка смотри, ох, как смешно! Этот паренек, хотя ростом и с птичку-чечетку, но до чего же смелы его мысли; хотя ростом он и с ласточку, но до чего же тверды его мысли! Ведь его и не видно из-за мяча, а он подбрасывает такой большой мяч. Но, несмотря на все это, я все-таки женюсь на Секак-красавице. После всех моих побед разве выдержит этот человек? За то, что не захотели отдать [ее] добром, я, играючи, раздую ваш пепел и разрою очаг! Заранее готовьте свадьбу! Ха-ха-ха-хак!

После этого наш человек Коколдокон-богатырь угрожающе приблизился к сыну авахи, подбрасывая мяч свой, и заговорил:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Авахи нижней земли Сэлэргун-Севэендя, уже не слишком ли [много] ты смеешься? Чтобы ты смеялся еще сильнее, брошу-ка я мяч. Руками поймаешь или ртом? Если ты действительно храбрый богатырь, поймаешь ртом. Встань-ка на тот край этого медного поля окружностью в три кочевки, открой-ка рот! Если поймаешь ртом, попробуем силы другим способом. Берегись — идет оружие, приготовься летит стрела! — говорит.

— Ха-хик! И мяч-то не сможешь поднять! сказав, он [авахи] вышел на дальний край поля.

Этот Коколдокон бросил мяч. Мяч летел, грохоча, как гром, сын авахи разинул рот, чтобы поймать его. Мяч пролетел; подумав: «Поймаю-ка», авахи поймал [его] ртом, но мячом был сдвинут в сторону на три сажени и присел. Железные зубы, похожие на заржавевшее кайло, раскрошились, нижние зубы он проглотил, верхние выплюнул. После этого он взял мяч, собираясь бросить им в Коколдокона, [и] заговорил:

— Кэнгэрдонин, кэнгэрдо! - Коколдокон средней земли, по сравнению с братом ты очень хитер, ты, оказывается, с разными уловками, мата! До чего силен его бросок! Ох, как больно, горе

мне! Теперь брошу я, лови ртом, как я, докажи свою удаль! С огоньками в глазах Чагилган-богатырь, хитрец Коколдокон решил помешать моему намерению. И все-таки я его убью сейчас же. Для этого достаточно, если я брошу в него этим же мячом. Берегись — идет оружие, приготовься — летит стрела! — говорит.

Коколдокон говорит ему:

— Атаман авахов нижней земли, напрасно не хвастайся, что поймал [мяч] ртом, зубы твои все выпали — не смог ты поймать [мяч], ты такой же средней силы богатырь, как и я. Я хотя и средней силы богатырь, но поймаю мяч руками, если бросишь, — говорит.

Сын авахи с силой бросил мяч, который, свистя и грохоча, полетел к Коколдокону. Коколдокон ловко поймал его обеими руками. После чего заговорил:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Сэлэргун-Севэендя, ты хоть и посредственный воин, а попробуй поймать руками [мяч], как я. Если не поймаешь, то без единого слова, пока цел, обратишь свои взоры в обратный путь! — говорит.

Сказал и бросил [мяч] еще сильнее, чем в первый раз. Мяч полетел, свистя и громыхая. Сын авахи поймал [его] руками, но мяч выкатился [у него] из рук и, попав в печень, разорвал ее пополам. Сын авахи отрыгнул печень и прокусил ее, часть проглотил, часть выплюнул. После этого он сказал:

— Кэнгэрдонин-кэнгэрдонин! — Ох, больно мне, горе мое горькое! Хитрый оборотень, Коколдокон-богатырь, ты нарочно обманул меня, сделавшись ростом с рукавицу, смотрите, как издевается он надо мной! Для мужественного юноши не страшны ни чугун, ни камень. Теперь подходи открыто сам, попробуем побиться голыми кулаками! Если победишь без всяких хитростей, тебе самому будет приятно. Без всяких превращений подойди сам открыто сию же минуту! — говорит.

После этого Коколдокон подумал: «В таком состоянии он, а еще упорствует». Сильно рассердившись, быстро оделся в свой удобный медный панцирь и подбежал к нему. Носясь вихрем, немедленно начал бить его своими голыми кулачками. Сын авахи, хотя и [был] силен, но размахивал [кулаками] впустую, не попадал в него.

Наш человек [был] хоть и очень мал, но ловок. Когда [авахи] думал, что он находится внизу — тот оказывался наверху; когда [авахи] казалось, что он подскочил кверху — тот нагибался; когда казалось, что справа — [Коколдокон] подбегал и бил [его] слева. Авахи думал: «Слева находится», — а тот, подбежав справа, бил [его]. Коколдокон-богатырь, казалось, бил только один, ни разу не попадая под удары кулаков сына авахи, — бой шел односторонний.

После этого, доведя [авахи] до такого состояния, разве даст он ему опомниться? Сразу же бросил его в мерзлую землю на

семь саженей. С наружной стороны правой ноги выдернул [из ножен] свой ножичек длиной в четыре пальца.

Сын авахи говорит:

— Кэнгэрдонин, кэнгэрдон! — Коколдокон средней земли, оказывается, ты не зря прославился, не зря имеешь полное имя во всех краях трех Сибир-земель, ты победил даже такого человека, как я. Я за свою жизнь убил девяносто девять богатырей, сотым оказался ты, [но], будучи сильнее меня, обесчестил ты мое имя, развеял мой пепел, разрыл мой очаг! Ты стал таким человеком, которому никто не может противостоять. Навсегда прости, прощай!

Этот Коколдокон, трижды обвив вокруг руки проволочные волосы авахи, оторвал ему голову. Подбежал к одному гольцу и стал играть, подбрасывая голову выше горы. Ребра вырвал так, что те отделились от позвоночника, и поиграл ими, составляя из них остов чума, мозговыми костями поиграл, раскладывая их на морских наносах. После этого зашагал маленький человечек. Идя, завел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Дочери Геван-старика, матушка Куккумачан-красавица, тетушка Секак-красавица, брат с огоньками в глазах Чагилган-богатырь, откройте дверь, примите привет! Если спросите: «Как странствовал?» — [отвечу]: «Я быстро расправился с вашим ненасытным людоедом, настоящим разорителем, сыном авахи. В поединке с ним [померяться силами] я хотел, он нисколько не сопротивлялся: бросил [я] мяч — он, не поймав, присел, предложил поймать руками — не поймал, и мяч ударом рассек ему печень. Будучи таким слабым, [авахи] думал выдержать в битве, и поэтому странствовал по трем Сибир-землям и еще славился, как богатырь! И вот мой брат с огоньками в глазах Чагилган-богатырь дал такому слабому мате легко себя победить. И этот богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин, будучи таким слабым, думал одержать победу, [но] в битве только мучил себя. Такому слабому лучше было бы и не биться. Поиграв чугунной головой Сэлэргуна-Сэвэенди, подбрасывая ее над горой, ребрами поиграв, сделав из них остов чума, мозговые кости разложив по морским наносам, я пришел [сюда]». От большого стыда [авахи сказал]: «Ты такой богатырь, которого даже впредь никто в споре не одолеет», — сказал. [Коколдокон продолжал]: «Приготовьте одежду, которую носит богатырь, и пищу, которую ест богатырь! Приходящие придут, уходящие уйдут, а вы готовьте пир, отметим победу над атаманом авахов», — говорит.

После этого Секак-красавица открыла дверь и, взяв племянника Коколдокона за руку, ввела в дом. Его усадили на блестящую скамью на четырех ножках.

После этого начали готовить угощение для пира в знак победы над атаманом авахов. В это время сын солнца Дергэлдин сел против Чагилгана с огоньками в глазах и стал расспрашивать.

— Гине-гине, гинекан! — С огоньками в глазах Чагилган-богатырь, имеющий отцом Иркисмона средней земли, матерью — Куккумачан-красавицу, другом называемый друг мой, прошло много времени с тех пор, как мы с тобой встретились. Много горя мы видели вместе, изучили друг у друга мысли и характер. Меня ты сам знаешь: приехав из своей страны, я ради всех вас вместе с тобой странствовал. За это время мы крепко подружились, поэтому ты послушай; если согласен — скажи «Да», не согласен — «Нет» скажи. Первое мое желание: я приехал, желая скорее увидеть твою тетушку, славную Секак-красавицу, приехал договориться, чтобы она стала [моей женой]: когда мне был еще один год, она должна была стать моей швеей, когда мне было два года — домохозяйкой, когда было три — суженой, подругой. Как ты думаешь отдашь [ее] или нет, скажи определенно, — говорит.

После этого с огоньками в глазах Чагилган повел такую речь:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Тетушкой называемая тетя моя, младшая дочь Геван-старика, Секак-красавица, на мои слова раскрой свои белые уши, своей формой похожие на семидневную луну в ноябре месяце, прими своим разумом, почувствуй нутром! Мой друг, сын солнца Дергэлдин-богатырь верхней земли, приехал с думой: попрошу-ка [Секак] с одного года стать моей швеей, с двух лет стать моего дома хозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Просит [он], чтобы мы быстро сообщили ему о своем согласии или отказе, как ты думаешь, скорее дай знать, — говорит.

Послушав его, Секак-красавица говорит:

— Ты вместе с ним натерпелся [разных] страданий и решай сам; если ты согласен, я тоже согласна, — отвечает.

Услышав ответ, с огоньками в глазах Чагилган-богатырь вошел в дом и говорит так:

— Голдыр-голдыр, голдырмой! — Все люди Геван-старика, прислушайтесь к моим словам! Богатырь верхней земли, сын солнца Дергэлдин просит нашу девушку Секак-красавицу, чтобы она стала ему с одного года швеей, с двух лет его дома хозяйкой. Сама тетя согласна, и мне тоже [это] по душе. Поэтому далеко живущих привезите галопом на трехгодовалых оленях; близко живущих привезите на смирных оленях, ведя оленей за узду! Хорошо приготовьте угощение по случаю первой брачной ночи (букв.: перед брачной ночью), забейте трех лучших холощеных оленей, трех яловых кобыл, трех откормленных быков и готовьте угощение. Придут густо живущие в излучинах долин родственники жениха и будут праздновать [свадьбу] в течение девяти суток, — говорит.

После этого живущих далеко быстро привезли на самых лучших трехгодовалых оленях, живущих близко привезли на смирных оленях, ведя оленей за недоуздки. Угощение для свадьбы богатыря верхней земли, сына солнца Дергэлдина, было уже приготовлено. Родственники невесты и жениха были собраны, девушки, юноши ходили парами. В течение девяти суток веселились, пошли

разговоры, рассказы, было много разных игр: прыгуны прыгали на одной ноге, бегуны бегали, мастера перетягиваться мерялись силами; борцы боролись, сказители пели сказы, певцы пели песни, доброжелатели славили [молодых]. Девять ночей и девять дней длились игры и гулянье. В этих играх по силе и ловкости не оказалось ни одного богатыря, равного нашему богатырю по имени Коколдокон, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях.

Так прошла свадьба, настало время расставания. После того как [все] разъехались по домам, утром через трое суток этот Коколдокон сел перед Секак-красавицей и повел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Тетушкой называемая тетя моя, Секак-красавица, на мой подробный рассказ раскрой свои уши, почувствуй [его] нутром. Я больше не возмужаю (букв.: больше у меня и рога не вырастут, и копыта не появятся). Пришла мне пора странствовать, недаром мое полное имя связано с тремя Сибир-землями, я должен походить по трем Сибир-землям. Если спросишь, ради чего мне надо странствовать, то теперь сын солнца Дергэлдин стал твоим другом, а все живое, движущееся по земле, дружно живет парами, а где же я найду себе подругу, называемую подругой, которая с одного года [была бы мне] швеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой, подругой. В какой стране я мог бы ее отыскать? Говорят, ты три года странствовала, может быть, ты видела? Если видела, укажи! Я не побоюсь никакого расстояния! — говорит.

Выслушав его, тетушка Секак-красавица отвечает так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой богатырь-Коколдокон, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, [вначале] прислушайся к моему подробному рассказу [потом] уходи! Вообще-то я знаю одну девушку. Только она живет очень далеко. Если это тебя не страшит, то (пойдешь). Там живет человек, родившийся на верхней земле, сын неба, состоящего из марева и тумана, богатырь Дюгирмандя, которого не смогли никогда осилить даже самые храбрые богатыри, перед которым не мог устоять ни один двуногий, который не падал еще ни от широкогрудого, ни от крутобокого и который быстро расправлялся с двуруким! Когда еще тебя держали в рукавице-пеленке, тогда у этого человека, превратившись в иголку, пряталась девочка в игольнике своей матери. Только та молодая девушка и подходит тебе. Если ты выдержишь испытания и если понравишься ее отцу, то [все] будет хорошо. Если же поступишь опрометчиво, не обижайся, [если ты] не понравишься [ему], то он [будет с тобой] жесток. И будет хорошо, если ты будешь странствовать, зная это. Если согласен, скажи: «Да», не согласен — «Нет» скажи. Спросишь у [своего] зятя, может быть, он знает [о ней], говорит.

После этого Коколдокон так обрадовался, что весь затрепетал, и подумал: «Вот вволю постранствую по всем краям трех Сибир-

земель». От этой мысли у него защекотало в костях. Узнав такую новость, разве станет медлить? Трижды [он] перевернулся, превратился в белую птичку и взмыл вверх. Улетая, произнес такую речь:

Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Мать Куккумачан-красавица, дочь Геван-старика, тетушка Секак-красавица, зять мой Дергэлдин, сын солнца, брат с огоньками в глазах Чагилган — все, может быть, вы подумаете обо мне: «Он сильный богатырь, а ушел без слов, которые бы запомнились нам». Поэтому я точно не знаю, когда возвращусь, но все же думаю, что вернусь через три года. Если же до этого станет укорачиваться [ваш] длинный ум и сузится широкая спина, то отправляйте свои волшебные слова по воздуху, я услышу, где бы ни находился, спасу ваши души! И простите, прощайте!

После этого его тетушка Секак-красавица повела такую речь:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, имеющий в трех Сибир-землях полное имя, богатырь Коколдоконом именуемый, отправляйся, послушав мои слова. Той страны, в которую ты идешь, может достичь лишь имеющий крылья, снесшийся трижды за это время, а четвероногий зверь, вприпрыжку бегающий по земле, только родив девять раз. И если ты доберешься в своем обычном виде до этой страны, это не понравится хозяину; тогда обязательно превратись [в кого-нибудь] и предстань перед ним! Ему это понравится. Если вы не понравитесь друг другу и начнете биться, от трех Сибир-земель наверняка ничего не останется. Будь осторожен, зная это. Пусть водянистоглазый не посмотрит на тебя в упор, пусть крикливый не перекричит тебя, двуногому не поддавайся, от широкогрудого не падай, о выпуклые суставы не спотыкайся, от крутобокого не падай боком! Если сузится [твоя] широкая спина, укоротится длинный ум, тогда отправь свои волшебные слова по ветру! Где бы ты ни стал говорить, я услышу! И прости, прощай! — говорит.

Тогда этот Коколдокон, превратившись в белую птичку, полетел между восемью тучами, под выступами девятой тучи. [Он] пересек много стран, увидел чужие страны; долго ли, коротко ли летел — не заметил. Этот молодец летел, лето узнавая по дождю, осень — по граду, зиму — по ветру и снегу, весну же — по пушистым снежным хлопьям. [Так] он двигался и двигался. Не знал [он], трое, тридцать ли суток или три месяца летел. И, кажется, он достиг самой вершины верхнего неба. Во время пути взглянет вниз — видно только море; вверх, подняв голову, посмотрит — видны лишь звездочки на небе.

Затем этот молодой человек летит вперед. Как бы ни была далека та земля, разве он задержится в пути? «Это, по-видимому, земля сына неба, богатыря Дюгирманди», — подумал он. Показалась страна с невытоптанной вечнозеленой травой. К ней он быстро приблизился. Подлетая [к ней], всмотрелся внимательно:

оказалось, что по очень красивой поляне взад и вперед двигается туман. Этот человек, увидев туман, подумал с удивлением: «Что это может быть?», но ничуть не отступил, подлетел ближе. Подлетая, пригляделся еще внимательнее: оказывается, в тумане бегает необыкновенный мата, по облику действительно похожий на богатыря. Коколдокон опустился недалеко от него, перевернулся несколько раз, превратился в человека и зашагал короткими ножками. Тот человек [бегавший в тумане] пронзил подходившего взглядом. Глаза его были похожи на утренние звездочки. Направляясь к Коколдокону, [мата] повел такую речь:

— Кида-кида, киладий! — Вот-вот, ты откуда родом-племенем, мата, сюда пришел? Сколько тебе лет и чей ты? В эту страну ни разу не приходил плохой и слабый человек. Ты наверняка крепкий, достаточно сильный человек, потому и пришел. Но все же ты, видимо, притворяешься: в действительности ростом ты, наверное, не такой маленький, хорошо, что ты прибыл благополучно. Прими привет! Если спросишь об известном имени моем и о широкой славе моей, [скажу]: «Я — богатырь верхней земли, по имени Дюгирмандя, сын неба, состоящего из тумана и марева». И ты быстро сообщи свое известное имя и [расскажи] о своей широкой славе, я очень хочу [об этом] услышать. Я, хотя и живу на своей родине, страдаю от отсутствия хорошего друга. Теперь ты исполни то, что я скажу: «Попрыгай на одной ноге по трем разметкам для прыжков, по которым я прыгал в молодости, попрыгай обеими ногами по моим оловянным разметкам для прыжков. Попробуй мой стодесятипудовый мяч. Мы, два встретившихся мата, там сначала поиграв, познакомимся». После этого начнем разговаривать, — говорит.

Потом наш человек Коколдокон средней земли начал быстро говорить и подробно рассказывать:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя-мата, окутанный дымкой марева, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмондя средней земли, мать — Куккумачан-красавица, [я] имею полное имя для всех краев трех Сибир-земель: на нижней земле [называюсь] Сэнгокчоном, чутко пробуждающимся при приближении Сэлэргуна, на средней земле — Коколдоконом, на верхней земле Мэнгнониконом, ездящим верхом на богатырской птице, именуют меня». Если спросишь: «Зачем ты пришел?» — [отвечу]: «Я с определенными намерениями летел к твоей молодой дочери с известным именем и широкой славой, след которой подобен нитке, к Инмэкон-красавице с тем, чтобы стала она с одного года [мне] швеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой, подругой моей». Вот и все, что мне надо. Когда ты выскажешь свое мнение — реши сам, я очень хочу поиграть в твои игры. Где твои разметки, по которым прыгаешь на одной ноге? Попрыгаю-ка

я с удовольствием. Где твой мяч, который ты поднимаешь? Попробую-ка я приподнять [его], — говорит.

Дюгирмандя-мата говорит:

— Кида-кида, киладий! — Если ты сын Иркисмонди средней земли, а я много слышал о славе твоего отца, так встретились добрые эвенкийские богатыри. Почему я хочу посмотреть, как ты играешь? [Я скажу]: на самом дальнем краю моей страны живет выросшая сиротой Арбагайкан-старуха с двумя сыновьями. Говорят, туда пришел один сильный трехгранный богатырь по имени Сумуендя, авахи нижней земли, и безнаказанно обижает осиротевших людей. Не ограничиваясь своими притеснениями, он, говорят, держит их взаперти, чтобы съесть после того, как прикончит всех их оленей. Ты прибыл как раз в то время, когда я пробовал силы, чтобы отправиться туда. Поэтому ты тоже попробуй свои силы! Если договоримся, может быть, пойдем вместе, — говорит.

Потом повел его к стодесятипудовому мячу. Этот Коколдокон, придя следом, вытащил увязнувший наполовину в земле [мяч]. Вскрикнув: «Хук!» — положил его на колени, вскрикнув: «Хук!» — положил на печень, вскрикнув: «Хук!» — забросил высоко. Мяч, упав обратно, вонзился в землю глубиной до трех саженей. Когда [Коколдокон] увидел разметки [для прыжков на одной ноге], оказалось их тридцать три, в трех саженях [друг от друга]. Наш человек стал прыгать по ним на ножке-коротышке и без малейшего усилия допрыгнул [до конечной разметки]. И обеими ногами стал он энергично прыгать по разметкам [для прыжков на двух ногах] и свободно достиг [последней разметки]. Потом, закончив игры, оба направились к дому Дюгирманди. Дойдя до своего дома, Дюгирмандя со скрипом открыл дверь своего большого чорама-чума. Взял он Коколдокона за руку и, подведя к жене очень маленького ребенка, завел такую речь.

— Кида-кида, киладий! — Шелковистоволосая подруга моя, Солкондор по имени, прими привет! Если спросишь: «Как ты провел сегодняшний день?», — [отвечу]: «Очень хорошо провел». Вот прибыл богатырь средней земли, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон средней земли. Не смотрите, что он так мал ростом, — он такой богатырь, который может исколесить все три Сибир-земли. У меня кстати будет хороший друг, когда я отправлюсь к атаману авахов. Быстрее приготовьте еду для него, приготовьте богатырскую одежду для битвы. Сначала закончим этот поход, а потом уже вернувшись, будем говорить о заботах этого человека, — говорит.

Потом шелковистоволосая жена Дюгирманди Солкондор-красавица усадила обоих богатырей по обе стороны четырехугольного стола на шестиногих серебряных скамьях. Затем сама вышла на улицу, забила двух лучших холощеных оленей, двух первосортных яловых важенок, быстро приготовила [еду] и начала кормить их.

Как только два богатыря-маты кончили трапезу, наступило время похода. Хозяин дома повел такую речь:

— Кида-кида, киладий! — Богатырь средней земли, имеющий полное имя для всех краев трех Сибир-земель Коколдокон средней земли, было бы хорошо, если бы ты отправился со мной странствовать и стал моим другом. Ты будешь странствовать по многим странам, увидишь много людей, много животных. Бесчестный враг, бессовестный разбойник, уничтожающий оленей выросшей сироты Арбагайкан-старухи и держащий взаперти двух ее сыновей, атаман авахов нижней земли, трехгранный богатырь Сумуендя намеревается съесть их всех, когда прикончит их оленей. Основное намерение мое — отправиться в поход, чтобы спасти их души. Сейчас для этого пришло время. Говорят, что он такой сильный богатырь-атаман, что ни один богатырь еще не смог противостоять ему. Если вдвоем доберемся до него, не дадим победить себя. Поэтому мы — люди быстрее пойдем, поможем этим людям, они такие же люди, как и мы, живут под солнцем, — говорит.

Затем эти два маты вышли на улицу. Старший мата стал серебряным белым журавлем, Коколдокон же превратился в белую птичку. И полетели, свистя [крыльями], в сторону мест, где жила выросшая сиротой Арбагайкан-старуха. Превратившись в крылатых птиц, они летели над восемью облаками, по краям девятого облака. Долго ли, коротко ли летели они — не знали, лето лишь по дождю узнавая, осень — по граду, зиму — по снегу, весну — по пушистым [снежным] хлопьям, летели они.

Разве они задержатся? Быстро достигли места, куда должны были прибыть. Дойдя, превратились в кору двух молодых лиственниц и прилипли к ним. Находясь там, [они] незаметно наблюдали за тем, чем занимается атаман авахов. Когда посмотрели, оказывается — атаман авахов очень издевается [над людьми]: не дает им и шагу ступить в сторону, мучит их без конца. Младший сын Арбагайкан-старухи по имени Дылконукон был слабым человеком, но всячески пробовал обмануть [авахи]. Этот человек забивал самого жирного холощеного оленя, варил сало и кормил атамана авахов. Съев это, сын авахи спрашивал:

— Где ты находишь эту [еду]? — спрашивает.

— Это я достаю [благодаря] своей уловке, — отвечает второй.

— Как же ты ухитряешься? — говорит [сын авахи].

— Я снимаю штаны и трое суток грею на солнце свой зад, оттуда выходит сало. А попробуй-ка и ты то же [самое] сделать, — говорить Дылконукон.

— Ну, так и быть, я тоже попробую, — говорит.

— Ну, пробуй! — говорит тот.

В жаркий день, опустив свои жестяные штаны, выставил [авахи] зад к солнцу. В то время как этот человек стоял, так наклонившись, мата по имени Дылконукон, превратившись в муху, пробирался [к нему] в задний проход и там откладывал яйца, на-

деясь на то, что [сын авахи] может умереть, когда из яиц появятся личинки. Личинок в его животе стало очень много, и они вызывали у него сильный зуд.

— Кто это ползает? — спрашивает авахи.

— Если ты взболтаешь их мутовкой, они выйдут, превратившись в сало, — отвечает этот Дылконукон.

А авахи, оказывается, сразу же поверил этому. Схватил мутовку и начал вертеть ею в заднем проходе: «Пур-пур-пур». Потом Дылконукон-мата, сделавшись мухой и летая, почуял по запаху, что пришел Дюгирмандя-мата. Узнав [это], он побежал к брату; придя к нему, он сказал:

— Дыне-дыне, дынеканин! — Братом называемый мой старший брат, Чиркэркэн средней земли, я что-то почувствовал. Кажется, прибыл сын неба Дюгирмандя спасать наши жизни, чувствуется запах марева. Быстренько захвати трехсаженное копье, попробуем вместе вонзить [свои] копья в атамана авахов Сумуендю-богатыря. Если даже мы потерпим поражение, то пришедший мата пожалеет нас. Все равно спасет наши жизни; иди же скорее, — говорит.

Потом эти люди схватили копья и вонзили их с обеих сторон в богатыря Сумуендю. Всесильный сын авахи сломал их копья, лишь взмахнув руками, и стал гоняться за братьями. Он начал терзать их, раздирая когтями и кусая зубами. Младший мата спасся, превратившись в муху, а старший мата не мог ни в кого превратиться, поэтому не смог убежать и был задавлен. Увидев это, Дюгирмандя перевернулся несколько раз, чтоб превратиться опять в человека и, спрыгивая с лиственницы, где он прятался, разбил ее в щепки, словно молния ударила. Подошел к сыну авахи и видит: [авахи] бросил [на землю] человека-аи и грызет его спину. Этот Дюгирмандя так разгневался, что с обоих висков вспыхнул [у него] серый огонь, из двадцати пальцев брызнула кровь. Потом он заговорил:

— Кида-кида, киладий! — Атаман авахов нижней земли, трехгранный богатырь Сумуендя, сначала для приличия прими мой привет. Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Пришел я, сын солнца, мата, по имени Дюгирмандя». За какую большую вину обижаешь парней-сирот, мучаешь их? Какой прок в том, что ты мучил их в течение трех лет, держа взаперти, какую пользу ты надеялся получить от того, что съешь их? Я пришел — [у меня] жирное мясо, полное тело. Если победишь и съешь меня, получишь пользу, если не победишь, то покраснеет от стыда лицо твое. И встретились, видно, два упрямых, напористых маты, которые не перестанут [биться], пока один из них не победит. Я перестану [биться, только], победив тебя, или если ты убьешь меня! Я пришел к тебе специально из далекой страны, чтобы взыскать с твоего тела и крови за те злодеяния, которые я увидел. Если [ты] намерен биться [со мной], подходи,

если же хочешь вернуться [восвояси], то возвращайся! — говорит этот человек.

А сын авахи даже не взглянул, подумав: «Пусть говорит человек», — и продолжал грызть тело своей жертвы. Этот Дюгирмандя, говоря: «Все еще не обращает никакого внимания», стукнул его по основанию уха. Авахи вздрогнул, а после этого завел такую речь:

— Киримонде, киримонде! — Выросший на верхней земле сын неба, мата, именуемый Дюгирмандей, ты сам пришел своей персоной? Ради приличия прими привет. Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, храбрый богатырь?» — [отвечу]: «Я родился на нижней земле, являюсь атаманом авахов, трехгранным Сумуендей». Я пришел искать среди людей человека, имеющего вкусное мясо, трубчатые кости. И как хорошо, что ты сам так пришел! Вот-вот сейчас пальцем выдерну твою спинную аорту, съем твои сердце и печень, пока они еще теплые, — говорит.

После этого они стали биться, не уступая друг другу, колотя друг друга голыми кулаками прямо по основанию ушей. Звуки от ударов кулаков раздавались по небу, звуки от ударов пяток отдавались по земле. В твердой земле увязая по колена, в мягкой земле до бедер, сдирая кору растущих деревьев, расщепляя высохшие деревья, бились они друг с другом. Разогнали всех мелких зверей из этих мест, крупных зверей заставили бежать в чужие места; белки стайками побежали через речки и хребты, звери, называемые зайцами, бросились вприпрыжку, подняв уши; медведи-звери убежали на своих коротких лапах, жирные лоси пустились галопом, расставляя широко задние ноги. На этой земле, оказывается, не было сильного богатыря, и только они — оба силачи — столкнулись. Поэтому они этой местности нанесли ни с чем не сравнимый ущерб, принесли невиданные бедствия, произвели непоправимые разрушения. Не выдержали слабые, больные люди разрушений, деревья совершенно перестали расти, завяла растущая трава, уменьшился в числе размножающийся скот; не рождались дети, которые должны были родиться. С тех пор как начали биться эти люди, прошла девяностая ночь третьего месяца. В течение всего этого времени они бились не переставая. Никто из них еще не ослабевал, и они стали биться еще энергичнее. И увеличились разрушения и бедствия. Шум [битвы] был слышен во всех трех Сибир-землях. Атаманы нижней земли начали поглядывать вверх, подняв головы, а богатыри верхней земли начали посматривать, наклонившись вниз. Пробовали богатыри приблизиться к ним, говоря: «Если [они] послушаются, то пора их унять». [Атаманы] пытались подойти на такое расстояние, откуда можно было услышать их голос, [но никто из них] подойти не смог. Тем временем настала [последняя] ночь шестого месяца, но эти богатыри, вместо того чтобы ослабеть, начали биться еще яростнее и продолжали уничтожать все вокруг.

Услышав о таком разрушении, пришел родившийся на верхней земле глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков и ласковыми словами начал их уговаривать, прося: — Чахыр-чахыр, чахырмой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя-мата, прими искренний привет! Сначала — привет, потом разговор! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я родился на верхней земле, я глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков». Если же спросишь, зачем я пришел, — [отвечу]: «Пришел я лично к вам поговорить». Подожди-погоди, послушай-ка то, что скажу я. Вы с атаманом авахов, двое богатырей, встретились и бились без передышки в течение шестидесяти ночей. Вы произвели в этих местах неисчислимые разрушения, поэтому и послушайте мои слова. Если не послушаетесь, не выдержит дух-хозяин этой глинистой страны. Если он рассердится, наверняка будет худо. Вы сами не сможете искупить свою вину за разрушения! Поэтому, несмотря ни на что, кончайте [битву], — говорит.

А бьющиеся богатыри, думая: «Говорит человек», — даже не сказали «Да», думая: «Издает звук животное», — даже «Хей» не сказали. Еще больше разозлились и яростнее стали биться.

После этого заговорила еще одна молодая девушка:

— Дэлогой-дэлогой! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя, богатырь нижней земли, трехгранный силач Сумуендя, постойте-погодите, примите привет! Если спросите [меня]: «Откуда ты родом-племенем, девушка, пришла?» — [отвечу]: «Я дочь солнца со следами-ниточками, с блестящими волосами, Киладий-красавица по имени». Если же спросите: «Какая нужда заставила прийти в эту страну?» — [отвечу]: «Пришла я уговорить вас, думая, [что вы] послушаетесь». И знайте вы, что я жена главы далекой страны, городского князя, царя эвенков. Было бы лучше, если бы вы послушались меня. Если не послушаетесь, последствия [битвы] убавят ваши годы, укоротят ваш век, падет скот у вас, засохнет племя ваше. Перестаньте-подождите, если не послушаетесь моих слов, придет старшая дочь солнца Симэксин-старушка. Как она станет вас судить, знает она сама. Придет и обвинит вас — быстро раскаетесь, что не послушались моих слов, — говорит.

Эти богатыри совершенно рассвирепели. Если бы [они] не были заняты, то напали бы на уговаривающих. Не напали потому, что были заняты друг другом. Встретились богатыри, равные по силе. Уговаривавшие люди, сказав: «Поступайте, как хотите», перевернулись трижды, превратились в белых журавлей и улетели, сверкая своей белизной.

После этого эти богатыри дни и ночи в течение трех месяцев бились, не останавливаясь. Девять десятидневок бились. По истечении [этого срока] пришла старшая дочь солнца Симэксин-ста-

руха, старая, седовласая и невысокого роста. Подойдя близко, села на кочку и завела такой разговор:

— Нимидорико-нимидорико! Богатырь нижней земли, силач Сумуендя, богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя, примите привет! Из пяти моих слов уловите одно, из десяти моих слов обдумайте пять, какими бы вы ни были сильными богатырями, не завидуйте силе друг друга. Если кто из вас и одолеет [другого], все равно не возместить тот ущерб, который мы причинили за эти девяносто ночей. Не переоценивайте себя, пожалейте растительность, малых детей и бесчисленный скот всех трех Сибир-земель! Стремительность вашей битвы принесла много горя, и вина ваша будет очень тяжка. Если же не прислушаетесь к моей просьбе, [то] мы вместе с разрушенной вами землей обвиним [вас] так, что вы пожалеете! Попробуйте-ка не послушаться! Вот вам и весь сказ, и на меня не обижайтесь, пеняйте на себя! — говорит.

Думая: «Человек говорит», не спросили: «Что?», — думая: «Животное издает звук», — даже «Хэй» не произнесли, как бились, так и продолжали энергично биться. Они так разозлились, что никак успокоиться не могли. Не слушались никаких уговоров, не поддавались на них. Увидев это, Симэксин-старушка [сказала]: «Нужно найти на них управу, если они будут продолжать биться, не обращая ни на что внимания, никого [в живых] не оставят на всех трех Сибир-землях». Думая [так], посылала духу-хозяину земли свои волшебные слова:

— Нимидорико-нимидорико! — Дух-хозяин земли, где же, где же ты? Мои волшебные слова прими разумом, почувствуй нутром, раскрой свои уши! На краю трех Сибир-земель большие разрушения: [мать] совершили тяжкий грех. Если спросишь: «Что это за разрушение? И кто пришел и подробно рассказывает об этом горе?» — [отвечу]: «Это я, дочь солнца Симэксин-старушка». Я, как могла, старалась уговорить [их] всякими добрыми словами, но [они] не послушались. Поэтому только ты, дух-хозяин матушки-земли, сам выгляни где-нибудь и рассуди их. Детям, которые должны родиться, они помешали появиться на свет, многочисленному скоту не дали размножаться, растущие травы и деревья заставили пожелтеть, не осталось ни одного больного ребенка, поумирали слабые старики. Настала пора принять меры против такого бедствия. Поэтому, дух-хозяин земли, превратись в самого себя, взгляни где-нибудь на средний мир! Задержи их у себя и рассуди сам! Об их вине я расскажу: прошел целый год с тех пор, как они начали биться; все это время они бились без передышки. Поэтому и произошло много бедствий. Ты продержи их [у себя] целых три года! Если спросишь: «Кто же из людей принес эти бедствия?» — [отвечу]: «Это сделал сын неба Дюгирмандя, поэтому его надо наказать». Он защищал людей, и в этой битве у него только сила убавилась, поэтому пусть он посидит

в течение трех лет, превратившись в четырехугольный серебряный стол, за которым стали бы свободно кормиться [обиженные им] все крылатые, все бегающие, все животные, [вплоть] до людей. Только тогда искупит он свою вину и сам хорошо отдохнет, все [живое] будет вскормлено, размножится и возместит принесенный им за три года убыток.

Бессовестный разбойник, авахи нижней земли, трехгранный богатырь Сумуендя, как только родился на нижней земле, не спросясь никого, начал обижать и уничтожать людей, живущих под солнцем, и совершал ни с чем не сравнимые преступления. И в последней битве принес он много бедствий во всех трех Сибир-землях. Кроме того, он сам хвалится, говоря: «Съел я девяносто девять богатырей». Можно представить себе, если он столько съел людей, то сколько мелких незаметных бед он совершил! Поэтому пусть он, превратившись в обгорелый пень, постоит сплошь все девять лет! Ходящий взад-вперед, летающий и бегающий — пусть все мочатся и испражняются на него! Обгорелый пень, бывает, держится, словно на ниточке, когда обгорит у основания, пусть и он так постоит! Его не вырывайте, а то он, не искупив своей вины, сгинет. Когда же исполнится девять лет, выпустите его в таком виде, каков он есть: лишь соединенные с жилами суставы и брюшина. Если он сможет кого-нибудь одолеть, то выживет, не сможет — умрет, — говорит.

Эта Симэксин-старушка, сказав так, превратилась в белую птичку и, сверкая белизной, улетела в сторону верхней земли. А бьющиеся, ни о чем не думая, в пылу своего гнева не жалея ни тела, ни крови друг друга, продолжали биться еще энергичнее, еще стремительнее, еще более основательно.

В это время вдруг средняя земля прогремела, словно гром, словно от удара молний задрожала, засвистела вихрем и разверзлась по самой середине. Когда [богатыри] провалились и были засыпаны в трещине, стали видны только половина лица и только одна рука [у каждого из] этих богатырей. Там, в этой трещине, они, не обращая внимания на то, что провалились, продолжали биться одной рукой, кулаком, царапаясь ногтями и вонзаясь в лицо друг другу. Поняв, что провалились в трещину земли, они еще более рассердились и продолжали биться еще сильнее. В это время вдруг [под ними] оказалась очень ровная, плотная земля, которая даже нисколько не прогибалась, когда они упирались [в нее] пятками, и не вдавливалась, когда они ее топтали. Вдруг эта земля стала такой хорошей, что [богатыри] смогли нормально биться, еще более расхрабрились, думая: «Земля такая хорошая, что [неплохо] разогнать кровь от пальцев до пяток», и продолжали биться. Они и не почувствовали, как спустились в совершенно темную страну, но не успели не только проститься, а даже и опомниться. И было неизвестно, где эти богатыри и как они ушли.

Потом тот наш человек, имеющий полное имя в трех Сибир-землях Коколдокон средней земли, с места, откуда наблюдал, вдруг взмыл вверх, превратившись в белую птичку, [и полетел] в сторону родины Дюгирманди. Летел он и летел; оказывается, то расстояние, которое они [с Дюгирмандей] прошли, было очень большим. Этот молодой человек [Коколдокон], говоря: «Зря я последовал за Дюгирмандей и бесполезно пролежал под корой», летел, и было щекотно его жилам и костям. Но разве же он где-нибудь задержится? Вот показалась родина Дюгирманди-богатыря с ее вечнозеленой, никем не помятой травой. Как только показалась эта страна, послышались чьи-то слова. Попятившись, начал прислушиваться этот человек, и вот он услышал такую речь:

— Геро-геро, героканин! — Эх, горе мое, горькое, вот-то досада какая! Когда я была одна, пришел атаман авахов нижней земли, четырехгранный Сэвэенде, и видели бы вы, как он меня мучил. Почему же так долго не возвращаются мои храбрые мужчины, ну долго же, долго их нет! Уж кончилась [последняя] ночь одного месяца, с тех пор как он загнал меня на лиственницу с тремя стволами и стережет. Как бы было [хорошо], если бы хоть один из тех двух мужчин услышал мою мольбу и спас меня! Эх, горе мое горькое, вот-то досада какая! — говорит.

После этого Коколдокон средней земли: «Вот наконец-то я сейчас [с кем-то]померяюсь [силами]» — подумал и торопливо пошел вперед. Превратившись в белую птичку, шурша, шелестя [крыльями], перевернулся [он] трижды и ловко опустился на ближний край медного поля окружностью в три кочевки. Коколдокон, перевернувшись трижды, стал человеком и завел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! Атаман авахов нижней земли четырехгранный Сэвэенде, прими поклон-привет! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я [тот, кто] Иркисмона средней земли отцом имеет, Куккумачан-красавицу — матерью, имею полное имя во всех трех Сибир-землях, я Коколдокон средней земли, богатырь-аи». Пришел я, мата, странствующий по всем уголкам трех Сибир-земель, еще не встретив себе равного, чтобы разогнать кровь моих пальцев и моих пяток. Если тебе некуда девать свои силы, мататкан, я тот, который может растянуть твои сильные жилы. Как же ты не победишь эту молодую девушку, если ты мужчина (букв.: когда ты создан мочиться стоя?). Ты храбришься тем, что стережешь ее [загнав на дерево]. Эх, зло берет, даже душно стало! Как ты будешь биться с женщиной в моем присутствии? Выходи скорее на поле битвы! Если мы намерены убить друг друга, то убьем. Если намерены съесть друг друга — съедим тут же. Ну-ка, скорее выходи и встань на тот край поля! Поймай мой мяч ртом! — говорит.

Потом тот четырехгранный Сэвэенде посмотрел на Коколдокона, засмеялся: «Ха-ха-хок!», потом заговорил так:

— Киримонде-киримонде! — О, татай! О, татай! Сам такой [маленький], и до чего же смелы его слова! Посмотрите-ка, он еще [смеет] говорит, смотря в упор на самого меня? Ну, погоди ж, я вот сейчас приду и рассчитаюсь с тобой. Чем может быть страшен твой мяч? Он даже не заденет ни одного моего зуба! Попробуй-ка бросить! А вот я тебя свалю замертво твоим же мячом, — говоря [так], пришел и встал на дальнем крае поля.

После этого наш человек [с силой] оторвал стодесятипудовый чугунный мяч своего тестя Дюгирманди и бросил, говоря: «Раз я сказал: лови ртом, так и поймай!». Мяч пролетел, грохоча, как гром. Богатырь авахов ловко поймал [его] ртом с зубами, похожими на железо кайла, засмеялся: «Ха-ха-хак!» — и заговорил:

— Киримонде-киримонде! — Коколдокон средней земли, ну и до чего же легок твой мяч, ну и до чего же ты бессилен! Ну, теперь я брошу-ка в тебя, поймай, как я, ртом! Чтобы я убедился в твоей храбрости! — говорит он.

Услышав это, наш человек говорит:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Ты думаешь, все кончил, поймав этот мяч? Кроме этого, есть еще одна игра, попробую пустить стрелу из лука в дважды восемь саженей. Если сумеешь увернуться, тогда действительно ты сильный мата. Если останешься невредимым, ты тоже будешь действовать подряд мячом и луком.

Друг мой, дважды весьмисаженный лук, ставший спутником [моим] с тех пор, как я увидел белый свет, мои проникновенные слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой свои уши! Если мне суждено странствовать по всем трем Сибир-землям, не упуская двуногого, не падая от широкогрудого, не спотыкаясь от имеющего суставы, [если суждено мне] иметь свой дом, размножить скот, родить детей, то ты не останавливайся даже перед чугуном, не отскакивай и от камня и пронзи какое-нибудь из сухожилий атамана авахов! — говорит.

Заклиная [свой лук], натянул [тетиву] до уха, и взревел его указательный палец, взвизгнул его мизинец, прогремел лук, и просвистела стрела. В это время сын авахи — откуда он ее взял, никому неизвестно, — спрятался за чугунную гору. Стрела этого молодого человека не остановилась перед чугуном, не отскочила от камня, пробила чугунную гору как раз в том самом месте, где был авахи. Сын авахи, увидев стрелу, хотел увернуться, но стрела успела долететь и вонзилась в его колено. Он вскрикнул: «О, татат!» и заговорил так:

— Киримонде-киримонде! — Ох, и больно же, больно, как ломит мои кости! Вот так хитрец богатырь средней земли Коколдокон. Вероятно, потому и говорят, что ты убил моего старшего

брата Сэлэргуна-Сэвэендю, атамана авахов нижней земли. Ну и ну, где пролетела его стрела и раздвоила мое бедное колено? Ну и зло же берет! Вот досада-то! Если бы был он ростом хоть больше и имел бы тень, то было бы не так досадно, а то его и не видно из-под багульника! Он же, оказывается, необыкновенно сильный богатырь! И все же ты не притворяйся [маленьким], стань самим собой. Если ты победишь [в настоящем своем виде], то и ты будешь доволен, и я тоже.

Этот Коколдокон, улыбаясь, побежал на коротеньких ножках в сторону авахи. Подбежав, стукнул его в основание уха. Несчастный авахи трижды перевернулся. Потом [богатыри] стали стремительно наскакивать друг на друга, беспощадно колотя кулаками. Наш человек [так увертывался, что] сын авахи бил впустую. Несчастного сына авахи наш человек, нагибаясь вниз, бил ногой, а тот думал, что [Коколдокон] находится наверху. Когда [авахи] думал, что он находится внизу, тот оказывался наверху. Когда [авахи] думал, что [он] справа, тот подходил и бил [его] слева. Когда же он думал: «Перешел налево», [Коколдокон] ударял [авахи], подходя справа. Маленький богатырь по имени Коколдокон долго не возился, каждым ударом он приводил в смятение сына авахи. И каждым пинком убавлял [его силы]. У сына авахи сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, пришел его смертный день. Доведя до такого состояния [авахи], Коколдокон разве даст тягаться с собой? — бросил его на мерзлую землю, разбив на глубину семь саженей и перерезал ему горло ножиком с лезвием [шириной] в четыре пальца.

Сын авахи говорит такие слова:

— Киримонде-киримонде! — Эх горе мое горькое! Кто, кроме умершего и снова воскресшего, испытает тяжесть смерти? Когда умирают, бывает очень тяжко. Коколдокон средней земли, ты сейчас играючи поиздевался надо мной, свободно раздув мой пепел, разрыв мой очаг! И все же, [только] трижды убив меня, считай — убил. Когда твой сын станет играть лучком, а дочь пользоваться ножницами, вот тогда хорошо бы [с тобой] побиться, [рановато] не хвались, что убил меня. И прости, прощай - говорит.

Этот Коколдокон сложил кости атамана авахов, добавив их к валунам верхней земли, а мозговые кости, сложив кучей, добавил к морским наносам. После этого пришел к хозяевам дома и заговорил так:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Шелковистоволосая Солкондор-красавица, открой дверь, прими привет! Прими сначала привет, а потом будет разговор! Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Я — имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель и Коколдоконом средней земли именуемый богатырь». Если же спросишь: «Как странствует сын неба Дюгирмандя?» [отвечу]: «Он бился с атаманом авахов, и никто из них не смог победить». Их теперь дух-

хозяин моря втянул в свою стихию на три года, и они там остались. Богатырь Дюгирмандя прибудет через два года, а я бы за это время сходил на родину и вернулся. Здесь мне нечем заняться, поэтому приготовь богатырскую еду, я, пообедав один раз, отправлюсь на родину, — говорит.

После этого хозяйка дома открыла дверь, вышла и ввела Коколдокона [в свой дом], ведя его за руку, и посадила за серебряный стол. Сама вышла на улицу, забила отборного холощеного оленя и, быстро приготовив еду, накрыла (натянула) стол, наложив груду [мяса]. Этот молодой человек, как и полагаетя приезжему человеку, много ел во время обеда.

Потом со всех сторон сгустились черные тучи, стали умножаться белые тучи, стали бегать взад-вперед красные тучи, в мгновение ока подул ветер, полил ливень, повалил густой снег, закружился вихрь, загремел гром, засверкала молния. Все пришло и прошло, и небо очистилось. Коколдокон выскочил наружу, думая: «Что же случилось?». Оказалось, что с той стороны, где заходит солнце, с нижней земли идут вдвоем два богатыря авахов. Подходя, первым шедший (передний) человек завел такую речь:

— Лавир-лавир, лавирдо! — Богатырь верхней земли, сын неба Дюгирмандя, открыв дверь, прими поклон-привет! Если спросишь: «Откуда родом-племенем мататканы пришли?» — [ответим]: «Мы — авахи нижней земли. Мое имя — тридцатитрехсаженные волосы имеющая Баба Яга, имя моего брата, родившегося на земле с крупным градом, богатырь Буруннюк». Если же спросишь: «С каким важным намерением, с каким неотложным делом вы пришли?» — [отвечу]: «Мы пришли взять в жены твою дочь со следами, как ниточки, Инмэкон-красавицу! Отдадите ли [ее] или откажете, все равно возьмем. По-доброму отдадите или по-худому? Я согласен на все условия! Немедленно скажи свое мнение, изложи его, — говорит.

Услышав это, хозяйка дома вышла и говорит:

— Дэгри-дэгри, дэгримой! — Авахи нижней земли, примите привет! Если спросите меня: «Откуда [ты] родом-племенем девушкой являешься?», то [отвечу]: «Я шелковистоволосая, именуемая Солкондор. Была я женой сына неба Дюгирманди. Тридцатитрехсаженные волосы имеющая Баба Яга, куда заставила забросить моего мужа, (ты еще) пришла (сюда)? Твои соплеменники подняли шум, а я сижу, потеряв мужа. Ты же еще пришла взять мою дочь? Я не только не отдам ее по-хорошему, я даже смотреть-то не стану на вас добрыми глазами, [не отдам ее] покуда жива-здорова, покуда я дышу. Вот ведь несчастье, пришла ко мне беда! Имеющий в трех Сибир-землях полное имя, богатырь средней земли Коколдокон, зять мой, в каком состоянии ты? Попробуй с ними свои силы», говорит.

Наш человек, Коколдокон средней земли, услышав такое, разве станет медлить? Свирепая его кровь прилила у него

к груди, злая кровь подступила к горлу, густая кровь спустилась в живот, храбрая кровь побежала к кулакам, с обоих висков вспыхнул серный огонь, с десяти пальцев забила ключом водянистая кровь его. После этого он побежал маленькими ножками навстречу авахи. Как только добежал до поля битвы, заговорил так:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Атаман авахов нижней земли, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросите: «Откуда родом-племенем будешь?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать — Куккумачан-красавица. Я — имеющий полное имя в трех Сибир-землях, Коколдокон средней земли». Коварный оборотень, прехитрая Баба Яга, ты знаешь, что сделала в старину. Наконец-то ты предстала предо мною, я увидел тебя своими глазами. Ни на кого другого ты не рассчитывай. Вот и встретились-таки мы оба. За какую вину ты замучила моего старшего брата с огоньками в глазах Чагилгана? Вот настал час моей мести! С какой игры мы начнем: будем перебрасываться мячом или постреляем друг в друга из лука? Или с самого начала попробуем биться голыми кулаками? Я на все готов. Если скажешь: «Мячом», вот он рядом со мной, скажешь: «Луком», тут же спущу тетиву, если же скажешь: «Голыми кулаками», немедля начну бить кулаками! Решай сама! — говорит.

Кончив говорить, этот человек стал ходить взад-вперед по площадке для поединка. А Баба Яга заговорила так:

— Лавир-лавир, лавирдо! — Имеющий Иркисмона средней земли отцом, Куккумачан-красавицу — матерью, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон-хитрец, по какой дороге ты добрался до этой страны? Богатырь Буруннюк, брат мой, кажется, попался нам действительно сильный человек, берегись, крепись, стой наготове! Береги силы, чтобы начать биться, когда померкнет моя слава (т. е. когда ослабевать стану). Я же попробую побиться голыми кулаками с Коколдоконом средней земли. Когда же настанет мой смертный час, отправлю по ветру свои волшебные слова, ты спасешь мою жизнь, мое дыхание, — говорит.

После этого побежала к богатырю, именуемому Коколдоконом, протянув вперед [руку], загнув когти, оскалив зубы. Подбежав, пустила в ход когти и зубы. Этот человек начал вволю издеваться над ней, увертываясь и заставляя ее хватать воздух (букв.: сухое пространство). Когда та хватала [его] когтями, он увертывался, и она замахивалась так, что ломала о камни свои когти. Когда набрасывалась зубами, он, увернувшись, заставлял ее вгрызаться в валуны. Когда она думала, что этот человечек нагнулся, тот оказывался наверху, думала он наверху, а тот нагибался вниз, когда ударяла справа, он оказывался слева, когда же думала, что он перешел налево, - он оказывался справа. Этот Коколдокон начал издеваться над испокон веков славившейся Бабой Ягой, вынуждая

ее падать на колено и там и сям и время от времени заставляя становиться на карачки. Он бы мог сразу покончить с ней, если бы был намерен это сделать. Но, имея в виду прошлую вину, начал хлестать ее гибким овражным тальником, да так, что отделялись мышцы ее спины. Бил ее ивовой веткой до того, что стали стукаться друг о друга ее железные позвонки. Потом Баба Яга повела такую речь:

— Лавир-лавир, лавирдон! — Эх, горе мое горе, досада какая! Я не думала, что за свой век потерплю такое поражение. Оказывается, может же родиться на средней земле такой человек-богатырь! Приходится мне умирать, ни разу не ударив его, и до чего же это обидно! Богатырь Буруннюк, брат мой, ну, как ты себя чувствуешь? Спаси мою душу, приди быстрее — говорит.

Коколдокон средней земли уже вогнал ее в мерзлую землю глубиной до трех саженей и с хрустом перерезал ей горло еще до того, как вдали отзвучали ее последние слова и пришел тот человек [ее брат]. Когда богатырь Буруннюк пришел, думая: «Спасу-ка [сестру]», — оказалось: виден только скелет Бабы Яги. Увидев это, Буруннюк-богатырь стал всматриваться глубоко сидящим глазом, чтобы найти богатыря. А Коколдокон стоял на той стороне поля битвы. Стоя, произнес такие слова:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Авахи нижней земли, родившийся на земле с крупным градом Буруннюк-богатырь, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мататкан, пришел?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать — Куккумачан-красавица, дочь Геван-старика, я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибирземель, Коколдоконом средней земли называюсь». Каким способом встретимся: будем мячом перебрасываться, постреляем ли из лука друг в друга или попробуем побиться голыми кулаками? Если намерен биться — приди, хочешь уйти — уходи, я на все согласен, — говорит.

А тот человек говорит так:

— Гунгир-гунгир, гунгиръе! — Богатырь, средней земли Коколдокон, богатырь-аи, хоть ты ростом и с ласточку, мысли твои смелые. Сам ты с воробья, но оказывается, храбрый мата. Хоть ты ростом и с чечетку, но смел. Глядя на меня, ты надумал тягаться со мной. Ну, давай-ка постреляем из луков, начну-ка, я постарше, — говорит.

После этого [Буруннюк] оторвал одну гору у подошвы, сказав: «Превратись в чугунную!» — и поставил ее перед собой. Наш человек вынул из правого кармана монету, сказал: «Превратись в серебряную гору!» — и бросил ее вперед.

Вот сын авахи, прострелив насквозь чугунную и серебряную горы, угрожающе стал надвигаться на Коколдокона и подошел так, что мог попасть [в Коколдокона]. Подступая так, он заговорил:

— Гунгир-гунгир, гунгиръе! — Дважды девятисаженная железная стрела моя, до сих пор спасавшая мне жизнь, возьми с собой мои вещие слова: не остановись перед чугуном, не отскочи от камня, не страшись камня, пронзи самую середину черной печени Коколдокона средней земли! В былые времена ты беспрекословно слушалась меня, мы с тобой поразили девяносто девять богатырей, а неужели ты упадешь, не поразив сотого? — говорит.

Послышался звук [тетивы] лука, и засвистела стрела. Чугунная гора продырявилась, серебряная гора раскололась. Стрела сына авахи высунулась, нацелясь прямо в середину печени Коколдокона. Наш человек Коколдокон средней земли увернулся и крепкой ладошкой ловко поймал пролетающую стрелу. Потом этот наш человек произнес такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Атаман авахов нижней земли, богатырь Буруннюк, берегись — идет лук, приготовься — летит стрела! Ты скажешь, что я сильного богатыря погубил без предупреждения! Хорошего богатыря, не дав [ему] знать убил, — скажешь. Теперь настала моя очередь, твою стрелу [я] поймал рукой, а ты чем поймаешь? Друг мой, дважды восьмисаженный лук, стрела моя, возьми с собой мои вещие слова, пролетев крутясь-вертясь, пронзи какой-либо хрящ сильного богатыря! — говорит.

После этого звук [тетивы] лука раздался, просвистела стрела. Она пронзила две горы. Сын авахи припал [к земле] и схватил пролетающую над ним стрелу, вонзив в нее железные когти. Тогда они побросали стрелы как попало, подбежали [друг к другу] и начали биться голыми кулаками. В твердой земле увязая по колена, в мягкой земле проваливаясь до бедер, бились они, беспощадно ударяя [друг друга] кулаками. Эти богатыри бились в течение трех суток на этой земле. Во время битвы наш человек Коколдокон задумался [над чем-то] и говорит так:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Атаман авахов, богатырь Буруннюк, послушай мои слова. Когда кто-нибудь из нас, оставшись [в живых], придет на эту землю, будут нужны люди и скот. Не станем уничтожать деревья и траву этой земли, не будем пугать людей и животных. На небе для нас создана подходящая страна. Эта страна предназначена для богатыря, намеренного исходить все уголки трех Сибир-земель. В этой стране есть старшая дочь солнца, старуха по имени Симэксин. Она разводит пылающий костер, на который не может взглянуть никто. Над костром подвешивает вертящееся колесо. На нем есть колечко, за которое можно ухватиться. Пойдем туда и там побьемся. Если и там не победим друг друга, отправимся в твою страну и, если там есть поле для поединков, будем биться. Если согласен, следуй, если же нет, возвращайся назад! Краткость разговора хороша, быстрота странствования не менее хороша, — говорит.

Окончив речь, перевернулся несколько раз, превратился в белую птичку и полетел, сверкая [белизной]. Атаман авахов [тоже] перевернулся несколько раз, превратился в трехглавого орла и шумно полетел следом. Эти богатыри, оказывается, держат путь в страну Симэксин-старушки. Во время пути, [уже] превратившись в крылатых птиц, они летели и бились, то царапаясь когтями, то клюя друг друга.

Эти богатыри поднялись на вершину верхней земли, и, как только они достигли страны Симэксин-старушки, этот Коколдокон заговорил так:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Дочь солнца, Симэксин-старушка, бабушка, открыв дверь, прими поклон-привет! Пришел я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, богатырь средней земли, по имени Коколдокон. Если спросишь: «Зачем ты пришел?» — [отвечу]: «Я привел к твоему колесу одного богатыря, чтобы не встревожить страну людей среднего мира, чтобы не напугать рождающихся детей их». Разведи костер и запусти колесо, — говорит.

Выслушав его, Симэксин-старушка быстрехонько развела костер, запустила колесо. После этого сказал Коколдокон:

— Так как я привел [тебя], первым и буду пробовать.

И прыгнув к вертящемуся колесу, зацепился за колечко. Колесо завертелось, этот Коколдокон сделал девять оборотов. Во время этих девяти кругов колесо так быстро вращалось, что не было видно и человека. А Коколдокон невредимым спрыгнул на землю. Пришла очередь сына авахи. Прыгнул [он] к колесу, зацепившись за кольцо, начал вращаться. Сделав семь кругов, не выдержал и упал в пылающий костер. Начали [у него] стягиваться жилы ног и рук, обгорела спина, со свистом стал лопаться живот. Но дойдя до такого состояния, разве умрет авахи без слов? Произнес он такие слова:

— Гунгир-гунгир — Ох, жарко-жарко, ну и мученье! Кто, кроме горевшего в огне, узнает, как тяжело сгорать? Хитрец Коколдокон средней земли, оказывается, очень хорошо знает, как легко можно убить богатыря. Пусть отныне никто из моего племени и не думает [биться] с ним. Ловкий хитрец этот мата! Такой уж у него внешний вид: что хорошего можно ожидать от человека, которого из-под багульника-то не видно? Ну и жарко, жарко, умираю, ой, беда, прости, прощай!

После этого наш человек обращается с такими словами к старушке — хозяйке страны:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Дочь солнца, Симэксин-старушка, бабушка, вот убил я, приведя к твоему колесу и спалив, богатыря нижней земли, родившегося на земле с крупным градом, Буруннюка. Если бы ты не развела свой костер, то я бы не смог победить [его], пока не исходил бы все три Сибир-земли. Он был сильным и храбрым богатырем, ты же, предоставив свой костер,

избавила меня от мучений. Ни в какой стране не произошло разрушение, и, убив его, я ухожу, не нанеся никакого ущерба. Я отправляюсь в дом богатыря верхнего мира Дюгирманди. В той стране у меня есть одно дело. И впредь, если мне нужно будет, приду к тебе. Я не знаю, как предстоит мне странствовать, а за помощь спасибо. Пусть не обидит тебя хитрый враг, прибывший из какой-либо страны, твоя судьба при тебе, моя судьба при мне, прости-прощай! — говорит.

Потом перевернулся несколько раз, превратился в белую птичку и с шумом полетел в сторону родины Дюгирманди. А он разве задержится в знакомой стране? Быстро подлетает. Показалась, зеленея, страна Дюгирманди-богатыря: бегают взад-вперед его триста тридцать три холощеных оленя, шевелятся три стада молодых оленей. Перевернувшись несколько раз, превратился [Коколдокон] в человека и завел такой разговор:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Шелковистоволосая Солкондор-красавица, подругой называемая подруга богатыря верхней земли, сына неба, маты по имени Дюгирмандя, открыв дверь, прими привет, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Какой мата, придя, заговорил?» — [отвечу]: «Пришел Коколдокон средней земли». Если же спросишь: «Как ты странствовал?» — [отвечу]: «Пришел, пространствовав очень хорошо». Я пришел, убив того атамана авахов, именуемого Сэвэенде, поджарив его на костре дочери солнца Симэксин-старушки. Наш человек Дюгирмандя-мата вернулся или нет? Если вернулся, пусть примет привет, если же еще не вернулся, куда бы мне пойти? — говорит.

После этого хозяйка дома выскочила и, ведя за руку, ввела зятя Коколдокона и усадила его у серебряного стола. Сама вышла, два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком набились в тройной изгороди, длиной в три кочевки. Она выбрала из них трех холощеных оленей, забила [их] и быстро сварила мясо, грудой сложила его на столе. После этого приготовила разные блюда. Дюгирмандя-богатырь хотя и отсутствовал, но угощение получилось хорошее. Они хоть и были только втроем [мать, дочь, гость], [но] угощались, разговаривая, смеясь, рассказывая, играя, как тридцать человек.

В это время [когда они ели] везде стали сгущаться черные тучи, умножаться белые тучи, забегали красные тучи, подул ветер, полил дождь, повалил снег, задул сильный вихрь, загремел гром, засверкала молния, и чуть не сорвало чум, верхушки растущих лиственниц [изогнувшись] захлестали землю, высохшие деревья разом сломались. Прошел ветер, и не успели [они] оглянуться, как послышался щелестящий шум сильных крыльев, и [какая-то птица] опустилась у дверей, [стукнув когтями].

— Кида-кида, киладий! — Шелковистоволосая Солкондор-красавица, подругой называемая подруга моя, богатырь средней

земли, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, Коколдокон, зять мой, открыв дверь, примите привет, потом будет разговор! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел?» — [отвечу]: «Выросший на верхней земле, сын неба, сделанный из тумана-марева, мата, именуемый Дюгирмандей, пришел». Если же спросите: «Как, постранствовав, вернулся?» — [отвечу]: «За то, что бился в течение целого года, мне присудили отдых на три года, и в течение трех лет сидел у духа-хозяина земли, превратившись в серебряный стол. Я кормил [всех] приходящих и уходящих, обеспечивая рождающихся, размножающихся, теперь я пришел. А моего противника авахи нижней земли, богатыря Сумуендю, за его грех, за то, что с самого рождения за все годы своей жизни охотился на людей-аи, ел [их] и питался их кровью, приговорили стоять в течение целых девяти лет в виде обгорелого пня. И он стоит, держась на ниточке, оставленной огнем у [его] основания. На него прохожие и все живые летающие и бегающие — все мочатся, испражняются, и проходят [мимо]. Осталось ему стоять еще целых шесть лет», — говорит.

Этот Коколдокон выскочил навстречу тестю и стал целовать [его] так, что опухли обе губы. Он за руку ввел его домой, к столу, придвинул четырехугольную скамью и усадил его. А тот сел так, что сломал скамью, выбросил ее и, придвинув шестиногую серебряную скамью, сел. После этого стол накрыли еще лучше, приготовив еще больше блюд. Хорошо беседуя и играя, кончили есть, и богатырь Дюгирмандя, вытирая пот, стал говорить такие слова:

— Кида-кида, кидалий! — Имеющий отцом Иркисмона средней земли, матерью Куккумачан-красавицу, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель зять мой, богатырь на этой земле именуемый Мэнгнониконом, мы оба пойдем на то поле, где встретились впервые, и поиграем, как умеем. Я покажу тебе, как играл в старину, а ты покажешь, насколько силен сейчас. Тогда будет хорошо на душе у меня и у тебя. И после этого, хорошо подготовившись, приготовив еду, соединим вас — тебя и твою подругу, ты согласен или нет? Если согласен, скажи: «Да», не согласен — «Нет» скажи, — говорит.

После этого Коколдокон, кажется, очень обрадовался:

— Я очень хочу поиграть, — говорит, — ну пойдем!

Эти два богатыря отправились на поле битвы. А домашние, глядя им вслед, остались дома. Смотреть было очень смешно: бедренная кость старшего [Дюгирманди] была в четыре пяди, голенная кость — в пять пядей, а ширина спины — в шесть пядей. И было очень смешно, что с таким человеком рядом шагает человек с рукавичку. Эти люди ушли и, разговаривая о том, о сем, играли, осматривая разные разметки для прыжков на одной ноге. Играя, так начали бороться. Во время борьбы Коколдокон не падал боком, как бы его тесть ни бросал:

— Ну, теперь ты попробуй свалить [меня], — просит Дюгирмандя-богатырь.

Коколдокон, немного покружив, бросил его на спину. Дюгирмандя-богатырь, увидев [это], заговорил так:

— Кида-кида, киладий! — Отцом имеющий Иркисмона средней земли, Куккумачан-красавицу — матерью, с полным именем во всех краях трех Сибир-земель, на этой земле Мэнгноникон-богатырь, зять мой, послушай же мои слова. В старину я не падал боком от двуногого, теперь состарился, что ли? Но все же ты, оказывается, силен не по росту, движения твоих рук, ног очень сильны. Поэтому-то ты побеждаешь атаманов авахи. И рождаются же от эвенков такие богатыри! И все же неужели твой рост только таков? Ты, наверное, хитришь. Было бы очень хорошо, если бы ты показался в своем настоящем облике, я бы был очень доволен. Если согласен, покажись в своем облике мне одному, — говорит.

Выслушав его, наш человек ответил:

— Если ты обещаешь никому не говорить, пусть будет так.

Потом они отправились к вершине гольца, упершегося в небо. [Коколдокон] на самой вершине [гольца] перевернулся несколько раз, и показался богатырь-аи Мэнгноникон в своем облике — в нигде не продавленном медном панцире. Дюгирмандя-богатырь, подойдя к настоящему [Коколдокону], встал рядом, чтобы сравнить рост. Тот мата был выше на четыре пальца и на четыре пальца толще его. Увидев это, Дюгирмандя сказал:

— Вот потому-то ты и силен, никак не мог ты быть таким [маленьким]. Моей дочке попался хороший человек, ты, — говорит.

Потом они перевернулись несколько раз, превратились в белых птиц и полетели домой, шелестя [крыльями]. Опустились у двери и превратились в людей. Дюгирмандя-богатырь заговорил так:

— Кида-кида, киладий! — Подругой называемая подруга моя, шелковистоволосая Солкондор-красавица, со следами, как ниточка, Инмэкон-красавица, дочь моя! На мои слова раскройте чуткие уши, — давайте мы накроем стол! Нам больше не встретить такого хорошего богатыря. Прошло целых три года с тех пор, как я стал ходить с этим человеком. За это время я все изучил: его характер, его силу, равного ему нет ни в одном роде, во всех трех Сибир-землях. Если и родится лучше, сильнее его, то родится от него. Поэтому, нисколько не задумываясь, готовьте богатую свадьбу [в честь их первой] брачной ночи, — говорит этот человек.

После этого женщина по имени Солкондор одела свою дочь с головы до ног в шелковую одежду. Потом два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком набились в место, окруженное тройной изгородью в три кочевки длиной. Из них выбрали трех самых больших холощеных оленей, трех лучших яловых самок, забили их и сварили. На серебряный стол нагромоздили кучи мяса и, собрав всех родственников, веселились в тече-

ние девяти суток, угощаясь свадебной едой. И пошли рассказы, разговоры, и маленькие люди, и все до единого большие люди — все поголовно радовались, и прошла очень богатая свадьба.

Так сошлись юноша с девушкой, стали хозяевами дома, развели [семейный] очаг. Мудрые старцы благословили [их] — размножить скот, родить детей; предсказали судьбу предсказатели, пели разные певцы, все усердно благодарили и усиленно благословляли [молодых].

Вот и прошла свадьба, прекратились игры. После свадьбы наш человек Коколдокон средней земли сел напротив тестя сына неба, Дюгирманди, и повел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Родившийся на верхней земле сын неба, рожденный из тумана Дюгирмандя-старик, тесть мой, шелковистоволосая Солкондор, теща моя, мои искренние слова, подробную исповедь почувствуйте нутром, поймите разумом, раскройте свои уши! Если спросите: «О чем?» — [отвечу]: «Мудрые старцы говорили, что добрый молодец, женившись на девушке, везет ее на свою родину. Вот и настала пора моего отъезда на родину. Как по-вашему, как думаете, скажите свое мнение. Подругой называемая подруга моя, со следами, как ниточки, Инмэкон-красавица, ты тоже скажи свое мнение, не задерживай». Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

Выслушав его, Дюгирмандя-мата отвечает ему:

— Кида-кида, киладий! — Отцом имеющий Иркисмона средней земли, Куккумачан-красавицу — матерью, с полным именем во всех трех Сибир-землях: на нижней земле Сэлэргуна — чуткий из чутких Сэнгокчон, на средней земле — завернутый в рукавицу Коколдокон, зять мой, мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой свои уши! Ты говоришь совершенно правильно: по-моему, мудрые старцы всегда были опорой, и ты сам не ошибся. Я-то сам согласен. Подругой называемая подруга моя, шелковистоволосая Солкондор, дочерью называемая дочка моя со следами, как ниточки, Инмэкон-красавица, вы тоже выскажите свое мнение, изложите подробно. Я говорю: «Уезжайте», а потом благословляю [вас] добрым словом. Благополучно доберитесь до родины, доброго вам пути. Обзаведитесь своим домом, разведите семейный очаг, постройте изгородь для оленей, родите детей, одевайтесь в одежду, разбогатейте. Если случится какая-нибудь беда, укоротятся [ваши] длинные мысли, сузятся широкие спины, отправьте по ветру свои вещие слова! Где бы я ни был, не премину прибыть, как только услышу — спасу ваши души — Кида-кида, киладий! — говорит.

После этого шелковистоволосая Солкондор-красавица говорит так:

— Дэгри-дэгри, дэгримой! — Богатырь верхней земли Дюгирмандя, мой друг, богатырь средней земли Коколдокон, зять мой, мои слова почувствуйте нутром, раскройте свои уши. На мой

взгляд, почему может быть неправильным ваш разговор, конечно же, вы правильно говорите! А разве в старину в разговоре не употребляли поговорку: «Молодая девушка должна принадлежать чужеродцу!», ведь не только я [так говорю]. Поэтому мне кажется [все] правильно. Дочь моя со следами, как ниточка, Инмэкон-красавицей именуемая, дитя мое, не раздумывая, собери свое приданое. Возьми с собой мое серебряное нагрудное украшение и держи всегда при себе, пока не поседеют твои шелковые волосы. Оно понадобится тебе в течение всей жизни. Если скажешь: «Стань хорошей одеждой!», — станет одеждой, если скажешь: «Стань богатством!», — станет богатством. И то золотое кольцо, надетое на мизинец, тоже храни, не теряй, носи на себе. Оно может превратиться в стадо молодых оленей. Храни у себя этот четырехугольный ящичек, и он может стать вьюками с богатством, расставленными в три ряда. В ту дальнюю страну будет очень трудно гнать скот и оленей, и коней; [но] если довезешь то, я тебе завещала в целости, [то] это достаточно обеспечит вас. Еще даю вам молодого коня с золотой шерстью. Садитесь на него верхом и уезжайте! Пусть никто не мешает вам, не уступайте двуногому, не падайте от широкогрудого, не спотыкайтесь от имеющего суставы. — Дэгри-дэгри, дэгримой! — говорит.

После того, как эти люди-эвенки так подробно [все] обсудили, женщина по имени Солкондор одела свою дочь с ног до головы в красное сукно, подбитое мехом чернобурой лисицы, и вручила все, что подарила. Потом подвела рыжего молодого коня, стоявшего на привязи в течение девяти суток.

После этого наш человек, Коколдокон средней земли, с женой ловко вскочили на золотое седло молодого коня, направили его в сторону родины Коколдокона и помчались. Они ехали так [быстро], что конь копытами отрывал [целые] бугры, обрушивал ямы и ложились растущие деревья, а высохшие деревья ломались. А конек бежал все более стремительно, оставляя за собой оторванные [копытами] пласты земли с коврик [величиной], а вперед выбрасывая комья земли [величиной] с рукавицу. Во время движения наш человек, Коколдокон средней земли, обернувшись, обратился к тестю с тещей с прощальным словом.

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Богатырь верхней земли, сын неба, сделанный из тумана богатырь Дюгирмандя, тесть мой, шелковистоволосая Солкондор-красавица, теща моя, вы подумаете: «Будучи сильным богатырем, уехал без прощального слова». [Но] ведь у нас с вами два пути: ваша судьба — вам, а наша — нам. Неизвестно, когда я приеду, но все же обязательно навещу [вас], навсегда я не уеду. А когда станете умирать, отправьте с ветром свои вещие слова. Где бы ни был я, не пропущу, услышу и спасу ваши жизни. Ни в коем случае авахам не дам [вас] в обиду. Я такой мата, который, не жалея ни здорового тела, ни

крови, пройдет ради вас по всем краям трех Сибир-земель. Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит [заканчивает речь].

После этого они [поехали]. Сказать: «Летят к стране Коколдокона, к месту, где в старину жил Геван-старик», [нельзя] — не летели [они], ехали очень быстро. В сказке разве можно задержаться — вот уже Коколдокон приехал на родину, и конь резко остановился (букв.: разрыл мордой землю) у коновязи, где привязывают быстроногого коня. [Коколдокон] спрыгнул с коня. Потом он не успел взглянуть в сторону дома, как распахнулась дверь. Вышел один храбрый воин и, взглянув на [Коколдокона] острыми, как угольки, глазами и нацеливаясь дважды-восьмисаженным луком, сказал так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Это откуда родом-племенем мататкан пришел? До чего же молниеносен и странен твой приезд! С каким намерением, с каким срочным делом ты прибыл? Быстро выскажись, изложи подробно. А если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата, являешься?» — [отвечу]: «Отец мой — родившийся на верхней земле лучший из иноплеменников, почтенный из гостей, одетый в серебро сын солнца, Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, а именуют меня Хуркокчоном верхней земли, имеющим пегого молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой». Если же ты убийца, то я первый выстрелю — я хозяин земли; а то скажешь: «Смелого человека убил без предупреждения». Ну, идет оружие — берегись, летит стрела — приготовься! Вот моя стрела вонзится в середину черненькой печени, — сказал он, и взвизгнул [его] мизинец, взревел указательный палец, зазвенела тетива, сплетенная из шкуры дикого оленя, засвистела стрела, нацеливаясь прямо в середину печени Коколдокона. А наш человек отскочил в сторону, увернулся от стрелы. После этого Коколдокон повел такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Отцом имеющий богатыря верхней земли, сына солнца Дергэлдина, Секак-красавицу — матерью, Хуркокчон верхней земли, двоюродным братом называемый брат мой, сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмон средней земли, мать моя — старшая дочь Геван-старика Куккумачан-красавица, я, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель, на нижней земле именуюсь чутким из чутких Сэнгокчоном, на средней земле — Коколдоконом средней земли, на верхней земле — садящимся верхом на богатырской птице Мэнгнониконом, мататкан я». А ты-то вот чем обеспокоенный стреляешь? До чего ж ты вспыльчив! Если бы я был плохим, слабым богатырем, тут же ты мог убить меня. Будучи ловким человеком, я и то едва успел увернуться. Подожди-послушай, мы не убивать тебя приехали. Вернулся я, исходив с определенным намерением все края трех Сибир-земель. Вернулся я, взяв

[ту, которая] когда мне был один год [была предназначена мне] с одного года в швеи, с двух лет — домохозяйки, с трех лет — суженые, подруги. И Куккумачан-красавица, мать моя, Секак-красавица, тетушка моя, с огоньками в глазах Чагилган, брат мой, сын солнца Дергэлдин, зять мой, готовьте угощение для нашей свадьбы в честь брачной ночи в родном доме с моей подругой, имеющей следы, как ниточки, Инмэкон-красавицей. Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

Тот человек, выслушав его, сильно испугавшись, говорит так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Ну и ну, что же я делаю, как стыдно мне! Эх ты, горе какое! Жалко-жалко, — уважаемого, двоюродным братом называемого брата своего чуть не убил [наповал]. Имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон средней земли, двоюродный брат мой, сначала — привет, потом — разговор! За первую мою повинность не сердись на меня, ведь говорили же, что совершаются ошибки двуногим! Я, оказывается, уже забыл, что имею такого двоюродного брата, как ты. Я выстрелил потому, что принял тебя за убийцу, потому что приезд твой был молниеносным. Ты и вправду храбрый человек, раз увернулся. У тебя такая судьба, что не умрешь от стрелы эвенка-человека. И Куккумачан-красавица, тетушка, Секак-красавица, мать моя, быстро приготовьте этим приезжим людям одежду и еду, — говорит.

Услышав это, Секак-красавица открыла дверь, быстро вышла, взяла за руки невестку, ввела и, посадив обоих за четырехугольный стол, села напротив и стала говорить:

— Кимо-кимо, кимонин! — Племянником называемый племянник мой, имеющий полное имя во всех краях трех Сибир-земель Коколдокон средней земли, невесткой именуемая невестка моя со следами, как ниточки, Инмэкон-красавица, примите поклон-привет, сначала — привет, потом — разговоры! Простите нашего юношу за его шалость, а завтра я его поругаю как следует. Коколдокон, племянник мой, хорошо, что ты постранствовал благополучно, таким и должно быть странствование доброго молодца. И вот новый человек, невесткой называемая невестка моя, прими поклон-привет, сначала — привет, потом — разговор! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, женщина, будешь?» [отвечу]: «Я — младшая дочь Геван-старика, именуемая Секак-красавицей». А теперь давайте же быстро готовить угощение [в честь] приезда наших детей. Соберите быстро три стада молодых оленей, сделаем хорошую, счастливую свадьбу, благословим их на жизнь с разведением оленей, пожелаем обзавестись домом-очагом и родить детей. Соберите много народу, долину полную соберите родственников-мужчин и полный мыс родственниц-женщин, организуйте [свадьбу]. Благословители пусть благословляют, кто хочет радоваться, пусть радуется, игроки пусть играют! Кимо-кимо, кимонин! — говорит [заканчивает речь].

После этого они два-три раза кликнули три стада молодых оленей, и олени битком набились в изгородь окружностью в три кочевки. Эти люди к далеко живущим поехали галопом на быстроногих трехгодовалых оленях. Близко живущих старых людей привезли на смирных оленях, ведя [тех] за недоуздки. Забили трех самых крупных холощеных оленей, трех лучших яловых важенок, трех самых лучших яловых кобылиц и устроили свадьбу-пир. Пили, ели, угощались эти люди в течение девяти суток, не замечая [времени]. После свадьбы начались игры для рук и ног. Во всех этих играх не оказалось ни одного человека, равного Коколдокону и Хуркокчону верхней земли, поэтому: «Среди богатырей среднего мира совсем нет равных им», — сказали.

После этого имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, имеющий матерью Секак-красавицу мата, именуемый Хуркокчоном верхней земли, глядя на своих людей, повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Матерью называемая мать моя, отцом называемый отец мой и Коколдокон средней земли с полным именем во всех краях трех Сибир-земель — вы все, послушайте мои слова! Я больше не возмужаю (букв.: больше у меня и рога не вырастут, и копыта не появятся). Не пора ли мне отправиться в странствование, как положено странствовать доброму молодцу? Если спросите: «Ради чего ты хочешь странствовать?», то [отвечу]: «Мой двоюродный брат Коколдокон, исходив все края трех Сибир-земель, привел же [подругу, предназначенную быть] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой!». Кто-нибудь из вас укажите подходящую для меня землю, чтобы и я так [как он] постранствовал. Старшие, наверняка, вы знаете [такую землю]. Я не испугаюсь, как бы ни была она далека! — говорит.

Услышав это, Секак-красавица заговорила так:

— Кимо-кимо, кимонин! — Хуркокчон верхней земли, сыном называемый сын мой, ты произнес очень важную речь. Я хорошо выслушала ее, почувствовала своим нутром, вложила в уши, поняла разумом. Поэтому хотя ты еще и не возмужал и твои суставы еще не укрепились, тем не менее я дам [тебе] совет как умею, тобой распорядится судьба. Если согласишься — пойдешь, не согласишься — не пойдешь. Не понравится [мой совет] — твой отец или двоюродный брат [Коколдокон], вероятно, знают другую землю. Тем не менее, я первой попробую указать путь: когда пойдешь вверх по течению большой реки с истоком на восток, [увидишь] три одинаковых ее притока. Пойдешь вверх по среднему притоку, будешь идти очень долго (букв.: будет очень далекой страной). Дойдешь до верховьев притока, там будет другая река, перейдешь ее, дойдешь до широкой реки, когда перейдешь — окажется еще бо́льшая река. У ближней реки будет чистая прозрачная вода, у средней вода цвета синего шелка, а у дальней реки вода из крови людей-аи. Присмотришься внимательно — [увидишь] плавник трубчатые кости людей и камни — позвонки

людей. Когда пройдешь их и полетишь вверх, пролетишь большое расстояние, тогда будет очень красивая, с неувядаемой, никем не помятой травой страна, самая большая из чужих земель, самая отличная из иноземных стран. В той стране одиноко живут самый главный хозяин Чолбондор-старик и Оннодор-старуха. У них есть три дочери, среднюю из них именуют всепобеждающая указательным пальцем богатырша Уняптук-красавица. Иди и попытайся просить ее [руки], согласится или нет? Если не согласится, то ты [зря] потерпишь много бедствий. Если спросишь: «Как далеко [та страна]?», то летающая на крыльях [птица], трижды снесши яйца, сможет достичь ее, прыгающий по земле четвероногий зверь, родив девять раз, сможет достичь ее, такова земля, до которой ты должен дойти. Если подходит, скажи: «Да», не подходит — скажи: «Нет». — Кимо-кимо, кимонин! — говорит.

Выслушав ее, Хуркокчон верхней земли говорит: «Как же не понравится такая хорошая страна, непременно пойду!». И так обрадовался, что весь затрясся и начал тут же собираться в дорогу. Посмотрел он на своего пегого быстроногого молодого богатырского коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой — стоит привязанный к коновязи. [Хуркокчон] осмотрел его спереди и сзади — конь и вправду, оказывается, красив собой: голени его [были], как лиственницы без коры, икры ног — как ели с ободранной [корой], бедренные кости [были ладны], как вырезанные, хвост его был высоко поднят, как при галопе от испуга — был он ладным-статным конем. Этот человек [Хуркокчон] ловко, как черный глухарь, вскочил на своего молодого коня, направил его к истокам большой реки и помчался так [быстро], что конь копытами срывал бугры и обрушивал [края] ям.

Отправляясь в путь, он обратился с такой речью:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы — вся моя родня: мать с отцом, невестка с двоюродным братом, может, вы подумаете, что я, будучи храбрым человеком, уехал без прощального слова. Как вы знаете, я отправился в далекую широкую страну. Неизвестно, когда я вернусь, если сказать очень скоро через год явлюсь, если сказать не очень быстро — через два года, а если сказать долго — вернусь через три года. До моего возвращения пусть вас никто не обидит, живите [хорошо]. Если же придет время, когда начнут укорачиваться ваши мысли, начнут суживаться ваши широкие спины, свои вещие слова отправьте по ветру, где бы я ни был — не пропущу, услышав, спасу ваши души. Ваша судьба — вам, моя судьба — мне. — Угэло-угэло, угэндор! — говорит.

Затем Коколдокон держит такую речь:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Двоюродным братом именуемый двоюродный брат мой, имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, имеющий матерью младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий молодого коня Хуркокчон верхней земли, мои слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой уши,

пойми из пяти слов одно, из десяти пять. Из этой страны возвращается только сильный, храбрый человек, а хилый, слабый человек не возвращается. Поэтому ты, если даже потерпишь поражение, не бойся, думая: «Потерпел поражение», если же победишь, не кичись, думая: «Я победил». Если будешь странствовать, не спеша и спокойно обдумывая, то ты вытерпишь [тяготы] странствования. В той стране есть один сильный богатырь. Говорили, что есть мата, имя которого наступающий на вершины хребтов, заросших кустарником, Отани-богатырь, [он] — братом именуемый брат той девушки, [к которой] ты сватаешься. Есть и еще богатырь посильнее его, мата по имени выросший, прячась в лиственничном лесу, Ирэглинде. Если поступишь [с ними] опрометчиво, то будет плохо. Тем не менее, говорят, что мысли у доброго молодца тверже камня: глазами не мигай, ступишь ногами — не отступай, не уступай двуногому, побеждай двурукого, не падай от широкогрудого, боком не падай от крутобокого, не спотыкайся от имеющего суставы, постранствуй, как добрый молодец! Покровительница твоя пусть укажет путь, а создательница пусть встретит [тебя]! Пусть будет твоя судьба с тобой, моя судьба — со мной! И прости, прощай! — говорит.

После этого Хуркокчон верхней земли поехал вперед. Долго ли, коротко ли ехал, сам не знал. Он ехал, узнавая лето по росе, осень по граду, зиму по снегу, осевшему на ветвях деревьев, а раннюю весну по пушистым снежным хлопьям. Как предсказывала Секак-красавица, [он] переехал три реки и полетел вверх. Разве он задержится [в пути]? Кажется, вот-вот приближается к стране Чолбондор-старика. Доехал до страны с вечнозеленой, никем не помятой травой и увидел, подумал: «Березняк» — оказалось стадо белых холощеных оленей, подумал: «Заросли тальника» — оказалось стадо отборных холощеных оленей, подумал: «Камни» — оказались пестрые яловые олени, подумал: «Тальники» — оказались олени-самцы. [Хуркокчон] ехал, думая: «Вероятно, они очень богатые люди». [В это время] верхом на пестром олене быстро приближался окутанный черным туманом мата в шапке из шкурки головы пестрого оленя, в дошке из шкуры, в рукавицах из камусов с передних ног, в унтах из камусов с задних ног [того] оленя. Приближаясь, он обратился [к Хуркочону] с такими словами:

— Лирве-лирве, лирвея! — Хуркокчон верхней земли, имеющий отцом сына солнца Дергэлдина, матерью — младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий пегого молодого коня, для приличия прими привет, потом пойдут разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем мата пришел и навязываешься со своим приветом и благодарностью?» — [то отвечу]: «Я слуга сыновей Чолбондор-старика, имя мое ездящий верхом на пестром олене, в пестрой одежде Бокалдын. Бессовестный разбойник, ты приехал, чтобы прослыть мужем нашей девушки (букв.: взявшим нашу девушку)! Я никак не боюсь того, что ты

вырос, нарастив на животе своем сало с мяса серых холощеных оленей, [не боюсь того], что от мяса черных холощеных оленей потемнела [твоя кожа], что раздобрел [ты] от мяса темносерых холощеных оленей Геван-старика! Сию же минуту рассеку тебя надвое ударом своего березового посоха и правую половину тела брошу налево, а левую половину — направо! — говорит.

Сказал и сразу подъехал и ударил березовым посохом по макушке [Хуркокчона]. С нашим человеком ничего не случилось, даже не останавливаясь, подхватил посох [Бокалдына] и ударил его самого по макушке. И тот раскололся надвое по среднему шву черепа, по середине грудной клетки и прямо по промежности. Этот человек разбросал его тело по обеим сторонам тропы. После этого Хуркокчон верхней земли доехал до чужеродцев, хозяев места и, остановившись у коновязи, где привязывают богатырского скакуна, привязал своего молодого коня. Приезжий человек повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — В самой большой из чужих стран, на земле, отличающейся от других стран, вы, старейшины верхней земли, родившиеся единственными хозяевами ее, Чолбондор-стариком и Оннодор-старушкой именуемые старцы, откройте дверь, примите низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросите меня: «Откуда родом-племенем мата пришел?» — [то отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней земли сын солнца Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, я, ездящий верхом на молодом коне с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, Хуркокчон верхней земли». Если же спросите: «Ради чего ты приехал в такую далекую страну?» — [то отвечу]: «[До нас] дошла весть о славном имени вашей средней дочери, всепобеждающей указательным пальцем богатырши Уняптук-красавицы, ради нее я и ехал так упорно и настойчиво». «Почему?» — спросите, [то отвечу]: «Я приехал договориться [с вами] о подруге, которая должна была стать мне с одного года швеей, с двух лет — домохозяйкой, с трех лет — суженой. Какой ответ дадите вы, старцы? Отдаете [дочь] или нет, скажите сразу. Не заставляйте ждать путника, не задерживайте странника! Если даже вам не нравится [мое предложение], как по-вашему: как я вернусь [домой один], приехав в такую далекую страну? Поэтому быстро скажите [свое решение]!» — говорит.

После этого послышались со стороны дома шаги тяжелых ног, распахнулась дверь и вышел человек несомненно богатырского сложения. Посмотрел на него [Хуркокчона] недобрыми глазами и направился навстречу. Подходя, он заговорил так:

— Октани-октани, октане! — Вот Хуркокчон богатырь верхней земли, имеющий молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, прими низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [то отвечу]: «Отец мой Чолбондор-ста-

рик, мать моя Оннодор-старушка, имя мое наступающий на вершины [гор], заросших тальниками, Отани-мата, богатырь верхней земли, богатырь-аи». Что же ты так пренебрегаешь мной или настолько глуп? Ты совершил такой тяжкий проступок, да тебе еще нужна жена! Ведь ты убил такого хорошего парня по имени Бокалдын и как враг-авахи, угощаясь мясом нашего же парня, хочешь сыграть свадьбу? Ох, как досадно, горе мне! За такое твое отношение к нам сейчас же своим указательным пальцем вырву твою становую жилу, кровью твоей поиграю, разбрызгивая ее по небесной радуге и тем дополню ее еще одним цветом! Позабавлюсь, составляя из ребер твоих остов чума и разбрасывая позвонки твои по морской гальке! Если намерен прийти — быстро приходи, намерен вернуться — быстро возвращайся! Если [осмелишься] подойти, [то] я заставлю тебя падать, хотя у тебя и упругие сухожилия, заставлю спотыкаться, хотя у тебя и богатырские сухожилия! Бессовестный разбойник, наконец-то ты попался, сам пришел-таки! — говорит.

Сказав так [он], твердо ступая, направился к месту поединков богатырей. А наш человек [Хуркокчон], услышав слова того человека, разве стерпит — сильно рассердился и побежал следом за ним, увязая в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена. Так два богатыря-аи и встретились между собой. Они начали энергично биться своими темными кулаками, не уступая [друг другу в силе]: звуки от ударов кулаков раздавались по небу, звуки от ударов пяток эхом отдавались по земле, упираясь и расщепляя высохшие деревья, сдирая кору растущих деревьев, подняв, [они] носили друг друга, растаптывая горы, излучины рек, превращая в ямы, в мягкой земле увязая до бедер, в твердой земле по колена, вот так бились [они]. Долго ли, коротко ли бились — они не знали. Во время битвы противник [Отани], вероятно, очень устал: там и сям начал падать на четвереньки, начал припадать на колени, помутился его разум — начал [он] угрожающе подходить к камням, говоря: «Мой парень», начал обнимать валуны. Укоротились его длинные мысли, сузилась его широкая спина. Наш человек [Хуркокчон] с каждым ударом кулака заставлял [его] терять сознание, с каждым ударом приводил в смятение, после каждого пинка брал верх [над ним]. Доведя его до такого состояния, [Хуркокчон] не стал медлить — тотчас бросил [его], и [тот] ушел в землю на три сажени. [Тогда Хуркокчон] своим ножом [шириной] в четыре пальца собрался перерезать ему горло. Противник, отталкивая вверх руку [Хуркокчона] с ножом, заговорил так:

— Октани-октани, октани! — Богатырь верхней земли Хуркокчон-мата, мои страстные слова прочувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! За какую вину перед тобой ты так надо мной издеваешься? За мной нет никакого греха — я не переступал твой длинный путь, не пересекал землю, по которой ты ходил. Я по-

страдал, лишь жалея своего парня и защищая свою сестру. Твоего я ничего не отбирал, ничего плохого не делал тебе, поэтому пощади хоть мою жизнь! В какой стране ты видел, чтобы жених убивал брата невесты? Хоть ты и силен и можешь победить, но ты молод и должен дорожить своим добрым именем. Бесстыжий, я не знаю, как наша девушка добровольно выйдет за такого, [как ты]. Много за тобой вины, даже [победив меня], ты не вернешь [ее]. Здесь я не один, есть богатыри сильнее меня. Братом называемый брат мой, выросший в лиственничном бору Ирэглинде именуемый мата, мои вещие слова пойми разумом, прочувствуй нутром и раскрой уши! У меня сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, пришел смертный день, приди же быстрей, спаси мою душу! — говорит.

Сразу после этого, гулко ступая по земле, стал приближаться один мата. Наш человек [Хуркокчон], услышав шаги, посмотрел на приближающегося — оказалось, идет мата ростом выше Отанимата и сложением лучше его. Подошедший заговорил так:

— Лингкир-лингкир, лингкирье! — Ну же, ну же, Хуркокчон верхней земли, прими низкий поклон! После этого поговорим! Если ты спросишь: «Откуда родом-племенем мата, придя, заговорил?» — [отвечу]: «Я родной брат измученного тобой человека, имя мое выросший, прячась в лиственничном бору, Ирэглинде. За какую большую вину ты мучаешь этого мату? Ох, досадно! Ненавижу [тебя], горе мне! Сейчас же я заставлю тебя спотыкаться, указательным пальцем выдерну позвоночную аорту. Если ты пренебрегаешь нами и тебе стало некуда деть свою неиссякаемую энергию, [я] заставлю тебя припадать на колени, кровь твою заставлю стечь в [широкую] грудную клетку и поиграю ею, разбрызгивая ее по небесной радуге, поиграю, позвонки твои разбросаю по морским камням! Потом не сердись на меня, если придет смерть, на меня не обижайся, пеняй на себя. — Лингкир-лингкир, лингкирье! — говорит.

Как только сказал, не стал медлить — посохом из целой лиственницы ударил [Хуркокчона] прямо по макушке. А наш человек оказался из таких матов, которые могут выдержать и такое — лиственничный посох разломался, и от него не осталось и пяди. И наш человек начал ожесточенно долбить его темными кулаками. Бились они сильно, энергично, холмы превращая в ямы, сдирая кору растущих деревьев, расщепляя высохшие деревья, в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена увязая. Долго ли, коротко бились — они не знали. Два мата равно бились. Бились они, узнавая лето по росе, осень по граду, зиму по снегу, осевшему на ветвях деревьев, а весну по пушистому снегу. Они бились целый год без передышки. Между тем наш человек, Хуркокчон верхней земли, начал брать верх над противником: от каждого удара [тот] падал на четвереньки, от каждого стука терял силы, от каждого пинка слабел. Противник постепенно ослабевал, су-

живалась его широкая спина, укоротились его длинные мысли. После этого наш человек тотчас бросил его на землю [так, что тот] на три сажени [ушел в нее], Хуркокчон трижды обвил свою левую руку его волосами в три пяди и, таская его по земле, хлестал овражным тальником, бил по спине гибким прутиком. Для противника наступил смертный день, тогда он заговорил так:

— Лингкир-лингкир, лингкирье! — Хуркокчон верхней земли, подожди, послушай! Мои страстные слова пойми разумом, прочувствуй нутром, раскрой уши! За какую вину ты так расправился со мной? Я никогда плохого тебе не делал. Ведь человек-аи не должен убивать человека-аи! Говорят, большой грех, если он убьет. Поэтому не лишай меня жизни. Теперь я с тобой не буду спорить. Меня не убивай, иди и поговори сам с моей сестрой Уняптук-красавицей, богатыршей, всепобеждающей указательным пальцем. Согласится ли, нет ли (букв.: отдаст ли свое будущее)? Может, и не согласится, она такая девушка, которую не возьмешь, пока не исходишь все три Сибир-земли и не победишь ее. [Она] добровольно все равно не выйдет [за тебя]; если ты настоящий мата и сможешь победить ее, только тогда ты возьмешь ее, — говорит.

Наш человек, выслушав его, подумал: «И вправду, если я убью человека-аи, мне будет плохо» и помог встать [Ирэглинде] на ноги, потянув его за руку. После этого он отправился к той девушке. Дойдя до дома девушки, повел он такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Уняптук-богатырша, открой дверь, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [отвечу]: «Отец мой — лучший из чужеродцев, родившихся на верхней земле, почтенный из матов, одетый в серебро, сын солнца Дергэлдин, мать — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, пришел я, Хуркокчон верхней земли». Если же спросишь: «Ради чего ты приехал?» — [отвечу]: «Я пришел к тебе, думая, что ты должна была бы стать для меня с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, а с трех лет суженой, подругой. Какой ответ ты дашь, выскажись откровенно, скажи, не задерживаясь! У твоих братьев я спросил по-доброму, а они не согласились, оба бились со мной, но не победили. Они сказали: «Иди сам и поговори с ней». Вот я сам и пришел поговорить с тобой. Я человек, который непременно увезет [тебя с собой], пойдешь ли ты или нет. По-доброму выходишь за меня или по-худому? Я готов на все и могу исходить все три Сибир-земли. Быстро скажи свое решение, говори, не задерживай! Не заставляй ждать странника, не задерживай путника!» — Угэло-угэло! — говорит.

После этого Уняптук-богатырша вышла из дому и заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Богатырь верхней земли, Хуркокчоном именуемый мата, прими привет! Сначала — привет, потом — разговоры! Если ты очень хочешь выслушать меня, то думаю, что

я тоже смогу поговорить с добрым молодцем. За такого дерзкого мату, как ты, с наглыми мыслями я по-доброму не пойду. Если ты и вправду смелый мата, то возьмешь меня (букв.: мое будущее), одолев меня силой, если же не сможешь — не возьмешь! — Гуре-гуре! — сказала и пустилась бежать.

Наш человек схватил ее за руку, но девушка ребром ладони [другой] руки ударила так по руке [Хуркокчона], что тот выпустил ее, [она] убежала. Молодец разве будет стоять — погнался за девушкой, хватая рукой. Эта девушка побежала к морю, противоположные берега которого не были видны, [через море] перебежала по проволоке, протянутой над морем.

А наш человек Хуркокчон верхней земли легко и быстро следом бежал по проволоке. Девушка перебежала три таких моря, а наш человек постепенно догонял ее, бежал, задевая руками. А девушка добежала до скалистой горы, превратилась в иголку и ловко вошла в [расщелину] скалы. Наш человек не смутился и от этого, перевернулся трижды, превратился в трехгранный железный колышек, вошел в ту же расщелину, куда вошла девушка. [Он] сильнее, чем девушка, раздробил скалу и начал догонять ее. А девушка едва убежала из скалы, превратилась в белую птичку и взлетела вверх. Наш же человек превратился в сокола,полетел ей вдогонку. Молодая девушка летела и летела далеко ввысь, долетела до самого поднебесья, опустилась на поляну, покрытую никем не помятой вечнозеленой травой, превратилась в человека и начала говорить так:

— Гуре-гуре, гурене! — Хуркокчон верхней земли, бессовестный разбойник, с лицом, как подошва, с гнилым сердцем, с гнойной печенью, ты что, принимаешь меня за Отани-мату, наступающего на вершины гор, заросших тальником, или за Ирэглинде-мату, выросшего в глухом лиственничнике? Я, вероятно, чуть отличаюсь от них. Хотя я и молодая девушка, не дам тебе обидеть себя! И у меня есть руки и ноги, как у тебя. Ты думаешь, что у меня нет силы. Я тебя нисколько (букв.: и на одну руку) не боюсь. Если ты вправду сильный, храбрый мата, то только победив, возьмешь, не победишь — станешь моим слугой. — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

После этого наш человек Хуркокчон верхней земли так рассердился, что не мог сказать вслух и подумал: «Смотри-ка, как смеет эта молодая девушка пренебрегать таким богатырем, как я!». И даже не стал ей говорить ничего наш человек, подошел и ударил ее темнокожим кулаком в основание уха. Та едва не присела, хотя она и была молодой девушкой, оказывается, была очень сильной. Ни в какое сравнение не шла с братьями — была намного сильнее. Юноша с девушкой оба были сильны и бились, не уступая друг другу: упирались в высохшие деревья и расщепляли их, упираясь на растущие деревья, сдирали с них кору, бугры ровняли с землей, обрушивали края ям, разрушили ногами горы, излучины рек

превратили в ямы, в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена увязая, долго ли, коротко ли бились — они не знали и бились, не уступая друг другу [в силе]. Они бились так в течение трех месяцев, в течение девяноста суток (букв.: ночей без передышки). Наш человек, как и подобает мужчине, был еще полон сил и начал одолевать [девушку]. А молодая девушка, вероятно, уже не могла сопротивляться, то падала на четвереньки, то на колени, вероятно, сузилась широкая спина и укоротились длинные мысли. Наш человек, доведя ее до такого состояния, не давая ей опомниться, [схватил и] понес, приподняв так, что ноги ее чуть задевали землю. Покружив, бросил в землю на три сажени. Тогда он обмотал свою левую руку ее трехсаженными шелковыми волосами, поволок ее к отдельно стоящей горе и начал хлестать по спине. Этот человек бил, таская ее в течение трех суток (букв.: ночей и дней). У бедной девушки сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, пришел ее смертный день, и никто уже не мог ее спасти. После этого девушка заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Хуркокчон верхней земли, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром и раскрой уши! У меня сузилась широкая спина, укоротились длинные мысли, осталось лишь умереть мне. Будучи человеком-аи, если убьешь девушку-аи, будет тяжело тебе, так говорили мудрые старцы, поэтому подожди, послушай! Ведь если ты меня убьешь, то не станет подруги, которую ты назовешь подругой и которую ты будешь считать с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой! Ведь вина-то известна тебе — я лишь пожалела своих братьев, которых ты жестоко обидел, оттого и рассердилась, только в том моя вина. Больше я ни в чем не виновата, по-твоему, разве это большая вина? Ты разве стал спокойно смотреть на то, как обижают атаманы авахов кого-нибудь из твоих кровных родных? Ты подумай, если бы нашелся кто-нибудь обижающий тебя, я, думаю, стала бы защищать [тебя], пока я жива (букв.: пока длится светлый день мой)! Ты подумай и перестань, послушайся [меня]! — говорит.

Выслушав ее, наш молодец сказал: «Действительно, ее вина невелика», потянул за руку и усадил ее. Усадив, увидел — изменилась ее красивая внешность, изорвалась ее красивая одежда, изуродовалось ее здоровое тело, побледнели ее румяные щеки. Этот человек, увидев ее, хотя и был он сильный духом, — вероятно, очень обеспокоился, огорчился и подумал: «Как же я так издевался над своей бедной подругой?». После этого Хуркокчон верхней земли повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Посмотрите-ка вот, как досадно мне, горе мне, хочется плакать! Как я жестоко изуродовал здоровое тело своей бедной подруги, предназначенной мне с одного года в швеи, с двух лет в домохозяйки! Если спросите: «Кто ты и почему так поступил?» — [отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней

земли Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица. [Я] имеющий пегого молодого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, имя мое Хуркокчон верхней земли». Если же спросите: «Из какого рода-племени девушку так обидел?» — [отвечу]: «Ее отец единственный главный хозяин на верхней земле Чолбондор-старик, мать ее Оннодор-старуха, ее же именуют Уняптук-красавица, богатырша, указательным пальцем все побеждающая». Я едва ее не убил. Молодая девушка почти не виновата, [я], рассердившись на ее братьев, допустил оплошность. Кто может стать на мою сторону во всех трех Сибир-землях? Есть ли хоть один эвенк, который может исправить мою ошибку? Если есть такой, то пусть поймет мои вещие слова, пусть раскроет уши и прочувствует их нутром, я же никак не могу поставить [девушку] на ноги. Если бы кто-нибудь из людей-аи помог мне, я бы тоже отблагодарил его добром. Придите скорее, если можете спасти, спасите, не можете — дайте знать и об этом. — Угэло-угэлδ, угэндор! — говорит.

Через некоторое время сгустились черные тучи, увеличились белые тучи, побежали красные тучи, поднялся ветер, закружил сильный вихрь, засверкала молния, загремел гром, полил дождь, повалил снег, посыпал град. Как только прошло [все это], шурша и шелестя, прилетели три белые птицы, покружили раза три-четыре и заговорили так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Вот ты, имеющий отцом родившегося на верхней земле, лучшего из чужеродцев, почтенного из матов, в серебряной одежде сына солнца Дергэлдина, а матерью младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, Хуркокчон верхней земли, прими низкий поклон! Сначала — привет, потом — разговоры! Если спросишь нас: «Откуда вы родом-племенем, крылатые птицы, будете?» — [то] отвечу: «Отец мой тоже родился и рос на верхней земле, ездит он на семи звездах, [имя] его Хэглэндор-старик, мать моя — Сивэккилон-старуха, я, не пропуская предугадывающая любую смерть на всех трех Сибир-землях, пением помогающая при всех несчастных случаях, дыханием оживляющая мертвых, помощница людей, добрая шаманка Аякчан-красавица». Если спросите: «Ради чего ты прилетела?» — [то] вы ведь сказали: «Умерла, сгнила девушка-аи по имени Уняптук, имеющая отцом Чолбондор-старика, матерью Оннодор-старуху, указательным пальцем все побеждающая богатырша». Вот для этого и прибыла я. Ох, братец наш Хуркокчон верхней земли, что случилось с тобой, почему так поступил? Но все же будет хорошо! Очень-то не бойся, раскрой уши, пойми мои слова разумом, почувствуй нутром! Я принесла [тебе] три яичка серебряной птички с верхней земли, чтобы ты искупил свою вину и исправил ошибку. Лечи ими [девицу]: красного яичка дай выпить, желтым смажь кости, а белым — тело. И впредь вы

так не поступайте, не оскорбляйте друг друга даже полсловом, пусть вам сопутствует счастье, исполнятся желания, да соединятся ваши сердца, обзаведитесь чумом, разведите огонь, родите детей, держите в изгородях скот, разведите оленей, пусть будет у вас много имущества, держите у себя деньги, одевайтесь и ешьте, спасайте голодного, прославьтесь добрым именем, станьте самой лучшей семьей, пусть приветливо встречают вас родственники, полюбят чужеродцы, да укажут вам дорогу старые деды и благословят вас бабушки-старушки! Не уступайте двуногому, побеждайте двурукого, не спотыкайтесь от имеющего суставы, не падайте от широкогрудого! Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прости-прощай! — Кикир-кикир, кикирмой! — говорит.

Закончив речь, добрая шаманка Аякчан-красавица спустила три яйца. Наш молодец, Хуркокчон верхней земли, ловко поймал их и начал лечить [девушку], которая должна была стать ему с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой: содержимым красного яйца поил ее, желтым яйцом смазывал кости, а белым — тело. И вид девушки стал лучше прежнего и здоровье стало прежним, одежда стала нигде не порванной и совсем чистой. После этого Хуркокчон верхней земли повел такую речь:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы, родившиеся на верхней земле красавицы, раскройте уши и поймите мои вещие слова разумом, почувствуйте их нутром! Если спросите: «Кто вы?» — [то] я — Хуркокчон верхней земли. Та, что сделала для меня добро, имеющая отцом ездящего верхом на семи звездах Хэглэндора-богача, а матерью Сивэккилон-старушку, не пропуская, предугадывающая любую смерть на трех Сибир-землях, помогающая пением при всех несчастных случаях, помощница людей-аи, добрая шаманка Аякчан-красавица, раскрой уши и мои вещие слова пойми разумом, почувствуй нутром! Да, родилась же среди эвенков, людей-аи добрая девушка-шаманка. Если бы ты не пришла, то моя подруга давно умерла бы и сгнила. Теперь мы можем отправиться на свою родину. За твою помощь я непременно отплачу добром, до встречи, прости, прощай на долгие годы! За помощь прими мою искреннюю благодарность! И ты, мой молодой пегий конь с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, раскрой уши, пойми мои вещие слова разумом, почувствуй нутром! Я взял [в жены] указательным пальцем все побеждающую богатыршу, молодую девушку по имени Уняптук-красавица, которая должна была стать мне с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. [Конь мой], скачи к нам, скорее отправимся домой. — Угэло-угэло угэндор! — говорит.

После этого кто подготовил [коня] — неизвестно, в один миг прискакал молодой конь и остановился возле хозяина, пригнув голову к земле. Наш человек поймал его и внимательно стал осматривать; оказалось, что молодой конь стал еще лучше, кра-

сивее, хорошо отгулялся, вырос. Юноша с девушкой оба сели на молодого коня, юноша ловко вскочил, как черный глухарь, а девушка, как тетерев. Даже не оглянувшись, направили [коня] в сторону дома Хуркокчона верхней земли и поехали. Конь [шел так быстро, что]сказать: «Бежит» — не бежал, сказать: «Летит» — не летел, [он]несся, [копытами] холмы ровнял с землей, обрушивал края впадин, сдирал кору с растущих деревьев, расщеплял высохшие деревья. Обида [Хуркокчона] на родителей жены, вероятно, еще не прошла, не было ни свадьбы, ни никаких [торжеств]. Взял себе жену, и больше ничего ему не нужно. Этот юноша, проезжая мимо родителей жены, заговорил так:

— Угэло-угэло, угэндор! — На верхней Сибир-земле один главный хозяин Чолбондор-старик и Оннодор-старушка, примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда родом-племенем, мата, пришел и здороваешься [с нами]?» — [отвечу]: «Отец мой — богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, сын солнца Дергэлдин, мать моя — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, я Хуркокчон верхней земли, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой». Вашу дочь, молодую девушку, я взял навсегда. Хотя вы и не хотели отдавать ее, но как же я не возьму свою суженую? Я тоже, как и вы, из эвенков, богатырь-аи, почему вы не признали меня и отвергли [мое предложение] — я и сам не понимаю, поэтому не заехал к вам, думая: «Все равно не сделают свадьбу». На кого обижаться — сами знаете, я тоже сам знаю. Что вы думаете об этом сейчас и как расцениваете, выскажитесь, ничего не тая. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Но все же вы живите хорошо, если я буду жить благополучно, навещу [вас], простите, прощайте на долгие годы! Угэло, угэло, угэндор! — говорит.

Выслушав его, Чолбондор-старик по ветру посылает такие слова:

— Далгир-далгир, далгирья! — Ты, богатырь верхней земли, имеющий отцом лучшего из чужеродцев, почтенного из матов, сына солнца Дергэлдина, а матерью младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, мата, именуемый Хуркокчоном верхней земли, имеющий пегого коня с природным золотым седлом и звенящей золотой уздой, раскрой уши и мои вещие слова пойми разумом, почувствуй нутром! По-моему, ты сказал правильно, ты, приезжий из далекой страны, задержался здесь надолго. Мои сыновья не сумели с тобой договориться и не смогли понять мысли своей сестры, вот и подняли такую шумиху. За что же я буду обижаться на тебя, [я] нисколько не обижаюсь, ты не думай: «В душе обижен». Как ты сказал, навестите нас и отправляйтесь по своему усмотрению, я вас не тороплю. И ты, дочь моя, указательным пальцем все побеждающая богатырша, Уняптук-красавица, раскрой уши и мои слова пойми разумом, почувствуй нутром! Тот, кого

ты называешь другом, для тебя подходящий мата, об этом ты, вероятно, и сама знаешь, поэтому в предстоящие дни, в годы, которые встретят вас, живите хорошо и мирно, не ссорьтесь, обзаведитесь чумом, разведите огонь, родите детей, размножайте скот, в изгородях держите оленей, прославьтесь хорошей семьей! Пусть мое благословение станет благословением, мои слова укажут вам дорогу! Не уступайте двуногому, побеждайте двурукого, не падайте от широкогрудого, не спотыкайтесь об имеющего суставы, боком не падайте от крутобокого! Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Далгир-далгир, далгирья! — говорит.

После этого Хуркокчон верхней земли направил своего пегого молодого коня в сторону средней земли, и засвистела его плеть, подгоняя [коня]. Молодой конь оказался в самом деле быстроногим конем: [от бега его] впереди стелется белый туман, а позади столбом поднимается черная пыль. Постепенно все незаметнее становились следы коня на земле, и вот [он] полетел. Он полетел сквозь восемь облаков над девятью облаками, внутри черной тучи. Долго ли, коротко ли летели эти люди — не знали [они]. Лето по росе, зиму по снегу на ветвях деревьев, весну по пушистым снежным хлопьям, осень по граду узнавая, они летели. В сказке они разве задержатся [в пути] как бы далеко ни было — вот стали они приближаться к средней земле. Хуркокчон верхней земли, приехав, быстро привязал своего молодого коня к серебряной коновязи, освещающей безлунную темную ночь, подошел к дверям шестнадцатигранного деревянного дома и заговорил так:

— Угэло-угэло, угэндор! — Вы, дети дедушки Геван-старика, — все примите привет! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда родом-племенем маты прибыли и приветствуете нас?» — [то скажу]: «Отец мой — богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из гостей, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин, мать же — младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, я сам — Хуркокчон верхней земли, имеющий молодого пегого коня с природным золотым седлом и звенящей уздой». А вот моя подруга, ее отец — Чолбондор-старик, ставший главным хозяином всей верхней Сибир-земли, мать — Оннодор-старуха, имя этой молодой девушки — указательным пальцем всех побеждающая богатырша Уняптук. Исходив все три Сибир-земли, будучи мужчиной, [я] все-таки одолел ее из последних сил и привез [ту, которая должна была стать] с одного года [моей] швеей, с двух лет [моей] домохозяйкой, с трех лет [моей] суженой. Отцом называемый отец мой Дергэлдин верхней земли, матерью называемая мать моя, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, откройте дверь и взгляните на мою подругу! Угэло-угэло, угэндор! — говорит.

После этого Секак-красавица открыла дверь и видит девушку, [ее] действительно можно назвать подругой: приехала [с ее сы-

ном] молодая девушка с виду сильная, ловкая, как богатырь. Секак-красавица повела их за руки, ввела в дом и усадила на серебряную кровать [т. е. скамью] о шести ножках. Затем она вышла, два-три раза позвала [оленей], и три стада молодых оленей битком наполнили тройную изгородь длиной в три кочевки. Тогда [она] забила трех самых крупных откормленных холощеных оленей, трех отборных яловых важенок и трех яловых кобылиц, быстро приготовила угощение для свадьбы (букв.: для первой брачной ночи сына с невесткой), накрыла большой четырехугольный стол и пригласила множество (букв.: неисчислимое количество) гостей. Живущих далеко привезли на быстроногих трехгодовалых оленях, близко живущих привезли на смирных оленях. Собрались парни, подобные журавлям, и девушки, подобные стерхам, родственники-старики наполнили долины, родственницы-старухи наполнили излучины реки. Так собрался весь эвенкийский народ и угощался на свадьбе маты по имени Хуркокчон верхней земли и молодой девушки по имени указательным пальцем побеждающая всех богатырша Уняптук. За свадебным столом они просидели девять суток: красноречивые высказались, певцы пели, желающие рассказывать рассказывали, а доброжелатели благословили. Свадьба была очень веселой, с разнообразными играми. Собравшиеся люди, кончив есть, отправились к площадке для игр, старики, взявшись за руки, старухи пошли со стариками, парни за парнями, девушки пошли, держась за руки. Они шли друг за другом, и передний не мог видеть последнего. Там организовали игры для ног и рук: быстроногие бегали, мастера прыгать на одной ноге прыгали, любители прыгать на двух ногах скакали, любители прыгать попеременно на левой и правой ноге прыгали, борцы боролись, потягались силами и разные силачи.

Во всех видах игр из приехавших [из разных мест] в гости не было ни одного равного Хуркокчону верхней земли. Оказалось, живет-растет лишь один мата, который мог свободно, без напряжения потягаться [с Хуркокчоном]. Если спросить: «Откуда родом-племенем этот мата?» — [то] им оказался сын нашего человека, спасшего от прежних бед, Коколдокона и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, ездящей верхом на пестром олене с золотым природным седлом и с трехсаженным плетеным недоуздком, Хуркокчон средней земли. Приезжие издалека маты подивились [силе] этих богатырей средней земли и, окончив игры, разъехались по своим местам. После этого потомки нашего Иркисмонди, признавая только одного главу средней земли, зажили все вместе (букв.: все городом став). После свадьбы прошло лишь трое суток, однажды утром Хуркокчон средней земли сел против своих людей и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Отцом называемый отец мой, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях Коколдокон средней земли, матерью называемая мать моя со следами, как ниточки,

Инмэкон-красавица, троюродным братом называемый троюродный брат Хуркокчон верхней земли и жена его, указательным пальцем всепобеждающая богатырша Уняптук, — вы все, раскройте уши и мои слова прочувствуйте нутром, поймите разумом! Больше я не возмужаю (букв.: не появятся у меня копыта, не вырастут и рога), суставы укрепились, телом возмужал, поэтому хочу походить по всем трем Сибир-землям. Дайте мне совет, укажите, в какую страну мне отправиться. Если хотите знать мое желание, то я хочу найти [ту, которая должна была стать для меня] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Кто из вас мне посоветует? Если вы знаете, скорее скажите, не задерживайте странника, не заставляйте ждать путника! Не беспокойтесь как бы далеко ни было, я такой мата, который может ходить как добрый молодец. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

На эти слова мать Инмэкон-красавица ответила: «Я не знаю, отец знает». Тогда отец Коколдокон говорит: «Я хотя и исходил все три Сибир-земли, все бился и не заметил молодой девушки, потому я и не знаю. Твой троюродный брат Хуркокчон верхней земли, вероятно, знает».

— Я знаю подходящую для тебя девушку, — говорит богатырша Уняптук.

Если знаешь, скажи скорее! — говорит.

После этого молодая невестка Уняптук-богатырша села против Хуркокчона средней земли и заговорила так:

— Гуре-гуре, гурене! — Вот ты, богатырь средней земли, имеющий отцом Коколдокона средней земли, с полным именем во всех трех Сибир-землях, имеющий матерью дочь богатыря верхнего мира сына неба Дюгирманди Инмэкон-красавицу, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, младшим родственником называемый, раскрой уши, мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Попытаюсь дать совет, сказать то, что знаю. Если согласен, скажешь: «Да», не согласен — скажешь: «Нет». Если пойдешь прямо на восток, то у богатого Хэглэндор-старика, вращающегося вокруг трех Сибир-земель, ездящего верхом на семи звездах, имеющего много забот хозяина, и богатой Сивэккилон-старухи есть семь дочерей. Самая младшая из них по имени хорошая шаманка Аякчан-красавица, способная предвидеть все несчастья на трех Сибир-землях, способная оживлять мертвых, рожденная помогать во всех бедах. Только до той страны очень далеко. Если спросишь: «Примерно сколько?» — [то скажу]: «Крылатая птица достигает, снеся яйца девять раз, а бегающий вприпрыжку по земле зверь достигает, родив трижды девять раз». Я думаю, было бы всем нам хорошо, если бы ты, не страшась дальности [пути], пошел и привел бы ее. Решай сам, скажи свое мнение. — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

Выслушав ее, Хуркокчон средней земли отвечает такими словами:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Жена моего троюродного брата, указательным пальцем побеждающая всех богатырша Уняптук, именуемая красавицей, ты дала очень хороший совет. По-моему, очень хорошо, что далеко, я бы был недоволен, если бы не постранствовал. В таком случае и слава распространится, и имя зазвучит. Исходив все три Сибир-земли, я сам буду доволен, и вам будет хорошо, а лучшие из чужеродцев также услышат с удовольствием [о моем странствовании]. Поэтому за то, что ты, моя невестка, указала ту страну, большое тебе спасибо! Моя судьба со мной, ваша судьба с вами! Простите, прощайте! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Как только кончил речь, выскочил из дому, ловко, как черный глухарь, вскочил на своего пестрого оленя с природным золотым седлом и плетеным недоуздком и отправился прямо на восток. Пестрый верховой олень ступал то там, то сям, отрывая копытами куски земли величиною с коврик, ломая сухие деревья, сдирая кору с растущих деревьев и листья с тальников, ровняя холмы с землей, обрушивая края ям. Перед пестрым верховым валил белый пар, позади столбом поднималась черная пыль. Молодой человек в пути оглянулся назад и заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вы, давшие мне увидеть белый свет, родившие на средней глиняной земле мои старики, мать с отцом, моя средняя земля-родина, покрытая травой, родной шестнадцатигранный дом мой, священный огонь — все вы, раскройте уши и мои слова услышьте, поймите разумом, прочувствуйте нутром! Я не знаю, когда вернусь. Поскольку [я] еду очень далеко, то сказать к примеру: если очень быстро [поеду] — вернусь через девять лет, если не очень быстро — через дважды девять лет, а если очень задержусь — через трижды девять лет вернусь. Когда же пройдет этот срок, скажите: «Странствие этого доброго молодца чем-то задержано». А если придет смертный день, по ветру отправлю свои волшебные слова. И вы, если настанет смертный день, немедленно дайте мне знать. Но все же пусть вас никакая [беда] не настигнет, никто не обидит, живите хорошо. Моя судьба со мной, ваша судьба с вами! Прощайте на долгие годы! — Угэлеугэле, угэндор! — говорит.

После этого богатырша по имени Уняптук-девица произнесла такую речь:

— Гуре, гуре, гурене! — Ты, мой младший родственник, сын Коколдокона средней земли и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, раскрой уши и мои слова прочувствуй нутром! Я направила тебя все-таки в очень далекую страну, но пусть будет так, как тебе суждено. Древние старые мудрецы говорили: «Нельзя отправлять

далеко, пока не окрепли суставы и не возмужало еще тело». Пусть подскажет твоя судьба, я думаю, что ты сам способен странствовать, как мата. И если тебе суждено стать богатырем, пройдешь по всем трем Сибир-землям и непременно вернешься. Если на твоем пути встретятся очень много всяких оборотней и коварных хитрецов, странствуй осторожно. Если же встретятся недоступные для твоего верхового оленя места, то он сам это почувствует, ты его не насилуй. Если он скажет: «Останусь здесь» — отпусти его, а сам как-нибудь продолжай свой путь. Живет девушка, суженая для тебя, это она сама должна знать и не станет перечить тебе! Пусть твой путь будет лучшим из сотни путей, пусть мои слова будут добрым напутствием, не поддавайся двуногому, одолевай дворукого, не спотыкайся об имеющего суставы, не падай боком от крутобокого, твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай надолго! — Гуре-гуре, гурене! — говорит.

После этого наш человек, Хуркокчон средней земли, быстро [и] ловко поехал на своем пестром олене, направив его прямо на восток. [Ехал он], мелькая то здесь, то там, и не знал, долго ли, коротко ли ехал, сквозь восемь туч, над девятью облаками. Шаги этого пестрого оленя все увеличивались, прыжки его становились длиннее, бег его постепенно убыстрялся. Сам Хуркокчон средней земли постепенно смелел. Верховой олень тоже был подстать ему: если понаблюдать, как он бежит — перед ним валил белый пар, а позади поднималась вверх черная пыль, ноги мелькали так, что нельзя было увидеть, где он ступал. За это время [Хуркокчон] пересек несколько стран, но сам и не заметил, долго ли, коротко ли ехал: он ехал, зиму по снегу на ветвях деревьев узнавая, лето по росе, осень по граду, а весну по пушистому снегу узнавая. Он проехал страны с буйными ветрами и достиг отвесной скалы, на которую не могли посмотреть в упор ни когтистые, ни копытные. Подбежав к этой скале, пестрый олень поднял оба уха, как будто испугался чего-то, и уперся, не двигаясь, как ни подгонял его хозяин. Тогда этот смелый человек подумал: «Почему он так ведет себя?» и ударил верхового ногой по челюсти. Пестрый олень встал на задние ноги, попрыгал и вдруг остановился, расставил свои четыре ноги в разные стороны и заговорил [по-человечески]:

— Энгтэвлонин-энгтэвлонин! — Вот теперь, хозяин мой, сын Коколдокона средней земли с полным именем во всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, раскрой уши и мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Дальше будут такие страны, по которым я не смогу ходить, поэтому ты сам попробуй как-нибудь идти. Я останусь здесь пастись, отдохну, пока ты не вернешься сюда. Ведь тебе будет хорошо, если после странствия по всем трем Сибир-землям вернешься, а я потолстею на четыре пальца, в длину прибавлю на одну сажень. Как ты относишься к моим словам,

как следует (букв.: по порядку) изложи свои мысли, выскажись, не тая! — Энгтэвлонин-энгтэвлонин! — говорит.

После этого наш человек встал перед своим пестрым оленем и заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот мои бегающие ноги, мои крылья, мой добрый пестрый олень, за твои слова большое спасибо! Может, ты подумаешь: «Будучи сильным человеком, на прощание не сказал никаких добрых слов», нет, ты раскрой свои чуткие уши, подобные поставленным рядом лыжам человека-эвенка, и мои слова пойми разумом, прочувствуй нутром! Ты не уходи с этого места, пусть не найдет тебя никто, хорошо пасись, отдыхай, пусть тебя никто не пугает, пусть не пролетит над тобой белая птица, пусть не перебежит перед тобой рыжая мышь, не победит тебя здравомыслящий, пусть страшные звери тебя не пугают! Я уйду и если быстро схожу, дам знать о себе через год, если нормально пойду — услышишь обо мне через два года, если задержусь — вернусь через три года. И если наступит смертный день для меня или для тебя, то по ветру отправим друг другу свои волшебные слова. Как сказал ты сам, до моего возвращения пусть твой круп станет на четыре пальца толще, а сам вырасти на целую сажень. Твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого плетеный недоуздок бросил на седло верхового, перевернулся трижды, превратился в богатыря-сокола и полетел на вершину скалы. Он достиг вершины отвесной скалы, прислоненной к небу, и оказался в стране, покрытой никем не помятой травой. Вот, идя, он всмотрелся и догадался, что пришел в страну Хэглэндор-старика, ездящего верхом на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи. Там оказалось море с невидимыми противоположными берегами. На той стороне на обширной долине [он] увидел лошадей, похожих на верхушки холмов, и подумал: «Камни» — оказались коровы, подумал: «Березняк» — оказались белые холощеные олени, подумал: «Мелкий тальник» — оказались серые холощеные олени, подумал: «Красный тальник» — оказались олени-самцы. Этот богач Хэглэндор-старик, оказывается, и вправду был очень богатым стариком. Вот наш человек, Хуркокчон средней земли, подойдя до этого нимэр-соседа, увидел, что около дома, где [хозяева] нежились, перед домом, где они ходили взад-вперед, и на всей близлежащей местности почему-то повяла растущая трава, высохли растущие деревья. На поле поединков окружностью в три кочевки поднималась пыль, словно дым. В пыли кружилось четырехгранное железо, вместе с ним в белом тумане, едва виднеясь, кружилась молодая девушка, держа [в руках] бубен [величиной] с целую грудную клетку лося-самца и [шаманскую] колотушку с лопатку с восемью ребрами яловой кобылицы. Потом наш человек Хуркокчон средней земли с шумом пролетел мимо них, долетев до старых хозяев дома, ловко опу-

стился у двери, перевернулся трижды, стал человеком и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вон, посмотри-ка богатый Хэглэндор-старик, ездящий верхом на семи звездах, Сивэккилон-старушка, поймите разумом мои вещие слова и откройте свою дверь. Сначала низкий поклон, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, будешь?» — [отвечу]: «Я сын Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях, имеющего отцом Иркисмондю, богатыря средней земли, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Если же спросите: «Какое у тебя намерение, что за нужда у тебя?», [то скажу]: «Я приехал к доброй славе вашей младшей дочери, имя которой хорошая удаганка Аякчан-красавица, способная предвидеть все в трех Сибир-землях, помогающая в несчастьях, оживляющая мертвых». Я такой мата, который намерен взять [ее, предназначенную мне] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой или получить отказ. Как вы думаете об этом, скорее выскажите свои мысли, изложите [их] подробно! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого дверь дважды восьмигранного дома вдруг со скрипом распахнулась, вышел старик с седыми волосами, уселся против [Хуркокчона] и заговорил так:

— Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — Ты вот, сынок, послушай-ка, прими низкий привет, потом разговоры! Сын Коколдокона средней земли с полным именем во всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, богатырь средней земли, именуемый Хуркокчоном, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, хорошо раскрой свои чуткие уши и мои слова прими к сердцу! Я выслушал твою речь, ты, оказывается, такой мата, который дорожит суженой, подругой, о ком ты наслышан, потому и судьба ваша такова при рождении. Вот ты, сынок, и прибыл, это хорошо. Во всяком случае обоим вместе будет хорошо, что бы ни случилось, и нам хорошо. Мы-то сами за что тебя не взлюбим, только рады твоему приезду. Но вот недавно прибыл атаман авахов нижней земли, богатырь авахов Айдар, ездящий на медной повозке, победил двух моих сыновей и хотел было насильно увести дочь, и она теперь бьется с ним. Ну, сынок, быстро иди к своей подруге, если вам случайно суждено остаться в живых, то не дадите победить себя. Ведь ваша судьба должна была иметь связь с этой землей и зацепку с неба! Хотя он и очень силен, но ваша судьба не должна быть иной, поэтому [покажи], каков ты. Хорошенько крепись, и как только вырвешь ее из рук авахи, возьмешь ее с благодарностью и уведешь от нас! — Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — говорит.

После этого наш человек, хорошо выслушав речь старика, говорит ему несколько слов:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот ты, старец, богатый Хэглэндор-старик, ездящий верхом на семи звездах, добрая Сивэккилон-старушка, за ваши слова большое спасибо! Я ради вас (букв.: за ваше будущее) исхожу и посмотрю все три Сибир-земли, не жалея ни здорового тела, ни прочных костей. Вы не падайте духом (букв.: не укорачивайте мысли), вздохните в полную силу (букв.: не суживайте свои широкие грудные клетки), мы победим. Я не думаю, что дам себя победить ему, если же наступит день моего поражения, то черная туча закроет солнце, по этой примете узнаете [о моем поражении]. Как только узнаете, то все заранее покончите с собой, удавившись. Если же я потерплю поражение, то на всех трех Сибир-землях не останется ни одного маты, могущего противостоять [авахи]. Поэтому вместо того чтобы заживо быть замученными им, будет намного лучше, если вы распорядитесь собой. Прощайте на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Кончив говорить, наш человек зашагал в сторону бьющихся богатырей, заранее злясь и засучивая рукава, увязая в мягкой земле до бедер, в твердой земле по колена. От злости из обоих висков этого человека заполыхало пламя, из десяти пальцев заструилась алая кровь, чуть не лопнул в плечах (букв.: в толстом месте) и не порвался в пояснице (букв.: в тонком месте). Подойдя к ним, скрипнул зубами и заговорил:

— Угэле-угэле, дэлэгей! — Вот тебе говорю, авахи нижней земли, богатырь Айдар, ездящий на медной повозке, сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем мата пришел? — [отвечу]: «Отец мой — Коколдокон средней земли, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, мать моя — Инмэкон-красавица со следами, как ниточки, я — Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком. Если же спросишь: «Зачем сюда пришел?», [то] — пришел спасти жизнь той, [которая должна была стать для меня] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой. Подругой называемая подруга моя, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предсказывающая все в трех Сибир-землях, помогающая в несчастьях, способная оживлять мертвых, раскрой уши и послушай мои волшебные слова, прочувствуй нутром, пойми разумом! Твои суставы еще не окрепли, и тело твое еще, вероятно, не возмужало, поэтому попытайся отойти подальше! Теперь я испытаю свою судьбу, [побившись] тальником с оврага, попробуем похлестать друг друга по спине гибким тальником так, чтобы отделилось филейное мясо! А ты, сын авахов, одноглазый чертов сын, кровавая рука, прожорливая пасть, протухшая глотка, за какие грехи ты так бессовестно издеваешься над матами-ан, так безобразничаешь один? Равный тебе добрый молодец пришел я! Ну, держись, берегись! А то скажешь: «Меня, сильного богатыря, победил без предупреждения, доброго богатыря убил, не предупре-

див». Идешь обратно или будешь биться? Если будем биться, то с какого способа (букв.: хитрости) начнем? Или кулаками (букв.: своим телом)? Поднявший шум, скажи ты, я согласен на все, мне безразлично. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

Услышав это, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, предсказывающая все во всех трех Сибир-землях, способная излечивать всех больных, оживляющая мертвых, богатыря-авахи оттолкнула так, что тот попятился почти на три версты, и, отскочив назад, [сама] отстранилась. Затем Хуркокчон средней земли подбежал к Айдар-богатырю, встал перед ним. Айдар-богатырь, увидев его, крича: «Татат! Татат!», похлопал по бедрам себя и заговорил так:

— Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — Смотри-ка ты, откуда же появился сын старого моего врага хитрого Коколдокона-молодца? Ух, как ненавижу [его]! Досадно мне, начались мои мучения! Ох, как жалко, досадно; вероятно, ты пришел помешать мне обзавестись домом, разжечь огонь, родить детей, развести скот! Богатыри средней земли, вы очень хитры. Ведь ты не дашь себя победить, как другой [какой-нибудь богатырь]. Так и проявляется твоя хитрость, если говоришь: «Каким способом начнем биться?». Так и проявляете вы свою хитрость, свои тонкие уловки. Давно твой отец, хитрый Коколдокон, убил меня, изжарив в горящем костре. Теперь-то я не поддамся твоей хитрости. Ну же, подходи! Разве мы [с тобой] плохие, слабые маты, чтобы биться какими-то способами, удовлетворим-ка свои намерения голыми кулаками, лицом к лицу, подходи же быстро! — Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — говорит.

Как только кончил речь, он начал беспощадно бить нашего человека руками, подобными расщепленной сосне, с железными кулаками. А наш человек не такой мата, чтобы подставлять себя под его кулаки, хотя тот и непрерывно замахивался, но все напрасно. Наш человек был настоящим богатырем-мата: в нем была сила Коколдокона, не попадался под удары сына авахов, заставляя бить его по воздуху. Когда [авахи] думал, что тот находится внизу — он оказывался наверху и бил его по шее; когда же [авахи] казалось, что тот подскочил кверху — он нагибался и ударял его ногой. Поэтому наш человек оказывался в выигрышном положении, а сын авахов еще держался только потому, что ему судьбой была дана нелегкая смерть. К тому же авахи был настоящим сильным богатырем. Они не знали, долго ли, коротко ли бились, удары кулаков отдавались в небе, пятки гулко ударялись о землю, скот вокруг перестал умножаться, завяла растущая трава, вымерли все хилые и больные — произошло ужасное разрушение, тяжкое преступление и большое несчастье. Девяносто суток бились богатыри на поле поединков без отдыха и остановок. За все это время наш человек ни разу не попал под удары кулаков и когтей авахи. Во время битвы богатырь авахов вдруг перестал биться и заговорил так:

— Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — Ты, Хуркокчон средней земли, послушай-ка мои слова! В этой стране никто из нас не победил, а на моей родине есть поле, где бьются такие богатыри, как я. [Это поле] на острове среди морского тумана нижнего мира. Пойдем туда, следуй за мной, если намерен биться там, если не намерен — оставайся, а я сейчас же иду туда. Попробуй последуй, чтоб я убедился в твоей храбрости, когда доберешься [до моей страны], я уж рассчитаюсь с тобой. Попробуй идти за мной! — Дынгдо-дынгдо, дынгдонинде! — говорит.

Кончив речь, перевернулся трижды, превратился в журавля и полетел, выставив длинные ноги. А наш-то человек разве такой молодец, чтобы испугаться нижнего мира, тут же превратился в белую птичку и полетел вслед ему. Они летели друг за другом прямо на запад (букв.: на место захода солнца). Во время пути наш человек мешал лететь сыну авахов, все дразнил его: подлетая спереди, царапал лицо, догнав сзади, когтями раздирал спину. Так наш человек все дразнил его. Сам-то он был злым, злопамятным матой.

Они разве могут задержаться в пути — быстро достигли морского острова. Добравшись, сын авахов спустился на такое место, где невозможно было находиться обыкновенному человеку. Он превратился в четырехгранное раскаленное железо и приготовил встречу [в кипящей] смоле, где человек мог сразу же свариться. Наш человек и внимания не обратил на это: опустился, превратился в человека, и этот настоящий человек начал биться, ожесточенно колотя [авахи]. А Аякчан-красавица, хорошая удаганка, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая всех хилых больных, оживляющая мертвых, взяла свой гремящий, как гром, бубен [величиной] с грудную клетку лося-самца, схватила колотушку с лопатку лося-самки с восемью ребрами, оделась в свой шаманский плащ и начала она изо всех сил шаманить так, что зазвенели колокольцы [на ее плаще]. И повела такую речь:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Видите ли вы, как досадно и жалко! Ведь у меня на глазах отняли мату-аи! Ох, досада-то какая, горе мне, хочется плакать! Никого у меня нет, кто же ко мне придет! Ведь пришло время, когда прекратится слава моего звучного имени! Как же я освобожусь от этого горя! В те поры, когда знаменитая шаманка верхнего мира, старая Уникчан-шаманка, наделила меня способностью помогать несчастным трех Сибир-земель и оживлять мертвых, в те поры, когда на средней земле только что появились эвенки, говорили, что родился один мата-кузнец. С тех пор, как он умер, прошло дважды девять лет. Если спросите: «Кто же он?» — [отвечу]: «Это был старый эвенк, сын Геван-старика, не имеющий ни языка для речи, ни уха для слушания, глухонемой мой дед кузнец Торонтай». Если бы дух костей этого дедушки услышал [мою мольбу], то только тогда я бы спасла моего другом называемого друга и хозяином называемого

хозяина. Ой! Ой! Дедушка кузнец Торонтай, у тебя наверняка есть дух-хозяин, и если я вправду наделена даром помогать людям, то, раскрыв уши, поняв мои слова разумом, почувствуй их нутром, вдохнови меня, благослови мои слова и просьбу! Вот вашего внука Хуркокчона средней земли атаман авахов нижней земли богатырь Айдар, ездящий в медной повозке, завел в кипящую смолу. А там наш человек не может остаться в живых, его ждет верная гибель, и мне не спасти его. Если бы ты из своего гроба дал мне свой семидесятисемипудовый молот и тридцатитрехпудовые клещи, я притянула бы их [бубном] к себе и, благословив их, спасла бы [Хуркокчона]. Разреши же скорее взять твои молот и клещи! И вы, волшебные инструменты старого кузнеца Торонтая, повернитесь скорее ко мне и, если я вправду владею вещими словами, то с гулким звоном окажитесь в моем бубне! Я поведу к вашему внуку Хуркокчону средней земли; для спасения его жизни придите ко мне, не чуждайтесь меня! Я стану вашей [невесткой], и мое светлое дыхание уже слилось воедино с Хуркокчоном. Если спросите: «Какая же ты девушка?» — [скажу]: «Я — дочь Хэглэндора, богатого старика, и Сивэккилон, богатой старухи, хорошая шаманка, Аякчан-красавица! Скорее летите сюда! — Хеде-хогай, хеде-хогай!

После этого не успела [она] оглянуться, как в бубен гулко ударился семидесятисемипудовый огромный молот кузнеца дедушки Торонтая и, звеня, упали тридцатитрехпудовые клещи. Затем девушка, хорошая шаманка Аякчан-красавица в черной туче, гремя своим бубном, направилась к бьющимся матам. Доехав, начала кружить над ними верхом на черной туче и запела так:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Вы, послушайте, посмотрите! Хуркокчон средней земли богатырь, друг мой, раскрой уши и мои слова почувствуй нутром, пойми разумом! Не сердись, думая: «Кто пришел и мешает?». Я твоя подруга, хорошая шаманка Аякчан-красавица прибыла. Прибыла, чтобы помочь тебе, сейчас я побрызгаю такой водой, которая не поддается ни кипящей воде, ни полыхающему огню. И вот опускаю на богатыря авахов молот твоего старого дяди кузнеца Торонтая, произнося: «Размахнись!». Лови его, собравшись с силой! Еще в помощь тебе сейчас сброшу и его тридцатитрехпудовые клещи. Когда клещи, подлетев к авахи, как следует вонзятся в его пасть, ты схвати за ручки. Тогда от каждого его движения [клещи] будут сжимать его все сильнее и сильнее. Тогда бей его молотом сколько захочешь. Вот тогда он получит по заслугам. Но все же ты скоро не переставай бить, думая: «Победил!», бей до тех пор, пока он не станет тонким, как проволока! Когда же я подойду, отдашь мне молот! — Хеде-хогай, хеде-хогай!» — говорит.

Как только та кончила говорить, на Хуркокчона средней земли полил волшебный ливень. Во время ливня нашему человеку стало дышать свободнее (букв.: грудь его сильно расширилась), про-

яснились и его мысли (букв.: ум очень удлинился), [он] стал свободно бродить по кипящей смоле, начал пробегать и по полыхающему огню. Потом молодая девушка опустила тот молот, и мата ловко поймал его правой рукой, стукнул им по макушке сына авахов, и высоко всколыхнулось пламя [от удара]. После этого девушка, взмахнув ими трижды, опустила клещи. Клещи схватили сына авахов за спину так же ловко, как кузнец Торонтай хватал ими брошенное в огонь железо, и поволокли сына авахов в сторону от кипящей смолы. Сын авахов изо всех сил пытался вырваться, но клещи с каждым его толчком все крепче, все сильнее стискивали. А наш человек схватил клещи за ручки, и, уронив [авахи], поволок к кипящей смоле и, волоча, дергал его клещами кузнеца Торонтая, бил беспощадно семидесятисемипудовым молотом. Он быстро разбил панцирь, выкованный из раскаленного железа. В это время он стукнул авахи молотком по голове так, что она раскололась на три части. Авахи стал черным, как и прежде, и перестал жечь огненным пламенем. Как же он будет сопротивляться, если голова раскололась на три части? Вероятно, он скончался — вытянулся. А наш человек продолжал бить до тех пор, пока тот не превратился в проволоку. Когда он бил, пришла девица, попросив, взяла молот у мужа, трижды замахнулась молотом и расколола стоящую скалу величиною с гору. Туда бросила авахи, соединила расколотую скалу и столкнула ее в кипящую смолу. Так они победили, убили его, и наш человек, глядя на хорошую шаманку Аякчан-красавицу, заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, хорошая шаманка Аякчан-красавица, подругой называемая подружка моя, послушай-ка мои слова! Ты пришла в самый трудный для меня час и спасла мне жизнь. Сделала самое большее для меня, один я бы не мог никак победить. А ты, став искусной шаманкой, благословила инструменты старого кузнеца Торонтая, поэтому-то мы и победили. Ничем другим мы бы его не победили. За твою помощь прими большое спасибо! Теперь немедленно отправимся к твоим родителям! Потом устроим свадьбу. Собрав народ, угостим, повеселимся во всю ширь и вдоволь, и пусть всюду прозвучит наше имя и пойдет о нас добрая слава! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — Выслушав его, хорошая шаманка Аякчан-красавица отвечает ему:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Тебе говорю, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, Хуркокчон средней земли, ты высказал правильную (букв.: толковую) мысль, поведал содержательный рассказ, сказал то, что достойно похвалы, за эти твои слова спасибо. Теперь послушай как следует и обдумай мои слова! Хотя мы и победили сына авахов, но, возможно, он все-таки где-нибудь выскочил; мне, кажется, рискованно будет так оставлять его. Если спросишь: «Почему?» — [скажу]: «Авахи нижнего мира, хотя и терпят поражение, но их души непременно

ускользают». Здесь недалеко есть живая вода, которой они лечатся. Уничтожив эту воду, мы сможем наконец успокоиться. Давай договоримся и уничтожим ее! Ты будешь отдыхать, отправившись к моим родителям, или последуешь за мной осматривать страны — решай сам. Я, непременно отправясь, уничтожу и для своей пользы взяла бы этой воды. Тогда бы мы сами оживляли наших умерших, тогда бы мы по-настоящему были бы хорошими. И всякие оборотни и злые обманщики не стали бы нас зря обижать. Тогда далеко стало бы известно наше имя, долго бы помнили о нас! — Кикир-кикир, кингкиланин! — сказала.

На ее слова наш человек ответил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вот ты, подругой называемая подруга моя, хозяйкой называемая хозяйка моя, хорошая шаманка Аякчан-красавица, теперь ты, раскрыв уши, пойми разумом, почувствуй нутром мой рассказ! Как же я, столько горя повидав, могу расстаться со своей милой суженой. Но надо посмотреть и на страны. Ведь суждено же было нам в своей жизни странствовать вместе, спасая друг друга от смерти и дружно объединив свои силы? Поэтому пойдем туда, где та живая вода. — Угэлэ-угэлэ, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица надела свой плащ, взяла бубен с грудную клетку лося-самца и колотушку с лопатку лося-самки с восемью ребрами, усадила перед собой Хуркокчона средней земли и, звеня бубенцами-челюстями (подвесками), отправилась [в путь]. В пути она повела такую речь:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Ты, другом называемый, дружище мой, богатырь средней земли Хуркокчон-мата! Ну, каков ты? Держись крепко, крепись изо всех сил, напряги свои суставы, проезжаем по тем местам, по которым не может ходить человек, приближается трудная часть нашего пути. Раз мы решились уничтожить хитрое средство атаманов авахов, мы пройдем по тем местам, по которым прошла в старину шаманка верхней земли Уникчан-богатырша. Если мы найдем хоть немного живой воды, то спасем своих сородичей, продолжим свой род, тогда о нас распространится добрая слава, широко станет известно наше звучное имя! — говоря, [она] продолжала свой путь.

Разве они будут долго в пути? Сразу достигли центра нижней земли. Доехав, душа этой шаманки Аякчан-красавицы превратилась в иголку, ловко вошла в скалу, нашла в той скале живую воду авахов, зачерпнула бубном сколько надо ее, а оставшуюся [воду] заколдовала так, что сколько бы ни пили ее авахи, она уже не приносила [им] пользы. И [вода] оставалась там же, с виду ничем не отличающаяся от прежней. Аякчан-красавица вынырнула из той щели, куда вошла, и вернулась быстро и шумно. Так они легко и быстро достали живой воды и, удовлетворившись этим, пришли в то место, где недавно отдыхали, превратились в людей, тогда женщина обратилась к мужу:

— Ты никому не рассказывай о том, что мы достали это лекарство: если расскажешь, то оно может не вылечить наших родственников. Не рассказывай, если ты мне верный друг и хозяин!

Муж согласился с ней. После этого они сели верхом на отдельную черную тучу и сразу же отправились в страну Хэглэндор-старика. Разве долго едут маты на туче? Не успели они оглянуться, как уже достигли [родины Аякчан]. Доехав, этот Хуркокчон средней земли повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, Хэглэндор-старик, ездящий верхом на семи звездах, тесть мой, Сивэккилон-старуха, теща моя, откройте дверь и примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда родом-племенем мата прибыли и заговорили?» — [отвечу]: «Пришел я, Хуркокчон средней земли, а это моя подруга — ваша дочь, хорошая шаманка Аякчан-красавица». Уехав отсюда, были все время вместе, сына авахов бросили в смолу нижней земли, (затем) заложили его камнем. Кроме нас, атамана авахов никто бы не смог победить, мы, оба храбрые, убили [его], играючи. Если бы я не прибыл, то он мог бы поиграть, разрывая ваш очаг и раздувая пепел. И если бы не побеспокоилась [обо мне] хорошая шаманка Аякчан-красавица, он победил бы меня в смоле своего нижнего мира. Когда уже мои длинные мысли сильно укоротились и сузилась широкая спина, вот эта моя подруга сбросила, благословив, молот старого кузнеца Торонтая, потом сбросила, напутствуя, и клещи его, наконец, обрызгала меня такой водой, которая не закипала и при полыхающем огне. После всего этого я легко победил [врага]. Теперь же, хозяева-старцы, приготовьте скорее угощение для нашей свадьбы. Мы столько спасали друг друга (букв.: свои дыхания), столько вместе мучились, что так сжились, что никогда не расстанемся. Сначала угощение устроим здесь, пригласим всех здесь живущих матов, соберемся все и поедим, и повеселимся так, чтобы наше имя гремело широко и распространилась далеко наша слава. А потом соберемся на моей родине на пир [по случаю] нашего прибытия на среднюю землю! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого богатая Сивэккилон-старуха правой рукой оперлась на своего старика, левой на старуху-служанку, и, заставив парня-слугу открыть дверь, вышли втроем. И сама старая мать-старуха такую речь держала:

— Дэго-дэго, дэгонин! — Тебе говорю, сыном называемый сын мой, зятем называемый зять мой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Мы живем лишь одни, едва живы-здоровы. Хорошо, что вы вернулись с победой. Ты, Хуркокчон средней земли, хотя и молод, но оказался смышленым и сильным матой, пришел ты, добрый эвенк, и спас наши жизни (букв.: дыхания). Разве когда-нибудь забудется твоя добрая помощь? Мы-то со своим стариком не забудем до самой своей смерти. Мы, старики,

вместе с благодарностью за твое добро вручаем тебе свою дочь. А ты, дочка, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, способная предвидеть все на трех Сибир-землях, вылечивающая всех хилых и больных, оживляющая мертвых, ты с самого начала [будь твердохарактерной], мысли здраво, подражая мне, не лей слез; в то время, когда ты билась с сыном авахов, и в то время, когда прибыл Хуркокчон средней земли, твой старший брат богатырь Тамнар, ездивший верхом на тумане, не выдержал первого стремительного столкновения [Хуркокчона с Айдар-богатырем], скончался, и его похоронили. Но хорошо и то, что ты сама-то убежала от сына авахов. Не говоря уже о жизни одного человека, он мог бы разорить наш очаг и раздуть по ветру его пепел. Когда же ты сама столкнулась, прибыл твой суженый и спас нас, поэтому хорошенько обдумай все это и начинай готовить угощение для своей свадьбы! А вы, парни медные, не шумите, чугунные парни, не свистите, железные парни, не разводите разговоры, парни-пастухи, не толкуйте, [как глухари], быстро помогите своей госпоже, хорошей шаманке Аякчан-красавице, нарубите дров, пригоните оленей, которых надо забить, забейте и приготовьте [угощение]! — Дэго-дэго, дэгонин! — говорит.

Тогда эти парни, вероятно, очень уважали [хозяйку] и слушались ее слов, бросились к двери, и каждый постарался первым открыть дверь. Со скрипом распахнули они дверь, выскочили из дома. Медные парни пустились бежать, широко расставляя ноги, чугунные парни побежали, звоня, железные парни, вертя большими головами, парни-пастухи, скаля зубы, пустились бежать. И быстро пригнали они три стада молодых оленей, загнали их в большую изгородь, окружностью в три кочевки. Потом забили триста тридцать отборных выкормленных холощеных оленей и лучших трех яловых кобылиц, приготовили угощение. Живущих близко собрали, звоня в побрякушки, а живущих далеко галопом привезли на быстроногих трехгодовалых оленях. Собравшиеся мужчины-родственники наполнили долину той большой реки. Излучину реки наполнили женщины-родственницы. Девушки мелькали белыми лебедями, а юноши прохаживались длинноногими журавлями. После этого в ряд поставили серебряные столы о восьми ножках, на них разложили свадебное угощение: на серебряные тарелки груды вареного мяса, туда добавили еще куски мяса на вертелах, мелко нарезанное медвежье мясо смешали с внутренним салом, поставили [тарелки] с оладьями, изжаренными на сливочном коровьем масле, подали и сухое крошеное мясо, смешав с оленьим сливочным маслом. И вот они, не вставая, девять суток угощались на свадьбе Хуркокчона средней земли и хорошей шаманки Аякчан-красавицы. Среди них оказались хорошие едоки-мата. У тех мата, которые ели жирное оленье и конское мясо вместе с медвежьим внутренним салом, из-под подмышек закапал съеденный им жир — были такие едоки-мата. Кончив есть, начали

играть в разные игры, из парней победителем стал наш человек [Хуркокчон], а из девушек сильнее всех оказалась невеста. Видя это, большинство присутствующих подивились, говоря: «Судьба урангхая очень верна, действительно, на удивление сошлись эти созданные друг для друга».

После этого наш человек Хуркокчон средней земли сел перед тестем и тещей, заговорил так:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, уважаемые старцы, Хэглэндор-богатый старик, и Сивэккилон-богатая старуха, добрые родители, послушайте, обдумывая, мои слова! Настала пора отправляться нам на родину, я долго задержался. Как вы думаете ответить на мои слова? Если вы согласны, то было бы хорошо отправиться в путь сегодня же. До моей родины очень далеко. И вам, мои старцы, было бы хорошо, если бы вы поехали с нами и присутствовали на свадьбе [на моей родине] — таковы мои мысли. Как по-вашему, решайте сами. Я выскажу еще такие мысли: если согласны — скажите: «Да», не понравится — скажите: «Нет». Вы посоветуйте нам, можно ли взять с собой кости вашего сына, покойного богатыря Тамнара, ездившего на туманах? Посоветуйте, ведь была поговорка у древних мудрецов: «Совет надежнее силы, лыко прочнее тесемки». А мы с хорошей шаманкой Аякчан-красавицей взяли бы с собой и в подходящем месте воскресили бы. И так как он отсутствовал здесь на свадьбе, взяли бы его с собой, и там бы он повеселился. Как вы думаете об этом, скажите. Если только вы согласны — мы очень хотим оживить его. Если бы оживили, он бы присматривал за вами, и нам бы было хорошо! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого Хэглэндор-старик, глядя на него с умилением, заговорил так:

— Ейдеги-ейдеги, дэгидор! — Ты, богатырь средней земли, сын Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибир-землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, уважаемый под солнцем зять с золотым добрым сердцем, ты послушай, мою речь обдумывая, оценивая мои слова. Когда я выслушал твою речь, моим костям стало легче, встряхнулись мышцы, заволновалось сердце, стало светлее глазам. Ты хочешь взять нас с собой на родину, но мы уж очень стары, мы можем заболеть на полпути, не выдержав дороги, поэтому не можем ехать. Ты не обижайся, думая: «Не захотели с нами ехать». Ты говоришь: «Хочу оживить брата жены, Тамнар-богатыря, ездившего верхом на тумане». Все это исходит от доброты сердца, умных мыслей, широкого кругозора и от умения ценить. Это тоже радостная весть. Вы с хорошей шаманкой Аякчан-красавицей решайте сами, если думаете: «Оживим», то увозите его. Как бы было хорошо, если бы вам удалось оживить его, я бы стал считать себя прожившим две-три жизни (букв.:

дважды-трижды родившимся). Ну, сынок, за хорошие мысли, за доброе сердце прими большое спасибо! — Ейдэги-ейдэги, дэгидор! — говорит.

Слова нашего человека Хуркокчона очень понравились и местным, и чужеродцам-матам. Некоторые из них сказали: «Старым богатым людям непременно попадется хороший, сильный человек». А сердечные люди произнесли: «К людям, живущим благополучно, никакая беда не приходит. И старым, и молодым — так начертано их судьбой».

После этого Хуркокчон средней земли, решившись везти с собой покойного Тамнар-богатыря, ездившего на тумане, железных парней заставил вырыть [из могилы] Тамнар-богатыря и, положив гроб в карман, собрался в путь.

А хорошая шаманка Аякчан-красавица карманы своей шелковой одежды туго набила подшейными волосами оленей, волосом с грив лошадей, остатками лисьих и рысьих шкурок, лоскутками разных тканей — такой уж обычай сборов.

Эти маты и не нуждались ни в верховых оленях, ни в конях [для езды]: трижды перевернулись, превратились в пару стерхов-птиц, и, направляясь в среднюю землю, Хуркокчон средней земли обратился [с прощальными] словами:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Обращаюсь к вам, добрые родители, уважаемые тесть и теща, главный хозяин, богатый Хэглэндор-старик, ездящий на семи звездах, и богатая Сивэккилон-старуха, раскройте уши и мои слова почувствуйте нутром, поймите разумом! Вы скажете обо мне: «Будучи сильным богатырем, не сказал прощальных слов». Оставайтесь, выслушав, как я говорю вам свои затаенные мысли. Я надеюсь: мы сможем оживить этого человека, которого взяли с собой. Поэтому этот мата вернется сюда через три года, от него и услышите о нашей жизни. Если оживим, может быть, ему дадим другое имя, так что вы его не чуждайтесь. А вы до возвращения вашего сына живите благополучно, пусть никакая [беда] с вами не случится, я тоже дам знать о своей жизни. Если же наступит ваш смертный день, по ветру отправьте свои вещие слова. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого богатая Сивэккилон-старуха такое слово произнесла:

— Дэго-дэго, дэгонин! — Вот говорю, дочерью называемая дочь моя! Аякчан-красавица, хорошая шаманка, узнающая все, что происходит во всех трех Сибир-землях, излечивающая всех хилых, больных, оживляющая мертвых, и ты, зятем называемый зять мой, Хуркокчон средней земли, ты тоже послушай. Слушайте мои слова, обдумывая и сказ мой оценивая! Вы не обижайтесь на нас, говоря: «С нами не поехали». Если вы оживите кости своего старшего брата, то мы для вас ничего не пожалеем, никогда вас не

забудем, стали бы считать, что мы прожили более двух жизней (более, чем дважды родились), почувствовали бы хорошо то, что имеем таких детей, как вы. Если наступит и ваш смертный день, по воздуху отправьте нам свои вещие слова, если бы мы и узнали время вашей смерти, было бы неплохо, всегда бывает необходимо услышать и знать. Когда вы доберетесь до своей родины, будьте хорошей семьей, родите детей, разведите оленей и других животных, и пусть маты принимают вас с почтением, пусть любят чужеродцы и уважают молодые. Ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Дэго-дэго, дэгонин! — говорит.

После этого пара стерхов, поблескивая [крыльями], полетела на свою среднюю землю.

В пути они достигли серебряной горы, отделяющей верхнюю землю от средней, спустились на вершину горы. Богатыря Тамнара, ездившего верхом на тумане, уложили в серебряную колыбель, пригнав суставы к суставам, и хорошая шаманка Аякчан-красавица запела так:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Я обращаюсь к тебе, братом называемый брат мой, сын богатого Хэглэндор-старика, ездящего верхом на семи звездах и богатой Сивэккилон-старухи, богатырь Тамнар, ездивший на тумане, хорошо раскрой уши, мои волшебные слова пойми разумом и почувствуй нутром! Затем прими низкий поклон, потом будет разговор! Если спросишь меня: «Кто ты, девушка?» — [отвечу]: «Я младшей сестрой называемая сестра твоя, хорошая шаманка Аякчан-красавица». Если же спросишь: «Кто твой друг?» — [то отвечу]: «Мой суженый, муж, сын Ко̀колдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибирземлях, богатырь эвенков, Хуркокчон средней земли богатырь, ездящий верхом на пестром олене, с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Мы хотим воскресить тебя, если же я и вправду своими волшебными словами способна оживлять мертвых, то стань-ка здоровым, вздохни и приподнимись! Как бы было хорошо, если бы ты живым человеком предстал перед нашим взором! Старшим братом называемый брат мой, если бы ты, воскреснув, развел скот, оленей, родил детей, как бы было хорошо услышать после [о тебе] лучшим из чужеродцев, почтенным из матов. Поэтому мой зов пойми разумом, мое заклинание почувствуй нутром, раскрой уши и послушай мое благословение! Сам ты, ожив, покажи свою чистую, хорошую внешность! И пусть изменятся твое звучное имя и громкая слава. Если спросишь: «Кем же стал?» — [то] стань сыном богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, родившимся дважды храбрым богатырем Дерисом, ездящим на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками. Баю-баю, баюшки! Встань же быстро на ноги! — Хеде-хогай, хеде-хогай! — говорит.

Сказав так, трижды вдохнула, трижды взмахнула и бросила

[колыбель] так, что та трижды перевернулась. После этого храбрый богатырь Дерис, ездящий на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками, твердо встал на ноги, схватил женщину за ворот и начал беспощадно бить. А девушка без всякого усилия толкнула его так, что он оказался зажатым между двумя камнями. Тогда он бессмысленно посмотрел туда-сюда и стал медленно приходить в себя. Он, придя в себя, заговорил так:

— Чипир-чипир, чипирья! — Что же со мной случилось, мне помнится, что я давно умер, огорчаясь тому, что родился, и думая: «Убил меня сын авахов». Сестрой называемая сестра моя, каким же образом ты оживила меня? До чего же хорошо! Оказывается, и твой суженый, друг твой здесь, как же вы сумели убежать от богатыря авахов Айдара-богатыря и пришли сюда? Низкий поклон вам, потом разговоры! Спасибо вам за то, что оживили и дали снова увидеть белый свет! Я родился второй раз! [Недаром] мудрые старцы говорили: «Кому суждено быть человеком, тот тверже камня и чугуна». Вашу помощь не забуду до смерти, и если после воскресения мне суждено стать человеком, то я вам тоже услужу. Не сердись, постойте, послушайте! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

Хуркокчон средней земли на его слова отвечает, получив разрешение у своей жены, хорошей шаманки Аякчан-красавицы:

— Угэле, угэле, дэлэгэй! — Сын Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и Сивэккилон-старухи, храбрый богатырь Тамнар, ездящий верхом на тумане, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата?» — [отвечу]: «Я — сын родившегося и выросшего на средней земле Коколдокона средней земли с полным именем на всех трех Сибир-землях и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, я — мата Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком». Когда я приехал к твоей сестре, хорошей шаманке Аякчан-красавице, в то время шумел у вас атаман авахов богатырь-Айдар. Мы вместе с моей подругой, хорошей шаманкой Аякчан-красавицей, его замуровали в скалу так, что больше ему никогда не подняться. Вернувшись, поженились, но очень огорчились тем, что тебя не было на нашей свадьбе, потому и привезли тебя сюда и воскресили. Приехав на мою родину, устроим свадьбу. Мы приедем туда, познакомимся, а ты увидишь и узнаешь мою родину, дом, родных. И еще изменилось твое бывшее имя, если спросишь: «Кем я стал?» — [отвечу]: «Ты сын богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, родившийся дважды храбрый богатырь Дерис, ездящий верхом на полосатой туче, мелькающей между восемью облаками. На свою родину ты должен вернуться через три года: в этой золотой коробке есть хорошее лекарство для ожившего после смерти человека, выпей его скорее, а потом вместе поедем на мою родину. — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого их человек все понял и снова заговорил:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вот потому-то, оказывается, и говорили старые мудрецы, что человека спасают хорошие родственники. Сестра моя и зять мой, примите большое спасибо за то, что оживили меня и снова поставили меня на ноги (второй раз на суставы)! После того, как напоили меня лекарством, я стал таким матой, что могу куда угодно доехать! Ну, конечно же, я с удовольствием отправлюсь, чтоб увидеть среднюю землю! В старину говорили о мате, именуемом Коколдоконом, что ему не мог противостоять ни один двурукий. Вот и увижу своего родственника, пойдем! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого они, Хуркокчон средней земли и хорошая шаманка Аякчан-красавица, превратились в стерхов, а богатырь верхней земли, храбрый богатырь Дерис, сел верхом на свою полосатую тучу, мелькающую сквозь восемь туч, и поехал за ними.

Они так и ехали в среднюю землю. Они, лето узнавая по росе, зиму по снегу на ветвях деревьев, весну по пушистым снежным хлопьям, осень по граду узнавая, над дважды девятью облаками, сквозь дважды восемь облаков летели. Так летели они, и разве в сказании задержатся они в пути — вот и достигли родины Хуркокчона. Доехав, наш человек, белым стерхом паря над отчим домом, повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Вы, давшие мне увидеть белый свет, отцом называемый отец мой, матерью называемая мать моя и все остальные родственники, дяди и тети — все примите низкий поклон! Сначала, привет, потом разговоры! Если спросите нас: «Откуда вы родом-племенем, маты, прибыли?» — [отвечаем]: «Я сам — сын богатыря средней земли Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех краях трех Сибир-земель, Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и природным плетеным недоуздком». А это моя подругой называемая подруга, дочь богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица. Один из нас — ваш родственник, брат подругой называемой подруги моей, сын богатого Хэглэндор-старика и зятя маты по имени Дерис-богатырь, ездящий верхом на полосатой туче, мелькающей между восемью тучами. Этот мата прибыл встретиться с вами, как с родным отцом и матерью. Если же спросите: «Как, постранствовав, прибыли?» [отвечу]: «Мы видели очень много, но с нами едва не случилась беда, видели [мы] и плохое и хорошее». Я побился с атаманом авахов на смоле нижнего мира и едва не потерпел поражение. Оставалось ему только победить, но пришла и выручила моя подругой называемая подруга моя. Если бы она не пришла, то от моих ударов кулаком вспыхнуло бы пламя. А хорошая шаманка Аякчан-красавица побрызгала меня такой водой, которая не становится горячей ни в кипящей воде, не загорается ни в полыхающем огне.

Тогда у меня стала шире грудь, удлинились мысли. После этого она [бубном] притянула с этой земли семидесятипудовый счастливый молот старшего дяди кузнеца Торонтая и опустила мне, тридцатитрехпудовые клещи его, благословив, бросила мне. Ими я и добил его, как мне хотелось. Потом опустилась сама хорошая шаманка Аякчан-красавица, замуровала его в скалу величиной с горку и столкнула в ту смолу, где он губит людей, — таково наше странствование. Потом мы поженились и привезли с собой старшим братом называемого брата. А вы как жили после меня? Что прибавилось или убавилось? Расскажите подробно, скажите, не скрывая! — Угэле-угэле, дэлегэй! — говорит.

Заканчивая речь, они ловко опустились у двери дома Коколдокона средней земли, превратившись в людей, встали на ноги. После этого Коколдокон открыл дверь и пошел к ним навстречу, перебирая короткими ножками. Хотя он был маленьким на вид матой, но крепко пожал руку и энергично целовался. Нюхались так, что распухли щеки, целовались до того, что стали толще губы. После этого он заговорил так:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — Вот ты, мой сын, Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, невесткой называемая невестка моя, дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи, Аякчан-красавица, хорошая шаманка, предвидящая все на трех Сибир-землях, могущая вылечивать хилых, больных, оживляющая мертвых; и ты, шурином называемый мой шурин, храбрый богатырь Дерис, ездящий на полосатой туче, мелькающей сквозь восемь облаков, вам троим трижды привет, потом разговоры! Если спросите меня: «Откуда ты родом-племенем?» — [отвечу]: «Отец мой — Иркисмондя средней земли, мать моя — старшая дочь Геван-старика Куккумачан-красавица, сам имею полное имя во всех краях трех Сибир-земель — на нижней земле меня именуют чутко пробуждающимся [при приближении] сэлэргунов Сэнгэкчон-богатырем, на средней земле [в детстве] завернутым в рукавицу Коколдоконом, а на верхней земле именуют Мэнгнэникон-богатырем». А после тебя мы жили очень хорошо, самой лучшей из ста жизней. Олени не вмещаются в изгородях, лошадям не хватает места на пастбищах. У зятя [мужа Секак-красавицы] сына солнца лучшего из чужеродцев, почтенного из матов Дергэлдина родилась дочь. Если спросите: «Каково ее звучное имя, долгая слава ее?» — [то скажу]: «Дочь нашего зятя зовут дочь богатыря верхней земли сына солнца Дергэлдина и младшей дочери Геван-старика Секак-красавицы Дергокчон-красавицей, ездящей верхом на молодом трехгодовалом диком олене с двумя полосами». А у Хуркокчона верхней земли родился сын, имя его сын Хуркокчона верхней земли и Уняптук-красавицы, указательным пальцем побеждающей всех, храбрый богатырь Денукчан, наступив на камни, раскалывающий их попо-

лам, ездящий на пестром трехгодовалом олене. А это моя дочь, зовут [ее] дочерью Коколдокона средней земли, имеющего полное имя на всех трех Сибир-землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточки, одетой в шелка, с семидесятисемисаженными шелковыми волосами Солкокчон-красавицей, садящейся верхом на богатырском диком олене-самке. А ты, подругой называемая подруга моя Инмэкон-красавица, со следами, как ниточки, быстро собери три стада оленей, забей трех лучших холощеных оленей, трех лучших яловых оленей-самок, трех яловых кобылиц, трех откормленных быков и готовь угощение для свадьбы наших детей. Далеко живущих зови бубенцами, близко живущих пригласи словами, пусть никто не остается обделенным. Хорошо, когда много гостей и угощения вдоволь. И после будут поминать добром! Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

После этого Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, ввела своих детей домой, усадила их на медную кровать о восьми ножках, а сама вышла из дому, пошла к дверям тройной изгороди с окружностью в три кочевки и два-три раза позвала [оленей]. Тогда в одну изгородь набились олени, во вторую — лошади, в третью — коровы. Из них она выбрала и забила трех холощеных олёней, трех яловых важенок, трех яловых кобылиц, трех откормленных быков, разделала их и приготовила разные кушания. Из [мяса] лесных зверей, из загривка медведя она приготовила тэкэму так много, что столы прогибались. Сухое и крошеное мясо лося смешала с топленым салом внутренностей и расставила на столы, на сливочном коровьем масле нажарила оладьи — в сказке всего вдоволь.

После этого [хозяйка] пригласила в свой большой дом с широкую поляну лучших из разных чужеродцев, почтенных матов. Далеко живущих пригласила бубенцами, близко живущих позвала словами. [Гости] в таком большом доме расселись [за столами] так плотно, что нигде не осталось свободного места. На этой свадьбе [они] пировали, разговаривая и беседуя [между собой] девять суток без отдыха. На этом пиру (букв.: сидении) желающие поиграть играли, певцы пели, сказители пели сказание. После того, как кончилось свадебное угощение, [они] вышли из дому и организовали игры для рук и ног: борцы кружились, энергично прыгали на одной ноге, не отставали и прыгуны одновременно на двух ногах, пробовали свои силы и любители перетягиваться, звонкоголосые показали свое красноречие. Вокруг поляны игрищ собралось много народу, долину наполнили родственники-мужчины, а излучину реки родственницы-женщины, по полянам [ходили высокорослые] юноши, по берегам [бегали с длинными шеями] девушки. В играх из юношей стал победителем Хуркокчон средней земли, а из девушек во всех играх победила дочь Коколдокона-богатыря храбрая богатырша Солкокчон-красавица, одетая в шелка и ездящая на богатырской самке дикого оленя. После

этого собравшиеся гости усердно и много благодарили хозяина дома Коколдокона средней земли и произносили множество добрых благословений. Живущие далеко засуетились, собираясь домой. В это время сын родственника Коколдокона богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах и богатой Сивэккилон-старухи, мата по имени Дерис-богатырь, рожденный дважды, ездящий верхом на тучке, мелькающей между восемью тучами, сел напротив Дэргэлдина верхней земли, взял его за руку, посмотрел на него добрыми глазами и повел такую речь, высказываясь откровенно и излагая подробно [свои мысли]:

— Чипир-чипир, чипирья! — А ты, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин, [глава] одной из уважаемых семей, я хочу спросить у тебя об одном своем важном намерении. Может быть, ты согласишься на мое счастье (если я по-настоящему счастлив). Не думаешь ли ты предназначить для меня свою дочь, девушку по имени Дергокчон-красавицу, ездящую на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, чтобы она стала мне с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой? Как ответишь на это, мата? Дай знать твое решение! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого Дергэлдин держал такой ответ:

— Гине-гине, гинеканин! — Обращаюсь к тебе, богатырь верхней земли, сын богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, рожденный дважды храбрый Дерис-богатырь, ездящий на восьми полосках туч, на твои слова я один не знаю, как и ответить, лично я согласен. Подруга моя Секак-красавица, дочь моя Дергокчон-красавица, ездящая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, может быть, не согласятся. Узнаем [их мнения] и поговорим! — Гине-гине, гинеканин! — говорит этот Дергэлдин-богатырь.

Затем он дома сел напротив жены и дочери и заговорил:

— К вам обращаюсь, подругой называемая подруга моя, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица, дочерью называемая дочь моя, Дергокчон-красавица, ездящая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, мои слова поймите разумом, из трех слов одно [из них] взвесьте, прочувствовав нутром, из пяти слов два обдумайте, раскрыв уши; из десяти слов пять продумайте, я решил с вами поговорить, посоветоваться. Если спросите: «О чем?», [то] у меня спросил свой вопрос этот богатырь верхней земли, он просит, чтобы Дергокчон-красавица, ездящая на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, стала ему с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой. Как вы думаете об этом? Если же хотите узнать мое мнение, то тот, который проездил много стран, наверняка испытал трудности, нет ничего плохого и в его словах, этот мата говорит только лучшее и ладное. Поэтому этот мата, на мой взгляд, подходит для тебя, ты можешь за него выйти [замуж]. Может быть, он и есть твой суженый.

Ну, дитя мое, скажи свое мнение! — Гине-гине, гинеканин! — говорит.

Выслушав его, дочь Дергэлдина Дергокчон-красавица говорит:

— На мой взгляд, [я не знаю], каков [тот], который умер и вновь воскрес. Я никак не могу решиться. Не обижайтесь на меня, думая: «Не согласилась с вашим мнением» — говорит.

А приехавшая новая невестка, хорошая шаманка Аякчан-красавица, оказывается, знала об этом, подойдя к ним, заговорила так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Ты, уважаемый мной почтенный дедушка, богатырь верхней земли, лучший из чужеродцев, почтенный из матов, одетый в серебро сын солнца Дергэлдин-дедушка, младшая дочь Геван-старика Секак-красавица бабушка, и ты сестрой называемая сестра моя, Дергокчон-красавица, ездящая верхом на трехгодовалом диком олене с двумя полосками, вы втроем, послушайте мои слова. Ведь слова этой девушки не являются окончательным отказом? А ваши слова совершенно правильны, поэтому следует посоветоваться нам, вероятно. То, что мой братом называемый брат родился дважды, хорошо. Теперь он втрое сильнее, чем был раньше, жизнь его станет такой. То, что девушка сомневается, по-моему, очень правильно, оказывается, она твердая, умная девушка. Как незнакомому богатырю сразу ответить: «Хорошо, выхожу». У нашего человека, Дерис-богатыря, ездящего верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, вероятно, есть судьба, полное будущее, шарик счастья. Надо узнать об этом, если все будет хорошо, выдадим девушку. Если у него плохое будущее, что сделаем, придется ему ехать одному. Если спросите: «Как мы узнаем [его будущее]?» — [то отвечу]: «Повесьте изображение Дергокчон-красавицы, привязав лентой, так высоко, чтобы оно было видно с донышко наперстка. Пусть решит его [Дерис-богатыря] настоящая, хорошая судьба, выдержит ли она. Если не победит счастье, он не спустит [изображение], если же победит его счастье-судьба, то он все равно спустит. Тогда мы скажем: «Оказывается, она его суженая». Если же он промахнется, пустив стрелу, пусть без единого слова сразу отправится в свою страну. А когда он попадет [стрелой] и спустит изображение девушки целым, мы сразу начнем справлять свадьбу. Если же изображение девушки будет иметь хоть маленькую царапину, решит сама девушка. Пусть и жених не принуждает и родители не выдают насильно, вероятно, ее суженый другой, тогда никому не будет обидно. Тот, кто пойдет против указания судьбы, будет виноват сам!—Кикир-кикир, кингкиланин—говорит.

Выслушав ее, все люди говорят:

— Ну, пусть будет так! До чего ж хорош совет этой хорошей шаманки Аякчан-красавицы. Разные мудрые старцы и молодые, и те, которые уходили и вернулись, и те, крикнувшие: «Правильно!» — все захотели посмотреть [Дериса].

После этого родившийся дважды храбрый Дерис-богатырь, ездящий верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, разве будет стоять; полюбивший хорошую девушку, волнуясь в душе, тренируя мышцы и жилы, потянулся туда и сюда и начал готовиться, натягивая тетиву своего дважды восьмисаженного лука. Пока он готовился, изображение девушки привязали ремешком и подвесили к вершине неба так, что оно стало видно с донышка наперстка. Храбрый мата Дерис натянул тетиву лука до правого уха, говоря так:

— Чипир-чипир, чипирья! — К тебе [к луку] обращаюсь, [который] предназначен спасать мою душу во время моих походов по всем краям трех Сибир-земель, [который] поднимает меня, придерживая за шейный позвонок, когда упаду на спину, [который] поднимает, поддерживая за лоб, когда упаду лицом! Дважды восьмисаженный лук мой, мои вещие слова прочувствуй серединой нутра, раскрыв свои чуткие уши, пойми умом! Покажи в настоящем виде мою крепкую хватку! Если мне суждено обзавестись семьей, поставить чум, развести огонь, родить детей, развести скот, держать оленей в изгороди, то прорви (порвав, пройди) у самого основания ремешок, не задевая изображения дочери богатыря верхней земли, одетого в серебро, лучшего из чужеродцев, почтенного из матов сына солнца Дергэлдина и младшей дочери Геван-старика Секак-красавицы, Дергокчон-красавицы, ездящей верхом на трехгодовалом олене с двумя полосками! Ради чего же родился я дважды, будучи чьим суженым, прибыл сюда! Крепись из всех сил, не пролети мимо моей цели, если [мы] вправду [оба] счастливы! — Чипир-чипир, чипирья!

Как только этот мата сказал так, свистнул его мизинец, взвизгнул указательный палец, взревел большой палец, заржала тетива, засвистела стрела, загремел лук. Звук выстрела прогремел по земле, загрохотал по небу, и не успели оглянуться, как [стрела] пронзила (прорвав, прошла) около основания ремешок изображения девушки, и [оно] упало перед Дерис-богатырем. Гурьбой, словно большая стая гусей, все присутствующие там маты бросились туда посмотреть. Прибежав, они увидели изображение девушки. Когда рассмотрели, [оно] на счастье оказалось цело, поэтому никто не стал противоречить. У жениха-маты (зятя-маты) поднялось настроение (мысли стали легкими), от радости он подрос на одну сажень, заалел румянец (чистая кровь засветилась). После этого за [первой] свадьбой последовала другая. Организовали такую хорошую свадьбу, что она ничем не отличалась от прежней. Ели также весело, разговаривали они в течение девяти суток, не вставая с мест. Между тем хорошая шаманка Аякчан-красавица позвала старшую бабушку по имени Куккумачан, вывела из дому. После этого попросила:

— Ну, бабушка, покажи мне, [где лежат] кости дедов Иркисмонди средней земли и кузнеца Торонтая.

Тогда Куккумачан-старуха повела к могиле мужа, там была и могила кузнеца Торонтая, обе рядом. Дойдя до них, эта Аякчан-красавица из кармана своего суконного кафтана достала обрезки оленьей ровдуги, взмахнула трижды, и те превратились в одежду богатыря-шамана. Из другого кармана достала обрезки лосиной ровдуги, опять трижды взмахнула, и они превратились в бубен [величиной] с целую грудную клетку лося-самца. [Она] взяла обрубок лосиного рога, взмахнула трижды, тогда он превратился в колотушку с лопатку лося-самки с восемью ребрами. Теперь у этой женщины было все необходимое. У этой женщины шаманская одежда с головы до ног орнаментирована и расшита. Она была из лучшей оленьей ровдуги, расшитая подшейной оленьей шерстью, разукрашенная красным суриком, вдоль и поперек были кисти из полосок ровдуги, между ними круглые бубенчики, подол же был красиво вышит серебром и медью. Надев ее, она стала просить старуху [Куккумачан]: «Вытащим кости дедов». При помощи [ее] она вытащила кости, уложила в две медные люльки, обе люльки положила в карманы своей одежды и пошла на вершину гольца, подпирающего небо. Отправляясь, она говорит:

— Ну, бабушка, ты иди к своим и скажи, что деды придут к ним. Если не предупредим, они могут испугаться.

Затем она превратилась в стерха и полетела, поблескивая, к гольцу. Она разве задержится? — тотчас долетела до вершины гольца и начала камлать в своей длинной одежде, припевая:

— Хеде-хогай, хеде-хогай!

Ейкэ это, ейкэ это!

Слышите ли вы мои волшебные слова? Вот вы, мои деды, Иркисмондя средней земли и кузнец Торонтай, примите низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если вы спросите меня: «Откуда родом-племенем девушка пришла и начала оживлять нас, страстно будить и волшебством ставить на ноги?» — [отвечу]: «Я та, что должна была стать для вашего внука Хуркокчона средней земли с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, я дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и богатой Сивэкнлон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица, способная предвидеть все в трех Сибир-землях, могущая лечить всех хилых, больных.

Ейкэ, ейкэ, деды мои, кузнец Торонтай, Иркисмондя! Придите сюда!

— Я иду путем богатырши верхней земли, бабушки Уникчан-шаманки!

Ейкэ, ейкэ, дедушки, если же мне вправду суждено своими волшебными словами и благословением оживить мертвых и поставить [на ноги] предков эвенков, дедушки, станьте людьми (покажите себя в облике человека). Посмотрите, как родившись, хорошо жили ваши потомки! Посмотрите, как держат в изгороди оленей и развели скот! Посмотрите, как они родили детей! Посмотрите, как

лучшие из чужеродцев, почтенные из матов собрались у ваших потомков, приехав гостить из добрых чувств!

Ейкэ, ейкэ, дедушки, спешите на свою среднюю землю! Стремитесь в свой большой дом! Бегите к дедушке-огню! Проснитесь, зная и помня, кто здесь стоит и старается ставить вас на ноги! Встаньте, оживляю вас я — жена вашего внука, хорошая удаганка Аякчан-красавица!

Хеде-хогай, хеде-хогай! — сказав, [она] трижды взмахнула своей колотушкой.

После этого два старика, оба ожив, сели друг против друга. Иркисмон средней земли, сидя, посматривал туда-сюда своими бессмысленными глазами и заговорил он так:

— Дынгдони-дынгдони, дэлэгэй! — Смотри-ка ты, как же я умер в этой стране? Ведь когда-то давно мой сын, богатырь средней земли по имени Чагилган с огоньками в глазах, начал биться с атаманом авахов нижней земли, что же с ним случилось? А ты, моя невестка-внучка, чья жена? Прими низкий поклон! А я, хоть и проснулся, но не в силах двигаться. Как ты доведешь меня до дому? Для какой пользы меня ты оживила? Хотя я и ожил, но никак не смогу встать на ноги. Что ты сделаешь, чтобы я увидел свой дом? Где же он, скорее увидев, я бы отдохнул! — Дынгдони-дынгдони, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица заговорила так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Ты, Иркисмон средней земли, дедушка, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! Ты спросил: «Чья ты жена?». «Я жена твоего внука богатыря средней земли Хуркокчона средней земли, ездящего на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, отец его — твой младший сын богатырь Коколдокон, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях, мать его — Инмэкон-красавица со следами, как ниточка. Я же — дочь Хэглэндор-старика, хорошая шаманка Аякчан. И если ты сможешь встать, у меня есть вода, которой напою тебя. Пейте ее с кузнецом Торонтаем, тогда благополучно доберетесь до дома. Это лекарство самое меньшее сможет вернуть вам энергию, какую вы имели в свои двадцать пять лет! Кикир-кикир, кингкиланин! — сказав, из кармана взяла медную коробку, половину [содержимого] дала пить Иркисмону, а вторую половину кузнецу Торонтаю. А те превратились в двадцатипятилетних и сразу встали на ноги и за невесткой отправились домой. Аякчан-красавица, превратившись в стерха, летела впереди, поблескивая [белизной], Иркисмон средней земли, превратившись в лебедя, кузнец Торонтай — в журавля, летели друг за другом. И разве хорошая шаманка Аякчан-красавица сравнится с ними — полетела далеко вперед. Она разве задержится? Сразу прилетела домой. Прилетев, опустилась на землю, превратилась в человека и встала посреди двора, дожидаясь стариков.

После этого прилетели старики, опустились на землю, перевернулись несколько раз, превратились в людей. Из дому вышло множество людей и начали здороваться с ними. Самой последней [вышла] Куккумачан-старушка, вероятно, она подзабыла своего старика, спрашивала: «Какие маты прибыли?» и подошла между людьми поближе. И внезапно увидела своего мужа, потеряла сознание и упала на спину. Все присутствующие тут же испугались, и поднялся шум-гам. Тогда хорошая шаманка Аякчан-красавица взяла Куккумачан-старуху и раза два подула ей в лоб, и та пришла в себя. Затем Куккумачан-старуха, вскрикивая, села, чихая, встала и, пронзительно вскрикнув, обняла мужа, здоровалась, отдыхая от усталости, целовала, обливаясь потом, только после этого и успокоилась. Затем стариков ввели в дом, и [они] начали с аппетитом есть свадебное угощение, начали оживленно разговаривать, хорошо играть и веселиться. Иркисмон средней земли сам и кузнец Торонтай тоже стали уважаемыми стариками. И все живые шумно и весело кончили пировать; тогда зять-мата, родившийся дважды Дерис-богатырь, ездящий на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, повел такую речь:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вы, давшие увидеть мне белый свет, родившие [мою жену], уважаемые родители жены, богатыри средней земли, ее девушки-красавицы и старики — все, мои слова почувствуйте нутром! Настало время моего возвращения домой, я сильно задержался. Как вы думаете об этом, скорее выскажитесь! Свадьба была хорошей, все мои желания исполнились. Когда приеду домой, мне есть о чем рассказать, новостей много. Вот незабываемое спасибо за то, что приняли меня с чистой совестью, с добрыми мыслями и с верным сердцем. Вы не обижайтесь на меня, думая: «Так внезапно отправляется домой». Приближается срок, назначенный моим зятем Хуркокчоном средней земли моим родителям. Пусть исполнится его обещание! (букв.: пусть его слово встанет в ряд). Пусть приеду в срок! Говорили есть пословица: «У хорошего коня плеть одна, у доброго молодца слово одно», так и у Хуркокчона слово одно — приеду я в срок. — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

Его слова понравились всем местным матам.

— Тебе ехать следует — доброму молодцу положено судьбой, женившись на девушке, увезти ее на свою родину, — говорят.

Тогда зять и девушка отправляются на родину Дерис-богатыря. Они разве станут медлить? Сразу превратились в пару лебедей и взлетели вверх.

Отправляясь в путь, этот богатырь верхней земли, родившийся дважды храбрый Дерис-богатырь, ездящий верхом на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, говорит [прощальную] речь:

— Чипир-чипир, чипирья! — Вы, давшие увидеть белый свет уважаемые родные жены, — все послушайте! Средняя земля, ты

тоже пойми разумом, почувствуй нутром! Мы уезжаем, вы остаетесь, мы расстаемся, так хорошо пожив и повеселившись. Если бы моя родина была поближе, я бы поселился, приехав сюда, но родина так далека и родители так стары, что наверняка не приеду, но все же если приедем, не удивляйтесь. И если придет ваш смертный день, отправьте по ветру свои вещие слова, может мы спасем ваши души. Мы тоже дадим знать, если начнем умирать. Так ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Чипир-чипир, чипирья! — говорит.

После этого из домашних Секак-красавица, глядя им вслед, говорит такие слова:

— Кимо-кимо, кимонин! — К тебе обращаюсь, дочерью называемая дочь моя, отцом имеющая богатыря верхней земли сына солнца Дергэлдина и матерью имеющая младшую дочь Геван-старика Секак-красавицу, дочь моя, ездящая верхом на трехгодовалом диком олене с двумя полосками Дергокчон-красавица, и ты, имеющий отцом богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, матерью имеющий богатую Сивэккилон-старуху, зять мой, дважды родившийся храбрый Дерис-богатырь, ездящий на полоске тучи, мелькающей между восемью облаками, послушайте, оценивая мои слова, обдумывая речь мою! Во время вашего длинного пути пусть не помешает злой оборотень, пусть никто не задержит, доброго пути вам! А когда приедете на родину, передайте от моего имени низкий поклон отцу зятя богатому Хэглэндор-старику и матери зятя богатой Сивэккилон-старухе. А вы сами обзаведитесь домом, разведите огонь, родите детей, растите скот, огородите оленей, пусть вас любят чужеродцы, пусть уважает потомство, станьте хорошей почитаемой семьей. Мои слова пусть станут добрым благословением и сопутствуют вам, мое вещее напутствие пусть укажет вам дорогу! До встречи ваша судьба с вами, наша судьба с нами! Прощайте на долгие годы! — Кимо-кимо, кимонин! — говорит.

Так благословив, они дочь и зятя отправили на родину.

Жители этой средней земли возглавили страну эвенков, именуемую добрым именем Иркисмонди, разбогатели, словно морская вода; коровы наполнили все [долины] рек, склоны чернели от табунов коней, по горам бегало множество оленей. У них выросли семьи в несколько поколений, в разных странах распространилась слава, и пошла молва о их добром имени.

После этого для дочери Коколдокона средней земли настала пора возмужания тела и укрепления суставов. Если посмотреть на внешность этой славной девушки, то, вероятно, из нее вырастет такая красивая женщина, равной которой нет среди эвенкийских девушек. Кровь ее чиста и прозрачна, сквозь мышцы видны прямые кости, а сквозь кости виден чистый костный мозг. На этой земле с черной глиной и зеленой травой выросла и расцвела такая девушка, внешность которой ни с чем не сравнишь. Так она жила, расцветая и мужая. Однажды в полночь она увезла старого куз-

неца Торонтая к вершине гольца, подпирающего небо, называемого дальним краем средней земли. Там попросила сделать себе для игр площадку окружностью в одну кочевку. Со словами: «Если я наступлю, она не продавится» [Солкокчон] заставила [кузнеца] покрыть лучшей медью, замостить большими лиственницами и укрепить хорошими елями. Эта молодая девушка приходила сюда каждый день и тренировалась. Долго ли, коротко ли они жили — я не знаю.

Когда они так жили, однажды утром со всех сторон неба почему-то начали сгущаться черные тучи, начали умножаться белые тучи, забегали красные тучи — настал, вероятно, необычный день. После этого подул ветер, полил дождь, начал сыпаться снег, тут же загремел гром, засверкала молния, закружил вихрь, расщепляя сухие деревья, сваливая растущие деревья и едва не опрокинул их дважды восьмигранный дом. За это время выпал снег с глиной [глубиной] до пояса стоящего человека, до окон дома. Затем [небо] очистилось, и сверху прилетел, свистя крыльями, сокол и сел у дверей. Опустившись, заговорил так:

— Гонгго-гонгго, гонггоди! — К тебе обращаюсь, сын Иркисмонди средней земли и старшей дочери Геван-старика Куккумачан-красавицы, имеющий полное имя во всех трех Сибир-землях: на нижней земле чутко просыпающийся [при приближении] врагов Сэнгокчон, на средней земле завернутый в рукавицу Коколдокон, на верхней земле ездящий верхом на богатырской птице Мэнгноникон — богатырь средней земли, послушай мои слова, открой дверь, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, мата, пришел, начал здороваться и вести разговоры? — [то отвечу]: «Отец мой — белая туча, мать — красная туча, они родились на верхней земле, имя мое — выросший на краю верхней земли, ездящий верхом на быстрой туче храбрый Денор-богатырь среднего мира». Если спросишь: «Какая главная нужда [тебя привела] и для чего ты сюда прибыл?» — [то отвечу]: «У меня совсем нет [той, которая должна была стать для меня] с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой, с трех лет суженой, подругой». Поэтому я прибыл, торопясь к громкой славе твоей дочери и примчался к ее славному имени. Если бы ты дал согласие, я никогда бы не забыл твое добро. Обещал бы: упадешь на спину — подниму за затылок, упадешь вниз лицом — подниму за лоб. Как ты думаешь об этом? Дай знать — отдаешь или нет? До родины моей далеко, не заставляй ждать путника, не задерживай странника, мысли свои выскажи, не раздумывая! — Гонгго-гонгго, гонггоди! — говорит.

После этого Коколдокон направился к выходу, а дочь его не дала выйти, сказав: «Я выйду сама и встречу его первой!». Сама вышла и заговорила так:

— Вивир-вивир, вивирья! — Тебе говорю, богатырь верхней земли, сын белой тучи и красной тучи, родившийся на краю верх-

ней земли храбрый Денор-богатырь, ездящий верхом на быстрой туче, сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда ты родом-племенем, девушка?» — [отвечу]: «Отец мой Коколдокон средней земли, мать Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, я сама вся в шелковой одежде Солкокчон-красавица, ездящая верхом на необъезженном богатырском теленке дикого оленя». А твои слова я все слышала, ты такой мата, у которого все не так: главная забота твоя, оказывается, защищать жизнь богатыря Коколдокона, другая забота — дальность твоей родины, туда ты торопишься, хочешь знать мое мнение — послушай мои слова: говорят, есть такая пословица: «Животные узнают друг друга, поиграв рогами, а люди — поиграв силой рук и ног». Поэтому, если ты действительно приехал ко мне, следуй за мной к моей медной площадке, там попробуем [силы]. Два богатыря как породнимся, не узнав друг друга? На душе будет спокойно, когда узнаем друг друга, и для других хорошо. Если ты победишь меня, то только тогда сможешь спасать душу, не сможешь победить — лучше возвращайся домой, ты ведь путник, зачем из-за нас станешь задерживаться? Лучше будет, если ты, странник, примешься за свое странствование, ты, путник, будешь держать свой путь! — Вивирвивир, вивирья! — говорит.

Кончив говорить, превратилась в стерха и, свистя крыльями, полетела к своей медной площадке для игр. А тот человек, думая: «Еще лучше мне встретиться с ней в лесу», превратился в сокола и полетел вдогонку. А женщина прилетела к медной площадке, превратилась в человека и встала. Тот человек прилетел, шумя крыльями, и превратился в человека. Он внимательно посмотрел на девушку, родилась же на глинистой земле такая славная и красивая девушка. Кровь ее сверкает, как зеркало, тело просвечивает, как хрустальная рюмка, сквозь мышцы видны стройные кости, а сквозь кости просвечивает жидкий костный мозг ее — стоит такая красивая девушка.

Увидев ее, тот человек полюбил ее душой и телом, подошел к ней, глядя бессмысленными глазами, обнял и сразу начал целовать. Девушка толкнула его в грудь. Тот человек даже сам не понял, что с ним случилось, не успел оглянуться, как упал на остров на дне нижнего моря. Затем Солкокчон-красавица отправилась домой. Оставшиеся дома подивились опрометчивости девушки, как она прогнала мату с такими смелыми мыслями, трусливые испугались. Только Коколдокон, смеясь, шагал взад-вперед на своих коротких ножках. В это время он увидел дочь, идущую одну, и говорит:

— А дочь идет одна (только сама). Люди смотрели, говоря: «А где же мата?». Девушка летела одна. Девушка прилетела, опустилась на землю, превратилась в человека и подошла, улыбаясь.

— Где же тот мата? Куда ушел? — спросили члены семьи.

— Мата ли, туман ли набросился на меня, я оттолкнула, он упал в нижнее море. Будучи таким, зачем же он прибыл, несчастный, — говорит девушка.

После этого Хуркокчон средней земли спросил у своей жены:

— Что сделать с тем мата, чтобы не ославилось имя нашей девушки?

На это хорошая шаманка Аякчан-красавица ответила:

— Если она его вправду прогнала, если он умер, то ославится наше имя, поэтому я пойду, посмотрю! — сказала. Она надела шаманскую одежду, схватила колотушку и отправилась, камлая. Зазвенели колокольчики и бубенчики, удаляясь, она заговорила:

— Хеде-хогай, хеде-хогай! — Ты, богатырь верхней земли, сын белой тучи и красной тучи, выросший на краю верхней земли храбрый Денор-богатырь, ездящий верхом на быстрой туче, как же ты уснул? Ейкэ-ейкэ! Если уснул — проснись, если умер — воскресни, поднимись человеком, каким был! Мои слова поймут разумом, почувствуй нутром, раскрой уши! Если спросишь меня: «Какая девушка пришла и начала спасать меня?» — [отвечу]: «Я — дочь богатого Хэглэндор-старика и богатой Сивэккилон-старухи, могущая предвидеть все в трех Сибир-землях, способная вылечить хилых, больных, хорошая шаманка Аякчан-красавица, придя, заклинаю, встать на ноги!» Если здесь умрешь — будет плохо средней земле. Померкнет слава, исчезнет твое доброе имя. Если суждено твоему имени не померкнуть, то быстро встань на ноги, открой глаза! Твоя судьба не одолела нашу девушку, судьба [т. е. суженая] твоя другая. Поэтому у своего покровителя тихонечко попроси о своей судьбе, живи в другой стране, ходи подальше! — Хеде-хогай, хеде-хогай! — говорит.

Сказав так, трижды взмахнула своей колотушкой с лопатку лося-самки с восемью ребрами, два-три раза подула в лоб того человека, тот сразу выздоровел, восстановился его прежний облик, узнав все, что знал, вспомнил то, что помнил, и ему было очень стыдно. Быстро встал, перевернулся трижды, превратился в сокола и полетел на верхнюю землю.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица пошаманила на его дорогу и, узнав, что ничего плохого не будет, прилетела. Не видно было, где она хранит свою шаманскую одежду, и никто не знал об этом.

После этого они жили тихо без всяких забот, как и прежде. Жизнь была полной чашей. Однажды одетая в шелка Солкокчон-красавица, ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, села напротив старого кузнеца Торонтая и повела такую речь:

— Вивир-вивир, вивирья! — Ты, уважаемый дедушка кузнец Торонтай, мои волшебные слова пойми разумом, почувствуй нутром, раскрой уши, из десяти слов оцени пять, обдумай три слова! На меня не обижайся, думая: «Заставляет [работать] старого»,

я хочу попросить тебя об очень важном для меня. Если спросишь: «Что это» — [то скажу]: «Если бы ты сделал для меня своими умелыми счастливыми руками дважды восьмисаженный лук, который бы мог облететь весь верхний небосвод и [вернуться сюда], как бы было хорошо тогда». Мне он очень нужен (моя судьба очень нуждается в нем), если бы ты сделал — стало бы известно все мое будущее. Поэтому если ты согласен, сделай побыстрее и дай мне. Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Этот кузнец Торонтай услышал ли ушами, в мыслях ли догадался: посмотрел на присутствующих, улыбнулся, посмотрел на девушку, кивнул головой и тотчас же взял семидесятисемипудовый молот, тридцатитрехпудовые клещи и направился в свою кузницу. Зашумели меха, забухали удары молота, заскрипели клещи.

Коколдокон пришел и, рассматривая, думает: «Он лук, вероятно, кует из железа». Видит, тот недаром стал кузнецом: ковал так искусно, что лук покрыл медью, древко лука из упругой сердцевины прочного дерева покрыл железом, спускную палочку сделал из железа, насторожку из прочного железа,[1] а тетиву из гибкой проволоки натянул. Этот человек, с рождения не произносивший ни одного слова, произнес: «Пусть название этого лука будет Тэгэн-богатырь», кроме этого, ничего не сказал. Старый кузнец Торонтай принес девушке лук и отдал ей. А девушка очень обрадовалась, взяла лук и отправилась на площадку битвы и играла, стреляя в цель. Ходила туда она каждый день и с большим увлечением играла луком. Стрела ее попадала в цель, куда бы она не целилась, она ничуть не отклонялась. Потом со словами: «Если выстрелить вверх, куда дойдет?» и выстрелила вверх наугад, спустила стрелу. Стрела полетела, и не стало ее видно. «До чего-либо дойдя, упала» — говорит. Поискала там и здесь и не смогла найти. Когда же она вернулась к месту, откуда выстрелила, стрела вернулась и вонзилась в медную площадку. Увидев это, девушка подумала: «Это какой же невидимый злой колдун [сделал]» и, взяв стрелу, внимательно осмотрела ее. Оказалось, что у основания наконечника стрелы остались ясные отпечатки пяти пальцев какого-то маты. Увидев это, девушка пришла к жене брата и обратилась с такими словами:

— Вивир-вивир, вивирья! Ты, жена моего брата, дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего верхом на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвидящая все в трех Сибир-землях, могущая вылечить всех хилых, больных, способная оживлять мертвых, мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! Я выстрелила вверх из лука, подаренного дедом кузнецом Торонтаем, думая: «Как далеко улетит [стрела]»; стрела полетела [так далеко], что я потеряла

[1] Сказитель описал изготовление лука как изготовление самострела с насторожкой и спускной палочкой.

ее из виду. После того, как я пошла искать ее, а она вернулась и вонзилась в то место, откуда я ее пустила. Ты посмотри, какой злой разбойник подшутил надо мной. Он оставил отпечаток пяти пальцев у основания древка моей стрелы, схватив ее, пустил (бросил) ее обратно, и она упала, вонзившись до половины в медную площадку. Кто же это невидимый продолжает шутить надо мною, [он] схватил стрелу мою, играючи, с чего же пренебрегает мною, ох досада, горе мне! Как же отомщу [я ему], видите ли, как мне обидно [и] досадно? Дай мне какой-либо совет! — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Выслушав ее, хорошая шаманка Аякчан-красавица говорит: «Где стрела? Посмотрим». Она взяла стрелу, осмотрела ее и повела такую речь:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Тебе говорю, дочь Коколдокона средней земли, имеющего полное имя во всех трех Сибирземлях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточка, одетая в шелка Солкокчон-красавица, ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, сестра моего мужа (младшей сестрой называемая сестра), мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! Дедушкой называемый дедушка твой кузнец Торонтай, оказывается действительно хороший кузнец. Сделанная им стрела до какого богатыря долетела, я и сама не знаю. Поэтому иди и попробуй пустить стрелу, если этот храбрый богатырь судьбой предназначен нам, то даст какой-нибудь знак, а если он враг — тоже узнаем. Кто бы ни был, ты не бойся, выстрели, изо всех сил натянув стрелу, пусть что будет, то и будет! — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

Выслушав ее, эта Солкокчон-красавица взяла лук, отправилась на игровую медную площадку, дойдя до места, откуда стреляла, оперлась ногами так, что увязла до колен на своей медной площадке, натянула тетиву до правого уха, целилась трое суток, упиралась четверо суток, держалась пятеро суток, направляла шестеро суток, стояла устойчиво семеро суток, держала [лук] восемь суток, только после этого взвизгнул ее мизинец, взревел большой палец, ухнул указательный палец, взвизгнула тетива, прошумел лук, прогремела стрела. Куда долетела стрела, не было видно. Она со свистом пролетела к макушке неба. А Солкокчон-красавица ходила взад-вперед по медной площадке, поглядывая по сторонам. В это время с макушки верхнего мира сквозь белую тучу падала, свистя, серебряная стрела. Не успела оглянуться, как стрела до половины вонзилась в медную площадку. Девушка подошла туда и увидела, что упавшая стрела была другая, а не ее. Вот девушка осмотрела ее хорошенько, она была вся из серебра, посмотрела с одной стороны стрелы — видны блестящие глаза и брови молодой женщины, посмотрела с другой стороны — сверкают глаза и брови молодого человека. Девушка взглянула внимательно — там изображение очень красивого маты. Рядом с ним

сидит подстать ему красавица-девушка. Увидев его, Солкокчон-красавица очень удивилась, разглядела хорошенько, видит — три золотые насечки. После этого Солкокчон-красавица взяла стрелу и пошла домой. Вот, придя, заговорила так:

— Вивир-вивир, вивирья! — Тебе говорю, отцом называемый отец мой, Коколдокон средней земли, имеющий полное имя в трех Сибир-землях, матерью называемая мать моя, Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, жена моего брата хорошая шаманка Аякчан-красавица, вот вы послушайте мои слова, оценивая, мои волшебные слова, послушайте, обдумывая! Я потеряла мою медную стрелу, сделанную дедушкой кузнецом Торонтаем, ох, как жалко ее! А эту спустил какой-то злой оборотень, эта серебряная стрела вонзилась предо мной. Враг ли он, друг ли нам? Она имеет еще три золотые насечки, уж очень это подозрительно. А еще с одной стороны видно изображение с блестящими глазами и бровями молодой девушки, а с другой стороны — со сверкающими глазами и бровями молодого человека! Посмотрите-ка, вы сами! — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Услышав это, домашние быстро вышли и увидели: действительно, прилетевшая стрела была особой. Разглядели ее хорошенько — (на ней) было изображение красивого маты, несомненно лучшего из людей. Было здесь и изображение их собственной дочери Солкокчон-красавицы. Увидев это, Коколдокон средней земли предупредил свою дочь такими словами:

— Ты не оттолкни его так, как оттолкнула первого мату. Этот мата, вероятно, хороший человек, тебе подстать он. Видимо, он скоро прибудет. Когда приедет, мы поговорим с шаманкой Аякчан-красавицей, — говорит.

Вот после этого они прожили трое суток, у хорошей шаманки Аякчан наступила пора [родов], на третье утро она говорит такие слова:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Ты, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, Хуркокчон средней земли, мои слова почувствуй нутром, пойми разумом, раскрой уши! Исполнился срок наших месяцев, держись-приготовься, наступило время рождения сына! Держись крепче и встань у дверей, говорили, что сын богатыря бывает храбрым богатырем, поэтому будь человеком! Если не удержишь — убежит, будь осторожен. Если только теперь не удержим, после его никто не уймет, поэтому покажи себя, держись крепче! — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

После этого лишь только Хуркокчон средней земли приблизился к двери, как пронзительно заплакал мальчик, прыгнув, порвал себе пуповину и выскочил через голову отца, превратился в серебряную птичку и взлетел вверх. А наш человек Хуркокчон, превратился тоже в серебряного белого журавля, полетел вдогонку. Этот ребенок с шумом летел прямо на восток. Хуркок-

чон средней земли, все больше распаляясь, гнался за ним. Когда они летели друг за другом, со стороны восхода солнца с шумом приближался к ним белый вихрь. Вгляделись в этот вихрь внимательно, оказалось — приближается одетый в серебро, очень красивый мата, несравненно лучший из богатырей, несомненно храбрый богатырь из эвенков, исключительный из урангкаев на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и с естественной звенящей уздой. Приближаясь, этот человек увидел Хуркокчона средней земли, остановил коня и, поставив его на медной площадке, сам пошел навстречу нашему человеку, здороваясь правой рукой, заговорил так:

— Геро-геро, героканин! — Смотри-ка, имеющий отцом Коколдокона средней земли, с полным именем в трех Сибир-землях, имеющий матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеной вожжой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если ты спросишь меня: «Откуда родом-племенем, мата, прибыл и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Отец мой царь-солнце, освещающий три Сибир-земли огненным золотым фонарем, а мать моя — одетая в расшитую и раскрашенную одежду, богатая Онердон-старуха. А я — в серебряном панцире храбрый Мэнгундор-богатырь, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и серебряной звенящей уздой. Если спросишь: «Какое срочное дело, что за нужда заставили приехать к нам?» — [отвечу]: «Я услышал своими обоими чуткими ушами о громкой славе твоей сестры, сестрой называемой, с которой вы росли вместе, как два рога двухгодовалой коровы. Направил [я] своего чистобелого двухгодовалого коня в вашу среднюю страну, основательно обдумав свой храбрый поход, прибыл. А твой сын такой мата, который будет странствовать по указанию своей судьбы. Ты не гонись за ним, сам вернется, постранствовав. Теперь же дай ему имя и оставайся, так он не сможет убежать, непременно вернется! — Геро-геро, героканин! — говорит.

Выслушав его, наш человек Хуркокчон средней земли, превратившись в человека (своим телом человек собою упав), опустился на эту медную площадку, повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, имеющему отцом солнце-царя, освещающего три Сибир-земли огненным золотым фонарем, и имеющему матерью богатую Онердон-старуху в расшитой узорами одежде, храбрый Мэнгундор-богатырь в серебряном панцире, ездящий на чистобелом двухгодовалом коне с природным серебряным седлом и с естественной серебряной звенящей уздой, предназначенный судьбой [быть мне] зятем, прими низкий поклон! И ты, вероятно, правильно говоришь, поэтому дам ему имя, пусть укажет ему путь его судьба. Мой сын, каким бы ты ни был строптивым и неумным, мои волшебные слова пойми разумом,

почувствуй нутром, раскрой уши! Я — твой уважаемый отец, давший увидеть тебе белый свет, Хуркокчон средней земли, ездящий верхом на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком. А мать, вырастившую твое здоровое тело, прочные кости, тебя самого в теплой утробе под своим золотым сердцем, зовут хорошей шаманкой Аякчан-красавицей, предвидящей все в трех Сибир-землях, вылечивающей хилых, больных, оживляющей мертвых, имеющей отцом богатого Хэглэндор-старика, ездящего верхом на семи звездах, и имеющей матерью богатую Сивэккилон-старуху. А ты, родившийся от этих богатырей, ездящий верхом на серебряной птичке, по имени будь Денукчаном-богатырем! Пусть сопутствует тебе твой покровитель-тетерев, пусть хранит тебя твой хранитель-глухарь! Не уступай двуногому, не падай от крутобокого, не спотыкайся об имеющего суставы! Твоя судьба с тобой, моя судьба со мной! Прощай на долгие годы! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого сами два богатыря, встретившись и шагая по медной площадке так, что она шаталась, начали здороваться, да так, что раздавалось по всей средней земле. А звонкие поцелуи их были слышны на небе, щеки их стукались так, что было слышно на южном склоне и отдавалось эхом на северной стороне. Вот так восторженно встретились эти маты.

После этого приезжий человек, глядя в упор на нашего человека, произнес такую речь:

— Геро-геро, героканин! — Мы с тобой оба храбрые маты встретились, давай поговорим не спеша, своими золотыми сердцами в шестнадцати (дважды восьми) ребрах, с хорошими намерениями, с жидкой кровью, с трезвыми мыслями лично сами, славя свои добрые имена, поговорим на тихой, просторной земле и узнаем намерения друг друга. Если спросишь: «Ради чего ты так [красноречиво] говоришь своим языком и челюстями?» — [отвечу]: «Я пришел просить сестрой называемую сестру твою, с которой выросли вместе, как пара рогов двухгодовалой коровы, чтобы она стала для меня с одного года швеей, с двух лет домохозяйкой. Потому тебе и говорю, другом называемый друг мой, ты свои добрые мысли изложи последовательно своим золотым сердцем, выскажи, не тая. Я последую твоему совету — скажешь: — «Согласен», — пойду (я не уйду от своего совета) на твою родину, не согласишься — не стану настаивать, ты дай знать свои мысли! — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наш человек подумал, сгибая [один за другим] свои пять пальцев, сел напротив того человека, посмотрел на него добрым взглядом и повел такую речь:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, имеющему отцом солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющему матерью богатую Онердон-старуху в расшитой и раскрашенной одежде, богатырь по имени Мэнгундор, ездящий на чистобелом молодом

коне с природным серебряным седлом и естественной звенящей серебряной уздой, другом называемый друг мой, зятем называемый зять мой, мои откровенные слова, мой подробный рассказ, раскрыв свои чуткие уши, пойми ясным разумом, почувствуй здоровым нутром! Разве мне не подойдут твои слова: «Как же я не соглашусь на твою просьбу». Моя сестра, одетая в шелка, богатырша Солкокчон-красавица как же сама не согласится, не откажет она! И мы сами введем [в дом] с добрыми словами, поэтому мы оба давай-ка отправимся в мой дом. И отцом называемый отец мой не станет препятствовать, он среди богатырей-эвенков отличается добрым нравом. А для авахов нижней земли, ничего не скажешь — в нем [сидит] грозный человек, ты, вероятно, и сам слышал о нем! — Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого тот дальний человек, взглянув на него [Хуркокчона] добрыми глазами, согнул пять пальцев один за другим, вероятно, он тоже о чем-то раздумывал. После чего тот богатырь верхней земли храбрый Мэнгундор-богатырь заговорил так:

— Геро-геро, героканин! — Тебе говорю, имеющему отцом Коколдокона средней земли, с полным именем на трех Сибирземлях и имеющему матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и естественным плетеным недоуздком, другом называемый друг мой, уважаемый шурин, мои слова, раскрыв оба чутких уха, пойми чистым разумом, почувствуй нутром в шестнадцати (дважды восьми) ребрах своих! Сейчас ты сам иди один, а я приеду через трое суток. Ты не говори о встрече со мной, расскажи о том, как ты назвал своего сына, больше не говори ни о чем. У твоей сестрой называемой сестры должна быть моя семисаженная серебряная стрела, а медная стрела Солкокчонбогатырши, сделанная кузнецом Торонтаем, есть у меня. Мы встретимся сами и померяемся [силами], отгадка нашей судьбы на земле (глине-земле) с зеленой травой, вероятно, кроется в них [стрелах], ими [мы] и поговорим. Ты не обижайся на меня, думая: «Не захотел со мной ехать», если [я ей] не подойду, пусть вернет назад меня одного. Если же приедем вдвоем, [она] скажет: «Какого опять злого оборотня привел?», вместе нас и обвинит. Поэтому сначала ты сам приезжай. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наш человек как бы сказал: «Твои слова при тебе, мои слова при мне», ничего не говоря, перевернулся трижды, превратился в серебряного белого журавля и отправился в свою среднюю страну, сверкая и поблескивая. Но разве же он задержится? Тотчас начал приближаться к дому. Прилетев, шумно опустился у дверей и начал говорить откровенно и рассказывать подробно:

— Угэле-угэле, дэлэгэй! — Тебе говорю, подругой называемая подруга моя, имеющая отцом богатого Хэглэндор-старика, ездящего верхом на семи звездах, и имеющая матерью богатую

Сивэккилон-старуху, хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если ты спросишь: «Откуда родом-племенем мата прибыл?» — [то отвечу]: «Я — твой другом называемый: друг Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и природным плетеным недоуздком». Если спросишь: «Где же твой сын?» — [то отвечу]: «Он хотя и улетел, превратившись в белую птичку, но подрастет и вернется». Я вернулся, дав ему вечное, звучное имя и добрую славу. Если спросишь: «Какое имя дал?» — [отвечу]: «Он стал матой энергичным Денукчаном, имеющим отцом Хуркокчона средней земли, имеющим матерью хорошую шаманку Аякчан-красавицу, ездящим верхом на серебряной птичке. Зачем же нам печалиться, он такой мата, который сам постоит за себя, раз он родился от нас, не может быть слабым, хилым матой. Он будет ходить непременно наравне с храбрыми, сильными матами, он не уступит [в силе] двуногому, не сможет сопротивляться двурукий, он не упадет от крутобокого. Я думаю, что он не подведет наше доброе имя. Угэле-угэле, дэлэгэй! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица вышла из дому, ввела своего мужа в дом, усадила на серебряную скамейку о шести ножках. А сама вышла, раза два-три покликала [оленей], и в тройную изгородь окружностью в три кочевки полностью набилось три стада молодых оленей. Затем хорошая шаманка Аякчан-красавица, выбрав трех лучших холощеных оленей и трех отборных яловых кобылиц, заставила забить, и трех отборных яловых оленей. Она заставила сварить все мясо и, пригласив всех соседей, устроила угощение в честь рождения энергичного Денукчана. Собралась вся родня Иркисмонди среднего мира и веселилась.

Во время пира со всех сторон начали сгущаться тучи черные, начали умножаться белые тучи, туда-сюда забегали красные тучи. Сразу за этим в одно мгновение поднялся ветер, закружил вихрь, поднялась буря, засверкала молния, загремел гром, и не успели оглянуться, как выпал снег с землей [глубиной] по пояс стоящего человека. Этот вихрь едва не опрокинул их шестнадцатигранный дом. Затем небо засияло так, как будто никогда и не было ни дождя, ни снега.

После этого в площадку, где играла одетая в шелка Солкокчон-богатырша, ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, вероятно, ударила сильная молния. После чего хорошая шаманка Аякчан-красавица говорит:

— На площадку, где играет наша девушка, упала огромная молния, вероятно, снова кто-нибудь пришел. Я пойду, посмотрю.

На это Хуркокчон средней земли говорит:

— Ну, иди быстро, если он злой оборотень, быстро отправь ко мне свои волшебные слова.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица тотчас вышла и, превратившись в белую птичку, полетела, поблескивая, к игровой площадке девушки. Прилетев, посмотрела внимательно, оказалось [по площадке] взад-вперед бегает белый вихрь.

А хорошая шаманка Аякчан-красавица опустилась на землю, обернулась собой, посмотрела внимательно, оказалось, на площадке, где играла девушка, резвился богатырь весь с головы до ног одетый в совсем не помятую серебряную одежду. Пришел и играет на площадке девушки. Увидев это, хорошая шаманка Аякчан-красавица сразу узнала и повела такую речь:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Это ты, имеющий отцом Солнце-царя, освещающего три Сибир-земли своим огненным золотым фонарем, и матерью имеющий богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, одетый в серебряный панцирь храбрый Мэнгундор-богатырь, прими привет! Сначала привет, потом разговоры! И если ты спросишь меня: «Откуда родом-племенем, девушка, пришла и здороваешься?» — [отвечу]: «Отец мой, богатый Хэглэндор-старик, родился на верхней земле, ездит на семи звездах, мать—богатая Сивэккилон-старуха, свекор—Коколдокон средней земли, муж мой Хуркокчон средней земли, свекровь моя Инмэкон-красавица со следами, как ниточка, а имя мое — хорошая шаманка Аякчан-красавица, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых. А ты, мата, с какими намерениями, по какой нужде прибыл в эту страну? Расскажи подробно о своих намерениях, скажи откровенно! У человека, прибывшего в такую далекую страну, вероятно, есть о чем рассказать. Кикир-кикир, кингкиланин! говорит.

На что дальний человек, отвечая так, идет навстречу к ней:

— Геро-геро, героканин! — Тебе отвечаю, дочь богатого Хэглэндор-старика, ездящего на семи звездах, и богатой Сивэккилон-старухи, предвидящая все в трех Сибир-землях, вылечивающая хилых, больных, оживляющая мертвых хорошая шаманка Аякчан-красавица! Низкий поклон твоему доброму имени, затем будут разговоры! Ты спросила то, что следует спросить, хочешь услышать то, что следует услышать. И спрашиваешь-то ты хорошо, спокойно, поэтому-то давно слышно о твоем имени, слава твоя распространилась глубоко. Давно я слышал, как [говорили о тебе] старые мудрецы: «Глаза видят все вокруг, уши слышат далеко», потому-то и идет о тебе слава. И если ты спросишь: «Откуда пришел ты, мата, чей родом-племенем?» — [скажу]: «Я, отцом имеющий Солнце-царя, освещающего три Сибир-земли огненным золотым фонарем, матерью имеющий богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, я богатырь верхней земли, имя мое одетый в серебряный панцирь Мэнгундор-богатырь, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным

седлом и природной звенящей серебряной уздой». Если спросишь: «С каким намерением, из-за какой нужды пришел?» — [отвечу]: «Говорят, на этой средней земле выросла та, что должна была для меня стать с трех лет суженой, подругой, с двух лет домохозяйкой, с одного года швеей». Имя ее — одетая в шелка храбрая Солкокчон-богатырша, ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, дочь того, кого ты называешь богатырем Коколдоконом средней земли, имеющим полное имя в трех Сибир-землях, и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточка. Это, видно, она, узнав или услышав обо мне, опустила свою медную стрелу, а я прибыл, думая: «Может быть, она и есть моя суженая». Эту девушку оденьте, как дикого оленя земли, нарядите, как посвященного богу оленя, и приведите на эту ее площадку игр. Мы, юноша и девушка, испытаем судьбу своей жизни на этой глинистой земле с зеленой травой под белым небом, здесь и поговорим. Туда же идите, может быть, девушка, если она храбрая, сильная девушка: «Давай попробуем [силы] какой-нибудь игрой», — скажет. А ее медная площадка для этого подходит, разве вы сами не останетесь довольны, если сами посмотрите, как мы играем. Мы — люди, как и подобает всем людям, будем разговаривать не спеша, сердечно и спокойно. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого хорошая шаманка Аякчан-красавица, превратившись в белую птичку, поблескивая, полетела домой. Она разве задержится в пути — быстро долетела до дому. Прилетев, шумно опустилась у двери дома и заговорила так:

— Кикир-кикир, кингкиланин! — Тебе говорю, другом называемый друг мой, хозяином называемый хозяин мой, имеющий отцом Коколдокона средней земли с полным именем в трех Сибир-землях и имеющий матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, Хуркокчон средней земли, ездящий на пестром олене с природным золотым седлом и плетеным недоуздком, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «Откуда родом-племенем, девушка, пришла?» — [отвечу]: «Твоя подругой называемая подруга, хорошая шаманка Аякчан-красавица пришла». Если же спросишь: «Что нового увидела, услышала в этот раз?» — [отвечу]: «Прибыл родившийся на верхней земле сын Солнца-царя с огненным золотым фонарем и богатой Онердон-старухи, одетой в расшитую и разукрашенную одежду, ездящий на чистобелом молодом коне Мэнгундор-богатырь, одетый в серебряный панцирь, почтенный из матов, лучший из чужеродцев». Прибыв, он резвится на медной площадке нашей девушки, [которая] его встретила. Если спросите: «Как выглядит тот мата?» — [то отвечу]: «Он очень стройный, и внешность его красива». Если спросите: «Какова его речь?» — [отвечу]: «Красноречивый рассказчик и храбрый, сильный мата». Пришел мата, предназначенный для нашей девушки с трех лет суженым, с двух лет другом, с одного года женихом. А нас, живущих здесь, всех

родственников Иркисмонди средней земли, он просит: «Приведите девушку-богатыршу, наряженную в шелка храбрую Солкокчон-красавицу, ездящую на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, нарядив ее, как таежного дикого оленя, нарядив, как посвященного домашнего оленя». Вот поэтому ты, сестрой называемая сестра моя, Солкокчон-красавица, тоже иди и посмотри глазами, подобными десятикопеечным монетам, послушай обоими чуткими ушами. На мой взгляд, кажется, пришел подходящий для тебя мата. Так, мы — люди, как и подобает людям, поговорим [с ним] по-хорошему, спокойно, не спеша, распространяя молву о своем добром имени и громкой славе, поговорим по душам, не злясь, чтобы не вышло ничего плохого. — Кикир-кикир, кингкиланин! — говорит.

После этого вся родня Иркисмонди средней земли, от мала до велика — все, старики, дети, женщины, мужчины, слуги — все выбежали из своих домов. Прибежали навстречу к хорошей шаманке Аякчан-красавице и, спрашивая: «Госпожой называемая госпожа наша, где ты его видела? Ну-ка, пойдемте, посмотрим!», все последовали за ней. После этого Коколдокон средней земли со своими детьми оделись в одинаковую, в самую лучшую и нарядную одежду, превратились в одинаковых белых птиц, подобных стае стерхов, и вместе с парнями и девушками, зятьями и невестками, стариками и старухами полетели, поблескивая, как летят стаи стерхов весной и осенью, к медной площадке окружностью в три кочевки, сделанной стариком кузнецом Торонтаем. Но разве они задержатся [в пути] — тотчас приблизились к медной площадке окружностью в три кочевки. Приближаясь, Коколдокон средней земли говорит такие слова:

— Кинггир-кинггир, кинггирмой! — К тебе обращаюсь, пересекая обширное пространство, приехавший из далекой страны, родившийся на краю верхнего белого неба, имеющий отцом Солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющий матерью богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, мата по имени Мэнгундор-богатырь в серебряном панцире, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! А если ты спросишь: «Откуда родом племенем мата будешь и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Отцом имеющий Иркисмондю средней земли, матерью имеющий старшую дочь Геван-старика Куккумачан-красавицу, я богатырь средней земли, имею полное имя во всех трех Сибир-землях: на нижней земле чутко пробуждающийся при приближении Сэлэргунов-врагов Сэнгокчон по имени, на средней земле завернутый в рукавицу Коколдокон по имени, а на верхней земле Мэнгноникон-богатырь по имени». Если спросишь: «Из-за какой острой нужды прибыли, как перелетные птицы?» — [то отвечу]: «Ты, приехав в эту страну, просил по-хорошему, и мы прибыли посмо-

треть на твой благородный облик, послушать твое красноречие, твой добрый рассказ, раскрыв оба чутких уха, [прибыли послушать]. Свое намерение, спрятанное в груди с шестнадцатью (дважды восемью) ребрами, изложи подробно, скажи откровенно!». Кинггир-кинггир, кинггирмой! — говорит.

А тот мата, выслушав речь и глядя на них, начал откровенный разговор:

— Геро-геро, героканин! — Тебе говорю, Коколдокон средней земли с полным именем в трех Сибир-землях, отцом ли, братом ли назвать — [не знаю], прими низкий поклон! Сначала привет, потом разговоры! Если спросишь меня: «С каким важным намерением, из-за какой нужды ты прибыл из верхнего мира?» — [то отвечу]: «Я, играя на площадке для игр, в своем верхнем мире, когда прилетела медная стрела, нацеливаясь в самую середину моей черной печени, схватил ее, будучи храбрым, сильным матой». Отец мой солнце-царь с огненным золотым фонарем и мать богатая Онердон-старуха, одетая в расшитую и раскрашенную узорами одежду, увидели ее и сказали: «Родилась-таки предназначенная для тебя суженая, подруга, дочь Коколдокона средней земли и Инмэкон-красавицы со следами, как ниточка, богатырша, наряженная в шелка и ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя, богатырша Солкокчон-красавица по имени, равной которой нет на средней земле. Нарисована твоя суженая на счастье твоей судьбы», — говоря так, они не давали мне покоя ни днем, ни ночью и отправили меня сюда. А у вас есть моя серебряная стрела, с которой подмышкой я родился, в ней, вероятно, заключена наша судьба. Посмотрите ее! Какую игру хотите, ту по своему усмотрению и организуйте! Мы же, маты, встретимся, не торопясь, с разговорами. — Геро-геро, героканин! — говорит.

После этого наша девушка Солкокчон-богатырша встала на своей площадке, превратившись в человека-красавицу и гордо [вскинув голову]. Она ничуть не смутилась, думая: «Из далекой страны прибыл лучший из чужеродцев, почтенный из матов», и глядя на приезжего, повела такую речь:

— Вивир-вивир, вивирья! — Ты, родившийся и выросший в городе далекой страны, в городе верхней земли, на краю верхней земли, имеющий отцом Солнце-царя с огненным золотым фонарем и имеющий матерью богатую Онердон-старуху, одетую в расшитую и раскрашенную одежду, храбрый Мэнгундор-богатырь, ездящий на чистобелом молодом коне с природным серебряным седлом и звенящей серебряной уздой, низкий поклон тебе, потом разговоры! Если спросишь: «Откуда ты родом-племенем, молодая девушка, появилась и здороваешься [со мной]?» — [отвечу]: «Имеющая отцом Коколдокона средней земли, имеющая матерью Инмэкон-красавицу со следами, как ниточка, я сама — девушка богатырша по имени Солкокчон-красавица, наряженная

в шелка и ездящая на необъезженном богатырском теленке дикого оленя». А ты, думая: «Из далекой страны я один», не беспокойся и не жди никаких игр! Наши судьбы все равно соединены ничем не расторжимыми узами. Поэтому пойдем в мой родной дом, соберем всю родню Иркисмонди средней земли, начнем готовиться к свадьбе, чтобы обзавестись домом, развести огонь, родить детей, держать в изгороди оленей, развести скот. Я не пренебрегаю тобой. Если тебе нравится моя красивая внешность, поженимся без лишнего шума. Если будем шуметь, наша судьба не будет удачной, весь свой век не сумеем наладить жизнь, поэтому будет намного лучше, если поженимся, не роняя достоинство милой средней страны и милой верхней страны. И своим родителям, дедушкам, бабушкам покажем свою судьбу — свои изображения на твоей стреле и давай-ка послушаем мнение старых мудрецов. Потом устроим свадьбу. — Вивир-вивир, вивирья! — говорит.

Сказав так, наша девушка-богатырь Солкокчон-красавица вонзила в медную площадку ту серебряную стрелу и сказала: «Ну, смотрите!». И вся родня Иркисмонди подошла друг за другом, взявшись за руки, окружила и начала осматривать стрелу. Там было живое изображение нашей девушки, было подлинное изображение богатыря верхней земли, храброго Мэнгундор-богатыря. Поэтому в будущем молодых никто не сомневался (дети имели счастливую судьбу). Они разговаривали не спеша и не поднимая никакого шума. После этого все отправились друг за другом домой, придя домой, устроили богатую свадьбу, собрали всех людей средней земли. В течение двадцати двух суток без перерыва (не останавливаясь) угощались разной едой, много разговаривали, сказывали сказы, звучали песни, разносилось [пение для хороводов], громко произносились благословения.

После этого боролись борцы, [сильные мерялись силами], перетягивались, прыгали на одной ноге, бегуны бегали. В этих играх не оказалось равного Хуркокчону средней земли, богатырю верхней земли, храброму Мэнгундор-богатырю и Солкокчон-богатырше, одетой в шелка. Поэтому все трое стали равными богатырями. Так вот их признали сильнейшими среди богатырей. После этого три равных [в силе] богатыря в разговорах между собой сказали: «В этих трех Сибир-землях сильнее нас будет лишь сын Хуркокчона средней земли стремительный Денукчан».

Таким образом, наша средняя земля с тех пор до нашего времени (до сих пор) существует благополучно.

Запреты-обереги и сказки, записанные на юге Якутии в 1947 г.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ОД' ŌХАЛ

1. Бəйӈə иктəлбəн нōдаракис, этəн вāвра. Экəл нōдāра.
2. Нӯлгӣхинд'энə, дəлкəнмə ōхā, бəйӯн гирамналвāн нəкəл, бəйӯн əдəн майара, вāвдāн.
3. Эхə дıлвāн, гирамналвāн, ōн бид'эккəчин ōхā, уӡилə сēраӈдӯ гӯлйкəл сиӡунтıкəкӣ; чӯкиӈмӣ, сəвəкӣ сагдандалāс амаргут уллəйə бӯд'əӈəн.
4. Бəйӯнə-вəл, əхəвə-вəл вāмӣ, хулганйкал, гӯнд'энə «бəйӯнə бӯкəл!».
5. Амйкāн, гойовӯн бинə, тухаракин, ахакал.
6. Бəйӯд'ə əмəлчəвə вāнəвəтıн əвкӣл гоӡовкōна. Ӈина гоӡоллокин, этəн ēкӯн-мал вāвра.
7. Нӯлгӣнəвə хоктово, бəйӯнəвə хоктово əвкӣл мōт тıкӣврə. Тıкӣврəктıн, əрӯ ōвкӣ: орон-ӈу бӯвкӣ, бəйӯн-ӈӯ əвкӣ вāврə.
8. Эхə ēхавāн əвкӣл д'əврə. Д'əврəкис, ēхалли балилд'аӈāтıн.
9. Эхə ēхавāн əкəл токторо, əхəвə вāд'энə, токторокис, ēхалли балилд'аӈāтıн.
10. Бəйӯн урӯнмəн əвкӣл нōдāд'ара, əнəл кəкрӣрə. Нōдāрактıн, бəйӯн əлд'иӈəн вāврə.
11. Бəйӯн гирамналвāн чанмӣкал. Эхикис чанмӣра, бəйӯн əлд'иӈəн вāвра.
12. Бəйӯн иктəлвəн əкəл амӈадӯви дıрə. Дıрəкис, иктəлли əнӯнӣлд'əӈəтıн.
13. Бəйӯн дıлвāн, халганмāн, ӯрӯнмəн ӈинакӣндӯ əкəл д'əбӯвкəнə, гуликтӯ нəкəл. Ӈинакин д'əврəкин, бəйӯн əлд'иӈəн вāврə.
14. Бəйə бəйӯхинəкин, əкəл ӈинакӣндӯ гоӡовкōна, əкəл куӈакāрдӯ тəпкəвкəнə. Ӈинакин гоӡорокин-ӈу, куӈакāн тəпкəрəкин-ӈу, бəйӯн хуктıлд'иӈəн.
15. Экəл гӯнə «Эӈнəм əбəйвə ӈəлəрə». Тıкə гӯнəкис, амаргут əмəд'иӈəн, тӯрəнмəс дōлдıд'ана.
16. Эхə дıлвāн лококол. Н'ōдāракис, тıкулд'иӈāн, бултаракис, əрӯ бид'иӈəн-ӈӯ, этəн-ӈӯ бакавра.
17. Эхə гирамналбāн конреду нəкəл. Эхикис нəрə, тıкулд'иӈāн, мəндı, гирамналдı əı ӯ ōд'иӈāтıн.

18. Бәйӯн сәксәвән әкәл хәкикӣтту̇ у̇ӈкӯрә. У̇ӈкӯрәкис, әвкӣ ва̄врә бид'әӈән, майад'аӈа̄н.
19. Эхә̄ нандава̄н хӯналмӣ, «тәлӣйлим», гуннә гирамдава̄н хо̄ӡилмӣ, «така̄нма гиранд'ам», гу̇ннә.
20. Ёлакӣ мē̄ванма̄н әкәл д'әптә, ёлакӣгачин ӈәләкәс о̄д'иӈа̄с.
21. Накита гирамнава̄н гулӣкал. Эхикис, амаргут гирамналвас сукчад'иӈа̄н.
22. Ва̄д'әрӣ иләдӯ әвкӣ хәрә̄врә. Хәрә̄лдӀрәкин, сама̄н, гу̇скә о̄на, тәтӀӡә̄лвә̄н чихилд'аӈа̄н.
23. Бәйу̇д'ә бәйә хоктово̄н әву̇ӈки әвкил тӀкӣйврә мо̄т — бәйӈә̄ майад'иӈа̄н.
24. Эхә̄вә хәгдӀӈә̄т ту̇рәтмӣ, до̄лдӀд'аӈа̄н.
25. Эхә̄ӈивә гирамнава̄н, айава колбово о̄кса̄л, колбовкӣл. Эмӣ колбовро, әхә̄ тӀкӯлд'иӈа̄н.
26. Муннука̄нмә ва̄мӣ, од'о̄вкӣл бичә̄л: о̄риктава̄н у̇ләлтӀми, манавкӣ.
27. Бәркә̄ндӯ бу̇д'ә муннука̄нмә ӈина ӈо̄ктаракин, әтә̄н, ва̄врә, манад'ан.
28. У̇му̇кӣвә ва̄мӣ, ёсалва̄н нӀмӈа̄кәл, әгдӀвә улукӣл ва̄д'әндӀ.
29. Амӣка̄н ёсава̄н нӀмӈимӣ, горово бид'әндӀ.
30. Бәйӈә̄ иргивә̄н әкәл д'әптә, хоглон од'иӈа̄с.
31. Кәрәму̇н сә̄ксәйән әкә̄л тоӡоду илатта, кәрәмун ләлӯӈкӣ о̄д'ан.
32. Матаӡа̄ ман'ава̄н ӈа̄лӣшмӣ, аӡӣлӣ ӈәнәд'әнә, әтә̄нни әбә̄йвә арчара.
33. Бәйу̇нмә ва̄мӣл, ёмӣ-кат гиркӣдӯви бу̇чӣвкӣл. Тар бәйә «гакта наннан калтака̄ва̄н», ира̄ттан. Тар ира̄мӣ албаракин, од'о̄. Бәйу̇д'ә мәнәкән әвкӣ ира̄рә — од'о̄. Тар од'окӣтпа бу̇рәкис, бәйун тӀкӯливкӣ.
34. Ту̇рә̄нә а̄чин нирай куӈака̄ндӯ әхә̄ у̇лдәвә̄н әкәл д'әбувкә̄нә. Д'әпмӣ, турә̄нә а̄чин о̄д'иӈа̄н.
35. Бәйәткә̄рдӯ әхә̄ д'уләӡу халганма̄н әвкӣл д'әбу̇вкә̄нә. Бултаракин, охӣлд'иви дәрәвә̄н охӣд'иӈа̄н.
36. Аха̄лду әкәл әхә иргәвән д'әбу̇вкә̄нә, ниривә̄н д'әбу̇вкәкәл.
37. Бәйӯн д'ӯлгувә̄н иктәлвән куӈака̄н әмкәду̇н лококол, куӈака̄н бәйу̇мӣлә̄н бидә̄н.
38. Экәл әхә̄вә әрут ту̇рә̄хинә, айат ту̇рәткәл.
39. Эдәр бәйәдӯ бәйу̇н сама̄кна̄н әвкӣл д'әбу̇вкә̄нә. Д'әврәкин, сама̄кин әну̇вкӣ о̄д'иӈа̄н. Ахӣ д'әвмӣ, ху̇тәчӣ о̄лдакин, сама̄кин әну̇д'иӈә̄н. Бәйә д'әвмӣ, әвкӣ гиркура о̄д'иӈа̄н.
40. Эхә̄ силәвә̄н әвкӣл д'әптә, ӈинакӣндӯ-да̄ әвкӣл д'әпивкә̄нә. Д'әвмӣ ӈиндӯ доӈотод'иӈа̄н.
41. Эхә̄ду охӣвча̄ бәйәду̇к бәрвә-ӡу̇, котово-ӡу әкәл гара.
42. Эхә̄ду̇ охӣвча̄ бәйә әвкӣ горово бу̇ддә.
43. Бәйәдӯ әкәл орон-ӈу, бәйу̇н-ӈӯ ло̄клава̄н, лу̇кӣвә̄н, атакӣва̄н д'әбу̇вкә̄нә, атӀрка̄ндӯ, ахӣдӯ д'әбу̇вкәкәл.

44. Унталби хайикта а̄чир экэл тэттэ. Эмӣ тэттэ, йлӧ-вэл сурумй, энэ ва̄рэ мучӯд'иӈа̄с.
45. Экэл балдıд'арйдӯ бэйӯн ӯлдэвӧн д'эбӯвкӧнэ, д'эптэкин, элд'иӈӧн ва̄ра.
46. Экэл ахйдӯ амйка̄н дıлва̄н, иргэвӧн д'эбӯвкӧнэ, д'эврэкин, ӯкӯнин а̄чин ōвкй.
47. Экэл хӯтэчӣ ахйдӯ амйка̄н ӯрвӧн д'эбӯвкӧнэ. Ӯргэ ōракин, хӯкитэн энӯнйлд'эӈӧн.
48. Никйдӯ бэйэ сӧксэвӧн экэл умйвка̄нэ. Умнакин, олгоксō, бучувд'иӈа̄с-ку, д'адаӈ ōд'иӈа̄с-ку.
49. Боло, нэлки дэӻил дэӻиллэктıн, мӯйэ а̄чин каланма-ӻу, чайниква-гу экэл нӧрэ, мӯчйвэ нӧкчикэл, дōйа а̄чинма кӯмтэкэл.
50. Хорокй, хēлакй, бучуӻурас инӈактаван экэл тıрӯдӯ дīрэ. Дīрэкис, мӯвэ олоно, харулд'иӈа̄с.
51. Д'элй дıлва̄н ӈинадӯ эвкйл д'эбӯвкӧнэ, адıлва сукчад'иӈа̄н, д'эвмй.
52. Олдо д'эгвӧн лококол. Эхикис локоро, олдо майавкй, элд'иӈӧн ва̄врэ.
53. Ороно сэвэквэ ōкал, эхикис ōра, бэйэ бӯссэвкй.
54. Орор муйа̄ллэвэтıн умивкал, эдӧтıн хэрэкэлтэ бид'эрэ, орор мучӯдатıн.
55. Орон ēхава̄н, урӯнма̄н мōдӯ лококол.
56. Орон балдıллакин, эвкйл кэтэ бэйэдӯ ичэчйвкӧнэ.
57. Хӯйэчй, энӯнд'эрй иктэчй бэйэдӯ экэл орон хакинма̄н д'эбӯвкӧнэ. Д'эпмй, сōтмарит котород'иӈа̄н, иктэлин сōтмарит энӯнйлд'эӈӧтıн.
58. Орон лōклава̄н хӯӈту бэйэдӯ экэл д'эбӯвкӧнэ, д'эпми, тıкӯлд'иӈа̄н.
59. Д'элэкйвэ, сулакйва, солоӈгово ва̄кса̄, тоӻодӯ имӯрӧвӧн ӯӈчӧл, бэйӈӧвэ чукчуканнэл имӯрӧ саӈн'андӯн.
60. Бэйӯнмэ ва̄кса̄, дıлван хиӻмй, дэлкинд'ин ēхалба̄н да̄ска̄л бэйӯн эдӧн ичэттэ. Та̄дук, ēхадукин бӯлдэвӧн гакса̄, сēндӯн дıкэл, липкикэл эдӧн дōлдıра, бэйӯктэд'энэ даӻамаракис.
61. Оронмо ва̄мй, дıлва̄н нимӧрдӯви бӯкэл.
62. Малулй экэл ӈэнэрэ. Ӈэнэрэкис, д'ӯ эд'энин энӯнилд'эӈэн.
63. Экэл тоӻодӯ тумйна. Тумйнакис, хӯйэмд'иӈӧн; тумйнакис, йнӈйс энӯнилд'эӈӧн.
64. Экэл тоӻово котот уркӯра.
65. Экэл н'аӈтава, болгйктава, чалбанма тоӻодӯ илара. Илаpакис мӧндı-ӻӯ, орондı-ӻу, хӯйэчй бими, кородōвд'иӈа̄н.
66. Хорокй сӧксэвӧн экэл тоӻо даӻадӯн уӈкулбурэ, хорокй элд'иӈэн д'ававрa.
67. Тоӻолō инмэвэ экэл гарадара, мухунин ливганд'аӈа̄н.
68. Экэл пуртава тоӻоткй нӧрэ эн'ӧкӧ халгарва̄н хукчад'аннe.
69. Тоӻо колумтадӯн экэл токторо, хоктодӯс тоӻо эд'иӈӧн илаврa.

70. Малӯлӣ экэл ӈэнэрэ, ӈэнэрэкис, д'ӯ эд'ӗнин энӱнйлд'эӈӗн.
71. Уха ōракин, хуӈту гэрбйвӗн бӱкэл.
72. Долбо ӱркэвэ экэл нйчэд'эрэ. Нйчэд'эрэкис, авахй йд'эӈӗн.
73. Экэл килᵋбэвэ котот токторо, тоӄо ēхавāн ичӱлйд'энни. Экэл килᵋбэвэ котот дӱӄрэ, дӯӄмй энйнми-ӄӱ, амйнми-ӄу бӱддэкин, ēхалвāн дӱгд'иӈāс.
74. Долбо экэл охйктава гирра.
75. Унтадӯ килᵋбэвэ-ӄу, сахарва-ӄу дімй, кэтэ карчичй бид'иӈӗс.
76. Ургэ ахй эвкй котово хакйра. Хакйрэкин, хӱкитэн горово энӱнйлд'иӈӗн. Хӱтэчй ōд'ана, сōмат энӱд'иӈӗн.
77. Ӱргэ ахй эвкй ӱхйвэ хакйрэ. Хакйрэкин, куӈакāн чӱӈӱрӗдӱ бид'энэ эрӯт балдід'ан; хӱтэн ӯрин дōдӯн бид'энэ, чӱӈӱрӱдӱ ӱчйвд'иӈӗн.
78. Балдід'арй ахй эвкй эрӱйэ д'эптэ. Д'эпмй, корондōпчиӈāн, бӱд'иӈӗн.
79. Балдід'арй ахй эвкй тӱрӱкэчйвэ д'эпмй, коронд'иӈāн, энӱд'иӈāн.
80. Балдімактадӯ эмкэйӗн хуӈту бэйэ ōӄин.
81. Ōмакта эмкэдӱн илалладӯ халкачāнма, котово нэкэл, айа бэйӱмйлӗн бидӗн.
82. Ōмакта эмкэдӱн качикāнмэ бӗкэл, куӈакāн эдӗн бӱглӗрэ.
83. Ахй эвкй д'ӯви хоролло. Хоролокин, бэйэл бӱссэлиӈнэрэ.
84. Чипкачāнма ōмйруктӯ бӗкэл, бэйэ хӱтэн эдэн бӱглӗрэ.
85. Ахйӈāт тэткӗлбӗн эвкйл тӱлйлӗ локод'оро. Локороктін, эдін эрӱ ōд'ан.
86. Ӱргэ ахйва гуниӈкйтін «Хоктово экэл хāкйра, дарилй ӈэнэкэл! Хоктолй ӈэнэрэкин, бэйӈэдӯ эрӱ бид'иӈӗн.
87. Элэр ахйдӯ эвкйл малӯлй ӈэнэвкӗнэ. Ӈэнэрэкин, д'ӯчй бэйэ энӱнйливкй.
88. Ӱргэ ахйдӱ орон ӱлдэвӗн д'эпивкӗнивкйл, хӱтэн айат биӄин.
89. Ӱргэ ахйдӯ эхӗ ділвāн эвкйл д'эпивкӗнэ, хӱтэн ӱргэт балдід'ан.
90. Ӱргэ ахйдӯ эхӗ никимнавāн эвкйл д'эпивкӗнэ; балдіракин, никимнāн амаскй тāнмулд'иӈāн.
91. Хунāт эхӗ ділвāн эӈӗтін д'эптэ. Д'эптэкин,ділин энӱнйлд'иӈӗн. Хутэчй ōлдакин, тāнд'иӈāн.
92. Ахй этіркӗӈӈи акйндӯн-ӈу, амйндӯн-ӈу эвкй н'ӱриктэлви ичэвкӗнэ. Ичэвкӗнэкин, бӱлдідӯн уха: бӱлд'энэ, н'ӱриктэлви исчиӈāн.
93. Ахй этіркӗӈӈи акйнмāн-ӈу, амйнмāн-ӈу эвкй гэрбйрэ.
94. Куӈакāнмэ эвкйл тоӄо даӄадӯн чикӗливкӗнэ. Чикӗлмй, чикӗлтӱн од'иӈан.
95. Куӈакāнмэ эвкйл тāнивкāна, тāнмй, тухунй ōд'иӈāн.
96. Балдічā ахй эвкй олдо ділбāн д'эптэ. Д'эптэкин, хӱтэн д'аликй ōд'иӈāн.

97. Балдӣча̄ ахӣ эвкӣ хорокӣ дıлба̄н д'эптэ. Д'эптэкин, ху̇тэн токтотıӈин о̄д'иӈа̄н. Эвкӣ у̇лу̇кӣ дıлба̄н д'эптэ. Д'эптэкин, ху̇тэн кикивӯн о̄д'иӈа̄н.
98. Ахӣ гарачӣва мо̄ва эвкӣ илачӣвка̄на, балдӣча̄ ху̇тэн ливга̄нд'иӈа̄н.
99. Ахӣ эвкӣ орон д'ад'анма̄н д'эптэ. Д'эвмӣ, у̇кӯн'эн а̄чин о̄вкӣ.
100. Куӈака̄ндӯ мивкӣкə̄вэ силуктадӯ эвкӣл д'эпивкə̄нэ. Бэйэ о̄кса̄, аӈӣдӯ мид'эӈə̄н.
101. Куӈака̄ндӯ чиликӣвэ эвкӣл бу̇рэ. Д'эвмӣ, колтовд'иӈа̄н.
102. Куӈака̄ндӯ индıка̄нмэ эвкӣл д'эпивкə̄нэ. Д'эвми, тıкчиӈа̄н индıка̄нмӣл.
103. Бэйу̇ктэлə̄н бэйэ д'у̇лгӣдə̄лӣн ахӣва эвкӣл ӈэнэвкə̄нэ, бе̄дӯн эвкӣл тэӈэвкə̄нэ, ахӣчӣ бэйэвэ эвкӣл тэӈэвкə̄нэ.
104. Оллонмо экэл курбувчэрэ, у̇тэс боӈнон о̄д'иӈа̄н.
105. Ху̇нӣл эвкӣл орон иргийэн д'эврэ, у̇кӯртıн бучамал о̄д'иӈа̄тıн.
106. Оллондӯ д'ӯрə̄ каласал экэл оллоно, д'ӯрə̄ ху̇тэд'иӈə̄с.
107. Д'ӯрə̄ колобол экэл у̇мӯкə̄ндӯ булатта, д'ӯрə̄ хутэд'эӈə̄с.
108. Мова экэл иврэ ху̇скӣ, хутэс амаритви балдıд'ан.
109. Сэвэктӯ ад'эӈə̄ уӈучад'ара — бу̇глə̄д'энни. Муйа̄ллэва̄н эвкə̄ но̄да̄ра, кутуйа а̄чин о̄д'анни.
110. Экэл сэвэк эмэӈинтıкӣ дагама̄ра, орон бу̇му̇лд'эӈə̄.
111. Этıркə̄ӈӈи акӣнӣн-ӈу, амӣнӣн-ӈу̇ бихӣдӯн ахӣ эвкӣ д'улакин бирэ.
112. Дагалта бэйэ эвкӣ ахӣла̄лдıра. Ахӣла̄лдıракин, хутэн бу̇вки, энэ бэйэ о̄ра.
113. Ахӣ эвкӣ гаха у̇лдэвэн д'эптэ.
114. Балдıча̄ ахӣ эвкӣ тухичӣ арӣва д'эптэ; илалдамактӯ эвкӣ минэрэ, урə̄н до̄дӯн минэливкӣ; н'а̄н эвкӣ у̇лдıрэ, у̇рдӯн инмэгэчин идарӣчиӈа̄н, аркӣд'аӈа̄н.
115. Балдıча̄ ахӣ эвкӣ беӈамактӯ ну̇ксу̇чӣвэ д'авара-ӈу о̄ра-ӈу, кородод'иӈа̄н.
116. У̇ргэ ахӣ этıркə̄нин бу̇чə̄ бэйэ гирамдаван эвкӣ о̄ра. О̄ракин, ахӣн, балдıд'ана бу̇вкӣ, энӣнӣн эвкӣ тıктэ.
117. Билга энӯллэкин, д'иктıчӣва билгаптıнма тэтıчэкэл.
118. Энӣнмə̄н ду̇ндэдӯ у̇лə̄ксə̄, мо̄т тıрə̄вкə̄кэл, нина эдə̄н д'эптэ. Д'эптэкин, куӈака̄н майавкӣ.
119. Хуна̄т, су̇му̇ду̇к томково о̄д'ана, ӈо̄нумалчандı гева ӈо̄нумарит, ге̄ва у̇рӯмдıмарит эвкӣ томкоро. Тıкэ о̄мӣ на̄вун о̄д'аӈа̄н.
120. Куӈака̄н калтака̄н унтачӣ, калтака̄н а̄чин бимӣ, аӈад'ака̄н о̄д'аӈа̄н.
121. Экӣнин-ӈу̇, акӣнин-ӈу эвкӣ куӈака̄нма ойолӣн гира̄на. Гира̄накин эхин ихэврэ.
122. Ахӣ этıркə̄ӈӈи тэткə̄вə̄н эвкӣ хэкӣрэ. Хэкӣмӣ, гирамдан энӯнӣлд'эӈə̄н.

123. Бәйә ахӣ унтавāн әвкӣ тәттә, ахӣ сәктәвӯнмән әвкӣ инихинә. Тәтмӣ, инӣмӣ, гирамдан әнӯнӣлд'әңән.
124. Куңакāн дәрәвән долбо әкәл авра.
125. Ахӣ ӯркәдӯ әвкӣ тәңәттә. Балділлакин, әрӯ бивки.
126. Ахӣ сӯкәвә-ңу, ӯвӯнмә-ңу, котово-ңу әвкӣ ойолӣн ңәнәрә, балділлакин, әрӯ бид'иңән.
127. Балдічā ахӣ әвки тоңово илара, малуду әвкӣ тәңәрә.
128. Балдічā ахӣ мӯнӯлчә ӯлдәвә әвкӣ д'әптә. Д'әпмӣ, кородопчиңāн.
129. Долбо куңакāнмә тӯлӣлән әвкӣл инӣктәрә.
130. Д'ӯрмӣн ахӣдук әвкӣл ёйа-кат гара. Гамӣ, мәндı д'ӯр хӯтәвә балдід'аңāс.
131. Д'ӯр д'ок куңакāнмә әвкӣл даңалтіт ичәвкәнә.
132. Куңакāнмә әвкӣл мигдімәмәт әвӣвкәнә, әлд'иңән ёва-кат сāра.
133. Ӯргә ахӣ әкәл олōнмукāнә, хӯтән тӯрәнә āчин ōд'иңāн; әвкӣл бӯчәвә ичәчӣвкәнә.
134. Ӯргә ахӣ әвкӣ кутуйак д'айанавāн д'әптә, хӯтән д'оромӣн ōд'аңāн. Ӯргә ахӣ д'ӯңит, тӯлгит әвкӣ сичивкәнә. Сичивкәнәкин, хӯтән әтән бинмәлчәрә, горово бид'әңән.
135. Хӯтәчӣ ахӣ әвкӣ нимәрлә н'әкәйәрә — бӯмӯлд'инән.
136. Куңакāнмә әкәл ңāләлд'ин ōңкāнә — аңад'акāн ōд'аңāн.
137. Куңакāндӯ д'ӯр авунма әвкӣл тәтічәвкәнә д'ӯр ахичи ōд'иңāн.
138. Куңакāндӯ әкәл орон сиргивән д'әбувкәнә сиргин әнӯвкӣ ōд'иңāн.
139. Ахӣ әтіркәңңи амӣнӣн-ңу, акӣнӣн-ңу сәктәвӯндӯн әвкӣ тәңәрә, әвкӣ тіңәдӯн силурә, әвкӣ с'ӯнмән тәттә.
140. Ахӣ балділлакин, әтіркәнин аминин-ңу, акинин-ңу әвкӣ нуңандулāн йрә.
141. Ахӣ балділлакин, горово бумувкӣ ахӣ әвкӣ нуңандӯн бәләчӣттә, бәйәви карайчā ахӣ әвкӣ-дә бәләчӣттә. Бәләчӣттәкин, куңакāн сōмат кирилгавкӣ.
142. Ахӣ горово балділлакин, сӯкс'ува, имәндәлбә, сунтірва гурәвкӣл, куңакāн дōму ōвкӣ.
143. Балдід'арӣдӯ ахӣдӯ сагдı оронмо әвкил вāра, әдәрвә вāвкӣл. Сагдı орон ӯргә әрӣксән. Ахӣ тарāвә д'әвмӣ, горово бӯмӯлӣвкӣ.
144. Балдід'арӣ ахӣ әвкӣ д'әлӣвә, гуткәнмә, колᵊмтᵊва д'әврә. Д'әптәкин, ӯрдӯн әнӯливкӣ.
145. Куңакāн әхикин тікмәлчәрә, бәйә уңискӣ гарпаңин. Куңакāн утаксā химāт тікӣвкӣ.
146. Куңакāнударакин, химāт н'әкәйәрӣ бәйәвә әрӣд'әкәл, балдід'āк д'улāн имәлчәдән, тоңово хоролӣхиксā, йумәлчәдән.
147. Булумд'ача хупāтпа әкәл ин'әрә, таргачин-дā ōд'иңāс.
148. Ахӣ, хунāт бәйӯӣ дıлвāн әвкӣ хигра, әлӣвкӣ пāвра. Бәйә хиңивкӣ.

149. Ахӣ бәйӯн нугдәвә̄н әвкӣ нӯгдıлйрә, әлд'иӈә̄н ва̄вра.
150. Балдıча̄ ахӣ әвкӣ д'а̄лдәдӯ бәйӯн нандава̄н ӯрә — майад'-иӈа̄н, әлйвкӣ ва̄ммәлчәрә.
151. Ахӣ әвкӣ нӣдӯ-кәт хәркӣви ичәвкә̄нә.
152. Кира̄скәчи ахӣ әвкӣ бәйӯӈәмәтıн д'әврә. Д'әптәкин, бәйӈә̄ әлиттән ичәврә.
153. Ахӣ бәйә тәттıвә̄н әвкӣ хәкӣрә, уха̄ ō ттан, гирамнан әнӯт-тән.
154. Бәйӈә̄вә хӯӈтӯ бейәдӯ әхи бӯрә. Бӯрәкин, ӯлӯмӣмӣ, майад'-иӈа̄н.
155. Ӈинадӯ бәйӯн наннава̄н әхӣ ӯмӣрә. Ӯмӣрәктıн, әтә̄н гогоро, майад'иӈа̄н. Хикчә̄лә̄тıн, әвкӣл бәйӯн наннава̄н ӯвкә̄нә, «горо биксә ӯкәл», гуниӈкӣтıн, сотору ӯрәкин, нина әтә̄н бәйунмә иливка̄нә, ахамӣ.
156. Ӈинавар тıнәктıн, әӈин сурурә, «тар хеннука», гуннә «әхин ахара» ӈәнәттән-дә̄ мучӯттан.
157. Бәйун ниптәвә̄н ахӣ хәкӣвкә̄нә. Ахӣ хәкӣрәкин, уха̄ ō д'иӈа̄н.
158. Туруйава, киранма, әхӣвә гәрбӣрә әвкӣл ва̄ра — сәвәкӣл.
159. Долбохик оронмо ва̄ракин, әвкӣл гара — гарада̄вкӣл.
160. Әхә̄ гирамналба̄н әкәл токторо, дıлва̄н әкәл гарада̄ра, халан-мō дӯ лапкӯкал, туӈсука̄ва ō кал.
161. Ахӣ әхә̄ бокотовō н, хакинма̄н әхин д'әптә, дıлва̄н әхин д'әптә-од'ō.
162. Ургә ахӣдӯ вереввкава-ӈу, ухӣкә̄нмә-ӈу әвкӣл гира̄нмука̄нә, хутән чуӈурдукки ухӣвд'әӈә̄н.
163. Сагдı бәйәвә әкәл ухāт н'әкәрә — од'ō.
164. Бәйунмә әӈнәкәл турә̄ттә — тıкӯлд'ӣӈа̄н.

ЗАПРЕТЫ-ОБЕРЕГИ [1]

1. Если бросишь зубы зверя, зверя не будешь убивать (перестанет убиваться). Не выбрасывай.
2. Во время кочевки сделай маленький лабаз и сложи туда кости зверя, чтобы не мучил [охотника] и дал убить себя.
3. Голову и кости медведя сложи в том порядке, как было (в живом), и заложи за ветку в направлении к солнцу; если устроишь чуки [похороны на дереве], дух-хозяина верхнего мира потом до самой старости будет посылать зверя (давать мясо).

[1] Обереги-запреты *од'о* или *нә̄луме* у эвенков бытовали в разных полных и сокращенных формах. В одних указывалось условие, действие и запрет, в других — предложение произвести действие с определенной целью или без указания последней; в третьих — приводился вначале запрет и условие, при котором получался отрицательный результат, или просто выражался запрет на произведение определенного действия без объяснения причины.

4. Убив зверя или медведя, принеси жертву со словами: «Подай зверя».
5. Если раненный медведь убежит, обязательно догони, (не добьешь, медведь потом отомстит).
6. Нельзя давать облаивать добычу подходящего охотника. Если собака залает, зверь [ничто живое] не станет попадаться (убиваться).
7. Нельзя бросать палку поперек дороги, по которой кочуют или [по которой] прошел зверь. Если уронят, будет плохо: пропадет олень или зверь, не станет попадаться (убиваться).
8. Глаза медведя не едят. Если съешь, ослепнут [твои] глаза.
9. Когда убиваешь медведя, не тронь его глаз. Если заденешь, твои глаза ослепнут.
10. Нельзя выбрасывать копыта дикого оленя, нельзя разбивать (их). Если выбросишь, зверь перестанет попадаться на пулю.
11. Вывари жир из костей копытного зверя. Если не вывариишь, перестанет попадаться [зверь].
12. Не суй зубы копытного зверя в рот. Если сунешь, заболят зубы.
13. Не давай собаке есть голову, ноги, копыта дикого оленя, положи их на лабаз. Если дашь собаке, зверь перестанет попадаться на пулю.
14. Когда человек отправляется на охоту, не позволяй собаке лаять, ребятам кричать. Если залает собака или закричит ребенок, зверь убежит.
15. Не говори: «Не боюсь медведя». Если скажешь так, услышит твои слова и потом придет.
16. Повесь голову медведя. Если выбросишь, рассердится; когда будешь охотиться, произойдет несчастье или (медведь) не попадется.
17. Положи кости медведя в дупло. Если не положишь, (он) рассердится, и заболеешь ты сам или твои кости.
18. Не проливай кровь зверя на тропе. Если прольешь, перестанет попадать под пулю, замучает (на охоте).
19. Когда снимаешь шкуру медведя, говори: «Заготовил», когда отделяешь кости, говори: «Шагаю через колодину».
20. Не ешь сердце куропатки, а то станешь трусом, как куропатка.
21. Положи кости медведя на лабаз. Если так не сделаешь, потом поломает твои кости.
22. Охотнику нельзя пачкаться в крови. Если запачкается, шаман, став волком, порвет [на себе] одежду.
23. Нельзя ронять или валить дерево поперек тропы охотника — прекратится [т. е. не станет размножаться] зверь.
24. Если громко ругать медведя, он услышит. Нельзя.
25. Устроив хороший лабаз, надо похоронить кости медведя (на нем). Если не похоронишь, медведь рассердится.

26. Убив зайца, выполняли оберег: [нельзя варить прямую кишку]: если варили содержимое прямой кишки, (заяц) исчезал [т. е. не попадался охотнику].
27. Если собака понюхает мертвого зайца в самостреле, (зайцы) исчезнут, или перестанут попадаться.
28. Если убьешь белку-летягу, проглоти ее глаза: убьешь много белок.
29. Если проглотишь глаз медведя [не задев зубами], долго проживешь.
30. Не ешь хвост зверя [пушного], станешь вертлявым.
31. Не жарь кровь белки на огне, белка будет убегать [от тебя].
32. Если, идя по тайге, будешь держать в руке лапу крота, не встретишь медведя.
33. Убив копытного зверя, дают товарищу. Тот со словами: «Возьму-ка половину шкуры», начинает свежевать. Он должен свежевать (если не сможет освежевать *од'о* — запрет). Самому охотнику нельзя свежевать. Если не выполнишь этот запрет, зверь может рассердиться.
34. (Неговорящему) ребенку, еще не начавшему говорить, нельзя давать есть медвежье мясо. Если поест, станет немым.
35. Мальчикам нельзя давать есть мясо с передней ноги медведя. Когда будет охотиться, [медведь] расцарапает ему лицо когтями.
36. Женщинам нельзя есть мозг медведя (будет плохо), можно есть филе.
37. Повесь на колыбель ребенка передние зубы копытного зверя, чтобы ребенок вырос мастером-охотником.
38. Про медведя нельзя плохо говорить, говори только хорошо.
39. Нельзя молодому человеку давать есть мясо с междуножья. (Если) поест, у него будет болеть эта часть тела. Если же съест женщина, то, когда родит, у нее начнет болеть живот. Если же съест взрослый мужчина, то он не сможет ходить.
40. Нельзя есть отвар из медвежьего мяса, нельзя давать и собаке. Если поест, то в мороз замерзнет.
41. Нельзя брать нож или ружье от человека, исцарапанного медведем (будет несчастье).
42. Человек, поцарапанный медведем, долго проживет, скоро не умрет.
43. Мужчине нельзя давать есть шейные позвонки дикого оленя, старухе и женщине есть можно.
44. Не надевай унты без травяной стельки. Если отправишься куда-либо без стельки, вернешься ничего не добыв.
45. Роженице не давай мяса дикого оленя. Если поест, ты никого не убьешь.
46. Не давай есть женщине голову и мозг медведя. Поест — потеряет молоко.

47. Не давай есть женщине, имеющей детей, брюшину медведя. Когда забеременеет и поест, будет болеть живот.
48. Нельзя давать утке пить кровь. Если попьет, то ты, иссохнув, совсем отощаешь или будешь очень бедным.
49. Осенью, весною, когда начнется перелет птиц, не выставляй за дверь пустой котел и чайник, поставь наполненным, а пустой опрокинь.
50. Не клади в подушку оперение тетерева, тетерки, рябчика. Если положишь, то во время брода (перехода через реку) лова закружится.
51. Нельзя давать собаке голову тайменя. Если съест, то порвет сеть.
52. Повесь челюсть рыбы. Если не повесишь, рыба (на рыбалке) замучает и ничего не добудешь.
53. Сделай оленя табуированным; если не сделаешь, человек (член семьи) заболеет.
54. Собери подшейную шерсть оленя, чтобы не была разбросана, чтобы олени возвращались.
55. Повесь на дерево глаз и копыта домашнего оленя.
56. Когда телится оленуха, (ее) нельзя показывать многим людям.
57. Раненому, больному зубами человеку не давай есть печень оленя. Если поест, еще больше разгорится (будет жар), еще больше разболится (рана).
58. Не давай есть чужому человеку верхний шейный позвонок оленя. Съест — рассердится.
59. Убив горностая, лису или колонка, покапай на огонь их жир и в дыму окури шкурки.
60. Убив дикого оленя, освежевав голову, покрой селезенкой его глаза, чтобы не увидел. Потом вынув из глаз зрачки, положи (их) ему в уши, чтобы не слышал, когда во время охоты будешь приближаться.
61. Убив домашнего оленя, передай голову соседу.
62. Не проходи вдоль *малу* (священное место в чуме). Если пройдешь, заболеет дух — хозяин дома.
63. Не плюй в огонь. Если плюнешь, будет рана. Если плюнешь, заболит язык.
64. Не шевели огонь ножом (ранишь ноги бабушке-огнию, рассердится).
65. Не сжигай шишки и березовый наплыв в огне. Если сожжешь, то сам или твой олень, будучи раненым, сгорит от жара.
66. Не проливай рядом с огнем кровь глухаря, не будут попадаться глухари.
67. Не бросай в огонь иголку, подавится дух — хозяин огня.
68. Не клади нож острием к огню, поранишь ноги бабушке.
69. Не руби дров около костра, в дороге не будет гореть огонь.
70. Не переходи через *малу*, заболеет дух — хозяин дома.

71. Если стрясется какая-либо беда, перемени имя.
72. Не держи ночью дверь открытой. Если откроешь, войдет злой дух.
73. Не руби хлеб ножом, ранишь глаз огня. Не руби хлеб ножом. Если разрубишь, умрет отец или мать; ты разрубишь им глаза.
74. Ночью не стриги ногтей.
75. Если ты сунешь в унты кусочек хлеба или сахар, будешь иметь много денег.
76. Беременная женщина не должна наступать на нож. Если наступит, будет болеть живот. Когда родит, будет сильно болеть.
77. Беременная женщина не может наступать на недоуздок. Если наступит, то ребенок, запутавшись в пуповине, трудно родится; ребенок в животе запутается в пуповине.
78. Роженица не может есть плохое. Если поест, то сгорит от жара и умрет.
79. Роженица не может есть соленое. Если поест, сгорит от жара и разболеется.
80. Колыбель новорожденному должен делать чужой человек.
81. Положи в новую колыбель на три дня молоток и нож, чтобы сын был хорошим охотником.
82. В новую колыбель положи щенка, чтобы ребенок не болел.
83. Женщина не должна обходить чум. Если обойдет, заболеют члены семьи.
84. Положи в колыбель птичку, чтобы сын не болел.
85. Нельзя вешать на улице одежды невесты. Если повесит [кто-то], муж будет плохим.
86. Беременной женщине говорили: «Не ходи по тропе [охотника], ходи стороной!». Если пойдет по тропе, зверю будет плохо.
87. Молодой женщине нельзя проходить по *малу* (место за очагом). Если пройдет, заболеет хозяин дома.
88. Беременной женщине надо есть мясо [оленя], чтобы сын был хорошим.
89. Беременной женщине нельзя есть голову медведя, ребенок тяжело родится.
90. Беременной женщине нельзя есть горло медведя; во время родов стянет шею назад.
91. Девушка не должна есть голову медведя. Поест — будет болеть голова. Когда будет рожать, стянет шею.
92. Женщина не должна показывать волосы ни старшему брату мужа, ни его отцу. Покажет — будет плохо; во время болезни выдернет все волосы.
93. Женщина не должна называть по имени ни старшего брата мужа, ни его отца.

94. Нельзя позволять [двум людям] тянуть ребенка. Потянут — будет дураком.
95. Нельзя позволять ребенку мочиться у костра. Помочится — будет недержание мочи.
96. Роженице нельзя давать есть голову рыбы. Съест ребенок будет слюнявый.
97. Роженице нельзя давать голову тетерева. Съест — ребенок будет драчливым. Нельзя давать есть и голову белки. Съест — ребенок будет кусаться.
98. Женщине нельзя зажигать палку с веткой. Зажжет — новорожденный подавится.
99. Кормящая мать не должна есть вымя. Поест — останется без молока.
100. Ребенку нельзя давать поворотную часть кишки. Съест — заблудится в тайге [когда вырастет].
101. Ребенку нельзя давать есть мышцы с ног. Съест — будет драчуном.
102. Ребенку нельзя давать есть коленную чашечку оленя. Съест — разобьет свою.
103. Нельзя позволять женщине проходить перед охотником, садиться на его место, нельзя усаживать (на это место) и женатого человека.
104. Не верти крюком для подвешивания котла: сын будет дураком.
105. Девушкам нельзя есть олений хвост. Поедят — груди будут дряблыми.
106. Нельзя вешать два котла на один крюк: родишь двойню.
107. Нельзя печь сразу два колобка хлеба: родишь двойню.
108. Нельзя вносить полено комелем вперед; ребенок родится с запозданием.
109. На табуированном олене нельзя ездить: заболеешь. Его подшейный волос нельзя выбрасывать; не будет счастья.
110. Не подходи к вьючному седлу табуированного оленя, может заболеть.
111. Перед старшим братом мужа или перед его отцом нельзя жене показываться голой.
112. На близкородственном человеке нельзя жениться. Женится — сын умрет, не вырастет [не дорост я].
113. Женщине нельзя есть мясо журавля-гаха.
114. Роженице нельзя есть соленое масло, в течение трех дней нельзя [есть] резать, будут рези в животе; нельзя шить иголкой — в животе будут колотья.
115. Беременной нельзя в течение месяца [до родов] брать в руки продымленную шкуру или обрабатывать ее — обожжется.
116. Муж беременной не может делать гроб покойнику. Сделает — жена умрет во время родов — не выйдет послед.
117. Если заболит горло, надень ожерелье из голубики.

118. Зарой в землю послед и придави бревном, чтобы собака не съела. Если съест, ребенок намучается.
119. Девушка при изготовлении ниток из сухожилий не должна делать одну нитку длиннее другой. Если сделает так, будет вдовой.
120. Не давай ходить ребенку в одной унте. Будет сиротой.
121. Через ребенка нельзя перешагивать ни отцу, ни матери. Если перешагнет, перестанет расти.
122. Жена не должна наступать на одежду мужа. Если наступит, у него заболят кости.
123. Муж не должен надевать унты жены, не должен переносить постель жены. Если перенесет [постель] или наденет [унты], заболят кости.
124. Нельзя умывать лицо ребенка ночью.
125. Женщина не должна присаживаться у дверки. Когда будет рожать, ей будет больно.
126. Женщина не должна перешагивать через топор, скребок, нож: когда будет рожать, будет плохо.
127. Роженице нельзя разводить огонь, нельзя садиться на *малу*.
128. Роженица не может есть мясо с душком. Если поест, будет жар.
129. Ночью ребенка нельзя выносить на улицу.
130. От женщины, имеющей двойню, нельзя ничего брать. Если возьмешь, сама родишь двойню.
131. Нельзя близко подносить одного маленького ребенка к другому.
132. Нельзя ребенку давать шумно играть, станет ничего незнайкой.
133. Беременную женщину нельзя пугать: ребенок может быть немым; нельзя показывать покойника.
134. Беременная женщина не может есть запасы мыши, ребенок будет вором. Беременной нельзя высовываться в дверное отверстие чума, чтобы выглянуть на улицу или (с улицы), чтобы заглянуть в чум. Если заглянет, плод скоро не выйдет во время родов, долго будет мучиться.
135. Детная [имеющая детей] женщина не должна ходить по гостям, будет болеть.
136. Не играй с ребенком так, чтобы он упал на спину, (упадет) станет сиротой.
137. Ребенку нельзя надевать две шапки, будет двоеженцем.
138. Нельзя давать есть ребенку поясничные позвонки, его позвонки будут болеть.
139. Жена не может сесть на постель брата мужа или его отца, не может есть из их чашек, не может надевать их одежду.
140. Когда рожает женщина, к ней не может входить ни брат мужа, ни его отец.

141. Когда женщина начинает рожать, долго болевшая женщина или женщина, ухаживавшая за больным мужем, не должна ей помогать. Если поможет, ребенок будет болеть животом.
142. Если женщина долго рожает, развязывают вязки на обуви, одежде, чтобы ребенку легче выйти.
143. Для роженицы не забивают старого оленя, забивают молодого. У старого тяжелое дыхание. Если женщина поест его мясо, долго будет болеть.
144. Роженица не может есть тайменя, щуку, карася. Если поест, будет болеть живот.
145. Если плод не выходит, муж должен стрелять вверх. Ребенок поспешит и быстро выпадет.
146. Если ребенок задерживается, скорей позови проходящего человека, чтобы быстро вскочил в помещение родильницы, обежал очаг и быстро выскочил.
147. Не смейся над развратницей, сама станешь такой.
148. Голову копытного зверя не могут свежевать ни женщина, ни девушка. Свежует мужчина.
149. Женщине нельзя есть мясо с поясничных позвонков, зверь не будет попадаться охотнику.
150. Роженица не может в течение десяти дней мять шкуру зверя. (Зверь) замучает охотника, не попадет под пулю.
151. Женщина не должна никому показывать свои натазники.
152. Менструирующая женщина не должна есть мясо зверя. Если съест, зверь перестанет показываться (охотнику).
153. Женщина не должна наступать на одежду мужа, будет плохо, у него заболят кости.
154. Пушного зверя другому человеку не отдают. Если отдаст, то во время охоты намается.
155. Собаке не дают нюхать шкуру зверя. Нанюхается, не станет лаять, замучает [охотника]. После свежевания не дают сразу обрабатывать (зверя) — «немного погодя обработаешь», — говорят. Если сразу начнет обрабатывать, собака не будет останавливать зверя во время гона.
156. Если собаку спустят и она не уходит «Это плохо», — говорят, ее гонят, (охотник) пойдет и вернется.
157. Подстилку для свежевания зверя нельзя топтать. Если женщина наступит, будет плохо.
158. Журавля, орла, безымянного (волка) нельзя убивать — они табуированы.
159. Если волк зарежет оленя, его не берут, бросают.
160. Кости медведя не перерубай, голову не выбрасывай, положи на ветку у ствола, сделай могилу.
161. Женщина не ест почки медведя и печень, а также голову запрет.
162. Беременной женщине нельзя наступать на веревку или недоуздок: ребенок в пуповине задавится.

163. Старого человека не ругай — запрет.
164. Зверя не ругай, рассердится.

ГУНӢВКӢЛ

1. Осӣктачӣ н'аӈн'а иӈиндӯ — н'ама бид'ән.
2. Иӈиндӯ мөл сувурөлтıн намара̄д'ара — н'ама о̄д'ан.
3. Бе̄ҕа тәксәмӣд'әрән — иманалд'ан-ӈу, тıгдәлд'ән-ӈу̇.
4. Дıлача̄ се̄калāд'аран — иӈинилд'әӈөн.
5. Куку тıгдәҕӣтчәрән — тı̄мӣ тı̄гдәлд'әӈөн.
6. Пурта д'е̄йатпи уҕӣшкӣ хуклөд'әнә, хуптәкӣтчәрән — мөтı̄ва ва̄д'әнни.
7. Тı̄ма̄тна тоҕо турөттәкин — айа о̄д'ан, лу̇ӈу̇р турөттәкин, әрӯ о̄д'ан.
8. Аса̄тка̄н, чӣвайа чивамӣ, ӈөнимӣйа горолө мирөнд'әӈөн.
9. Е̄йа-вал у̇ӈку̇лбу̇рәкис, бу̇нӣ омикин бивкӣ.
10. Сама̄н буддәкин, мөн әпкәрөвкӣ.
11. Сагдı̄ мө тı̄ктәкин, сама̄н буддән.
12. Ичәчиксән боҕинаракин, матала ичәчилд'әнни.
13. Инамӯкса̄н боҕина̄ракин, соӈолд'онни, әрӯ о̄д'ан.
14. Се̄ндус киӈ о̄ракин, бәйәвә дөлдıӈа̄тı̄с.
15. Хәмунни курбурәкин, е̄кӯнди-вал хивиӈа̄тı̄с.
16. Бәйә ик о̄мӣ, инәӈмөн аййвукин бид'иӈөн.
17. Ханӈав утунӣракин, айава д'авучад'иӈа̄в.
18. Укунми идарӣд'аракин, е̄кун-мал д'өнчаӈа̄н.
19. Энәл хәлӣнчәд'әрә д'әпилләктıн, тоҕо хиӈкөрӣд'әрәкин, хима̄т ӈәнәхинӈөт.
20. Куӈакан әнӣнми урдун анӈӯдӯ бихикин, бәйәткөн балдı̄д'аӈа̄н. Д'әгинӈӯдӯ бихикин, хуна̄тка̄н балдı̄д'аӈа̄н.
21. Аха̄тка̄н д'ӯка̄тна, нулгӣктәкөтнә әвӣмӣ, амаргут кәтә орочӣ, нулгиктәд'әрӣ о̄д'аӈа̄н. Хутәкөтнә әвӣмӣ, амаргут кәтә хутәчӣ о̄д'иӈан.
22. Хуркәкөн ороконд'и орокөтна, бәркөнд'и бәйу̇ктәкөтнә, д'авит д'авра̄ка̄тнә әвӣмӣ, амаргут д'авра̄ла̄н, бәйуктәлөн, кәтә орочӣ о̄д'иӈа̄н.
23. Сәвәк будәкин, илә ухөливкӣ.

ПРИМЕТЫ

1. Звездное небо в мороз — будет тепло.
2. В мороз соединяются верхушки деревьев — будет тепло.
3. Радужные круги вокруг луны — будет снег или дождь.
4. Радужные круги вокруг солнца — будет мороз.
5. Кукушка кукует — завтра будет дождь.
6. Нож лежит острием кверху — предсказывает: лося убьешь.
7. Если утром пощелкивает огонь в костре — будет хорошо; если вечером — будет худо.

8. Если девочка делает длинную нитку (из сухожилья) долго не выйдет замуж.
9. Если что-либо прольешь — покойник пить хочет.
10. Когда умирает шаман, (его) дерево засыхает.
11. Если упадет старое дерево, умер шаман.
12. Зачешется веко — увидишь гостей.
13. Зачешется нижнее веко — будешь плакать, будет худое.
14. В ухе зазвенит — услышишь о знакомом человеке.
15. Задрожит губа — будешь о чем-то заботиться.
16. Икнет человек — будет на сегодня сыт.
17. Зачешется рука — что-то хорошее будешь держать.
18. Зачешется грудь — кто-то вспомнил.
19. Если во время медленной еды щелкнет огонь, скорее уходи.
20. Если плод лежит с правой стороны, родится мальчик, если с левой — девочка.
21. Если девочка играет в чум и кочевку, потом будет многооленной. Если играет в куклы, потом будет многодетной.
22. Если мальчик играет в оленей и с лучком, если играет с лодкой, потом будет мастером по гребле, по охоте и многооленным.
23. Если табуированный олень неожиданно околеет, заболеет человек.

СЭХЭ̄Н

1. Ко̧лемтє дәрән әвәнкӣ дәрәнӈәчин.
2. Ӱмӱ̊н умукта, йдӱ̊-дә нәнӣ, бӱ̊дін син ӱ̊мӱ̊н. Ӱмӱ̊н умукта бид'ән, бӱ̊нӣ ӱ̊мӱ̊н.
3. Ӱмнә̄-балдідӯ айа бимӣ.
4. Діӈин ё̄хачӣ ӈинакин хамтава ичәчӣвкӣ.
5. Балдід'ак уха бимӣ, а̄йа бивкӣ.

ПОГОВОРКИ

1. Морда карася похожа на лицо эвенка.
2. Одно яйцо куда ни положи, смерть одна. Одно яйцо — одна смерть. (Двум смертям не бывать, одной не миновать).
3. Хорошо родиться раз.
4. Собака-четырехглазка видит насквозь.
5. Роженица, будучи худой, хороша.

НИМӇАКА̄Р

1.

Билир сәвәкӣ акӱ̊нан бичә. Ӈинакин сәвәкӣ бәләмӈӱ̊н бичән. Ара̄хинай о̄налва̄н каравуӈкӣн. Сәвәкӣ акӣндукин д'әлӱ̊м бәйӱ̊рбә, дәӈилбә, бәйәлбә о̄ӈкӣн. Тар о̄нави д'ӱ̊ду л'айаӈкӣн, ӱ̊ркә-

вэн катаксā. Кулуспи каравӯлдӯви нинāдӯ бӯӈкин. Ӯмнē сэвэкӣ сӯрӯчэлэн акӣнйн эмэксē, нинава «ӯркэвэ нйкэл», гӯнэн, «сэвэкӣ ōн ōнан ичэктэ». Ӈинакин эчэн нйрэ, эчэн кулуспа бӯрэ. Акйнйн гӯнэн: нйрэкис, синдӯ ōкин-кат эхйс тэтіӈнэрэ тэтксйэ бӯд'иӈāв», гӯнэн. Ӈинакин нйрэн. Акйнйн нэкӯнми ōналбāн бӯтӯннӯвэ ичэрэн. Тарит нинадӯ нандайан бӯрэн. «С'эвэки, эмэксē, нинава элчэн итэгэйдэ. Бэйэ амаргйдāвāн ичэткэл!», гӯнчэн тарит ӈинакин ōчāн эхйлэ.

2.

Сэвэкӣ бичē нинан'ун. Сōт ойолокит бид'эчэтіn. Сэвэкӣ элэталā н'экэйэвкӣ. Нина ōмйвāн каравӯвкӣ, эмэдэлэн, айат этэвувкӣ. Нина сэвэкӣ айавӯвкӣ дэлби. Умнē сэвэкӣ ӈэнēчэлэн, авахӣ эмэчēниналā, гӯнчē: «Си бэйэ ōмйвāн миндӯ бӯрэкис, би синэвэ эхйт д'эмӯллэ-кэт, эхйт дэррэ-кэт ōд'иӈāв». Нина думайчā, думайчā, бӯчэ. Тāдӯ сэвэкӣ эмэчē, ӯлгӯмйчē: «Ир каравриc ōмйӈис? Тāдӯ нина ӯлгӯчэнчē бӯнэви, авахӣ нуӈанмāн эӈэт д'эмӯллэ-кэт, эӈэт ēра-кат ōвкāнчā. Тāдӯ сэвэкӣ тікӯлчā: «Си бэйэ сунат ириктад'ана, никимн'ас тоӈоргоксолйпнан ēдук ōд'иӈāс». Ахачā нуӈанмāн. Ойолокитін этэчē.

3.

Кристос акйнин сатана бичэн. Кристос ōд'ачāн. Нонон эхэкэ бэйэ бичē, ӈинакин н'āн бэйэ бичē. Д'ӯкрē караулчāл Кристос ōналбāн, бэлэміӈӯлин бичэл. Кристос хурувкӣ, д'ӯвāн ӈинакин каравд'авкӣ. Сатана эмэвкӣ «нйкэл Кристос д'ӯвāн», гӯнйвкӣ. «Эӈнэм нйрэ», тāдӯк нйрэн. Сатана кулинма тінивкӣ бӯтӯннӯ ӈинакиндӯ инӈактайан бӯвкӣ нйнэлйн. Тāдук Кристос д'ӯлāви эмэрэн. «Сатана ēдӯ ēд'ачāн?» ханӈӯвкӣ. Сатана ӈинакинма тэтівӯвкӣ бичē. Кристос, тікӯликса, гӯнэн: «Си ӈинакин ōкал тӯрэнэ ачин ōкал! Эрӯйэ д'эпивкӣ ōкал! Д'āн анӈанйва бикэл! Оӈоктотви амтаӈнакал, амӈатви гоӡокол!». Эхэткӣ Кристос гӯнэн: «Си āд'экэл анӈанйдӯн ӯлгӯкйчэнн'ун ӯмӯндӯ. Эвэнкйлэ эӈнэкэл илэчэрэ!».

Иригичй-дē бэйэ бичэн. Кристос иргичйткӣ гӯнэн: «Си бэӡин бикэл эр дӯннэдӯ. Д'эмӯлмӣ ӯмӯтэкэрē д'эпиӈнэкэл!». Олй-дā бэйэ бичē. Олйткӣ гӯнэн: «Тарā хӯрӯкэл, ичэнēкэл тāлӣ, эвэнкӣ вāнэвāн д'эбд'экэл. Тарит, Олйхинд'а нэкӯнми вāнэвāн д'эбд'эбкӣ дэӡиктэвкӣ.

Дӯннэ элэкэс ōлд'аракин, ухакāн бичē. Тāдук хэгділчē. Хэгділйхē, упкат д'эгдэчē. Д'эгдэхē, илан анӈанилӣ бутунну мӯ ōчā, тэлӣ бираӈилин āмуд'иӈилин ōчāл.

4.

Нонон буӈа ӯйэн бичэ. Тар ӯйэ эмэлдэкин, Ной гӯнмӯрй бэйэ оӈочово ōвкй. Сэвэкй акйнин-авахй оӈочоӈивкй сэлэвэ. Ӯйэ эмэрэкин, бэйэл тар сэлэ оӈгочолō йвкйл. Нойӈива «д'ок», гӯннэл эчэл йрэ «авахй оӈочон хэгдыӈэ, айа», гӯннэл йвкйл. Сивир бутунну мӯ овкй. Тар мӯдӯ авахй оӈочōн тімйривкй, бэйэл бӯвкйл. Ной оӈочōн, ахакāн бэйэчй сӯлабӯвкй. Тар сӯлапчāдук бэйэ тэкэнин ōчā, оскэчā, балдічā.

5.

Бэйэ ēда д'улакин ōчā? Билир бэйэ инӈактачй бичэ. Тар бид'энэ, д'эмӯликсэ, химуктэвэ д'эбӯвкй. Тар д'эпнэлйн инӈактан н'елихинйвкй. Тарит д'улакин ōчā, нандайа āчин.

6.

Олоптікй ēдā, дэӈилйксэ, хэргйскй инӈагачин тікивкй? Билир олоптікй сэвэкйдук умукталви гэлэвкй. «Эхикис бӯрэ, мōдӯ локовд'инӈāв», гӯннэ, хэргйскй тікивкй. «Ōн-ка чаркимай-дӯ д'āн д'ӯр умуктава бӯчэс!» гӯнэн. Тариптідук, ӯӈйскй туктікса, хэргйскй тікивкй д'олоӈочин.

7.

Хиӈкэчэн ēдā ухакāн ōчā? Билир Никола-сэвэкн мурингд'и ӈэнэд'эчэ. Тар ӈэнэд'эрэкин, бучугурас дэӈилйвкй. Тар дэӈилд'эрэкин, муринин олонивкй. Тар олоксō «би-кэт эӈнэгэр олом. Йкуктави олонмукāнӈāт», гӯнйксэ бучугурас ӯлдэвэн хāлгэвкй. Тар хāлгэнэва ӯлдэвэн дэктілэчйлдӯ хāвувкй. Тāдук олдо анчандӯн хāвувкй. Тарит хиӈкичэн ухакāн ōчā, дэӈилдін иӈичй бимйвэл.

8.

Чивкāчāнділдӯн ēда коӈнорин инӈакта йӯчэ? Чивкāчāн кутуйакн'ун кӯхйлчэн. Кутуйак чивкāчāн мēтавāн нэптэрэгэр тāнчā. Тар н'экэксэ, кондэлā илчэ. Чивкāчāн тар иргивэн чуктурагар тāнчā. Тарит кутуйак иргин инӈактайа āчин ōчā, чивкачāн ділдӯн коӈнорин инӈакта йӯчэ.

9.

Тар ēдā калтарй олдо калтама ōчā? Тар билир Кристос — сэвэкй бичэ. Тар олдово обэттӯви д'эбӯвкй. Калтакāвāн д'эбӯксэ, калтарйвāн тіниксōран. Тарит калтарй ōчā.

10.

Хорокй ēхāлин ēдā хуларир ōчāл? Тар нуӈан дэгил ӈэнэд'эрйвэтін бодотно соӈонон. Эдэн бодоро, гаӈил багдарин инӈактавар бӯчэтін. Тарит эмэнмӯчэн. Олихин ӯмӯн дӯндэдӯ бивкй, туӈэнйвэ, д'уганйва.

11.

Каракй ēдā акарй ōчā? Билир сэвэкй дэӈилбэ мунн'акла эрйвкй. Тар эрйнэвэн энэ дōлдīра, биракāн д'апкадӯн бид'энэ, мунн'аклā эчин эмэрэ. Буруйдӯн мэӈумэкилд'ива тэтівӯвкй сэвэкй. Тарит каракй акарй бинэ, хуркадӯ вāвӯвкй.

12.

Едā ӯкэӈ халгарин амаскй? Дэӈил мунн'актавкил. Тар мунн'актӯ . сōрн'ун тармй сōмат тӯрэтчэвкй. Бэӈинэвэр бакавкйл гāӈӈэ. Карав «би бэӈин ōкта, гӯнивкй, би хэгдı биким». Тāдӯ ӯкэӈн'ун нирдайи «эрӯвэ д'эбӯӈнэндı, тарит бэӈиндӯ элэкин āчин бихиндı», гӯнэн. Тāдук карав, тікӯлйксā, нирдайва, укэӈмэ хэкйчā. Тар хэкйнэлби иниктэнэ н'экэйэвкй. Тарит укэӈ халгарин амаскй, эхй гиркура. Дэӈил бэӈиндӯвэр гāӈӈэ бакара.

СКАЗКИ

1.

Данила Степанович Колесов (Бута). Грамотный, русским языком владеет, якутским нет. Алгома, 1947; учурский говор.

Прежде Сэвэки (дух — хозяин верхнего моря) жил со старшим братом. Помощником Сэвэки была собака. Сторожила его творения. Сэвэки изготовлял тайком от старшего брата копытных зверей, птиц, людей. Фигурки [зверей] он прятал у себя в доме, закрывая дверь на ключ. Ключ отдавал караульщику-собаке. Однажды, когда Сэвэки ушел, старший брат, придя, сказал собаке: «Открой дверь, посмотрю, что сделал Сэвэки». Собака не открыла, не дала ему ключ. Старший брат сказал: «Если откроешь, то я дам тебе одежду, которую никогда не носила». Собака открыла. Старший брат осмотрел все, что сделал его младший брат. За это дал собаке мех. Сэвэки, вернувшись, не поверил собаке. «Теперь ходи за человеком (смотри в зад человека)!» — сказал. Вот и появилась тогда собака.

2.

Виктор Конович Семенов [Лалигир], 1930 г. р., грамотный, русским языком владеет, якутским нет. Урми, 1947; урмийский говор.

Жил Сэвэки с собакой. Дружно жили. Сэвэки ходил туда-сюда. Собака караулила его произведения, до прихода хорошо караулила. Собака любила Сэвэки. Однажды, когда Сэвэки ушел,

к собаке пришел авахи и говорит: «Если ты, парень, мне дашь изваяния человека, я сделаю тебя неустающей и неголодающей». Собака думала, думала и дала. Тогда же пришел Сэвэки и спросил: «Где фигурки, которые ты сторожила?». Тогда собака рассказала, как отдала [их авахи] и как авахи сделал ее неустающей и неголодающей. Тогда Сэвэки рассердился: «Теперь ты будешь ходить на ремешке, охватывающем твою шею». Прогнал ее. Кончилась дружба между ними.

3.

Алексей Максимович Дмитриев (Денгма), 1881 г. р., неграмотный, русским языком владеет плохо, якутского не знает. Сутам-Тында, 1947, чульманский говор.

Старший брат Христа был Сатана. Христос творил. Прежде медведь был человеком, собака была человеком. Оба караулили фигурки Христа, были его помощниками. Уходил Христос и дом караулила собака. Пришел Сатана и говорит: «Открой дом Христа». «Не открою», — говорит, потом открыла. Сатана впустил змею, и дал собаке шерсть за то, что открыла. Потом пришел домой Христос. «Что делал здесь Сатана?» — спросил [он]. Сатана одел собаку в шерсть. Христос, рассердившись, сказал: «Теперь будь ты собакой, бессловесной. Ешь плохое! Живи только десять лет. Носом нюхай, а ртом лай!». Медведю Христос сказал: «А ты спи полгода с бурундуком. Эвенков не трогай!».

Волк тоже был человеком. Христос сказал волку: «Ты будь хозяином в этом месте. Если проголодаешься, то ешь (людей) по одному!». Ворон тоже был человеком. Он сказал ворону: «Отправляйся туда и следи, ешь то, что убьет эвенк». Поэтому ворон ест то, что убьет его младший брат, и летает.

Земля, когда создавалась, была маленькой. Потом стала увеличиваться. Когда увеличилась, все сгорело. После пожара всюду была вода. Тогда и образовались реки и озера.

4.

Данила Степанович Колесов (Бута). Грамотный, русским языком владеет хорошо, якутского не знает. Алгома, 1947; учурский говор.

Вначале был мировой потоп. Когда стал подходить этот потоп, человек, по имени Ной, сделал баржу. Старший брат Сэвэки — Авахи — сделал баржу из железа. Когда пришел потоп, люди вошли в железную баржу. В ноеву не вошли, говоря: «Маленькая». Во всем мире-Сивире стала вода. На этой воде баржа Авахи затонула, и люди умерли. Баржа Ноя с небольшим количеством людей осталась цела. От оставшихся и стал корень людей, рос и размножался.

5.

Почему человек голый? Прежде человек был покрыт шерстью. Так живя, проголодавшись съел бруснику. От того, что ел, шерсть выпала. Поэтому и стал голым, без шерсти.

6.

Почему кулик [бекас], взлетев, камнем падает вниз? Давно кулик просил у Сэвэки дать яйца. «Если не дашь, повешусь на дереве», — говоря, падал вниз: «Ведь дал же ты утке-чирку двадцать яиц!» — говорит. С тех пор, поднявшись вверх, камнем падает вниз.

7.

Почему рябчик маленький? Когда-то Никола-Сэвэки ехал на лошади. Во время его езды рябчик выпорхнул. Конь испугался. «И я испугался. Теперь всех заставим пугаться», — сказал (Никола) и взял [белое] мясо у рябчика. Отбавленное мясо он раздал крылатым. Дал и рыбе на щеку. Вот и стал рябчик маленьким и летает с шумом.

8.

Почему у птички выросло на голове черное оперение? [Птичка] начала драться с мышкой. Мышь собрала [часть] шкурки с ее головы. Оторвала и забралась в дупло. А птичка потянула ее за хвост. Поэтому хвост мыши стал без шерсти, а у птички на голове черное оперение.

9.

Почему рыбы-камбалы плоские? Давно когда-то Христос был Сэвэки. Он ел эту рыбу на обед. Половину съел, половину бросив, притопнул. Поэтому плоской стала.

10.

Почему красные глаза у глухаря? Это он плакал, когда птицы улетали [на юг]. Чтобы [он] не полетел за ними, лебеди дали ему белые перья. Поэтому он и остался. Всегда живет в одном месте и зимой, и летом.

11.

Почему рябчик-глухарь глупый? Давно Сэвэки созвал птиц на собрание. А тот, не слыша приглашения, на берегу реки сидел и не пришел на собрание. За эту провинность Сэвэки одел ему ошейник. Поэтому, рябчик-глухарь, будучи глупым, попадается в петлю.

12.

Почему у гагары лапы направлены назад? Птицы устроили собрание. На этом собрании селезень поругался с вороном. Выбрали себе хозяином лебедя. Журавль: «Я буду хозяином, — говорит, — я большой». Тогда гагара и утка: «Ты ешь плохое, поэтому не годишься в хозяева», — сказали. Журавль, рассердившись, пнул ногой утку и гагару. Таким образом утка и гагара благодаря удару стали плохо ходить по земле (так ударенное им таща). Поэтому, у гагары ноги направлены обратно и она [плохо] ходит [по земле]. Птицы же выбрали хозяином лебедя.

СОДЕРЖАНИЕ

Агния Васильевна Романова
Анна Николаевна Мыреева

ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ

Утверждено к печати
Якутским филиалом
Сибирского отделения АН СССР

Редактор издательства *И. Н. Королева*
Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *О. А. Мокеева*
Корректоры *Ж. Д. Андронова* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 25/V 1971 г. Подписано к печати 10/XI 1971 г. Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$. Печ. л. $20^3/_4 =$ = 20.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.40. Изд. № 4431. Тип. зак. № 308. М-08655. Тираж 2300. Бумага № 2.
Цена 1 р. 45 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12